

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений. Том 60.
Письма 1856–1862

Государственное издательство
художественной литературы, 1949

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:
[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 60-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной
[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, сообщите нам на
report.tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с главным партнером – компанией АБВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АБВУУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая

У 224
67

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:
Н. К. ГУДЗИЯ, Н. П. ГУСЕВА, М. М. КОРНЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
И. С. РОДИОНОВА и **М. А. ЦЯВЛОВСКОГО**

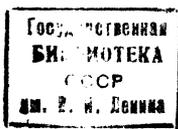
ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ: Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО, В. С. КРУЖКОВА,
А. М. НАНКРАТОВОЙ, А. А. ФАДЕЕВА и М. А. ШОЛОХОВА

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
И И С Ь М А

Т О М
60

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1949

Перепечатка разрешается безвозмездно

50-46182

П И С Ь М А
1856 — 1862

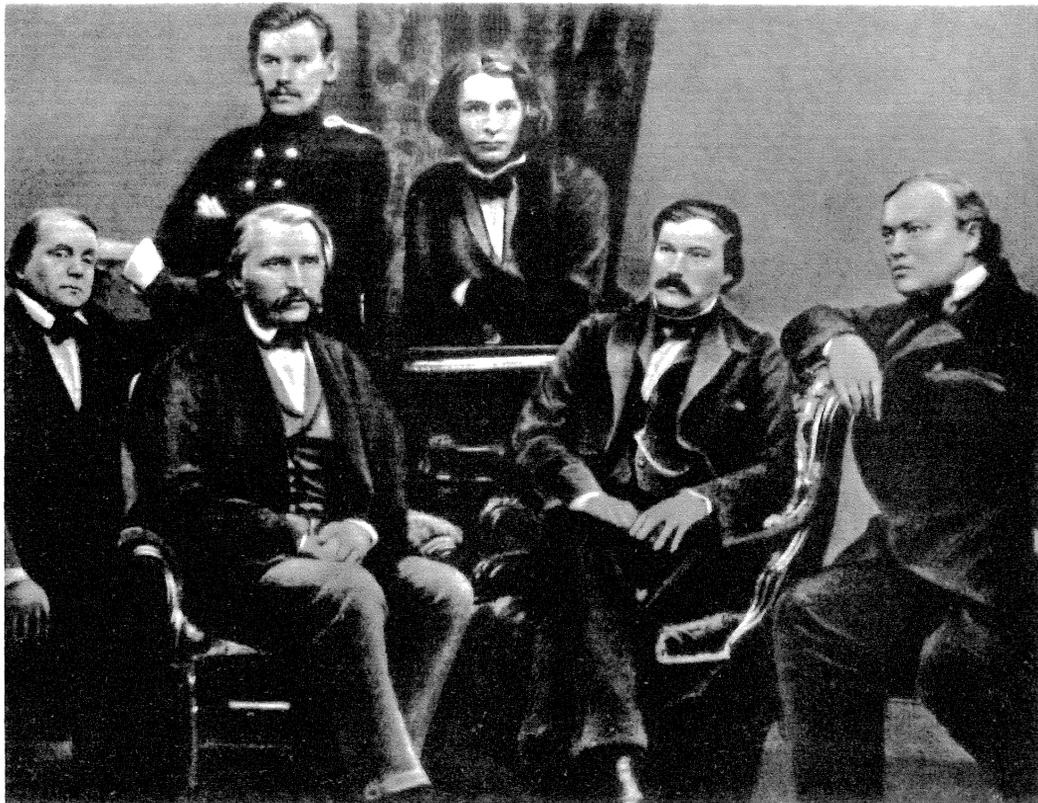
**ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ**

М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

О. В. ВОРОНЦОВОЙ-

ВЕЛЬЯМИНОВОЙ

и Н. С. РОДИОНОВА

ГРУППА ПИСАТЕЛЕЙ, февраль, 1836 г.

Стоят: Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович

Сидят: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, А. Н. Островский

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТИДЕСЯТОМУ ТОМУ

Среди богатейшего эпистолярного наследия Л. Н. Толстого письма, собранные в шестидесятом томе, займут значительное место. Они охватывают семилетний период (1856—1862), один из важнейших в жизни великого писателя. Эти годы насыщены напряженными идейными и творческими исканиями Толстого, исход которых в значительной мере определил дальнейшую судьбу писателя.

Со страниц настоящего тома как бы возникает образ живого Толстого, ибо письма наряду с Дневником по самому своему жанру отличаются предельной безыскусственностью, они в наибольшей степени запечатлевают черты живой личности писателя. Толстой предстает здесь во всем богатстве своих общественных, литературных, семейно-дружеских отношений и связей. Письма родственникам и друзьям, литературным единомышленникам и министрам, писателям и политическим деятелям, посвященные актуальным общественным и литературным вопросам, содержащие ценные признания о своей творческой работе и жизни, впечатления от современности, сменяются одно другим, отражая многие грани богатой личности их автора.

Исследователь найдет в томе письма, имеющие исключительное значение для изучения литературно-эстетических взглядов писателя, его идейной эволюции, а также творческой истории «Люцерна», «Альберта», «Юности», рассказа «Три смерти», романов «Семейное счастье» и «Декабристы».

В томе впервые собрана воедино разбросанная по разным изданиям многообразная переписка Толстого с Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым, И. С. Тургеневым, А. И. Герценом, А. И. Островским, Д. В. Григоровичем, В. П. Боткиным,

Е. П. Ковалевским, А. А. Фетом, Б. Н. Чичериным, Д. А. Колбасиным и с другими лицами, ярко раскрывающая характер его отношений с современниками и круг его литературных и общественных интересов.

1

В конце 1855 г. Толстой приезжает из Севастополя в Петербург прославленным писателем и сразу же попадает в атмосферу предреформенного общественного оживления. Поражение паризма в Крымской войне развязало мощное крестьянское движение в стране. На очередь дня стал вопрос об освобождении крестьян. Бывшие защитники Севастополя не хотели оставаться на положении «крещеной собственности».

И не случайно именно в Севастополе у Толстого возникает мысль об освобождении крестьян. Помимо гуманных чувств, вызванных у него широким общением с крепостными крестьянами в солдатских шинелях и матросских бушлатах, решающее значение имели мотивы социального характера. Толстой пронизательно судит о причинах поражения русской армии, видя главную из них в существовании крепостнического строя. Он весь охвачен предчувствием больших общественных перемен, ожидающих Россию. Поэтому вполне естественно в его Дневнике появляются записи о невозможности «жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством».¹ Здесь одновременно выражены чувства большого гуманиста и социально мыслящего писателя.

30 марта 1856 г. Александр II, опасаясь нараставшего в народе возмущения против крепостничества, заявил московским дворянам о неизбежности освобождения крестьян. «Лучше отменить крепостное право сверху, — сказал он, — нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу».² Вскоре после этой речи «царя-освободителя» Министерство внутренних дел приступило к разработке частных проектов освобождения крестьян.

С этим совпала кипучая деятельность Толстого по подготовке своего проекта освобождения яснополянских крестьян.

¹ Т. 47, стр. 58.

² «Русская старина», 1881, № 2, стр. 228.

22 апреля 1856 г. он записывает в Дневнике: «Ничего не пишу. Мое отношение к крепостным сильно тревожит меня». На следующий день новая запись: «Вечер у Кавелина... Вопрос о крепостных уясняется. Приехал от него веселый, надежный, счастливый. — Поеду в деревню с готовым писанным проектом». 24-го утром Толстой «набросал конспекты проектов», а вечером слушал проект Кавелина и назвал его «прелестным». 25-го днем он уже у Милютина, который объяснил ему «многое и дал проект о крепостном праве... Написал для себя проект проекта и докладной записки». ¹

«Докладная записка» — это черновое письмо, адресованное министру внутренних дел С. С. Ланскому, в котором Толстой излагал условия освобождения своих крестьян. Его беспокоило то обстоятельство, что имение было заложено в Опекунском совете, поэтому он спрашивал, можно ли ему заключить с крестьянами «контракт», согласно которому он освобождает крестьян и дворовых от всех повинностей помещику, отдает им в полное распоряжение общины по 4¹/₂ десятины земли на тягло и обязует их платить в продолжение 30 лет по 5 рублей с десятины. Это письмо явилось итогом как самостоятельных раздумий Толстого над крестьянским вопросом, так и тех бесед, которые он вел с либеральными деятелями реформы.

Таким образом Толстой на первых порах стремится теоретически «уяснить» для себя вопрос об освобождении крестьян, определить юридически-правовые нормы, на основе которых можно отпустить на волю три сотни своих крепостных. И на этом этапе нужными и полезными для него оказываются деятели «крестьянской реформы» — либералы К. Д. Кавелин и Н. А. Милютин, выступающие в роли главных консультантов Толстого по крестьянскому вопросу. Кавелин еще в марте 1855 г. составил «Записку об освобождении крестьян в России», в которой предусматривалось освобождение крестьян с наделением землей. Эта «Записка» и явилась, видимо, основой для его беседы с Толстым.

16 мая Толстой получает отставку, а 17-го уезжает в Москву, где попадает в среду Аксаковых, Хомяковых, Киреевских. Отвергая в целом доктрину славянофилов, отмечая ее схоластичность и ограниченность, писатель склонен признать наличие

¹ Т. 47, стр. 69.

в их учении «серьезных истин», таких, как «семейный быт, община». ¹

«Крестьянский вопрос» явился главной темой «спора Толстого с славянофилом К. Аксаковым и с западником С. Д. Горчаковым. Утверждение последнего, что «самый развратный класс крестьяне», ² вызвало горячий отпор писателя.

Таким образом в течение апреля и мая 1856 г. в Петербурге и Москве Толстой неотступно занят вопросом об освобождении крестьян. Он ознакомился со взглядами различных социальных групп на разрешение «крестьянского вопроса».

Немедленно по возвращении в имение Толстой занялся практическим разрешением вопроса об освобождении своих крестьян. Он был убежден, что облагодетельствует своих крестьян, но последние отнеслись к его «проекту» холодно и не дали никакого определенного ответа, а дальнейшие настойчивые попытки Толстого перевести их с барщины на оброк или добиться заключения с крестьянами «контракта» вызвали в их среде все более и более нараставшее чувство сопротивления и враждебности к барину. И он с раздражением заносит в Дневнике: «Не хотят свободу». ³ Крестьяне же, твердо убежденные, что «в коронацию все крепостные получают свободу» и, может быть, всю помещичью землю без всякого выкупа, видели в его предложениях «одно желание обмануть, обокрасть их». ⁴ Через каких-нибудь десять дней от веры Толстого в спасительные «проекты» не осталось и следа.

В непосредственном общении с крестьянами писатель остро почувствовал, что над дворянством нависла угроза новой пугачевщины. В этой атмосфере и возникло письмо к Д. Н. Блудову, в котором с исключительной яркостью были выражены политические взгляды Толстого-пятидесятника, его сословно-дворянские интересы. В нем вызывают протест крестьянские притязания на всю помещичью землю, выраженные в формуле: «Мы ваши, а земля наша», он готов согласиться лишь на частичную передачу земли крестьянам, да и то за выкуп. «Деспотизм помещиков породил уже деспотизм крестьян; когда мне говорили на сходке, чтобы отдать им всю землю, и я говорил, что тогда

¹ Т. 47, стр. 70.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, стр. 79.

⁴ Т. 5, стр. 255.

я останусь без рубашки, они посмеивались, и нельзя обвинять их, так должно было быть».

По мысли писателя, «историческая справедливость» требует сохранения собственности на землю за помещиками.

Естественно, что яснополянские мужики отвергли все его «предложения». Толстой растерян и напуган упорным сопротивлением мужиков, ему чудится уже «изменническая рука», которая может с минуты на минуту подложить «огонь бунта», и тогда все здание дворянско-сословной монархии будет охвачено пожаром восстания. Он винит во всем правительство, которое «обходит» этот первостепенной важности вопрос. Для спасения дворянства необходимо скорейшее освобождение крестьян. «Теперь не время думать о исторической справедливости и выгодах класса, нужно спасать всё здание от пожара, который с минуты на минуту обнимет его. Для меня ясно, что вопрос помещикам теперь уже поставлен так: жизнь или земля». По мнению писателя, необходимо возможно скорее «определить» собственность земли за помещиками и освободить крестьян без земли: «время не терпит». «Ежели в 6 месяцев крепостные не будут свободны — пожар».

«Истинь» славянофилов, месяц назад казавшиеся Толстому «серьезными», теперь тускнеют в его представлении; он постигает, что славянофильские понятия «община», «мир» лишены какого-либо реального содержания, живой русский мужик далек от пряничного мужика славянофилов. «Уж поговорю я с Славянофилами, — сообщает он Некрасову 12 июня 1856 г., — о величии и святости сходки *мира*. Ерунда самая нелепая».

Но и советы «умных», либералов Кавелина и Милютина, несколько не помогали разрешению вопроса. «Как я занялся делом в подробности и увидел его в приложении, — писал Толстой Ковалевскому 1 октября 1856 г., — мне совестно вспомнить, что за гиль я говорил и слушал в Москве и Петербурге от всех *умных* людей об эманципации... Вопрос стоит вовсе не так, как полагают *умные*: как решить лучше?.. а как решить скорее?»

Толстому в высшей степени было присуще понимание возможности народного восстания против крепостничества. Отсюда у него такой взволнованный и тревожный тон и в письмах и в разговорах при встрече с друзьями и знакомыми этой поры.

Мысль о восстании, видимо, беспокоила его постоянно. 8 января 1857 г. он делает характерную запись в Дневнике, направленную в адрес правительства: «Помянут мое слово, что через 2 года крестьяне поднимутся, ежели умно не освободят их до этого времени». ¹ Эти предположения Толстого не являлись простым отражением боязни за судьбы дворянства — они свидетельствовали об огромной социальной чуткости писателя, потому что в стране действительно назревала революционная ситуация. Он видел, что жизненные интересы крестьян, их сокровенные чаяния, их самые глубокие и давние стремления к свободе органически сочетаются с желанием получить помещичью землю. В пятидесятые годы Толстой не разделял крестьянских интересов, напротив, он выступал с защитой дворянско-сословных интересов, и его оппозиционные «выпады» против правительства шли в этом же направлении.

31 августа 1858 г. Александр II, будучи в Москве, принял представителей московского дворянства и, напомнив им о своей речи, произнесенной более двух лет назад, выразил неудовольствие медленными действиями московского дворянства в деле подготовки освобождения крестьян.

Несколько месяцев спустя, а именно 12 декабря 1858 г., Толстой напишет «Записку о дворянском вопросе» и, никому не показывая ее, сожжет. По дошедшему до нас черновому наброску мы можем заключить о причинах, побудивших его уничтожить записку.

Записка была написана в резко полемическом тоне. Толстой защищал дворянство от обвинений царя. По его мнению, дело освобождения крестьян было подготовлено исторически только усилиями «образованного сословия». «Только одно дворянство со времени Екатерины готовило этот вопрос и в литературе, и в тайных и не тайных обществах, и словом и делом. Одно оно посылало в 25 и 48 годах, и во всё царствование Николая, за осуществление этой мысли своих мучеников в ссылки и на виселицы, и несмотря на всё противодействие правительства, поддержало эту мысль в обществе и дало ей созреть так, что нынешнее слабое правительство не нашло возможным более подавлять ее». ²

¹ Т. 47, стр. 109.

² Т. 5, стр. 268.

В этой тираде следует выделить необычную для Толстого, но крайне примечательную апелляцию к дворянским революционерам, борцам с крепостничеством.

Вспоминая дворянских революционеров в момент интенсивной подготовки «реформы», писатель воздавал должное их заслугам в деле освобождения народа от крепостничества, но он ошибался, когда в полемическом плане, противопоставляя дворянство царю, писал, что «не он, а дворянство подняло, развило и выработало мысль освобождения», забывая при этом о народе, самом главном и последовательном борце против крепостничества. «Записка» оканчивалась знаменательными строками, написанными в крайне язвительном тоне: «Ежели бы к несчастью правительство довело нас до освобождения снизу, а не сверху, по остроумному выражению государя императора, то меньшее из зол было бы уничтожение правительства».¹ Однако резкость постановки вопроса скорее характеризовала крайнюю степень раздражения, но не определяла его политических убеждений; это и явилось, видимо, главной причиной уничтожения «нецензурной» записки. В письмах и дневниковых записях писателя этой поры, напротив, преобладали высказывания, свидетельствовавшие о том, что он являлся принципиальным противником насильственных методов разрешения социальных вопросов.

Мы задержались на характеристике отношения Толстого к «крестьянскому вопросу» потому, что общественно-политическая позиция писателя определяла его место и роль в литературно-политической борьбе эпохи, своеобразно окрашивала его литературно-эстетические высказывания, обуславливала проблематику художественного творчества и даже его читательские вкусы, симпатии и антипатии.

2

21 ноября 1855 г. Толстой, приехав в Петербург и остановившись у Тургенева, сразу же попал в среду писателей, объединенных вокруг одного из лучших журналов эпохи — «Современника». С Некрасовым он уже переписывался до встречи и знал высокое мнение поэта о своем таланте. Турге-

¹ Т. 5, стр. 270.

нев также писал Толстому и выражал желание познакомиться с ним. На следующий день Толстой на обеде у Некрасова знакомится с А. В. Дружининым, 2 декабря — с И. И. Панаевым, 15 декабря — с В. П. Боткиным, в конце декабря — с П. В. Анненковым.

Из всех писателей и критиков круга «Современника» особое значение для выяснения литературно-эстетических взглядов Толстого пятидесятых годов имеют его отношения с Дружининым, Боткиным, Анненковым, и главным образом с двумя первыми. В течение всего 1856 г. Толстой постоянно встречается с ними. В письме к В. П. Боткину 20 января 1857 г. он говорит, что есть у него свой «бесценный триумвират: Боткин, Анненков и Дружинин, где чувствуешь себя глупым от того, что слишком много понять и сказать хочется». Писатель Елисей Колбасин, сообщая в письме к Тургеневу, что «Дружинин теперь звезда первой величины», писал: «Толстой просто на него чуть не молится. Благоговение, которое он питает к Дружинину как критику, комично в высшей степени». ¹ И действительно, Толстой не только читает и расхваливает статьи Дружинина, но, может быть бессознательно для себя, воспроизводит их фразеологию в своих письмах этой поры. Он направляет Дружинину рукопись новой повести «Юность» и решение вопроса о ее дальнейшей судьбе ставит в прямую зависимость от его критической оценки. Естественно, что такой пиетет со стороны Толстого льстил Дружинину, и он продолжал с ним все больше и больше сближаться. «Чем больше узнаю я и его и его талант, — писал Дружинин Тургеневу, — тем более я к нему привязываюсь. Вот настоящая юная и сильная натура, русская, светлая, привлекательная и в капризах и в ребячествах». ² В таком же тоне говорит и Боткин о своем отношении к Толстому. Он просит Некрасова: «Поклонись Толстому: я чувствую к нему какую-то нервическую, страстную склонность». ³

Но что мог получить Толстой от общения с этими литераторами, которых он восторженно именуется своим «бесценным триумвиратом»?

¹ «Тургенев и круг «Современника», М.—Л. 1930, стр. 299, 2/XII 1856 г.

² Там же, стр. 193, 13/X 1856 г.

³ «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 189.

Литературно-эстетическая позиция этой группы дворянских либералов с особой яркостью раскрылась в ходе полемики о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе, которая внесла резкое размежевание в лагерь «Современника», наметившееся, впрочем, раньше, в связи с появлением в печати в 1855 г. магистерской диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Диссертация Чернышевского явилась подлинным манифестом материалистической эстетики, она утверждала новые демократические принципы развития искусства, говорила об его огромной общественно-преобразующей роли в жизни.

Естественно поэтому, дворянское крыло «Современника» встретило диссертацию Чернышевского с нескрываемой враждебностью, а на ее автора был обрушен поток самой низменной ругани. Противники Чернышевского, однако, не ограничивались только шумным выявлением своих «чувств», они стремились оказать давление на Некрасова, с тем чтобы он согласился на замену Чернышевского Ап. Григорьевым, более близким им критиком. В. П. Боткин писал Некрасову: «Сегодня был у меня Аполлон Григорьев — он не прочь от участия в «Современнике», но с тем, чтобы Чернышевский уже не участвовал в нем... При твоём контроле Григорьев был бы кладом для журнала... Притом он во всем нам ближе Чернышевского». ¹ Тем временем Дружинин взывал к Тургеневу, умоляя его занять более твердую позицию в отношении Чернышевского; он настаивал на том, чтобы Тургенев, Толстой и Боткин «стали господами в журнале, отодвинувши как можно подальше всю его редакцию». ²

Однако все попытки Дружинина, Боткина, Тургенева вытеснить Чернышевского из «Современника» не имели успеха. Некрасов по своим политическим симпатиям шел в одном русле с революционными демократами, поэтому он в период наиболее острых нападок на Чернышевского передал ему редактирование «Современника».

Дружинин еще осенью 1855 г. перешел в «Библиотеку для чтения», намереваясь как редактор сколотить около этого журнала блок против «Современника». Тургенев связывал

¹ «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. 92—93.

² «Тургенев и круг «Современника», стр. 206, 26/11857 г. •

с этим большие надежды. «Я много жду от «Библиотеки для чтения» под его командой»,¹ — писал он Боткину. Но журнал с приходом Дружинина, глубоко чуждого демократическим идеалам современности, начал выходить с аполитичным лозунгом на обложке: «ohne hast, ohne rast» (без поспешности, без отдыха), и «Библиотека для чтения» вскоре стала сереньким, бесцветным изданием, что дало основание тому же Тургеневу назвать ее впоследствии «темной и глухой дырой».²

Все эти события литературной жизни были хорошо известны Толстому, и он относился к ним далеко не безучастно. В пору своих неудач с разрешением «крестьянского вопроса», 2 июля 1856 г., он написал злое письмо Некрасову, в котором выразил недовольство тем, что редактор «Современника» упустил из журнала Дружинина и высказал свое резкое нерасположение к Чернышевскому. «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть *возмущенным, желчным, злым* очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому, что человек *желчный, злой*, не в нормальном положении».

Некрасов, отвечая Толстому, справедливо писал о том, что «здоровые отношения могут быть к здоровой действительности», а русская действительность такова, что дает немало поводов для «искренней злости». Он убеждал Толстого не гасить эти чувства в себе, напротив, «когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину», — в этом была заключена другая концепция, другое решение вопроса об отношении к действительности, характерное для революционной демократии. И если Толстой решал проблему в плане личного самоусовершенствования, развития добрых чувств, то Некрасов высказывал мысль о необходимости преобразования самой действительности.

В разгар борьбы либералов против революционно-демократической линии в развитии «Современника» Чернышевский выступил с циклом статей под общим названием «Очерки

¹ Сборник «XXV лет», стр. 493—494.

² «Вестник Европы», 1855, 4, стр. 496.

гоголевского периода русской литературы». ¹ В этой работе он наносил новые сокрушительные удары по теории «чистого искусства» и идеалистической эстетике, высказывая мысль, что «исключительно идеей прекрасного» не создано ни одного значительного произведения. При рассмотрении литературно-критического наследия прошлого он главное внимание уделяет центральной фигуре сороковых годов — В. Г. Белинскому. Характеризуя этапы философской и эстетической эволюции великого критика, Чернышевский, как идейный наследник и продолжатель его дела, глубоко разрабатывает материалистические идеи Белинского последнего периода, когда его критика «все более и более проникалась живым интересом нашей жизни...» ² По его мнению, только литература передовых демократических идей, связанная с жизнью народа, могла выполнить свою роль одной «из главных сил» в общественном развитии.

Е. Я. Колбасин сообщал Тургеневу, что «Очерки гоголевского периода русской литературы» произвели «остервенелое бешенство на Боткина и Анненкова». ³ И это естественно, ибо они фальсифицировали идейное наследие великого критика, стремились загримировать Белинского под дюжинного либерала, совершенно под стать себе, Чернышевский же раскрывал революционно-демократическое и социалистическое содержание учения Белинского — в этом и состоял пафос его «Очерков».

Наиболее фанатичный защитник «чистого искусства» А. В. Дружинин призывал писателей не помнить «зла в жизни» и прославлять «одно благо». ⁴ Таким образом, критик давал решение проблемы соотношения искусства и жизни, диаметрально противоположное тому, которое было развито Чернышевским в своих работах, не «приговор» о явлениях жизни, а восхваление ее, какова бы она ни была — вот задача искусства в его понимании. В статьях Дружинина звучал откровенный призыв к примирению с действительностью, к отказу от разработки в литературе социальных проблем, к безидейности

¹ «Современник», 1855, № 12, 1856, №№ 1, 2, 4, 7, 9—12.

² Н. Г. Чернышевский, «Избранные философские произведения», М.—Л. 1938, стр. 473.

³ «Тургенев и круг «Современника», стр. 284, 18/X 1856 г.

⁴ А. В. Дружинин, Собр. соч., Спб. 1865, т. VII, стр. 59, 60.

искусства. В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наше к ней отношение»¹ Дружинин пытался полемизировать с «Очерками» Чернышевского. Однако его статья, содержащая откровенно реакционные утверждения, не шла ни в какое сравнение со статьями Чернышевского и даже среди лиц, сочувствовавших ему, она получила самую резкую оценку. «...От нее веет холодом и тусклым беспристрастием, — писал Тургенев Колбасину, — этими искусно спеченными пирогами с «нетом» никого не накормишь».²

3

В литературной полемике пятидесятых годов, в спорах о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе, в борьбе вокруг наследства Белинского Толстой выступает вместе с «триумvirатом» против Чернышевского. Оформлявшееся в эти годы этическое учение Толстого отдельными своими сторонами несомненно было близко эстетическим теориям «триумvirата». Толстой решает умышленно искать в жизни «всего хорошего, доброго» и отворачиваться от «дурного», он полагает, что «можно ужасно многое любить не только в России, но у Самоедов».³ Эта проповедь всеобщей любви носила откровенно реакционный характер, означала отказ от борьбы с социальной несправедливостью. В связи с этим ему, естественно, не нравилось, что современные читатели «Гоголя любят больше Пушкина».

Следует сказать, что сам Толстой, чтобы лучше разобраться в происходящей литературно-политической борьбе, все лето 1856 г. перечитывает в новых изданиях Пушкина и Гоголя и поверяет своему Дневнику впечатления от прочитанного. 31 мая он записывает: «Прочел Дон Жуана Пушкина. Восхитительно. Правда и сила, мною никогда не предвиденная в Пушкине».⁴ В майской записной книжке за этот же год мы найдем запись и о Гоголе, отразившую размышления Толстого

¹ «Библиотека для чтения», 1856, №№ 11 и 12.

² Первое собрание писем И. С. Тургенева, Спб. 1884, стр. 37, 14/XII 1856 г.

³ См. в настоящем томе письмо Е. П. Ковалевскому от 1/X 1856 г., № 26.

⁴ Т. 47, стр. 78. См. также в настоящем томе письмо М. Н. Толстой от 5/VI 1856 г., № 13.

о разных типах писателей, об условиях популярности автора, которая определялась, по его мнению, степенью «любовного» отношения писателя к своим героям. Теккерей и Гоголь не любят своих героев, оттого они «верны, злы, художественны, но не любезны». ¹ В дальнейшем записи о чтении Пушкина и Гоголя, перемежающиеся заметками об «упорстве» мужиков, не желающих принимать его предложений, продолжают, но они не меняют общей линии оценок Толстого, хотя и осложнены неприятием некоторых произведений Пушкина ² и восторженным отзывом о Гоголе: «Читал Мертвые души с наслаждением»; ³ решающим остается любовь к Пушкину и нерасположение к «злому» Гоголю, характерное и для его литературных друзей.

Продолжавшееся сближение Толстого с «триумvirатом» очень тревожило Чернышевского и Некрасова. Чернышевский видел в Толстом большого художника и не без основания опасался, как бы «литературные гастрономы» не погубили его талант, поэтому он старался воздействовать на писателя, чтобы «получить над ним некоторую власть, а это было бы хорошо и для него и для «Современника». ⁴

Некрасов в свою очередь убеждал Толстого не изменять обличительному направлению, идущему от Гоголя, разрабатывать демократическую тематику в своих произведениях. «В нашем отечестве, — писал он Толстому, — роль писателя — есть прежде всего роль учителя и по возможности заступника за безгласных и приниженных». ⁵

Однако Толстой оставался маловосприимчивым к этим призывам. После отъезда Некрасова за границу и перехода редактирования журнала к Чернышевскому он записывает в Дневнике: «Редакция «Современника» противна». ⁶ «Очерки гоголевского периода русской литературы» он презрительно назы-

¹ Т. 47, стр. 178.

² 8 июня Толстой, закончив чтение 2-й и 3-й частей сочинений Пушкина в издании Анненкова, записал в Дневнике: «Цыгане прелестны, как и в первый раз, остальные поэмы, исключая Онегина, ужасная дрянь» (т. 47, стр. 79).

³ Там же, стр. 87.

⁴ «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым», М.—Л. 1925, стр. 36. Письмо Некрасову от 5/II 1856 г.

⁵ Некрасов, Соч., т. V, письма, М. — Л. 1930, стр. 257, 3/IX 1856 г.

⁶ Т. 47, стр. 98, 8/XI 1856 г.

вает «тухлыми яйцами». ¹ Е. Колбасин сообщает Тургеневу, что у Толстого «озлобление адское» против Чернышевского и «доверия ни на грош» ² к нему как к редактору «Современника».

Некрасову это известно, и своими грустными раздумьями он делится с Тургеневым: «Что сказать о Толстом, право не знаю... Панаева он не любит... при нынешних обстоятельствах естественно литературное движение сгруппировалось около Дружинина — в этом и разгадка. А что до направления, то тут он мало понимает толку. Какого нового направления он хочет? Есть ли другое — живое и честное, кроме обличения и протеста?.. Больно видеть, что Толстой личное свое нерасположение к Чернышевскому, поддерживаемое Дружининым и Григоровичем, переносит на направление, которому сам доньше служил и которому служит всякий честный человек в России». ³

Вероятно, под свежим впечатлением некрасовского письма Тургенев, и ранее относившийся отрицательно к сближению Толстого с Дружининым, в письме к Толстому выражает надежду на скорое разочарование его в этом воплощении «элегантной и джентльменской воздержанности». ⁴ Имея в виду враждебность Толстого к Белинскому, педшую в значительной мере от Дружинина, Тургенев горячо и взволнованно защищает перед ним великого критика. Он резонно указывает на то, что Толстой не застал времени Белинского, не пережил того огромного благотельного влияния, которое критик оказывал на всех своих современников, поэтому он и не может быть справедливым судьей «заслугам Белинского». Тургенев одобряет «Очерки» Чернышевского, значительная часть которых была посвящена Белинскому, он пишет прочувствованные строки о великом критике, «который и радовался, и страдал, и жил в силу своих убеждений». ⁵ Тургенев в данном случае помогал Чернышевскому и Некрасову в борьбе за Толстого.

Эту задачу Чернышевский отчасти преследовал и в своих литературных выступлениях. Информирова Некрасова о составе двенадцатого номера «Современника» за 1856 г., он писал: «В критике — конец моих «Очерков» и моя статейка о «Детстве»,

¹ См. ТТП, стр. 28.

² «Тургенев и круг «Современника», стр. 297, 27/XI 1856 г.

³ Некрасов, Соч., т. V, стр. 273—274.

⁴ ТТП, стр. 23.

⁵ Там же.

«Отрочестве» и «Военных рассказах» Толстого, написанная так, что, конечно, понравится ему, не слишком нарушая в то же время истину». ¹ Эта статья не могла не понравиться Толстому: она была проникнута чувством уважения к таланту писателя и давала изумительно верную и тонкую оценку его особенностей. Возможно, что она и вызвала у Толстого известные чувства симпатии к Чернышевскому. 18 декабря 1856 г. он поехал к Панаеву, «там Чернышевский, мил». А 11 января 1857 г. новая запись в Дневнике: «Пришел Чернышевский, умен и горяч». ² Однако на этом основании нельзя говорить о каком-то идейном сближении Толстого с Чернышевским, нет, он попрежнему смотрел на него как на представителя другого лагеря, да и в самих записях Толстого преобладают категории чисто эмоционального восприятия личности критика («мил», «горяч»). Сам Чернышевский в письме к А. Н. Пышину из Виллюйска в ответ на предложение последнего написать воспоминания о писателях круга «Современника», выделив из этой группы Тургенева, о Писемском, Островском и Толстом сказал: «Мы знали друг друга в лицо, бывали в одних комнатах — вот и все». ³

Литературно-политическая борьба эпохи самым непосредственным образом воздействовала на Толстого, для которого вопросы искусства приобретают в 1856—1858 гг. исключительную злободневность. Он садится за чтение Белинского. 26 декабря 1856 г. Дружинин сообщал Тургеневу, что Толстой «для того, чтобы понять все наше литературное движение, собирается перечитать все статьи Белинского». ⁴

Чтение Белинского оставило глубокий след в творческом сознании Толстого. Оно помогло ему лучше понять и современную литературную жизнь с ее страстной борьбой за утверждение демократических идеалов.

Однако из этого не следует делать далеко идущих выводов. Чтение Белинского несомненно вызвало надлом в отношениях

¹ «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», II, стр. 347.

² Т. 47, стр. 105, 110.

³ «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», II, стр. 569.

⁴ «Тургенев и круг «Современника», стр. 2. Д. П. Маковицкий в своих невзданных «Яснополянских записках» 6 октября 1907 г. записал характерное признание Толстого, относящееся к этой поре. Толстой сказал, что Белинский служил одним из пунктов его «разногласий с Тургеневым» и что он читал статьи критика «только для того, чтобы с Тургеневым мог говорить про него».

Толстого со своими литературными друзьями, но не принесло ему освобождения из плена их эстетических теорий, которые довели над его сознанием еще в течение более двух лет. Если Дружинин в его глазах потускнел, оставался Боткин, который не менее упорно проповедывал теорию «чистого искусства». В конце 1856 г. Панаев писал Тургеневу: «Толстой дошел до того, что уверяет, будто шапка, описанная художественно, лучше, чем статья Щедрина... в «Современнике». Если бы издавать журнал по вкусу Толстого, он превратился бы мгновенно в литературный труш». ¹

Глубина расхождений эстетических позиций Толстого и революционных демократов с особой наглядностью раскрывается на их полярном истолковании назначения литературы, искусства в жизни. Чернышевский требовал от литературы активной защиты интересов народных масс, разъясняя, что произведения искусства призваны не бесстрастно протоколировать явления жизни, а судить их, утверждать демократические идеалы. Некрасов в свою очередь видел в русском писателе убежденного поборника интересов народа, он отводил ему высокую и благородную роль «заступника за безгласных и приниженных». ² Толстой же, как бы полемизируя с основополагающими тезисами эстетической теории Чернышевского и Некрасова, записывал в своем Дневнике: «Евангельское слово: не суди глубоко верно в искусстве: рассказывай, изображай, но не суди» ³. Это утверждение объективистского отношения к жизни, этот идеал писателя-летописца, который, «добру и злу внимая равнодушно», создает произведения, очень милые для чтения, было глубоко чуждо всей материалистической эстетике революционных демократов, проникнутой духом страстной заинтересованности в жизни, духом неукротимой борьбы за воплощение народных идеалов.

Разумеется, эти эстетические «откровения» Толстого доходили до Чернышевского и вызывали в нем бурный взрыв негодования против его «литературных аристархов», «пошлые понятия» ⁴ которых об искусстве он усвоил. Великий критик, однако, был уверен в том, что Толстой со временем более серьезно будет

¹ «Тургенев и круг «Современника», стр. 60, 6/XII 1856 г.

² Некрасов, Соч., т. V, стр. 257, 3/IX 1856 г.

³ Т. 47, стр. 213, 10/IV 1857 г.

⁴ «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», II, стр. 360.

смотреть на жизнь, иначе будет относиться к задачам искусства. Узнав об отъезде Толстого за границу, Чернышевский в письме к Некрасову выражал надежду на то, что путешествие, может быть, «собьет» с него «ту умственную шелуху, вред которой он, кажется, начал понимать». ¹ Получив, видимо, ряд благоприятных сообщений от Некрасова, Чернышевский в письме к А. С. Зеленому, датированному 15 апреля 1857 г., то есть спустя три месяца после свидания с Толстым, вновь возвращается к вопросу о его убеждениях: «Толстой, который до сих пор по своим понятиям был очень диким человеком, начинает образовываться и вразумляться... и, быть может, сделается полезным деятелем». ² Этот процесс «вразумления» Толстого, под которым Чернышевский, видимо, понимал нарастание у него глубоко отрицательных суждений о современной политической жизни и известное сочувствие идеям демократии, нашел свое выражение в письмах и Дневнике писателя этой поры, а также в его памфлете «Люцерн». Но вместе с тем поездка за границу усилила стремление Толстого, возникшее еще во время общения со своими «литературными аристархами» истолковать искусство как своеобразный «монастырь», где можно и нужно спрятаться от «грязного потока» политической жизни. Наблюдая в Париже смертную казнь на гильотине, которая потрясла до основания все его верования, он испытывает отвращение к лживой и ханжеской буржуазной демократии и решает, что в этих условиях политической жизни только «законы искусства» дают «счастье всегда».

Боткин спешит уверить Толстого в правоте такого взгляда. «Из... современного политического и религиозного хаоса» он также видит «одно только спасенье — в мире искусства». Сообщая о своем чтении «Одиссеи» Гомера, он пишет: «Усладительная детская сказка, от которой веет чем-то успокоительным, умиряющим, гармоническим. Есть со мной и Илиада, тоже благодатный бальзам от современности». ³

По возвращении в Россию, наблюдая вновь «патриархальное варварство, воровство и беззаконие», Толстой только укреп-

¹ «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», стр. 354, 13/II 1857 г.

² «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым», стр. 125.

³ ТПТ, 4, стр. 27—28, 29/VI 1857.

ляется в своем глубоко отрицательном отношении к политической жизни. Он очень остро чувствует царящую в мире социальную несправедливость, но не находит путей для установления социальной гармонии, для защиты прав поруганной человеческой личности, ему кажется, что можно устранившись от борьбы с социальным злом, уйти от живой жизни за высокие «стены искусства»: «Благо, что есть спасенье — мир моральный, мир искусств, поэзии и привязанностей. Здесь никто, ни становой, ни бурмистр мне не мешают...»¹ Он следует рекомендации Боткина и всю осень 1857 г. читает Гомера тоже как «бальзам от современности». Но это была очередная иллюзия. Спаситься в искусстве от жизни было невозможно. Ровно через два месяца после этого письма к А. А. Толстой он пишет 18 октября 1857 г. ей же о происшедшей у него перемене («во взгляде на жизнь»). Смысл этой перемены заключался в решительном осуждении Толстым эгоистической «теории» спокойной жизни. «Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать, не торопясь, аккуратно всё только хорошее. Смешно! *Нельзя*, бабушка. Всё равно, как *нельзя*, не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым. Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». Это письмо является ярчайшим документом во всем эпистолярном наследии великого писателя; в цитированном отрывке из него с предельной остротой выражены черты подлинно ищущей личности, эти слова могут быть отнесены к таким героям романов и повестей Толстого, как Оленин, Пьер Безухов, князь Андрей, Нехлюдов.

Этические рассуждения Толстого в этом письме и близком к нему по теме письме к Боткину и Тургеневу (от 21 октября — 1 ноября 1857 г.) пронизывает плодотворная мысль о том, что в основе воспитания подлинно человеческого характера должна лежать борьба, труд; только победа над трудностями жизни приносит человеку настоящее удовлетворение, «одно законное счастье есть честный труд и преодоленное препятствие».

¹ См. в настоящем томе письмо А. А. Толстой от 18/VIII 1857 г., № 88.

Вместе с проповедью этического идеала вечно ищущего человека Толстой обращается к осмыслению важнейших проблем искусства. У него возникает замысел повести о бескорыстном талантливом слуге искусства, в окончательном своем виде получившей название «Альберт».

В ноябрьских и декабрьских письмах за 1857 г. к Некрасову содержатся ценные сведения о работе Толстого над этой повестью. «Альберт» является своеобразным трактатом об искусстве на языке искусства. На эту сторону своей повести Толстой обращал внимание Некрасова: «Это не повесть описательная, а исключительная, которая по своему смыслу вся должна стоять на психологических и лирических местах и потому не может нравиться большинству, в этом нет сомнения». В повести говорится о силе «заразительности» искусства, о его неограниченной власти над душой человека. Всех присутствующих в зале игра скрипача ошеломила, перенесла в совершенно другой мир. Альберт — это падший талантливый музыкант, он внешне непривлекателен, пьяница, но когда он играет, он весь преображается, становится властелином, он безраздельно отдается наслаждению искусством и покоряет других своей вдохновенной игрой. В заключительной главе повести художник Петров излагает в своей речи мысли об искусстве, близкие Толстому и всему кругу его литературных друзей. Он говорит о музыканте как о великом человеке, исполнившем в своей жизни «всё то, что было вложено в него богом». «Он счастлив, он добр. Он всех одинаково любит или презирает, что всё равно, а служит только тому, что вложено в него свыше. Он любит одно — красоту, единственно-несомненное благо в мире». В этом была заключена целая программа, которую пропагандировали в своих статьях Боткин и другие защитники теории «чистого искусства». Во второй редакции повести злободневный характер темы и близость ее к внутренним переживаниям Толстого были выражены еще резче. Герой повести Делезов, подобно Толстому, пытается спастись в искусстве от «всех жизненных противоречий». ¹

Воинствующая защита искусства от влияния «злобы дня» подкрепляется в повести трактовкой проблем художественного творчества в духе идеалистической эстетики. Поэты, артисты

¹ Т. 5, стр. 49.

далеки от вседневной суетной жизни, во всех своих замыслах и решениях они подчинены единственной инстанции — богу, он вложил в них «искру» творческого огня, поэтому они могут творить только в минуты «озарений» и, разумеется, «бессознательно». Все эти мысли Толстого находят опору в статьях Боткина. Последний в программной статье о стихотворениях А. Фета,¹ с которой Толстой познакомился еще в рукописи и назвал ее «поэтическим катехизисом поэзии», значительное внимание уделяет как раз вопросу о природе художественного творчества.

В соответствии с теорией «чистого искусства» процесс художественного творчества рисуется Боткиным как «невольный акт», как «невольное излияние души», как «бессознательное откровение». «Истинный поэт» свободен от всяких поучительных, общественных целей и задач и в своем творчестве «полон безотчетного стремления высказывать внутреннюю жизнь души своей». Жизнь души такого «избранника» определяется свыше, поэт выступает «как орудие таинственной, высшей силы», в той или другой форме воспроизводя «ее внушения».²

Разделяя эстетические теории своих «литературных аристархов», Толстой естественно очень раздраженно оценивает состояние современной русской литературы; его давнее нерасположение к сатире находит свое выражение в резкой неприязни к Шедрину, который был в эти годы самым популярным писателем. Толстой признается, что продолжает сохранять верность знамени «триумvirата». «Дружинин непоколебим. Про себя могу сказать, что я тоже не изменил своего взгляда, но у меня в том меньше заслуги».

Однако как писатель он ощущает себя выбитым из седла, новое направление литературы поддерживается другими людьми, а он и его «старые знакомые» оказались в стороне от столбовой дороги развития русской литературы. Толстого утешает только то, что у него есть другая опора в жизни, кроме литературы, более прочная — Ясная Поляна, есть другие занятия, кроме писания — ведение хозяйства. Он решительно восстает против профессионализации писателя. «Слава богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть

¹ «Современник», 1857, № 1.

² В. Боткин, Соч., т. II, Спб. 1891, стр. 361, 362, 364.

только литератор, — писал он Боткину 1 ноября 1857 г. — Это было не в моей натуре. Нельзя из литературы сделать костыль, хлыстик, пожалуй, как говорил В. Скотт. Каково было бы мое положение, когда бы, как теперь, подшибли этот костыль. *Наша* литература, т. е. поэзия, есть, если не противузаконное, то ненормальное явление (мы, помнится, спорили с вами об этом) и поэтому построить на нем всю жизнь — противузаконно».

Тем не менее Толстой еще не отказывается от литературы. Резко осуждая «небывалый кавардак», который был поднят в русском обществе «вопросом эмансипации», вызвавшим крайнее возбуждение политических страстей, он с грустью вынужден заметить: «Изыщной литературе положительно нет места теперь для публики». Он не на шутку встревожен судьбами искусства, опасаясь того, что «политический грязный поток» может «загадить» его. Поэтому Толстой спешит убедить Боткина в необходимости организовать с привлечением Тургенева и Фета издание чисто художественного журнала, призванного спасти гибнущее искусство. По замыслу Толстого, журнал должен стоять выше всех направлений, не вмешиваться в полемику совершенно, не считаться с запросами публики. «Цель журнала одна: художественное наслаждение, плакать и смеяться. Журнал ничего не доказывает, ничего не знает. Одно его мерило — образованный вкус».

У Тургенева идея издания журнала, посвященного «исключительно художеству», встретила сдержанный прием: он в это время думал «об основании журнала, исключительно посвященного разработке крестьянского вопроса». ¹ Боткин, мало веря в успех журнала, отнесся отрицательно к затее Толстого. Дружинин же, сообщая Толстому о согласии Анненкова, Майкова и других принять участие в новом журнале, тут же писал, что большинство из них «клонит к аренде» «Библиотеки для чтения», что совершенно не устраивало Толстого; он думал, что новый журнал должен быть действительно новым, «без составившегося о нем мнения». ² Журнал так и не состоялся.

Мысль об издании чисто художественного журнала была последней неудавшейся попыткой соединения всей «изыщной словес-

¹ ТТП, стр. 44, 29/1 1858 г.

² К. Чуковский, «Люди и книги шестидесятых годов», стр. 260, 261.

ности» «на одном пункте»,¹ и в то же время для Толстого в личном плане это был последний акт его дружбы с «триумvirатом».

Идея морально-этического истолкования искусства, возникшая у Толстого еще в самом начале его творческого пути, известное нерасположение к сатире («сатира не в моем духе», — записывал он в Дневнике) способствовали сближению писателя с эстетическими позициями «триумvirата», которые резко противостояли обличительному направлению в русской литературе и его главному представителю — Щедрину. Значение художника, равносильное жрецу или прорицателю, «избраннику» бога, как проповедывали Дружинин и особенно Боткин в своих статьях, также не могло не импонировать честолюбивым чаяниям Толстого.

Но для его литературных друзей было характерно отстранение от политической жизни, глубокая враждебность демократическим идеям, отрыв от народа, это были гурманы и эстеты, жившие в мире чисто литературных интересов. Толстой также пытается уйти от решения политических вопросов, он прямо и открыто декларирует: «Я не политический человек». ² «Политические законы» для него «ужасная ложь», «я не вижу в них ни лучшего, ни худшего». Все это являлось проявлением не силы, а слабости писателя, доказывало его полную беспомощность в решении мучивших его политических вопросов современности. Однако, несмотря на то, что отдельные высказывания писателя этой поры перекликались со статьями Дружинина и Боткина, Толстой был по своим интересам неизмеримо шире всех их вместе взятых. «Литературные друзья» не могли дать ответы на социальные вопросы, волновавшие писателя, не в состоянии они были облегчить и морально-этические искания Толстого, поэтому, естественно, их дороги впоследствии резко разошлись.

4

Разрыв с демократическим крылом «Современника», увлечение, хотя и кратковременное, идеями «искусства для искусства» не могли не сказаться и сказались крайне отрицательно на творчестве Толстого. Произведения, написанные им

¹ Выражение Дружинина в письме к Толстому от 15/IV 1858 г. См. К. Ч у к о в с к и й, «Люди и книги шестидесятих годов», стр. 260.

² Т. 47, стр. 121.

в 1857 — 1859 гг., отличаются значительным обеднением тематики. От больших, общенациональных тем, поднятых в «Севастопольских рассказах», «Двух гусарах», в «Утре помещика», Толстой обратился к разработке второстепенных проблем, которые имели значение разве для узкого круга литературных интеллигентов.

В свое время «Севастопольские рассказы» явились выходом писателя из мира субъективных переживаний («Детство» и в значительной мере последующие части автобиографической трилогии) к широким, общенациональным проблемам; тогда Толстой осмысливал переживания своих героев в аспекте больших исторических задач, стоявших перед страной; в его творчество ворвалась широкая демократическая струя, шедшая от народа и определившая трактовку этических проблем этих рассказов. Произведения же, написанные в период увлечения идеями «чистого искусства», начиная с «Юности» и кончая «Семейным счастьем», каждое по-своему, являлись признаком несомненного снижения творчества Толстого. Этим в значительной мере и объяснялся полный неуспех его «милых» повестей. Реакционные идеи «чистого искусства» не могли оплодотворить творческую мысль Толстого, как и любого другого подлинного художника.

Некрасов со своим тонким критическим чутьем сразу же почувствовал новые тенденции в творчестве Толстого, чуждые принципам «натуральной школы». Делясь с Тургеневым своими огорчениями, вызванными резкими выпадами Толстого против Чернышевского и «обличительного направления», Некрасов отмечал вместе с тем, что Толстой ведь «сам доньше служил»¹ этому направлению. Это очень важно: в литературно-эстетической позиции Толстого произошли настолько значительные перемены, что Некрасов вынужден констатировать его отход от нового направления в литературе.

Письмо было написано 30 декабря 1856 г. В это время «Современник» вел Чернышевский. Еще в ноябрьских и декабрьских письмах к Некрасову он сообщал, что ожидает новую повесть Толстого для январской книжки журнала. 5 декабря 1856 г. он радостно писал Некрасову: «Первая книжка на следующий год будет, вероятно, очень хороша. В ней будет «Юность» Толстого, —

¹ Некрасов, Соч., т. V, стр. 273—274.

вся, если Островский не пришлет своей повести, или половина, если получим во-время повесть Островского». ¹ Островский не прислал своей повести, и «Юность» Толстого полностью появилась в январской книжке «Современника» за 1857 г.

Этому предшествовало следующее.

Закончив 24 сентября 1856 г. работу над повестью, Толстой находился в сильном сомнении: давать ей ход или не давать. Повесть ему не нравилась, «особенно по небрежности языка, растянутости», и он направил ее «своему» критику Дружинину. Последний прочитал повесть за несколько дней и уже 6 октября написал Толстому письмо, в котором содержалось немало критических замечаний, но общая оценка «Юности» была восторженной. Тем не менее даже Дружинин отмечал ограниченность той читательской аудитории, которую найдет новая повесть Толстого; по его мнению, «Юность» написана не «для массы читателей». «По замыслу и по сущности труда — ваша «Юность» будет гастрономическим куском лишь для людей мыслящих и чующих поэзию». ² Это примечательные слова.

В ответном письме от 19 октября Толстой благодарит Дружинина за «славное, искреннее и дружеское письмо и слишком лестный суд» и обещает непременно, в соответствии с его указаниями, «исправить всё, что можно». Через неделю Толстой писал Панаеву, что он доволен его распоряжением поместить «Юность» в январской книжке: «Она одобрена моим критиком, чему я очень счастлив, и стало быть на нее Вы можете [рассчитывать] наивернейше».

Естественно, что повесть была с радостью встречена и В. Боткиным. 19 декабря Толстой записал в Дневнике: «У Панаева обедал, Боткин в восхищении от Юности».

Новая повесть Толстого как заключительная часть трилогии непосредственно примыкала к ранее вышедшему «Отрочеству», но в ней были и существенно новые идейные мотивы. Здесь впервые теория нравственного самоусовершенствования получила свое наиболее полное выражение. Она возникла как непосредственный отклик на современность и заключала в себе специфически толстовское решение проблемы личности и общества,

¹ «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», II, стр. 347.

² Т. 2 настоящего издания, стр. 398.

выражала «новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения». Здесь как в зерне таилось все этическое учение Толстого, разработанное им во всех своих деталях в восьмидесятые годы.

Герой «Юности», Иртеньев, ревностно исповедует религию «комильфотности». Он делит всех людей на «порядочных», к которым относились только аристократы, и «непорядочных», во втором разряде выделяя особо простой народ, не заслуживающий ничего кроме «презрения». Героя охватывали «ненависть и презрение к девяти десятым рода человеческого».¹

Признания героя повести о пережитых им чувствах глубокого презрения к простому народу могли быть истолкованы в условиях второй половины пятидесятых годов как аристократическая реакция на демократическое движение в стране. Так именно и было это понято Чернышевским, который после ознакомления с «Юностью» высказал свое глубоко отрицательное суждение о ней в письме к Тургеневу. Это письмо имеет огромное значение для понимания причин падения репутации Толстого в демократических кругах «Современника», а также для объяснения последующих творческих неудач писателя, первооснову которых критик видел в пагубном влиянии реакционных идей «чистого искусства» на его творчество.

Чернышевский писал:

«Мне досадно, что Вы по своей доброте не обрываете уши всем этим господам нувеллистам и всем этим господам ценителям изящного, которые сбивают с толку людей подобных Толстому — прочитайте его «Юность». — Вы увидите, какой это вздор, какая это размазня (кроме трех-четырёх глав) — вот и плоды аристарховых советов — аристархи в восторге от этого пустословия, в котором $\frac{9}{10}$ — пошлость и скука, бессмыслие, хвастовство бестолкового павлина своим хвостом, — не прикрывающим его пошлой задницы, — именно потому и не прикрывающим, что павлин слишком кичливо распустил его. Жаль, а ведь есть некоторый талант у человека, но гибнет оттого, что усвоил себе пошлые понятия, которыми литературный кружок руководствуется при суждениях своих»².

¹ Т. 2, стр. 174.

² «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», II, стр. 360, 7/1 1857 г.

Здесь все высказано с удивительной силой критической пронипательности. «Ценители изящного», «аристархи» — это Дружинин, Боткин, Анненков, которые своими «пошлыми» суждениями об искусстве губили талант Толстого.

В последних главах «Юности» Толстой рисует общение Иртеньева с демократической, не «комильфотной» частью студенчества. Новые товарищи заронили в его сознание семена сомнения в истинности своих убеждений. Толстой объективно осуждал теорию «комильфотности», теорию дворянско-сословной, аристократической исключительности. Здесь уже содержались зерна последующей демократизации его творчества. Эти главы и были в числе тех трех-четырех, которые понравились Чернышевскому. В «Заметках о журналах» он писал: «В последних главах «Юности», которая напечатана в этой книжке «Современника», читатели, конечно, заметили, как с расширением сферы рассказа расширяется и взгляд автора. С новыми лицами вносятся и новые симпатии в его поэзию, — это видит каждый, припоминая сцены университетской жизни Иртеньева». ¹

Однако конец «Юности», отражая возможность появления новых тенденций в творчестве Толстого, естественно, не определял идейного лица повести. Последующие произведения подтвердили пронипательность критических суждений Чернышевского. Действительно, продолжавшееся общение Толстого с «триумвиратом» приводило его все к новым и новым творческим срывам и неудачам.

Известным исключением из этого был «Люцерн», написанный на основе заграничных впечатлений Толстого и в этом смысле явившийся своеобразным творческим отчетом писателя о своей поездке. По значительности своей темы он стоит в ряду лучших произведений Толстого, это итог его раздумий над политическими проблемами, которые выдвинула перед ним европейская жизнь. В письмах к В. П. Боткину от 8, 9 и 21 июля 1857 г. писатель рассказал о возникновении замысла «Люцерна» и о работе над этим рассказом; письмо от 8 июля включает в себя и черновую редакцию «Люцерна».

Первые недели пребывания Толстого за границей проходят в наслаждении «социальной свободой», о которой он в России

¹ «Современник», 1857, № 1.

«не имел даже понятия»; за внешне демократическими формами политической жизни он не увидел еще всех кричащих противоречий буржуазного общества. Сильнейший удар по его благодушию был нанесен сценой гильотинирования. Весь демократический маскарад вдруг сразу исчез, и перед ним предстала во всей своей отвратительной наготе буржуазная действительность. За этим последовали другие «обстоятельства», которые окончательно разоблачили перед Толстым лживость буржуазной демократии и антинародную сущность буржуазной культуры. Факт с бродячим певцом, развлекавшим праздную публику и не получившим за это ни копейки, потряс Толстого, и он немедленно решил осмыслить свои наблюдения над жизнью буржуазной Европы. Так возник рассказ «Люцерн».

В «Люцерне» Толстой разоблачает ханжескую буржуазную демократию, все эти пресловутые буржуазные «свободы», которые существуют только для тех, кто богат, кто имеет деньги. В самой демократической стране Европы — Швейцарии — республиканские законы обращены против бедных. У писателя в связи с этим срываются гневные слова: «Паршивая ваша республика!.. Вот оно равенство». ¹ Толстой защищает в бродячем певце человека, а бессердечные и чопорные английские буржуа не хотят признавать в нем человека. Капитализм душевно опустошает людей, калечит их, буржуазная толпа жестока и бессердечна.

Что же надо делать? Как бороться с существующим буржуазным порядком, искажающим природу человека? И кто должен руководить человеком в его стремлениях к добру? Толстой дает такой ответ на все эти вопросы, из которого впоследствии разовьется целое религиозно-этическое учение: «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, всемирный дух, проникающий нас всех вместе и каждого, как отдельную единицу, влагающий в каждого стремление к тому, что должно». Человек обязан слушать голос совести и жить в соответствии с его велениями. Так уже здесь Толстой вслед за «Юностью» продолжает закладывать основы своей теории нравственного самоусовершенствования как панацеи от всех социальных зол. Так уже здесь обнаруживаются кричащие противоречия учения Толстого. С одной стороны, гневные обличения буржуазной цивилизации,

¹ Т. 5, стр. 19.

калечащей человека, с другой стороны, усладительные рулады о всеобщем примирении и всеобщей любви, апелляции к «всемирному духу», заключающие в себе глубоко реакционный смысл.

Однако Толстой не нашел достаточно выразительных художественных средств для воплощения темы критики капитализма в пятидесятые годы. Его «Люцерн» по своей художественной форме, по своему жанру своеобразно сочетает протокольную точность дневниковой записи и публицистическую обнаженность памфлета, — вот почему он, видимо, не произвел того впечатления на читателя, которого ожидал Толстой. Тургенев назвал «Люцерн» «морально-политической проповедью». ¹ Да и сам Толстой, получив сентябрьскую книжку «Современника», пережил полное разочарование в своей «статье», как он называл «Люцерн». 11 октября 1857 г. он писал Некрасову: «Я совершенно надул себя ею да и вас кажется». Спустя некоторое время он записывает в Дневнике: «Репутация моя пала, или чуть скрыпит, и я внутренне сильно огорчился; но теперь я спокойнее, я знаю, что у меня есть что сказать, и силы сказать сильно; а там, что хочет, говори публика. Но надо работать, добросовестно положить свои силы, тогда пусть плюет на алтарь». ²

Однако надежды Толстого «реабилитировать» себя, восстановить свое пошатнувшееся имя новыми прозведениями, не оправдались. Появившийся в августовской книжке «Современника» за 1858 г. «Альберт» был встречен писателями и критикой холодно, последняя не посвятила ему ни одной скольконибудь значительной статьи. Причину этого хорошо раскрыл Некрасов в письме к Толстому от 16 августа 1857 г., когда мотивировал свой отказ поместить «Альберта» в «Современнике». В повести, по его мнению, описывается не жизнь, а ее исключения, не то, что имеет широкое значение, а то, что возбуждает интерес лишь у узкого круга «любителей изящного». «Эх! пишите повести попроще, — советовал Некрасов, обращая его внимание на необходимость демократизации тематики, — я вспомнил начало вашего казачьего романа (так называлась первоначально повесть «Казак»). — С. Б.), вспом-

¹ ТПТ, стр. 40.

² Т. 47, стр. 161, 30/X 1857 г.

нил двух гусаров — и подивился, чего вы еще ищете — у вас под рукою и в вашей власти ваш настоящий род, род, который никогда не прискучит, потому что передает жизнь, а не ее исключения...»¹ И сам Толстой понимал, что его повесть — «несчастный всеми забракованный музыкант» — «не может нравиться большинству». Здесь, быть может, сильнее всего сказался отход Толстого от общественно-значительных тем в своем творчестве.

Наиболее острый в социальном отношении рассказ этой поры «Три смерти»² также уводил читателя от больших социальных проблем современности в область религиозно-этических размышлений о смерти. Правда, в рассказе показано, что мужик Федор умирает значительно проще, чем кривляющаяся барыня, которая судорожно цепляется за жизнь, но еще проще и естественнее умирает дерево. Проблема смерти и бессмертия глубоко волновала Толстого, и это нашло свое отражение в рассказе. Но русского мужика волновали не религиозно-этические вопросы, не ритуал умирания, а глубочайшие и наиболее существенные вопросы жизни, и главнейший из них — вопрос о раскрепощении, о получении личной свободы и земли. Эти переживания мужика были отражены в Дневнике и переписке Толстого, но не стали темой его художественных произведений. Он не мог изобразить мужика «во весь рост» потому, что не знал еще с достаточной глубиной «нравственной жизни» народа, был оторван от него.

Роман «Семейное счастье», появившийся уже после окончательного разрыва Толстого с «Современником» на страницах «Русского вестника»,³ тоже не отличался сколько-нибудь значительной тематикой.

Письма Толстого к В. В. Арсеньевой, помещенные в настоящем томе, с достаточной полнотой раскрывают автобиографическую основу этого романа. На склоне лет Толстой, в письме к П. И. Бирюкову от 27 ноября 1903 г., вспоминая о своих увлечениях в молодости, писал: «Потом главное, наиболее серьезное — это была Арсеньева Валерия. Она теперь жива, за Волковым была, живет в Париже. Я был почти женихом

¹ Альманах «Круг», кн. 6-я, М. 1927, стр. 215—216.

² «Библиотека для чтения», 1859, январь.

³ 1859, №№ 7, 8.

(«Семейное счастье»), и есть целые пачки моих писем к ней». ¹ Таким образом, основная тема романа была глубоко личной. Толстой собирался жениться, и поэтому его волновали вопросы будущих отношений с женой.

Если можно говорить о социальной теме в этом произведении, то это тема утверждения патриархальной усадебно-помещичьей жизни, которая противопоставлена свету, «праздности, роскоши глупого общества». ² В романе высказывается мысль о пагубном влиянии светской жизни на «семейное счастье». Герой и героиня вели тихую и мирную жизнь, которая приносила им свои маленькие радости, и ничто не омрачало ее. Но стоило им прожить несколько месяцев в Петербурге, как все неузнаваемо переменилось. Уже не было прежней задушевности в отношениях между ними, напротив, появились холодность, отчужденность. Светская жизнь, таким образом, лишает человека чистоты и искренности переживаний и воспитывает в нем притворство, лживость, холодную, расчетливую любезность. Она разрушает «семейное счастье». Чистый эмоциональный мир героини после нескольких месяцев светской жизни оказывается загрязненным.

Существенный недостаток романа — в полном отсутствии социальной, общественной мотивировки душевной жизни героев, в нем нет воздуха эпохи. Героиня, ведя от своего имени повествование, главное — если не исключительное — внимание сосредоточивает на анализе своих собственных чувств и переживаний, на истории своей души, и в замкнутый мирок ее интимных волнений, естественно, почти не попадают социальные отражения эпохи. В художественном отношении роман явился свидетельством утраты Толстым своего собственного творческого лица — это был крайний результат пагубного влияния «литературных друзей».

Несмотря на серьезные недостатки, роман получил полное одобрение Боткина, настоявшего на том, чтобы Толстой его напечатал. И только в корректурах автор «увидал», «какое постыдное», «мерзкое сочинение» его роман, «во всем слова живого — нет. И безобразие языка, — вытекающее из безобразия мысли, невообразимое». Он укоризненно писал Боткину:

¹ Т. 5, стр. 304.

² Там же, стр. 122.

«Вы меня подкузьмили, чтобы отдать это, будьте же за то и вы поверенным моего стыда и раскаянья! Я теперь похоронен и как писатель и как человек».

Боткин, разумеется, бросился утешать Толстого; во второй части его романа он нашел «большой внутренний драматический интерес», «превосходный психологический этюд», «глубоко схваченные изображения природы», однако, эти утешения слабо действовали на писателя. Толстой из своей последней творческой неудачи сделал далеко идущие выводы. Одновременно с письмом к Боткину 3 мая 1859 г. он писал А. А. Толстой: «Еще горе у меня. Моя «Анна», как я приехал в деревню, и перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться от сраму и, кажется, больше никогда писать не буду». 11 мая в светлом письме Боткину он признавался: «Поверите ли, как вспомню только содержание моей повести или читая найду что-нибудь напоминающее, краснею и вскрикиваю». Неудача с «Семейным счастьем» оставила глубокий след в сознании Толстого. Прошло лето 1859 г., наступила осень — время наибольшего подъема творческой энергии, но «конфуз» с романом не забыт, больше того, созрело решение окончательно оставить литературу. В начале октября Толстой пишет Фету: «...я вас люблю, дяденька, руку на сердце. А повести писать все-таки не стану. Стыдно, когда подумаешь: люди плачут, умирают, женятся, а я буду повести писать, «как она его любила».

Одновременно с этим (9 октября) на уговоры Дружинина дать ему для журнала новую повесть Толстой отвечал: «Теперь... как писатель я уже ни на что не годен. Я не пишу и не писал со времени Семейного Счастья и, кажется, не буду писать. Лыщу себя, по крайней мере, этой надеждой. Почему так? Длинно и трудно рассказать. Главное же — жизнь коротка, и тратить ее в взрослых летах на писанье таких повестей, какие я писал — совестно. Можно и должно и хочется заниматься делом. Добро бы было содержание такое, которое томило бы, просилось наружу, давало бы дерзость, гордость и силу — тогда бы так. А писать повести очень милые и приятные для чтения в 31 год, ей-богу руки не поднимаются».

Это письмо очень важно для понимания идейных истоков духовного кризиса Толстого. Общение с «бесценным триумvirатом» привело его к полному творческому опустошению.

В исходе этого периода Толстой дошел до писания «милых» повестей для узкого круга любителей изящного, которые стали вызывать в нем глубокое раскаяние, у него даже проскальзывает мысль об отречении от всего написанного в эти годы.

Толстой понимает ложь теории «чистого искусства» и под натиском «обличительного направления» приходит к отказу от литературы, к поискам более существенных опор в жизни. Характерно, что несостоятельность теории «чистого искусства» он на первых порах воспринимает как кризис литературы вообще и на этой основе принимает решение о невозможности для себя продолжать художественное творчество.

Отказ от литературы был для Толстого тяжелым актом. Он пытался заполнить образовавшуюся душевную пустоту «то охотой, то светом, то даже наукой». Но тем не менее в нем происходил сложный процесс идейного самоопределения. Толстой мучительно освобождался от груза обветшалых эстетических теорий своих бывших «литературных друзей» и вырабатывал новые нормы отношения к литературе. Уже через несколько месяцев в его высказываниях о литературе появляются принципиально новые идейные моменты, он решительно осуждает литературу с морально-этических позиций и находит, что «писание повестей, приятных для чтения... дурно и неблагопристойно», а «самообольщение» так называемых художников есть «мерзейшая подлость и ложь». «Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их — скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость, которой я слишком много видел вокруг себя мерзких примеров, чтобы не ужаснуться...»¹ Спустя полгода в письме к Фету он вновь повторит: «Искусство есть ложь, а я не могу любить прекрасную ложь»².

Так Толстой приходит к пониманию бесплодности идей «чистого искусства» и к окончательному разрыву со своими «литературными друзьями». Он обращает свои взоры к народу и в широком общении с ним черпает новые силы для возврата к подлинно эпическому творчеству.

¹ См. в настоящем томе письмо Б. Чичерину от 1/III 1860 г., № 164.

² Там же, письмо Фету от 17/29 октября 1860 г., № 184

Публикуемый том писем содержит неопенимый материал для изучения читательских вкусов Толстого. Наряду с кратко выраженными суждениями о только что прочитанных новых произведениях в письмах нередко можно найти развернутую оценку таланта писателя, характеристику его сильных и слабых сторон. Читательские интересы Толстого необычайно широки, от Фета до Некрасова все попадает в поле его зрения и сопровождается высказываниями, порой вносящими серьезные поправки в его отвлеченные литературно-эстетические суждения.

В письме к В. В. Арсеньевой от 7 декабря 1856 г. Толстой рекомендует ее вниманию «Обыкновенную историю» Гончарова: «прочтите эту прелесть». Он отмечает огромное познавательное значение этого произведения: «Вот где учишься жить. Видишь взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее».

Толстого радуют успехи Островского-драматурга. «Доходное место», по его мнению, — «чудо». «Островский не шутя гениальный драматический писатель», — пишет он Боткину из Москвы 29 января 1857 г. В тот же день он признается А. Н. Островскому: «...я никогда не перестану любить тебя и как автора и как человека». Он восхищается лирическими стихотворениями Фета, удивляясь, «откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов»,¹ и находит сильные и хорошие слова для оценки некрасовской «Тишины»: «Это самородок и чудесный самородок».² Он верно судит о тургеневской «Асе»: «Самая слабая вещь из всего, что он написал»,³ и в восторге от «Обломова»: «Обломов — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было».⁴ В романе Тургенева «Отцы и дети» он не находит «ни одной страницы, которая брала бы за душу».

¹ См. в настоящем томе письмо Боткину от 9/21 VII 1857 г., № 84.

² Там же, письмо Некрасову от 11/X 1857 г., № 90.

³ Там же, письмо Некрасову от 21/I 1858 г., № 103.

⁴ Там же, письмо Дружинину от 16/IV 1859 г., № 132.

Но нужно заметить, что в этих оценках не все было справедливым: Толстой переоценил Фета и слишком сурово отнесся к Тургеневу, потому что проблематика его романов была далека от идейных запросов писателя.

При этом, разумеется, следует помнить, что читатель и писатель были в Толстом едины. В этой связи не лишено интереса признание Толстого в письме к Дружинину от 16 апреля 1859 г.; после восторженных слов о романе Гончарова «Обломов» он, писал: «Я же с тех пор, как стал литератором, не могу не искать недостатков во всех больших и сильных вещах и об Обломове многое желаю поговорить».

Изучение огромного материала, заключенного в дневниках и письмах Толстого, позволит воссоздать формирование литературно-эстетических и критических взглядов Толстого во всей их сложной противоречивости.

Заключительная часть настоящего тома содержит письма, характеризующие педагогическую деятельность Толстого в начале шестидесятых годов.

Толстой стремится распространить опыт Яснополянской школы возможно шире. С этой целью, по его мысли, необходимо создать «общество народного образования», которое обязано будет открывать новые народные школы, издавать свой журнал и осуществлять другие просветительные мероприятия. Мотивируя необходимость самого широкого распространения образования среди народа, Толстой отмечает полное равнодушие царского правительства к этим вопросам. 12 марта 1860 г. он пишет Е. П. Ковалевскому: «...насущнейшая потребность Русского народа есть образование. Образования этого нет. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будет заведывать им».

Размышления Толстого над вопросами народного просвещения приводят его к широким социальным обобщениям. Ему кажется, что образование есть тот рычаг, при помощи которого можно изменить все общественное устройство к лучшему, но для этого нужно «слить все классы в знание науки». Перед ним во всей остроте возникает проблема, поставленная Белинским еще в «Литературных мечтаниях», о разобщенности народа и «образованного общества», порожденного в России реформами Петра I. Об эпохе Петра Толстой в письме к Н. Н. Страхову 17 декабря 1872 г. заметит: «Весь узел рус-

ской жизни сидит тут». Одно из действенных средств преодоления сословной разьединенности он видит в широком распространении просвещения среди народа. «Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко того, что мы знаем». ¹ В письме к Боткину от 26 января 1862 г. он выдвигает типично просветительский тезис: «Покуда не будет большого равенства образования — не бывать и лучшему государственному устройству».

В настоящий том включены впервые опубликованные в 1941 г. письма Толстого к Герцену, имеющие исключительное значение для изучения отношения писателя к «крестьянской реформе», а также для творческой истории романа «Декабристы». Толстой, находясь за границей и пользуясь скудной информацией, тем не менее проникательно судит о крепостническом характере «реформы» и выражает известное сочувствие мужикам, надежды которых оказались обманутыми. 9 апреля 1861 г. он пишет Герцену: «Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они верно знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что всё это «господа» делают».

По возвращении в Россию Толстой принимает пост мирового посредника и возобновляет свои школьные занятия. В начале августа 1861 г. он сообщает А. А. Толстой: «Есть у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться — это школа». Ниже в том же письме он пишет и о своей деятельности мирового посредника: «Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что всё дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне *des bâtons dans les roues* ² со всех сторон». Ненависть дворян к Толстому находит свое объяснение в том, что он как мировой посредник в конфликтах между помещиками и крестьянами своего участка нередко принимал сторону последних. Это подтверждается и текстом прошения дворян Крапивенского уезда предводителю дворянства Д. М. Щелину, которые требовали увольнения Толстого

¹ См. в настоящем томе письмо Фегу от 23/II 1860 г., № 163.

² Палки в колеса.

с должности мирового посредника на том основании, что все его действия и распоряжения для дворян «невыносимы и оскорбительны», возбуждают в крестьянах «враждебное расположение к помещикам» и приносят им «огромные потери» в хозяйстве.

Имея в виду эти «козни», Толстой 26 января 1862 г. писал Боткину, что он «заслужил страшное негодование дворян. Меня и бить хотят и под суд подвести, но ни то, ни другое не удастся. Я жду только того, чтобы они поуговорились, и тогда сам выйду в отставку». Его утешает, однако, мысль что самое существенное сделано: «В моем участке на 9000 душ в нынешнюю осень возникли 21 школа...»

В 1862 г. Толстой, помимо школы и посредничества, был занят также изданием педагогического журнала «Ясная Поляна». После выхода первого номера журнала он пишет письмо Чернышевскому и просит его высказать свое мнение о «Ясной Поляне». В третьем номере «Современника» за 1862 г. появилась рецензия на первые два номера журнала и на «книжки для детей». Чернышевский, высказывая свое сочувствие принципу свободы в образовании, на которой особенно настаивал Толстой, высказался отрицательно о педагогических идеях писателя, развитых им в статьях первого и второго номеров «Ясной Поляны», полагая, что он не знает, «чему и как учить», считая его мысль о постоянном противодействии народа образованию ошибочной. Критик находил, что и в содержании рассказов для чтения «отразился недостаток определенных убеждений, недостаток сознания о том, что нужно народу, что полезно и что вредно для него», рассказы ему понравились лишь с чисто языковой стороны: «Хорошо в них изложение. Оно совершенно просто; язык безыскусственен и понятен».

Школьная и посредническая деятельность Толстого вызвала установление за ним тайных наблюдений со стороны агентов Третьего отделения, которые завершились обыском в Ясной Поляне 6—7 июля 1862 г. Толстой находился в Башкирии, но, узнав об обыске, он пишет в конце июля и в августе гневные письма двоюродной тетке А. А. Толстой, в которых высказывает свою «злобу и отвращение» к «милому правительству» и к «разбойникам», состоящим у него на службе — Потаповым, Долгоруким, Аракчеевым. Эти письма примечательны не только силой выраженного в них чувства оскорбленного личного досто-

инства, но и прямой тревогой за свою репутацию в народе, мнением которого он дорожил уже в эти годы. Толстого мало беспокоит то обстоятельство, что обыск вызвал «стон восторга» у помещиков, главное «испорчена» вся его деятельность по линии народного просвещения, народ уже не может относиться к нему с прежним доверием. «Народ смотрит на меня уже не так, как на честного человека, мнение, которое я заслуживал годами, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, который по плутоватости увернулся».

Толстой готов пойти на крайние меры: встретить жандармов оружием, навсегда уехать из России. 22 августа 1862 г. он обращается с письмом к Александру II, стремясь открыть «царю-батюшке» глаза на «злodeйства» его дурных слуг. В результате Толстому было разъяснено, что главной причиной обыска явилось проживание в Ясной Поляне «молодых людей» без «письменных видов на жительство».

Школа и посредничество способствовали сближению Толстого с народом, открыли ему широкую возможность для более полного изучения «нравственной жизни» мужика. В идейном развитии писателя, в его движении к глубокому и полному постижению интересов крестьянских патриархальных масс эти годы сыграли огромную роль. Они вернули Толстого в литературу, разбудили в нем необычайную по своей мощи творческую энергию. Впереди его ждала напряженная многолетняя работа над «Войной и миром».

В статье, разумеется, невозможно было охарактеризовать всю многообразную и сложную тематику писем Толстого, собранных в этом томе, и мы сосредоточили внимание на наиболее существенных социальных, литературно-эстетических и творческих вопросах, которые составляли стержень идейной жизни писателя этого периода.

* * *

В настоящий том входят 55 писем за 1856 г., 52 письма за 1857 г., 24 письма за 1858 г., 38 писем за 1859 г., 30 писем за 1860 г., 58 писем за 1861 г. и 49 писем за 1862 г.; всего за эти семь лет 306 писем. Из них 121 письмо публикуется впервые, они отмечены одной звездочкой *. По автографам печатается 269 писем, по печатным источникам — 21, по копиям — 12

и по фотокопиям — 4. Все письма на русском языке, за исключением 22, написанных на французском языке. 2 письма за 1862 г. к С. А. Берс печатаются в 83 томе.

В разделе «Деловые бумаги и официальные документы» публикуются интересные материалы, характеризующие деятельность Толстого — мирового посредника, его частое заступничество за крестьян перед помещиками. Многие из этих документов появляются в печати впервые.

246 автографов и документов, по которым печатаются письма, хранятся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве. Остальные хранятся в прочих архивохранилищах, указанных в комментариях к соответствующим письмам.

С. Бычков

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

При воспроизведении текста писем Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила.

Текст автографа воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся.

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (так называемые аббревиатуры) типа «к-ый», вместо «который», раскрываются, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: к[отор]ый.

Слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: т. к. — т[ак] к[ак]; б. — б[ыл].

Не дополняются: а) общепринятые сокращения: и т. п., и пр., и др., т. е.; б) любые слова, написанные Толстым сокращенно, если «развертывание» их резко искажает характер записи Толстого, ее лаконический, условный стиль.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски и перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в примечаниях, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в примечаниях.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

В случаях колебания между двумя чтениями в примечаниях дается другое возможное чтение.

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слов, неудобных для печати, ставятся двойные прямые скобки [[4]], заключающие в себе цифры, означающие число устраненных слов.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

В случаях написания слов или отдельных букв поверх написанного или над написанным (и зачеркнутым) обычно воспроизводятся вторые написания без оговорок, и лишь в исключительных случаях делаются оговорки в примечаниях.

Из зачеркнутого, как слова, так и буквы начатого и сейчас же оставленного слова, воспроизводится в примечаниях лишь то, что найдет нужным воспроизводить редактор, причем знак сноски ставится при слове, после которого стоит зачеркнутое.

Зачеркнутое явно по рассеянности воспроизводится как незачеркнутое, но с оговоркой в примечаниях.

Написанное в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в примечаниях.

При публикации не автографа, а подлинника, написанного рукой переписчика или на машинке, особенности написания этого подлинника не воспроизводятся (например, поставленное переписчиком обращение «Вь» заменяется характерным для Толстого «вь»), за исключением тех случаев, когда точно известно, что эти особенности скопированы с черновика-автографа. Соблюдается это и в тех случаях, когда письмо печатается по машинописным копиям и печатным текстам. В тех случаях, когда в подлиннике, переписанном с черновика-автографа, особенности написания автографа не сохранены, особенности эти не воспроизводятся.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия, кроме случаев явно ошибочного написания; 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно

с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки (кроме восклицательного) в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях. При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит их у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие абзацы в тех местах, где начинается разительно отличный по теме и характеру от предыдущего текст, причем каждый раз делается оговорка в примечании: «Абзац редактора». Знак сноски ставится перед первым словом сделанного редактором абзаца.

Рисунки и чертежи, имеющиеся в тексте, воспроизводятся факсимильно.

Адресаты, фамилии которых остались редакции неизвестными, обозначаются как «неизвестные». В тех случаях, когда известны лишь инициалы имени, отчества и фамилии или последняя известна лишь в сокращенном виде, наименование адресатов дополняется в скобках этими данными.

Все письма имеют редакторскую дату, которая печатается курсивом перед текстом письма. Дата письма, писавшегося в течение нескольких дней, обозначается первым и последним днем писания: «Апреля 14—16». Дата письма, датируемого редактором предположительно днем не ранее такого-то и не позднее такого-то дня, обозначается этими днями со знаком вопроса: «Апреля 14—16?» Вообще знак вопроса в редакторской дате указывает на то, что она предположительна и выведена редактором на основании разных данных и ряда соображений. В частности, в тех случаях, когда на не датированном самим Толстым письме имеется дата получения письма адресатом при отсутствии всяких других данных, от последней отсчитывается количество дней, в течение которых, по мнению редактора, письмо было в пути.

Все даты по 31 декабря 1917 г. приводятся по старому стилю; новый стиль в каждом случае оговорен, за исключением номеров зарубежных периодических изданий. В иностранных письмах, датированных Толстым старым и новым стилем, редакторская дата дана в старом и новом стиле. С января 1918 г. даты только нового стиля.

В примечаниях «автографом» называется письмо, написанное Толстым собственноручно, «подлинником» — письмо, напи-

санное рукой переписчика или на машинке и только подписанное Толстым. В тех случаях, когда редакции неизвестно, кем написано письмо (при публикациях с копий и печатных текстов), также употребляется выражение «подлинник».

Письма или впервые печатаемые в настоящем издании, или те, из которых печатались лишь отрывки или переводы, обозначены звездочкой.

В примечаниях приняты следующие условные сокращения: АК — «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к нему», изд. К. Ф. Некрасова, М. 1916.

Б. I; Б. II; Б. III; Б. IV — П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой», тт. I—IV.

I — 1-е изд., М. 1906 («Посредник»); 2-е изд., М. 1911 («Посредник»); 3-е изд., Берлин 1921 (Ладыжников); 4-е изд., М. 1923 (Госиздат).

II — 1-е изд., М. 1908 («Посредник»); 2-е изд., М. 1913 («Посредник»); 3-е изд., М. 1923 (Госиздат).

III — 1-е изд., Берлин 1912 (Ладыжников); 2-е изд., М. 1922 (Госиздат).

IV — М. 1923 (Госиздат).

Бир. 1912 — Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, тт. I—XXII. Под ред. и с примечаниями П. И. Бирюкова, изд. Сытина, М. 1912—1913.

БЛ — Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина.

ГТМ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).

ПТ — «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», Спб. 1911, изд. Общества Толстовского музея.

ПТС, I; ПТС, II — «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко», изд. «Книга», I — 1910, II — 1911.

ПТТ — «Письма Толстого и к Толстому». Юбилейный сборник. Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, М. — Л. 1928.

ТПТ — «Толстой. Памятники творчества и жизни»: 1 — Пгр. 1917; 2 — М. 1920; 3 — М. 1923; 4 — М. 1924.

ТТ — «Толстой и о Толстом», 1, 2, 3 и 4.

ТТП — «Толстой и Тургенев, переписка», изд. Сабашниковых, М. 1928.

П И С Ь М А
1856—1862

* 1. П. И. ЮШКОВОЙ.

1856 г. Февраля 2. Петербург.

Chère tante!

Ce n'est qu'aujourd'hui, que je viens de recevoir votre lettre du 3 décembre. ¹ — J'ai eu conscience en la lisant de ne pas être allé chez vous de Moscou où j'ai passé 2 semaines. ² Bien certainement si je l'avais reçu avant, cela ne serait pas arrivé — pas parce que je vous aurais aimé plus; mais parce que votre souvenir m'aurait été plus présent et j'aurais plus pensé à mon devoir. Je vous dirai[s], chère et excellente tante, franchement les idées [qui] me sont venus en lisant votre lettre. — Votre résolution de passer votre vie auprès d'un couvent me paraît un parti pris à cause de quelque chose qui vous aurait déplu en nous — une arrière pensée que vous n'avouerez pas, je suis sûr; mais permettez moi d'espérer que s'il m'arrive de cesser ma vie de garçon et d'en commencer une autre, qu'il vous sera peut-être agréable de partager, vous quitterez la vie de couvent pour la vie de famille que vous savez rendre agréable mieux que toute autre. — Quoique je sois tout-à fait de votre avis que le plan dont vous parle Влад[имир] Иван[ович] ³ c. à. d. celui de venir partager votre solitude à Троица, ⁴ puisse vous donner le bonheur le plus grand, celui de se sacrifier pour un autre. Je crois connaître un peu votre excellent coeur, qui trouve le bonheur dans l'abnégation de soi-même. Quoique je sois convaincu que cela vous donnerait le bonheur, — je doute que Влад[имир] Иван[ович] remplisse jamais son intention; à cause de son habitude à être

toute sa vie, sans s'en douter, sous l'influence de quelqu'un et, le plus souvent, sous une influence pernicieuse. — Cependant ce n'est pas pour faire des phrases que je vous dis tout cela. Voilà la question à laquelle je voudrais que vous me répondiez. Si je me marie[s] jamais, puis-je espérer, que vous viendrez vous établir avec moi? Je crains cependant, que cette question ne vous fasse croire que je suis sur le point de me marier et que j'ai quelqu'un en vue même... Cela ne serait pas vrai, mais *je vous avoue franchement* que depuis quelque temps je pense sérieusement au mariage, que j'envisage toutes les demoiselles que je rencontre involontaireme[nt] sous le point de vue du mariage et que j'y pense si souvent, que si cela ne m'arrive cet hiver, cela ne m'arrivera jamais. Vous savez probableme[nt] déjà la triste nouvelle de la mort de Dmitri. ⁵ — Quand je l'ai vu, c'était une chose déjà à laquelle je m'étais préparé, et je dirai[s] même, qu'il était impossible de ne pas désirer. Je n'ai jamais vu un homme souffrir autant que lui et souffrir patiemment en priant Dieu de lui pardonner ses péchés. Il est mort en bon Chrétien, voilà une grande consolation pour nous tous; mais malgré tout vous ne sauriez croire combien pour moi, *имянно для меня*, c'est une perte pénible. Adieu, chère Tante, je baise vos mains.

Адрес. В Петербург. На Офицерской, в доме Якобса.

Дорогая тетенька!

Только сегодня получил ваше письмо от 3 декабря. ¹ — Читая его, мне стало совестно, что не съездил к вам из Москвы, где я провел 2 недели. ² Получи я его раньше, этого бы не случилось — не потому, что я полюбил бы вас сильнее, но потому, что воспоминание о вас было бы живее и я больше бы думал о своих обязанностях. Скажу вам откровенно, дорогая и бесценная тетенька, какие мысли вызвало во мне ваше письмо. — Принятое вами решение жить при монастыре должно быть вызвано чем-нибудь, что вам в нас неприятно, — вы не выскажете этой затаенной мысли, я уверен; но ежели кончится моя холостая жизнь и я вступлю в другую, которую вам, быть может, будет приятно разделить, позвольте мне надеяться, что вы покинете монастырь для жизни в семье, которую никто не сможет украсить так, как вы. Я согласен с вами, что намерение Влад. Иван. ³ разделить ваше одиночество у Троицы ⁴ доставит вам величайшее счастье — для другого жертвовать собой. Знаю, что с вашим сердцем вы находите счастье в самоотречении. Убеденный в этом, я, однако, сомневаюсь, чтобы Влад. Иван. исполнил свое намерение, потому что, и сам не подозревая этого, он всю жизнь находится под чьим-нибудь влиянием и, чаще всего, под влиянием пагубным. — Но пишу всё это я вам не для фраз. Есть вопрос, на который я хотел бы, чтобы вы мне ответили. Если слу-

чтятся, что я женюсь, могу ли я надеяться, что вы поселитесь со мной? Не думайте, однако, что я уже собрался жениться, что имею кого-нибудь в виду... Этого нет, но *сознаюсь вам откровенно*, что с некоторых пор я серьезно подумываю о женитьбе, что невольно смотрю на всех встречаемых мною девушек с точки зрения женитьбы, что думаю об этом часто и что ежели это не совершится нынешней зимой, то не будет никогда. До вас уже дошла, вероятно, печальная весть о смерти Митеньки.⁵ — Я уже подготовлен был к этому, когда увидел его и, скажу даже, что нельзя было этого не желать. Я никогда не видел сильнее страдавший, и он переносил их терпеливо и молил Бога отпустить ему его грехи. Умер он как христианин, и это всем нам большое утешение; и все-таки вы себе представить не можете, как для меня, именно для меня, тяжела эта утрата. Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Отрывок напечатан в книге Н. Н. Гусева «Толстой в расцвете художественного гения», изд. Толстовского музея, М. 1927, стр. 278. Датируется содержанием и записью в Дневнике 2 февраля.

Пелагея Ильинична Юшкова (1801—1875) — родная тетка Толстого. В 1841 г., после смерти бар. Александры Ильиничны Остен-Сакен (1797—1841), старшей тетки и опекунши Толстого, его братьев и сестры, опека перешла к ее сестре, П. И. Юшковой, которая перевела детей Толстых в Казань, чем и объясняется поступление братьев Толстых в Казанский университет. Там Толстые жили до 1847 г., когда срок опеки кончился. П. И. Юшкова после смерти мужа жила под Оптиной пустыней, затем в Тульском женском монастыре. Последние два года своей жизни провела в Ясной Поляне, где и умерла.

¹ Письмо это не сохранилось.

² В 1856 г. Толстой получил двадцативосьмидневный отпуск с военной службы. 1 января он выехал из Петербурга в Москву, а через неделю в Орел, где навещал умиравшего брата Дмитрия. Пробыв в Орле дня два-три, Толстой снова вернулся в Москву, а оттуда в Петербург, куда прибыл 29 января.

³ В. И. Юшков — муж П. И. Юшковой (см. т. 59, стр. 110).

⁴ Троице-Сергиевская лавра (Сергиев посад) — в 71 километре от Москвы, ныне город Загорск Московской области.

⁵ Гр. Дмитрий Николаевич Толстой (1827—1856) — брат Толстого. Подробнее о нем см. в т. 59, стр. 260—261. Д. Н. Толстой умер в Орле (похоронен в Кочаках, близ Ясной Поляны). См. запись в Дневнике под 9—10 января 1856 г. (т. 48).

Смерть его Толстой позднее изобразил в «Анне Карениной», описывая смерть Николая Левина (ч. V, гл. XVII).

О смерти брата Толстой узнал из письма Константина Александровича Иславина от 1 февраля 1856 г. — К. А. Иславин (1827—1903) — младший сын А. М. Исленьева (см. т. 59, стр. 34—35).

*** 2. Гр. А. И. Толстой.**

1856 г. Февраля 7. Петербург.

На беду мою, завтра я должен целый день дежурить по службе; я надеюсь вырваться на время обеда; но ежели не успею, то надеюсь Вы извините меня, многоуважаемая Графиня, и поверите, что меня могла лишить удовольствия быть у Вас только совершенная невозможность и что чувства уважения и преданности, с которыми имею честь быть Вашим покорнейшим слугою, совершенно искренни —

Гр. Л. Толстой.

7 Февраля.

На четвертой странице:

Ее Сиятельству Графине Толстой. В Академию Художеств.

Год определяется содержанием. В 1856 г. Толстой состоял на службе в Петербургском ракетном заведении.

Гр. Анастасия Ивановна Толстая, рожд. Иванова (1817—1889) — вторая жена двоюродного дяди Толстого — гр. Федора Петровича Толстого (1783—1873), художника-медальера, в 1828—1859 гг. вице-президента Академии художеств. Вечера у Толстых в Академии художеств, на которых бывали художники, артисты, писатели, музыканты, ученые, описаны в «Воспоминаниях» дочери Толстых Е. Ф. Юнге, изд. «Сфинкс», М., без обозначения года, стр. 68.

3. Н. А. Некрасову.

1856 г. Февраля конец. Петербург.

Кое что я переделал, переписал и сократил, но признаюсь, еще переписывать бы не хотелось. Ежели не слишком дурно написано, особенно последний лист, то отдавайте в типографию. — Я постараюсь зайти к вам утром. До свиданья.

Гр. Л. Толстой.

На четвертой странице:

Николаю Алексеевичу Некрасову.

Впервые опубликовано в «Современнике», 1913, 8, стр. 266. Датируется содержанием.

Николай Алексеевич Некрасов (1821—1877) — см. т. 59, стр. 194. В письме речь идет о рассказе Толстого «Метель».

7 февраля 1856 г. Некрасов писал о «Метели» В. П. Боткину: «Вернулся Толстой и порадовал: уж он написал рассказ и отдает его мне на 3-ью

книжку. Это с его стороны так мило, что я и не ожидал» («Печать и революция», 1928, кн. 1, стр. 51). 25 февраля Толстой читал рассказ у кн. П. А. Вяземского — в то время товарища министра народного просвещения. На чтении, кроме Тургенева, присутствовал и А. В. Никитенко. 27 февраля Тургенев сообщил С. Т. Аксакову, что Толстой «написал превосходный рассказ под названием «Метель».

* 4. Т. А. Ергольской.

1856 г. Марта 16. Петербург.

Chère tante!

Pardon si je ne vous écris que quelques mots, j'écrirai plus longuement une autre fois, à présent je tâche de ne pas tarder à la poste. La *посылка* que vous recevrez avec cette lettre est un portrait de Dmitri, que j'ai fait faire pour vous, m'étant rappelé, que c'est une chose, que vous désiriez avoir.¹ — Ma santé a été mauvaise pendant près de 2 semaines. У меня были приливы к сердцу, которые меня было напугали, но теперь Доктор сказал, что это гемороидальное, я перестал пить кофе и водку, и мне стало гораздо лучше. Je tâche d'aller le moins possible dans le monde et de travailler autant que possible. И охоты и мыслей много, да не знаю что выйдет.

Je fais des plans pour aller au printemps à l'étranger. Dieu sait si cela me réussira. Si on me laissera aller et si j'aurais l'argent nécessaire pour cela. — Que faites vous, chère tante, et comment va votre santé. Adieu, je baise vos mains. Dans tous les cas au mois de Mai je vous verrais à Ясное.²

Votre Léon.

16 Mars.

Ayez la bonté de donner la записочка ci-jointa au староста.³

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.
В Тулу. Сельцо Ясные Поляны.

Дорогая тетенька!

Простите, что пишу только несколько слов, в следующий раз напишу длиннее, тороплюсь сегодня, чтобы поспеть на почту. *Посылка*, которую вы получите с этим письмом, — портрет Митеньки; я заказал его для вас, вспомнив, что вы желали его иметь.¹ — Я проболел около 2-х недель. У меня были приливы к сердцу, которые меня было напугали, но теперь

Доктор сказал, что это геморoidalное, я перестал пить кофе и водку, и мне стало гораздо лучше. Стараюсь как можно меньше ездить в свет и работать как можно больше.

И охоты и мыслей много, да не знаю, что выйдет.

Строю планы ехать весной за границу. Бог знает, удастся ли мне. Пустят ли меня, и будут ли необходимые на то деньги. — Что вы поделяете, милая тетенька, и как ваше здоровье? Прощайте, целую ваши ручки. Во всяком случае в мае мы увидимся в Ясном.²

Ваш Лев.

16 марта.

Будьте добры, передайте старосте прилагаемую записку.³

Год определяется содержанием и почтовым штемпелем.

Татьяна Александровна Ергольская (1792—1874) — троюродная тетка Толстого и его воспитательница. О ней см. т. 59, стр. 12—13, и «Воспоминания» Толстого.

² Этот портрет Д. Н. Толстого неизвестен.

³ 17 мая Толстой, получив одиннадцатимесячный отпуск, выехал в Москву, а 28-го приехал в Ясную Поляну (см. п. № 12).

⁴ Старостой в Ясной Поляне в то время был Василий Ермаилович Зябрев (1824—1885, отпущен на волю в 1859 г.). Толстой описал его в отрывке «Лето в деревне» (т. 5, стр. 264) и в записи под 28 мая 1856 г. «Дневника помещика» (там же, стр. 249).

Записка Толстого, упоминаемая в настоящем письме, не сохранилась.

* 5. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Марта 25. Петербург.

О мире тебе нечего и говорить, уж ты знаешь.¹ Насчет твоего полка² — что с ним будет, я ничего еще не узнал, но узнаю и напишу. — Впрочем, ежели ты намерен, как я полагаю, выдти в отставку, то тебе всё равно. — Как вам не совестно было с Васинькой³ не написать мне, что вы не приедете — я вас всё ждал, а то бы я сам приехал. — Волконского⁴ тут нет, и я, признаюсь, не помню, как наши счета. Я был должен ему 230, ежели ты взял еще 200 и прислал 230, следовательно еще ему остаемся должны 200, которые, ежели ты можешь, пожалуйста, заплати. — Я, не беря карты в руки и умеряя себя во всё, не могу проживать меньше 200 р. в месяц. Но дело в том, что издание моих рассказов военных⁵ и Дет[ство] и Отр[очество],⁶ которые мне могут принести, ежели я сам их издам, тысячи четыре, не дадут мне больше 1,000 р., ежели я их продам; поэтому мне теперь хотелось бы не только

поменьше издерживать, но и занять, ежели бы можно было. Я прошусь за границу на 8 мес[яцев], ежели пустят, то поеду. Я писал об этом Ник[оленке] ⁷ и звал его ехать. Ежели бы мы все три устроились ехать вместе, — это было бы отлично. Ежели каждый возьмет по 1000 руб., то можно съездить отлично. — Пиши пожалуйста мне. Как понравилась тебе Метель? Я ей недоволен — серьезно. А теперь писать многое хочется, но решительно некогда в этом проклятом Петербурге. Во всяком случае, пустят ли меня или нет за границу, а в Апреле намерен взять отпуск и быть в деревне. — Боюсь только, что тебе нельзя будет еще продолжить отпуск и придется ехать к полку. Это было бы скверно. — Прощай, до свиданья, пожалуйста напиши поскорее и поподробнее.

Твой брат Г. Л. Толстой.

25 Марта.

Отрывок из письма напечатан в Б. I, 1, стр. 291—292. Гсд определяется содержанием.

Гр. Сергей Николаевич Толстой (1826—1904) — брат Льва Николаевича. О нем см. т. 59, стр. 31—32.

¹ 18/30 марта был подписан Парижский мирный договор, закончивший Восточную войну (1853—1856).

² В марте 1855 г. С. Н. Толстой поступил в Стрелковый полк императорской фамилии, сформированный 20 июля 1855 г. 11 сентября 1855 г. полк выступил из Москвы в Одессу через Тулу—Орел—Курск—Николаев. В начале декабря 1855 г. полк прибыл в Одессу. За полтора месяца стоянки полка под Одессой от тифа умерло больше 1000 человек. 14 апреля 1856 г. полк выступил обратно тем же маршрутом в Москву, назначенный участвовать при коронации Александра II, бывшей 26 августа. 19 сентября 1856 г. полк был распущен. В марте 1856 г. С. Н. Толстой находился в отпуску.

³ Василий Степанович Перфильев (1826—1890) — товарищ братьев Толстых. О нем см. т. 59, стр. 20.

⁴ Кн. Александр Алексеевич Волконский — троюродный брат Толстого по матери, камер-юнкер. Изображен Толстым в «Истории вчерашнего дня» (см. т. I, стр. 279).

⁵ «Военные рассказы» Толстого вышли отдельным изданием в начале октября 1856 г. Сюда вошли «Набег», «Рубка леса» и три севастопольских рассказа.

⁶ Печатание «Детства и отрочества» отдельной книгой Толстой передал Д. Я. Колбасину. Вышло «Детство и отрочество» в начале октября 1856 г.

⁷ Гр. Николай Николаевич Толстой — старший брат Толстого. О нем см. т. 59, стр. 121—122. Письмо к нему Толстого не сохранилось.

6. Н. А. Некрасову.

1856 г. Марта 29—30. Петербург.

Не можете ли вы дать мне деньги за Метель теперь, а чтоб долг 400 р. оставался до следующего писанья. — Вы бы меня очень обязали. До свиданья. Ваш Толстой.

Впервые опубликовано в «Современнике», 1913, 8, стр. 267. Датируется на основании пометы, сделанной рукой неизвестного на письме Толстого: «За Метель заплачено. 30-го марта произведен счет, — за Толстым осталось: 400 рублей. [1 неразобр.] 500: Итого к 1-му апреля за Толстым 900».

* 7. Т. А. Ергольской.

1856 г. Апреля 12? Петербург.

Chère tante.

Je ne vous écris qu'un petit mot pour vous remercier pour votre bonne lettre¹ et vous dire, que je me porte bien, que j'ai présenté une supplique en congé pour 11 mois; 3 mois à la campagne et 8 à l'étranger et qu'aujourd'hui je vais tâcher de recevoir un petit congé pour les fêtes. Je n'attends que cela pour partir. Hier j'ai fini une petite nouvelle² que je donnerai je crois aux Отечественные записки³ et je me trouve pour le moment dans cette bonne humeur que vous donne la fin d'un travail de quelques mois. — J'espère au revoir, chère tante. Самое последнее на фоминой надеюсь расцеловать ваши ручки. —

Léon.

Sur cette même feuille j'écris pour affaires un petit mot au «староста». ⁴ Donnez le lui, chère tante, et insistez je vous en prie pour qu'il paye plus vite ces deux petites dettes. En venant à la campagne j'espère ne pas avoir besoin d'argent.

Дорогая тетенька!

Пишу несколько слов, чтобы поблагодарить вас за ваше доброе письмо, ¹ сказать вам, что я здоров, что я подал прошение об отпуске на 11 месяцев — 3 месяца в деревню и 8 месяцев за границу — и что сегодня я попытаюсь получить коротенький отпуск на праздники. Только этого и жду, чтобы уехать. Вчера окончил небольшой рассказ, ² который думаю отдать в Отечественные записки, ³ и в эту минуту я в том хорошем расположении духа, которое бывает по окончании работы, над которой трудился несколько

месяцев. — Надеюсь, что до свиданья, дорогая тетенька. Самое позднее на фомыной надеюсь расцеловать ваши ручки. —

Лев.

На этом же листке пишу по делу несколько слов «старосте». ⁴ Передайте это ему, дорогая тетенька, и настойте, пожалуйста, чтобы он поскорее уплатил эти два небольшие долга. По приезде в деревню надеюсь не нуждаться в деньгах.

Датируется содержанием: «Два гусара» опубликованы с датой 11 апреля 1856 г.

¹ Письмо Т. А. Ергольской к Толстому не сохранилось.

² Речь идет о повести «Два гусара», первоначальное название которой было «Отец и сын». Задумана повесть 12 марта, о чем есть запись в Дневнике. В письме от 17 апреля 1856 г. Некрасов писал Боткину: «Толстой написал превосходную повесть «Два гусара», она у меня и будет в № 5 «Современника». Милый Толстой! как журналист, я ему обязан в последнее время приятными минутами, да и человек он хороший, а блажь уходится» («Печать и революция», 1928, 1). 19 апреля 1856 г. Толстой записал в Дневнике: «Кончил даже поправки «Отца и сына», который по совету Некрасова назвал Два гусара — лучше».

³ «Отечественные записки» — журнал А. А. Краевского (см. т. 59, стр. 337). Рассказ в «Отечественные записки» отдан не был. См. т. 3.

⁴ Письмо не сохранилось.

8. Министру внутренних дел С. С. Ланскому. Черновое.
1856 г. Апреля 25. Петербург.

Г-ну Министру Ланскому.

Желая выпустить на волю крестьян моих в имении, заложенном в Опекунском Совете, я избрал способ выкупа за землю, которой они владеют, и который продолжится 30 лет, срок необходимый для выплаты долга Опекунского Совета. ¹ —

С этой целью я написал проект условия между мною и крестьянами или обязательства с моей стороны, которое ставило бы тотчас же крестьян в положение свободного сословия, не уничтожая вместе с тем связи между землею и ими. ² —

Осмеливаясь предложить сей проект на рассмотрение Вашего Высокопр[евосходительства], имею честь покорнейше просить, по новизне этого случая, о разрешении составления и утверждения у крепостных дел ³ такого условия. —

Вопросы. От Опек[унского] С[овета]: Можно ли выпустить без земли, оставив долг на земле? Можно ли выкупаться не-

скольким с землею, взнося свою часть Опекунскому Совету? Можно ли выпустить всех со всею землею на волю с переводом на них долга? И по сколько для того должно быть при каждой душе земли?

От Мин[истерства] В[нутренних] Д[ел]: Можно ли заключить условие с мужиками? Можно ли завещать волю и завещать одному? ⁴ —

Вопросы в М[инистерство] В[нутренних] Д[ел]:

Можно ли заключить контракт с крестьянами и дворовыми в именьи, находящемся в залоге, состоящий в том, что, со дня заключения контракта, я отпускаю крестьян и дворовых от всех повинностей к помещику, отдаю им в полное распоряжение общины по 4 $\frac{1}{2}$ дес[ятины] земли на тягло и обязую их платить мне в продолжении 30 лет по 5 рублей с десятины? В продолжении этих 30 лет имение выходит из залога, и я обязуюсь не перезакладывать его. По истечении же 30 лет крестьяне свободны и поступают в государственные с землею. — Можно ли при заключении контракта написать вольную, действительную по истечении 30 лет — или в контракте только положить условием, что по истечении срока крестьяне свободны? —

В случае недоимки, имение может быть продано только в государственные имущества.

Можно ли, ежели нельзя заключить контракта у крепостных дел, совершить таковое же домашнее условие и утвердить его завещанием?

Ежели это новый вопрос, то можно ли о том подать докладную записку М[инистру] В[нутренних] Д[ел]? —

Вопросы Оп[екунскому] С[овету].

Можно ли разделить долг: часть на крестьян, часть на землю, к[оторая] останется у помещика?

Можно ли выкупаться отдельно крестьянам с землею, выплачивая за себя отдельно долг Совету? —

Можно ли всех отпустить с переводом на них долга, и какой для того минимум земли? —

Впервые опубликовано в т. 5 настоящего издания, стр. 245—247. Дата определяется содержанием. См. Дневник, т. 47, записи от 22 до 25 апреля, стр. 69.

Гр. Сергей Степанович Ланской (1787—1862) — сначала губернатор во Владимире и Костроме, в 1850 г. член Государственного совета, в 1855 г. министр внутренних дел; занимал этот пост до апреля 1861 г.

¹ В Опекунском совете было заложено имение Ясная Поляна на сумму около 20 000 р.

² См. т. 47, стр. 50, и т. 5, стр. 243—245.

³ «У крепостных дел» — то есть в крепостной экспедиции гражданской палаты.

⁴ На следующей странице Толстым сделана выписка из IX тома «Свода законов», относящаяся к «Положению об обязанных крестьянах» (статьи 761 и 764 законов о состояниях); за этой выпиской следует продолжение вопросов Министерству внутренних дел и Опекунскому совету.

* 9. Д. В. Григоровичу.

1856 г. Мая 5. Петербург.

Давно, давно собирался вам писать, во первых о впечатлении чрезвычайно выгодном, которое произвел ваш Пахарь,¹ и что я знаю об этом впечатлении, а во вторых о впечатлении прекрасном, которое произвела на меня ваша апрельская часть «Переселенцев».² Теперь ничего не напишу исключая того, что ужасно вас люблю и желаю вас поскорей видеть. Я и Дружинин собираемся ехать в Москву 8-го числа и пробыть у Боткина с недельку.³ Приезжайте, душенька, пожалуйста. Мы проведем время отлично, и, может, можно будет вас увести к нам на недельку, т. е. ко мне, к сестре и к Тургеневу.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Письмо Толстого является припиской к коллективному письму, посланному 5 мая 1856 г. из Петербурга Д. В. Григоровичу от Дружинина, Панаева, Некрасова и Гончарова. Внизу помета Григоровича: «Получено письмо 15 мая 1856 г. из Петербурга Л. Н. Толстой (Детство и отрочество), Дружинин, Панаев, Некрасов, Гончаров». Повидимому, это письмо было написано на прощальном обеде у Тургенева перед его отъездом в свое имение Спасское.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899). О его знакомстве с Толстым см. Д. В. Григорович, «Литературные воспоминания», «Academia», Л. 1928, стр. 249—254. От переписки между обоими писателями сохранилось лишь одно письмо Толстого и одно Григоровича. Знакомство их поддерживалось и позднее: Григорович бывал в 1880—1890 гг. у Толстого в его хамовническом доме.

¹ «Пахарь» — роман Григоровича, напечатанный в № 3 «Современника» за 1856 г.

² «Переселенцы» — роман Григоровича, печатавшийся в «Отечественных записках» в 1855 г., №№ 11 и 12, и в 1856 г., №№ 4—8.

³ Толстому удалось выехать в Москву только 17 мая. У В. П. Боткина, жившего в это время на даче в Кунцево под Москвой, Толстой был два раза: в день приезда (переночевав у него) и 23 мая. Пробыв в Москве 40 дней, 27 мая после обеда Толстой выехал в Ясную Поляну.

* 10. Т. А. Ергольской.

1856 г. Мая 10. Петербург.

10 Mai.

Chère tante!

Je crois que vous vous inquiétez déjà au sujet de mon silence et de ce que je n'arrive pas jusqu'à présent, ayant promis de venir la seconde semaine après Pâques. Figurez vous, que voilà plus de deux mois, que j'ai présenté mon rapport et que pendant un mois on m'assure, que dans quelques jours j'aurais mon congé et que je ne puis l'avoir jusqu'à présent. J'ai présenté avant hier un second rapport et je suppose que dans tous les cas je pourrais partir tout au plus dans une semaine; ce qui fait que dans deux semaines je serai chez vous à Ясное; car je compte passer quelques jours à Moscou et aller à Troitza.¹ Je ne puis vous dire combien ce retard m'est désagréable, à présent que commence la plus belle saison de l'été que je suis obligé de la passer ici. Я кончил своих *гусаров* (повесть) и ничего нового не начал, да и Тургенев уехал, которого я чувствую теперь, что очень полюбил, несмотря на то, что мы всё ссорились.² Так что мне бывает ужасно скучно. Dans tous les cas au revoir, chère tante, et écrivez moi un petit mot où êtes-vous? Que font Marie et les frères?

Léon.

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне *Ергольской*.
В г. Тулу.

10 мая.

Дорогая тетенька!

Вы, наверное, беспокоитесь, что я давно не пишу и не приезжаю, обещав быть на второй неделе после Пасхи. Представьте себе, уже более двух месяцев тому назад я подал рапорт, и целый месяц меня уверяют, что я получу отпуск через несколько дней, а его нет и до сих пор. Позавчера подал вторичный рапорт и думаю, что смогу уехать не позже, как через неделю; значит, через две недели я буду у вас в Ясном; в Москве собираюсь пробыть несколько дней и съездить к Троице.¹ Не сумею выразить, как неприятна мне эта задержка; начинается лучшая пора лета, а я принужден ее проводить здесь. Я кончил своих *гусаров* (повесть) и ничего нового не начал, да и Тургенев уехал, которого я чувствую теперь, что очень полюбил,

несмотря на то, что мы всё ссорились.² Так что мне бывает ужасно скучно. Во всяком случае, до свиданья, дорогая тетенька, напишите мне несколько слов, где вы? Как поживает Машенька и братья? — Лев.

Цитата из письма (русский текст) впервые напечатана в Б. I, 1, стр. 291.

¹ В Москве Толстой пробыл 10 дней — с 18 по 28 мая (см. прим. 3 к и. № 9). У тетки Пелагеи Ильиничны Юшковой, жившей в Сергиевом посаде, Толстой провел два дня: 19 и 20 мая.

² И. С. Тургенев уехал из Петербурга 5 мая 1856 г. в Спасское.

* 11. М. А. Иславину.

1856 г. Мая 29. Я. П.

Что с вами случилось, милейший Михаил Александрович? — Все ваши в Москве в том же неведении и недоумении, как и я. Для меня же, кроме недоумения, есть важный вопрос о квартире, в которой у меня осталась мебель и за которую, за квартиру, за май я не платил еще. Согласны ли вы все-таки удержать ее (за май вы вычтете) и взять мебель кроме кабинетной? — У меня там остался господин Горбунов,¹ который всё передаст вам. Лучше всего бы было, ежели бы вы заехали ко мне на обратном пути. Передайте пожалуйста мой душевный поклон Ал[ександру] Мих[айловичу] и С[офье] Ал[ександровне]² и до свиданья. —

Вам преданный
Гр. Л. Толстой.

29 Мая.

На четвертой странице:

Его Высокоблагородию Михаилу Александро[вичу] Иславину.

Год определяется содержанием.

На 4-й странице письма, свернутого и запечатанного сургучом, написано рукой неизвестного: «Очень бы желал вас видеть — я ожидаю на-днях к себе Веру и сам поеду ее проводить до Тулы — как-нибудь и вас авось увижу. — Письмо отсылаю вам назад, потому что Михаила Александровича здесь не было и нет, и я совершенно не знаю, где он обретается».

Михаил Александрович Иславин (1819—1905) — второй сын приятеля отца Толстого Александра Михайловича Исленьева, чиновник Министер-

ства государственных имуществ. Толстой впоследствии женился на его племяннице Софье Андреевне Берс.

Толстому 10 июня 1856 г. Иславин написал письмо с отказом сохранить петербургскую квартиру Толстого за собой.

¹ Иван Федорович Горбунов. См. прим. к п. № 15.

² Александр Михайлович Исленьев (1794—1882) (о нем см. т. 59, стр. 671) и его вторая жена Софья Александровна, рожд. Жданова (1812—1880), дочь одоевского исправника. Она изображена в «Детстве» в лице «belle Flamande».

* 12. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Мая 29. Я. П.

Я пишу несколько слов из Ясной, куда приехал вчера. Надо такое несчастье. Нат[алья] Петр[овна] ¹ еще больше заставляет меня жалеть рассказами про тебя: как будто ты говоришь: что, Наташа, разложи-ка карты: «приедет Лёвочка или нет?» Дело в том, что ты на меня не сердись. Я получил только и то посредством разных ухищрений отпуск в половине Мая, несмотря на то, что мне его обещали каждый [день]. В Москве же я пробыл 10 дней уже по своей вине, но за то чрезвычайно приятно — без шампанского и цыган, а немножко влюбленный — в кого, расскажу тебе после. ² Я пробуду в Ясной до Августа, следовательно, встречу и провожу тебя. ³ — В Августе же, ежели будут деньги (отпуск уж вышел теперь), поеду за границу. —

Я пишу тебе в Курск и, признаюсь, главная цель моего письма — Щербачовка, ⁴ что вы намерены делать с ней? Я намерен непременно продать свою часть и хоть на 10 пр[оцентов] дешевле, но чтобы получить поскорее деньги. Желал бы и надеюсь, что и ты будешь согласен. Из нас никто купить не в состоянии, управлять тоже за 500 верст, а денег у нас тоже никогда ни у кого не было. Я особенно желаю этого не для того, чтобы платить долги — у меня их почти нету, чтоб проживать тоже не желаю, но чтобы быть в независимом и не стесненном положении. Хотел я хоть от тетиньки узнать твое мнение о моих «гусарах», но говорят ты не читал еще. Напиши, сколько ты мне ставишь за это: 1, 2, 3, 4 или 5. Я нынче поеду к Маше, ⁵ вернусь к Троицыну дню и безвыездно 2 месяца сижу в Ясной. —

Пожалуйста отвечай. До свиданья, милый друг. —

Твой Гр. Л. Толстой.

29 Мая.

Впервые отрывок из письма напечатан в Б. I, 1, стр. 294; несколько полнее напечатано в ПТС, I, стр. 53. Год определяется содержанием: Толстой приехал в Ясную Поляну «вчера», то есть 28 мая.

¹ Наталья Петровна Охотницкая — обедневшая дворянка, проживавшая у Толстых.

² Толстой имеет в виду свое увлечение кн. Александрой Алексеевной Оболенской, рожд. Дьяковой — сестрой своего приятеля Д. А. Дьякова.

³ См. прим. 6 к п. № 17.

⁴ Щербачевка — имение Д. Н. Толстого, Курской губ., Суджанского уезда, доставшееся ему по раздельному акту 1847 г. и перешедшее после его смерти его братьям: Николаю, Сергею и Льву.

⁵ М. Н. Толстая жила с мужем гр. В. П. Толстым в имении его матери Покровском, Чернского уезда Тульской губернии, в 90 километрах от Ясной Поляны.

13. Гр. М. Н. Толстой.

1856 г. Июня 5. Я. П.

Посылаю тебе фортепяно, пришли мне рояль и Дон-Жуана, ¹ как ты обещала, и еще что-нибудь из Бетховенских или Моцартовских вещей, которые может быть тебе не нужны. Да еще я помню, что проездом с Кавказа ² или из Крыма ³ я оставил у тебя мое старое писанье, ежели оно действительно у тебя, то пришли его мне. — Я слова своего не изменю и после Петрова дня ⁴ приеду, но не лучше ли бы вам вздумать и приехать ко мне теперь на несколько дней, а потом опять можно. В Ясном до того хорошо, что невозможно выехать. Купанье на реке отличное, я только что оттуда приехал. Я бы тебе тоже устроил там купальню. Подумайте. Может, и Ив[ан] Серг[еевич] ⁵ тоже с вами приедет? Тетинька ⁶ и я целуем всех вас и не отчаиваемся, что вы приедете. —

Вариньке скажи от меня Уаааа! А Николиньке скажи Уииии! а преступнице скажи Уууу — а! ⁷

Пожалуйста до скорого свиданья. Дело мое с мужиками идет плохо, ⁸ тем более, я не могу уехать. Я приехал домой в 4 часа утра, ⁹ все спали, и я, усевшись на балкон, прочел Пушкинского Дон Жуана ¹⁰ и до того был в восторге, что хотел тотчас писать Тургеневу об своем впечатлении.

Целую тебя. Твой брат

Гр. Л. Толстой.

5 Июня. ¹¹

На четвертой странице:

Ее Сиятельству Графине Марье Николаевне Толстой.

Впервые опубликовано в книге «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Гиз, 1929, стр. 40—41. Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 3 июня 1856 г. (т. 47, стр. 78).

Гр. Мария Николаевна Толстая (1830—1912) — сестра Толстого. Была замужем за своим троюродным братом гр. Валерианом Петровичем Толстым (1813—1865). См. т. 59, стр. 97—98.

¹ «Дон-Жуан» — опера Моцарта.

² В последних числах февраля — первых числах марта 1854 г. Толстой был в Покровском, откуда поехал в Бухарест.

³ О том, что Толстой заезжал в Ясную Поляну проездом из Крыма в Петербург в ноябре 1855 г., свидетельствует запись в Дневнике под 21 ноября 1855 г.

⁴ Толстой приехал в Покровское 3 июля.

⁵ И. С. Тургенев в Ясную Поляну не приезжал.

⁶ Т. А. Ергольская.

⁷ Маленькие дети М. Н. Толстой.

⁸ Речь идет о деле освобождения крестьян. 29 мая, в первый же день по приезде в Ясную Поляну из Петербурга, Толстой созвал сходку крестьян и произнес речь, объявив те условия, на которых предлагал крестьянам выйти на волю. Черновик этой речи был написан еще в Петербурге. Речь эта не произвела на крестьян того действия, которого ожидал Толстой. См. запись в Дневнике под 3 июня (т. 47, стр. 78) и 9 июня (т. 47, стр. 80), а также п. № 26.

⁹ 31 мая 1856 г. в 5 часов утра Толстой поехал верхом к Тургеневу в Спасское-Лутовиново (Орловской губ., Мценского уезда). В тот же день вечером Толстой вместе с Тургеневым поехали в Покровское. 3 июня «в 5-м часу» утра Толстой вернулся в Ясную Поляну (Дневник под 31 мая — 3 июня 1856 г., т. 47, стр. 77—78).

¹⁰ Дон-Жуан — «Каменный гость» Пушкина, текст которого Толстой читал в IV т. Собрания сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, 1855 г.

¹¹ Цифра 5 переправлена из 4.

**14. Д. Н. Блудову. Председателю департамента законов
Государственного совета. Неотправленное.**

1856 г. Июня 9. Я. П.

Ваше Сиятельство,
Граф Дмитрий Николаевич!

Уезжая из Петерб[урга], я, кажется, имел честь сообщать Вам цель моей поездки в деревню. Я хотел разрешить для себя в частности вопрос об освобождении крестьян, занимавший меня

вообще.¹ Перед отъездом моим я даже подавал докладную записку Т[оварищу] М[инистра] В[нутренних] Д[ел],² в которой излагал те основания, не совсем подходящие к законам о вольных хлеб[опашках] и обяз[анных] крест[ьянах], на кот[орых] я намерен б[ыл] сделать это. Г-н М[инистр]³ передал мне словесно через своего товарища, что он одабривает мой план, рассмотрит и постарается утвердить подробный проект, к[оторый] я обещал прислать из деревни. — Приехав в деревню, я предложил крестьянам итти вместо барщины на оброк вдвое меньший, чем оброк в соседних деревнях. Сходка отвечала, что оброк велик, и они не в состоянии будут уплатить его. Я предлагал заработки — несогласие.⁴ Я предложил им выйти в обяза[нные] кр[естьяне] работой по 3 дня в неделю, с прибавком земли, с тем, чтобы, по истечении 24 лет, срока выкупа именья из залога, они получили вольную с полной собственностью на землю. К удивлению моему они отказались и еще, как бы подтрунивая, спрашивали, не отдам ли я им еще всю и свою землю. — Я не отчаявался и продолжал почти месяц каждый день беседовать на сходках и отдельно. Наконец я узнал причину отказа, прежде для меня непостижимого. Крестьяне, по своей всегдашней привычке к лжи, обману и лицемерию, внушенной многолетним попечительным управлением помещиков, говоря, что они за мной счастливы,⁵ в моих словах и предложениях видели одно желание обмануть, обокрасть их. Именно: они твердо убеждены, что в коронацию⁶ все крепостные получают свободу, и смутно воображают, что с землей, может быть, даже и со всей — помещичьей; в моем предложении они видят желание связать их подпиской, которая будет действительна даже и на время свободы.

Всё это я пишу для того только, чтобы сообщить вам два факта, чрезвычайно важные и опасные: 1) что убеждение в том, что в коронацию последует общее освобождение, твердо вкоренилось во всем народе, даже в самых глухих местах, и 2) главное, что вопрос о том, чья собственность — помещичья земля, населенная крестьянами, чрезвычайно запутано в народе и большей частью решается в пользу крестьян, и даже со всей землю помещичью. Мы ваши, а земля наша.⁷ Деспотизм всегда рождает деспотизм рабства. Деспотизм корол[евской] власти породил деспотизм власти черни. Де[с]потизм помещ[иков] породил уже деспотизм крестьян; когда мне говорили

на сходке, чтобы отдать им всю землю, и я говорил, что тогда я останусь без рубашки, они посмеивались, и нельзя обвинять их, так должно было быть. Виновато правительство, обходя везде вопрос, первый стоящий на очереди. Оно теряет свое достоинство (*dignité*) и порождает те деспотические толкования народа, которые теперь укоренились. Инвентари.⁸ Пускай только Прав[ительство] скажет, кому принадлежит земля. Я не говорю, чтобы непременно должно было признать эту собственность за помещиком (хотя того требует историческая справедливость), пускай признают ее часть за крестьянами или всю даже. Теперь не время думать о исторической справедливости и выгодах класса, нужно спасать всё здание от пожара, к[оторый] с минуты на минуту обнимет. Для меня ясно, что вопрос помещикам теперь уже поставлен так: жизнь или земля. И признаюсь, я никогда не понимал, почему невозможно определение собственности земли за помещиком и освобождение крестьянина без земли? Пролетариат! Да разве теперь он не хуже, когда пролетарий спрятан и умирает с голоду на своей земле, к[оторая] его не прокормит, да и к[оторую] ему обработать нечем, а не имеет возможности кричать и плакать на площади: дайте мне хлеба и работы. У нас почему-то все радуются, что мы будто доросли до мысли, что освобождение без земли невозможно, и что история Европы показала нам пагубные примеры, к[оторым] мы не последуем. Еще те явления истории, к[оторые] произвел пролетариат, произведший революции и Наполеонов, не сказал свое последнее слово, и мы не можем судить о нем как о законченном историческом явлении. (Б[ог] знает, не основа ли он возрождения мира к миру и свободе). Но главное, в Европе не могли иначе обойти вопроса, исключая Пруссии, где он был подготовлен. У нас же надо печалиться тому общему убеждению, хотя и вполне справедливому, что освобождение необходимо с землей. Печалиться потому, что с землей оно никогда не решится. Кто ответит на эти вопросы, необходимые для решения общего вопроса, по сколько земли? или какую часть земли помещичьей? Чем вознаградить помещика? В какое время? Кто вознаградит его? Это вопросы неразрешимые или разрешимые 10 лет[ними] трудами и изысканиями по обширной России. —

А время не терпит, не терпит потому, что оно пришло исторически, политически и случайно. Прекрасные, истинные слова Г[осударя], сказанные в М[оскве], облетели всё Государство,

все слои, и запомнились всем, во-первых, потому что они сказаны были не о параде и живых картинах, а о деле, близком сердцу каждого, во-вторых, что они откровенно-прямо-истинны. — Невозможно отречься от них, опять потому что они истинны, или надо уронять в грязь prestige трона, нельзя откладывать их исполнения, потому что его дожидаются люди *страдающие*.⁹

Пусть только объявят ясно, внятно, законом обнародованным: кому принадлежит земля, наход[ящаяся] в владении крепостных, и пусть объявят всех вольными, с условием оставаться в продолжение 6 м[есяцев] на прежних условиях, и пусть под надзором чин[овников], назначен[ных] для этого, прикажут составить условия, на к[оторых] останутся отношения крест[ьян] с помещ[иками], пусть допустят даже свободное переселение с земель и определят по губерниям minimum его. Нет другого выхода, а выход необходим. — Ежели в 6 месяцев креп[остные] не будут свободны — пожар. Всё уже готово к нему, не достает изменнической руки, к[отор]ая бы подложила огонь бунта, и тогда пожар везде. Мы все говорили: это много труда, обдумыванья, времени. Нет! время пришло. Есть 3 выхода: деньги! Их нет. Расчетом уплатой — время нет. И 3 — без земли. Можно после утвердить.¹⁰ Первая пригото[вительная] мера — объявление, нечего скрывать, все знают. —

Впервые полностью опубликовано в т. 5 настоящего издания, стр. 255—257 (текст письма записан в «Дневнике помещика» под 7 июня 1856 г.). Датируется записью в Дневнике Толстого под 9 июня 1856 г. Судя по тому, что письмо носит черновой характер, не окончено и в дальнейшем записей в Дневнике Толстого о нем нет, видно, что оно не было отправлено.

Гр. Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) — занимал ряд видных постов: в 1832—1839 гг. — министр внутренних дел; в 1839—1862 гг. — главноуправляющий II отделения собственной канцелярии царя, а с 1862 г. — председатель Государственного совета; 25 ноября 1855 г. был назначен президентом Академии наук.

¹ См. Дневники Толстого за 1854—1856 гг. (т. 47, стр. 4—5, 50—58). В 1856 г. Толстой поехал в Ясную Поляну с проектом освобождения своих крестьян и в «Дневнике помещика» вел подробные записи о том, как он на сходках убеждал крестьян пойти на его условия, и о том недоверии, с которым встретили предложение Толстого крестьяне (см. прим. 8 к п. № 13 и т. 5, стр. 249—258).

² Об Алексее Ираклиевиче Левшине и докладной записке к нему см. п. № 270 и прим. к нему, а также записи в Дневнике под 11 и 13 мая (т. 47, стр. 70—71).

³ Гр. С. С. Ланской (см. п. № 8).

⁴ Эта фраза вписана карандашом между строк.

⁵ *Со слов:* говоря вписано карандашом между строк.

⁶ Коронация Александра II состоялась 26 августа 1856 г.

⁷ Эта фраза вписана карандашом между строк.

⁸ Разумеется закон 2 апреля 1842 г. об «обязанных» крестьянах.

⁹ Слова манифеста 19 марта 1856 г., изданного по поводу заключения Парижского мира, о законах, равно для всех справедливых, всем равно покровительствующих, возбудили тревогу в дворянстве: ходили даже слухи, что в секретном договоре с Францией царь обязался освободить крестьян. В том же марте месяце, при проезде через Москву, Александр II сказал депутации московского дворянства следующие слова: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния. Это несправедливо, а от этого было несколько случаев неповиновения крестьян помещикам... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого: мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

¹⁰ *Со слов:* Мы все написано карандашом.

15. Н. А. Некрасову и И. Ф. Горбунову.

1856 г. Июня 12. Тула.

Николай Алексеевич!

Это письмо назначалось Горбунову, но вышло удобнее адресовать его вам. Этим объясняется следующее. —

Ужасно вам благодарен и совестно мне перед вами, любезный Горбунчик, за хлопоты, к[оторые] я нечаянно навалил на вас. Сделайте вот как: ежели Иславин не явится, сдайте квартиру, заплатите за то время, к[оторое] она была за мной, и мебель перевезите куда-нибудь, хоть в залог на это время, или куда-нибудь к знакомому. Пишу вам не из деревни, а из Тулы, где получил ваше письмо ¹ и где денег у меня нет, но я следующей почтой вышлю 50 р. * Сапоги вышлите. За границу я до октября не поеду. ² В деревне предместно. Приезжайте ко мне.

Ваш гр. Л. Толстой.

12 июня.

На обороте:

Второй поллистик передайте Некрасову.

Второй листок:

Во-первых, непременно ответьте мне хоть строчку, потому что главная цель моего письма знать про вас. Как ваша бо-

лезнь, и едете ли вы и когда? ³ Живете вы в городе или на даче? Продолжаете ли вы играть и потягиваясь посмеиваться и находить, что «чего вам еще желать, лекарства довольно...», и писали ли и пишете ли? — Я уехав от вас провел дней 10 в Москве очень хорошо, ⁴ потом почти прямо поехал к сестре и к Тургеневу. ⁵ — Его надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкой, хороший человек. У них пробыл с недельку и, ежели бы не мои дела с крестьянами, никогда бы не уехал. Дела мои с крестьянами так пошли плохо, что я до октября не еду за границу. Можете вообразить, что слова Государя об освобождении ⁶ с разными пополнениями и украшениями дошли [до] них и с смутным их понятием о том, кому принадлежит помещичья земля, делает то, что они не приняли моих самых выгодных предложений, под предлогом того, что их старики подписок не делали и они не хотят. Уж поговорю я с Славянофилами о величии и святости сходки *мира*. Ерунда самая нелепая. Я Вам покажу когда-нибудь протоколы сходов к[оторые я записывал?]. ⁷ Ну поэтому мне у себя не совсем хорошо. Дело не удалось, и от писанья меня отбило, так что я еще ни за что не принимался. На беду еще 4 дня тому назад устроил я у себя гимнастику, да несовсем ловко стал прыгать и свихнул себе поясницу, так что насилу хожу и приехал нынче в Тулу советоваться с докторами. У меня с моей квартирой и мебелью произошла путаница страшная. Помогите мне пожалуйста, ваш Василий ⁸ всё устроит, и ссудите рублей 50 денег. Я счетов с вами путать не хочу и с следующей почтой их выплю. Прощайте. От души обнимаю вас.

Гр. Л. Толстой.

* или попрошу Некрасова ссудить мне.

Впервые опубликовано в «Современнике», 1913, 8, стр. 267—268. Год определяется содержанием.

Иван Федорович Горбунов (1831—1893) — рассказчик, драматический актер и писатель.

¹ Письмо И. Ф. Горбунова неизвестно.

² Толстой выехал за границу из Москвы 29 января 1857 г.

³ Н. А. Некрасов уехал лечиться за границу 11 августа 1856 г.

⁴ Толстой пробыл в Москве с 18 по 27 мая.

⁵ О посещении Толстым И. С. Тургенева и М. Н. Толстой см. прим. ⁹ к п. № 13.

⁶ См. прим. ⁹ к п. № 14.

⁷ Под «протоколами сходов» Толстой подразумевает записи переговоров с крестьянами деревни Ясная Поляна об освобождении их от крепостной зависимости, озаглавленные «Дневник помещика» (см. т. 5).

⁸ Василий Матвеевич — слуга Н. А. Некрасова.

16. Н. А. Некрасову.

1856 г. Июня 29. Я. П.

Пишу вам, чтоб только не пропустить почту ответить на ваше ¹ и попросить о следующем. Дм. Колбасину ² нужно бумаги на издание Дет[ства] и Отроч[ества] рублей на 800, как он пишет. ³ Не можете ли у своего поставщика взять эту бумагу на 2 под мою росписку месяца, после кот. я вышлю ему или Вам деньги? Зубы болят жестоко, поэтому так дико это письмо. Последнее маленькое стихотворение ваше мне очень понравилось. ⁴ Сестру не видал еще, но увижу на днях и покажу. Получил я от брата Николая Записки Охотничьи его — листа 3 печатных. На днях покажу Тургеневу, но по моему прелестно. Я писал брату, чтобы он разрешил мне напечатать, и тогда вам к 9-му номеру будет славная вещь. ⁵ Сам к стыду моему ничего не пишу. Вчера начал. ⁶ Пожалуйста не хандрите так и пишите мне хоть бы так же нелепо, как я; впрочем в субботу напишу аккурат[нее]. ⁷ Прощайте, дай Бог вам физически и морально здороветь и румяниться.

Ваш гр. Л. Толстой.

29 Июня.

Впервые опубликовано в «Современнике», 1913, 8, стр. 268—269.

¹ Это письмо Некрасова неизвестно. Судя по записи Дневника, оно было получено 26 июня 1856 г.

² Дмитрий Яковлевич Колбасин (ум. после 1895 г.) — брат беллетриста и историка литературы Елисея Яковлевича Колбасина (1831—1885). Д. Я. Колбасин был близок к кругу сотрудников «Современника» 1850-х гг., исполняя их поручения по издательской части (см. т. 47, стр. 322).

³ В письме от 21 июня 1856 г. Д. Я. Колбасин просил прислать на покупку бумаги рублей 300, чтобы разделаться с поставщиком (а не 800, как пишет Толстой).

⁴ Какое стихотворение прислал Некрасов в своем письме, на которое отвечает Толстой, не установлено.

⁵ «Охота на Кавказе», очерки гр. Н. Н. Толстого, были напечатаны в «Современнике», 1857, кн. 1, стр. 169—232.

Об этом рассказе своего брата Толстой написал Тургеневу (письмо не сохранилось), на что последний ответил в письме от 18 июня 1856 г. (ТТП, стр. 14).

⁶ Толстой подразумевает начатую им обработку «Юности». См. запись в Дневнике под 28 июня (т. 47, стр. 84).

⁷ Толстой написал Некрасову в субботу 2 июля (см. п. № 18).

17. Гр. М. Н. и В. П. Толстым.

1856 г. Июня 30. Я. П.

Любезные друзья!

К великому удивлению и радости получил ваше..... письмо. ¹ Точки означают неприятнейший эпитет. Спина моя только удержала легкое воспоминание о неловком прыжке в виде шишки и маленькой боли. Что твоя рука? ² Во вторник я выеду к вам, проеду к Дьякову, ³ напишу к Сереже в Войны, ⁴ чтоб он к 5 — своим именинам выезжал во Мценск, и поеду ему навстречу, на что надеюсь уговорить и одну молодую даму ⁵ и Дьякова, и мы можем славную сделать вещь. — После же свиданья с Сережей ⁶ — весь ваш... — У-у-и-и-а!

Тетиньки ⁷ целуют вас и детей, равно и я. Нат[алья] Петровна ⁸ фунит вам в честь разными любезностями.

У-у-у-и-а.

Любочке ⁹ милейшей душевный поклон. — Раисе Львовне ¹⁰ У-и! Ольге Петровне И-У ¹¹; а еще няню Татьяну ¹² целую в задние ноги. — И-а-У! —

Долго ль жить нам в огорченьи,

Люты скорби пренося.

Потому ты в нови?

*Привезу письмо.
Ваш не пошлю.*

Некрасов прислал мне письмо и стихи, которые просил показать тебе с поклоном. Я их привезу. Потому Миколай Микитичь.¹³ Ну что хорошего папеньке придут и мы одни, пожалуй... А-ах!

Распечатываю письмо, чтобы прибавить поклон Мавре Андревне.¹⁴ —

А Груше желаю вырости.

Марье Герасимовне¹⁵ желаю кушать булку в свое удовольствие, а что она меня презирает, то за это я выстрелю в нее из мушкетона.

Школу Святославову
Граду и Градскому
В. П. и М. Н.
Мочетвины
Славно.

Впервые напечатано в сборнике «Толстой. Материалы, статьи. 1850—1860», Л. 1927, стр. 13—15 (с ошибочной датой: 29 июня 1856 г.). Датируется записью в Дневнике Толстого под 30 июня 1856 г. (т. 47, стр. 87).

¹ Письмо от М. Н. и В. П. Толстых, полученное Толстым 30 июня 1856 г. (о чем отмечено в Дневнике), не сохранилось.

² М. Н. Толстая в течение ряда лет страдала болью в руке.

³ Именне Д. А. Дьякова Черемошня, Тульской губ., Новосильского уезда, в 20 километрах от Никольского-Вяземского и в 126 километрах от Ясной Поляны.

⁴ Войны — почтовая станция в 19 километрах к юго-западу от Мценска.

⁵ Под «молодой дамой» разумеется сама М. Н. Толстая.

⁶ 7 июля Толстой приехал к Тургеневу в Спасское-Лутовиново, а на следующий день к нему приехал возвращавшийся со своим полком из Одессы в Москву С. Н. Толстой.

⁷ Т. А. Ергольская и П. И. Юшкова.

⁸ Н. П. Охотницкая.

⁹ Любовь Антоновна Дельвиг — младшая сестра друга Пушкина, поэта бар. Антона Антоновича Дельвига (1798—1831) и Александра Антоновича Дельвига (1816—1882), соседа по имению и друга М. Н. Толстой.

¹⁰ Ранса Львовна — родственница Дельвигов, молодая, красивая жепщина. За ней ухаживал гр. В. П. Толстой (сообщено Е. В. Оболенской).

¹¹ *Зачеркнуто*: а еще кланяюсь (далее не разобрано).

¹² Татьяна Филипповна — няня дочерей М. Н. Толстой (см. «Воспоминания» Толстого, гл. VIII).

¹³ Николай Никитич Де-Тейльс — тульский помещик.

¹⁴ Мавра Андреевна — послушница Тульского монастыря.

¹⁵ Марья Герасимовна — монашенка из Тульского женского монастыря, крестная мать Марии Николаевны Толстой.

18. Н. А. Некрасову.

1856 г. Июля 2. Я. П.

2 Июля.

Держу слово и пишу еще, тем более, что мне хочется сообщить вам мои впечатления по случаю 6 книжки «Современника». Ну, уж повесть моего казанского товарища ¹ осрамилась, да и «Совр[еменник]» осрамился; я воображаю, как «Пет[ербургские] Вед[омости]» нападут на несчастного Б[ерви], да и есть на что. Не даром вы всё скрывали это произведение и улыбались своей кошачьей улыбкой, когда об нем была речь. Мне кажется, никогда не было в «Совр[еменнике]» напечатано такой дряни, да что в «Совр[еменнике]» — ни на русском, ни на каком другом языке, вот как мне кажется. Может, и преувеличиваю, но такое было мое впечатление. В роде жезла правоты, только язык хуже. Мне хотелось смеяться, но больно, как над близким родственником. Вы прочтите, я уверен, что вы не читали. Однократный и многократный вид в одном предложении сплошь да рядом и производит такое неприятное, немецкое впечатление. Ну, да содержание и всё, чорт знает что такое. Только одно я узнал из всего, что наш любезный товарищ жил в Мордовской деревни, и у него [[2]] на белесую мордовку, которая не [[1]] ему, и на горничную. Это единственное чувство, к[оторым] проникнуто всё сочинение. Вы прочтите, имея это в виду, и вам всё будет понятно. Зачем! Непонятно.

Тоже статья о Русской Беседе, ² к[оторую] писали вы, ужасно мне не понравилась. Хотя совершенно согласен с мыслью статьи, выраженной однако неясно и неловко, за что скверно-матерно обругали Филишова ³ да и всех, да еще говорят: мы хотим, чтобы спор был благородный. Это похоже на то, что: «честью тебя прошу [[3]]». И потом я совершенно *игнорирую* и желаю *игнорировать* вечно, что такое постулаты и категорические *императивы*. Нет, вы сделали великую ошибку, что упустили Дружин[ина] ⁴ из вашего союза. ⁵ Тогда бы можно было надеяться на критику в «Совр[еменнике]», а теперь срам с этим клоповоняющим господином. Его так и слышишь тоненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся еще более от того, что говорить он не умеет и голос

скверный. — Всё это Белинский. ⁶ Он то говорил во всеуслышание, и говорил возмущенным тоном, потому что бывал возмущен, а этот думает, что для того, чтобы говорить хорошо, надо говорить дерзко, а для этого надо возмутиться. И возмущается в своем уголке, покуда никто не сказал цыц и не посмотрел в глаза. Не думайте, что я говорю о Б[елинском], чтобы спорить. Я убежден, хладнокровно рассуждая, что он был, как человек, прелестный и, как писатель, замечательно полезный; но именно от того, что он выступал из ряда обыкновенных людей, он породил подражателей, которые отвратительны. У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе, утвердилось мнение, что быть *возмущенным, желчным, злым* очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов. А я нахожу, что скверно, потому что человек желчный, злой, не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи. — Поэтому ваши последние стихи ⁷ мне нравятся, в них грусть и любовь, а не злоба, т. е. ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет и в вас меньше, чем в ком-нибудь другом. Напустить на себя можно, можно притвориться картавым, и взять даже эту привычку. Когда это нравится так. А злоба ужасно у нас нравится. Вас хвалят, говоря: он озлобленный человек, вам даже льстят вашей злобой, и вы поддаетесь на эту штуку. — Хотя это не может быть, чтобы я не узнал автора статьи о Р[усской] Б[еседе], но мне приходит в мысль, что ежели вы ее (не писали наверно), но пополняли и были очень довольны. Так сердитесь на меня, если не согласны со мной, сколько хотите, но я убежден в том, что написал, это не словесный спор, и еще о многом по этому случаю хотел бы с вами потолковать, да некогда.

Я пишу «Юность», ⁸ но плохо, лениво. Зато мне так хорошо, что век бы не выехал. О бумаге, что я просил вас, теперь не нужно, я получил деньги. То есть нужно, но деньги могу прислать сейчас же. Прощайте, отвечайте пожалуйста.

Можете себе представить, что только теперь, в деревне, вспомнил историю с Лонгиновым ⁹ и убедился, до какой степени я глупо и нехорошо поступил во всем этом деле. И теперь от души прошу у вас извинения и то же сделаю с Лонгиновым,

как только его увижу. И хотел бы ему рассказать всю историю. Согласны ли вы, чтобы я сказал ему про письмо? Теперь этого я прошу вовсе без кровожадных замыслов.

Еще проездом в Москве, я проходил мимо него, величественно глядя ему в глаза. Странная вещь, как мог я в два месяца не понять всей глупости, коли не гораздо хуже, этой штуки, так я теперь это делаю. Ньюкомов¹⁰ по англ. 4 и дальнейшие части, ежели есть, у меня 3 части, и Крошку Доррит.¹¹ Пожалуйста отвечайте. Дружинина от меня расцелуйте и скажите, что я собираюсь всё ему написать, а может он напишет, да не можете ли вы мне сказать, что делается с Островским и как ему писать?

Ежели вы будете видеться с Лонгиновым, то вы меня одолжите, объяснив ему дело и показав ему хоть то, что я вам пишу.

Впервые напечатано в «Современнике», 1913, 1, стр. 239—241. Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 2 июля.

¹ В «Современнике», 1856, 6 (стр. 164—228, отд. I), напечатана повесть «В глуши», подписанная «В. Б-ви» (в оглавлении: «В. В. Б-и»), принадлежащая перу Василия Васильевича Берви (1829—1918), более известному под псевдонимом Н. Флеровский. Он учился в Казанском университете в одно время с Толстым, почему последний и называет его своим казанским товарищем. Берви был популярен в революционных кружках 1860—1870 гг. как автор запрещенных книг: «Азбука социальных наук» (1871), «Положение рабочего класса в России» (1872), «Исследования по текущим вопросам» (1872). Ему принадлежит крайне резкий разбор «Войны и мира», напечатанный под псевдонимом С. Навалихин в журнале «Дело», 1868, № 6, под заглавием: «Изящный романист и его изящные критики».

О повести из мордовской жизни Берви, так зло осмеянной Толстым, весьма низкого мнения был и Панаев («Красная нива», 1928, 9, стр. 226).

² Речь идет о статье Н. Г. Чернышевского (не подписанной) в № 6 «Современника» 1856 г. (стр. 244—256) «Заметки о журналах. Май 1856. «Русская беседа» и ее направление» (перепечатана в Полном собрании сочинений Чернышевского, 1906, т. II, стр. 421—431). Статья написана по поводу 1 книги «Русской беседы». Чернышевский отрицательно отнесся к статье Т. И. Филиппова «Не так живи, как хочется».

³ Третий Иванович Филиппов (1825—1899) — реакционный журналист, крупный чиновник, с 1889 г. — государственный контролер.

⁴ Александр Васильевич Дружинин.

⁵ В 1856 г. Дружинин, стоя на позициях так называемого «чистого искусства» и враждебно относясь к революционно-демократическому направлению Чернышевского и Некрасова, оставил «Современник» и

с сентября начал свою деятельность в новой роли, взяв на себя отдел критики журнала «Библиотека для чтения». Некрасов, желая удержать в «Современнике» лучших соотрудников, предоставил им право участвовать в доходах журнала. В 1856 г. группа писателей — Тургенев, Толстой, Григорович и Островский — соединилась как бы в союз и решила печататься только в «Современнике». Помимо уведомлений об этом на обложках журнала «Современник» за 1856—1857 гг., в ноябрьской и декабрьской книжках 1856 г. за подписями Панаева и Некрасова, и в «Московских ведомостях» 1856 г., октября 22, № 114, об этом «обязательном» соглашении было сказано: «Все новые беллетристические произведения названных писателей (романы, повести, комедии и т. п.), начиная с 1857 г., будут появляться исключительно в «Современнике» — кроме тех статей, которые обещаны этими писателями (в др. журналы) до заключения этого условия. Впрочем, обещание каждого не превышает одной статьи». Но идея этого соглашения оказалась нежизненной, и в начале 1858 г. союз распался (см. ш. №№ 104 и 105).

⁶ В Дневнике под 2, 3 и 4 января Толстой отмечает чтение статей Белинского о Пушкине.

⁷ Какие стихи — не установлено.

⁸ «Юность» была окончена 24 сентября и напечатана в № 1 «Современника» за 1857 г.

⁹ Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) — библиограф. Лонгинов был дружен с кружком Некрасова, Панаева и Дружинина. С 1867 г. был орловским губернатором; в 1871 г. назначен начальником Главного управления по делам печати. О вызове на дуэль Толстым Лонгинова см. т. 47, стр. 68 и 308.

¹⁰ Ньюкомы («Newcomes») — роман Теккерея. См. т. 47, стр. 346.

¹¹ «Крошка Доррит» («Little Dorrit») — роман Диккенса, печатался с декабря 1855 г. по апрель 1857 г. в журнале, основанном Диккенсом в 1850 г., «Household words». В этом издании и читал ее Толстой. О чтении этого романа Толстой отметил в Дневнике под 25 августа 1856 г. См. т. 47, стр. 90.

На это письмо (а также и на письмо от 29 июня) Толстого Некрасов отвечал письмом от 22 июля. Приводим отрывок: «О том, что в ваших письмах, хотел бы поговорить на досуге. Но ни с чем я не согласен. Особенно мне досадно, что вы так браните Чернышевского. Нельзя, чтоб все люди были созданы на вашу колодку. И коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным. Не надо также забывать, что он очень молод, моложе всех нас, кроме вас разве. Вам теперь хорошо в деревне, а вы не понимаете, зачем злиться, вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровыми, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину. — Напишу вам еще на-днях» (опубликовано в альманахе «Круг», книга шестая, М. 1927, стр. 199—200).

1856 г. Августа 17. Я. П.

Многолюбезные Судаковские барышни! Пожалуй «с'est ne pas convenable»¹ писать вам; но ведь нынешний вечер *никогда* не возвратится, а в нынешний вечер и в сию минуту мне доставит точно удовольствие писать вам. Так Бог с ним совсем с «convenable», как говорит Гимбут² — доставляю себе точно удовольствие. Хотел с своей глупой манерой подтрунивать над чем-то, написать, что я умираю с тоски без вас и вырвал все волосы и до крови разбил грудь, но это говорится из трусости, из боязни чего-то, а теперь я в спокойном состоянии, тетинька³ сидит, тасует карты, делает губами кроткое: эте, эте! часы постукивают, ноги у меня выше головы, потому скажу, что думаю, мне, без шуток, к удивлению моему, грустно без вас. Особенно ежели бы В[алерия] В[ладимировна] оставила последнее впечатление неблагоприятное, а то, по вашему выражению, с которым я в последний день согласился, *милой девушки, которую все любят*. Ну, что Москва? Николай Дмитрев⁴ пишет, что там белые грибы дешевы, я у вас не об этом спрашиваю. —

Как Аверьянов,⁵ милая тетинька,⁶ полковая командирша, кружева, Мортье?⁷ Не изменился ли с вашим приездом взгляд на какой-нибудь из этих предметов? Начала ли милая Madame Quixebauch⁸ чулок, который она будет вязать по длинным ночам, дожидаясь Ее Высочество? Напишите, пожалуйста, всё. Ежели я буду в том же расположении духа, в котором теперь, то три раза перевернусь колесом, получив письмо ваше. M-lle Vergani⁹ и Вал[ерия] Влад[имировна], пишете, кроме тетушки, и мне, что за путаница! Я не верю Гимбуту et je ne crains de me comprometre en recevant vos lettres. Faites de même.¹⁰ Мортье вы, верно, уже от меня поцеловали, поцелуйте и Костиньку¹¹, что он, бедный, милый малый? Увезите его из Москвы, уговорите; по крайней мере, вы сделаете одно хорошее дело, исключая *представления ко двору* и покупки кружева, про что и говорить нечего, как важно. — Впрочем, меня утешает в вашем отсутствии та мысль, что вы вернетесь постарше немного; а то молодость, впадающая в ребячество, есть недостаток, хотя и очень милый, а другое еще утешенье, что вы, авось, вернувшись будете играть поменьше с душой и побольше с тактом. Как остался вами доволен Мортье? Вижу,

как вы, сделав болезненную улыбку, говорите: и тут не мог без морали. Что делать? взял дурную привычку учить других тому, в чем сам хромаю. Кстати тоже мораль, которую вспомнил: что забыл сказать вам, уезжая. Вы поставлены в очень счастливое положение в денежном отношении. Другому, промотавшись, надо обращаться к жидам — это скверно; но вам еще хуже, — вы можете быть вынуждены обратиться к дяде.¹² А это было бы очень плохо. Пожалуйста, ежели вы удостоите меня ответом, об пишке поподробнее. Здоровье, разумеется, вам беречь нечего, M-lle Vergani слушать тоже не надо, ежели вы это будете соблюдать, то всё пойдет хорошо. Прощайте. Дай вам Бог всего лучшего. Тетенька вас целует.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Датируется содержанием и записью в Дневнике (см. т. 47, стр. 90).

Валерия Владимировна Арсеньева (1836—1909). После смерти ее отца Владимира Михайловича (1810—1853) Толстой был назначен опекуном оставшихся детей: Валерии, Евгении и Николая. В качестве опекуна Толстой часто бывал в Судакове — имении Арсеньевых, находившемся в 7 километрах от Ясной Поляны. Увлечшись Валерией Владимировной, Толстой задумал жениться на ней. Свой роман с Арсеньевой он отчасти изобразил в «Семейном счастье» (см. т. 5). Сохранилось восемнадцать писем Толстого к Арсеньевой за 1856—1857 гг. Девиз Арсеньевых с их компаньонкой Вергани Толстой в письмах часто называл «судаковскими барышнями».

¹ [это неприлично]

² Карл Федорович Гимбут (1815—1881), служил лесничим подгородного лесничества близ Ясной Поляны; в ГТМ имеется письмо К. Ф. Гимбута к Толстому от 18 декабря 1852 г.

³ Т. А. Ергольская.

⁴ Сведений об этом лице не имеется.

⁵ Аверьянов — ошибка: нужно — Апреянинов Сергей Александрович, жематый на кн. Евгении Дмитриевне Долгоруковой (ум. 1864), дочери посланника в Тегеране, затем сенатора кн. Дмитрия Ивановича Долгорукова.

⁶ Щербачева — тетка В. В. Арсеньевой по матери.

⁷ Луи-Анри-Станислав Мортье де Фонтен (1816—1883) — пианист и композитор. В 1837 г. Мортье выступал с Листом в Милане. В 1853—1880 гг. Мортье концертировал в Петербурге и в Москве.

⁸ Повидимому, героиня одного из английских романов.

⁹ О Вергани см. прим. к п. № 22.

¹⁰ [и не боюсь скомпрометировать себя, получая ваши письма. Делайте так же.]

¹¹ Константин Александрович Иславин.

¹² Имеется в виду Николай Васильевич Киреевский (1797—1870), родственник Арсеньевых, живший в своем имении Шаблыкино, Карачевского уезда Орловской губернии. Известен изданный Киреевским «Альбом села Шаблыкина». В 1856 г. издал свои воспоминания об охоте под заглавием: «Сорок лет постоянной псовой и ружейной охоты», М. 1856; второе издание — М. 1875. Толстой в «Воспоминаниях» называет Киреевского товарищем по охоте и приятелем своего отца.

20. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Августа 18. Я. П.

Посылаю тебе, любезный друг Сережа, письмо Валериана ¹ ко мне, из которого ты узнаешь о Николинькиных планах, которые я нахожу между прочим ужасно нелепыми. Впрочем отвечай как знаешь, я буду на всё согласен. В Москву я еще приехать не собираюсь. Нешто 25-го и то едва ли; хочется дописать первую половину Юности и привезти ее с собой. — Собак мне привели, лошадь я купил славную, но два раза ездил в наездку, ² не видал ни одного. На днях поеду с Аффросимовым. ³ Мы уже ездили с ним в засеку и распугали там выводок волков. — Мы с тетинькой ⁴ то, что тебе нужно многое сказать, ⁵ перевели так, что ты думаешь жениться, но Нат[алья] Петр[овна], ⁶ приехав из Тулы, объяснила нам, что ты вызываешь к себе Машу ⁷, и мы разочаровались. — Прощай, очень кланяйся Волконским ⁸ и Трусону ⁹ и отпиши, в Москве ли Толстые; ¹⁰ да действуй уже теперь, что[бы] уехать в конце месяца, а то нескоро вырвешься. Охота же уж с неделю как ушла.

Твой Г. Л. Толстой.

18 Августа.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 323—325. Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 17 августа 1856 г. (т. 47, стр. 90).

¹ Письмо гр. В. П. Толстого неизвестно (см. т. 47, стр. 90).

² Наездка — осенняя охота верхом с борзыми на лежащего в поле зайца.

³ Павел Александрович Оффросимов (1799—1877) — сын тульского помещика. С П. А. Оффросимовым Толстого сближала охота.

⁴ Т. А. Ергольская.

⁵ «нужно многое сказать» — слова из несохранившегося письма С. Н. Толстого из Москвы.

⁶ Н. П. Охотницкая.

⁷ Тульская цыганка Мария Михайловна Шишкина (1832—1919), впоследствии жена С. Н. Толстого (см. т. 61).

⁸ Троюродный брат Толстого по матери кн. Александр Алексеевич Волконский (о нем см. прим. 4 к п. № 5) и его жена Луиза Ивановна (рожд. Трузсон) — прототип в «Войне и мире» маленькой княгини Болконской.

⁹ Федор Иванович Трузсон, брат кн. Л. И. Волконской.

¹⁰ Александра Андреевна и ее сестра Елизавета Андреевна Толстые.

21. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Августа 23. Я. П.

1856 г. 23 Августа.

Судаковские барышни.

Сейчас получили *милое* письмо ваше, ¹ и я в первом письме, объяснив, почему я позволяю себе писать вам, — пишу, но теперь совершенно под противоположным впечатлением тому, в котором я писал первое. — Тогда я всеми силами старался удерживаться от елადости, которая ² так и лезла из меня, а теперь от тихой ненависти, которое в весьма сильной степени пробудило во мне чтение письма вашего к тетиньке, и не тихой ненависти, а грусти и разочарованья в том, что *chassez le naturel par la port, il revient pas la fenêtre.* ³ Неужели какая-то смородина *de toute beauté haute volée* ⁴ и флигель-адъют[анты] останутся для вас вечно верхом всякого благополучия? — Ведь это жестоко! Для чего вы писали это? Меня, вы знали, как это подерет против шерсти. Для тетеньки? Поверьте, что самый дурной способ дать почувствовать другому: «вот я какова!» это придти и сказать ему: вот я каков! Во-первых, коли молчать о всех тех вещах, которые льстят нашему тщеславию, выгода одна та, что предполагают гораздо больше и выгодней того, что вы расскажете; во-вторых, ежели это расскажет посторонний, то еще получаешь новую заслугу — скромности. Это не поэзия и философия, а чистый расчет в делах, которые действительно лестны. — Вы должны быть были ужасны в смородине *de toute beauté* и, поверьте, в миллион раз лучше в дорожном платье. Любить *haute volée*, а не человека, нечестно, потом опасно, потому что из нее чаще встречается дрянн, чем из всякой другой *volée*, а вам даже и невыгодно, потому что вы сами не *haute volée*, а поэтому ваши отношения, основанные на хорошеньком личике и смородине, не совсем то должны быть

приятны и достойны — dignes. Насчет Флигельадъютантов — их человек 40, кажется, а я знаю положительно, что только два не негодны и дураки, стало быть, радости тоже нет. — Как я рад, что измяли вашу смородину на параде, и как глуп этот незнакомый барон, что спас вас. Я бы на его месте с наслаждением превратился бы в толпу и размазал бы смородину по всему белому платью. Это я говорю потому, что верно вы не были в серьезной опасности. Это только Пиквик, ⁵ которого историю вы не читали, чуть было не погиб на параде, а чтоб барышня, приехавшая учиться музыке на коронации, погибла от столь невинной и приятной забавы, как парад, этого я никогда не слыхивал с тех пор как живу, поэтому этого и быть не могло. —

У нас в деревне погода чудная, и я нынче с 6 часов утра и до 8 вечера шляется на охоте, и так наслаждался, как не удастся ни одному обер-камер-фурьеру и ни одной барыне в платье broché ⁶ чем-то. — Поэтому-то, хотя мне и очень бы хотелось приехать в Москву позлиться, глядя на вас, я не приеду, а, пожелав вам всевозможных тщеславных радостей с обыкновенным их горьким окончанием, останусь ваш покорнейший, но неприятнейший слуга

Гр. Л. Толстой.

Avec des sentiments distingués, ⁷ виноват, забыл вклеить эту милую фразу, в которой так много смысла. —

Нет, без шуток, ежели вы простите мне это письмо, то вы добрый человек: M-lle Vergani, заступитесь за меня. —

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 323—325. Год определяется содержанием.

¹ Письмо В. В. Арсеньевой не сохранилось. Оно было адресовано Т. А. Ергольской.

² В автографе: которую

³ [гони природу в дверь, она влетит в окно.]

⁴ [высший сорт, высший свет]

⁵ Пиквик — герой романа Диккенса «Замогильные записки Пиквикского клуба», на английском языке впервые печатавшегося отдельными выпусками, выходящими с апреля 1836 г. по ноябрь 1837 г. Первый перевод (И. Введенского) романа на русский язык печатался в «Отечественных записках», 1849, №№ 11 и 12, и 1850, №№ 1—5, 7, 8, 11 и 12. В письме Толстой говорят об эпизоде, описанном в IV главе.

⁶ [отделанное]

⁷ [С наилучшими пожеланиями,]

* 22. В. В. Арсеньевой и Ж. Вергани.

1856 г. Сентября 8. Судаково.

1856 года. — 8 сентября.

Милые и безъденя. ¹

Я сейчас приехал в Судаково и попросил Н[аталью] П[етровну] позволить мне вписать две строчки в ее письмо, но это заглавие так смутило меня, что не умещусь в двух строчках. Главное, я хотел просить вас написать тетиньке или мне два слова, а то меня мучает и то, что я написал вам без позволения, и то, что написал глупо, грубо, скверно. Напишите два слова, сердитесь ли вы за это и как вы сердитесь. А то я думаю и передумываю и даже приехал в Судаково, чтоб разрешить себе этот вопрос. Но Судаково сказало мне много очень хороших, приятных вещей, но всё я остаюсь в неприятном положении сомнения. — Н[аталья] П[етровна], разумеется, показала мне ваше письмо, и я совершенно согласен с Катей, ² что надо плакать читая его, и с Н[атальей] П[етровной], которая находится в восхищеньи, доходящем до отчаяния: *как она может в ее года обо всем вспомнить*, мне же особенно нравится то, что вы разрубили гордыев узел сплетен, который заварила рыжая барышня. Брависсимо. Но как это случилось? Продолжаете ли вы также веселиться? Совсем не иронически дай Бог вам побольше. — Как музыка? И вернетесь ли вы и когда? Счастье наше, что есть дети, ³ а то бы вы, я боюсь, совсем исчезли. — Главное, мучает меня то, что я, беспутный человек, осмеливаюсь давать советы кому же? вам, которые приводите Н[аталью] П[етровну] в отчаянье своей практичностью, а меня в умиление деятельной *любовью*, которая выражается в ваших письмах. — Прощайте, от души жму вашу руку с шишкой (о которой все таки ничего не знаю) и все таки в беспокойном сомнительном состоянии остаюсь ваш

Гр. Л. Толстой.

Тетинька здорова и наверное знаю, что вас обнимает всегда мысленно изо всех сил.

Как вы поживаете, *милые и бесценные* M-lle Vergani? Vous ne nous donnez pas signe de vie, et sans plaisanter comme vous savez comme on vous aime à Ясное, vous savez aussi combien de plaisir nous ferait un petit mot de vous. D'après plusieurs

sources indirectes nous savons à peu près du moins ce que fait Mlle Valérie, mais de votre genre de vie et de vos occupations, je ne puis me faire aucune idée, ⁴ исключая *деятельной любви*, выражающейся в проймах и фестончиках. — Но немногие на это способны. Прощайте, Христос с вами. *Флинта, краска, лаки-кунья. Ту!* — Пожалуйста не будируйте меня, а будьте пашинки такие же, как я в эту минуту. — Не только не хорошо добрым людям притворяться злым, но даже злым людям лучше притворяться добрыми. —

Александр Петрович ⁵ кланяется и приказал написать, чтобы ему непременно были привезены из Москвы сапоги с каблучками и на пробках, работы Брюно. Мерка его при сем прилагает[ся]. ⁶

Женни Вергани — итальянка, служившая гувернанткой и воспитательницей М. Н. Толстой (в 1840-х гг., в Казани), а с 1850 г. — у Арсеньевых.

¹ Дата и обращение написаны рукой Н. П. Охотницкой.

² Вероятно, соседка Арсеньевых Екатерина Васильевна (фамилия неизвестна), упоминаемая в сохранившейся записке В. В. Арсеньевой к Толстому.

³ Младшие сестра и брат В. В. Арсеньевой: Евгения и Николай.

⁴ [Вы не подаете нам признака жизни, а без шуток, так как вы знаете, как вас любят в Ясной, вы знаете также, какое удовольствие доставило бы нам маленькое словечко от вас. Из многих косвенных источников мы знаем приблизительно о том, что делает м^{lle} Валерия, но о вашем образе жизни и ваших занятиях я не могу составить никакого представления,]

⁵ Александр Петрович — неизвестен.

⁶ См. вклейку между стр. 88 и 89.

На это письмо, а также и на два предыдущие письма Толстого (от 17 августа и 23 августа) В. В. Арсеньева ответила письмом от 12 сентября.

23. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Сентября 10. Я. П.

Теперь только в 9 часов вечера сегодня — понедел[ьник] могу тебе дать хороший ответ; а то всё было хуже и хуже, привозили 2-х докт[оров], пускали еще 40 пиявок, но сию минуту только я заснул и, проснувшись, почувствовал себя значительно лучше. — Раньше дней 5, 6 все-таки и думать нельзя мне ехать. Так до свиданья, пожалуйста уведошь, когда ты

3 18 1/2. года. — 8. Сентября.

Милый человек.

Я сейчас принимаю в Судакое
и принимаю М. П. Жуковича
много вышарь два строчки в ед
миссии, но это замалит так
сильным мисс, кто не умиляет
в двух строчках. Желание в
вопросе просить вас написать
тетельки или много два слова.
а то мисс миссия и по ком
и написать быть без пожелания
и то ком написать много грубо
скверно. Напишите два слова
середител ли вы за это и как.
вы середител. сд то и дунало и
судакое и даки принимаю
в Судакое, кто в разуме
сдн этот вопрос. Но Судакое
сказано много много опис морими
приобретать велики, но все в одави
в неприимный покорный-сам-
мисий. М. П. разумеет по-
желания много вышар миссия и в
совершено пожелан в Катси
это надо написать катси ед.
и М. П. которая находится
в волемиши даки миссия да
такая: как она миссия в с
года обо всем вестимств,

que acerbisimo irabimur, mox
 hinc peripetiam respiciet, yperis
 iniectione Komopau caldipum
 plepari sapientior. U pabuum
 hec kaker orno cyphumob? Nro
 daccipere in ho makip hec huc
 Ca Lemis su uposarecku dau
 Jorr haum traducere. Kaker
 mystika? U hepuejub in bai u ker
 Da? Craupre sauu, rno scem dyp
 a mo dbe hie u doraib colomus ug
 regem. Verabro myraff inera
 mo, rno u regymetieu recobub
 acuumbarois dabadp colomus
 kamy pi? haum, Komopau nra
 badum H. N. b. vmdraiebi dbe
 inera nra kmarawp a inera
 h. ymuerie dnermeidam u
 ddban Komopau kypapuep
 kermua muckinard. Nrompam
 omr dyuu, pemy kamy pyky do
 muukau / Komopau bu pku
 auero ne pary / u bu maku
 h. dypokumzwin muuuep
 muu uepary, acmaweb haum
 Ep. N. Mucipue

Memuicka z dypaka u subpue
 pary, rmo hae pilaungapue hie
 ypermeu uyo kerm. uieo.
 Kaker hie nra pabuum inera u dbe
 uerau. Et hie Vergam? Dams ne nou

denuo per signe di uis et sam
 plaudantia, comino nous sauer comu
 vous si mo a deuez, vous sauer
 euidi combien de plaisir nous
 fevait un petit mot de vous.
 Et apres plusieurs sources indi
 ctees nous saurons a peu pres
 du moins ce qui fait M. de la
 lettre, mais de notre genre de
 vie et de nos occupations je ne
 puis me faire aucune idee, c'est
 tout. Dormez vous uo du bapap
 uoyez h. dypokumzwin u pceono
 kaker. Ho kermaw u na dno
 enacostie. Nrompam, apuep
 et haum Banum, Kpacha.
uakaryeb, Net! Nopam
 rna h. dypokumzwin u dbe
 nauuicku makip he kaker u h
 dno muuuep. Hemuecku u
 dypue ddban u adreus. nra
 kypapuep friban, mo dape pabum
 u adreus regem nra puep
 ddban.
Eueckanip Kempalob kuauep
 u nra pary nauuicku, amob hie
 u dypokumzwin dbe nra puep
 u. Hackbe camom et facykum
 u nra puep hie pabum dbe
Nra puep ero nra cam nra puep

уедешь и точно ли есть большие упущения у тебя в хозяйстве и не очень без меня выбивай места. Собак может быть пошлю завтра. ¹ —

Твой Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в Б. I, 4, стр. 295.

Письмо датируется содержанием и записью в Дневнике о болезни.

¹ Толстой собирался с братом на охоту в Курскую губернию, но из-за болезни осуществить этого ему не удалось. См. п. № 24.

К настоящему письму Толстого сделана приписка П. И. Юшковой (подлинник по-французски) о здоровье Льва Николаевича и о ее тревогах, когда братья уезжают на охоту,

* 24. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Сентября 16. Я. П.

16 Сентября.

Любезный друг Сережа!

Здоровье мое и поправилось и нет. Боли той нет и воспаления нет, но какая-то тяжесть в груди, покалывает и к вечеру болит. — Может быть, оно и пройдет по немногу само собой, но я нескоро решусь ехать в Курск, а ежели нескоро, то и совсем нечего ехать. Скорее, ежели недели две не будет лучше, я съезжу в Москву. ¹ Пожалуйста не сердись на меня и не думай, чтобы я желал тебе изменить. Мне, напротив, страшно хотелось ехать, и собак я вернул почти с дороги. А кто знает, ежели очень скоро совсем пройдет, то я приеду, собак посажу с собой. А лошадь там, надеюсь, достанем. Но вообще ежели через неделю, т. е. до 23 Сентября, я не приеду, значит не приеду совсем, и тогда, может быть, ты вернешься, ежели тебе там будет скучно. ² — Но хорошо бы было, ежели бы ты там кончил с Щербачовкой. Право, это неподходящее дело с Николинкой, ³ а запродай там этому соседу или кому-нибудь, ежели цена не слишком малая и превосходно бы было, а деньги ведь нам всем нужны и очень. По крайней мере, мне нынешний год очень нужны. Я еще не выхожу из комнаты, тетинька ⁴ здорова и целует тебя. Прощай, будь здоров и затрави там 10 лисиц и приезжай к нам.

Твой бр.

Отвечай пожалуйста.

Впервые отрывки из письма напечатаны в Б. I, 1, стр. 295, в ПТС, 1, стр. 54, и Бир. XXI, 1913, стр. 146.

¹ В Москву Толстой выехал 1 ноября 1856 г.

² См. прим. 1 к п. № 23.

³ Н. Н. Толстой предполагал купить Щербачовку.

⁴ П. И. Юшкова.

25. А. В. Дружинину.

1856 г. Сентября 21. Я. П.

Письмо ваше ¹ очень обрадовало меня, милейший Александр Васильевич; особенно потому, что я с каждым днем всё собирался писать вам и, без фразы, почти каждый день думал о вас. — Во-первых, я думал о вас потому, что я вас очень люблю и уважаю, тоже без фразы, а во-вторых, потому, что хотел просить вас о помощи. Ваше желание я надеюсь исполнить и исполнил бы его сейчас же, ежели бы меня не связывало обещание, которое я дал Краевскому, дать ему первое, что буду печатать. Ведь к последней книжке значит к Декабрю? а для Краевского у меня уже готовится, ² для вас же почти готово, был написан для имевшего издаваться Воен[ного] Ж[урнала], ³ правда, крошечный эпизодец Кавказский, из кот[орого] я взял кое-что в Руб[ку] Леса и к[оторый] поэтому надо переделать. ⁴ Не для того, чтобы вас задобрить к услуге, которую от вас прошу, но просто мне ужасно приятно сделать вам что-нибудь приятное и, получив ваше письмо, да и прежде я раскаивался в этом поспешном условии с Современником. ⁵ Вот в чем моя просьба. Я написал 1-ю половину Юности, ⁶ кот[орую] обещал в Современник. Я никому ее не читал и писал пристально, так что решительно не могу о ней судить — всё у меня в голове перепуталось. Кажется мне однако, без скромности, что она очень плоха — особенно по небрежности языка, растянутости и т. д. Кажется мне это потому, что когда я пишу один, никому не читая, то мне обыкновенно одинаково думается, что то, что я пишу, превосходно и очень плохо, теперь же гораздо больше думается последнее. Но я совершенно с вами согласен, что раз взявшись за литературу, нельзя этим шутить, а отдать ей всю жизнь, и поэтому я, надеясь впредь написать еще хорошее, не хочу печатать плохое. Так вот в чем просьба. Я к вам пришлю рукопись, — вы ее прочтите и строго и откровенно скажите

свое мнение, лучше она или хуже Детства и почему и можно ли, переделав, сделать из нее хорошее или бросить ее. Последнее мне кажется лучше всего, потому что, раз начав дурно и проработав над ней 3 месяца, она мне опротивела до нельзя. —

Ну да довольно об этом. Адрес мой в Тулу просто. Живу я в деревне, жду денег, чтоб ехать в Петерб[ург] и за границу. Охотился, писал, читал много, ездил кое-куда по деревням, немножко влюбился в одну деревенскую барышню,⁷ но теперь сижу дома, потому что болен и очень серьезно. У меня было воспаление в груди, от кот[орого] я не вылечившись, простудился снова, и теперь нехорош. Прощайте, любезный Александр Васильевич, я с удовольствием думал со вчерашнего дня, что я напишу вам и было что-то много, но теперь я так устал и так болит грудь, что кончаю. Напишите пожалуйста, а Юность я с этой почтой вам вышлю, вы ее храните у себя, не показывайте никому и только ежели ваше решение хорошо и я напишу еще вам, тогда отдайте Панаеву.

Истинно любящий вас Гр. Л. Толстой.

21 Сентября.

Кланяйтесь милому Генералу⁸ и всем, кто меня помнит. Ежели бы, против чаяния, в Юн[ости] только нужно бы было вымарать кое-что, то марайте, где вам это покажется нужным.

Впервые опубликовано не вполне точно в статье «Молодой Толстой» — «Звезда», 1930, № 3, стр. 160—161.

Датируется содержанием и записью в Дневнике под 21 и 22 сентября 1856 г.

Александр Васильевич Дружинин (1824—1864) — критик, проповедник «чистого искусства», переводчик и беллетрист. Толстой находился с ним одно время в дружеских отношениях. Подробнее см. предисловие к настоящему тому и т. 47, стр. 323—324.

¹ Письмо Дружинина от 15 сентября 1856 г. было получено Толстым 21 октября. Опубликовано в книге К. Чуковский, «Люди и книги шестидесятых годов», Изд-во писателей в Ленинграде, 1934, стр. 256. Дружинин просил Толстого дать ему в «Библиотеку для чтения» «хоть самую крошечную статейку, отрывок, эпизод из севастопольских воспоминаний».

² Толстой готовил для «Отечественных записок» «Утро помещика», напечатанное в № 12 за 1856 г. См. прим. к п. № 48.

³ Во время пребывания в Крыму на военной службе Толстому пришла мысль организовать общество содействия просвещению и образованию среди войск и издавать журнал, но последовал запрет со стороны Николая I, и намерение Толстого не осуществилось. См. т. 47, стр. 26 и 268.

Текст проекта журнала и заметки о военном журнале см. в т. 4, стр. 284—285.

⁴ Речь идет об очерке «Поездка в Мамакай Юрт» (см. т. 3, стр. 215). Впоследствии Толстой заимствовал кое-что из этого рассказа для «Рубки леса». Намерение переработать и дополнить для Дружинина этот рассказ было оставлено, и Толстой написал для Дружинина совершенно новый рассказ «Разжалованный» (т. 3, стр. 75 и 312), который, под названием «Встреча в отряде с московским знакомым», был напечатан в «Библиотеке для чтения» за 1856 г., № 12.

⁵ Об условии, заключенном Толстым и группой писателей с «Современником», см. прим. 5 к п. № 18.

⁶ Историю писания «Юности» см. в т. 2 настоящего издания, стр. 374—380. Толстой отправил «Юность» А. В. Дружинину 24 сентября 1856 г.

⁷ В. В. Арсеньева.

⁸ Под «Генералом» Толстой подразумевает Ег. П. Ковалевского. О нем см. прим. к п. № 26.

А. В. Дружинин ответил на это письмо 6 октября 1856 г. (см. прим. к п. № 28).

26. Ег. П. Ковалевскому.

1856 г. Октября 1. Я. П.

Многоуважаемый Егор Петрович! Давно подумывал я о вас и собирался написать вам — так, чтобы напомнить о себе и чтобы вызвать вас на словечко, но частью от лени, частью от занятий не делал этого; теперь кроме этого присоединилась еще просьба к вам. — Не пугайтесь и не думайте, что я прошу зачислить меня куда-нибудь в посольство, просьба вот в чем: я с этой же почтой посылаю Константину¹ рапорт об отставке, то пожалуйста скажите словечко в Инспек[орском] Депар[таменте],² чтобы дело это сделалось поскорее, и ежели увидите моего милейшего начальника³ и ему скажите, чтобы он не задерживал отставки. А то он раз отговаривал меня и теперь как бы не сделал этого. Вы меня знаете больше его, поэтому, ежели случится с ним говорить об этом, можете сказать ему, что я от службы ждать ничего не могу благоразумно, да и просто неспособен к ней, так из чего же мне связываться. А занятий у меня действительно довольно, в которых эта мнимая служба все-таки стесняет меня. Планы мои об обязанных крестьянах не удалась до сих пор, но я не теряю надежды и, может быть, сделаю таки скоро почти так, как хотел. Не удалось главное, от убеждения, откровенно распространенного в народе, что в коронацию, а теперь к новому году, будет сво-

беда всем с землей и со всей землею. — У нас главная беда: не столько дворяне привыкли с закрытыми дверями и по-французски говорить об освобождении, но правительство уж так секретничает, что народ ожидает освобождения, но на данных, которы[е] он сам придумал. Имея самое смутное понятие о собственности земли и желая иметь ее, народ везде решил, что освобождение будет со всею землею. И это убеждение вросло сильно и ежели будет резня с нашим кротким народом, то только вследствие этого незнания своих настоящих отношений к земле и помещику, а правительство секретничает изо всех сил и воображает, что это внутренняя политика, и ставит помещиков в положении людей интеромпирующих, заслоняющих ⁴ от народа милости свыше. И кончится тем, что нас перевернут. Как я занялся делом в подробности и увидел его в приложении, мне совестно вспомнить, что за гиль я говорил и слушал в Москве и Петербурге от всех умных людей об эманципации. Когда-нибудь расскажу вам всё и покажу журнал моих переговоров с сходкой. ⁵ — Вопрос стоит вовсе не так, как полагают умные: как решить лучше? (ведь мы хотим сделать лучше, чем во Франции и Англии), а как решить скорее? Слова, сказанные Императором в Москве, ⁶ облетели всю Россию, — запомнились всеми теми, до кот[орых] они касаются, и помещиками и крепостными, а они касаются слишком важного и натруженного вопроса, что об них можно было забывать. Можно сказать, чтоб в полку было 4 бат[арей], а потом, чтоб было 30 бат[арей], это не беда, а сказать, что нужно подумать о свободе, а потом забыть — нельзя. Но я хотел еще сказать, почему мне нужно в отставку. Я был очень, очень болен воспалением в груди, кот[орое] 2 раза возвращалось, и главная причина болезни страданья печени, от которых мне нужны воды. Нынешний год я уже опоздал, а на будущий надо бы было, ежели бы я не вышел в отставку, опять брать отпуск. Несмотря на неудачу и болезнь, я отлично прожил в деревне эти 3 месяца. И право, сердитесь не сердитесь, чудеснейший Егор Петрович, а отлично жить на свете. — Занимался я хозяйством, охотой, природой, с каким-то особенным наслаждением, кажется даже влюблен был в одну соседку милейшую деревенскую барышню и написал Юн[ость], но без скромности говоря, уверен, что плохо, жду суда одного Г[осподи]на, кот[орому] послал ее и кот[орому] очень верю. ⁷ — Что вы делали?

Неужели всё грустили и всё были недовольны той деятельностью, кот[орая] вам досталась на долю, всё старались видеть дурным для того, чтобы иметь гордое удовольствие возмущаться, и даже себя старались видеть нехорошим, чтобы возмущаться и на себя и на Бога немножко: зачем он вас сотворил? Вы верно часто видите Блудовых, передайте им, особенно А[нтонине] Д[митриевне],⁸ мое искреннее уважение и скажите ей, чтобы она тоже не возмущалась. Я открыл удивительную вещь (должно быть, я глуп, потому что, когда мне придет какая-нибудь мысль, я ужасно радуюсь); я открыл, что возмущение — склонность обращать внимание преимущественно на то, что возмущает, есть большой порок и именно нашего века. Есть 2, 3 человека, точно возмущенные, и сотни, кот[орые] притворяются возмущенными и поэтому считают себя в праве не принимать деятельного участия в жизни. Разумеется, я говорю не про вас и про Блудову, но из литературного кружка есть много таких наших общих знакомых. Но даже, ежели человек искренно возмущен, так был несчастлив, что всё наталкивался на возмутительные вещи, то одно из двух: или, ежели душа не слаба, действуй и исправь, что тебя возмущает, или сам разбейся, или, что гораздо легче и чему я намерен держаться, умышленно ищи всего хорошего, доброго, отворачивайся от дурного, а право, не притворяясь, можно ужасно многое любить не только в России, но у Самоедов. — Пожалуйста через Блудовых узнайте, где мои кузины Толстые,⁹ и попросите им очень от меня поклониться, ежели они в Петербурге. —

Я чувствую, что это письмо велепо, но, пожалуйста, не сердитесь на меня за это и ответьте мне хоть буквально два слова. Я не умею как-то писать благоразумно и прежде всегда рвал свои письма, а теперь уже думаю, видно я такой. Пусть все и знают меня таким. Не беда, ежели они меня немного любят. А я надеюсь, что вы меня немного любите, потому что я вас очень люблю и уважаю.

Ваш Гр. Л. Толстой.

1 Октября.

Впервые опубликовано в «Литературном вестнике», 1903, кн. 6, стр. 119—121 (напечатано как письмо гр. А. К. Толстого). Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 1 октября 1856 г. (см. т. 47, стр. 93).

Егор Петрович Ковалевский (1811—1868) — писатель, путешественник, позднее сенатор. Окончил курс Харьковского университета; в 1829 г.

поступил на службу в горный департамент; до 1837 г. служил на алтайских и уральских заводах горным инженером. В 1837 г. был отправлен в Черногорию для отыскания и разработки золотоносных песков. В 1839 г. участвовал в хивинской экспедиции гр. Перовского. В 1847 г. по приглашению египетского вице-короля Мегмет-Али произвел геологические изыскания в северо-восточной Африке. В 1849 г. сопровождал духовную миссию в Пекин и настоял на пропуске русских караванов по удобному «купецкому тракту» вместо почти непроходимых аргалинских песков. В 1851 г. при посредстве Ковалевского был заключен Кульдживинский трактат, положивший начало правильной торговле России с западным Китаем. В начале 1853 г. был отправлен в Черногорию комиссаром. Во время осады Севастополя Ковалевский оставался в штабе М. Д. Горчакова до октября 1855 г. и собирал материалы для истории этой осады. В 1856 г. кн. А. М. Горчаков поручил ему управление азиатским департаментом. В 1861 г., в чине ген.-лейтенанта, был назначен сенатором и членом Совета министра иностранных дел. В 1856—1862 гг. был помощником председателя Императорского Географического общества.

Толстой близко познакомился с Е. П. Ковалевским в Севастополе, а затем часто встречался с ним в Петербурге. Читал ему свой рассказ «Севастополь в мае» (см. запись в Дневнике под 27 июня 1855 г., т. 46).

¹ Константин Иванович Константинов.

² Инспекторский департамент военного министерства ведал укомплектованием войск, учетом и надзором за благоустройством войск в строевом отношении.

³ К. И. Константинова.

⁴ Слово: *заслоняющих* написано над словом: *интеромпирующих*, очевидно, для объяснения этой руссификации французского: *intercompre*.

⁵ Толстой имеет в виду «Дневник помещика» (см. т. 5, стр. 255—257).

⁶ О речи Александра II московскому дворянству см. прим. 9 к п. № 14.

⁷ Речь идет об А. В. Дружинине. 6 октября Дружинин послал Толстому обстоятельный отзыв об этом произведении (см. п. № 25 и прим. к п. № 28).

⁸ Гр. Д. Н. Блудов и жившая с ним его дочь Антонина Дмитриевна Блудова (1812—1891). Воспоминания Блудовой печатались в «Заре» в 1871—1872 гг. и «Русском архиве» в 1872—1875 и в 1878—1888 гг.

⁹ Дочери гр. Ф. П. Толстого, троюродные сестры Толстого: Марья Федоровна (1817—1898), с 1837 г. замужем за писателем П. П. Каменским, и Екатерина Федоровна (1843—1913), впоследствии замужем за Э. А. Юнге.

27. И. И. Панаеву.

1856 г. Октября 6. Я. П.

Я отвечал на ваше первое письмо, ¹ любезный Иван Иванович, на другой день как получил его, что я имею привычку делать в отношении всяких писем, а не только ваших и об

деле. Хотя странно бы было, что оно пропало. Отвечу еще раз на ваши вопросы и повторю те, которые я вам делал. Первая часть Юности объемом такая же или побольше, чем Детство; я уже недели две, как совершенно кончил, но, никому не читав из нее ни строчки, я нахожусь в сильном сомнении, стоит ли она того или нет, чтоб печатать ее, и послал ее одному господину, на суд которого я положился; ² ежели получу удовлетворительный ответ, то тотчас же пришлю ее вам, в противном случае тоже уведомя вас очень скоро. Вопросы, которые я вам делал, заключались в следующем. Можете ли вы из редакции дать 300 р. сер. (в том письме было 250) Д. Колбасину, с получением Юности? и за Юность могу ли я рассчитывать на дивиденд? ³ Простите пожалуйста, что пишу два слова, лошади оседланы, погода прелестная, и я после болезни в первый раз выезжаю в поле. — Красная буква, ⁴ которую вы хвалили, мне ужасно не нравится, а в Авгу[стовской] книжк[е] о деревне и городе ⁵ очень мне понравились. Прощайте, вам истинно преданный

Гр. Л. Толстой.

6 Октября.

Ясная.

Впервые опубликовано факсимильно П. Н. Полевым в его «История русской словесности», т. 3, изд. А. Ф. Маркса, Спб. 1900, стр. 517—519. Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 6 октября 1856 г. (т. 47, стр. 94).

Иван Иванович Панаев (1812—1862) — писатель. Подробнее о нем см. т. 59, стр. 316—317.

Письмо является ответом на два письма И. И. Панаева: от 16 августа и 25 сентября 1856 г. (опубликованы в «Красной нови», 1928, кн. 9, стр. 225—227).

¹ Ответ Толстого на письмо Панаева от 16 августа 1856 г. не сохранился.

² А. В. Дружинин.

³ Толстой имеет в виду данное им, Григоровичем, Островским и Тургеневым обязательство помещать свои новые произведения исключительно в «Современнике», участвуя в прибылях от журнала (см. прим. 5 к п. № 18).

⁴ «Красная буква» — роман американского писателя Натаниэля Готорна (в «Современнике» назван Готсорном), печатался в сентябрьской и октябрьской книжках «Современника» за 1856 г.

⁵ «о деревне и городе» — статья Панаева «Заметки нового поэта» в № 8 «Современника», 1856, стр. 182—204.

На это письмо Панаев ответил 13 октября (см. «Красная новь», 1928, 9, стр. 228—229).

28. А. В. Дружинину.

1856 г. Октября 19. Тула.

Чрезвычайно благодарен я вам, милейший Александр Васильевич, за ваше славное, искреннее и дружеское письмо и слишком лестный суд, который мне всё кажется, что я подкупил хитрым выражением беспомощности и особенной любви к вам, в чем я не лгал, но которую мог бы выразить в другой раз. — Как бы то ни было, мне ужасно хочется, и я почти верю всему, что вы мне говорите, поэтому непременно хочу исправить всё, что можно. Уж ежели есть хорошее в ней, то я хочу сделать всё, что могу, чтобы это хорошее представить в наилучшем свете. Рукопись не давайте никому, на это, кроме того, что я хочу переправить, есть другие причины, а я недели через две надеюсь быть в Петербурге ¹ и надеюсь по вашим указаниям переправить, что можно. — Я пишу из ненавистной мне Тулы, куда приехал на минутку, и тороплюсь. ² Не знаю, что значит обещание Григоровича печататься у вас в Феврале, но по смыслу условия это невозможно. ³ Сестра, которую вы знаете и у которой я получил ваше письмо, после того, как мы, прочтя ваше письмо, много говорили о вас, просила меня написать вам, что она гордится тем, что, сказав с вами только несколько слов в Спасском, она раскусила вас и поняла именно таким, каким я вас описывал ей. Каким, вы сами знаете. ⁴ Прощайте, до свиданья, любезнейший друг. Мне ужасно приятно и лестно вас назвать так. —

Безобразие Чернышевского, как вы называете, всё лето тошнит меня. ⁵ Ежели бы вы отдали до моего приезда переписать Юность, с большими полями, это было бы отлично. —

Ваш Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в статье «Молодой Толстой» — «Звезда», 1930, № 3, стр. 162, с редакторской датой: «Октябрь 1856. Тула». Датируется содержанием и записью в Дневнике.

Ответ на письмо Дружинина от 6 октября 1856 г., в котором последний давал отзыв о «Юности» (см. К. Чуковский, «Люди и книги шестидесятых годов», стр. 257—258).

¹ 4 ноября 1856 г. Толстой выехал из Ясной Поляны в Москву, а оттуда 6 ноября в Петербург.

² Толстой приехал в Тулу для подачи рапорта К. И. Константинову (см. пп. №№ 261 и 262).

³ По договору, заключенному с «Современником» группой писателей (см. прим. 5 к п. № 18), Григорович не имел права печататься в каком-либо другом органе, в том числе и в «Библиотеке для чтения». Григорович с договором не считался, за что Некрасов называл его «клятвопреступником».

⁴ Сестра Толстого М. Н. Толстая познакомилась с А. В. Дружининым еще весной 1855 г., когда Дружинин вместе с Боткиным и Григоровичем был у Тургенева в Сласском.

⁵ Толстой здесь имеет в виду свое недовольство статьями Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы». См. предисловие к настоящему тому.

29. И. И. Панаеву.

1856 г. Октября 26. Я. П.

Виноват, любезный Иван Иванович, что пишу два слова. Письмо Ваше получил и распоряжением Вашим поместить Юн[ость] в Январе весьма доволен. Она одобрена моим критиком, чему я очень счастлив, и стало быть на нее Вы можете [рассчитывать] наивернейше. Передам же я Вам ее сам, потому что недели через 2 буду в Петер[бурге]. До свиданья. Пожалуйста извините, что так мало пишу. Денег не нужно.

Ваш Гр. Л. Толстой.

26 Октября.

На четвертой странице:

Его Высокоблагородию Ивану Ивановичу Панаеву. В Петербург. В редакцию Современника.

Впервые опубликовано в журнале «Красная новь», 1928, 9, стр. 229—230. Год определяется почтовыми штемпелями.

Ответ на письмо Панаева от 13 октября 1856 г. (см. заключительное прим. к п. № 27).

* 30. Т. А. Ергольской.

1856 г. Июнь — октябрь. Я. П.

Je me porte tout à fait bien, chère tante, vous pouvez donc être complètement tranquille sur mon compte; je vous envoie une lettre de Pauline,¹ que j'ai eu l'indiscrétion de décacheter, croyant qu'il y avait une réponse à celle que je leur ai écrit. — Quand reviendrez vous? — J'ai reçu sans vous deux visites

féminines celle de M-me Brandt ² et de M-elle Vergani. ³ Le moine ⁴ est revenu. — Au revoir.

Léon.

На четвертой странице:

Ее Высокблагородию Татьяне Александровне Ергольской. В Пирогово.

Я совершенно здоров, дорогая тетенька, можете не беспокоиться обо мне; посылаю вам письмо Полины, ¹ которое позволил себе вскрыть, думая, что в нем может быть ответ на то, которое я ей написал. — Когда вы возвращаетесь? — У меня были без вас две гости: г-жа Брандт ² и м-ль Вергани. ³ Монах ⁴ вернулся. — До свидания.

Лев.

Предположительно относим письмо к 1856 г.

¹ Пелагея Федоровна Перфильева. Письмо ее к Т. А. Ергольской неизвестно.

² Брандт — жена Фомы Ивановича Брандта, владельца имения Бабурино (в 4 километрах от Ясной Поляны).

³ О Вергани см. вступительное прим. к п. № 22.

⁴ Николай Сергеевич Воейков — сын тульского помещика. Подробнее см. т. 59, стр. 22.

31. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Ноября 2. Москва.

2-е Ноября.

Москва.

Вчера приехал ночью, ¹ сейчас встал и с радостью почувствовал, что первая мысль моя была о вас и что сажусь писать не для того, чтобы исполнить обещание, а потому что хочется, тянет. — Ваш фаворит, *глупый человек* во всё время дороги совершенно вышел из повиновения, рассуждал такой вздор и делал такие нелепые, хотя и милые планы, что я начинал бояться его. Он дошел до того, что хотел ехать назад с тем, чтобы вернуться в Судаково, наговорить вам глупостей и никогда больше не расставаться с вами. К счастью, я давно привык презирать его рассуждения и не обращать на него никакого внимания. — Но когда он пустился в рассуждения, его товарищ, хороший человек, которого вы не любите, тоже стал рассуждать и разбил глупого человека в дребезги. Глупый

человек говорил, что глупо рисковать будущим, испытывать себя и терять хоть минуту счастья. «Ведь ты счастлив, когда ты с ней, смотришь на нее, слушаешь, говоришь? — говорил г[лупый] ч[еловек], — так зачем же ты лишаешь себя этого счастья, может, тебе только день, только час впереди, может быть, ты так устроен, что ты не можешь любить долго, а все-таки это самая сильная любовь, которую ты в состоянии испытывать, ежели бы ты только свободно предался ей. Потом, не гадко ли с твоей стороны отвечать таким холодным, рассудительным чувством на ее чистую, преданную любовь». — Всё это говорил г[лупый] ч[еловек], но хороший человек, хотя и растерялся немного сначала, на всё это отвечал вот как: «Во первых, ты врешь, что с ней счастлив; правда, я испытываю наслаждение слушать ее, смотреть ей в глаза, но это не счастье и даже не хорошее наслаждение, прощительное для Мортье, ² а не для тебя; потом, часто даже мне тяжело бывает с ней, а главное, что я нисколько не теряю счастья, как ты говоришь, я теперь счастлив ею, хотя не вижу ее. Насчет того, что ты называешь моим холодным чувством, я скажу тебе, что оно в 1000 раз сильнее и лучше твоего, хотя я и удерживаю его. Ты любишь ее для своего счастья, а я люблю ее для ее счастья». Вот как они рассуждали, и хороший человек 1000 раз прав. Полюбите его немного. Ежели бы я отдался чувству глупого человека и вашему, я знаю, что всё, что могло бы произойти от этого, это месяц безалаберного счастья. Я отдавался ему теперь перед моим отъездом и чувствовал, что я становился дурен и недоволен собой; я ничего не мог говорить вам, кроме глупых нежностей, за которые мне совестно теперь. На это будет время, и счастливое время. Я благодарю Бога за то, что он внушил мне мысль и поддержал меня в намерении уехать, потому что я один не мог бы этого сделать. Я верю, что он руководил мной для нашего общего счастья. Вам прощительно думать и чувствовать как г[лупый] ч[еловек], но мне бы было постыдно и грешно. Я уже люблю в вас вашу красоту, но я начинаю только любить в вас то, что вечно и всегда драгоценно — ваше сердце, вашу душу. Красоту можно узнать и полюбить в час и разлюбить так же скоро, но душу надо узнать. Поверьте, ничто в мире не дается без труда — даже любовь, самое прекрасное и естественное чувство. Простите за глупое сравнение. Любить, как любит г[лупый] ч[еловек], это играть сонату

без такту, без знаков, с постоянной педалью, но с *чувством*, не доставляя этим ни себе, ни другим истинного наслаждения. Но для того, чтобы позволить себе отдаться чувству музыки, нужно прежде удерживаться, трудиться, работать, и поверьте, что нет наслаждения в жизни, кот[орое] бы давалось так. Всё приобретается трудом и лишениями. Но зато, чем тяжелее труд и лишения, тем выше награда. А нам предстоит огромный труд — понять друг друга и удержать друг к другу любовь и уважение. — Неужели вы думаете, что, ежели бы мы отдались чувству *гл[упого] чел[овека]*, мы теперь бы поняли друг друга? Нам бы показалось, но потом мы бы увидели громадный овраг и, истратив чувство на глупые нежности, уж ничем его бы не заравняли. Я берегу чувство, как сокровище, потому что оно одно в состоянии прочно соединить нас во всех взглядах на жизнь; а без этого нет любви. — Я в этом отношении очень много ожидаю от нашей переписки, мы будем рассуждать спокойно; я буду вникать в каждое ваше слово, и вы делайте то же, и я не сомневаюсь, что мы пойдем друг друга. Для этого есть все условия — и чувство и честность с обеих сторон. — Спорьте, доказывайте, учите меня, спрашивайте объяснений. — Вы, пожалуй, скажете, что мы и теперь понимаем друг друга. Нет, мы только верим друг другу (я иногда, глядя на вас, готов согласиться, что *il n'y a rien de plus beau au monde, qu'une robe brochée d'or* ³⁾, но не согласны еще во многом. Я дорогой перебирал 1000 предметов, писем или разговоров. В следующем письме напишу вам планы образа жизни Храповицких, ⁴ потом о ваших родных, о Киреевск[ом], ⁵ с кот[орым] ваши отношения для меня неприятнее, чем бывшие с М[ортье], о Vergani и миллион вопросов, которые не столько важны потому, как мы их решим, как потому, как мы будем соглашаться, толкуя о них.

Нынче видел вас во сне, что Сережа ⁶ вас сконфузил чем-то, и вы от конфузу делаетесь рябая и курносая, и я так испугался этого, что проснулся. Теперь даю волю глупому человеку. Вспомнил я несколько недоконченных наших разговоров. 1) Какая ваша особенная молитва? 2) зачем вы у меня спрашивали, случается ли мне просыпаться ночью и вспоминать, что было? Вы что-то хотели сказать и не кончили. — Я вас вспоминаю особенно приятно в 3-х видах: 1) когда вы на бале попрыгиваете как-то наивно на одном месте и держитесь ужасно

прямо; 2) когда вы говорите слабым, болезненным голосом, немножко с кряхтением и 3) как вы на берегу Грумантского пруда в тетинькиных вязаных огромных башмаках злобно закидываете удочку. Глупый человек всегда с особенной любовью представляет вас в этих 3-х видах. Нет ли у M-lle Vergani вашего лишнего портрета, или нельзя [ли] отобрать назад у тетиньки, я бы очень желал иметь его. — Про себя писать нечего, потому что никого не видал еще. Пожалуйста, ежели ваше здоровье нехорошо, то напишите мне о нем подробно; последние два дня вы бы[ли] плохи. Ежели бы милейшая Женючка написала мне несколько строчек об этом предмете и о вашем расположении духа с своей всегдашней правдивостью, она бы меня очень порадовала. Пожалуйста *ходите* гулять каждый день, какая бы ни была погода. Это отлично вам скажет каждый доктор, и корсет носите и чулки надевайте сами и вообще в таком роде делайте над собой разные улучшения. Не отчаивайтесь сделаться совершенством. Но это всё пустяки. Главное, живите так, чтоб, ложась спать, можно сказать себе: нынче я сделала 1) доброе дело для кого-нибудь и 2) сама стала хоть немножко лучше. Попробуйте, *пожалуйста, пожалуйста*, определять себе вперед занятия дня и вечером поверять себя. Вы увидите, какое спокойное, но большое наслаждение, — каждый день сказать себе: нынче я стала лучше, чем вчера. Нынче я добилась делать ровно триоли на четверти, или поняла, прочувствовала хорошее произведение искусства или поэзии, или, лучше всего, сделала добро тому[-то] и заставила его любить и благодарить за себя Бога. Это наслаждение и для себя одной, а теперь вы знаете, что есть человек, который всё больше и больше, до бесконечности будет любить вас за всё хорошее, что вам нетрудно приобретать, преодолев только лень и апатию. Прощайте, милая барышня, глупый человек любит вас, но глупо, хороший человек *est tout disposé*⁷ любит вас самой сильной, нежной и вечной любовью. Отвечайте мне подлиннее, пооткровеннее, посерьезнее, кланяйтесь вашим. Христос с вами, да поможет он нам понимать и любить друг друга хорошо. — Но чем бы всё это ни кончилось, я всегда буду благодарить Бога за то настоящее счастье, которое я испытываю, благодаря вам — чувствовать себя лучше и выше и честнее. Дай Бог, чтобы вы так же думали.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 325—330. Об этом письме см. Дневник от 2 ноября, т. 47, стр. 97.

¹ Толстой приехал в Москву ночью 1 ноября.

² О Мортье см. прим. 7 к п. № 19.

³ [ничего нет на свете более прекрасного, чем вытканное золотом платье]

⁴ Храповицкими Толстой называл в письмах себя и В. В. Арсеньеву, изображая историю их отношений.

⁵ Николай Васильевич Киреевский. О нем см. прим. 12 к п. № 19.

⁶ Сергей Николаевич Толстой.

⁷ [вполне расположен]

32. В. В. Арсеньевой. *Неотправленное.*

1856 г. Ноября 8. Петербург.

8 Ноября. Петербург.

Любезная Валерия Владимировна.

Вот уже неделя, что я уехал от вас и всё не получил еще от вас ни строчки. Получили ли вы мое сладенькое письмо из Москвы? ¹ Мне за него совестно. Нынче я приехал в Петербург, ² не совсем здоровый и в страшной тоске не столько от того, что я не вижу вас, сколько от расстройства желудка. В Москве я видел очень мало людей и скучал. О вас я говорил с Машей, ³ которая, как кажется, очень расположена любить вас, с Костинькой, который....., ⁴ и с Волконским, ⁵ который вас не знает, но спрашивал у меня, правда ли, что я влюблен в одну барышню, кот[орую] он видел у Tremblai ⁶ без шляпы и про которую слышал следующий разговор двух сестер Кислинских — они говорили: «какая гадкая женщина Щербачева ⁷ — она выписала свою племянницу, хорошенькую, молоденькую девушку, и решительно губит ее, сводит и влюбляет в какого-то музыканта, от кот[орого] эта барышня уже без ума и даже в переписке с ним». Вы сами можете догадаться, какое приятное чувство я испытал при этом разговоре. Поверьте, любезная В[алерия] В[ладимировна], как это ни грустно, ничто не проходит и ничто не забывается. Когда я с вами, я так слаб, что готов верить тому, что вы никогда не были влюблены в М[ортье] и что вы имеете ко мне серьезное чувство дружбы; но когда я рассуждаю спокойно, всё мне представляется в другом, более справедливом свете. Будь, что будет, я обещал вам и буду

с вами совершенно и неприятно откровенен. — То, что я говорил об глупом и хорошем человеке, справедливо, но всё это яснее вот как: До вашего отъезда на коронацию⁸ я уважал вполне ваше доброе, чистое сердце, верил вам совершенно и чувствовал к вам спокойную, тихую и чистую дружбу — после истории М[ортье] я просто люблю вас, *влюблен в вас*, как сказала В. Н.,⁹ но простите меня за злую откровенность, я не уважаю вас столько, как прежде, и не верю вам. Я стараюсь принудить себя верить вам и уважать вас, но против моей воли сомневаюсь. Виноват ли я в этом, судите сами. Вы знали меня уже 3 месяца, видели мою дружбу, только не знали, хочу ли я или нет сделать вам предложение, и влюбились в М[ортье], в чем вы сами признавались в то время, потому что вы честны и не могли не признаться в том, что было, потом вы перестали видеть М[ортье], [но] не перестали думать о нем и писать ему, узнали, что я имел намерение предложить вам руку, и вы влюбились в меня и говорите тоже искренно, что вы никогда не любили М[ортье]. Но которое же чувство было истинно, и разве это чувство? Вы говорите, что в то время, как вы увлекались М[ортье], вы не переставали чувствовать ко мне расположение, а что теперь М[ортье] вам неприятен. Это только доказывает, что М[ортье] давал вам читать Вертера,¹⁰ и поэтому внушает презрение, а я нравственно кокетничал с вами и выказывался всегда самой выгодной стороной, так что вам не за что презирать меня, и ежели вы сами захотите быть искренни, то вы согласитесь, что оба чувства были равны: одно — прежде и с ужасающей для всякой нравственной девушки будущностью, другое — после, с нравственной и приятной будущностью. А оба были равны, как и те, которые были прежде, и третье и тридцать третье, которое будет после. — Любили ли вы истинно М[ортье]? до чего доходили ваши отношения? целовал ли он ваши руки? Я видел во сне, что он целует вас Валериановск[ими] губами,¹¹ и с ужасом проснулся; ежели бы это была действительность, и вы бы признались в ней, я бы был рад. Да, я влюблен в вас и от этого я беспрестанно колеблюсь между чувствами к вам — или страстной любви или ненависти и боюсь, и борюсь с этим чувством и до тех пор не увижу вас, пока оно не пройдет, а то иначе я сделаю ваше несчастье и свое. Что бы я дал, чтобы возвратилось то доверие и уважение и спокойная дружба, которую я испытывал прежде, но нет, ничего не забывается.

Может, оно возвратится, но для этого нужно время. А вы с вашим характером не выдержите время, и я боюсь, что потеряю вашу дружбу, которая мне теперь дороже всего на свете. Чувствую, что письмо грубо, но не перечеитывая посылаю его. Знайте меня, каким я есть, и очень нехорошим. Миллион вещей сделали меня таким, и я не могу притворяться. С самого моего выезда мне во всем неудачи и досады. Оказывается, что я под присмотром тайной полиции,¹² здоровье скверно, книги плохо идут,¹³ денег нет, а тут в Москве милые известия про вас, а от вас ничего, и, главное, никого из людей, которых я люблю, здесь нет. Грустно, гадко, скверно жить на свете. В Москве видел вашу мерзейшую тетиньку, *миллю* и Апреинных,¹⁴ из кот[орых] один женится на Долгорукой.¹⁵ Кланяйтесь всем вашим и постарайтесь простить меня за это письмо.

Ваш Гр. Л. Толстой.

За ваши комиссии примусь нынче и в следующем письме ответить вам и пошлю книги.¹⁶

Над текстом письма рукою С. А. Толстой карандашом написано: «непосланное». Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 330—332. См. запись в Дневнике под 8 ноября, т. 47, стр. 98, и следующее письмо, № 33.

¹ Письмо от 2 ноября, № 31.

² Толстой приехал в Петербург, по записи Дневника, не 8, а 7 ноября.

³ М. Н. Толстая.

⁴ К. А. Иславин. Многоточие в автографе.

⁵ А. А. Волконский.

⁶ Трамбле — кондитерская в Москве.

⁷ Тетка В. В. Арсеневой по матери.

⁸ В. В. Арсеньева уехала в Москву 12 августа 1856 г.

⁹ В. Н. — инициалы не поддаются раскрытию.

¹⁰ «Страдания молодого Вертера» — повесть Гёте.

¹¹ Речь идет о В. П. Толстом, муже М. Н. Толстой.

¹² Толстой находился под надзором тайной полиции за сочиненную им севастопольскую песню «Как четвертого числа» (см. прим. 3 и 4 к п. № 35).

¹³ Речь идет о вышедших отдельными книжками в начале октября 1856 г. «Детстве и отрочестве» и «Военных рассказах». Е. Я. Колбасин писал Тургеневу 18 октября: «Отрочество и детство» — чорт бы подрал русскую публику — пока в продаже идет плохо» («Тургенев и круг «Современника», «Academia», стр. 291). Д. Я. Колбасин писал Тургеневу 28 сентября: «Военные рассказы уже вышли, но идут не очень шибко!» (там же, стр. 268).

¹⁴ Об Апреининовых см. прим. 5 к п. № 19.

¹⁵ Евгения Дмитриевна Долгорукова. См. там же.

¹⁶ В качестве опекуна младшего брата В. В. Арсеньевой Николая Владимировича Толстой хлопотал о поступлении его в Училище правоведения (см. п. № 36) и по поручению В. В. Арсеньевой должен был купить для него книги и достать программу испытаний для поступления в подготовительный класс.

33. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Ноября 8. Петербург.

Любезная Валерия Владимировна!

«Что было, того уже не будет вновь»,¹ сказал Пушкин. Поверьте, ничто не забывается, и не проходит, и не возвращается. Уж никогда мне не испытывать того спокойного чувства привязанности к вам, уважения и доверия, которые я испытывал до вашего отъезда на коронацию. Тогда я с радостью отдавался своему чувству, а теперь я его боюсь. Сейчас я написал было вам длинное письмо, которое не решился послать вам, а покажу когда-нибудь после. Оно было написано под влиянием ненависти к вам. В Москве один господин, кот[орый] вас не знает, рассказывал мне, что вы влюблены в Мортье, что вы каждый день были у него, что вы в переписке с ним. — Мне очень неприятно было это слышать, и многое, многое я холодно передумал, и написал по этому случаю в письме, кот[орое] не посылаю. — *То*, М[ортье], было увлечение натуры холодной, которая еще не способна любить, и это тоже; одно уж прошло немного под влиянием времени и другого увлечения, другое еще нет, но любви еще вы не способны испытывать. Даже, ежели подумать хорошенько, которое было истиннее и сильнее, то вы сами сознаетесь, ежели захотите быть искренни, что первое было сильнее и гораздо. В первом вы жертвовали многим и все-таки признавались себе и другим в своей любви; во втором, напротив, вы ничем не жертвуете. Одно спасенье есть время и время. Как бы хорошо было, ежели бы пожили в Москве!... Жду ваших писем с жадностью. Мне скучно, грустно, тяжело, во всем неудачи, всё противно. Но ни за что не увижусь с вами до тех пор, пока не почувствую, что совсем прошло чувство глупого человека, и что я совершенно верю вам, как прежде. Видел вашу милую тетюшку² и макраску [?] ³ и Долгорукую,⁴ кот[орая] выходит замуж за Апренина.⁵ Непостижимо, как вы могли без отвращения жить с этими людьми. — Я чувствую злость на вас за то, что не могу не любить вас, и поэтому не

хочу писать больше. Ваши комиссии исполню нынче и книги пошлю завтра. ⁶ Кланяйтесь всем вашим. Прощайте так, просто, и прощайте мне мою неровность, не я один виноват в ней! О двух вещах умоляю вас: трудитесь, работайте над собой, думайте пристальной, отдавайте себе искренний отчет в своих чувствах и со мной будьте искренни самым невыгодным для себя образом. Рассказывайте мне всё, что было и есть в вас дурного. Хорошего я невольно предполагаю в вас слишком много. Например, ежели бы вы мне рассказали всю историю вашей любви к М[ортье] с уверенностью, что это чувство было хорошо, с сожалением к этому чувству и даже сказали бы, что у вас осталась еще к нему любовь, мне бы было приятнее, чем это равнодушие и будто бы презрение, с кот[орым] вы говорите о нем, и которое доказывает, что вы смотрите на него не спокойно, но под влиянием нового увлечения. Вы говорите и думаете, что я холоден, рассудителен, да не дай Бог вам столько и так тяжело перечувствовать, сколько я перечувствовал в эти 5 месяцев. Ну-с, прощайте-с, Христос с вами; постарайтесь не сердиться на меня за это письмо. Я не боюсь выказываться таким, каким я есть, хотя и очень плохим с этой нерешительностью, сомнением и всякой гадостью; делайте и вы так же. Ведь главный вопрос в том, можем ли мы сойтись и любить друг друга; для этого-то и надо высказывать всё дурное, чтоб знать, в состоянии ли мы помириться с ним, а не скрывать его, чтобы потом неожиданно не разочароваться. Мне бы больно, страшно больно было потерять теперь то чувство увлечения, которое в вас есть ко мне, но уж лучше потерять его теперь, чем вечно упрекать себя в обмане, который бы произвел ваше несчастье. — Ежели вас интересуют дамы и барышни Петерб[ургские] и Московские, то могу вам сказать, что их до сих пор решительно для меня нет.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 330—332. См. предыдущее письмо.

¹ Строка из поэмы Пушкина «Цыганы».

² Щербачева — тетка В. В. Арсеньевой по матери.

³ Что значит «макрасю», неизвестно.

⁴ Евгения Дмитриевна Долгорукова.

⁵ Сергей Александрович Апреянинов. В автографе ошибочно: за Апревину.

⁶ См. прим. 16 к предыдущему письму.

34. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Ноября 9. Петербург.

9 Ноября.

Мне так больно подумать о вчерашнем моем письме к вам, милая Валерия Владимировна, что теперь не знаю, как приняться за письмо, а думать о вас мне мало — писать так и тянет. Посылаю вам книги, попробуйте читать, начните с маленьких, с сказок — они прелестны; и напишите свое *искреннее* мнение. ¹ Насчет Николиньки ² еще не успел сделать и книгу ему пришло с след[ующей] почтой. — Белавин положительно тот самый, и есть мерзавец неописанный, и грешно думать равнодушно, что за него выйдет хорошая девочка. Напишите, ежели правда эта сватья, я напишу тогда Лазаревичевой. ³ — Видел во всё это время только моих приятелей литературных, ⁴ из кот[орых] люблю немногих, общественных же знакомых избегаю и до сих пор не видал никого. Работал нынче целый вечер с Ив[аном] Ив[ановичем] ⁵ в первый раз и тем очень доволен. Да что я пишу про себя, может быть, вы под влиянием того письма не только питаете ко мне тихую ненависть, но не питаете ровно ничего. Посылаю вам еще Повести Тургенева, ⁶ прочтите и их, ежели не скучно — опять, по моему, почти всё прелестно, а ваше мнение все-таки катайте прямо, как бы оно ни было нелепо. — *Wage nur zu irren zu träumen!* ⁷ — Шиллер сказал. Это ужасно верно, что надо ошибаться смело, решительно, с твердостью, только тогда дойдешь до истины. Ну, да для вас это еще непонятно и рано. Отчего вы мне не пишете, хоть бы такие же мерзкие письма, как я, отчего вы мне не пишете? Костинька ⁸ вас не любит, это правда, т. е. не не любит, а мало ценит, но Кост[инька] хорош, как я не ожидал его найти. В нем произошла большая перемена, тексты из Свящ[енного] писания не шутка, он понял недавно великую вещь, что добро — хорошо; помните, я у вас спрашивал часто. И вы поймете это, но со временем, и — грустно сказать — эту великую истину понять нельзя иначе, как выстрадать, а он выстрадал; а вы еще не жили, не наслаждались, не страдали, а веселились и грустили. Иные всю жизнь не знают ни наслаждений, ни страданий — моральных, разумеется. Часто мне кажется, что вы такая натура, и мне ужасно это больно. — Скажите, ежели вы ясно понимаете вопрос, такая вы или нет? Но во всяком случае вы

милая, точно милая, ужасно милая натура. Отчего вы мне не пишете? Всё, что я хотел вам писать об образе жизни Х[раповицких],⁹ я не решаюсь писать без отголоска от вас и особенно на второе письмо. Однако, по правде сказать — руку на сердце — я теперь уже много меньше и спокойнее думаю о вас, чем первые дни, однако все-таки больше, чем когда-нибудь я думал о какой-нибудь женщине. Пожалуйста, на этот вопрос отвечайте мне, сколько можете искренно в каждом письме: *в какой степени и в каком роде вы думаете обо мне?* Особенное чувство мое в отношении вас, кот[орое] я ни к кому не испытывал, вот какое: как только со мной случается маленькая или большая неприятность — неудача, щелчок самолюбия и т. п., я в ту же секунду вспоминаю о вас и думаю — «всё это вздор — там есть одна барышня, и мне всё ничего». Это приятное чувство. Как вы живете? *работаете* ли вы? ради Бога, пишите мне. Не смейтесь над словом работать. *Работать* умно, полезно, с целью добра — превосходно, но даже просто работать вздор, палочку строгать, что-нибудь, — но в этом первое условие нравственной, хорошей жизни и поэтому счастья. Например — я нынче *работал*, совесть спокойна, чувствую маленькое не гордое самодовольство и чувствую от этого, что я добр. Нынче я бы ни за что не написал вам такого злого письма, как вчера, нынче я чувствую ко всему миру приязнь и к вам именно то чувство, кот[орое] я бы желал именно весь век чувствовать. — Ах, ежели бы вы могли понять и прочувствовать, выстрадать так, как я, убеждение, что единственно возможное, единственно истинное, вечное и высшее счастье дается тремя вещами: трудом, самоотвержением и любовью! Я это знаю, ношу в душе это убеждение, но живу сообразно с ним только каких-нибудь 2 часа в продолжение года, а вы с вашей честной натурой, вы бы отдали себя этому убеждению так, как вы способны себя отдавать людям — *Mlle Vergani* и т. д. А 2 человека, соединенные этим убеждением, да это верх счастья. Прощайте, словами это не доказывается, а внушает Бог, когда приходит время. Христос с вами, милая, истинно милая Валерия Владимировна. Не знаю, чего до сих пор вы мне больше доставили: страданий моральных или наслаждений. Но я так глуп в такие минуты, как теперь, что и за то и другое благодарен. —

Да пишите же, ради Бога, каждый день. Впрочем, ежели нет потребности, не пишите, или нет: когда не хочется писать,

напишите только следующую фразу: *Сегодня такого-то числа не хочется вам писать*, и пошлите. Я буду рад. Ради Бога, не придумывайте своих писем, не перечитывайте, вы видите, — я — который мог бы щегольнуть этим перед вами — а неужели вы думаете, что мне не хочется кокетничать с вами — я хочу щеголять перед вами одной честностью, искренностью; а уж вам надо тем паче — умнее вас я знаю много женщин, но честнее вас я не встречал. Кроме того, ум слишком большой противен, а честность чем больше, полнее, тем больше ее любишь. Видите, мне так сильно хочется любить вас, что я учу вас, чем заставить меня любить вас. И действительно, главное чувство, которое я имею к вам, это еще не любовь, а страстное желание любить вас изо всех сил. —

Пишите же, ради Бога, поскорее, побольше и как можно понескладнее и побезобразнее, поэтому искреннее.

Отлично можно жить на свете, коли уметь трудиться и любить, трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься. Душку Женичку¹⁰ обнимаю изо всех сил. Пинди[га]-шек¹¹ тоже немножко. О[льге] В[ладимировне]¹² жму руку изо всех сил. Н[аталье] П[етровне] скажите, что О. Тургенева¹³ не думала выходить замуж. Ежели вам случится хотеть написать что-нибудь мне и не решиться, то *пожалуйста* намекните о чем. Надо все вопросы разъяснять смело. Я вам делаю много и грубых, а вы никогда. —

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 333—336.

¹ Книги, посланные Толстым В. В. Арсеньевой, неизвестны.

² Николай Владимирович Арсеньев.

³ Соседка Толстого и Арсеньевых, Екатерина Сергеевна Лазаревич, рожд. Игнатьева (ум. в 1868 г.).

⁴ Судя по записям Дневника, Толстой за это время видел из своих «литературных приятелей» в Москве Боткина, Островского, Григорьева, а в Петербурге — Дружинина, Анненкова, Панаева, Гончарова, Краевского и Ковалевского.

⁵ И. И. Сахаров — переписчик Толстого.

⁶ 3 ноября вышли в свет «Повести и рассказы» Тургенева в трех частях, изд. П. В. Анненкова.

⁷ [Дерзай заблуждаться и мечтать!] — строка из стихотворения Шиллера «Тэкла». Приведена в рассказе «Поликушка».

⁸ К. А. Иславин.

⁹ См. прим. 4 к п. № 31.

¹⁰ Женни Вергани.

¹¹ Пиндигашками Толстой называл маленьких детей вообще, а в данном случае малолетних детей Арсеньевых: Евгению и Николая.

¹² Ольга Владимировна Арсеньева (1838—1867) — сестра В. В. Арсеньевой.

¹³ Ольга Александровна Тургенева (1836—1872) — единственная дочь Александра Михайловича Тургенева (1772—1862), крестница Жуковского.

* 35. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Ноября 10. Петербург.

Извини, любезный друг Сережа, что пишу два слова — всё некогда. — Мне всё неудача с моего отъезда, никого нет здесь, кого я люблю. В От[ечественных] З[аписках], говорят, обругали меня за В[оенные] Р[ассказы],¹ я еще не читал, но, главное, Константинов² объявил мне, только что я приехал, что Вел. Князь Михаил³, узнав, что я, будто бы, сочинил песню, недоволен особенно тем, что, будто бы, я учил ее солдат. Это грустно, я объяснялся по этому случаю с Нач[альником] Штаба.⁴ — Хорошо только то, что здоровье мое хорошо, и что Шипулинской⁵ сказал, что у меня грудь здоровенька. Тет[еньке] целую ручки. —

Твой друг и брат
Гр. Л. Толстой.

Книги идут плохо. Продано и тех и других экземпляров 900. —

10 Ноября.

Вели сказать старосте моему, чтобы он не торопился продавать дрова.

Отрывки из письма впервые напечатаны в Б. I, 4, 1906, стр. 295—296, и в ПТС, I, стр. 54—55.

¹ В № 11 «Отечественных записок» 1856 г. (отд. III, стр. 11—18) появилась статья С. С. Дудышкина о «Военных рассказах Толстого». Критик находил рассказы однообразными и наблюдения Толстого — поверхностными.

² К. И. Константинов.

³ Вел. кн. Михаил Николаевич (1832—1909) — четвертый сын Николая I.

«Песня», о которой говорит Толстой в этом письме, это песня, сочиненная в Севастополе кружком офицеров, во главе с Толстым, собиравшихся

у начальника штаба артиллерии Н. А. Крыжановского, о сражении 4 августа 1855 г. «Как четвертого числа» (см. т. 4, стр. 307—308).

⁴ Толстой ездил объясняться по поводу песни «Как четвертого числа» не с начальником штаба, как сказано в письме, а с помощником начальника, которым в то время был Алексей Абрамович Якимих (см. Дневник, т. 47, стр. 98 и 368).

⁵ Павел Дмитриевич Шипулинский (1808—1872) — петербургский врач. В 1848—1864 гг. был ординарным профессором терапевтической клиники Медико-хирургической академии. Шипулинский постоянно лечил Некрасова, через которого и обратился к нему Толстой.

36. В. В. Арсеневой.

1856 г. Ноября 12—13. Петербург.

Чувствую, что я глуп, но не могу удержаться, милая барышня, и, не получив все-таки от вас ни строчки, опять пишу вам. Теперь уж за 12 часов ночи, и вы сами знаете, как это время располагает к нежности и, следовательно, глупости. — Напишу вам о будущем образе жизни Храповицких, ежели суждено им жить на свете. — Образ жизни мужчины и женщины зависит 1) от их наклонностей, а 2) от их средств. Разберем и то и другое. Храповицкой, человек морально старый, в молодости делавший много глупостей, за которые поплатился счастьем лучших годов жизни, и теперь нашедший себе дорогу и призвание — литературу, — в душе презирает *свет*, обожает тихую, семейную, нравственную жизнь и ничего в мире не боится так, как жизни рассеянной, светской, в которой пропадают ¹ все хорошие, честные, чистые мысли и чувства, и в которой делаешься рабом светских условий и кредиторов. — Он уж поплатился за это заблуждение лучшими годами своей жизни, так это убеждение в нем не фраза, а убеждение, выстраданное жизнью. Милая Г-жа Дембицкая ² еще ничего этого не испытала, для нее счастье: бал, голые плечи, карета, брильянты, знакомства с Камергерами, Генерал-Адъютантами и т. д. Но так случилось, что Х[раповицкий] и Д[ембицкая] как будто бы любят друг друга (я, может быть, лгу перед самим собой, но опять в эту минуту я вас страшно люблю). — Итак эти люди с противоположными наклонностями будто бы полюбили друг друга. Как же им надо устроиться, чтобы жить вместе? Во-первых, они должны делать уступки друг другу; во-вторых, тот должен делать больше уступок, чьи наклонности менее

нравственны. Я бы готов был жить всю свою жизнь в деревне. У меня бы было 3 занятия: любовь к Д[ембицкой] и заботы о ее счастье, литература и хозяйство — так, как я его понимаю, т. е. исполнение долга в отношении людей, вверенных мне. При этом одно нехорошо — я бы невольно отстал от века, а это грех. — Г-жа Д[ембицкая] мечтает о том, чтоб жить в Петербурге, ездить на 30 балов в зиму, принимать у себя хороших приятелей и кататься по Невскому в своей карете. Середина между этими двумя требованиями[ми] есть жизнь 5 месяцев в Петербурге, без балов, без кареты, без необыкновенных туалетов с гипюрами и point d'Alençon³ и совершенно без света, и 7 мес[яцев] в деревне. У Храп[овицкого] есть 2000 сер. дохода с имения (т. е. ежели он не будет тянуть последнее, как делают все, с несчастных мужиков, как делают все), есть у него еще около 1,000 р. сер. за свои литературные труды в год (но это неверно — он может поглупеть или быть несчастлив и не напишет ничего). У Г-жи Д[ембицкой] есть какой-то запутанный вексель в 20,000, с кот[орого], ежели бы она получила его, она бы имела процентов 800 р. — итого, при самых выгодных условиях, 3,800 р. — Знаете ли вы, что это такое 3,800 р. в Петербурге? Для того, чтобы с этими деньгами прожить 5 мес[яцев] в Пет[ербурге], надо жить в 5-м этаже, иметь 4 комнаты, иметь не повара, а кухарку, не сметь думать о том, чтобы иметь карету и попелиновое платье с point Alençon, или голубую шляпку, потому что такая шляпка jurega⁴ со всей остальной обстановкой, — Можно с этими средствами жить в Туле или Москве, и даже изредка блеснуть перед Лазаревичами,⁵ но за это mercі. Можно тоже и в Петербурге жить в 3-м этаже, иметь карету и point Alençon и прятаться от кредиторов, портных и магазинщиков, и писать в деревню, что всё, что я приказал для облегчения мужиков, — это вздор, а тяни с них последнее, и потом самим ехать в деревню и с стыдом сидеть там годы, злясь друг на друга, и за это — mercі. Я испытал это. — Есть другого рода жизнь на 5 этаже (бедно, но честно), где всё, что можно употребить на роскошь, употребляется на роскошь домашнюю, на отделку этой квартирки на 5 этаже, на повара, на кухню, на вино, чтоб друзьям радостно было придти на этот 5 этаж, на книги, ноты, картины, концерты, квартеты дома, а не на роскошь внешнюю для удивления Лазарев[ичей], холопей и болванов (12 Ноября). Прощайте, ложусь спать, жму

вашу милую руку и слишком, слишком много думая о вас. Завтра буду продолжать. Теперь же буду писать в желтую книжечку и опять о вас ⁶. Я дурак.

13 *Ноября*. Буду продолжать это письмо в другой раз, получив от вас; а теперь как-то это не занимает, и в голове другое. — Последний раз пишу вам. Что с вами? Больны вы? или вам снова совестно отчего-нибудь передо мной, или вы стыдитесь за те отношения, которые установились между нами? Но что бы то ни было, напишите строчку. Сначала я нежничал, потом злился, теперь чувствую, что становлюсь уже равнодушен, и слава Богу. Какой-то инстинкт давно говорит мне, что кроме вашего и моего несчастья, ничего из этого не выйдет. Лучше остановиться во время. Посылаю вам программу о вступлении в приготов[ительный] класс Правоведения. ⁷ Там всё есть. Когда будете подавать в Мае прошение, напишите в нем, что документы, посланные мной тогда-то, уже находятся в Совете Правоведения. Заметьте, что Николинъке нужно для поступления выучиться читать и писать по-немецки, чего он, кажется, не знает. Поручительство даст тот, кто его повезет. — Когда я люблю вас, мне часто хочется приехать к вам и сказать вам всё, что чувствую; но в такие минуты, как теперь, когда я злюсь на вас и чувствую себя совершенно равнодушным, мне еще больше хочется видеть вас и высказать вам всё, что накопилось, и доказать вам, что мы никогда не можем понимать и поэтому любить друг друга, и что в этом никто не виноват, кроме Бога и нас, ежели мы будем обманывать себя и друг друга. —

Во всяком случае, ради истинного Бога, памятью вашего отца и всего, что для вас есть священного, умоляю вас, будьте искренны со мной, совершенно искренны, не позволяйте себе увлекаться. —

Прощайте, дай вам Бог всего хорошего.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Впервые полностью опубликовано в Б. I, 3, стр. 336—340. См. записи в Дневнике Толстого под 12 ноября (т. 47, стр. 100).

¹ В автографе: пропадает

² Дембицкой Толстой называл В. В. Арсеньеву, изображая в письмах историю их отношений.

³ Кружева из французского города того же названия.

⁴ [не будет гармонировать]

⁵ О Лазаревичах см. прим. 3 к п. № 34.

⁶ В Записной книжке Толстого 1856 г. после записи от 25 октября идет сразу 18 ноября, но следует принять во внимание, что часть записей сделана без дат; к тому же часть записи от 18 ноября написана не в Ясной Поляне, а позже. Запись о В. В. Арсеньевой см. в т. 47, стр. 199.

⁷ Императорское училище правоведения — привилегированное закрытое учебное заведение, учрежденное в 1835 г. (см. прим. 16 к п. № 32).

37. В. В. Арсеньевой и Ж. Вергани.

1856 г. Ноября 17. Петербург.

17 Ноября.

Я не лгал в последнем письме говоря, что чувствую себя совершенно к Вам равнодушным. Т. е. равнодушным совсем я не был, а думал реже и когда думал, то думал со злобой, что именно и доказывало, что я не был равнодушен. И во всем виновата отвратительная почта! Я нынче получил ваши оба письма, ¹ оба письма милые, добрые, честные, в которых многое меня сильно душевно порадовало и кой-что не понравилось, о чем я и говорить не стану. Простите меня за мое последнее и предпоследнее письма; они оба писаны ² под влиянием глупого чувства, от которого во мне теперь осталось только воспоминание. Они выражены с злостью, но от содержания их я не отрекаюсь. Я теперь совершенно спокойно и благоразумно смотрю на вас (не сердитесь за это) и все-таки вижу в вас очень и очень хорошую барышню, с которой я бы был счастлив, ежели бы мог быть другом. — Мне кажется иногда, что уже и теперь я имею право назвать вас милый друг Валеринька (как вам подписала Женичка), ³ но ежели это неправда, ведь это грех и бесчестно. — Ежели я скажу, что эта соната хороша, а потом скажу, что она гадкая, от этого никому никакой беды не будет; но ежели я скажу вам, что вы мне друг, и это неправда, а вы поверите этому, то ведь вам нехорошо будет, и мне тоже будет нехорошо, ежели я буду верить вашим словам, которым вы цену и значенье которых вы сами не знаете. —

Но будет об этом, скажу вам, что меня особенно заняло в ваших письмах. Ваши письма очень, очень мне были радостны, повторяю вам, и они были такие, какие я ожидал — прямые, честные; продолжайте так, не бойтесь самым нелепым образом выразить мне мысль, которая придет вам. Всё, что вы скажете, я растолкую себе гораздо лучше, чем то, про что вы промолчите. Вы знаете мой характер сомнения во всём, который не есть

следствие характера, но известной степени развития. Знаете, что ничто не дается даром. Ежели я понимаю больше вещей, чем Гимбут, ⁴ то зато уж я не имею той свежести чувства, как он. У меня невольно во всякой вещи существуют *pour et contre*. ⁵ Я во всём в мире сомневаюсь, исключая в том, что добро — добро, и этим одним меня можно держать на веревочке. Ежели бы Иисус Христос меня жарил на огне, я бы богохульствовал, может быть, но никогда бы не посмел сказать, что И[исус] Х[ристос] нехорош. Нравственное добро, т. е. любовь к ближнему, поэзия, красота, что всё одно и то же — одно, в чем я никогда не сомневаюсь и перед чем я преклоняюсь всегда, хотя почти никогда не пратикирую. И я к вам имею влечение, потому что мне кажется, что вы можете быть *добры*, как я понимаю это слово. Но вам скучна эта философия. Напрасно вы сердитесь на тетиньку. ⁶ Это доказывает, что вы молоды и неопытны и не можете быть беспристрастны. Ее сухость к вам меня тронула: Я вам говорил не раз, что она вас любит и спит и видит, чтобы назвать вас своей племянницей. Но перед отъездом я ей говорил, какие наши отношения — чисто дружеские, ничем не связанные, и что я еду, чтобы испытать себя. Она сердилась, зачем я еду в Петер[бург], а не в Церковь, и говорила: *encore des épreuves*.⁷ Но она любит и меня и вас, и ей больно бы было, чтобы я поступил бесчестно по ее понятиям, в отношении вас, т. е. *monter la tête a une jeune personne*, ⁸ и больно, что вас это заставит страдать; вследствие этого она, не надеясь на мое постоянство, хочет вам сделать менее чувствительным удар, по ее понятиям, который вас ожидает. — Она душка! надо только вникнуть в ее простодушные и милые расчеты с самой собой, которые она всю свою жизнь делает на основании любви и самоотвержения. Она прелесть. А вы восторгаетесь Наташей. ⁹ Наташа добрая, но пустая голова, немножко подленькая натурка и без правил, с которой вы можете находить удовольствие только потому, что она льстит вашему чувству, но которой *contact* я бы не желал вам. — Занятия ваши радуют меня, но мало, ей Богу мало, вечера пропадают, принуждайте себя..... точки означают разные нежные имена, которые я даю вам мысленно, умоляя вас больше работать. Вы мельком говорите в одном месте, что вы читали с наслаждением. Что с наслаждением? и как понимали? Это мне ужасно интересно. На средней бал, ¹⁰ однако, вам бы

не мешало поехать. Вам самим должно быть интересно испытать себя. Сделайте это, г....., ¹¹ и напишите искренно ваши впечатления. Я почти не испытывал себя, т. е. никого не видал женщин, нигде не был и la main sur la consciens, ¹² могу сказать, что в эти 3 недели ни одна женщина не обратила моего внимания нисколько. Зато вашей главной соперницей — литературой — во всё это время я занимался много и с удовольствием. Написал маленький рассказ в Библиотеку ¹³ и готовлю другой в О[течественные] З[аписки]. У меня хорошенькая, тихая квартирка, стоят фортепьяно, и наши перья с И[ваном] И[вановичем] ¹⁴ скрывают от утра до вечера. Хотел я вам продолжать письмо о образе жизни Храп[овицких], но мне пришло в голову — продолжайте вы: как, где, что они должны делать, а я все-таки напишу свое мнение. Г....., не бойтесь говорить свое мнение. Ежели вы ошибаетесь, то мило, как честная, любящая натура. Портрет ¹⁵, боюсь, не скоро придет из Москвы, но целую ручки за него у тех, кому я обязан. Свою рожу изображу и пошлю завтра ¹⁶. Прощайте, Христос с вами.
.
Женичку обнимаю, ежели она позволяет сделать это мысленно, а на ее иероглифы, которые я в одну минуту разобрал по слову Valérie, которое мне несколько знакомо, я отвечаю: Ah, si je pouvais croire!!!!!! ¹⁷

Здоровье мое хорошо.

Адрес: на углу б. Мещанской и Вознесенской, д[ом] Блуме. —

Chère et délicieuse, triple délicieuse M-lle Vergani, écrivez mois encore sur le sujet qui m'intéresse: la santé, la disposition d'esprit de M-lle D. et surtout les hyéroglyphes, c'a fait tant de bien à M-r Chrap. d'autant plus que ce M-r s' imagine que vous avez un peu d'affection pour lui et que vous connaissez à fond M-lle D. Chrap. vous assure de sa véritable et sincère affection. ¹⁸

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 340—343.

¹ Эти письма В. В. Арсеньевой неизвестны.

² В автографе ошибочно: писано.

³ Евгения Владимировна Арсеньева.

⁴ Карл Федорович Гимбут.

⁵ [за и против.]

⁶ Т. А. Ергольская.

⁷ [еще испытания.]

⁸ [вскружить голову молодой девушке,]

⁹ Н. П. Охотницкая.

¹⁰ Бал, повидимому, был в Туле в Благородном собрании.

¹¹ Судя по последующим письмам, расшифровывается: голубчик.

¹² [положа руку на сердце,]

¹³ «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал, основанный в 1834 г. О. П. Сенковским и сначала издававшийся А. Ф. Смирдиным. Редакторами его после Сенковского были А. В. Сарчевский и А. В. Дружнин.

¹⁴ Переписчик И. И. Сахаров.

¹⁵ В письме от 2 ноября Толстой просил В. В. Арсеньеву прислать ему свой портрет.

¹⁶ Какой портрет Толстого был послан В. В. Арсеньевой, не установлено.

¹⁷ [Ах, если бы я мог верить!!!!!!]

¹⁸ [Дорогая и прелестная, трижды прелестная г-жа Вергани, напишите мне еще о предмете, который меня интересует: здоровье, расположение духа г-жи Д[ембицкой] и особенно иероглифы, которые принесли столько добра г-ну Храп[овицкому], тем более, что этот господин воображает, что вы его немного любите и что вы в совершенстве знаете г-жу Д[ембицкую]. Храп[овицкий] уверяет вас в своей истинной и искренней привязанности.]

* 38. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Ноября 19. Петербург.

19 Ноября.

Благодарствуйте, голубчик, за ваши письма. Я получил три, ¹ портрета не получал, но не бойтесь: никто ни писем, ни портрета смотреть не будет и не может. И пишу это письмо 7-е. ² Ваше последнее письмо очень и очень меня тронуло, и стыдно стало за то, что сделал вам больно. Что делать, все-таки лучше, чем ежели бы я в самом себе спрятал это сомнение. Буду отвечать по пунктам. 1) О Киреевском ³ вы судите хорошо, но не совсем искренно — боитесь понять мою мысль, которая состоит в том, что он богат, а вы бедны, он ваш дядюшка и крестный отец и поэтому может думать, что вы надеетесь получить от него деньги. Ежели бы я был на вашем месте, я бы твердо взял решение никогда не получить от него ничего, и тогда бы уж любил и уважал его, ежели он стоит того. — 2) Вы говорите, что за письмо от меня готовы жертвовать *всем*. Избави Бог, чтобы вы так думали, да и говорить не надо. В числе этого *всего* есть *добродетель*, которой нельзя жертвовать не только для такой дряни, как я, но ни для чего на свете. —

Подумайте об этом. Без уважения, выше всего, к *добру* нельзя прожить хорошо на свете. 3) Ваша привычка просыпаться по ночам хороша и мила очень. 4) Отчего нагнала на вас мрак комедия Островского? —

5) Женичкина ⁴ приписка жестокая. Неужели, в самом деле, вы так монтируетесь, что доходите до гаданий и таких вздоров? Избегайте всех этих монтирующих средств и особенно праздности. Не говорите, что пропадает золотое время. Напротив, мы живем оба и живем таким хорошим чувством, каким дай Бог жить когда-нибудь после. 6) Не думайте, голубчик, чтобы никогда никто не любил вас так, как любил вас ваш отец. Вы стоите большой и сильной любви и поэтому будете иметь ее. Так свет устроен. — 7) Не шлите и не делайте глупостей приезжать в Петербург, а ежели богаты деньгами, поезжайте хоть месяц прожить в Москве, а потом, пожалуй, и в Петербург. —

8) Ради Бога, не думайте, что я такой отличный, вы меня смущаете этим ужасно. Ежели я умен, то это не заслуга, зато сердце у меня испорчено сомнением, недоверием и разной мерзостью. Ежели есть во мне, что можно любить, так это честность в деле чувства. Я никогда не обманывал и не обману вас. Вы — другое дело, вы натура свежая, неспорченная сомнениями, вы любите, так любите, ненавидите, так ненавидите; многого, что занимает меня, вы не поймете никогда, но зато я никогда не дойду до той высоты любви, до которой вы можете дойти, ежели только не будете себя форсировать и обманывать. — Так мне надо чувствовать себя недостойным вас, а не вам, мой голубчик. И я чувствую это. — Но эта-то разница наших характеров, которая уж не переменится и которая, ежели бы переменялась, было бы тем хуже, эта-то разница и страшна для нашей будущности. Нам надо помириться вот с чем: мне — с тем, что большая часть моих умственных, главных в моей жизни интересов останутся чужды для вас, несмотря на всю вашу любовь, вам — надо помириться с мыслью, что той полноты чувства, которое вы будете давать мне, вы никогда не найдете во мне. Хотя порывами, временно мое чувство может быть и гораздо сильнее вашего, а уважение и признательность к вашей любви, откуда она будет существовать, ни на секунду не ослабнут. Одно, что может прочно соединить нас, это истинная любовь к добру, до которой я дошел умом, а вы дойдете

сердцем. Мне так кажется, а впрочем дай Бог, чтобы было так, как вы мечтаете, ходя по зале с заложенными за спину руками. Моя сила, за кот[орую] вы меня любите — ум, ваша сила — сердце. И то и другое вещи хорошие, и будем стараться развивать с взаимной помощью и то и другое: вы меня выучите любить, я вас выучу думать. — Как это вы понимаете необходимость труда и любви в жизни, а не понимаете самоотвержения. Разве труд не самоотвержение? А любовь? Вы сами в предпоследнем письме говорите, что вы чувствуете, что любили меня с эгоизмом. Это очень верно; только, значит, вы вовсе не любили. Любить для своего наслаждения нельзя, а любят для наслаждения другого. Да что вам толковать то, что лежит в вашем отличном сердце. Пожалуйста, не переставайте писать мне о своих занятиях и поподробнее, что читали, что играли, и сколько часов. Вечера, пожалуйста, не теряйте. Возьмите на себя. Не столько для того, что вам полезны будут вечерние занятия, сколько для того, чтобы приучить себя преодолевать дурные наклонности и лень. — Я здесь остановился и долго думал о вашем характере. Ваш главный недостаток это слабость характера, и от него происходят все другие мелкие недостатки. Выработывайте силу воли. Возьмите на себя и воюйте упорно с своими дурными привычками. Журжиньку ⁵ скучно учить, тут-то и принуждайте себя непременно. Без труда ничего и — главное — счастье невозможно. А я буду подпрыгивать от радости, читая ваши успехи над самой собой. Ради Бога, гуляйте и не сидите вечером долго, берегите свое здоровье. Женичка говорит, что вы худеете, это нехорошо. — Я приеду к Январю, почти наверно. ⁶ Что хочется мне и ужасно хочется сейчас приехать и никогда не уезжать, этому верьте, потому что я никогда не лгу вам в этом смысле, скорее в противоположном. — Дня три тому назад провел я вечер у Тургеневой О[льги] А[лександровны], она милая девушка, и невольно я сравнивал ее с другой знакомой мне девушкой. Нет, до сих пор лучше этой другой девушки я не знаю; и собой она лучше, и сердце у нее лучшее на свете, и играет она лучше, только та девушка больше читала, больше развита и больше любит и понимает поэзию. ⁷ Я спрашиваю себя беспрестанно: влюблен ли я в вас или нет, и я отвечаю: нет, но что-то тянет к вам, всё кажется, что должны мы быть близкими людьми, и что вы лучший мой друг. — Вот как, я думаю, должны жить Храп[овиц-

кие]. Средства у них малые, такие, что с трудом и с умением практически жить, которого нет вовсе у него и кот[орого] мало у неё (что бы очень желательно, чтобы она в себе развивала), Храповицкие могут жить 5 мес[яцев] в городе и 7 м[есяцев] в деревне и там и здесь бедно, но честно. Зимние 5 м[есяцев] они могут проводить один год за границей, другой в Пет[ербурге], потом опять за гр[аницей] и т. д. Но непременно в Пет[ербурге] или за границей, для того, чтобы ни тому, ни другому не отставать от века, не опровинциализаться, что в своем роде несчастье. И не отставать от века не в том смысле, чтобы знать, какие носят шляпки и жилеты, а знать, какая вышла новая замечательная книга, какой вопрос занимает Европу, не продавать и покупать людей и собирать баранов с мужиков, когда уже всякой студент знает, что это постыдно, и т. д. — В Петербурге, не ездивши в свет, Хр[аповицкие] могут иметь маленькой круг знакомых, избранных не из людей *comme* и только *il faut*, кот[орых] как собак, но из людей умных, образованных и хороших. Это статья особенно важна для Г-жи Хр[аповицкой], кот[орая] по молодости своей любит много новых знакомых, не требуя от них ничего, кроме того, чтобы они были *comme il faut* и не болваны. Г-н Хр[аповицкий] в этом отношении, напротив, убежден, что этого мало, а следует как можно быть осторож[нее] в выборе знакомых, потому что беды нет, что знаком с одним пустым человеком, но ежели знаком с 30, то они, не делая вам никакого зла, одними своими посещениями и приглашениями лишат вас свободы *loisir*^s и отравят вам жизнь. Притом Г-н Х[раповицкий] думает, что ему с литературой и милой Г-жей Хр[аповицкой], и Г-же Хр[аповицкой] с музыкой и Г-ном Хр[аповицким] не будет одним скучно дома. Храп[овицкие] все свои средства, как они не прибавятся, будут употреблять на внутреннюю роскошь, на устройство комнат, на картины, на музыку, на еду и вино, чтоб радостнее всего было дома, и этим преимущественно будет заниматься Г-жа Хр[аповицкая]. Во время Петербургской или заграничной жизни Храповицкие будут мало видаться, потому что и общество и занятия будут развлекать и того и другого; и от этого не так скоро надоедят друг другу; зато в деревне, где они постараются не видеть ни одной души посторонних, они вдоволь будут надоедать друг другу. Но тихой ненависти не будет, потому что и тут будут занятия у обоих. Это главное, главное. Г-н

Храп[овицкий] будет исполнять давнишнее свое намерение, в котором Г-жа Хр[аповицкая] наверное поддержит его, сделать сколько возможно своих крестьян счастливыми, будет писать, будет читать и учиться и учить Г-жу Храп[овицкую] и называть ее «пупунышкой». Г-жа Храп[овицкая] будет заниматься музыкой, чтением и, разделяя планы Г-на Х[раповицкого], будет помогать ему в его главном деле. — Я воображаю ее в виде маленького Провиденья для крестьян, как она в каком-нибудь попелин[овом] платье с своей черной головкой будет ходить к ним в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело, и просыпаться ночью с довольством собой и желанием, чтобы поскорее рассвело, чтобы опять жить и делать добро, за которое всё больше и больше, до бесконечности, будет обожать ее Г-н Храповицкий. А потом снова они поедут в город, снова поведут умеренную, довольно трудную жизнь с лишениями и сожалениями, но зато с сознанием того, что они хорошие и честные люди, что они из всех сил любят друг друга, и с добрыми друзьями, которые их будут сильно любить обоих, и каждый с своим любимым занятием. — Может быть, им случится когда-нибудь в извозничьей старой карете, возвращаясь от какого-нибудь скромного приятеля, проехать мимо освещенного дома, в кот[ором] бал и слышен оркестр Страуса,⁹ играющий удивительные вальсы. Может быть, Г-жа Хр[аповицкая] при этом глубоко вздохнет и задумается, но уж она должна привыкнуть к мысли, что это удовольствие никогда уж ей не испытывать. Зато Г-жа Х[раповицкая] может быть твердо уверена, что редкой, редкой, а может ни один из всех, кому она завидует на этом бале, ни один никогда не испытывал ее наслаждений, спокойной любви, дружбы, прелести семейной жизни, дружеского кружка милых людей, поэзии, музыки и главного наслаждения — сознания того, что не даром живешь на свете, делаешь добро и ни в чем не имеешь упрекнуть себя. У каждого свои наслаждения, но высшие наслаждения, которые даны человеку — наслаждения *добра*, к[оторое] делаешь, *чистой любви и поэзии* (l'art).¹⁰ Но избрав раз эту дорогу, надо, чтобы Храп[овицкие] твердо верили, что это лучшая дорога, и что по другой им не нужно ходить, чтобы они поддерживали один другого, останавливали, указывали бы друг другу овраги и с помощью религии, к[оторая] указывает на ту же дорогу, никогда бы не сбивались с нее. Потому что

малейший faux pas ¹¹ разрушает всё, и уж не поймашь потерянное счастье. А faux pas этих много: и *кокетство*, вследствие его недоверие, ревность, злоба, и *ревность* без причины, и *флютильность*, уничтожающая любовь и доверие, и *скрытность*, вселяющая подозрение, и *праздность*, от которой надоедают друг другу, и *вспыльчивость*, от которой говорят друг другу вещи, порождающие вечных мальчиков, и *неаккуратность* и непоследовательность в планах, и главное — *нерасчетливость*, тароватость, от которой путаются дела, расположение духа портится, планы разрушаются, спокойствие пропадает, и рождается отвращение друг к другу — и прощай!

Трудная дорога, да; но она прелестна и одна ведет к истинному счастью; поэтому стоит того, чтобы поработать над собой и уничтожить все те подчеркнутые причины, от которых делаются «faux pas». —

А ежели слишком трудно, то я советую Храп[овицким] поступить вот как: жить в Петерб[урге] не в 4-м этаже, а в бельэтаже, сделать Г-же Хр[аповицкой] 30 платьев, ездить на все балы, принимать у себя всех Генерал- и флигель-адъютан[тов] и гордиться этим, кататься по Невск[ому] в своей карете. Г-же Х[раповицкой] кокетнич[ать], Г-ну Хр[аповицкому] играть в карты, потом, осрамявшись, бежать от долгов в деревню, потом опротиветь друг другу, и..... Всё это очень и очень легко, только стоит не принуждать себя, это само собой так делается, и, сбившись с первой дороги, Х[раповицким] очень легко попасть на эту. И даже они непременно попадут, ежели собьются, потому что Г-н Х[раповицкий] натура не практическая и бесхарактерная и Г-жа Х[раповицкая] тоже. — Но первая дорога, что это за счастливая, прелестная мечта! Ежели бы я теперь сидел с вами в Судакове в уголке у гостинной, я много, много рассказал вам. Впрочем, может быть, вы сами понимаете прелесть этой мечты. Ежели да, то не забудьте одно — я говорю, обдумав серьезно и из опыта жизни, — *середины нет, выбирайте одно из двух*: или со всей строгостью первое, каждый день, каждую минуту повторяя себе, что я хочу идти по этой дороге, или вы неволью попадете во вторую, в омут, в кот[ором] грязнут 999 из 1.000. Долго я засиделся над этим письмом, не столько писал, сколько думал, уж 2 ч[аса] ночи. Про себя скажу вам, — я здоров, работаю, что? — вас еще не интересуется, вижу людей очень мало и всё еще визитов никому не делал и

не буду делать до Декабря. Портрет не успел сделать нынче. Завтра. — Прощайте, мой голубчик, работайте над собой, крепитесь, мужайтесь, учитесь и любите меня всё так же, только немножко поспокойнее. Я так счастлив мыслью, что есть вы, которая меня любит, что не знаю, что бы со мной было, ежели бы вы вдруг мне сказали, что вы меня не любите. Пожалуйста, не пробуйте этого. — Женичку обнимаю, Олиньке ¹² жму руку, Наташу ¹³ целую в задние ноги. И[ван] И[ванович] ¹⁴ вчера был в Гугенотах, ¹⁵ ему не понравилось очень, а Алешка ¹⁶ нашел, что славно!

Ваш друг Иван, Иванович виноват, что книги опоздали 2-мя днями. В повестях Тургенева не читайте *Жид* и *Петушков*: барышням нельзя; особенно из них рекомендую: *Андрей Колосов*, *Затишье* и *Два приятеля*. ¹⁷ Nicols Nickleby ¹⁸ и La Foiraux vanites ¹⁹ из Английских. — Шмигаро ²⁰ и Журжиньке каждому по книжке. Пов[ести] Тургенева, когда прочтете, отошлите тетиньке. — Соната эта та, про которую я говорил вам не раз — она не трудна. Особенно хорошо Rondo и Largo. Писать мне вам ужасно хочется, и много есть чего, но не решаюсь, всё жду от вас. Не выходите ли уж вы замуж за Громова? ²¹ Тогда бы это совсем было похоже на французский роман. Я нынче переехал на квартиру: на углу Большой Мещанской и Вознесенской, в доме Блума № 14. Ежели вас интересует знать, в каком положении находятся мои мысли о вас, то с прискорбием должен донести, что пошло, было, после Москвы *diminuendo*, а теперь опять идет *crescendo*. — Да пишите же мне ради Бога. Отчего вы не пишете? Прощайте, милая барышня, Христос с вами. —

Гр. Л. Толстой.

Отрывки из письма опубликованы Н. Н. Гусевым в его биографии «Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой», М. 1927, стр. 264 и 379. См. запись в Дневнике под 19 ноября 1856 г. (т. 47, стр. 101).

¹ Письма эти не сохранились.

² Сохранилось пять писем Толстого к В. В. Арсеньевой со времени его отъезда из Ясной Поляны по 19 ноября, но, судя по записи в Дневнике, было еще одно письмо, написанное из Петербурга 11 ноября. Таким образом это письмо действительно является седьмым.

³ Николай Васильевич Киреевский.

⁴ Вергани.

⁵ Журжинькой в семье Арсеньевых называли Евгению Владимировну Арсеньеву.

⁶ Толстой выехал из Петербурга в Москву 12 января 1857 г., а 29 января из Москвы в мальпосте уехал за границу.

⁷ У О. А. Тургеневой Толстой был 10 ноября, записав в Дневнике: «Ольга Тургенева право, не считая красоты, хуже Валерии. — Много о ней думаю» (т. 47, стр. 93).

⁸ [досуга]

⁹ Иоганн Штраус (1825—1899) — немецкий композитор и дирижер.

¹⁰ [искусства]

¹¹ [ложный шаг]

¹² Ольга Владимировна Арсеньева.

¹³ Н. П. Охотницкая.

¹⁴ И. И. Сахаров — переписчик.

¹⁵ «Гугеноты» — опера Мейербера.

¹⁶ Алексей Степанович Орехов (ум. в 1882 г.) — из яснополянских крепостных. А. С. Орехов, в качестве камердинера, был с Толстым на Кавказе, на Дунае и в Севастополе.

¹⁷ Новые повести Тургенева. См. прим. 6 к п. № 34.

¹⁸ «Жизнь и приключения Николая Никльби» — роман (1838—1839) Чарльза Диккенса.

¹⁹ «Ярмарка тшеславия» — роман (1846) Теккерея.

²⁰ Шмитаро — прозвище младшего брата В. В. Арсеньевой — Николая. Шмитаро был в Туле врач (см. Кузминская, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»).

²¹ Федор Васильевич Громов — тульский губернский архитектор.

39. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Ноября 23—24. Петербург.

23 Ноября.

Сейчас получил ваше чудесное, славное, отличное письмо от 15 N. ¹ Не сердитесь на меня, голубчик, что я в письмах так называю вас. Это слово так идет к тому чувству, которое я к вам имею. Именно *голубчик*. И сколько раз, разговаривая с вами, мне ужасно хотелось вас назвать так, не каким-нибудь другим именем, а именно так. Письмо это должно быть коротко, ежели я не увлекусь, потому что у меня дела пропасть и самого спешного и мучительного, от кот[орого] я несколько дней не сплю ночи. Вы знаете, что мы заключили условие с Современ[ником] печатать свои вещи только там с 1857 года ², а я обещал Друж[инину] ³ и Краевскому ⁴ в О[течественные] З[аписки], и надо написать это к 1-му Декабрю. Друж[инину] я написал кое-как маленький рассказ, но Краевскому нейдет на лад; я написал, но сам недоволен, чувствую, что надо переделать, некогда и не в духе, а все-таки работаю. С одной стороны, надо

сдержать слово, с другой — боюсь уронить свое литературное имя, которым я, признаюсь, дорожу очень, почти так же, как одной вам известной Госпожей. — Я в гадком расположении духа, недоволен собой, поэтому всем на свете, злюсь, зачем я давал слово, хочу работать над старым — отвращение, и как на беду лезут в голову новые планы сочинений, которые кажутся прелестны⁵. В таком настроении застало меня ваше последнее письмо и утешило меня во всем. Бог с ними со всем, только бы вы меня любили и были такие, какой я вас желаю видеть, т. е. отличной; а по письму мне показалось, что вы и любите меня и начинаете понимать жизнь посерьезнее и любить добро и находить наслаждение в том, чтобы следить за собой и идти всё вперед по дороге к совершенству. Дорога бесконечная, которая продолжается и в той жизни, прелестная и одна, на которой в этой жизни находишь счастье. Помогай вам Бог, мой голубчик, идите вперед, любите, любите не одного меня, а весь мир Божий, людей, природу, музыку, поэзию и всё, что в нем есть прелестного, и развивайтесь умом, чтобы уметь понимать вещи, которые достойны любви на свете. Любовь главное назначение и счастье на свете. Хотя, что я скажу, нейдет вовсе к нашему разговору, но вот еще великая причина, по которой женщина должна развиваться. Кроме того, что назначенье женщины быть женой, главное ее назначенье быть матерью, а чтоб быть *матерью*, а не *маткой* (понимаете вы это различие?)² нужно развитие. — Не сердитесь, голубчик (ужасно весело мне вас так называть), за замечания, которые я вам сделаю. 1) Вы всегда говорите, что ваша любовь чистая, высокая и т. д. По-моему, говорить, что моя любовь высокая и т. д., это всё равно что говорить: у меня нос и глаза очень хорошие. Об этом надо предоставить судить другим, а не вам. — 2) В отличном вашем дополнении плана жизни Хр[раповицких] нехорошо то, что вы хотите жить в деревне и ездить в Тулу. Избави, Господи! Деревня должна быть уединением и занятием, про кот[орые] я писал в предпоследнем письме, и больше ничего, но такой деревни вы не выдержите, а тульские знакомства порождают провинциализм, который ужасно опасен. Х[раповицк]ие сделаются оба провинциалами и будут тихо ненавидеть друг друга за то, что они провинциалы. Я видал такие примеры. Да я к тетиньке⁶ испытывал тихую ненависть за провинциализм главное. Нет-с, матушка, Х[раповицкие]

или никого не будут видеть, или лучшее общество во всей России, т. е. лучшее общество не в смысле царской милости и богатства, а в смысле ума и образования. У них комнаты будут в 4 этаже, но собираться в них будут самые замечательные люди России. Избави Бог вследствие этого быть грубыми с тульскими знакомыми и родными, но надо удалиться их, их не нужно; а я вам говорил, что сношения с людьми ненужными всегда вредны.

3) Увы! Вы заблуждаетесь, что у вас есть вкус. Т. е., может быть, есть, но такту нет. Например, известного рода наряды, как голубая шляпка с белыми цветами — прекрасна; но она годится для барыни, едущей на рысаках в аглицкой упряжке и входящей на свою лестницу с зеркалами и камелиями; но при известной скромной обстановке 4-го этажа, извозицкьей кареты и т. д. эта же шляпка ридикюльна, а уж в деревне, в тарантасе, и говорить нечего. — Потом есть известного рода женщины, почти в роде Щербачевой⁷ и даже гораздо хуже, которые в этом роде *élégance*,⁸ ярких цветов, взъерошенных куафюр и всего необыкновенного, горностаевых мантилий, малиновых салопов и т. д., — всегда перещеголяют вас, и выйдет только то, что вы похожи на них. И девушки и женщины, мало жившие в больших городах, всегда ошибаются в этом. Есть другого рода *élégance* — скромная, боящаяся всего необыкновенного, яркого, но очень взыскательная в мелочах, в подробностях, как башмаки, воротнички, перчатки, чистота ногтей, акуратность прически и т. [д.], за которую я стою горой, ежели она не слишком много отнимает заботы от серьезного, и которую не может не любить всякий человек, любящий изящное. — *Élégance* ярких цветов и т. д. еще простительна, хотя и смешна для дурносопой барышни, но вам с вашим хорошеньким личиком непростительно этак заблуждаться. Я бы на вашем месте взял себе правилом для туалета — простота, но самое строгое изящество во всех мельчайших подробностях. —

И 4) ПРОГУЛКИ ПО ГОСТИНОМУ ДВОРУ!!!!⁹ Боже мой! Но это всё ничего, ежели бы вы мечтали даже ездить учиться музыке на Тульской оружейный завод, и это было бы ничто в сравнении с чудной искренностью и любовью, которыми дышат ваши письма. Ради Бога, чтоб замечанья мои не испортили ваше лучшее качество — искренность. — В кого влюблена Оленька?¹⁰ Нельзя ли сказать? Это она, глядя на вас, и на

себя дурь напустила. Прощайте до завтра. Получил объявление на 1 р., должно быть, портрет, и завтра, получив его, боюсь сделаться глупым, еще глупей, чем я теперь. Виноват, что своего всё не сделал, некогда. Когда уж писать много некогда, а писать вам для меня огромное удовольствие. Прощайте, голубчик, голубчик, 1000 раз голубчик, — сердитесь или нет, а я все-таки написал. Христос с вами.

23 Ноября.

Сейчас, окончив работу на нынешний день, которая меня мучит и про которую писал вам, открыл книгу и прочел удивительную вещь — Ифигению Гёте¹¹. Вам это непонятно (может, будет понятно со временем), то неописанное великое наслаждение, которое испытываешь, понимая и любя поэзию; но дело в том, что сильное наслаждение, кот[орое] я испытал, почему-то заставило меня вспомнить о вас, и хочется написать вам: *голубчик*, и больше ничего. — Портрета вашего не получил еще, свой же посылаю¹², уж передал И[вану] И[вановичу]¹³. — Вот скоро месяц, что не вижу вас, а почти всё так же думаю о вас, иногда с недоверием и злобой, большей частью с глупой любовью. Впрочем, я ничего не делаю, чтобы испытать свое чувство. С тех пор, как я уехал, я веду жизнь гораздо более уединенную, чем в Ясной. С 1-го Декабря пушусь во все рас-seяния и посмотрю, что будет. Приеду же к вам на вас посмотреть, и то не наверное, не раньше праздников. Теперь я работаю всё для Декабрьских книжек, главное же свое дело — переделывать «Юность» — я еще не начинал, это займет весь Декабрь. Ездили ли вы на бал?¹⁴ Не поедете ли вы в Москву взять несколько уроков у Мортъе? Эти обе вещи очень, очень необходимы, и тысячу раз советую вам их сделать. Пожалуйста, голубчик, сделайте это. Что музыка? Я часто мечтаю, что, приехав в милое Судаково через недель 5 и поболтав с вами на печке, вы сядете за фортельяно и вдруг поразите меня необыкновенными успехами. Ежели вы не ленитесь, то можете это сделать. Прощайте, голубчик, милейшая барышня, жму вашу милую руку, Христос с вами. Должно быть, напишу еще завтра. Пишите, пишите, как прежде, только о ваших занятиях поподробнее, что вы читаете, и как и что нравится? —

Прелестная Женичка, Уа!

Пиндигашки, Уи!

Влюбленная Олинька, О-ох!

Долго ль жить нам в огорченьи,
Люты скорби перенося?¹⁵
Как вы думаете? Я думаю, недолго.

Я вспоминаю — вчерашнее мое письмо глупо, я что-то ужасно
возгордился. —

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 343—346. См. запись в Дневнике
под 23 и 24 ноября 1856 г., т. 47, стр. 101.

¹ Письмо это не сохранилось.

² См. прим. 5 к п. № 18.

³ Для А. В. Дружинина в «Библиотеку для чтения» Толстой готовил
«Разжалованного».

⁴ Для А. А. Краевского в «Отечественные записки» Толстой готовил
«Утро помещика».

⁵ Под 23 ноября в Дневнике Толстого записано: «Как хочется поскорее
отделаться с журналами, чтобы писать так, как я теперь начинаю думать
об искусстве, ужасно высоко и чисто» (т. 47, стр. 101).

⁶ Т. А. Ергольская.

⁷ Тетка В. В. Арсеньевой (см. п. № 19).

⁸ [изящество]

⁹ Гостиный двор — ряды в Москве на Ильинке (теперь улица Куй-
бышева).

¹⁰ О. В. Арсеньева.

¹¹ «Ифигения в Тавриде» — трагедия (1779—1787) Гёте.

¹² Какой свой портрет послал Толстой В. В. Арсеньевой, выяснить
не удалось.

¹³ И. И. Сахаров.

¹⁴ См. прим. 10 к п. № 37.

¹⁵ Ср. с письмом к М. Н. Толстой от 30 июня 1856 г., № 17. Там Толстой
приводит этот же стих.

40. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Ноября 27—28. Петербург.

Вчера получил ваше второе письмо после говения, а нынче
первое¹. Не знаю, потому ли, что письма нехороши, или потому,
что я начинаю переменяться, или потому, что в последнем вы
упоминаете о Мортье, письма не произвели на меня такого
приятного впечатления, как первые. — Поздравляю вас от
души и радуюсь, что вы так серьезно на это смотрите. Одно
нехорошо — надо меньше говорить, чтобы больше чувствовать.
И не надо слишком увлекаться надеждой, что всё пойдет новое,
и что этим таинством вы разрываете связь с прошедшим. —

Оно помогает много и в жизни и духовно очищает, но не так, как вы думаете. Наприм[ер], что вы говорите, что после говенья вы будете наблюдать за собой, и трудиться и работать (это я прибавляю за вас) — это отлично. и поддержи вас Бог в этих мыслях, но история М[ортье] остается история М[ортье]. Первое нехорошо, что у вас время, как я вижу, проходит праздно. Это плохо. Вчера я был у О. Тургеневой и слышал там Бетховенское трио ², которое до сих пор у меня в ушах, восхитительно. Я не могу видеть женщину, чтобы не сравнивать ее с вами. Эта Госпожа отличная во всех отношениях, но она мне просто не нравится; но должно отдать ей справедливость. Можете себе представить, я узнал от ее тетки, что она встает в 7 часов в Пет[ербурге] и до 2-х каждый день играет, а вечера читает, и действительно в музыке она сделала громадные успехи; хотя у нее таланта меньше, чем у вас. Второе нехорошо, и ужасно нехорошо, что вы не пригласили М[ортье] приехать в Тулу и Судаково. Я говорил, говорил и вам и Женичке ³, что для вас необходимо видеться с ним, чтобы прекратились ваши отношения, но мне не хотят верить. — Постарайтесь не досаждать, не воображать, что я ревную, а просто спокойно постарайтесь влезть в мою шкуру и видеть моими глазами. Г-жа Д[ембицкая] была влюблена в Passe-p[asse] ⁴, она сама признавалась в этом Женичке. Не ахайте, это не беда, это даже мило. Passe-passe, как Г-жа Д[ембицкая] убеждена, страстно влюблен в нее. Их отношения *пререались*, но не *прекратились*. Поймите меня, я убежден совершенно, что вы теперь не имете ничего к Passe-p[asse], но ему это не доказано, он остановился на том, что вы ему показывали расположение. — Понимаете ли вы, что половина пути самая трудная уж пройдена для него. Помните, мы с вами говорили у фортепьян: что будет, ежели вы влюбитесь, и вы сказали, что это не может быть, потому что вы не допустите себя дойти до интимности и взаимности, которые необходимы для того, чтобы любовь была опасна. Это правда. И понимаете — вы с М[ортье] дошли до этого, что он имеет право думать: — или что вы имели к нему любовь, или что вы такая госпожа, к[оторая] способна иметь ее к многим, и вследствие этого разлука и сухое письмо с выдумками не уничтожают отношений и не могут успокоить Хр[аповицкого]. — И именно только ваши отношения с М[ортье] беспокоят Хр[аповицкого]. — Отчего ему весело и приятно

говорить с вами про вашу любовь к милейшему Иславину, ⁵ отчего, ежели он будет мужем Г-жи Д[ембицкой], он (ежели встретится в том необходимости) совершенно спокойно отправит Г-жу Хр[аповицкую] на 2 года путешествовать с Иславиным и т. п., но М[ортье] — другое. Г-жа Д[ембицкая] убеждена, что он ее любит, а он, Г-н Хр[аповицкий], к[оторый] жил больше ее на свете, знает, что значит эта *высокая* любовь, — это больше ничего, как желание целовать ручки хорошенькой девушки, понимаете? Это доказывает и Вертер, и то, что он никогда не думал о том, чтоб было лучше Г-же Д[ембицкой], а даже в музыке, в одном, в чем он мог быть полезен, он глупой лестью и т. д. пугал и вредил ей. Кроме того, это такой род любви, который от подобострастия ужасно быстро переходит к дерзости. Я мущина, и всё

28 Ноября. ⁶

это знаю. Разумеется, я никому не могу запретить иметь к моей жене любовь такого рода, но она не опасна, когда между ей и им нет ничего общего; но когда пройдена эта первая половина дороги, тогда опасно. И опасно вот в каком смысле: что, ежели бы Г-н М[ортье] написал моей жене любовное письмо или поцеловал бы ее руку, и она скрыла бы это от меня (а кто ему мешает теперь), то ежели бы я любил жену, я бы застрелился, а нет, то сплю секунду бы развелся и убежал бы на край света из одного уважения к ней, к своему имени и из разочарованья в моих мечтах будущности. И это не фраза, а клянусь вам Богом, что это я знаю, как себя знаю. От этого-то я так боюсь брака, что слишком строго и серьезно смотрю на это. Есть люди, кот[орые] женясь думают: «ну, а не удалось тут найти счастье — у меня еще жизнь впереди», — эта мысль мне никогда не приходит, я всё кладу на эту карту. Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю всё, свой талант, свое сердце, сопьюсь, картежником сделаюсь, красть буду, ежели не достанет духу — зарезаться. А вам это шуточки, приятное чувство, *нежное, высокое* и т. д. Я не люблю нежного и высокого, а люблю честное и хорошее. Постарайтесь спокойно стать на мое место и подумать, призовите и Женичку на совет, прав ли я или нет, желая, чтобы вы стали с М[ортье] в отношения музык[ального] учителя и ученицы. Может быть, это трудно, но что ж делать, а повторяю, — лгать ему в письмах (как вы

не чувствовали этого говея?) это — унижать себя, бояться его. Очень весело будет Храп[овицкому] бегать от М[ортье], чтоб его жена вдруг не растаяла перед выражением его страсти. Храп[овицкий] имеет правилом и держится его — не иметь врагов, не иметь во всем мире ни одного человека, с кот[орым] бы ему тяжело было встретиться; а вы, любя его, хотите поставить в это гнусное, унижительное положение. Постарайтесь стать на мою точку зрения, у вас хорошее сердце, и если вы меня любите, как же вам не понять этого. Ревновать уж унижительно, а к М[ортье] каково? —

Вы думаете, что кончены нотации, нет, дайте всё высказать. — Три дня вы не решились сказать мне вещи, которая, вы знаете, как меня интересует, и высказываете ее, как будто гордясь своим поступком. Да ведь это первое условие самой маленькой дружбы, а не *высокой* и *нежной* любви! Я не шутя говорил, что ежели бы моя жена делала бы мне сюрприз — подушку, новыряшку какую-нибудь, и делала бы от меня тайну, я бы на другой день убежал бы от нее на край света, и мы бы стали чужие. Что делать, я такой, и не скрываю этого и не преувеличиваю. Думайте хорошенько, можете ли вы любить такого уroda, а в вещи, такой близкой вашему и моему сердцу, вы задумываетесь. Поверьте, что я не так поступаю в отношении вас. С тех пор, как я уехал, нет вещи, которой бы я не мог прямо сказать вам, и говорю и скажу всё, что может вам быть интересно. За это-то я и люблю, главное, мои отношения к вам, что они поддерживают меня на пути всего хорошего. — Что вы спрашиваете меня о попах, напомнило мне то, что я давно хотел сказать вам. Какие бы ни были наши будущие отношения, *никогда не будем* говорить о религии и всё, что до нее касается. Вы знаете, что я верующий, но очень может быть, что во многом моя вера расходится с вашей, и этот вопрос не надо трогать никогда, особенно между людьми, которые хотят любить друг друга. Я радуюсь, глядя на вас. Религия великое дело, особенно для женщины, и она в вас есть. Храните ее, никогда не говорите о ней и, не впадая в крайность, исполняйте ее догматы. Занимайтесь больше и больше, приучайте себя к труду. Это первое условие счастья в жизни. Прощайте, милая Валерия Владимировна, изо всех сил жму вашу милую руку. Перед получением ваших последних писем я думал о том, что вместо того, чтобы испытывать себя, мы нашими письмами еще более мон-

тируем друг друга. Ну, это письмо, кажется, не такого рода. На-днях кончаю работу и пускаюсь в свет.⁷

Прощайте, Христос с вами, милая барышня.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 346—351. В начале первой страницы рукой С. А. Толстой карандашом помечено: «28 Ноября». Письмо датируется записью в Дневнике 27 ноября 1856 г. На следующий же день Толстой продолжает письмо, датируя продолжение 28 ноября.

¹ Эти письма не сохранились. Получение их отмечено в Дневнике Толстого 26 и 27 ноября.

² Трио Бетховена ор. 70 (фортепьяно, скрипка и виолончель).

³ Вергани.

⁴ Под Passe-passe Толстой подразумевает Мортье.

⁵ К. А. Иславин.

⁶ Дата стоит в начале пятой страницы, начинающейся словами: «это знаю».

⁷ «Утро помещика» было окончено Толстым 29 ноября (см. т. 47, стр. 102).

* 41. В. В. Арсеньевой и Ж. Вергани.

1856 г. Декабря 1. Петербург.

1 Декабря.

Сейчас приехал из Гугенотов — нехорошо, сел к столу и, нечаянно взяв в руки перо и бумагу, думаю: дай, напишу милейшей барышне, вот и пишу. Получил вчера ваше страховое письмо, в кот[ором] вы пишете о Тургеневе; всё, что вы пишете об этом — хорошо. Разговор на большой дор[огe] и не должен был вам понравиться, во-первых, потому, что он слаб, а во-вторых, потому, что это сатира на помещичий быт, всю пустоту и безнравственность которого вы еще не совсем понимаете.¹ Пишите мне, пожалуйста, свои мнения смело, но не старайтесь выдумать какое-нибудь мнение, а ежели произведение ничего не возбудило в вас, ничего и не говорите. Ваши мнения всегда для меня будут чрезвычайно интересны. Когда всё прочтете, напишите мне, я доставлю еще. Еще столько есть прелестных вещей, которые всю жизнь не перечитаете. Я, как вам писал, работал много это время, теперь кончил, но начинаю новое;² кроме того, у меня пропасть книг, кот[орые] хочется прочесть, пропасть нот, к[оторые] хочется разыграть, пропасть мыслей, к[оторые] хочется записать, так что, просидев иногда целый

день дома, я, ложась спать, жалею, что день кончился, и я не успел насладиться многими вещами, к[оторые] у меня дома и всегда под рукой. Я не говорю: «Убил еще одного каналью!», а говорю: «Увы! Еще один голубчик прошел». Даже к приятелям, в оперу (ее-то я не люблю вообще) меня, ежели вытасят, так я поеду, так мне хорошо дома. А ежели бы еще в прибавку был всегда с тобой милый человек! говорю я себе иногда. Тогда бы еще лучше, иногда отвечаю я; а иногда приходит в голову: а ежели именно этот милый человек, не разделяя твоих вкусов, расстроит весь «charme»³ твоей жизни? Но эти мысли я отгоняю. И говорю себе вот что: ежели ты, свинья и каналья, и болван, *желаешь всегда видеть с собой милого человека для своего счастья*, то, разумеется, ты ошибешься, и тебе будет хуже; а ежели ты желаешь *любить милого человека для того, чтобы ему было всегда хорошо и счастливо жить на свете*, тогда тебе будет лучше, у тебя будет лишний труд, и чудесный труд. А коли труд этот будет бесплодный? опять говорит другой голос. Для этого ты изучай его, убеждайся. Вот и я убеждаюсь, но всё это вздор. Вы правы, милая Валерия Владимировна, все рассуждения помогут мало, ежели Бог хочет или не хочет моего или вашего счастья или несчастья. После ваших 2-х писем после говенья,⁴ Бог знает почему, я воспитал к вам злобу, а потом равнодушие, продолжавшееся 2 дня. Может быть, от того, что я был очень увлечен работой это время, может быть, от того, что человек — и молодой — больше всего любит свободу, — и я стал тяготиться моими к вам отношениями. А теперь снова без всякой причины я чувствую к вам тихую, спокойную дружбу, и так и тянет думать о вас, писать вам и быть с вами. В конце Декабря я непременно приеду и приехал бы сейчас, ежели бы не задерживала переделка Юности и отставка, за кот[орую] надо похлопотать, хотя она уже есть в приказе.⁵ Но я ужасно боюсь за наше свиданье. Вот где нам надо снова подтвердить слово быть друг с другом как можно искреннее. Вот чего я боюсь: в переписке, во-первых, мы монтируем друг друга разными нежностями, во-вторых, надуваем друг друга, т. е. не скрываем, не выдумываем, но рисуемся, выказываем себя с самой выгодной стороны, скрываем каждый свои дурные и особенно пошлые стороны, которые заметны сейчас при личном свиданьи. Я воображаю, что думаю всё, и, думая о моей персоне, вы невольно стараетесь видеть в ней одно хорошее,

а когда при личном свидании увидите вдруг в физическом отношении — гнилую улыбку, нос в виде луковицы и т. д. и в моральном отношении — мрак, переменчивость, скучливость и т. д., про которые вы забыли, это вас удивит, как новость, больно поразит и вдруг разочарует; но вам совестно будет в этом признаться и передо мной и перед самой собою, и вы невольно начнете лицемерить. Тогда беда! И со мной случиться может то же самое. Надо дать слово 3 дня после нашего свиданья откровенно сказать, каково будет это новое впечатление. Скажите, ежели бы случилось теперь, чтобы вы влюбились в кого-нибудь, или просто я бы вам опротивел, решились бы вы это прямо сказать мне и как бы вы это сказали? Портрета вашего я всё не получаю, напишите в Москов[ский] почтамт, что[бы] такую-то посылку за таким-то № переслали в Петербург или к вам обратно. Что ваши планы насчет поездки к Киреевскому ⁶ и в Москву? Что ваш образ жизни? Ездите ли на балы? Очень не мешает. Главное — музыка что? Удивите ли вы меня успехами, когда я приеду, или нет? Прощайте, Христос с вами, милая отличная Валерия Владимировна, изо всех сил жму вашу руку без костей. Ваш

Гр. Л. Толстой.

Je vous remercie un million de fois, chérissime M-lle Vergany, pour les deux petits mots que vous avez mis dans les lettres de V. Les nouvelles que vous me donnez sur cette jeune personne ne sont pas trop bonnes: elle s'ennuie, elle est triste, elle marche — tout ça est triste. Ne pourriez vous pas, sans dire quelque chose qui ne soit pas tout-à-fait orai, me dire qu'elle est d'une humeur qui n'est pas follement gaie, mais qui n'est pas triste, qu'elle est de l'humeur d'une personne qui est contente d'elle même, qu'elle est occupée presque toute la journée, que sa santé est bonne, que son caractère qui a été excellent, est devenu encore meilleur, qu'elle a beaucoup changé à son avantage, qu'elle vous aime plus que jamais et qu'il lui arrive quelquefois de penser à un certain Monsieur Chrap. et à d. s. Ce serait d'excellentes nouvelles qui m'auraient rendu heureux. Adieu, chère et délicieuse Женичка, à revoir plutôt; car dans quelques semaines j'espère vous voir, vous embrasser, et vous prier de me donner du thé, qui ne soit pas trop fort⁷.

Милым пиндигашкам Куя!

Отрывок письма впервые напечатан Н. Н. Гусевым в его книге «Молодой Толстой», стр. 265, другой отрывок (цитата) — им же в подстрочном прим. к статье «Последние слова Л. Н. Толстого», ТТ, 1, стр. 79. См. т. 47, стр. 103.

Письмо Толстого является ответом на несохранившееся письмо В. В. Арсеневой, полученное им 30 ноября и отмеченное в Дневнике (т. 47, стр. 103).

¹ Повести Тургенева были посланы Толстым В. В. Арсеневой 9 ноября (см. п. № 34).

² Начала двух комедий или двух редакций одной комедии: «Дворянское семейство» и «Практический человек», см. т. 7, стр. 376, и т. 47, стр. 103, и прим. 577 и 1237.

³ [прелесть]

⁴ Письма эти не сохранились.

⁵ Об отставке Толстой узнал 28 ноября. См. запись в Дневнике (т. 47, стр. 102).

⁶ Н. В. Киреевский.

⁷ [Благодарю вас миллион раз, дражайшая г-жа Верганв. за два слова, вложенные вами в письма В[алерии]. Новости, которые вы мне сообщаете об этой молодой особе, не очень хороши: она скучает, она грустна, она ходит — всё это очень грустно. Не могли ли бы вы, не говоря ничего такого, что не было бы совершенная правда, сказать мне, что она — в настроении, которое не слишком веселое, но не грустное, что она — в настроении человека, который доволен собой, что она почти весь день занята, что ее здоровье хорошо, что ее характер, который был превосходен, сделался еще лучше, что она много изменилась к лучшему, что она нас любит больше, чем когда-либо, и что ей случается иногда думать об известном господине Храп[овицком] и т. д. Это были бы отличные новости, которые сделали бы меня счастливым. Прощайте, дорогая и прелестная Женничка, или, лучше, до свидания; потому что через несколько недель я надеюсь вас увидеть, обнять и просить вас дать мне чаю, но не слишком крепкого.]

42. М. Н. Каткову. Черновое.

1856 г. Декабря 1. Петербург.

М. Г.

Михаил Никифорович!

Напечатанное в М[осковских] ведомостях объявление от Русского вестника о исключении Г. Тургенева и меня из числа его сотрудников весьма удивило меня. В 1855 году вам угодно было сделать мне честь письменно пригласить меня в число сотрудников Русского вестника. Я имел неучтивость, в чем совершенно сознаюсь и еще раз прошу у вас извинения, по

рассеянности и недостатку времени, не ответить на лестное письмо ваше. В том же году Г. Корш ¹ лично приглашал меня принять участие в Русском вестнике. Не имея ничего готового, я отвечал и совершенно искренно ² Г-ну Коршу, что весьма благодарен за лестное приглашение, и что, когда у меня будет что-нибудь готовое, я за удовольствие почту напечатать статью в вашем журнале. Весной ³ Г. Мефодий Никифорович Катков, ⁴ встретив меня у Г. Тургенева, сообщил мне, что я почему-то уже ⁵ честным словом обязан в нынешнем году доставить повесть в редакцию Р[усского] в[естника]. Я ответил <Г-ну Каткову> вашему брату то, что я мог ответить, не имея ничего готового и прежде не обещанного, я ответил ⁶ теми же общими фразами полуобещания и благодарности за лестное приглашение. Вот все мои отношения с Редакцией Русского вестника. Конечно, было бы лучше с моей стороны отвечать Г-м Коршу и Каткову резким отказом, и только тогда, когда моя статья была бы готова, прислать ее к вам. Без сомнения это было бы логичнее, а главное, выгоднее и безопаснее для меня во всех отношениях, но кто из нас не отвечал общими учтивыми полуобещаниями даже на приятные приглашения, которые сам не знаешь, в состоянии ли будешь выполнить, хотя и желаешь этого. Я не считал и не ⁷ считаю себя обещаньем ⁸ обязанным перед Русским вестником, хотя имя мое без моего на то согласия и было напечатано в списке сотрудников журнала. Сама Редакция Русского вестника, как мне кажется, не считала меня своим сотрудником, судя по тому, что после разговора с Г. Коршем ни разу не обращалась ко мне, не изъявила желания узнать моих условий при печатании моих статей, не спрашивала, какие будут это статьи ⁹ и не исполняла в отношении меня обыкновенных условий редакторской учтивости к своим сотрудникам, т. е. не посылала мне книжек своего журнала. Но ежели вам угодно буквально понимать мои ответы Г[оспода]м Коршу и Каткову, ¹⁰ что я почту за удовольствие печататься в Русском вестнике и принимать их за положительное обещание, то и в этом случае ¹¹ позвольте вам заметить, что, никогда не означав времени, когда я отдам свою статью, я ничем не доказал, что я не хочу исполнить своего обещания. Я могу прислать статью через месяц, через год, через два, одним словом по истечении срока условия с Современником, вызвавшего ваше объявление. Ежели редакция Русского вестника нашла необ-

ходимым оговориться перед пуоликою в преждевременном напечатании моего имени в списке сотрудников, то, обвиняя в этом меня, она поступила, мне кажется, не совсем справедливо. Представляя на ваше усмотрение дать или не дать этому письму ту же публичность, которая дана была вашему объявлению ¹² (Потому-то объявление ваше удивило меня и скажу искренно оскорбило меня. Мне было неприятно и больно ¹³ видеть, что человек, которого я уважаю, как редактора) ¹⁴ одного из лучших ¹⁵ наших журналов, позволил себе публично, безопасно ¹⁶ и несправедливо оскорбить своих товарищей и собратиев по литературе, имея право их обвинить только в слишком большом ¹⁷ расположении, которое они принимали в вашем издании, и в неуместной учтивости. На ваше усмотрение предоставляя напечатать или нет это письмо в М[осковских] в[едомостях], имею честь быть ¹⁸ ваш покорнейш[ий] слуга Гр. Л. Толстой. ¹⁹

Печатается по копии (сделанной неизвестной рукой с поправками Толстого). Впервые опубликовано (не полностью) в «Литературном наследстве», № 37/38, изд. Академии наук СССР, М. 1939, стр. 189—190. Датируется записью в Дневнике под 1 декабря 1856 г. (т. 47, стр. 103).

Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — реакционный публицист. В конце 1830 г. был в кружке Станкевича, где сошелся с Белинским и Бакуниным. В 1845 г. по защите диссертации Катков получил кафедру философии в Московском университете, а в 1850 г. стал редактором «Московских ведомостей» и чиновником особых поручений при Министерстве народного просвещения. С 1856 г. — издатель «Русского вестника». Отойдя в 1858 г. от «Современника», Толстой напечатал в журнале Каткова в 1859—1877 гг. пять своих произведений («Семейное счастье» в 1859 г., «Казак» и «Поликушку» в 1863 г., «Тысяча восемьсот пятый год» в 1865—1866 гг. и «Анну Каренину» в 1875—1877 гг.). Относясь всегда отрицательно к Каткову, Толстой общался с ним исключительно на деловой почве. Расхождение же во взглядах на славянский вопрос повлекло в 1877 г. к бурному разрыву между ними. Подробнее см. т. 47, стр. 382—383.

¹ Евгений Федорович Корш, соредактор «Русского вестника» и сотрудник «Московских ведомостей». См. вступ. прим. к п. № 116.

² Слова: и совершенно искренно вставлены Толстым.

³ Зачеркнуто Толстым: В нынешнем году и написано: Весной.

⁴ Мефодий Никифорович Катков (1820—1875) — брат М. Н. Каткова.

⁵ Слова: почему-то уже вставлены Толстым.

⁶ Зачеркнуто Толстым: Г-ну Каткову и вставлена фраза, начинающаяся словами: Вашему брату.

⁷ Зачеркнуто Толстым: ничем и написано: не считал и

⁸ Слово: обещаю вставлено Толстым.

⁹ Слова: не спрашивала, какие будут это статьи вставлены Толстым.

¹⁰ Слова: в Каткову вставлены Толстым и Г переправлено на: Г-м.

¹¹ Слова: в в этом случае вставлены Толстым.

¹² Слова: Представляя на ваше усмотрение кончая: объявлению вписаны Толстым.

¹³ Слова: в больно вставлены Толстым.

¹⁴ Зачеркнуто со слов: Потому-то объявление кончая: как редактора, конец этого слова и дальнейшее написано на полях и осталось незачеркнуто.

¹⁵ Вписано Толстым: полезнейших и наилучше направленных и им же э[т]черкнуто.

¹⁶ Слово: безопасно вставлено Толстым.

¹⁷ Зачеркнуто: участи.

¹⁸ Зачеркнуто: с уважением.

¹⁹ Со слов: имея право и до конца письма написано Толстым.

43. Т. А. Ергольской.

1856 г. Декабря 5. Петербург.

5 Декабря.

Винюват, что дня три не отвечал на ваше письмо. Я ужасно был занят всё это время. Я написал в один месяц совершенно новый рассказ для Библ[иотеки] для Чт[ения] и переделал старое для О[течественных] З[аписок].¹ — Я вам пришлю их. Зато этот месяц я провел прекрасно так, как то время перед болезнью, когда я писал Юность с утра до вечера. Кроме того, у меня фортепьяно и ноты, новые книги и изредка Дружин[ин], Боткин, Анненков, с которыми мы иногда проводим вечера часов 6, болтая о пустяках и рассуждая о деле, так что не видим, как летит время. У светских моих знакомых я ни у кого не был и желаю быть как можно меньше. Так мне хорошо одному дома. Здоровье мое хорошо, чему я обязан, как мне кажется, не столько Шапулинскому,² сколько гимнастке,³ которую я делаю каждый день. Только продолжают бессонницы. Никак не могу спать больше 6, 7 часов в день. Вы мне пишете⁴ про В[алерию]⁵ опять в том же тоне, в котором вы всегда мне говорили про нее, и я отвечаю опять так же, как всегда. Только что я уехал и неделю после этого, мне кажется, что я был влюблен, что называется, но с моим воображением это не трудно. Теперь же и после этого, особенно, как я пристально занялся работой, я бы желал и очень желал мочь сказать, что я влюблен, или просто люблю ее, но этого нет. — Одно чувство, которое я имею к ней — это благодарность за

ее любовь и еще мысль, что из всех девушек, которых я знал и знаю — она лучше всех была бы для меня женою, как я думаю о семейной жизни. Вот в этом-то я и желал бы знать ваше откровенное мнение — ошибаюсь я, или нет. И желал бы слышать ваши советы, во-первых, потому, что вы знаете и ее и меня, а, главное, потому что вы меня любите, а люди, которые любят, никогда не ошибаются. — Правда, я очень дурно испытывал себя, потому что с тех пор, как уехал, вел жизнь скорее уединенную, чем рассеянную, и видел мало женщин, но, несмотря на это, часто мне приходили минуты досады на себя, что я сошелся с ней и что я раскаивался в этом. Все-таки я говорю, что, ежели бы я убедился, что она натура постоянная и будет любить меня всегда, — хоть не так, как теперь, — а больше, чем всех, то я ни минуты не задумался бы жениться на ней. Я уверен, что тогда моя бы любовь к ней всё увеличивалась бы и увеличивалась, и что посредством этого чувства из нее бы можно было сделать хорошую женщину. — Adieu, chère tante, je baise vos mains.⁶ Сереже я напишу с этой же почтой.⁷

Впервые полностью напечатано в Бир. XXI, стр. 147. Год определяется записью в Дневнике под 5 декабря 1856 г. (т. 47, стр. 103).

¹ Рассказы «Разжалованный» и «Утро помещика».

² Павел Дмитриевич Шипулинский — петербургский врач.

³ В Петербурге Толстой посещал гимнастическое заведение.

⁴ Письмо Т. А. Ергольской не сохранилось.

⁵ В. В. Арсеньева.

⁶ [До свидания, милая тетенька, целую ваши ручки.]

⁷ См. следующее письмо № 44.

* 44. Гр. С. Н. Толстому.

1856 г. Декабря 5. Петербург.

Любезный друг Сережа!

Из письма к тетишке, которая я полагаю живет у тебя, ты узнаешь разные подробности обо мне и моих отношениях с *гостями*¹, которые я писал и на твой счет. Признаюсь, мне больно твое ужасное и несправедливое возмущение против *гостей*. Аргументы твои насчет обстановки сильны и справедливы, но

вопрос в том, что есть ли внутренние достоинства, которые выкупают это? Ты говоришь, что нет, и говоришь на основании личной несимпатии и наблюдений поверхностных над *гостями* в самый невыгодный период. А несмотря на то, я очень близок к тому, чтобы взять да и жениться на *госте*, хотя не сделаю этого никак прежде Июня месяца. Одно, что может удержать меня, это, чтобы она влюбилась в кого-нибудь, или чтобы я влюбился в кого-нибудь до этого время. Потому что то чувство, которое я имею к ней, как оно ни шатко и ни нецельно, оно остается точно тем же здесь, каким оно было и летом и осенью. Главное мое чувство это сильная любовь к известному роду семейной жизни, к которой эта девушка подходит лучше всех тех, которых я знал. Ты напрасно думаешь, что эта любовь к семейной жизни мечта, которая мне опротивеет. Я семьянин по натуре, у меня все вкусы такие были и в юности, а теперь подавно. В этом я убежден так, как в том, что я живу. Вопрос только в том, такая ли она, как я думаю, а этого ты теперь сказать не можешь, потому что ты не только не наблюдал ее, а, кроме твоей всегдашней презрительной манеры с женщинами, относился к ней еще с антипатией. По-твоему — хоть это смешно сказать — складки на шее и какой-нибудь *паук* решительно мешают ей быть хорошей женой. Ты произносишь сразу приговор без апелляции за паука, а этакой приговор есть тоже паук в своем роде. Но довольно об этом, о других делах, кот[орые], знаю, тебя интересуют. Издание В[оенных] Р[ассказов] Давыдовым² не дало еще мне ничего. Давыд[ов] плут, и это мне урок; он говорит, что оно еще не окупилось, тогда как Д[етство] и О[трочество]³ уже окупилось, и я получил больше 300 р. и через месяц получу еще стольк[о] и т. д. до 3,000. Отставка моя вышла, и на-днях надеваю фрак. Это стоит мне рублей 350; но, благо, я написал 4 листа с $\frac{1}{2}$ в Б[иблюотеку] для Ч[тения] и О[гчественные] З[аписки],⁴ которые мне дадут эти деньги. На-днях узнал, что Государь читал вслух своей жене мое Детство и плакал.⁵ Кроме того, что это мне лестно, я рад, что это исправляет ту клевету, которую на меня выпустили доброжелатели и довели до Величеств и Высочеств, что я, сочинив Севастопольскую песню, ходил по полкам и учил солдат ее петь. Эта штука в прошлое царствованье пахла крепостью, да и теперь, может быть, я записан в 3-е Отделение и меня не пустят за границу. Едешь ли ты на Кавказ и когда? Пожалуйста

ответь мне. Прощай. — У меня теперь еще недели на две спешных занятий за поправкой Юности.

На конверте:

Его Снятельству Графу Сергею Николаевичу Толстому.
В Тулу. В село Пирогово.

Датируется почтовым штемпелем: «С.П.Бург 7 дек. 1856».

¹ «Гостями» Толстой называет здесь В. В. Арсеньеву.

² Алексей Иванович Давыдов — книгопродавец. См. т. 47, стр. 319. Сохранились три письма А. И. Давыдова к Толстому. Давыдову Толстой поручил издание своих «Военных рассказов» отдельной книгой.

³ См. прим. 6 к п. № 5.

⁴ См. прим. 1 к пред. письму.

⁵ Александр II — своей жене Марии Александровне. См. записи в Дневнике под 25 и 30 ноября (т. 47, стр. 102 и 103).

* 45. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Декабря 7. Петербург.

Получил вчера вдруг ваши 2 письма: от 1 Дек[абря] и 29 Октября, и оба письма перечел несколько раз.¹ Эти письма, в кот[орых] вы советуете мне съездить в Андалузию и говорите, что я должен любить вас с вашими слабостями, и что кокетничать и нравиться вы любите, и что на мою дорогу может стать 14 или 35-тил[етняя] женщина и т. д., и т. д., эти письма прелестны. Ежели бы я был женат, или вы бы были замужем, или ваш отец ни за что бы не хотел отдать вас за меня, тогда (это я говорю не шутя, а перед Богом) я бы дал волю своему чувству, для меня бы не было ни прошедшего, ни будущего, и я бы страстно, так страстно, что вы бы сами стали говорить: потише! влюбился бы в вас. — Но вникните хорошенько в это; ведь наша цель не одна — наслаждаться любовью, для этого нужно отдать волю своему чувству и ни о чем не думать. Наша цель, кроме того, чтобы любить, еще в том, чтобы прожить жизнь вместе и исполнить все обязанности, которые налагает брак; а для этого много и много нужно поработать над собой и поломать себя и прежде и после. Я эгоист, положим, но вот уж 6-й месяц, как я постоянно борюсь сам с собою, как я изменяю свои любимые привычки; а вы не эгоист, но вы только хотите любить, наслаждаться этим лучшим благом на свете, и

для него не только не поработать над собой, но не пожертвовать даже маленьким удовольствием. Неужели вы думаете, что я не съумел бы на вашем месте делать то, что вы, т. е. распустьтесь лашпей, наслаждаться лучшим чувством на свете, а там, что будет после, «это твоё дело». Но несмотря на то, вы все-таки милы, ужасно милы своей честностью и нежностью, которую я, хотя ценю мало, но люблю больше всего на свете. — Опять о будущем. Занятия хозяйством, музыкой, мужиками, чтением это только советы, которые я даю для того, чтобы жизнь была вам хороша, но, может быть, вы найдете другие, более вам приятные занятия, может быть, многие вам не по вкусу... это всё дело ваше, вы можете быть отличной Храповицкой, даже и гуляя на Гост[инном] Дворе; но дело Храповицкого, к[оторый] любит ее и больше жил. указать ей на то, что дает счастье, а не оставить ее искать самую — и делать все те ошибки, к[оторые] он сам делал. Но это только советы, потому что будет ли она читать или гулять по лавкам, ему будет ни лучше, ни хуже, а ей; но что касается света, то это другое дело. Тут уж Храп[овицк]ому хуже и очень. Он должен водиться с людьми, которых он не уважает, с к[оторыми] ему противно, скучно, должен терять время, переменить весь свой образ жизни, бросить то, что в нем есть лучшего — свои занятия. Положим, Храп[овицкий] эгоист, но он никогда подобного не требовал и не будет требовать от Демб[ицкой]. Вы во многом правы, что «одеваться старухой» какое мне дело? что я требую совершенства невозможного и задаю всё задачи, одну труднее другой, и слишком пугаю этими faux pas.² Но все-таки хорошо не выпускать из головы той дороги и стараться не сбиваться с нее. А свет, какой бы то ни было, хоть тульской, и та дорога — две вещи несовместные. Свет — это наверное faux pas с прелестной дороги; и это я буду говорить en connaissance de cause,³ хотя бы меня жгли за это. — Подумайте об этом серьезно и так же, как всегда, *откровенно* напишите, отличнейший голубчик мой. — Положим, что вы теперь согласитесь на эту жертву как на жертву, а я уверен, что, ежели только вам доступны другие, высшие наслаждения, вы забудете думать про эту жертву и будете смеяться над ней. — Вы правы, смотря в ваши года и с вашим развитием на жизнь, как на приятное увеселение, и я прав, смотря на нее, как на труд, в котором зато бывают минуты высокого наслаждения, ежели вы не пустая гос-

пожа, то и вы придете к этому, но придете скоро ли? Может быть, тогда, когда я буду уже смотреть на жизнь, как на обузу (почти так, как смотрит Женичка).⁴ А как же любить друг друга с различными взглядами на жизнь? Можно любить вот ежели бы я был женат, но нельзя жить вместе и не страдать каждую минуту. Одно из двух: или вам надо потрудиться и догнать меня, или мне вернуться назад для того, чтобы идти вместе. — А я не могу вернуться, потому что знаю, что впереди лучше, светлее, счастливее. Валяйте на почтовых, я вам буду помогать, сколько могу; вам будет тяжеленько, но зато как счастливо, спокойно и с любовью (уж ежели вам это нужно) мы пройдем до конца дороги. Даже и по той стороне дороги будет так счастливо, покойно и любовно.

Что это вы молчите про Дикенса и Текерея, неужели они вам скучно, а какую это дичь вы читали: *Notices sur les opéras*?⁵ И зачем вы свели дружбу с милой Сашенькой? Экая вы слабохарактерная госпожа! Она ничего, и отлично, что вы не злитесь ни на кого, но этот contact вам не хорош. Вследствие этого контакта в вас укореняются те мысли и убеждения, которые должны со временем из вас выскочить. — Стало быть, только труднее будет вам с ними расставаться. С прошедшей почтой послал вам книгу, прочтите эту прелесть.⁶ Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее. Я опять преподаю; но что делать, я не понимаю без этого отношений с человеком, которого люблю. И вы мне иногда преподаете, и я радуюсь ужасно, когда вы правы. В этом-то и любовь. Не в том, чтобы пупунчика целовать руки (даже мерзко выговорить), а в том, чтобы друг другу открывать душу, поверять свои мысли по мыслям другого, вместе думать, вместе чувствовать. — Прощайте, мой голубчик, жму вашу руку, обнимаю Женичку и Пивдигашек.

7 Декабря.

Впервые отрывок письма опубликован в Б. I, 3, стр. 353—354. См. запись в Дневнике под 7 декабря, т. 47, стр. 104.

¹ Эти письма В. В. Арсеньевой неизвестны. См. т. 47, стр. 104.

² [ложный шаг]

³ [с знанием дела.]

⁴ Вергани.

⁵ [Замечания на оперы.]

⁶ «Обыкновенная история» П. А. Гончарова. См. Дневник от 5 декабря, т. 47, стр. 103.

46. В. В. Арсеньевой.

1856 г. Декабря 12. Петербург.

Вот уже 2-й день, что я получил ваше последнее письмо и всё был в нерешительности, отвечать ли на него или нет, и как отвечать на него. — Чем заболел, тем и лечись, клин клином выгоняют. Буду опять искренен, сколько могу. Подумав хорошенько, я убедился, что мое письмо действительно было грубо и нехорошо, и что вы могли и должны были оскорбиться, получив его. Но все-таки я от него не отрекаюсь. Это был не припадок ревности, а убеждение, которое я выразил слишком грубо и которое я сохраняю до сих пор. Насчет вашего письма я думал вот как: или вы никогда не любили меня, что бы было прекрасно и для вас и для меня, потому что мы слишком далеки друг от друга; или вы притворились и под влиянием Жен[ички], к[оторая] посоветовала вам холодностью разжечь меня. — Мне кажется, что тут il y a du Женичка. Mais c'est un mauvais moyen со мной, j'envisage la chose trop sérieusement pour que ces petits moyens naïfs puissent avoir prise sur moi. Je vois depuis longtemps le had de votre coeur,¹ и эти маленькие хитрости для меня не скрывают, а засоряют его. — То, что я говорю, что было бы прекрасно, ежели бы вы никогда не любили меня, я тоже говорю искренно и тоже, хотя и прежде я чувствовал это, меня особенно навело на мысль последнее письмо. — Вы гневаетесь, что я только умею читать нотации. Ну вот, видите ли, я вам пишу мои планы о будущем, мои мысли о том, как надо жить, о том, как я понимаю добро и т. д. Это всё мысли и чувства самые дорогие для меня, которые я пишу чуть не с слезами на глазах (верьте этому), а для вас это нотации и скука. Ну что же есть между нами общего? Смотря по развитию, человек и выражает любовь. Олинкин жених выражал ей любовь, говоря о высокой любви; но меня, хоть убейте, я не могу говорить об этих вздорах. Верьте еще одному, что во всех моих с вами отношениях я был искренен, сколько мог, что я имел и имею к вам дружбу, что я искренно думал,

что вы лучшая из всех девушек. кот[орых] я встречал, и которая, ежели захочет, я могу быть с ней счастлив и дать ей счастье, как я понимаю его. — Но вот в чем я виноват и в чем прошу у вас прощенья: это, что не убедившись в том, захотите ли вы понять меня, я как-то невольно зашел с вами в объяснения, которые не нужны, и, может быть, часто сделал вам больно. В этом я очень и очень виноват; но постарайтесь простить меня и останетесь добрыми друзьями. Любовь и женитьба доставили бы нам только страдания, а дружба, я это чувствую, полезна для нас обоих. И я не знаю, как вы, но я чувствую в себе силы удержаться в границах ее. — Кроме того, мне кажется, что я не рожден для семейной жизни, хоть люблю ее больше всего на свете. Вы знаете мой гадкой, подозрительной, переменчивый характер, и Бог знает, в состоянии ли что-нибудь изменить его. — Нечто сильная любовь, которой я никогда не испытывал и в которую я не верю. Из всех женщин, которых я знал, я больше всех любил и люблю вас, но всё это еще очень мало. —

Прощайте, Христос с вами, милая Валерия Владимировна, вы хоть в Ясную дайте знать, могу ли я все-таки приехать посмотреть на вас в Январе месяце.

Ваш Гр. Л. Толстой.

12 Декабря.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 354—356. См. запись в Дневнике Толстого под 12 декабря 1856 г., т. 47, стр. 104.

¹ [есть влияние Женнички. Но это плохое средство со мной, и смотрю на дело слишком серьезно для того, чтобы этими маленькими наивными способами можно было на меня подействовать. Я уже давно вижу сущность вашего сердца.]

* 47. Т. А. Ергольской.

1856 г. Декабря 21. Петербург.

21 Дек.

Pardonnez moi, chère tante, si je ne vous écris dans cette lettre que quelques mots.

J'ai reçu votre seconde lettre, ¹ l'idée que vous vous êtes faite je ne sais pourquoi de ce que j'ai changé envers vous me chagrine beaucoup. — Je me porte bien, ² занимаюсь Юностью; к новому

году думаю поехать в Москву и к вам, может быть. С В[алерией] у нас переписка прекратилась, чему я очень рад по правде сказать. Едет ли Сережа на Кавказ? Может быть, и я поехал бы. — Adieu, chère tante, je baise vos mains et vous prie d'excuser cette путаница de lettre. Je sais que toujours ça vaut mieux que rien. ³

На четвертой странице:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской. — В Тулу. В сельцо Ясную Поляну.

Датируется записью в Дневнике под 21 декабря 1856 г. (т. 47, стр. 106) и почтовыми штемпелями.

¹ Письмо Т. А. Ергольской неизвестно.

² [Простите, дорогая тетенька, что пишу вам только несколько слов. Получил ваше второе письмо и очень огорчен, что вы думаете, не знаю почему, что я изменился к вам. — Я здоров,]

³ [Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки и прошу извинить за это письмо-путаницу. Знаю, что это всё же лучше, чем совсем не писать.]

* 48. А. А. Краевскому.

1856 г. Декабря 31? Петербург.

Милостивый Государь
Андрей Александрович!

Благодарю Вас за аккуратность и посылаю росписку. Сожалеть, что эта моя статья, надеюсь, будет последняя, право не о чем Вам, скорее сожалеть мне. Я вчера непременно хотел быть у Вас, но меня задержал концерт. Ежели этот номер О[течественных] З[аписок] не послан ко мне в деревню, то пожалуйста велите его принести мне. Да еще я бы был очень благодарен, ежели бы Вы прислали мне оттисков штучки З и позволили бы заплатить, что они стоят. Я сам виноват, что не сказал Вам этого прежде.

С истинным уважением и преданный остаюсь Ваш покорнейший слуга

Гр. Л. Толстой.

Датируется содержанием. Номер «Отечественных записок» с произведением Толстого «Утро помещика» вышел 11 декабря 1856 г.; концерт, помешавший Толстому зайти к А. А. Краевскому, был 30 декабря в университет, а письмо написано на другой день.

Андрей Александрович Краевский (1810—1889) — журналист, издатель и редактор «Отечественных записок», «Голоса» и ряда других печатных органов. Подробнее см. т. 47, стр. 306—307.

* 49. А. Н. Островскому.

1856 г.

Что ты подделываешь, любезный Островский? Я был в Петербурге и потом был болен, потому и не видал тебя. Назначь день и час когда бы нам свидеться у тебя или у меня. Я на днях еду в деревню надолго и не желал бы уехать, не повидавшись с тобой. —

Твой Гр. Л. Толстой.

Ежели Горбунов у тебя, скажи ему, что я никак не пойму, за что он меня знать не хочет.

Датируется предположительно 1856 г., так как в это время И. Ф. Горбунов жил на квартире Толстого в Петербурге и последний неоднократно обращался к нему по делам, касающимся своей квартиры. См. пп. №№ 11 и 15.

Александр Николаевич Островский (1823—1886) — писатель-драматург. Толстой находился с Островским в дружественных отношениях. См. т. 47, стр. 366—367.

50. В. В. Арсеневой.

1857 г. Января 1. Петербург.

Милая Валерия Владимировна!

Очень, очень вам благодарен за последнее большое письмо ваше.¹ Оно успокоило меня и уменьшило те упреки, которые я себе делаю за те письма, которые я вам писал, и которые вас рассердили. Я ужасно гадок и груб был и, главное, мелок в отношении вас. Когда вас увижу, то постараюсь подробно объяснить, почему я себе так гадок. —

Нынче новый год, очень приятно мне думать, что я начинаю его письмом к вам, дай Бог, чтоб он вам принес больше радостей, чем прошлый, и вообще столько, сколько вы стоите, а вы заслуживаете счастье. Меня задержали здесь праздники, книжка «Совр[еменни]ка»² и хлопоты, неожиданные с цензурой,³ и хлопоты о паспорте за границу. Однако надеюсь через неделки две увидеть вас, а может быть и нет. Что вам рассказать про то, как я прожил время моего молчания? Скучно и большей частью грустно, отчего — сам не знаю. — Одиночество для меня тяжело, а сближение с людьми невозможно. Я сам дурен, а привык быть требователен. Притом я ничем не занят это время, и от этого грустно. Много слушаю музыки это время и вчера даже встретил новый год, слушая прелестнейший в мире трио Бетховенской⁴ и вспоминая о вас, как бы оно на вас подействовало. Ноты завтра, как отопрут магазины, пришлю вам, и хорошие. Милой Женичке тысячу любезностей. О[льге] В[ладимировне] и пиндигашкам. Прощайте, от души

жму вашу милую руку и постараюсь выбрать минуту более счастливую, чтоб писать вам. Ужасно грустно нынче что-то.

Ваш Л. Толстой.

1857, 1 Января.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 356—357.

¹ Письмо Толстого является ответом на несохранившееся письмо В. В. Арсеньевой, о котором записано в Дневнике 29 декабря (см. т. 47, стр. 107 и 108).

² В № 1 «Современника» за 1857 г. появилась первая половина «Юности».

³ Цензура не пропускала рассказ «Разжалованный», печатавшийся в 12-й книге «Библиотеки для чтения». Об этом писал Толстому А. В. Дружинин 2 декабря. Кроме этого, духовной цензурой не пропускались V—XIII главы «Юности», вследствие чего Толстому пришлось ехать к архимандриту Иоанну Соколову, члену Петербургского духовно-цензурного комитета в 1848—1857 гг. (см. о цензурных сокращениях «Юности» т. 2, стр. 399).

⁴ Трио Бетховена ор. 70.

* 51. Гр. С. Н. Толстому.

1857 г. Января 2. Петербург.

Пишу тебе несколько слов, потому что на-днях уезжаю из Петерб[урга] в Москву, ¹ где пробуду недели две, стало быть, скоро увижусь с тобой. —

В твоём письме видна какая-то досада и даже желчь. ² Это совсем не хорошо и происходит, как мне кажется, от уединенной жизни. Не приедешь ли ты в Москву? Теперь это было бы очень не дурно. Отношения мои с *гостями* ³ продолжаются, но тяготят меня ужасно, и я не знаю, как прекратить их, потому что чувствую не только совершенно равнодушие, но досаду и раскаяние на себя за то, что я так зашел далеко. Ты говоришь, что ожидаешь от меня всякого пассажира, и говоришь, что ты меня знаешь. Но ежели ты ожидаешь всякого *пассажа*, то, значит, ты меня не знаешь, а заметил во мне непостоянство в некот[орых] вещах и как будто упрекаешь в них, как будто я нахожу удовольствие в том, чтоб делать несообразности. Я провел здесь 2 месяца очень хорошо, хотя почти никуда не ездил, а много виделся с литературными друзьями, много читал, слушал музыки и писал первый месяц. Но для меня всего надо

понемножку, хотя я душевно люблю этих литератур[ных] друзей: Боткина, Анненк[ова] и Дружин[ина], но все *умные* разговоры уже становятся скучны мне, хотя и были истинно полезны для меня. Мои две повести в О[течественных] З[аписках] и Б[иблиотеке] для Ч[тения], кажется, имели мало успеха, как и следовало ожидать, потому что были написаны наскоро.⁴ Юность уже отпечатана, цензура ее таки повымарала,⁵ так как после стихов Некрасова и истории, которая была за них, она стала опять строже.⁶ Книжки мои продаются, но не слишком. Дет[ство] разошлось около 700 экзем. В[оенные] Р[ассказы] около 500. — В Москве я намереваюсь ездить *в гости*. Прощай и не сердись на меня за то, что я такой, какой есть. — Целую ручки у тетиньки и с следующей почтой посылаю ей портрет свой,⁷ который она, кажется, желала иметь. От[ечественные] Зап[иски] высланы в Ясную, а Б[иблиотеку] для Ч[тения] с моей повестью я пришлю, как только получу.

Поздравляю вас с новым годом. — Твой Гр. Л. Толстой.

2 Января.

¹ В Москву Толстой выехал 12 января.

² Письмо С. Н. Толстого неизвестно.

³ Имеется в виду В. В. Арсеньева.

⁴ Речь идет о рассказах «Разжалованный» и «Утро помещика».

⁵ Разрешение цензора И. И. Лажечникова 31 декабря 1856 г.

⁶ О цензурной истории со стихами Некрасова, напечатанными в 1856 г. в Москве отдельным сборником и в ноябрьском номере «Современника», см. т. 47, стр. 347, прим. 1157.

⁷ К 1856 г. относится несколько фотографий Толстого в военной форме.

52. А. Н. Островскому.

1857 г. Января 5. Петербург.

Рукой И. И. Панаева:

5 января 1857 год. —

Поздравляю Вас, любезный Александр Николаевич, с новым годом и вассылаю мольбы к богу о том, чтобы он ниспослал Вам в этом году здоровья и вдохновения. До нас дошли слухи о Вашей новой комедии, которую Вы читали. Говорят, что эта вещь необыкновенно замечательная — и все мы ожидаем ее с нетерпением...¹ Сегодня мы, только об этом (с Толстым и Боткиным), пришли к такому заключению: если у Вас кроме нее нет ничего, — отдайте ее в Современник во 2-ю книжку. У нас печатать нечего, а «Русская беседа» может

подождать. Если мы подгадаем первые №№, то подписка, которая идет прекрасно, — может приостановиться — и вам и нам тогда худо. Надобно вывозить Совр[еменник] — [1 неразобр.] Алекс. Николаевич, если бы Тургенев сдержал свое слово для — 2 №, я бы не мучил Вас, — но теперь — я повторяю Вам, что без Вас 2 № погибнет. Не обескураживайте редакцию, бога ради!..

Я не хочу отвлекать Вас от Вашего слова Беседе, но дело в том, что Совр[еменник] сию минуту в критическом положении по недостатку материалов... и требует вашей помощи!.. Спасайте его — спайте!..

Деньги, кажется, Вы уже получили, и Совр[еменник] я велел выдавать Вам. Уведомьте все-таки о получении и тех и другого...

И бога ради — пишите скорей. Последняя надежда на Вас. ²

Всей душой вам преданный

И. Панаев.

Рукой Толстого:

Не понимаю, за какое письмо, на которое я будто не ответил, ты упрекаешь меня, любезный друг Александр Николаевич; я ничего не получал. Но дело не в том. Мольбы Панаева совершенно основательны, и ежели ты не пришьлешь ничего ко 2-й книжке, союз наш не только примет окончательно комический характер, но просто шлепнется во всех отношениях. ³ Ежели насчет комедии, про которую мы слышали, да и от которой без слухов я ожидаю наверное прекрасного по эпохе твоей деятельности, ежели ты уж дал слово печальной Р[усской] Б[еседе], то просить тебя нечего, как ни грустно зарыть такую вещь в раскольничий журнал; но ежели есть возможность приготовить другое, не торопясь и не портя матерьяла, или ежели слово не дано, то в Современнике теперь больше, чем когда-нибудь, необходимо твое имя, а главное, твоя вещь. Прощай, любезный друг, может быть, я сам скоро буду в Москве, но во всяком случае, отвечай мне хоть несколько слов, как и что твое здоровье и твоя работа? Поздравляю тебя с новым годом.

Твой Гр. Л. Толстой.

Апол[лону] Алекс[андровичу] ⁴ от души кланяюсь и прошу не забывать меня. —

Писемский ⁵ прочел вчера свою Старую Барыню. ⁶ Прелестная вещь, мне кажется лучшая из всех его прежних. —

Впервые опубликовано в сборнике «Неизданные письма к А. Н. Островскому», «Academia», М.—Л. 1932, стр. 327—328. На верху письма рукой Островского помета: «Пол. 40 янв. 1857. Ответил 11».

¹ Речь идет о комедии А. Н. Островского «Доходное место». Впервые напечатана в «Русской беседе» за 1857 г., № 1.

² В ответ на это письмо Островский писал Панаеву 11 января 1857 г.: «Доходное место» я уже отдал в «Р[усскую] Б[еседу]», и она набирается. Иначе я поступить не мог: мне надобно было сдерживать слово и расквитаться с «Р[усскою] Б[еседою]», чтобы уж совершенно посвятить свой труд «Современнику». В лености меня упрекнуть нельзя: с ноября, когда я получил возможность работать, и до сих пор я не отхожу от стола.

³ О союзе группы писателей, решивших печататься только в «Современнике», см. прим. 5 к п. № 18.

⁴ Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — критик, поэт, переводчик; по воззрениям был близок к славянофилам.

⁵ Алексей Феофилактович Писемский (1820—1881) — писатель-реалист. Знакомство Толстого с Писемским состоялось в Петербурге в 1856 г.

⁶ «Старая барыня» — повесть Писемского, впервые напечатана в февральском номере «Библиотеки для чтения» 1857 г.

53. Т. А. Ергольской и гр. С. Н. Толстому.

1857 г. Января 14. Москва.

14 Января.

Chère tante!

J'ai reçu mon passe-port pour l'étranger¹ et je suis venu à Moscou, pour y passer quelques jours avec Marie² et puis aller à Ясное, arranger mes affaires et prendre congé de vous.³ — Но теперь я раздумал, особенно по совету Машиньки, и решился пробыть с ней здесь неделю или две и потом ехать прямо через Варшаву в Париж. Вы верно понимаете, chère tante, почему мне не хочется, даже не следует, приезжать теперь в Ясную, или скорее в Судаково. Я, кажется, поступил очень дурно в отношении В[алерии], но ежели бы я теперь виделся с ней, я поступил бы еще хуже. Как я вам писал, я к ней более чем равнодушен и чувствую, что не могу обманывать более ни себя, ни ее. А приезжай я, может быть, по слабости характера я опять бы стал надуть себя. Vous rappelez vous, chère tante, comme vous vous êtes moquée de moi, quand je vous ai dit, que je partais à Pét[ersbourg], pour m'éprouver. Et cependant c'est à cette idée, que je suis redevable de n'avoir pas fait le malheur de la jeune personne et le mien. Car ne croyez pas que ce soit de l'inco[n]stance ou de l'infidélité, personne ne m'a plus pendant ces deux mois, mais tout bonnement j'ai vu que je me trompais moi-même et

que non seulement jamais je n'ai eu, mais jamais je n'aurais pour V. le moindre sentiment d'amour véritable. La seule chose, qui me fait beaucoup de peine, c'est que j'ai fait du tort à la demoiselle et que je ne pourrais prendre congé de vous avant de partir. — Je compte revenir en Russie au mois de Juillet, mais, si vous le désirez, je viendrais à Ясное, pour vous embrasser, car j'aurai le temps de recevoir votre réponse à Moscou. — Dans tous les cas, adieu, je baise vos mains et vous prie (это не фраза) de ne jamais croire que j'ai et que je puisse jamais changer envers vous et ne pas vous aimer comme toujours ⁴ изo всех сил. —

Пожалуйста, Сережа, отвечай мне немедленно, не приедешь ли ты теперь в Москву, ⁵ это было бы лучше всего. Тогда бы я тебя ждал, а нет, и ежели тетинька этого захочет, то я уже потихоньку сделаю крюк и заеду в Пирогово проститься с вами. Прощай, мизантроп любезный, а лучше всего приезжай к нам без мизантропии.

На конверте:

Ее Высочайшей милости Татьяне Александровне *Ергольской*.
В Тулу. В село Пирогово.

Впервые полностью было напечатано в ПТС, I, № 27 с датой «1856 г. января 12».

¹ Заграничный паспорт Толстой получил 10 января, о чем отмечено в Дневнике.

² М. Н. Толстая.

³ [Я получив заграничный паспорт и приехал в Москву, чтобы пробыть несколько дней с Машенькой, а затем ехать устроить дела в Ясное и с вами проститься.]

⁴ [Помните, дорогая тетенька, как вы смеялись надо мной, когда я сказал вам, что еду в Петербург, чтобы себя испытать. А между тем, благодаря этому решению, и молодая девушка, и я избегли несчастья. Но не думайте, что это произошло из-за моего непостоянства или неверности; вовсе нет; за эти два месяца я никак не увлекался; просто я удостоверился, что я сам себя обманывал и что не только у меня никогда не было, но и никогда не будет ни малейшего чувства любви к Валерии. Меня огорчает единственно то, что я был не прав в своем поведении относительно молодой девушки, и то, что не прошусь с вами перед отъездом. — Я рассчитываю вернуться в Россию в июле; однако ж, ежели вы пожелаете, я приеду в Ясное, чтобы вас обнять; ваш ответ я еще успею получить в Москве. — На всякий случай прощайте, целую ваши ручки и прошу вас (это не фраза) никогда не думать, что я переменялся или могу перемениться в отношении вас и не любить вас, как всегда]

⁵ С. П. Толстой приехал в Москву около 18 января.

54. В. В. Арсеньевой.

1857 г. Января 14. Москва.

Любезная Валерия Владимировна,

Что я виноват перед собою и перед вами ужасно виноват — это несомненно. Но что же мне делать? То, что я вам писал в ответ на ваше маленькое письмо, в котором вы запрещали мне писать вам, было совершенно справедливо, и больше я вам сказать ничего не могу.¹ — Я не переменялся в отношении вас и чувствую, что никогда не перестану любить вас *так, как я любил*, т. е. дружбой, никогда не перестану больше всего на свете дорожить вашей дружбой, потому что никогда ни к какой женщине у меня сердце не лежало и не лежит так, как к вам. Но что же делать, я не в состоянии дать вам того же чувства, которое ваша хорошая натура готова дать мне. — Я всегда это смутно чувствовал, но теперь наша 2-х месячная разлука, жизнь с новыми интересами, деятельностью, обязанностями даже, с которыми несовместна семейная жизнь, доказали мне это вполне. Я действовал в отношении вас дурно, — увлекался, но ежели бы теперь я приехал к вам и, разумеется, опять бы увлекся, я поступил бы еще хуже. — Надеюсь, что вы настолько меня уважаете, что верите, что во всем, что я теперь пишу, нет слова неискреннего; а ежели так, то вы меня не перестанете любить немного. — Я на-днях еду в Париж и вернусь в Россию когда? — Бог знает. — Нечего вам говорить, что ежели вы мне напишете несколько строк, я буду счастлив и спокоен. Адрес: Paris, Rue de Rivoli², № 206. Прощайте, милая Валерия Владимировна, тысячу раз благодарю вас за вашу дружбу и прошу прощенья за ту боль, которую она, может быть, вам сделала. — Ради Бога попросите M-le Vergani написать мне несколько хоть бранных строк. Это, может быть, покажется вам фразой, но ей Богу, я чувствую и знаю, что вы делаете счастье хорошего, прекрасного человека, но я, в смысле сердца, не стою вашего ногтя и сделал бы ваше несчастье. —

Прощайте, милая В[алерия] В[ладимировна], Христос с вами; перед вами так же, как и передо мной, своя большая, прекрасная дорога, и дай Бог вам по ней придти к счастью, которого вы 1000 раз заслуживаете. —

Ваш Гр. Л. Толстой.

14 Января.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 357—358. Письмо написано из Москвы, куда Толстой выехал из Петербурга 12 января, а 29-го через Варшаву уехал в Париж.

¹ См. п. № 46.

* [Париж, улица Риволи.]

55. А. В. Дружинину.

1856 г. Декабрь — 1857 г. январь перв. пол. Петербург.

Были мы у вас с Ф. М. Толстым ¹ и очень огорчены, что вас не застали.

Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано (факсимиле) во «Временнике Пушкинского дома. 1914», без обозначения года, стр. 66. Датируется на основании записей Дневника Толстого за декабрь 1856 г. — январь 1857 г. Толстой общался в это время с Ф. М. Толстым.

¹ Феофил Матвеевич Толстой (1810—1881) — музыкальный критик и композитор, сын Матвея Федоровича Толстого (1772—1815) и Прасковьи Михайловны Голенищевой-Кутузовой (1777—1844), старшей дочери полководца (см. т. 47, стр. 393—394).

56. В. П. Боткину.

1857 г. Января 20...28? Москва.

Милый Боткин.

Я еду в будущий понедельник, т. е. 28, взял уже место и в Ясную Поляну, где вы боялись, что я засяду, я вовсе не заеду по разным причинам. ¹ Жил я здесь и проживу еще эти 8 дней не совсем хорошо, как-то против желания рассеянно. Езжу я здесь в свет, на балы; и было бы весело, ежели бы не одолевали меня *умные*. В той же комнате сидят милые люди и женщины, но нет возможности добраться до них, потому что умный или умная поймали вас за пуговицу и рассказывают вам что-нибудь. Одно спасенье танцевать, что я и начал делать, как это ни может показаться вам странным. Но должен признаться милому Пáv[лу] Вас[ильевичу], ² что всё это *не то*. — Благодарствуйте за ваш суд о Юности, ³ он мне очень, очень приятен, потому что, не обескураживая меня, приходится как

раз по тому, что я сам думал — *мелко*. Вашу статью я перечел здесь. — Ежели вы не приметесь серьезно за критику, то вы не любите литературы. ⁴ — Есть тут некоторые господа читатели, которые говорили мне, что это не критика, а теория поэзии, в которой им говорят в первый раз то, что они давно чувствовали, не умея выразить. Действительно, это поэтической катехизис поэзии, и вам в этом смысле сказать еще очень много. И именно вам. — Славянофилы тоже *не то*. Когда я схожусь с ними, я чувствую, как я бессознательно становлюсь туп, ограничен и ужасно честен, как всегда сам дурно говоришь по-французски с тем, кто дурно говорит. Не то, что с вами, с бесценным для меня триумvirатом Б[откиным], Ан[ненковым] и Дружининым], где чувствуешь себя глупым от того, [что] слишком многое понять и сказать хочется, этого умственного швунга ⁵ нету. Островской, который был сочен, упруг и силен, когда я познакомился с ним прошлого года, в своем льстивом уединении, хотя также силен, построил свою теорию, и она окрепла и засохла. Аксаков С. Т. ⁶ говорит, что его Доход[ное] Место слабо. ⁷ Комедия его в Соврем[енник] готова, я ее на-днях услышу. ⁸ Дружининские критики здесь очень, очень нравятся; Аксаковым ⁹ чрезвычайно. Его вступление в критику Писемского прекрасно. ¹⁰ Но какая постыдная дрянь Фуфлыгин. ¹¹ Избави Бог, коли он угостит Совр[еменник] такую же. Тургенева в истории Каткова здесь все обвиняют за недоставление повести. ¹² Статья Григор[ьева] о Гранов[ском] занимает всех по-московски, т. е. выходят на арену и сражаются. ¹³ Я почему-то сломал несколько копий за Гран[овского], и потому на меня кажется махнули рукой, как на испорченного Петерб[ургским] кружком. — Бобринской В. А. прибил Шевырева за славянофильской вопрос у Черткова, это факт. Шевырев лежит в постели, ¹⁴ и ему делают *visites de condoléance*. ¹⁵ Прощайте, милый В[асилий] П[етрович], пожалуйста, будем переписываться. Дружинина и Анненк[ова] от души обнимаю. Ив[ану] Ив[ановичу] ¹⁶ душевный поклон. Ваш. Гр. Л. Толстой.

20 Января.

¹⁷ Слышал комедию Остр[овского]. Мотивы все старые, воззрение мелкое. Правдиным оказывается иногород[ний] купец, но талантливо очень и отделано славно. ¹⁸

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 9—11, с датой «20 января 1857 г.». Датируется содержанием: оно написано из Москвы перед первой поездкой Толстого за границу. Первая часть письма датирована Толстым 20 января, но приписка, судя по содержанию, сделана не в один день с письмом, так как в письме Толстой говорит, что он еще не видел комедии Островского («Праздничный сон — до обеда»), а в приписке сообщает, что уже «слышал комедию». Толстой 29 января выехал за границу, следовательно, комедию Островского он мог слышать между 20 и 29 января.

Василий Петрович Боткин (1811—1869) — писатель, старший сын крупного московского чаесторговца и один из основателей «Современника». Стоя на позиции «чистого искусства», Боткин относился весьма враждебно к писаниям Чернышевского и Добролюбова, вступившим в «Современник». С конца 1850-х гг. Боткин отошел от журнала и даже приветствовал его закрытие. Подробнее о нем см. в т. 47, стр. 323—324.

¹ Толстой отправился за границу 29 января.

² Анненкову.

³ См. т. 47, стр. 106.

⁴ Статья Боткина «О стихотворениях А. А. Фета» напечатана в первой книге «Современника» за 1857 г. С ней Толстой ознакомился еще в Петербурге в декабре 1856 г., вероятно, по корректуре или по рукописи. См. запись Толстого в Дневнике под 17 декабря 1856 г. (т. 47, стр. 105).

⁵ Немецкое Schwung — размах, устремление.

⁶ Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859) — писатель. Подробнее о нем см. т. 47, стр. 312—314. Критический отзыв о творчестве последнего периода С. Т. Аксакова дает Н. А. Добролюбов в своей статье «Жизнь помещика в старые годы» (Сочинения, т. I, Спб. 1911).

⁷ «Доходное место» А. Н. Островского было напечатано в № 1 «Русской беседы» за 1857 г. Толстой сам еще не прочитал комедии, когда писал это письмо, и только через несколько дней, 25 января, отметил в Дневнике: «Остров[ского] Дох[одное] Место лучшее его произведение и удовлетворяющая потребность выражения взяточного мира» (т. 47, стр. 112).

⁸ Комедия Островского «Праздничный сон — до обеда» напечатана в «Современнике» за 1857 г., № 2.

⁹ Старший сын С. Т. Аксакова — Константин Сергеевич (1817—1860), писатель, идеолог славянофильства (см. т. 47, стр. 313).

Младший его сын — Иван Сергеевич (1823—1886), публицист и поэт славянофильского направления, идеализировавший русский общественный строй во всех его проявлениях и реакционную официальную народность. С 1858 г. Аксаков редактировал славянофильскую «Русскую беседу», издавал газеты: «Парус» (1859), «День» (1861—1865) и «Москву» (1867—1868). Подробнее см. т. 47, стр. 313.

С Аксаковыми Толстой познакомился в январе 1856 г. и с тех пор, бывая в Москве в молодые годы, до женитьбы, поддерживал с ними постоянную связь, часто читал им новые свои произведения.

¹⁰ Статья А. В. Дружинина в «Библиотеке для чтения» 1857 г., 1, Критика, стр. 1—20: «Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского. Спб. 1856».

¹¹ Толстой «Фуфлыгиным» назвал по главному действующему лицу повесть «Столичные родственники» Д. В. Григоровича. Была напечатана в №№ 1 и 2 «Библиотеки для чтения» за 1857 г.

¹² И. С. Тургенев осенью 1856 г. обещал издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову повесть «Призраки», в то время еще не написанную, и в скором времени после этого заключил с издателями «Современника» условие помещать свои произведения исключительно в их журнале, сохранив за собой право исполнить свое обещание по отношению к «Русскому вестнику».

¹³ Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) — профессор всеобщей истории Московского университета с 1839 г. до конца жизни. В 1840 и начале 1850-х гг. Грановский возглавлял группу московской интеллигенции, известную под названием западников.

¹⁴ Речь идет о столкновении, происшедшем 14 января 1857 г. на вечернем заседании Совета Московского художественного общества на квартире А. Д. Черткова (вице-президента общества) между гусарским гвардейским офицером гр. В. А. Бобринским (1824—1898), позднее (1869—1870) бывшим министром путей сообщения, и профессором Московского университета С. П. Шевыревым. Поводом для столкновения было замечание Бобринского о грабительских инстинктах русских людей, о выносливости спины русского помещичьего крестьянина, благодаря чему самое русское имя становится противным. Шевырев говорил, что Бобринский унижает и позорит Россию. Столкновение это закончилось побоями, причем Шевырев пострадал настолько, что его на руках отнесли домой. Дело это получило огласку. Генерал-губернатор А. А. Закревский довел о нем до сведения Александра II, и оба виновника понесли наказание. Шевырев был уволен от должности профессора университета и выслан из Москвы (см. Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. 15, стр. 321—330; «Сборник Пушкинского дома на 1923 год», стр. 179—180).

Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858) — археолог и историк, бывший военный. После выхода в отставку жил постоянно в Москве. Был президентом Московского общества истории и древностей российских. Собирателем обширной библиотеки преимущественно по сочинениям о России и славянстве в историческом, археологическом, литературном и других отношениях на всех европейских языках и славянских наречиях. Помещенная по смерти владельца в доме его сына, Григория Александровича Черткова, библиотека, уже тогда под именем Чертковской, была открыта для общественного пользования. При библиотеке был основан и издавался в 1863—1873 гг. журнал «Русский архив», в котором напечатано из нее немало рукописей. В 1873 г. Чертковская библиотека была передана в ведение города и помещена при Румянцевском музее, а с открытием Исторического музея в Москве находится в нем.

¹⁵ [визиты соболезнования.]

¹⁶ И. И. Панаев.

¹⁷ Следующая приписка сделана вверху первой страницы.

¹⁸ «Иногородный купец» — действующее лицо комедии Островского «Праздничный сон — до обеда» Нил Борисович Неуеденов.

57. В. П. Ботвину.

1857 г. Января 29. Москва.

Печатайте с Богом имя брата «Граф Н. Н. Толстой»¹. Письмо ваше о нем меня ужасно обрадовало и сестру тоже. Только вы уж не слишком ли увлекаетесь? — Я провел здесь 2 недели ужасно весело, но зато так рассеянно, что изо всех сил хочется уединения. Слышал я две замечательные литературные вещи: Воспоминания Детства С. Т. Аксакова² и Доходное Место Островского³. Первая вся мне показалась лучше лучших мест Семейной Хроники. Нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения. Комедия же Островск[ого] по моему есть лучшее его произведение, та же мрачная глубина, которая слышится в Банкруте⁴, после него в первый раз слышится тут в мире взяточников-чиновников, который пытались выразить Сологубы,⁵ Щедрины⁶ и компания. Теперь же сказано последнее и настоящее слово. Так же как и в Банкруте, слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом прикащике, как в Горе от Ума в Фамусове, так здесь в старом взяточнике Секретаре Юсове. — Это лицо восхитительно. Вся комедия — чудо. Но... ежели бы автор жил не в кружке, а в Божьем мире, это могло бы быть chef-d'oeuvre, а теперь есть тяжелые грустные пятна. — Остр[овский] не шутя гениальный драматический писатель; но он не произведет ничего вполне гениального, потому что сознание своей гениальности у него перешло свои границы. Это сознание у него уже теперь не сила,двигающая его талант, а убеждение, оправдывающее каждое его движение. Познакомился я здесь получше с Чичериным,⁷ и этот человек мне очень, очень понравился. Славянофилы мне кажутся не только отставшими, так что потеряли смысл, но уже так отставшими, что их отсталость переходит в нечестность. — 3-го дня вернувшись домой, застал Григоровича⁸ и обрадовался несказанно — он чудесен, привез три очерка,⁹ и для меня остался здесь на 2 дня, так что письмо это придет прежде него. План путешествия приводит его в восторг. Много бы еще хотелось написать вам,

но всё личные предметы, которые затают меня, а надо ехать. Прощайте, дорогой Василий Петрович, коли вздумается, напишите мне в Варшаву, где я пробуду несколько времени, на мое имя — с оставлением на почте. — Ежели кто-нибудь захочет писать брату,¹⁰ то адрес его в Кизляр в станицу Старогладовскую в Штаб 4-й батареейной батареи 20 бригады. Ваше письмо о нем я ему посылаю. — наших милых друзей из всех сил обнимаю. Что выйдет не знаю, а работать ужасно хочется, да и жить хочется. — Прощайте, пишете почаще.

Ваш. Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 14—15. Дата определяется содержанием: «надо ехать». Толстой уехал из Москвы за границу 29 января.

¹ Под очерком Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе», напечатанным в № 2 «Современника» за 1857 г. (т. LXI, стр. 169—232), первоначально были поставлены одни инициалы «Н. Н. Т.», и под текстом статья так и осталась; только в оглавлении инициалы были раскрыты, и имя, отчество и фамилия автора были напечатаны полностью.

² «Детские годы Багрова внука», являющиеся продолжением «Семейной хроники», были напечатаны позже, в 1858 г., отдельной книгой. В 1857 г. отрывок из этого произведения под названием «Детские годы молодого Багрова» был напечатан в «Русской беседе», кн. 8 (см. т. 47, стр. 112).

³ См. предыдущее письмо, прим. 7.

⁴ «Банкротом» первоначально называлась комедия Островского «Свои люди — сочтемся».

⁵ Гр. Владимир Александрович Соллогуб (1814—1882) — писатель. Будучи аристократом, Соллогуб вместе с тем был своим человеком в кружках молодых писателей, группировавшихся около «Отечественных записок» времен Белинского. Повести Соллогуба пользовались в свое время большим успехом, особенно «Тарантас».

⁶ Михаил Евграфович Салтыков (1826—1889), литературный псевдоним Щедрин — знаменитый русский писатель-сатирик, в ярких образах своих произведений клеймивший крепостническую и бюрократическую сущность общественного строя царской России. См. т. 47, стр. 150, 490—491.

⁷ Борис Николаевич Чичерин. См. п. № 109 и прим. к нему.

⁸ Дмитрия Васильевича Григоровича.

⁹ «Очерки современных нравов», объединенные общим названием, с предисловием «К читателю» и с посвящением сестре Толстого (М. Н. Толстой: «Отражения (сверху вниз)», «Суета», «Отражения (окольные занавеси и портьеры)», были напечатаны в «Современнике», 1857, 3 (т. LXII), стр. 5—50.

¹⁰ Н. Н. Толстому.

58. А. Н. Островскому.

1857 г. Января 29? Москва.

Очень жалею, любезный друг А[лександр] Н[иколаевич], что не успел проститься с тобой еще раз.¹ Выздоровлявай скорее и приезжай в Петербург и напиши мне оттуда. Благодарствуй за комедию.² В публике, где мы читали, она имела успех огромный. Мое впечатление в отношении сильных мест и лиц усилилось, в отношении фальшивых также. По-моему их немного — только интрига Вишневских и еще кое-какие мелочи. Ежели бы этих пятнушек не было, это было бы совершенство, но и теперь это огромная вещь по глубине, силе, верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова.

Мне на душе было сказать тебе это. Ежели ты за это рассердишься, тем хуже для тебя, а я никогда не перестану любить тебя и как автора и как человека.

Твой Гр. Л. Толстой.

Полностью впервые опубликовано в кн. «Неизданные письма к А. Н. Островскому», «Academia», М.—Л. 1932, стр. 566. Дата на основании пометки Островского на письме: «Пол. 30 янв. 1857 г.».

¹ Толстой выехал за границу из Москвы 29 января 1857 г. в мальпосте, т. е. на почтовых, до Варшавы, а оттуда, уже по железной дороге в Париж, куда прибыл 9/21 февраля.

² «Доходное место» Островского.

59. В. П. Боткину.

1857 г. Февраля 10/22. Париж.

10/12 Февраля.

Вчера приехал я в Париж, дорогой друг Василий Петрович, и застал тут Тургенева и Некрасова. Они оба блуждают в каком-то мраке, грустят, жалуются на жизнь — праздничают и тяготятся, как кажется, каждый своими респективными отношениями. Впрочем я еще их мало видел. Тургенева мнительность становится ужасной болезнью и в соединении с его общительностью и добродушием — такое странное явление.¹ Это первое впечатление было мне грустно, тем более, что после моей московской жизни я до сих пор еще ужасно lebensfroh.²

Германия, которую я видел мельком, произвела на меня сильное и приятное впечатление, и я рассчитываю пожить и не торопясь поехать там. Некрасов нынче возвращается в Рим. Я думаю через месяц приехать туда. Этот же месяц надеюсь здесь кончить Кизиветера,³ который в продолжение дороги так вырос, что уже кажется не по силам. Авось к апрельской книжке поспеет. Тургенев ничего не пишет, пилють я его буду, но что выйдет из того, не знаю. Прощайте, дорогой Вас[илий] Петр[ович]. Это письмо не в счет, но все-таки жду от вас писем и лучше, чем ничего. Rue de Rivoli, Hôtel Meurice⁴, № 149.

Л. И. Менгден⁵ вам нравится — я ужасно рад. Видно, мы не в одной поэзии сходимся во вкусах.

Впервые полностью опубликовано в ТПТ, 4, стр. 17—18.

¹ Ср. записи в Дневнике 9/21 и 13/25 февраля 1857 г., т. 47, стр. 113 и 114, а также стр. 414, прим. 1481, и стр. 416, прим. 1502.

² [жизнерадостен.]

³ Так Толстой сначала иногда называл свой рассказ, потом получивший заглавие «Альберт».

⁴ [Улица Риволи, гостиница Мёрис.]

⁵ Бар. Елизавета Ивановна Менгден, рожд. Бибикова. Подробнее см. т. 47, стр. 407—408.

Боткин 8 марта 1857 г. писал Дружинину, что письмо Толстого «занимает только одну страничку, но исполнено бодрости и свежести» («XXV лет, 1859—1884. Сборник Комитета общества для пособий нуждающимся литераторам и ученым», Спб. 1884, стр. 501).

* 60. Т. А. Ергольской.

1857 г. Февраля 10/22. Париж.

10/22 Февраля.

Je suis arrivé hier à Paris, chère tante, et si ce n'est que quelques mots, je m'empresse de vous donner de mes nouvelles. J'ai mis 11 jours à faire ce voyage de Moscou à Paris, presque sans m'arrêter. Quoiqu'encore excessivement fatigué ma santé est bonne. J'ai trouvé ici Tourguénéff et Nékrassoff et compte passer ici un mois pour aller au printemps en Italie. Ni les voyages ni la vie ne sont chers ici, mais j'ai dépensé beaucoup d'argent à Moscou où nous avons passé comme vous le racontera Serge 3 semaines pour moi du moins excessivement agréables. D'après votre lettre, chère tante,¹ je vois que nous ne nous comprenons

pas du tout au sujet de l'affaire de Soudakowo. Quoique j'avoue, que je suis fautif d'avoir été inconséquent et que la chose aurait pu se passer ² tout autrement, je crois avoir agi tout-à-fait honnêtement. Je n'ai pas cessé de dire que je ne connais pas le sentiment que j'ai pour la jeune personne mais que cela n'est pas de l'amour et que je tiens à m'éprouver moi même. L'épreuve m'a montré que je me trompais et je l'ai écrit à Valérie aussi sincèrement que j'ai pu le faire. ³ Après cela nos relations ont été tellement pures que je suis sûr que leur souvenir ne lui sera jamais désagréable, si elle se marie et c'est pour cela que je lui ai écrit que je voudrais qu'elle m'écrive. Je ne vois pas pourquoi un jeune homme doit absolument être amoureux d'une jeune personne et l'épouser et ne peut pas avoir des relations d'amitié, car pour de l'amitié et de l'intérêt j'en conserverai toujours beaucoup pour elle. Si M-lle Vergani qui m'a écrit une lettre aussi ridicule ⁴ voulait se rappeler toute ma conduite vis à vis de Valérie, comment je tâchais de venir le plus rarement possible de me comporter avec V[alérie] le plus simplement possible, comment c'est elle qui m'engageait ⁵ à venir plus souvent et à entrer dans des relations plus proches. Je comprends qu'elle [soit] fâchée de ce qu'une chose qu'elle a beaucoup désiré ne ce fait pas, j'en suis fâché peut-être plus qu'elle mais ce n'est pas une raison pour dire à un homme, qui c'est efforcé d'agir le mieux possible, qui a fait des sacrifices de peur de faire le malheur des autres, de lui dire qu'il est un свишня et de le faire croire à tout le monde. Je suis sûr que Toula est convaincue que je suis le plus grand des monstres. Adieu, chère tante, je baise vos mains. Ecrivez moi ainsi. France, Paris, Rue de Rivoli. Hôtel Meurice, № 149.

Ежели Сережа с вами, поздравляю его с рождеством, обнимаю и прошу не раздумывать ехать за границу, я пробуду в Париже до 10/22 Марта.

На конверте:

Russie. Toula. A Madame Iorguelsky. Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской. В Тулу. В сельцо Ясные Поляны.

Вчера приехал в Париж, дорогая тетенька, и, хотя несколькими словами, спешу вас известить о себе. Из Москвы до Парижа я проехал 11 дней, почти без остановки. Я здоров, хотя и очень устал. Тут я застал Тургенева и Некрасова; намереваюсь пробыть здесь месяц, чтобы весной поехать

в Италию. Ни путешествие, ни здешняя жизнь не дороги, но я истратил много денег в Москве, где мы провели с Сережей, как он, наверное, вам рассказал, 3 недели, для меня по крайней мере, неприятно. Судя по вашему письму, дорогая тетенька,¹ я вижу, что мы друг друга не понимаем по поводу происшедшего в Судакове. Хотя я сознаюсь, что я виноват в том, что был непоследователен и что всё могло бы произойти иначе, но думаю, что я поступил вполне честно. Я говорил не раз, что не могу определить того чувства, которое испытываю к этой девушке, но что любви с моей стороны нет и что я хочу проверить себя. И, проверяя себя, я убедился в своем заблуждении и совершенно искренно написал об этом Валерии.² Затем, отношения наши были так чисты, что воспоминание о них, ежели она выйдет замуж, не может ей быть неприятным, и поэтому я и просил ее не прерывать нашей переписки.

Не понимаю, почему молодой человек может только быть влюбленным в девушку и жениться на ней, а не может быть между ними простой дружбы. И я всегда сохраняю к ней дружбу. М-ль Вергани написала мне смешное письмо;³ ей следует припомнить, что я старался бывать у них как можно реже, устанавливал самые простые отношения с Валерией и что она приглашала меня бывать чаще и сойтись ближе. Понимаю, что ей досадно, что не устроилось то, чего ей хотелось; мне, вероятно, эта вся история неприятнее, чем ей, но это не дает ей права назвать *свиньей* (и других в этом уверять) того, кто всячески старался поступить хорошо и, принеся некоторую жертву, спасти другого и себя от несчастья. Уверен, что в Туле я слышу величайшим чудовищем.

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки. Пишите мне так: Франция, Париж, улица Риволи, гостиница Мёрис, № 149.

Впервые полностью (в переводе) напечатано в Бир. XXI, стр. 148.

¹ Письмо Т. А. Ергольской неизвестно.

² В подлиннике: *se passait*

³ Письмо Толстого к В. В. Арсеневой от 14 января 1857 г., см. № 54.

⁴ Письмо Вергани к Толстому неизвестно.

⁵ В подлиннике: *engagé*

61. В. В. Арсеневой.

1857 г. Февраля 20/марта 4. Париж.

20 Ф[евраля].

4 М[арта].

Письмо ваше, которое я получил нынче, любезная Валерия Владимировна, ужасно обрадовало меня.¹ — Оно мне доказало, что вы не видите во мне какого-то злодея и изверга, а просто человека, с которым вы чуть было не сошлись в более близкие отношения, но к которому вы продолжаете иметь друж-

бу и уважение. — Что мне отвечать на вопрос, который вы мне делаете: почему? Даю вам честное слово (да и к чему честное слово, я никогда не лгал, говоря с вами), что перемене, которую вы находите во мне, не было никаких причин; да и перемены, собственно, не было. Я всегда повторял вам, что не знаю, какого рода чувство я имел к вам, и что мне всегда казалось, что что-то не то. Одно время, перед отъездом моим из деревни, одиночество, частые свидания с вами, а главное, ваша милая наружность и особенно характер сделали то, что я почти готов был верить, что влюблен в вас, но всё что-то говорило мне, что не то, что я и не скрывал от вас; и даже вследствие этого уехал в Петербург. В Петербурге я вел жизнь уединенную, но, несмотря на то, одно то, что я не видал вас, показало мне, что я никогда не был и не буду влюблен в вас. А ошибиться в этом деле была бы беда и для меня и для вас. Вот и вся история. Правда, что эта откровенность была неуместна. Я мог делать опыты с собой, не увлекая вас; но в этом я отдал дань своей неопытности и каюсь в этом, прошу у вас прощенья, и это мучает меня; но не только бесчестного, но даже в скрытности меня упрекать не следует. —

Что делать, запутались; но постараемся остаться друзьями. Я с своей стороны сильно желаю этого, и всё, что касается вас, всегда будет сильно интересоваться меня. — Вергачичка в своем письме поступила, как отличная женщина, чем она никогда не перестанет для меня быть, т. е. она поступила нелогически, но горячо так, как она любит. Я вот уж 2 недели живу в Париже. Не могу сказать, чтоб мне было весело, даже не могу сказать, чтоб было приятно, но занимательно чрезвычайно. Скоро думаю ехать в Италию. —

Как вы поживаете в своем миллом Судакове? Занимаетесь ли музыкой и чтением? Или неужели всё скучаете? Избави Бог, вам этого не следует делать. — Французы играют Бетховена, к моему великому удивлению, как боги, и вы можете себе представить, как я наслаждаюсь, слушая эту *musique d'ensemble*,² исполненную лучшими в мире артистами. Прощайте, любезная соседка, от души [жму] вашу руку и остаюсь вам истинно преданный

Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 360—361.

¹ Письмо В. В. Арсеньевой не сохранилось. В Дневнике Толстого под 19 февраля (3 марта) записано: «Получил письмо от Валерии» (т. 47, стр. 115), следовательно, оно получено не 20 февраля (4 марта), как сказано в письме, а накануне этого дня.

² [музыкальный ансамбль,]

62. П. В. Анненкову.

1857 г. Февраля 26/марта 10. Дижон.

Ручкой И. С. Тургенева:

Дижон. ¹ 26 февраля/10 марта 1857 г.

Вы, я полагаю, еще не настолько забыли географию, изученную вами в нежном возрасте, любезный Анненков, чтобы забыть, что есть на свете и даже во Франции город Дижон, бывшая столица Бургундского герцогства, и т. д.

Но почему я нахожусь в Дижоне — это, я воображаю, для вас должно быть совершенно понятно. А дело очень простое: пузырь мой так меня мучил в Париже, что мне посоветовали попробовать перемену воздуха: я вот и выехал в Дижон, а Дижон я выбрал собственно потому, что Виардо ² дал мне рекомендательные письма к своим здешним знакомым. — Я их еще не представил, но уже влияние воздуха ощутительно: со дня приезда (т. е. со вчерашнего дня) пузырь мой меня не тревожит, и меня хоть издали можно принять опять за человека. Я здесь намерен пробыть неделю, там опять на три недели в это место пытки, называемое Парижем. а там в Лондон — и домой.

Но вообразите себе, что я здесь не один. Со мной поехал Толстой, который обрадовался случаю уединиться, чтобы привести к окончанию начатую им большую повесть. ³ Несмотря на жесточайший холод, царствующий в комнате гостиницы, в которой мы остановились, холод, заставляющий нас сидеть не близ камина, но в самом камине, на самом пылу огня, он работает усердно, и страницы исписываются за страницами. Я радуюсь, глядя на его деятельность. Что же касается до меня, то из прилагаемого несомненного, хотя и не размазанного г...а, Вы можете усмотреть, в каком плачевном состоянии находится моя творческая деятельность. С немощным трудом выдавил я давно затасканный лимон, эти последние капли из себя. — Сделайте с этим «Вторым днем», ⁴ что хотите. Присовокупите его к первому и напечатайте или назначьте им мирную могилу на дне ватер-клозета, — это совершенно в вашей воле, но во всяком случае, передайте Дружинину, что если бы не желание исполнить свое слово и очистить его перед публикой, я бы ни за что не дал бы себе труда переписывать такую дребедень. — О денежном вознаграждении, разумеется, и поминуть не может; если он поставит вам бутылку 3-рублевого лафиту, — требовать больше было бы неприлично.

А мы здесь находимся в Бургундии, в самом центре бургундских виноградников. А? Что скажете, почтеннейший! — Если бы вы были с нами, то-то мы нализывались. Здесь мы пьем Nui te ⁵ в 5 фр. за бутылку, которое

и за 3 целк. в Петербурге не достанешь! — Едим мы тоже сильно. Открыл я здесь сыр по прозванию fromage de Riceys ⁶ — сами боги не едали ничего подобного! — Но зато театр здесь и даваемая на оном Etoile du Nord ⁷ — чудо! Посмотрели бы вы на русских солдат, с киверами, в роде мучных совков, на казаков, на мужиков — и как это всё поет! — Такая каша выходит, что вообразить нельзя. — Со всем тем, как патриот Горяинов ⁸ кричал: Ура! тамбовским дамам, так и я кричу: Ура! Дижону за освобождение меня от пузыря.

Напишите мне в Париж (rue de Arcade, № 11) несколько благорассудительных и благопотребных слов. — Ваши умные речи живительны для меня, подобно манне: сообщите мне также петербургские новости, сжимая их, по вашему обычаю, в нескольких сочных и приятных изречений. А здесь последнее ощущение мое было то, что на рауте у кн. Юсупова ⁹ у каждой двери два красных лакея с булавами при проходе каждого гостя ударяли дважды в пол, что меня, между прочим, смутило своей неожиданностью. — А ргорос, ¹⁰ я познакомился с Мериме: ¹¹ похож на свои сочинения; и с Мармие, ¹² и этот похож на свои сочинения.

Письмо это вышло как-то чувевато (новое слово: происходит от чуши), но я думаю, что все-таки лучше прежнего, которое было мрачно. До другого раза, а теперь передаю письмо Толстому, желающему прибавить от себя несколько слов. — Будьте здоровы и веселы, кланяйтесь друзьям, я остаюсь душевно вас любящий Ив. Тургенев.

Рукой Толстого:

Неприятно и начинать писать вам, дорогой Павел Васильевич, на таком клочке, когда я всё собирался писать вам длинно. Вы верно не примете за фразу то, что думаю о вас часто, ужасно и больно чувствую ваше отсутствие. Вы теперь для меня именно — *то*, а не *не то*. Я пишу, т. е. свою повесть, ¹³ с удовольствием и надеждой, хотя это не спокойная уверенность, но, слава Богу, далеко не та, уж не скромность и наслаждение, в искреннем или неискреннем саморугании Тургенева. — Кто его знает. Он со своим пузырем — пучина. Хоть я и не должен бы, но думаю себе: может, П[авел] В[асильевич] и напишет мне за эту приписку письмецо, прежде моего длинного письма. Прощайте, от души жму вашу руку и всех наших общих приятелей. Ваш Л. Толстой.

Напишите, ежели не мне, то Т[ургене]ву ваше искреннее мнение о рассказах брата. ¹⁴

Впервые опубликовано в журнале «Наша старина», 1914, № 11.

Павел Васильевич Анненков (1813—1887) — писатель, литературный критик. В 1840 г. Анненков уехал за границу, откуда посылал в «Отечественные записки» письма, печатавшиеся в этом журнале за 1841—1843 гг. В Риме Анненков жил с Гоголем, под диктовку которого писал

первый том «Мертвых душ». Во время второй поездки за границу, куда ездил с большим Белинским в 1846—1848 гг., Анненков познакомился с Карлом Марксом. Первый редактор полного собрания сочинений Пушкина (1855—1857), положивший начало научному изучению жизни и творчества поэта. Подробнее о нем и его отношениях с Толстым см. т. 47, стр. 369—370.

¹ Дижон — старый провинциальный город в 315 километрах к югу от Парижа. Толстой и Тургенев провели в нем пять дней, посещая местные достопримечательности, и вернулись обратно 2/14 марта.

² Луи Виардо — французский литератор. С его женой Полиной Виардо Тургенев был связан многолетней дружбой.

³ Тургенев имеет в виду повесть «Альберт», которой был занят в это время Толстой. См. прим. 3 к п. № 59.

⁴ «Второй день» — рассказ «Поездка в Полесье», начатый Тургеневым в мае 1853 г. Был напечатан в № 10 «Библиотека для чтения» 1857 г.

⁵ [Нюи] — бургундское вино.

⁶ [Рисейский сыр]

⁷ [«Северная звезда»] — опера (1854) Мейербера, сюжетом которой является роман Петра I и Екатерины.

⁸ Александр Александрович Горяинов, помещик Тамбовской губернии.

⁹ Кн. Николай Борисович Юсупов (1827—1891) — один из богатейших землевладельцев в России.

¹⁰ [Между прочим,]

¹¹ Проспер Мериме (1803—1870) — французский беллетрист и поэт. Мериме один из первых во Франции оценил достоинство русской литературы и стал учиться по-русски, чтобы читать в подлиннике произведения Пушкина и Гоголя.

¹² Ксавье Мармье (1809—1892) — французский писатель и путешественник, автор многочисленных книг, в которых нашли отражение его путевые наблюдения. В 1840-х гг. он посетил, между прочим, Россию; впечатления, вынесенные им из этого путешествия, он изложил в книге «Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne» («Письма о России, Финляндии и Польше»), 1849. Знакомый с русским языком, Мармье перевел несколько рассказов русских авторов, вошедших в книгу «Nouvelles du Nord» [«Новости севера»], 1882. Он находился в дружеских отношениях с Тургеневым.

¹³ См. прим. 3.

¹⁴ «Охота на Кавказе», повесть Н. Н. Толстого. См. прим. 5 к п. № 16 и п. № 57, прим. 1.

63. Д. Я. Колбасину.

1857 г. Марта 24/апреля 5. Париж.

Мне ужасно совестно и досадно, любезный Дмитрий Яковлевич, за то, что я, не зная таможенных порядков, побоялся исполнить ваше поручение. Вот я уже слишком 1½ месяца живу в Париже и уезжать не хочется, так много я нашел здесь инте-

ресного и приятного. Я еще не отвечал вам на то, что вы мне пишете об «Утре помещ[ика]». ¹ Спасибо вам, что вы не видите в нем злонамеренности. Тому, кому хочется видеть ее в этом и в Разжал[ованном] — очень легко. Я теперь понемногу принимаюсь за работу, но идет медленно — так много других занятий. Тургенев точно болен и физически и морально и на него смотреть тяжело и грустно. Надо надеяться, что лето и воды помогут ему, и я жду этого с нетерпением. Вы ему пишете, чтоб он мне сказал, что ноги у вас еще целы. ² Желаю, чтобы до поры до времени они оставались целы, а не миновать им опасности. Огромное количество Русских, шляющихся за границей, особенно в Париже, мне кажется, обещает много хорошего России в этом отношении. Не говоря о людях, которых взгляд совершенно изменяется от такого путешествия, нет такого дубины офицера, который возится здесь с б...ми и в cafés, на которого не подействовало бы это чувство социальной свободы, которая составляет главную прелесть здешней жизни и о которой, не испытав ее, судить невозможно. Ежели не ленитесь, сообщите мне кое-какие новости литературные, что делает ваш брат, ³ которому я от души жму руку, и что милый Дружинин, кот[орого] вы так не любите, и т. д. Что это Сыны Отечества так свирепствуют? ⁴ Да нет ли возможности пересылать сюда журналов? Как идут дела продажи? ⁵ Нет ли денег? Рублей 500 мне бы были не лишни через месяц. Ежели есть, хотя и меньше, то перешлите мне кредитив от дома Брандбурга и комп. в Москве, но и в Петербурге должна быть контора. Прощайте, любезный друг, пожалуйста отпишите словечко; я отвечать буду аккуратно.

Ваш Гр. Л. Толстой.

5 Апреля (п. с.).

Впервые опубликовано с пропуском нескольких неразобранных слов в «Литературной газете», 1931, № 24 (123), от 3 мая.

¹ Письмо Д. Я. Колбасина, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

² Колбасин 5 марта писал Тургеневу: «Что Толстой?.. Скажите ему, что нога моя цела и, кажется, до конца дней останется цела» («Тургенев и круг «Современника», «Academia», М.—Л. 1930, стр. 329).

³ Елисей Яковлевич Колбасин.

⁴ Очевидно, Колбасин писал Толстому о критической статье по поводу «Юности», появившейся в № 8 «Сына отечества» от 24 февраля.

⁵ Речь идет о продаже отдельного издания «Детства и отрочества».

64. В. П. Боткину.

1857 г. Марта 24—25/апреля 5—6. Париж.

5 Апреля. Париж.

Это очень нехорошо, что вы больны, дорогой Василий Петрович: я боюсь, как бы это не расстроило ваш план поездки за границу. Мне и в Петербурге казалось и по письму вашему кажется, что вам не хочется ехать. Приезжайте, милейший и мудрейший друг, разумеется мы бы съехались с вами; а я алкаю вас видеть и беседовать с вами. — Я живу всё в Париже, вот скоро 2 месяца и не предвижу того времени, когда этот город потеряет для меня интерес и эта жизнь свою прелесть. Я круглая невежда; нигде я не почувствовал этого так сильно, как здесь. Стало быть, уж за одно это я могу быть доволен и счастлив моей жизнью тут; тем более, что здесь тоже я чувствую, что это невежество не безнадежно. Потом наслаждения искусствами, Лувр, ¹ Versailles, ² консерватория, квартеты, театры, лекции в Collège de Fr[ance] ³ и Сорбон, ⁴ а главное социальной свободой, о которой я в России не имел даже понятия, всё это делает то, что я не раньше 2-х месяцев, времени, когда начнется курс на воды, уеду из Парижа или из деревни около Парижа, где я на-днях хочу поселиться. ⁵ У Тургенева кажется действительно сперматорея, он едет на воды, когда и куда, еще не решено. Он жалок ужасно. Страдает морально так, как может только страдать человек с его воображением. Только очень недавно я успел устроиться так, что несколько часов в день работаю. Ужасно грязна сфера Кизиветтера, и это немощно охлаждает меня, но все-таки работаю с удовольствием.

Это я написал вчера, меня оторвали и нынче пишу совсем в другом настроении. Я имел глупость и жестокость ездить нынче утром смотреть на казнь. Кроме того, что погода стоит здесь две недели отвратительная и мне очень нездоровится, я был в гадком нервическом расположении, и это зрелище мне сделало такое впечатление, от которого я долго не опомнюсь. Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека. Там есть не разумная [воля], но человеческое чув-

ство страсти, а здесь до тонкости доведенное спокойствие и удобство в убийстве и ничего величественного. Наглое, дерзкое желание исполнять справедливость, закон Бога. Справедливость, которая решается адвокатами, которые каждый, основываясь на чести, религии и правде, говорят противоположное.⁶ С теми же формальностями убили короля,⁷ и Шенье,⁸ и республиканцев, и аристократов, и (забыл, как его зовут) господина, кот[орого] года 2 тому назад признали невинным в убийстве, за которое его убили. А толпа отвратительная, отец, который толкует дочери, каким искусным удобным механизмом это делается, и т. п. Закон человеческой — вздор! Правда, что государство есть заговор не только для эксплуатаций, но главное для развращения граждан. А все-таки государства существуют и еще в таком несовершенном виде. — И из этого порядка в социализм перейти они не могут. Так что же делать? тем, которым это кажется таким, как мне? Есть другие люди, Наполеон III,⁹ например, которым, потому что они умнее или глупее меня, в этой путанице всё кажется ясным, они верят, что в этой лжи может быть более или менее зла, и действуют сообразно с этим. И прекрасно, верно нужно такие люди. Я же во всей этой отвратительной лжи вижу одну мерзость, зло и не хочу и не могу разбирать, где ее больше, где меньше. Я понимаю законы нравственные, законы морали и религии, необязательные ни для кого, ведущие вперед и обещающие гармоническую будущность, я чувствую законы искусства, дающие счастье всегда; но политические законы для меня такая ужасная ложь, что я не вижу в них ни лучшего, ни худшего. Это я почувствовал, понял и сознал нынче. И это сознание хоть немного выкупает для меня тяжесть впечатления. Здесь на-днях сделано пропасть арестаций, открыт заговор, хотели убить Нап[олеона] в театре; тоже будут убивать на-днях, но уже верно с нынешнего дня я не только никогда не пойду смотреть этого, никогда не буду служить нигде *никакому* правительству. Много бы еще хотелось вам рассказать про то, что я здесь вижу, как н[а]п[ример] за заставой клуб народных стихотворцев,¹⁰ в кот[ором] я бываю по воскресеньям. — Правду писал Тур[генев], что поэзии в этом народе *il n'y a pas*.¹¹ Есть одна поэзия — политическая, а она и всегда была мне противна, а теперь особенно. Вообще жизнь французская и народ мне нравятся, но человека ни из общества, ни из на-

рода, ни одного не встретил путного. Прощайте, дорогой Василий Петрович, извините за нелепость письма, я нынче совсем больнѣшенек.

Ваш гр. Л. Толстой.

Адрес мой всё Rue de Rivoli¹², 206.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 20—23. Дата определяется записью в Дневнике Толстого под 24 марта/5 апреля и под 25 марта/6 апреля (см. т. 47, стр. 121 и 122).

¹ Лувр — музей в Париже с богатейшим собранием произведений искусства всех времен и народов. См. т. 47, стр. 426. Судя по записи в Дневнике, Толстой был в Лувре 3/15 марта (т. 47, стр. 117).

² Версаль — город в 19 километрах от Парижа. См. т. 47, стр. 432—433.

³ Collège de France — ученое и учебное учреждение. См. т. 47, стр. 422.

⁴ Сорбонна — парижский университет. См. т. 47, стр. 418.

⁵ Намерение поселиться в деревне около Парижа Толстым осуществлено не было.

⁶ 25 марта/6 апреля Толстой присутствовал на публичной смертной казни посредством гильотинирования. Зрелище смертной казни оставило глубокое впечатление на всю жизнь Толстого. Он не раз вспоминал об этом в дальнейших своих писаниях. См. запись в Дневнике, т. 47, стр. 121—122.

⁷ Людовик XVI (1754—1793) — французский король, всенародно казненный в Париже в дни французской революции.

⁸ Андре-Мари Шенье (1762—1794) — французский поэт, сначала приветствовавший революцию, но затем выступивший с рядом статей против якобинцев. Арестованный по подозрению в сношениях с роялистами, он был гильотинирован 26 июля 1794 г.

⁹ Наполеон III (1808—1873) — французский император, племянник Наполеона I.

¹⁰ Под клубом народных стихотворцев Толстой подразумевал одну из говет. О говетах см. т. 47, стр. 434—435, прим. 1610.

¹¹ [нет.]

¹² [улица Риволи,]

65. И. С. Тургеневу. Неотправленное.

1857 г. Марта 28/апреля 9. Женева.

Хоть несколько слов, да напишу вам, дорогой Иван Сергеевич, потому что ужасно много думал о вас всю дорогу. ¹ Вчера вечером, в 8 часов, когда я после поганой железной дороги пересел в дилижанс на открытое место и увидел дорогу, лунную ночь, все эти звуки и духи дорожные, всю мою тоску и болезнь как рукой сняло или, скорей, превратило в эту ² тихую, тро-

гательную радость, которую вы знаете. Отлично я сделал, что уехал из этого содома ³. Ради Бога, уезжайте куда-нибудь и вы, но только не по железной дороге. Железная дорога к путешествию то, что бардель к любви — так же удобно, но так же нечеловечески машинально и убийственно однообразно. Не даром я поехал и по лбу кто-то мне черту провел ⁴ (заметьте, выехал я 28 ⁵ нашего стиля). Целую чудную весеннюю лунную ночь я провел один, на банкете дилижанса, ⁶ по Швейцарии и, приехав в Женеву, не застал Толстых, ⁷ а целый вечер сидел один в номере, смотрел на лунную ночь, на озеро, потом машинально открыл книгу, и эта книга Евангелие, которое здесь кладут во все номера Société Biblique. ⁸ Ну и я чувствую, что я ужасно счастлив до слез, и с радостью чувствую, что в таком расположении беспрестанно думаю о вас и желаю вам такого же, еще лучшего счастья. Я прожил 1½ месяца в содоме, и у меня на душе уж многоросло грязи, и две девки, и гильотина, и праздность, и пошлость; вы безнравственный человек, хотя и нравственнее меня живете, но и у вас в 6 месяцев много, много чегоросло, несообразного с вашей душой; право, проезжайтесь в дилижансе, или походите ночку в деревне, выплачьте смело все слезы, которые сидят там, и посмотрите как легче станет, как хорошо станет. Узнайте, пожалуйста, в каких отношениях находится Орлов ⁹ с к[няжн]ой Львовой.¹⁰ Мне показалось, что ваше желание сбывается. Вы правы, что О[рлов] будет хороший муж, но ежели этого вовсе нет, скажите откровенно, может ли случиться, чтобы такая девушка, как она, полюбила меня, т. е. под этим я разумею только то, что ей бы не противно и не смешно бы было думать, что я желаю жениться на ней. Я так уверен в невозможности такой странности, что смешно писать. А ежели бы я только верил в эту возможность, я бы вам доказал, что я тоже могу любить. Вы улыбаетесь иронически, безнадежно, печально. По-своему — но могу, это я чувствую. — Прощайте, любезный друг, но пожалуйста не старайтесь того, что я пишу теперь, подводить под общее составленное вами понятие о моей персоне. Тем-то и хорош человек, что иногда никак не ожидаешь того, что от него бывает, и старая кляча, иногда, закусит удила и понесет и припердывает, так и мой теперешний дух есть неожиданное и странное, но искреннее припердывание.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Впервые напечатано в ТТП, стр. 34—35. Судя по тому, что письмо сохранилось в архиве Толстого, оно, повидимому, не было отправлено. Датируется записью в Дневнике под 27 марта (8 апреля) (т. 47, стр. 122).

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883). Толстой высоко ценил Тургенева как писателя. Тургенев с своей стороны оценил талант Толстого при первом же выступлении его на литературном поприще. Первое произведение Толстого, появившееся в печати (за подписью «Л. Н.»), «Детство» («Современник», 1852, сентябрьская книжка) было прочитано Тургеневым в Спасском, где он в то время жил в ссылке. В ответ на просьбу Некрасова обратить внимание на повесть «гр. Ник. Ник. Толстого, служащего на Кавказе» (Некрасов еще не знал, что автор повести не Николай Николаевич Толстой, а брат его, Лев Николаевич), Тургенев писал (28 октября 1852 г.): «Ты прав, это талант надежный... Пиши к нему и понукай его писать. Скажи ему, если это может его интересовать, что я его приветствую, кланяюсь и рукоплещу ему» («Русская мысль», 1902, стр. 116).

Знакомство Тургенева с Толстым завязалось через М. Н. Толстую. Километрах в двадцати от имени Тургенева в Покровском жила с мужем сестра Толстого, Мария Николаевна Толстая. У М. Н. Толстой гостила Т. А. Ергольская. Последняя, по прочтении «Детства», писала 12 декабря 1852 г. Толстому на Кавказ: «Лева, твоё выступление в литературе наделало много шума и произвело сенсацию среди соседей Валерьяна; старались узнать, кто это новый автор, который появился на сцене мира с таким успехом; наиболее заинтересован этим Тургенев, автор «Записок охотника»; он спрашивает у всех, нет ли у Марии брата на Кавказе, который мог это написать («если этот молодой человек, говорит он, будет продолжать, как он начал, он далеко пойдёт»). В мае 1853 г. Тургенев уже знал, что автор «Детства» — Лев Николаевич (см. письмо Тургенева к И. Ф. Миницкому в сборнике «Атеней», 1902, III, стр. 116—117). Об «Отрочестве» Тургенев писал Л. Н. Вакслю 18 октября 1854 г.: «Прочтите «Отрочество» в 10 книге «Современника». Вот, наконец, преемник Гоголя» («Современник», 1913, 8, стр. 266). Через день после этого письма состоялось знакомство Тургенева с Валерьяном Петровичем Толстым, о чем писал Тургенев Некрасову 22 октября 1854 г.: «Отрочество» я еще не перечел, я послал книгу «Современника» графу Толстому, который женат на сестре автора. Он третьего дня приезжал ко мне знакомиться, а я в воскресенье у него буду (он отсюда верстах в двадцати), и сообщал мне много подробностей о своем шурина» («Русская мысль», 1902, 1, стр. 120). Таким образом знакомство Тургенева с М. Н. Толстой состоялось 24 октября 1854 г. 29 октября Тургенев писал Е. Я. Колбасину: «Очень рад я успеху «Отрочества». Дай только бог Толстому пожить, а он, я твердо надеюсь, еще удивит нас всех — это талант первостепенный. Я здесь познакомился с его сестрой (она тоже за графом Толстым). Премилая симпатичная женщина» («Первое собрание писем Тургенева», Спб. 1884, стр. 9). Некрасову в этот же день Тургенев писал подробнее: «Познакомился я с Толстыми. Жена графа Толстого, моего соседа, сестра автора

«Отрочества» — премилая жейщина — умна, добра и очень привлекательна. Я узнал много подробностей о ее брате. Он служит теперь в 12 батареейной батарее и находится, вероятно, в Кишиневе. Видел его портрет. Некрасивое, но умное и замечательное лицо. Кстати, что же ты мне не скажешь, какое впечатление производит его повесть?» («Русская мысль», 1902, 1, стр. 120). См. еще письмо Тургенева к И. Ф. Миницкому от 1 ноября 1854 г. в «Вестнике Европы», 1909, VIII, стр. 635).

Летом 1855 г. Тургенев, живя в Спасском, познакомился с братом Толстого Николаем Николаевичем, который в письмах своих к Толстому (они не сохранились) писал о Тургеневе. Толстой очень ценил глубокий интерес, выказываемый к нему, как писателю, Тургеневым. В письме к Панаеву от 14 июня 1855 г. Толстой просил позволения посвятить свой рассказ «Рубка леса» Тургеневу (см. т. 59, стр. 316). В ответ Панаев сообщал (18 июля), что Тургенев кланяется Толстому, говоря, что посвящение ему приятно и лестно (см. «Красная новь», 1928, 9, стр. 221), а в день отъезда из имения М. Н. Толстой, Покровского, в Петербург (9 октября) Тургенев писал Толстому, уговаривая его не испытывать судьбы, а уезжать из Севастополя, не подвергая себя опасности (ТПТ, стр. 11).

Толстой, приехав 21 ноября в Петербург, остановился у Тургенева в доме Степанова на Фонтанке у Аничкова моста, рядом с Екатерининским институтом.

9 декабря Тургенев писал Анненкову: «Вообразите: вот уже более двух недель, как у меня живет Толстой, и что бы я дал, чтобы увидеть вас обоих вместе. Вы не можете себе представить, что за милый и замечательный человек — хотя он за дикую рьяность и упорство буйлообразное получил от меня название троглодита. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое. Он нам читал начало своей «Юности» и начало другого романа — есть вещи великолепные!»

Переписка между Толстым и Тургеневым слагается из двух отдельных частей: начавшись, она длилась 6 лет (1855—1861), затем прервана была крупной ссорой на целых 17 лет (см. п. № 209 и прим. к нему) и возобновилась лишь в 1878 г., за пять лет до смерти Тургенева. В первый период, до ссоры, Тургенев написал Толстому приблизительно двадцать девять писем. Толстой Тургеневу — около тридцати. Бурная ссора в мае — октябре 1861 г. вызвала шесть писем со стороны Толстого и три со стороны Тургенева. Во второй период на двадцать одно письмо Тургенева насчитывается двадцать писем Толстого, притом два из них должны считаться лишь предположительными. В итоге можно считать, что Тургеневым Толстому было написано приблизительно пятьдесят три письма, Толстым Тургеневу — около сорока восьми писем. Из этих ста одного письма до сих пор известно всего сорок девять: сорок два письма Тургенева и семь Толстого, ранее опубликованные.

¹ См. запись Толстого в Дневнике под 27 марта/8 апреля, т. 47, стр. 122.

² В автографе ошибочно: этую.

³ 27 марта (8 апреля) Толстой уехал в Женеву. См. т. 47, стр. 439, прим. 1642.

⁴ См. т. 47, стр. 438—439, прим. 1639, цитата из письма И. С. Аксакова к С. Т. Аксакову.

⁵ Толстой ошибся: судя по записи Дневника, он выехал из Парижа не 28, а 27 марта старого стиля. 28 число Толстой считал значительным в своей жизни: день его рождения — 28 августа и год — 1828.

⁶ Банкет — открытое переднее место, окамя в дилижансе, рядом с кучером.

⁷ Александра Андреевна и Елизавета Андреевна Толстые (см. прим. к п. № 71) — двоюродные тетки Толстого, проживавшие в это время в Женеве.

⁸ [Библейское общество.]

⁹ Кн. Николай Алексеевич Орлов (1827—1885) — сын кн. А. Ф. Орлова, одного из наиболее видных сановников николаевского времени, начальника III отделения. В противоположность своему отцу, шефу жандармов, он примыкал к либеральной части правительственных кругов и в начале царствования Александра II составил несколько записок в либеральном духе. См. т. 47, стр. 161 и 419, прим. 1484.

¹⁰ Кж. Александра Владимировна Львова (1835—1915) — дочь детского писателя и цензора кн. Владимира Владимировича Львова (1804—1856), уволенного в 1852 г. от службы за то, что он пропустил отдельное издание «Записок охотника» Тургенева. А. В. Львова в это время жила в Париже у своего дяди кн. Георгия Владимировича Львова, с которым Толстой находился в дружеских отношениях; поэтому по приезде в Париж он поспешил отыскать его и с тех пор неоднократно бывал у Львовых (см. записи в Дневника под 27 февраля, 2, 5, 17, 18, 20, 21, 23 марта и 7 апреля н. с., т. 47).

* 66. Т. А. Ергольской.

1857 г. Марта 30/апреля 11. Женева.

11 апреля. Genève.

Chère tante!

Si Serge ne m'avait pas donné de vos nouvelles ¹ j'aurais été très inquiet de votre silence. Depuis mon départ je vous en ai écrit deux lettres — l'une en voyage et l'autre de Paris ² et je n'ai pas reçu une seule de vous; je crains que les miennes ne vous sont pas parvenues. Ce serait bien fâcheux, car je suis sûr que cela vous donnerait des inquiétudes et des doutes sur moi. J'ai passé un mois et demi à Paris et si agréablement que tous les jours je me suis dit, que j'ai bien fait de venir à l'étranger. Je suis très peu allé ni dans le monde — la société ni dans le monde littéraire ni dans

le monde des cafés et des bals publiques; mais malgré cela j'ai trouvé ici tant de choses nouvelles et intéressantes pour moi, que tous les jours en me couchant je me disais: quel dom[m]age que la journée à passé si vite. Je n'ai même pas eu le temps de travailler, ce que je me proposais de faire. Figurez vous, que j'ai trouvé à Paris une quantité de parents — les Troubetzkoï ³ cousin de maman ⁴, les dames Mansouroff ⁵ et Mescherskoï, ⁶ aussi cousines à maman, puis les Chlustines ⁷, et toutes ces familles ont des demoiselles qui ce sont trouvé mes cousines. Mais j'ai été si occupé que quoique plusieurs de ces cousines sont charmantes, je suis très peu allé les voir. Le pauvre Tourguénéff est très malade physiquement et encore plus moralement malade. Sa malheureuse liaison avec madame V[iardo] ⁸ et sa fille ⁹ le retiennent ici, dans un climat, qui lui est pernicieux et il fait pitié à voir. Je n'aurais jamais cru qu'il put aimer ainsi. — Cependant malgré le plaisir que j'ai trouvé dans la vie de Paris, j'ai commencé y ressentir, sans aucune raison, une tristesse inexplicable, et quoique j'ai été décidé de quitter Paris au mois de Mai, je me suis décidé d'aller en Suisse à Genève pour quelques temps. Je suis ici depuis trois jours mais ce beau pays et cette vie charmante aux environs de Genève dans la campagne m'ont tellement plu[s], que je crois rester ici pour assez longtemps. Je ne connais ici personne excepté les Tolstoï ¹⁰ et Stroganoff ¹¹ le mari de la Grande Duchesse, ¹² mais je tâcherais d'aller le plus rarement possible chez eux et de ne pas faire de nouvelles connaissances. Je me trouve ici très bien tranquille au milieu d'une nature admirable, et presque dans la solitude. Je compte travailler beaucoup ici et je ne fais pas en attendant d'autre plan pour mon voyage. Tout ce que je sais, c'est que pour l'automne je reviendrais à Ясное où j'aurais le bonheur de vous embrasser. Наташу обнимаю. Que font les voisines? Ont elles pardonné le grand coupable? Adieu, chère tante, je vous baise les mians. Je suis décidé de vous écrire dès à présent tous les 15 jours et je suis tout honteux de ne pas l'avoir fait jusqu'à présent. Скажите, тетинька, пожалуйста Василью, чтобы он непременно писал мне каждый месяц и написал бы подробно, сколько в Ясной и Грецовке душ, крестьянских и дворовых, сколько тягол, сколько земли пахотной крестьянской, пахотной господской, сколько лугов, сколько под усадьбой, сколько всей земли? Это мне нужно для соображения. Адрес мой так: Suisse, Genève. Comte Léon Tolstoï, Hôtel Bergués ¹³.

На конверте:

Russie Toula, par *St. Pétersbourg*¹⁴. Ее Высочайшему Великому Князю Александру Павловичу Ергольской. В Тулу, Сельцо Ясные Поляны.

11 апреля. Женева.

Дорогая тетенька!

Ежели бы Сережа мне не написал о вас,¹ я бы очень беспокоился. С моего отъезда я написал вам два раза — с дороги и из Парижа,² а от вас не получил ни одного письма; боюсь, что и мои до вас не дошли. Это было бы очень досадно, так как, я уверен, это вызовет в вас беспокойство и сомнения на мой счет. Я так приятно провел в Париже полтора месяца, что каждый день говорил себе, как я был прав, что поехал за границу. Я мало бывал в свете — обществе и в литературном мире, редко посещал кафе и публичные балы, но, несмотря на это, я видел здесь столько новых и интересных для меня вещей, что каждый вечер, ложась спать, я говорил себе: как жаль, что день прошел так скоро. Я собирался заниматься, но не имел времени. Представьте себе, в Париже у меня оказалось много родни — Трубецкие,³ двоюродные братья мама,⁴ г-жи Мансуровы⁵ и Мецкерские,⁶ тоже двоюродные сестры мама, и затем Хлюстины,⁷ и во всех этих семьях есть барышни, которые оказались моими кузинами. Хотя некоторые из них прелестны, но я был так занят, что редко у них бывал. Бедный Тургенев очень болен и физически и еще серьезнее морально. Несчастная его связь с госпожой В[иардо]⁸ и его дочь⁹ задерживают его в Париже. Климат здешний ему вреден, и он жалок ужасно. Никогда не думал, что он способен так сильно любить. Однако, невзирая на все удовольствия парижской жизни, на меня вдруг и без всякой причины напала необъяснимая тоска и, хотя я думал выехать из Парижа в мае, я решил теперь съездить на короткое время в Швейцарию, в Женеву. Я здесь три дня, но красота этого края и прелесть жизни в деревне, в окрестностях Женевы, так меня захватили, что я думаю пробыть здесь дольше. Знакомых тут у меня нет, кроме Толстых¹⁰ и Строганова,¹¹ мужа великой княгини,¹² но я постараюсь бывать у них как можно реже и новых знакомств не заводю. Мне здесь очень хорошо, спокойно среди прекрасной природы и почти в одиночестве. Намереваюсь много работать и пока не делаю планов для дальнейшего путешествия. Знаю только, что осенью вернусь в Ясное и буду иметь счастье вас расцеловать. Наташу обнимаю. Как поживают соседки? Простили ли они великого преступника? Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки. Я решил писать вам каждые две недели и стыжусь, что до сих пор этого не исполнял. [*Далее см. русский текст письма.*] Швейцария, Женева. Графу Льву Толстому, гостиница Берг.

Впервые напечатано полностью (только в переводе, с неверной датой «4 апреля») в Бир. XXI, стр. 149—150. Год определяется почтовым штемпелем «Genève, 12 avril, 57» [«Женева, 12 апреля, 57»]. На конверте рукой Т. А. Ергольской помечено: «2-e lettre [e]u de] Genève» [«второе письмо — получено из Женевы»].

¹ Письмо С. Н. Толстого неизвестно.

² Письмо Толстого «с дороги» не сохранилось, второе же письмо — из Парижа от 10/22 февраля 1857 г. см. № 60.

³ Семья Трубецкого состояла из кн. Николая Ивановича Трубецкого (1807—1874), его жены Анны Андреевны, рожд. гр. Гудович, и единственной дочери Екатерины Николаевны (1840—1885). Подробнее см. т. 47, стр. 417, прим. 1505.

⁴ Гр. Мария Николаевна Толстая, рожд. Волконская (1790—1830) — мать Толстого.

⁵ Анастасия и Софья Павловны Мансуровы, родственницы Трубецких.

⁶ Николай Иванович Мецкерский (1798—1858) — гвардии полковник, был женат на кж. Александре Ивановне Трубецкой. См. т. 47, стр. 508, прим. 2287.

⁷ Вера Ивановна Хлюстина (1783—1879) — сестра гр. Федора Ивановича Толстого («американца»), двоюродная тетка Льва Николаевича, и ее старшая дочь, Анастасия Семеновна (1814—1863), бывшая замужем за французским писателем и общественным деятелем гр. Сиркурром. См. т. 47, стр. 419, прим. 1516.

⁸ Полина Виардо Гарсиа (1821—1910) — знаменитая певица, бывшая замужем за французским литератором Луи Виардо. В 1843—1844 гг. гастролировала в Петербурге, где с нею и познакомился Тургенев; с тех пор их связывала многолетняя дружба. См. т. 47, стр. 421, прим. 1527.

⁹ У Тургенева была дочь Пелагея (р. 1842 г.), от московской мешанки Авдотьи Ермолаевны Ивановой, воспитывавшаяся с семилетнего возраста в семье Виардо, вышедшая замуж за Гастона Брюэра.

¹⁰ Александра Андреевна и Елизавета Андреевна Толстыс.

¹¹ Гр. Григорий Александрович Строганов (1824—1878).

¹² Мария Николаевна (1819—1876) — дочь Николая I, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, вторым — за гр. Г. А. Строгановым.

¹³ [Швейцария, Женева. Графу Льву Толстому, гостиница Бергюе.]

¹⁴ [Россия, Тула, через Петербург.]

* 67. Д. Я. Колбасину.

1857 г. Марта 30|апреля 11. Женева.

Пишу два слова, любезный Дмитрий Яковлевич, извините, во-первых, чтоб известить вас и всех моих петербургских друзей, что адрес мой на неопределенное время — Suisse, Genève, Hotel des Bergues, и во-вторых, чтоб умолять вас сделать, что можно, чтобы выслать мне сюда сколько можно денег — тахитим 500 р. — Я здоров, спокоен и работаю. Желая вам всего лучшего.

Ваш Гр. Л. Толстой.

11 Апреля.

На конверте:

Russie, St. Petersbourg, Monsieur Kolbassin.

Его Высокоблагородию Дмитрию Яковлевичу Колбасину.
В Петербург. В доме Пушкина № 8.

* 68. Т. А. Ергольской.

1857 г. Апреля 6/18. Женева.

Genève. 5/17 Avril.

Адрес мой: Suisse. Genève.

Hotel des Bergues.

Chère tante!

Aujourd'hui j'ai communie ici a Genève et hier j'ai reçu votre lettre adressée à Paris. ¹ Je n'ai pas besoin de vous dire combien vos lettres me sont toujours agréables et quel plaisir m'a fait celle-ci, que j'ai reçu le soir que je devais confesser. J'espère, que vous me pardonnez tous mes péchés envers vous. Je sais que j'en ai beaucoup et je prie Dieu à m'aider de ne plus y retomber. Comme je voudrais que Valérie et Vergani me pardonnent aussi et *tout-à-fait* sans y repenser jamais, le chagrin que je leur ais fait (*je vous assure, bien involontairement*). Vous dites, chère tante, qu'il y a longtemps que vous avez cessé de me comprendre. — Ce n'est pas ma faute je vous assure, dans cette affaire je me suis compris moi-même que plus tard; mais je vous jure que je vous aime trop, pour jamais vous avoir rien caché et que j'espère pouvoir vivre toujours de manière à ne pas avoir de secret pour vous. — Pour ce qui concerne Valérie, je ne l'ai jamais aimé d'un amour véritable, mais je me suis laissé entraîner au méchant plaisir d'inspirer l'amour ce qui me procurait une jouissance que je n'avais jamais éprouvé. Mais le temps que j'ai passé loin d'elle, m'a prouvé que je ne sentais aucun désir de la revoir non seulement de me marier avecelle. — J'avais peur seulement à l'idée des devoirs que je serais obligé de remplir envers elle sans l'aimer et c'est pour cela, que je me suis décidé à partir plutôt que je ne le pensais. J'ai très mal agis j'en ai demandé pardon à Dieu et j'en demande à tous ceux à qui j'ai fait du chagrin; mais réparer la chose est impossible. Et à présent rien au monde ne pourrait faire que la chose se renouvelle. Je désire beaucoup de bonheur à Olga, je suis enchanté de son mariage, mais je vous avoue, chère tante,

que la chose au monde qui me ferait le plus de plaisir ce serait d'apprendre, que Valérie se marie avec un homme qu'elle aime et qui la vaut; parce que quoique je n'ai au fond du coeur pas un petit brin d'amour pour elle, je trouve toujours qu'elle est une très bonne et *honnête* demoiselle. Je vous félicite, chère tante, sur votre communion et sur la fête de Paques. Христос Воскресе! Я прошлого года встретил этот праздник с Толстыми² в Петербурге и нынче вечером встречу с ними в Женеве. Они очень добрые и хорошие господа, просили меня кланяться — вам. — Ceci est la second lettre que je vous écrit de Genève, je le dis en cas que si l'une se perde vous ne doutiez pas de moi. Le pays est admirable, je me trouve si bien ici, sous tous les rapports, que je ne sais si je ne resterais ici jusqu'au mois de Septembre c. à. d. jusqu'à mon retour en Russie. Я начал здесь лечение серными ваннами и чувствую себя прекрасно. — Занимаюсь, читаю, люблюсь природой, наблюдаю здешний свободный и милый народ и надеюсь, что всё это мне долго не наскучит и принесет пользу. Ежели Сережа приехал, поцелуйте его от меня и скажите, чтобы он затравил за меня 2-х лисиц, а осенью я сам затравлю. Вот бы он посмотрел здешнюю жизнь, уже он бы не мог не согласиться, что тут лучше нашего. Ежели Николайка придет, велите ему, пожалуйста, написать мне хоть строчку. Я ему напишу уже в Тулу, а не на Кавказ, куда письма ходят 2 месяца, а отсюда в Тулу в 2 недели. «Сильфотоптень сиданси турбульон»... Это Николай Сергеечу.³ Желая ему всего лучшего, физического и нравственного здоровья и очень рад, что он нашелся, и я его увижу. —

Нат[алью] Петр[овну] обнимаю. Ванничка⁴ ее мне пишет, мы с ним очень сошлись последнее время, и он точно золотой человек. Я воображаю, как Наташа за пасьянсом иногда обсуживает меня и ругает. Наташа! Не суди, да не осужден будеши.

Adieu, chère tante, je baise vos mains et vous souhaite tout le bonheur que vous désirez et que vous méritez⁵.

C. Léon Tolstoï.

На конверте:

Russie. Par Berlin à Toula. A Mademoiselle Iergolsky.

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.

В Тулу. В сельцо Ясные Поляны.

Женева. 5/17 апреля.

Дорогая тетенька!

Сегодня я причастился здесь, в Женеве, а вчера получил ваше письмо, адресованное в Париж¹. Вы сами знаете, как я радуюсь всегда вашим письмам, но вчерашнее, полученное мною вечером перед исповедью, было особенно дорого. Надеюсь, что вы простите мне, чем я перед вами грешен. Я знаю, что грехов у меня много, и я молюсь, чтобы бог помог мне не впадать в прежние грехи. Как бы мне хотелось, чтобы Валерия и Вергани простили меня *вполне* и не поминали бы того огорчения, которое я (уверяю вас, невольно) им причинил. Вы говорите, дорогая тетенька, что вы уже давно перестали меня понимать. — Уверяю вас, что это не по моей вине, я сам слишком поздно понял себя и разобрался в этом деле; но клянусь, что при моей любви к вам, от вас я ничего не скрывал; и я надеюсь прожить всю жизнь так, чтобы не пришлось ничего от вас утаивать. — Что же касается Валерии, я никогда не любил ее настоящей любовью, а допустил себя до дурного наслаждения — возбуждать любовь к себе, что доставляло мне удовольствие, никогда ранее не испытанное. Время, проведенное вдали от нее, показало мне, что я не чувствовал ни малейшего желанья ее видеть, не говоря уже о том, чтобы жениться на ней. — Я пугался при мысли об обязанностях, которые должен буду взять на себя, не любя ее, и тогда я решил уехать раньше, чем предполагал. Поступил я дурно, каюсь перед богом и прошу всех, кому я этим причинил горе, простить меня; но изменить то, что есть — невозможно. И ничто в мире не заставит меня возобновить то, что было. Желаю счастья Ольге и радуюсь ее свадьбе, но уверяю вас, милая тетенька, что я был бы несказанно больше счастлив, узнав, что Валерия выходит замуж за человека, которого она любит и который ее достоин; и, хотя у меня нет ни тени любви к ней, я знаю, что она хорошая и честная девушка. Поздравляю вас, дорогая тетенька, с приятием св. тайн и с светлым праздником. [*Далее идет русский текст.*]

Пишу вам во второй раз из Женевы и упоминаю об этом на случай, ежели письмо затерялось, чтобы вы не думали, что я не писал. Местность здесь очаровательная, и мне так хорошо живется во всех отношениях, что подумываю, не остаться ли тут до сентября, т. е. до возвращения в Россию. [*Далее см. русский текст письма.*]

Впервые почти полностью (только в переводе, с датой «17 апреля») напечатано в Бир. XXI, стр. 150. Дата определяется записью в Дневнике под 6/18 апреля и почтовым штемпелем дня отправления: «Genève, 18 avril, 57» [«Женева, 18 апреля, 57»].

На конверте рукой Т. А. Ергольской помечено: «Получила 21 апреля 3-me lettre de Genève» [«3-е письмо из Женевы»].

¹ Письмо Т. А. Ергольской не сохранилось.

² А. А. и Е. А. Толстые.

³ Н. С. Воейков.

⁴ И. С. Тургенев. Охотничья имела какое-то отношение к Тургене-

вым, чем, вероятно, объясняется, что после смерти Т. А. Ергольской она жила в богадельне в Спасском Тургенева.

⁵[Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки и желаю вам того счастья, которого вы сами себе желаете и которого вы достойны. Гр. Лев Толстой.]

69. Гр. М. Н. Толстой.

1857 г. Апреля 20/мая 2. Кларан.

Пишу тебе несколько слов, милый друг Маша, во-первых, чтобы выговорить, за что ты мне ни словечка не отвечала на мои письма, ¹ во-вторых, чтобы рассказать тебе про себя, что я после двух месяцев парижской жизни так устал от изучения всего нового и интересного, что я нашел там, что почувствовал потребность отдохнуть, особенно после ужасного зрелища гильотинирования, которое мне пришлось видеть и которое так подействовало на меня, что я ночи не спал. ² Я решился уехать куда-нибудь в уединенное место. В. К. Марья Николаевна в Женеве, следовательно, там и Толстые, которых я люблю, и там чудный край, — и я решился поехать туда.

В Женеву я приехал на 6-й неделе поста, там говел, потом переехал в Clarens, в Canton de Vaud. ³ Это — деревня на берегу Женевского озера, в прелестном местоположении, и живу тут вот скоро месяц (т. е. вообще в Швейцарии). ⁴

Природа прелестна, жизнь дешева, есть кое-кто русские, добрые люди, между прочим, М. Рябинин, ⁵ который просит тебе кланяться; уединение и занятия идут порядочно.

Третье же главное дело, зачем я тебе пишу, это — средство, которое мне рассказывали в Париже, для твоей руки. Взять молодых березовых листьев, насыпать в мешок и из мешка этого сделать муфту на всю руку, и так спать в этой муфте каждую ночь. Средство это не может повредить, но, говорят, помогает удивительно против всякого рода местных страданий, против простуд, онемений, даже вывихов и ран.

Тургенев бедный болен и нравственно болен. Теперь Некрасов должен быть в Париже. ⁶ Я же пробуду здесь, думаю, долго, тем более, что и не могу ехать, пока не получу денег; поэтому скажи Валерьяну, что, ежели ему из деревни и от Сережи пришлют деньги для доставления мне через банкира, чтобы он это сделал как можно скорее, а то ужасно страшно остаться здесь

без средств, а у меня уж очень тонко. Что твое здоровье, твое расположение духа, твои занятия, музыка, что.....? ⁷

Пожалуйста пиши, милый дружок, я буду, особенно отсюда, отвечать очень аккуратно. Обнимаю Валериана и детей.

Прощайте, милые друзья, до свиданья. Планы моего путешествия могут измениться, но ежели Бог даст буду жив здоров, то в Сентябре все-таки буду в Поковском.

Ваш друг и брат Граф Л. Толстой.

2-го Мая.

Адрес: Suisse, Canton de Vaud, Clarens, Pension Ketterer.

Печатается по первоначальному тексту, опубликованному С. П. Спири в «Русском слове», 1911, № 134, от 12 июня (с неверной датой: «1858 или 59 г.»). Год определяется содержанием. Местонахождение автографа неизвестно.

¹ Письма эти Толстого к М. Н. Толстой из-за границы неизвестны.

² См. п. № 64.

³ [Кларан, в кантон де Воо.]

⁴ В Женеву Толстой приехал 28 марта/9 апреля, а 9/21 апреля он, вместе с А. А. Толстой, поехал в Кларан, где у них было много общих знакомых (Мещерские, Е. Н. Карамзина, Пушкины, Рябиныны). О поездке в Кларан есть интересные подробности в воспоминаниях А. А. Толстой (ПТ, стр. 6—9). См. т. 47, стр. 445, прим. 1667.

Толстой, поселившись в пансоне, сперва Регет, а потом Кетерера, оставался в Кларане до 11/23 июня, совершая прогулки (в которых часто принимала участие и А. А. Толстая) и путешествия по Швейцарии. Одно из таких пешеходных путешествий описано Толстым в «Путевых заметках», см. т. 5, стр. 192—213.

⁵ Михаил Андреевич Рябинин (1814—1867), принадлежал к богатой московской семье, родственник декабриста М. И. Пушкина. См. т. 47, стр. 450, прим. 1704.

⁶ 2/14 или 3/15 марта Некрасов выехал из Рима в Неаполь, откуда вернулся в Рим 25 марта/6 апреля, а 11/23 апреля выехал из Рима во Флоренцию; 5/17 мая Некрасов был в Париже, а из Парижа отправился прямо в Петербург, куда приехал 28 июня/ 10 июля.

⁷ Многоточие в первопечатном тексте, поставлено, вероятно, на месте неразобранного публикатором слова.

* 70. П. В. Анненкову.

1857 г. Апреля 22/мая 4. Кларан.

Посылаю вам, дорогой Павел Васильевич, записку Пушкина, ¹ с которым мы живем вместе в Clarens, Canton de Vaud, куда вы мне пишете, ежели захотите мне этим истинно обрадовать.

Записка ² забавная, но рассказ его — изустная прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина. Пущин этот — прелестный и добродушный человек. Они с женой здесь трогательно милы, и я ужасно рад их соседству. Я в Швейцарии вот уже 4-ю неделю и очень доволен своим житьем. Дешево, уединенно; теперь тепло, голубой Леман и ущелья беспрестанно в глазах, простодушные, добрейшие люди, Пущин, с которым мы друг друга очень любим, и занятия.

Занятия, однако, идут плохо. Ту серьезную вещь, про которую я вам говорил как-то, я начал в 4-х различных тонах, каждую написал листа по 3— и остановился, не знаю, что выбрать или как слить, или должен я всё бросить. ³ Дело в том, что эта субъективная поэзия искренности — вопросительная поэзия, — и опротивела мне немного и нейдет ни к задаче, ни к тому настроению, в котором я нахожусь. Я пустился в необъятную и твердую положительную, субъективную сферу и ошалел: во-первых, по обилию предметов, или, скорее, сторон предметов, которые мне представились, и по разнообразию тонов, в которых можно выставлять эти предметы. Кажется мне, что копошится в этом хаосе смутное правило, по которому я в состоянии буду выбрать; но до сих пор это обилие и разнообразие равняются бессилию. Одно, что меня утешает, это то, что мне и мысль не приходит отчаиваться, а какая-то кутерьма происходит в голове всё с большей и большей силой. — Буду держаться вашего мудрого правила девственности и никому не покажу и предоставлю одному себе выбрать или бросить.

Не читал я ваших обеих статей, но Тургенев был в восторге от первой особенно. Где вы и что вы подделываете? Пожалуйста, напишите словечко.

Я бы больше писал вам, да у меня один глаз завязан от ячменя и писать тяжело. Тургенев на-днях должен уехать в Лондон с Некрасовым, ⁴ который теперь тоже должен быть в Париже.

Ваш Гр. Л. Толстой.

4 Мая (н. с.).

Полностью публикуется впервые. Написание этого письма отмечено в Дневнике под 22 апреля/4 мая 1857 г. (т. 47, стр. 126).

¹ Михаил Иванович Пущин (1800—1869) — декабрист, брат Ивана Ивановича Пущина, декабриста, товарища и друга Пушкина. Подробнее о нем см. т. 47, стр. 124, 125, 127 и 443—444, прим. 1667.

² Записка Пущина, о которой говорится в этом письме, не сохранилась.

³ Речь идет о повести «Казачи», которая писалась Толстым с перерывами около десяти лет (1852—1862). С 1857 г. Толстой вступает в двухлетнюю полосу пристальной работы над «Казачами». Более или менее определенно к данному году прикрепляются четыре рукописи. Первая из них есть, собственно, не изложение, а подробный конспект или план повести. Вторая рукопись отличается особенностями формы: анапестическая ритмизированная речь, полуконспект, полувзложение, разбитое в каждой главе на очень мелкие части. Третья рукопись представляет собою некоторое возвращение к первоначальной работе (но кое в чем ближе к печатному тексту). Наконец четвертая рукопись содержит одну первую главу, отчасти продолжает возврат к 1853 г., давая в новой комбинации элементы местной казачьей жизни. Подробнее см. т. 6.

⁴ Тургенев приехал из Пармжа в Лондон 12/24 мая 1857 г.

71. Гр. А. А. и Е. А. Толстым.

1857 г. *Апреля 21...23/мая 3...5. Кларан.*

Здравствуйте, милые бабушки! Я сгрустился без известий об вас. Как вы поживаете в трубе? ¹ Я несчастный человек — у меня уж 6-й день вырос на глазу ячмень исполинского размера и мучает меня так, что я лишился всех чувств, плохо вижу, плохо слышу, плохо нюхаю, и даже очень еще поглупел, как мне это не было трудно. Но, должно быть, вследствие последнего обстоятельства, чувствую себя в отличном расположении и очень думаю о вас и алкаю вас видеть. Позовите меня к себе в гости на соловьев или приезжайте сюда с трубочистами. Прощайте, от души жму вам руку. Сделайте от меня какую-нибудь авантю ² ТРУБЕ.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Рукой М. И. Пущина:

Совсем не то вам говорит граф: мы все очень довольны его страданиями, страданиями потешными и забавными; для своего ячменя он три раза посылал за доктором, и, конечно, непрочь бы от того, чтобы к нему приехала моя сестра по Дивееву, ³ или сестра сестры ⁴ avec la tante Baba ⁵.

Рукой Толстого:

И баба и нана и кака и тата и саса и папа и все гласные. Пущины, несмотря на помрачение всех моих чувств, призрели меня сироту и кормят апельсинами и добрыми словами. Между

прочим, оказалось в моем пансионе 3 англичанки молодые, румяные и с усами, и бойкие ужасно. Мы с Рябининым ⁶ два раза посыпали их персидским порошком, но не действует. ⁷ Еще новость: Кетерер, ⁸ оказывается, — не содержатель пансиона, а Константин Павлович. ⁹ Он представил документы, и теперь дело разбирается в Лозане. ¹⁰ Предварите А. Ф. ¹¹ Написал бы еще, но некогда: бегу в суд, где разбирается дело.

Рукой М. И. Пущина:

Не дал мне кончить начатого граф и взял перо, чтобы позабавить вас, милая графиня. Я, как более сурьезный человек, желаю только знать, есть ли для нас надежда вас видеть в наших местах с княжнами. Мы думаем еще недели три здесь пробыть. Michel Рябинин 21 числа едет с Мещерским ¹² в Париж, князь едет туда несколько дней раньше pour préparer les voies, ¹³ — несколько дней после них и мы отправляемся в Vichy ¹⁴. Очень мне жаль, ежели более вас не увижу до Петербурга. Брат мой Иван Иванович ¹⁵ просит отпуска за границу, и ежели его отпустят, то мы с ним, вероятно, съедемся в Карлсбаде, чтобы вместе возвратиться домой. Вчера на несколько часов заезжал Тотлебен ¹⁶ из Lion ¹⁷, опять усканал в Париж и уже сюда более не приедет; я с ним опять встречусь в Кисингене. Поручаю себя дружбе вашей и всегда сохраняю к вам чувства Дивеевского брата.
М. Пущин.

Рукой Толстого:

Кетерер, или вернее К[онстантин] П[авлович], говорит, что ежели А. Ф. не сдастся на капитуляцию в продолжение первой четверти месяца, он возьмет и приступит, и В. и всё и вся погибнут!!! Это очень серьезно. Он требовал моего участия, я отказался по родству с вами. Мих[аил] Ив[анович] тоже — по болезни жены; но Тотлебен, которого он выписал, должен нынче открыть траншею.

Письмо написано совместно с М. И. Пущиным.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 75—76. Дата определяется содержанием и записями в Дневнике под 15/27 апреля и под 17/29 апреля 1857 г. (т. 47, стр. 125).

Гр. Александра Андреевна Толстая (1817—1904) — дочь полковника гр. Андрея Андреевича Толстого (1791—1871), родного брата деда Льва Николаевича, Ильи Андреевича Толстого, и Прасковьи Васильевны, рожд. Барыковой (1796—1879), двоюродная тетка Толстого. См. т. 47, стр. 316—317.

Весной 1867 г. А. А. Толстая и ее сестра Елизавета Андреевна Толстая проживали в Женеве вместе с семьей в. к. Марии Николаевны. Толстой был осведомлен об их пребывании в Женеве и потому отправился к ним в первый же день своего приезда в этот город, 9 апреля, но не застал их дома (см. его письмо к Тургеневу № 65).

¹ «Трубой» Толстой называл великокняжеский двор вообще и, в частности, двор в. к. Марии Николаевны, где жила А. А. Толстая. См. письма А. А. Толстой к Л. Н. Толстому (ПТ, стр. 85).

² От французского *avanie* — обида, неприятность.

³ Дивеево — село Ардатовского уезда Нижегородской губернии, известное бывшим здесь женским монастырем.

⁴ Сестра А. А. Толстой — Елизавета Андреевна Толстая.

⁵ [С тетушкой Баба], т. е. с тетушкой «бабушкой», так как Толстой называл А. А. Толстую в шутку бабушкой, а она приходилась ему двоюродной теткой.

⁶ Михаил Андреевич Рябинин.

⁷ Повидимому, эти англичанки проживали вместе с Толстым в пансионе Кетерера. О них он записал в Дневнике под 21 апреля/3 мая. 22 апреля/4 мая и 23 апреля/5 мая, см. т. 47, стр. 126.

⁸ Кетерер — содержатель пансиона в Кларане, где жил Толстой весной и летом 1857 г. Этот пансион сохранился до последнего времени.

⁹ Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, второй сын Павла I.

¹⁰ Лозанна — главный город Ваадского кантона, на северном берегу Женевского озера, один из наиболее важных центров Швейцарии.

¹¹ Александра Федоровна (1798—1860) — жена Николая I, дочь короля прусского Фридриха Вильгельма.

¹² Кн. Петр Иванович Мещерский (1801—1876), живший с семьей в Швейцарии. Был женат (с 1828 г.) вторым браком на Екатерине Николаевне Карамзиной (1805—1867), старшей дочери историкографа. Толстой часто навещал Мещерских, живших неподалеку от него в Ле Бассе. Подробнее см. т. 47, стр. 444—445, прим. 1669.

¹³ [чтобы подготовить почву,]

¹⁴ [Виши.]

¹⁵ Иван Иванович Пущин (1798—1859) — декабрист, друг Пушкина, возвращенный из сибирской ссылки в 1856 г.

¹⁶ Эдуард Иванович Тотлебен (1814—1884) — военный инженер, впоследствии граф и генерал-фельдмаршал. В Севастопольскую войну был главным начальником оборонительных работ.

¹⁷ [Лиона,]

* 72. Т. А. Ергольской.

1857 г. *Апреля 27/мая 9. Кларан.*

9 Мая
27 Апреля. Clarens. —

Il y a peu de jours que je vous ai écrit, chère tante, mais je profite de l'occasion pour vous écrire encore quelques mots. L'occasion c'est des ordres que j'ai à donner à Basile et que je vous prierais, chère tante, de lui transmettre. — Mon traitement dont je vous ai parlé je crois va finir demain, je me porte parfaitement bien,

le printemps est dans toute sa beauté. Je loge dans la même maison avec plusieurs Russes, entre autre les Poustchines mari et femme. Ce sont des gens de 50 à 60 ans tous les deux et les meilleurs gens du monde. И мы очень полюбили друг друга. Mes occupations ne vont pas aussi bien comme je l'espérais car le pays et la saison sont tellement belles, qu'il est impossible de rester à la maison. Et nous faisons tous les jours deux ou trois promenades à pied et en bateau et en voiture. — Несмотря на то, что здесь хорошо, souvent je pense à Ясное et je vous assure, que je regrette de ne pas y être. В нашем флигеле сирени, березы, соловьи. Ici le pays et surtout le lac de Genève qui est d'un bleu superbe sont admirables, mais le printemps n'est nulle part aussi beau que chez nous. Как мои перемены перед домом — не гадко? по правде? Adieu, chère tante, целую ваши ручки; в Сентябре ежели буду жив, то буду с вами. Dites à Serge, s'il est avec vous, que j'ai chargé Nekrassoff, qui est chasseur et qui est allé à Londres, de m'acheter des chiens, qu'il m'envoie de l'argent, j'en ferais acheter pour lui.

На гончих пару 100 р. сер., а борзые очень дорого. Ежели он хочет и может, то пусть пришлет 300 р.; я столько же от себя положил, потом мы разделим. — J'embrasse Serge et je le prie de penser à Щербачовка et d'engager Nicolas à la vendre. — Si en revenant en automne, je pouvais avoir l'argent, qui me reviendra de la vente, cela aurait été parfait pour moi. Autrement tous mes plans seraient renversé de nouveau.

На конверте:

Russie. Toula. Mademoiselle Iergolsky. В город Тулу.

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.

Несколько дней тому назад я писал вам, дорогая тетенька, теперь пользуюсь случаем, чтобы написать еще несколько слов. Случай этот — мои приказания Василию, которые прошу вас, милая тетенька, ему передать. — Лечение мое, о котором я, кажется, вам говорил, кончится завтра, я совершенно здоров, весна во всей своей красе. Живу в одном доме с несколькими русскими, между прочим, муж и жена Пушкины. Обоим лет между 50-ю и 60-ю, и они милейшие люди на свете. И мы очень полюбили друг друга. Занятия мои идут не так хорошо, как я надеялся, но и край этот в время года так прекрасны, что не усидишь дома. Каждый день мы совершаем по две, три прогулки пешком, в лодке и в экипаже. — Несмотря на то, что здесь хорошо, часто вспоминаю Ясное и, уверяю вас, жалею, что я не там. В нашем флигеле сирени, березы, соловьи. Здешний край и в особенности удивительно синее Ясневское озеро очаровательны, по

нигде нет такой хорошей весны, как наша. Как мои перемены перед домом — не гадко? по правде? Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки, в сентябре, ежели буду жив, то буду с вами. Ежели Сережа с вами, скажите ему, что я поручил Некрасову, который поехал в Лондон, он сам охотник, купить мне собак; пусть он мне вышлет деньги, я поручу купить и ему. [*Далее русский текст.*] — Целую Сережу и прошу подумать о Щербачовке и уговорить Николеньку ее продать. — Ежели по возвращении осенью я получил бы деньги от продажи, было бы прекрасно. Иначе все мои планы опять рухнут.

На конверте почтовый штемпель «10 mai, 57» [«10 мая, 57»]. На обороте конверта рукой Т. А. Ергольской написано: «4-ème lettre de Clarens» [«4-е письмо из Кларана»].

73. В. П. Боткину и А. В. Дружинину.

1857 г. Мая 1/13. Кларан.

Я писал вам два письма, любезные друзья, в Россию, ¹ извещая вас о том, что я из Парижа по разным моральным причинам уехал и поселился на берегу Женевского озера в Canton de Vaud, Clarens, Pension Ketterer ² (так пишите мне). Но как кажется, судя по вашему последнему письму, ³ я опоздал и вы не знаете, где я. Планов у меня как и при выезде, так и до сих пор нет никаких; но предполагаю, что останусь здесь долго, во-первых, потому, что тут прекрасно мне жить, а во-вторых, потому, что денег у меня очень мало, и до получения из деревни и не хочу рисковать остаться без гроша, предпринимая поездки. Одну я могу сделать, это поездку к вам во Флоренцию, ежели вы не намерены приехать сюда и пробудете там долго. Как мне и головой и сердцем хочется вас видеть обоих, милые друзья, об этом, я думаю, бесполезно говорить. Сошелся я тут с кой какими русскими, несколько ничем не замечательными людьми, но милыми и добрыми, притом весна, и я, хотя говорю себе, что надо, надо работать, и чувствую, что надо, ничего не делаю, а шляюсь то пешком, то в лодочке по всем берегам озера. Нынче только вернулся из путешествия по Савое. Два восхитительные дня! ⁴ Я даже, ежели вы потребуете меня к себе во Флоренцию, думаю пойти пешком. С вами ли Григорович? Это грустно, ежели его нет. Судя по последнему письму Тургенева, он должен быть теперь в Лондоне вместе с Некрасовым. — Так до свиданья.

Ваш Гр. Л. Толстой.

1/13 Мая.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 24—25, как письмо к одному Боткину.

На обороте второго листа письма, свободном от текста, рукою Толстого в разных направлениях написано: «Voie de France, par la voie de France, en Savoie». Год определяется содержанием и записью в Дневнике Толстого под 1/13 мая 1857 г., т. 47, стр. 128.

¹ Два письма В. П. Боткину из-за границы — это № 59 и № 64, написанные Толстым из Парижа. Последнее письмо, как предполагает Толстой ниже, не застало А. В. Дружинина и В. П. Боткина на месте, так как оба они в середине апреля выехали за границу во Флоренцию.

² [Кантон де Воо, Кларан, пансион Кеттерера]

³ Письмо В. П. Боткина к Толстому неизвестно.

⁴ 28 апреля/10 мая Толстой поехал из Кларана в Женеву, а 30 апреля/12 мая выехал в Кларан, но обратный путь Толстой совершил, вместе с М. И. Пущиным, по южному савойскому берегу Женевского озера, причем, доехав до Тонона, небольшого городка с целебными минеральными источниками, путники отправились пешком до Амфиона — местечка с железистыми водами в 5 километрах от Тонона, где переночевали, а наутро, выйдя в 6 часов, в 9 часов были в Мейери — местечке на южном берегу Женевского озера (в 12 километрах от Вева), а из Мейери на лодке через Женевское озеро в Кларан и прибыли на место 1/13 мая в 12 ч. дня.

74. Гр. А. А. и Е. А. Толстым. *Неотправленное.*

1857 г. Мая 1/13. Кларан.

Виноват, милые бабушки, что не простился с вами. — Беда связаться с молодыми людьми! Мы сделали с М[ихаилом] П[вановичем] ¹ восхитительную прогулку вчера и нынче. ² Мы шли до позднего вечера этими душистыми, задумчивыми савойскими дорогами. Два мальчугана несли наши практические мешки, и всю дорогу, распевая, лепетали нам про разные предания и привидения в замках и т. п. А мы себе молчали, нюхали, слушали и дышали. Природа больше всего дает это высшее наслаждение жизни, забвение своей несносной персоны. Не слышишь, как живешь, нет ни прошедшего, ни будущего, только одно настоящее, как клубок ³ плавно разматывается и исчезает. — Уж совсем темно мы пришли в Amphion и думали, что придется ночевать в какой-нибудь вонючей харчевне, и вдруг открываем на самом берегу озера, в полумраке, прелестный сад и величественный дом, — а вместе живописный, грациозный — прелесть! У крыльца нас встретили в темноте 3 огромные белые терьера ⁴ и одна служанка. Что за вид ночью

при сумрачном небе, сквозь шелки которого кое-где вырывается свет месяца, над озером, с терасы — чудо! Мы с М[ихаилом] П[вановичем] поужинали, вышили, помузицировали и решили, что мы просто счастливые люди. Поезжайте туда, когда только будет возможность, и дайте нам rendez vous туда — непременно. —

Ваш Калам,⁵ бабушка Лиза, показался мне ограниченный человек, и даже с некоторою тупизною; но чрезвычайно почтенный и талант громадный, который я не умел ценить прежде. Поэзии во всех его вещах бездна, и поэзии гармонической. Вообще, или у него ума мало отпущено на талант, или талант задавил ум, — он себя определить не может. Но этих людей только и можно любить. От этого-то и вы его любите.

Прощайте, милые бабушки, от души жму ваши руки, напишите словечко.

Ваш Гр. Л. Толстой.

1/13 Мая.

Впервые напечатано в ПТ, стр. 74—75.

¹ М. И. Пущин.

² Об этом путешествии см. предыдущее письмо, прим. 3.

³ *Зачеркнуто*: медленно

⁴ Тернев — крупная порода собак, известная у нас более под именем ньюфаундлендских.

⁵ Калам (1810—1864) — швейцарский художник-пейзажист, изображавший в своих многочисленных картинах преимущественно виды родной природы.

* 75. Т. А. Ергольской.

1857 г. Мая 6/18. Кларан.

6/18 Мая.

Je viens de recevoir votre lettre, chère tante, qui m'a trouvé comme vous devez le savoir d'après ma dernière lettre aux environs de Genève à Clarens, dans ce même village où a demeuré la Julie de Rousseau.¹ — Je n'essayerais pas de vous dépeindre la beauté de ce pays surtout à présent quand tout est en feuilles et en fleurs; je vous dirais seulement qu'à la lettre il est impossible de se détacher de ce lac et de ses rivages et que je passe la plus grande partie de mon [temps] à regarder et à admirer en me promenant ou bien en me mettant seulement à la fenêtre de ma chambre.

Je ne cesse de me féliciter de l'idée que j'ai eu de quitter Paris et de venir passer le printemps ici, quoique cela m'aie mérité de votre part le reproche d'inconstance. Vraiment je suis très heureux² и начинаю чувствовать выгоды в рубашечке родиться. Il y a ici une société charmante de Russes,³ les Пушкин, les Карамзин, les Мещерский и все, Бог знает за что, меня полюбили, я это чувствую, и мне так тут было мило, хорошо, тепло этот месяц, что я провел, что грустно думать об отъезде. Toutes ces familles s'en vont dans huit jours et si mes amis Боткин et Дружинин ne viennent, pas ici, j'irais les rejoindre à Florence. J'attends leur reponse. — Adieu, chère tante, je baise vos mains.⁴ Мне кажется, как будто вы мной недовольны по вашему письму, и мне это было грустно; ежели я виноват (и во многом я виноват перед вами), то простите меня за то, что я вас всегда, и теперь особенно, люблю изо всех сил, как вы говорите. —

Я ничего не получаю от старосты, и это меня, признаюсь, и огорчает и злит; пожалуйста прикажите ему. Что ему трудного каждый месяц писать одно письмо? Да еще велите ему поскорее высылать деньги, о которых я писал. Ежели Валерьяна нет в Москве, то можно передать их банкиру через Рябинина, т. е. адресовать деньги Алексею Андреевичу Рябину⁵ в Москву, в Уланском переулке, в д. бывшем Тургенева, с просьбой взять на них вексель у Брандебурга⁶ и выслать мне в Женеву. Ему, кроме того, об этом писано, и он знает.

На конверте:

Russie. St. Petersbourg. Ее Высокоблагородно Татьяна Александровне Ергольской. В г. Тулу.

Впервые опубликовано (только в переводе, с датой «18 мая») в Бир. XXI, стр. 153. На обороте конверта рукой Т. А. Ергольской: «23 мая 1857 года».

Письмо Т. А. Ергольской, на которое отвечает Толстой, не сохранилось.

¹ Героиня романа Руссо «Новая Элоиза» (1759).

² [Только что получил ваше письмо, дорогая тетенька, которое, как я писал вам в своем последнем письме, застало меня в окрестностях Женевы, в Кларане, в той самой деревне, где жила Юлия Руссо. — Не стану пытаться описывать вам красоту этой местности, особенно в эту пору, когда всё в листьях, всё в цвету, скажу только, что положительно нельзя оторвать глаз от этого озера, от его берегов и что большую часть времени я провожу, любясь этой красотой, либо гуляя, либо просто из окна своей

комнаты. Не переставая, радуюсь, что решил уехать из Парижа и провести здесь весну, хотя этим и заслужил ваш упрек в непостоянстве. Действительно, я необыкновенно счастливый]

³ [Тут премилое общество русских.]

⁴ [Все эти семьи уезжают через восемь дней, и ежели мои друзья, Боткин и Дружинин, не приедут сюда, я поеду во Флоренцию к ним. Жду их ответа. — Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.]

⁵ Алексей Андреевич Рябинин, брат М. А. Рябина.

⁶ Франц Михайлович Бранденбург, коммерции советник, член московского отделения Мануфактурного совета.

* 76. Т. А. Ергольской.

1857 г. Мая 17/29. Интерлакен.

Je vous écris d'Interlaken, où je suis arrivé ce soir et que est connu pour être le plus beau pays de la Suisse. Autant que j'ai pu l'admirer ce soir, je crois que c'est vrai. Je vous ai déjà parlé, chère tante, de la charmante société Russe avec laquelle j'ai passé ces 2 mois au bords du lac de Genève; mais ce n'est qu'à présent quand j'en suis séparé que je sens combien j'ai été heureux de me rencontrer avec gens de comme eux et melier avec eux. ¹

Просто на подбор превосходные люди все. 1) Пущин — старик 56 лет, *бывший разжалован* за 14 число, служивший солдатом на Кавказе; самый откровенный, добрый и всегда одинаково веселый и молодой сердцем человек в мире и притом высокой христианин; 2) его жена — вся доброта и самопожертвование, очень набожная и восторженная старушка, но еще очень свежая. Потом Рябинин, которого Сережа знает, добрейший старый холостяк, который живет только для своих друзей и самый веселый товарищ. Эти три лица так любят друг друга, что не разберешь, кто чей муж и чей брат. С ними я жил в одном доме и проводил целые дни. Потом соседи наши за версту, Князь и Княгиня Мещерские (урожденная Карамзина), немножко аристократы, но чрезвычайно добрые люди; у них 15-ти летняя дочь, ² красавица, добрая и славная барышня, и, наконец, сестра Мещерской Лиза Карамзина, ³ старая барышня, лет за 30, обожающая свою племянницу, свою сестру, своего зятя и всех на свете. Я ее шутя прозвал — пример самоотвержения, и действительно ей подобную я знаю только вас в этом роде. Сверх этого наши частые гости из Женевы были Толстые, ⁴ про которых я вам говорил, и священник ⁵ наш молодой, но умный —

образованный и поучительно прекрасной жизни человек и всех наш духовный отец, которого я полюбил душевно и который, надеюсь, полюбил меня немного. Но невозможно рассказать вам, как дружно, просто, мило и весело мы проводим время в этом прелестном краю и в лучшее время года.

Теперь все разъехались, и я не мог оставаться один, взял с собой молодого мальчика Поливанова,⁶ которого мне поручила мать, и пошел пешком ходить по Швейцарии. Я прошел уже 3 дня, верст 100.⁷ Я, слава Богу, здоров, но признаюсь, грустно вспомнить о-прошедших чудесных 2 месяцах, которые останутся одним из лучших воспоминаний моей жизни. — Прощайте, chère tante, целую ваши руки. Пишите мне к Кетереру в Clarens, я же буду писать часто, вы мне обещали отвечать, а ваши письма, хоть вы и не хотите верить этому, для меня истинная и большая и радость [и] польза.

Прощайте, голубчик тетинька, до свиданья, в Сентябре я все-таки думаю, коли Бог даст, быть в России.

Что Сережа? которого я обнимаю. Хотя он и будет смеяться над моим письмом, я все-таки стою на своем, что отлично можно жить за границей. —

Прикажете пожалуйста мне выслать поскорей деньги, я уже занял. —

17
—
29 Мая.

Интерлакен.

На конверте:

Russie. Toula, par St. Petersbourg. В г. Тулу. Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне *Ергольской*.

На обратной стороне конверта рукой Т. А. Ергольской помечено: «Получила 1-го июня».

¹ [Пишу вам из Интерлакена, куда я приехал сегодня вечером. Город этот считается самым красивым в Швейцарии, и я думаю, это верно, поскольку я мог любоваться им в этот вечер. Я уже сообщал вам, дорогая тетенька, о том замечательном русском обществе, с которым я провел эти два месяца на берегу Женевского озера; но как я был счастлив встретиться и поселиться с подобными людьми, я это чувствую только теперь, когда я в разлуке с ними.]

² Екатерина Петровна Мещерская.

³ Елизавета Николаевна Карамзина (1821—1891).

⁴ А. А. и Е. А. Толстые.

⁵ Настоятель русской церкви в Женеве А. Петров. В ГТМ сохранилось его письмо к Толстому от 3/15 октября 1857 г.

⁶ Александр Константинович Поливанов, впоследствии служил в лейб-гвардии конном полку и с 1873 г. состоял в отставке.

⁷ Путешествие это в глубь Швейцарии с одиннадцатилетним Сашей Поливановым Толстой совершил налегке с рюкзаком за спиной, не имея определенного маршрута. Первоначально Толстой направился на Фрейбург отчасти с целью послушать в местном соборе знаменитый орган; но затем его привлекла мысль посетить Бернский Оберланд, и он свернул в сторону Интерлакена. Всё путешествие заняло одиннадцать дней — с 27 мая по 6 июня (н. с.) и охватило довольно значительный круг местностей: Шато д'Интерлакен, Шейдек, Тун, Берн, Фрейбург. Первая часть пути была пройдена пешком, а затем, утомившись, путешественники пользовались большею частью экипажами, дилижансами и даже лодками — по озерам. Во всё время путешествия Толстой вел Дневник (см. т. 47); не довольствуясь этими краткими записями, он пытался изложить свои путевые впечатления в литературно обработанной форме. См. «Отрывок дневника 1857 года. (Путевые записки по Швейцарии)», т. 5, стр. 192—214.

* 77. Гр. М. Н. Толстой.

1857 г. Июня 12/24. Кларан.

...[гувернан]тки с немецким и французским и отличной пуританской нравственности за даром — 600 фр. Я уж думал предложить выслать вам отсюда. Валерьян бы увидал свою милую Венецию.

Ради Бога, ради Бога сделайте это. Это кажется страшно, а всё так просто, легко и дешево. О себе скажу, я здоров, резиденция моя Женевское озеро, но с месяц с тех пор, как уехали мои друзья русские, Мещерские и Пушины, с которыми я сошелся тут, я пешком делаю экскурсии в Швейцарию, Савою и даже на-днях в Пьемонт. Я ходил и ездил частью в Турин через Mont Cénis¹ и вернулся через St. Bernard² навстречу Дружинину и Боткину, которые теперь со мной.³

Тургенев был в Лондоне, ему лучше, потом в Дрездене и оттуда поехал куда-то на воды⁴ на-днях, откуда еще не получал его письма и адреса. —

Прощай, милый друг, пожалуйста выпишывай меня. А может, и Николинька⁵ подъедет да поедет с нами? —

Начало письма утеряно. Год определяется содержанием.

Письмо написано в один день с письмом к Т. А. Ергольской от 12/24 июня, из содержания которого ясно, что оба эти письма были отправлены в одном конверте на имя Т. А. Ергольской (см. п. № 78). Текст письма к

Т. А. Ергольской отчасти восстанавливает утерянное начало данного письма. В нем Толстой «усиленно уговаривал» М. Н. Толстую «ехать за границу».

¹ [Монт Сени]

² [Сен-Бернар]

³ Об этом путешествии Толстого см. прим. 2 к п. № 78.

⁴ И. С. Тургенев поехал в Зиндиг (Рейнская провинция).

⁵ Н. Н. Толстой.

* 78. Т. А. Ергольской.

1857 г. Июня 12/24. Кларан.

Pardon, chère tante, si pour ¹ cette fois, je ne v-s écris, que quelques môts. Je viens de retourner d'un charmant voyage en Piémont ² que je viens de faire à la rencontre de Botkine et Drouchinine, qui sont à présent avec moi. J'ai reçu votre dernière lettre qui m'a fait plaisir et beaucoup de peine pour la chère Marie. Sa santé va mal. Je lui écris une longue lettre dans laquelle je l'engage très fort à aller à l'étranger. Cependant comme je pars tout de suite pour une promenade et qu'on m'attend j'aime mieux envoyer la lettre de Marie à vous. Vous la lirez et l'enverrez chez elle. ³ J'espère que vous m'aidez à l'engager à accepter ma proposition. —

Adieu, je baise mille fois vos mains, chère tante. Vous recevrez un paquet de sculptures en bois de la Suisse que j'ai envoyé à votre nom. — J'ai cru que ces petites choses vous feraient plaisir. —

Votre Léon.

$\frac{12}{24}$ Juin.

Clarens.

J'embrasse Serge et attends sa lettre.

Простите, дорогая тетенька,¹ что на этот раз пишу только несколько слов. Только что вернулся с прелестной поездки в Пьемонт, ² куда я отправился навстречу Боткину и Дружинину, которые теперь со мной. Получил ваше последнее письмо, которое меня обрадовало и очень огорчило известием о милой Машеньке. Ее здоровье плохо. Пишу ей длинное письмо, в котором усиленно уговариваю ее ехать за границу. Но так как я сейчас ухожу на прогулку и меня ждут, предпочитаю послать письмо вам. Вы прочтите его и перешлите ей. ³ Надеюсь, что вы поможете мне уговорить ее принять мое предложение. —

Прощайте, тысячу раз целую ваши ручки, дорогая тетенька. Вы получи-

те от меня посылку швейцарских вещей, точеных по дереву. Думаю, что они доставят вам удовольствие. —

Ваш Лев.

12/24 Июня. Кларан.

Целую Сережу и жду его письма.

¹ В автографе ошибочно вместо: *roug* написано: *de*

² 31 мая (12 июня) Толстой выехал на пароходе из Кларана в Женеву, откуда 1/13 июня в 6 часов утра выехал в Пьемонт навстречу В. П. Боткину и А. В. Дружинину.

Свой путь Толстой совершил через Шамбери. Пройдя пешком Монсенинский перевал, Толстой продолжал путь в дилижансе, приехав в 12 часов 3/15 июня в Турин, где в это время жили А. В. Дружинин и братья Боткины, Василий и Владимир Петровичи. См. записи в Дневнике под 3/15 и 4/16 июня 1857 г., т. 47, стр. 134 и 135.

5/17 июня Толстой, Владимир Петрович Боткин и Дружинин отправились в Кларан следующим путем: из Турина в Кивассо, пообедав в Ивре, двинулись дальше пешком по Аостской долине до деревни Понте-Сан-Мартино, в 17 километрах от Ивре, и там остановились на ночлег. 6/18 июня пошли далее в Грессонаэ. На следующий день (7/19) путники не могли двинуться дальше из-за дождя. 8/20 июня, поднявшись от Сан-Мартино вверх по долине реки Грессонаэ, дошли до деревни Трините. Пройдя от нее несколько километров к северу, в направлении к горному массиву Монте-Роза, и дойдя до часовни, от которой начинается крутой подъем, повернули обратно и перевалили через горный хребт, разделяющий долину реки Грессонаэ от долины реки Эвансон, спустившись в эту долину и дойдя по ней до деревни Бюссон, опять пересекли другой перевальный горный хребт и снова вышли в Аостскую долину у деревни Сен-Винцент.

Далее путники пошли в Шамбаву — деревушку в Аостской долине, известную своими виноградниками. 9/21 июня из Шамбавы в арбе до Аосты. Отдохнув в Аосте, двинулись дальше до Сен-Реми — деревушки у подножия Сен-Бернара, где остановились на ночлег. Наутро (10/22 июня), выйдя в 6 часов утра, двинулись дальше, делая спуск по Этремонской долине в сторону Швейцарии, частью на тележке, частью пешком до Орсьер, отсюда пешком до Эвюнна — деревушки на берегу Роны, в 9 километрах от Мартиньи. Здесь заночевали в простой народной гостинице.

11/23 июня, встав в 7 часов, поехали в дилижансе до Вильнев — небольшого городка в 7 километрах от Кларана; далее на лодке до Кларана.

³ См. предыдущее п. № 77 и прим. к нему.

79. В. П. Боткину.

1857 г. Июня 17/29. Кларан.

Clarens, 29 июня.

Так-то, драгоценный Василий Петрович! У нас хорошо; но уже на кончике — все разъезжаются, и я, кажется, вас не дождусь. Увы! а через Берн, Люцерн, Шафгаузен хвачу

на Рейн и по Рейну в Голландию, Гагу, оттуда в Лондон и к вашему промежутку лечения (который вы, как кажется, проведете в Париже) в Париж. Дай только Бог вас там найти танцующим и розовым; а оттуда осенью, может быть, вместе поехали бы на юг; я нарочно берегу его — авось придется объехать с вами. Нынче ночью мы с вашим братом ночевали в Лозанне ¹ — по случаю девок. Оказывается, что там совершенно французские развратные нравы. Даже так легко, что противно, и вследствие того я вернулся чист, ваш брат тоже. —

Получил от Анненкова письмо, ² он здоров, скучает в Симбирске и вам кланяется. Про Тургенева ни слуху ни духу. Я завтра думаю выехать и в Париже ³ буду через месяц. Мой адрес будет Rue de Rivoli, 206. Ежели вы раньше меня приедете, попробуйте тоже там стать. Там пансион недорог и хорош и центр города. Дружба Дружинина с немцем действительно представляет трогательное явление; они друг на друга не нарадуются, находя в себе все одинаковые вкусы. У меня же 5-й день боль головы и спины, и какая-то нашла мерехрюндия. Нет, нет и грустно, всё куда-то тянет, чего-то хочется. Как песенка Béganger ⁴ есть: Le bonheur — «Le vois tu bien là bas, là bas!» ⁵ — Вот и валяю là bas в Антверпен и Лондон. ⁶ Впрочем это беспокойство пригодно к путешествию и само вытекает из положения не нормального, путешественника. Прощайте, дорогой друг, на месяц, а может, приеду навестить вас, вы правду говорите, что на мои планы рассчитывать нельзя, я сам на них не рассчитываю. Прощайте, от души обнимаю вас. ⁷

Совместное письмо А. В. Дружинина, Л. Н. Толстого и Вл. П. Боткина. Публикуется только текст Толстого. Дата рукой Дружинина, далее идет его текст.

Тексты всех трех писем впервые опубликованы в ТПТ, 4, стр. 30—32.

Письмо Толстого является ответом на письмо Вас. П. Боткина от того же числа из Aix le Bains (см. ТПТ, 4, стр. 26—28).

¹ В Лозанне Толстой с Вл. П. Боткиным были на народном балу в казино.

² Письмо П. В. Анненкова к Толстому не сохранилось.

³ В автографе описка: Парижу.

⁴ Пьер-Жан Беранже (1780—1857) — французский поэт.

⁵ [Счастье — «Видишь ли ты его там, там!»]

⁶ Маршрут пути сложился иначе: 18/30 июня Толстой выехал в Женеву, пробыв два дня в Женеве, 22 июня /4 июля поехал в Берн; 24 июня/6 июля был в Люцерне; 8/20 июля — в Цюрихе; 9/21 июля — Шафгаузен;

11/23 июля — Штутгартен; 12/24 июля — Баден, где проигрался в рулетку и не смог осуществить намеченного ранее маршрута (см. прим. 1 к п. № 85); 22 июля /3 августа — Франкфурт; 24 июля /5 августа — Дрезден; 26 июля /7 августа — Берлин; 27 июля /8 августа — Штетин и 30 июля /11 августа в Петербурге.

⁷ Далее Вл. П. Боткин описывает свое с Толстым пребывание на народном балу в Лозанне.

80. Т. А. Ергольской.

1857 г. Июня 26/июля 8. Люцерн.

8 Juillet. Luzerne.

Je crois vous avoir écrit, chère tante, que je suis parti de Clarens, avec l'intention d'entreprendre un assez grand voyage par le nord de la Suisse le Rhin, et la Hollande en Angleterre. De là je compte de nouveau passer par la France et Paris et ou mois d'Août passer quelque temps à Rome et Naples. Si je supporte les trajets sur mer, ce que je verrais à mon passage de la Haye à Londres je crois revenir par la Méditerranée, Constantinople, la mer Noire et Odessa. ¹ — Mais tout cela ne sont que des plans, que je ne réaliserais peut-être pas, à cause de mon humeur changeante que vous me reprochez avec raison, chère tante. Je suis arrivé à Luzerne — c'est une ville au nord de le Suisse pas loin du Rhin et déjà je retarde mon voyage pour pouvoir passer quelques jours dans cette délicieuse petite ville. Dans tous les cas dans un mois ou tout au plus six semaines je crois être à Paris, où j'ai donné rendez-vous à plusieurs amis et où j'ai fait adresser mes lettres. Si Marie me répond à Paris en acceptant ma proposition je pourrais remettre mon voyage en Italie et tout de suite, dans 6 jours après la réception de sa lettre être à Ясное et Покровское. — Je suis de nouveau tout à fait seul, et je vous avouerais que très souvent la solitude m'est pénible, car les connaissances qu'on fait dans le hôtels et les chemins de fers, ne sont pas des ressources; mais cet isolement a du moins le bon côté de me pousser au travail. Je travaille un peu; mais cela va mal comme d'ordinaire en été. Ma santé n'est pas mauvaise, mais aissi elle n'est pas tout-à fait bonne. A cause des grandes chaleurs et des voyages continuels que j'ai fait j'ai eu des maux de tête и приливы крови; mais depuis que j'ai cessé de boir du vin du thé, du café et que je mange moins de viande, je me sens bien. Право, этот шут Троицкой ² — славный доктор, всё, что он мне говорил,

правда, даже зейдлицикие порошки его я снова стал пить. Одно у меня осталось неприятная вещь — это расширение жил в ногах, которые я натрудил усиленными походами по горам и в жар. — Que vous dirais-je encore, chère tante, de mon état physique et moral? Si je ne sentais pas que les voyages me sont utiles sous beaucoup de rapports, et que je ne perds pas mon temps ici, il y a un mois, que je sera revenu en Russie. ³ В гостях хорошо, а дома лучше, особенно уж в мои года и так и тянет домой к вам под крылышко. Но уж так как я здесь и положил себе до осени ездить и деньги есть, то хочу воспользоваться сколько можно. — Adieu, chère tante, je baise mille fois vos mains et attends des lettres de vous à Paris, poste restante. ⁴ Разумеется, обнимаю Сережу. Когда он мне не пишет долго, мне всё кажется, что он делает мутные глаза и язвительно трунит надо мной за что-нибудь. Тем более, что я нередко подаю поводы к тому. *Пустякиный малый*. Что Николинька? Его лень писать сначала была забавна, потом стало досадно, а теперь просто становится горько и грустно. Как в самом деле, оба любим друг друга, хотели бы быть вместе, и года проходят, что мы даже вести друг о друге не получаем.

Наташа! Уи!

8 Июля. Люцерн.

Кажется, я писал вам, дорогая тетенька, что я уехал из Кларана, намереваясь предпринять довольно большое путешествие по северной Швейцарии, по Рейну и из Голландии в Англию. Оттуда собираюсь опять проехать через Францию, Париж и в конце августа провести некоторое время в Риме и Неаполе. Ежели я перенесу хорошо путешествие по морю, что увижу по переезду из Гааги в Лондон, то думаю вернуться через Средиземное море, Константинополь, Черное море и Одессу. ¹ — Однако всё это только планы, которые я, возможно, и не выполню по переменчивости нрава, за который вы меня справедливо укоряете, дорогая тетенька. Я приехал в Люцерн — город в северной Швейцарии, недалеко от Рейна, и уже откладываю свое путешествие, чтобы провести несколько дней в этом очаровательном маленьком городке. Во всяком случае через месяц, и самое большее через шесть недель, я буду в Париже, где назначил свидание с несколькими приятелями и куда просил адресовать мне письма. Ежели Машенька ответит мне в Париж, принимая мое предложение, и отложу поездку в Италию и тотчас, 6 дней спустя по получении ее письма, могу быть в Ясном и Покровском. — Я опять в полном одиночестве и сознаюсь, что временами мне это тяжело; знакомства в гостиницах и по железной дороге не идут в счет; но одиночество имеет ту хорошую сторону, что толкает меня на работу. Я занимаюсь повемногу, но, как обычно, летом плохо идет. Здоровье мое нешлохо, но и не совсем хорошо; из-за большой

жары и постоянных переездов у меня головные боли и приливы крови; однако с тех пор, как я перестал пить вино, чай, кофе и меньше ем мяса, чувствую себя хорошо. [*Далее см. русский текст письма.*]

Впервые полностью напечатано (только в переводе) в Бир. XXI, стр. 153—154.

¹ О том, какой маршрут предпринял Толстой для возвращения в Россию, см. прим. 6 к п. № 79.

² Тульский врач А. Троицкий.

³ [Что же вам еще сказать, дорогая тетенька, о своем физическом и нравственном состоянии? Ежели бы я не сознавал, что мое путешествие мне полезно во многих отношениях и что я не теряю здесь времени, я вернулся бы в Россию уже месяц тому назад.]

⁴ [Прощайте, дорогая тетенька, целую тысячу раз ваши ручки и жду ваших писем в Париж — до востребования.]

На это письмо Т. А. Ергольская ответила Толстому письмом от 16 июля 1857 г., в котором сообщала о семейной драме его сестры М. Н. Толстой.

Узнав о разводе Марьи Николаевны с мужем из не дошедшего до нас письма С. Н. Толстого, Толстой записал в Дневнике под 20 июля /1 августа: «Получил письмо от Сережи. Маша разъехалась с В[алерианом]. Эта новость задушила меня» (т. 47, стр. 148).

* 81. В. П. Боткину. Черновое.

1857 г. Июня 26/июля 8. Люцерн.

Давно уже я собирался писать вам из-за границы. Многое так сильно, ново и странно поражало меня, что мне казалось мои заметки (ежели бы я сумел искренно передать свои впечатления) могли бы быть не лишены интереса для читателей вашего журнала. — Кое что я набросал с тем, чтобы со временем, на свободе и посоветовавшись с друзьями, восстановить, ежели будет того стоить; но впечатление вчерашнего вечера в Люцерне так сильно засело мне в воображенье, что, только выразив его словами, я отделаюсь от него и что надеюсь оно на читателей подействует хоть в сотую долю так, как на меня подействовало. ¹

Из путевых записок Князя Нехлюдова.

Люцерн небольшой Швейцарской городок, на берегу озера 4-х кантонов. Недалеко от него находится гора Риги, с которой очень много видно белых гор, гостиницы здесь прекрасные, кроме того тут скрещиваются три или четыре дороги и потому

здесь путешественников бездна. Из путешественников, как вообще в Швейцарии, на 100 — Англичан 99. —

Я приехал вчера и остановился в лучшей здешней гостинице. Гостиница эта называется Швейцгергоф и построена недавно на берегу озера, даже на самом озере, на том месте, где встарину был крытый деревянный извилистый мост с католическими образами на стропилах и часовнями на углах. Теперь, благодаря огромному наезду Англичан, их потребностям и их деньгам, на месте моста сделали цокольную, прямую, как палку, набережную, на набережной построили прямые, четверугольные пятиэтажные дома, а перед домами в два ряда посадили липки, поставили подпорки, а между липками, как водится, зеленые лавочки. Это гулянье, и тут ходят чистоплотные англичанки в швейцарских соломенных шляпах, с длинными рыжими лицами и англичане, в прочном трико и пледах, и радуются своему произведению. Может быть, эти набережные и дома и липки и англичане — очень хорошо, но не здесь среди этой могущественной, странной и невыразимо гармоничной и мягкой природы. Когда я вошел наверх в свою комнатку и отворил окно на озеро, красота этого озера буквально потрясла и взволновала меня. Мне захотелось обнять кого-нибудь, кого я очень люблю, крепко обнять, прижать к себе, ущипнуть, защекотать, что-нибудь с ним или с собой сделать от радости. Меня успокоило и развлекло чувство досады и злобы на эти липки и набережную, которые среди этой неопределенной запутанной свободной красоты глупо, фокусно торчали передо мной. Это было часов в 6 вечера. Целый день шел дождик, и теперь разгуливалось. Зеленовато-лиловое, рябящееся озеро с точками лодок, волны разбегающиеся в темно-зеленые берега, озеро жметя, расходится, там болотистый тростник, там крепкой зеленой поросший лесом уступ, с дачей и развалиной замками, над уступом еще уступ лиловатый, над уступом облако, над облаком гора, опять облако, опять гора, их не сочтешь и не считаешь — это путаница природных зеленых, синих, черных теней с пятнами человеческих цветов — строений, но тонущих в общей гармонии, теряющаяся, перемешанная белолыловатая даль, над этим разорванное облачное небо, освещенное светом заката и всё залитое какой-то нежной лазурью воздуха. Бесконечное разнообразие и единство, ни одной прямой линии, ни одного цельного цвета, а миллионы теней, очертаний, все

слитые в одно, все мгновенно разом действующие на вашу душу одним звуком, одним величественным и кротким словом, и тут в начале этой картины на первом плане представьте тупую палку набережной с липками, подпорками, лавочками и англичанами. Как будто рафаелевской мадоне заклеили бы подбородок золотой каемкой. Впрочем я скоро научился смотреть через набережную и долго наслаждался этим неполным, одиноким, но тем слаще томительнейшим, созерцанием красоты природы. —

Кельнер Someiller в изящном фраке пришел на всех языках звать меня обедать в $\frac{1}{2}$ 8. Удивительная вещь Table d'hôtes англичан. Два длинны[x], прекрасно накрыты[x] стола, человек 40 мужчин и женщин, все чистоты необыкновенной, есть изящно одетые, есть красивые даже и милы[e] и женские и мужские лица. Впрочем больше Кикльбюра наполняют швейцарский Table d'hôtes. Но что замечательно — эти 40, 50 человек в продолжение часу и 8 блюд сидят и едят, очевидно стараясь есть как можно приличнее, и все мертвы, буквально мертвы. Мне всегда приходит мысль: сколько тут друзей сидят вместе рядом, может быть, которые так никогда и не узнают друг друга, сколько тут счастья, любви могут и никогда не дадут друг другу эти люди. Иногда и говорят; но ей Богу честное слово — (это слишком важно, что я скажу, чтобы говорить легкомысленно) я раз 500 слышал разговоры Англичан, говорил с ними, ежели раз я слышал живое слово, что-нибудь не о трактира[x] и вопросах и ответах, где были и как проехали и тупые толки, самая пошлая редакция газетных новостей, ежели я слышал что-нибудь другое, то пусть нападут все несчастья мира сего. Прежде я пробовал заговаривать с соседями, теперь уж убедился в бесполезности этого и занимаюсь наблюдениями. Типов миллионы, одежды тоже самые забавные, но почти все богатые. Кружева, ленты, перстни, серьги в вершок диаметра. И часто думаю, сколько бы живых женщин были счастливы этими нарядами. То ли было дело наш пансион в Париже, где мы спорили с одного конца стола на другой, резвились и после обеда тотчас принимались все, и аббат, и испанская графиня, и все танцевать la polka или играть в фанты. Но всё это не идет к делу. Дело в том, что мне, как всегда после этих обедов сделало[сь] тошно, грустно и я, недоев хорошего десерта, вышел из стола и пошел шляться. Идти за город было уже поздно, а летом в сумерки гулянье по маленькому нечистому городу совсем не увеселительно.

Запирают лавки, идут за водой, в тени проходят пьяные грубые работники, и, оглядываясь, пропыхивают около стен худые наруганные женщины в шляпках. Чем дальше я ходил, тем в душе моей и в городе становилось мрачней и мрачней. Я сам не знаю отчего, но мне стало ужасно одиноко, холодно, тяжело, как это часто бывает, Бог знает отчего, при переезде на новое место. Я, не оглядываясь ни на прохожих, ни на дома, ни на озеро, без всякой мысли пошел к дому.

Я уже шел по набережной, которую я вам описывал, как вдруг меня поразили странные и милые звуки. Я стал вслушиваться и всматриваться. Эти звуки мгновенно вызвали мое внимание; окружающая меня красота, к которой я был равнодушен, поразила меня, я заметил темну[ю] линию озера, огоньки на берегах, серое и кусками голубое небо, светившее справа, вдали мглистые горы, я услышал крики лягушек из Фрешенбурга и росистые ² свежие свисты перепелов. Прямо же передо мной на том месте, с которого слышались звуки, я увидел небольшую черную толпу народа, полукругом, а перед этим полукругом крошечного черного человечка. Сзади этой толпы и человечка на сером небе стройно и молчаливо возвышались два шпица церкви ³ и несколько черных раин. Звуки, которые я слышал, были действительно странны и милы. Это были дальние, сладко колеблющиеся в чистом воздухе, полные, бойкие, веселые акорды гитары на темп мазурки и нескольких кажущихся то близкими, то дальними звучных голосов, перебивая друг друга, не пели тему, а кое-где, выпевая самые выступающие места, давали ее чувствовать. Тема была что-то вроде лихой и грациозной мазурки. Голоса то казались близки, то далеки, то это был бас, то тенор, то тонкая фистула с тирольскими гортанными перебивками; это не была песня, а мастерской легкой эскиз песни. — Но как передать вам эту милую, легкую и поэтическую мелодию и эти сладострастные далекие звуки гитары?.. И странный вид этого одинокого, крошечного человечка среди этой фантастической обстановки темного озера и неба, просвечивающей луны и молчаливо вздымающихся двух шпицов и черных высоких раин. — Эти звуки мгновенно изменили всё, что было передо мной. Все спутанные, невольные впечатления жизни вдруг получили для меня ⁴ значение. В душе моей как бы произошло чувство наслаждения красотой и любви. Вместо усталости, рассеянья, равнодушия, которые я испытывал, я вдруг

стал полон надежд, радостей жизни. Чего мне тужить? Как мог я быть чем-то недоволен? Вот она красота, поэзия, которая обступает меня, вот оно бесконечное будущее и свободная воля, которая может нести меня повсюду и туда, где счастье. Всё мое, всё благо!

Я подошел ближе: Маленький человечек в черном сертуке и фуражке стоял, отставив маленькую ножку и закинув голову к окнам и балконам огромного дома и, брэнча гитарой, один на разные голоса, пел тирольские песни. В полукруге толпы, стоявшем в отдалении от него, были повара в белых куртках и колпаках, служанки, келнера, господа, в ⁵ дали около липок, прислонившись к одной из них, стояли две девицы с открытыми головами в светлых платьях. В громадном великолепном доме горели огни во всех этажах, на балконах стояли широкоюбные блестящие барыни и господа, блестя белейшими воротничками. Внизу у колонного подъезда стояли швейцар, дворники, еще господа. — Все почтительно молчали и слушали, только одни звуки лягушек и перепелов вторили певцу. Да вдалеке рубили что-то, и равномерные звуки топора доносились по воде. — Маленький человечек заливался, как соловей, переливая фистулой, и пел ⁶ [один] куплет за другим. Припев он повторял каждый раз несколько развязно и каждый раз отлично, видно было, что он свободно обращался с искусством. Недалеко от меня стояли повар и келнер, оба аристократы прислуги, что видно было по одежде, воротничкам, по позе и по тому, что они, отделившись от всей толпы, сообщали замечания только друг другу. Один курил сигару и при каждом бойком переливе одобрительно покачивал головой своему товарищу, товарищ поталкивал его локтем, как будто говоря: каков шельма! и вместе с тем по его подмигиванью заметно было, что он не считал нужным находить это бесспорно отличным. Как будто ему приходила мысль, что может это и нехорошо. Но все скромно молчали и в других, особенно в женщинах, я замечал признаки безусловного одобрения и довольства. На балкона[x] и в окнах Швейцергофа всё прибавлялось публики.

— Кто он такой? — спросил [я] у стоявшего подле меня господина. —

— Из Кантона Аргови, так ходит, поет, — отвечал мой господин.

— А что, много их таких ходят?

— Да, много, — отвечал он, но он не понял, что я его спрашиваю, и, спохватившись, прибавил: — о нет, он только один, которого я тут видал. Каждое лето он приходит.

В это время маленький Тиролец кончил, перевернул гитару, прокашлялся и сказал что-то, чего я не понял, но что произвело в толпе хохот. —

— Что это? — спросил я.

— Он говорит, что выпил бы, любит выпить. — *Messieurs et Mesdames*,⁷ вдруг заговорил маленький человечек полуитальянским, полунемецким акцентом, с теми интонациями, с которыми говорят фокусники к публике, *si vous croyez que je gagne quelque chose, vous vous tromperez fort, pour un pauvre homme, Messieurs et Mesdames, je vous chanterais l'air du Rigi*.⁸

В толпе засмеялись. Я дал ему несколько монет. Наверху публика молчала, но, видимо, ожидала и никто не бросил копейки, несмотря на то, что он с фуражкой подходит к окнам. Тиролец опять вскинул гитару и запел *l'air du Rigi*.⁹ Грациозная милая тирольская песенка. Он кончил и опять сказал свою непонятную фразу: *Messieurs et Mesdames, si vous croyez que je gagne quelque chose...*, которую он, видимо, считал весьма ловкой и остроумной. Опять элегантная публика внимательно смотрела на Тирольца, снявшего фуражку, и опять из этих, по крайней мере 80 блестяще одетых¹⁰ человек, стоявших у окон и балконов великолепного дома, никто не бросил ему копейки. Толпа безжалостно захохотала. Тиролец взял в другую руку гитару, снял фуражку и сказал: *Merci, Messieurs et Mesdames*.¹¹ Хохот увеличился. Тиролец прокашлялся, сказал¹² что-то и пошел прочь к городу. Молчаливая толпа, во время его пенья, заговорила и на набережной и в окнах и несколько человек, смеясь, пошли за Тирольцом, однако в отдалении, как будто не удостоивая его идти с ним рядом. Почти все смеялись, шли за ним. Маленький человечек сделался еще меньше, я видел в темноте, как он, растягивая ноги, утекал к городу, преследуемый жестокой смеющейся толпой. —

Мне сделалось больно, горько, стыдно за маленького человечка, за толпу, за себя — и, как будто надо мной смеялись и я был виноват, я тоже, не оглядываясь, скорыми шагами пошел на крыльцо. Я не отдавал еще себе отчета в том, что я испытывал, но что-то было и разбито и стыдно. На великолепном,

освещенном подъезде мне встретился учтиво сторонившийся швейцар и Английское семейство. Красивый, сильной и высокой мужина с бакенбардами, в черной шляпе и с пледом на руке, в которой он нес трость,¹³ лениво, самоуверенно шел под руку с дамой, в диком шелковом платье, чепце с блестящими лентами и прелестнейшими кружевами. Рядом с ними шла мисс, беленькая, чистенькая, светленькая, с русыми длинными буклями и в¹⁴ швейцарской шляпе и еще 10-летняя мисс, с полными, стройными коленками из-под дорогих кружев. Им всем, видимо, было так чисто, удобно, весело, так они, не торопясь, подвигались, зная, что им посторонятся, и такое равнодушие выражалось в каждом их движении, что я вдруг, вспомнив маленького человечка, почувствовал на них невыразимую злобу и, повернувшись назад, побежал в темноте по направлению, по которому скрылся Тиролец. Толпа уж разбрелась, но еще несколько человек, смеясь, следовали за ним. Я спросил у них, где Тиролец. Мне указали его впереди. Я догнал его и предложил ему выпить вместе бутылку вина. Он шел всё один, скорыми шагами, никто не приближался к нему, и сердито бормотал что-то под нос. Он недовольно оглянулся на меня, но, разобрав в чем дело, сказал: — О, это я не откажусь.

Он предложил мне идти в маленькое кафе, которое было тут подле, но мне непременно хотелось идти с ним пить в Швейцерхоф, и я настоял на этом, несмотря на то, что он говорил, там слишком парадно. Несколько праздных гуляк — как только я подошел к Тирольтцу, подошли и стали слушать и пошли за нами до самого подъезда, ожидая верно представления. — Когда я спросил бутылку вина, келнер, улыбаясь, посмотрел на нас, старший же кельнер строго сказал, чтобы нас провели в другую залу налево. Зала налево была простая большая комнатка с деревянными лавками и столами. В углу здесь мыли посуду. Это была, как я видел, людская. Лакеи поглядывали на маленького человечка с такой кротко-насмешливой улыбочкой, которая говорила, что они чувствуют себя настолько неизмеримо выше певца, что им только забавно служить ему. Человека три пришли смотреть. — Простого вина прикажете? сказал мне один, подмигивая. Это всё начинало меня злить. Шампанского¹⁵ Моёте,¹⁶ сказал я, — стараясь принять самый гордый и величественный вид. Лакеи и судомойки сгруппировались около нас, сели некоторые и с кроткой улыбкой на лицах любо-

вались на нас, как любят на милых детей, когда они мило играют. Под огнем этих лакейских глаз мы должны были пить и беседовать с Тирольцем.

При огне я его рассмотрел хорошенько. Это был крошечный, битый, жилистый человек, с курчавыми, темнорусыми волосами, большими карими глазами, лишенными ресниц и плачущими, и чрезвычайно приятным ротиком. У него были маленькие бакенбарды, волосы были не длинные, одежда состояла из черно[го] галстука, черного сертука, довольно длинного, и таких панталончиков. Вообще ничего странного, артистического не было в его фигурке, он скорее похож был на скромного земледельца; один только чрезвычайно мило сжатый маленький, хитрый и грациозный ротик поражал в нем. Он был не чист, очень загоревши, и вообще носил характер трудового человека. На вид ему казалось лет от 28 до 40, действительно же было ему 38.

Он был из Argovie, ¹⁷ уже 18[-й] год занимается пением и ходит по Швейцарии и Италии, каждый год переходит Сан Готард ¹⁸ или Сан Бернард ¹⁹ и возвращается; 28 лет тому назад у него сделался панари ²⁰ в пальце и он работать не может, кроме того у него в ногах глидерзухт, ²¹ но он все-таки ходит. Весь его багаж гитара, и ²² славная гитара, и кошелек, в котором 60 сантимов и то те, которые я дал и которые он нынче проспит и пропьет, как он сам сказал. — Когда я у него спросил, есть ли у него что-нибудь дома: жена, братья, отец, дет[и], дом, земля, он собрал ротик, как будто на сборки. *Oui! le sucre est doux, il est bon pour les enfants.* ²³ Я ничего не понял; но в лакейской группе засмеялись. Ничего нет, а то бы <разве я стал ходить так>, объяснил он мне и опять с хитро-самодовольной улыбкой повторил фразу *sucre* и добродушно засмеялся, с самодовольством оглядываясь на лакеев. В лакейской группе только одна горбатая судомойка серьезно и с участием смотрела на Тирольца и подняла шапку, которую он уронил. Песни, которые он пел, были большей частью старинные. Я спросил его, не сочинял ли он сам? Нет, отвечал он с испугом, куда мне. — А как же Риги песня не старинная, сказал я. Да, эту сочинил один из *Freigang* из Базеля. ²⁴ Очень был умный человек. Ну, а музыку кто положил? Да это так. Чтобы петь, знаете, надо что-нибудь новенькое. — Я несколько раз закидывал ему в разговоре словечко, что он *артист*, потому что фокусники и парик-

махеры любят называть себя этим именем, но он, казалось, вовсе не признавал за собой этого качества. В Италии, куда он шел теперь, ему очень нравилось. Да, там умеют ценить музыку, сказал я. Нет, что ж насчет музыки? Итальянцы сами мастера. Что им меня, я только тирольские песни могу петь. А что ж там щедрее господа? сказал я, желая заставить его разделить мою злобу на обитателей Швейцергофа, слушавших его и не давших копейки, там не так как здесь, из огромного отеля, где богачи живут, ничего не дадут артисту. Мое замечание подействовало совсем иначе. — Он и не думал негодовать на них, а в моем замечании видел упрек его таланту, который не вызвал награды, и старался оправдаться от него. Что ж, сказал он, не всякий раз, и голос иногда устанет, пропадет. Ну как же ничего не дать? — повторил я. Он не понял ²⁵ моего замечания и стал мне рассказывать песню Риги, сочинение Фрейганга, которая особенно ему нравилась. Песнь в *patois*. ²⁶ Вот ее перевод: ²⁷

Коли хочешь идти на Риги,
То до Веллисса не нужно башмаков,
(потому что на пароходе, — прибавил он вскол[ьзь]),
А от Вел[л]исса возьми палку,
Да еще под руку хорошенькую девушку,
Да зайди, выпей вина,
Только не слишком много,
Потому что, чтобы пить,
Надо прежде заслужить и т. д. ²⁸

Ему, видно, ужасно нравились слова этой песни, и лакеям тоже, но лакеи иронически, а Тиролец искренно смеялись. — Когда принесли шампанское, Тиролецу стало неловко. Он поворачивался на своей лавке. Мы чокнулись за здоровье артистов. Выпив полстакана, он глубокомысленно повел бровями и сказал что-то странное. Он говорил по-французски. Но по заключению *je ne dis que ça* ²⁹ я догадался, что он это сказал неловко хитросплетенную [фразу], долженствовавшую означать, что вино очень хорошо и что он давно не пил такого. Мы продолжали беседовать, лакей, кажется, подтрунивал над нами, я подливал моему гостю. Он всё отказывался из приличия, но пил. Я знаю, что вы хотите, сказал он, прищуриль глаз и грозя пальцем, вы хотите меня напоить, но нет, не удастся. *Je ne dis que ça*. Я протестовал. Ему жалко верно стало, что он

меня обидел, дурно объяснив мое намерение. Я уверен, что он это почувствовал. Всё равно, сказал он, и опять ужасная фраза, долженствующая выразить, что я все-таки хороший малый. — В это время швейцар пришел и спокойно сел подле нас. Признаюсь в своей слабости, это меня озлило. Ничего нет легче перехода от скорби к злобе. Я готов есть и пить с швейцаром, я злился не за себя, а за него. Он сел, потому что сидел со мной Тиролец, иначе он бы не позволил себе этого. Лакей подошел к Тирольтцу и, глядя ему в маковку, стал улыбаться.

Я совсем озлился той злобой негодованья, которую я люблю и которой всегда даю ход. Мусирую даже в себе, так она мне приятна, так возбуждает во мне все способности. Чтовы смеетесь, закричал, подергивая губы и чувствую, что бледнею. Я так смеюсь. Какое вы имеете право тут быть, не смеет сидеть. Швейцар встал, ворча что-то. По какому праву вы смеетесь над этим³⁰ господином, отчего вы не смеялись надо мной нынче за обедом и над сотней смешных людей, которые там были? Оттого, что он бедно одет, он в 1000 раз лучше вас. Наверно лучше. Да я ничего, робко замечал мой враг, он не понимал, что я говорю. Разве я мешаю ему сидеть? Грубый швейцар вступился за лакея, добродушная горбунья приня[ла] мою сторону или видимо боясь их крика — истории, стала между нами и говорила: *Der Herr hat Recht.*³¹

Тиролец тоже успокаивал меня, хотел уйти и явно не мог понять, чего я горячусь и чего хочу? —

Но у меня всё больше и больше развивалась злобная словоохотливость. Я всё припомнил, и толпу, которая смеялась, когда ему ничего не дали, и слушателей на балконе, и в эту минуту я бы, кажется, с удовольствием подрался бы с лакеем и палкой по голове прибил бы Англичанок на балконе. Ежели бы был всегда Севастополь, где можно бы сорвать злобу, я бы там в минуту был ужасен.

И отчего вы провели меня и Господина в эту, а не в ту залу. А? Какое вы имели право, разве не все равны, кто платит, не только в республике, а везде? Паршивая ваша республика, вот оно равенство этих англичан, которые слушали даром бедного человека, который утешал их. — Они украли у него каждый по несколько сантимов — их вы бы не смели провести в эту залу.

Зала заперта, отвечал швейцар. Нет, закричал [я], неправда. Так вы лучше знаете. Знаю, знаю, что вы лжете.

Швейцар повернулся плечом. Э! что говорите, сказал он. Нет, не что говорите, ведите нас в залу. Несмотря на миротворные действия горбуны и на уговаривания Тирольца я пошел в залу. Обер-келнер, увидав мое озлобленное лицо и голос, провел нас в залу. Швейцар скрылся. Зала была отперта и Англичанин с женой ели бараньи котлетки; несмотря на то, что мне указывали особый стол, я подсел к самому Англичанину. Надо было видеть, как посмотрели на меня встревожен[но], как он сказал shocking, ³² как она оттолкнула тарелку и, шумя шелковой юбкой, вышла из комнаты. И с каким презрением они посмотрели на нас и как в дверях что-то толковали лакею, презрительно плечом указывая на нас. Тиролец был сам не свой и просил уйти. Я, хотя удовлетворив отчасти своей досаде, ³³ всё больше и больше приходил за него в негодование. Когда он допил вино и снова непонятной фразой, прибавив je ne dis que ça, отблагодарил меня, мы вместе вышли. Глаза у него всегда были влажны, поэтому, когда он говорил трогательно, оно особенно действовало. Я дал ему поравняться с швейцаром и лакеями, стоявши[ми] у подъезда (швейцар жаловался, кажется, на меня лакеям), и тут со всей почтительностью, к[оторую] только в состоянии выразить в себе, я снял шляпу и пожал Тирольцу руку с панари. Лакеи сделали, как будто ни малейшего [внимания] на меня не обращают. Один из них только засмеялся сардонически[м] смехом. — Тиролец, раскланиваясь, скрылся в темноте, я пошел наверх, но не мог ни чем-нибудь заняться, ни заснуть от волнения. Мне всё хотелось побить или подрагаться с швейцаром или с Англичанами; в смутной надежде встретить такой случай, и тоже для того, чтобы походить до тех пор, пока успокоюсь, я вышел на улицу. Никого не было, исключая швейцара, который, увидав [меня], повернулся мне спиной и стал ходить по набережной между липками.

Вот она странная судьба поэзии, рассуждал я, успокоившись немного — все любят ее, ищут ее, одну ее ищут и любят и никто не признает и не знает этого. Лучшее благо мира, которым пользуются люди, не зная этого, не благодаря за это ту силу, которая дает его им. Спросите у кого хотите, у всех этих обитателей Швейцерхофа: что главное благо мира? все или $\frac{90}{100}$ скажут — деньги, и примут сардоническое выражение, что мол!

Может быть, это вам не нравится, но что же делать, я не мог удержать мой ум видеть правду. — Жалкий твой ум и несчастная ты машина, сама не знающая, чего тебе нужно. Зачем вы все при лунном свете высыпали на балкон и к окнам и в том почтительном молчании слушали маленького певца и слушали бы еще, ежели бы он захотел петь еще? Что за деньги, хоть за 100 000 ф[ранков], вас всех можно бы было заставить молча стоять и внимать? Наверно нет. Что за деньги вас можно бы было всех выгнать из отечества и пригнать в маленький уголок Люцерн. Да, говорите вы, поэзия, это хорошо для детей. Да дети-то и похожи на людей, а вы развращены внешне, на вас наплыла уже вся грязь жизни; хотя все-таки одно, что вы любите и ищите, это поэзия. Но вы не отдаете себе отчета, вы не знаете, что вы обязаны этому Тирольтцу за чистое наслаждение, к[оторое] он вам доставил, больше чем Лорду, перед которым вы подличаете. Но это еще я понимаю, эту бессознательность поэтических наслаждений, но как вы, люди и христиане, не подумали, что, когда у каждого из вас кругом ненужного на 1000 фр[анков], можно бросить просто бедному, не только тому, около ко[торого] вы столпились и кот[орым] пользовались. Нет, вы, улыбаясь, наблюдали, а грубая толпа смеялась над ним и преследовала его за то, что вы злы, жестоки и бесчестны, потому что украли наслаждение, к[оторое] он вам дал, надеясь на вознаграждение. Как один из 100 вас не нашелся, чтобы бросить ему, этого я не могу объяснить себе.³⁴ Да, вот факт, который должны записывать историки огненными неизгладимыми буквами. Вот факт положительный, что 7 июля н. с. почти нищий Тиролец ночью играл на гитаре и пел прекрасно, перед гостиницей в Люцерне, обитаемой³⁵ 300 семейств, ко[торых] состояние средним числом ф[ранков] тысяч 100 каждого, большая часть слушала и когда Т[иролец] просил что-нибудь дать ему, никто ничего не дал, а многие смеялись над Т[ирольтцем], факт (можете по газетам справиться, кто были эти семейства), кот[орый] значительнее и серьезнее фактов, записывающихся в газетах и историях, что Анг[личане] убил[и] 1000 К[итайцев],³⁶ Русские 1000 Чеч[енцев], Фр[анцузы] 1000 Кабилы.³⁷ Что послан[ник] Турец[кий] в Неаполь не может быть жид, что Император Нап[олеон] гуляет пешком и делает комедию выборов. Это слова пустые, означающие давно известные гнусные страсти человека, а это явление новое неза-

писанное. На этих фактах можно построить историю цивилизации. Да, вот она, цивилизация. Не смешной вздор говорил Руссо в своей речи о вреде цивилизации на нравы. Всякая мысль человека и ложна и справедлива. — Ложна односторонностью по невозможности человека обнять всей истины, и справедлива по выражению одной стороны человеческих стремлений. Возможен ли такой факт в деревне Русской, Франц[узской], Итальянск[ой]? Нет. А ведь все эти люди христиане и гуманные люди. Провести в общем гуманную идею разумом, — позаботиться о безбрачии китайцев в Индии, о состоянии Крымских татар в Турции, распрост[р]анять христианство, составлять общества исправл[ения] это их дело. Но при этих поступках, что руководит члена палаты или духовное лицо, подающее большой проэкт — тщеславие, корысть, честолюбие — кажется спорить нечего. А где первобытное, *prime sautier*,³⁸ чувство человека. — Его нет, и оно исчезает по мере распространения цивилизации, т. е. корыстной, разумной, себялюбивой ассоциации людей, к[оторую] называют цивилизацией, и к[оторая] диаметрально[о] противоположна ассоциации инстинктивной, любовной. Вот оно и равенство республиканское. Т[иролец] ниже лакея, лакей показывает ему это, безбожно смеясь над ним. Потому что у Т[ирольца] 60 сант[имов], и его оскорбляют. У меня 1000 ф[ранков], я выше лакея и безобидно оскорбляю его. Когда я соединился с Т[ирольцем] вместе, мы стали на уровне лакея, и он сел с нами и спорил. Я стал нагл и стал выше. Лакей был нагл с Т[ирольцем], Т[иролец] стал ниже.

Вот она и свобода. Человек изуродован, слаб, стар. Находит лучшее по своим способностям средств[о] зарабатывать хлеб пеньем. Те, которым он продает свое искусство, охотно [?] покупают его. Он никому не навязывается, не вредит своим товаром, не обманывает, ничего нет безнравственно[го] в его ремес[ле]. Его сажают в тюрьму за его промысел. Злостный банкрот, игрок на бирже кричит в совете о бродяжничестве. —

Ежели бы только люди выучились не думать и не говорить положительно, сознава[я] свое бессилие понять законы своей души и потому законы общие человеческие. Ежели бы только не говорили общие решения:³⁹ деспотизм зло, цивилизация благо, варварство зло. — У кого в душе так непоколебима эта мера добра и зла, чтобы он мог разделять одно от другого? У кого так велик ум, чтобы обнять все факты и свесить их?

И где такое состояние, где бы не было добра и зла? И почему я знаю, что я вижу больше зла или больше добра не от того, что я стою не на настоящем месте? ⁴⁰ Кто в состоянии оторваться от жиз[ни] и взглянуть на нее независимо сверху? И кто определит мне, что цивилизация, что свобода, где грани свободы и деспотизма, где граница цивилизации и варварства? Разделили и радуются. Разве нет других раздел[ов?]. Ведь мера всему добро. Где больше равенства, где все лакеи выше [?], где больше свободы. Где неаполит[анцы] поют. Одно есть — всемирный дух, проникающий в каждого из нас, как отдельную единицу, влагающий каждому бессознательное стремление к добру и отвращение к злу, тот самый дух в дереве велит ему расти к солнцу и растению бросить листья к осени, вот только слушай этот голос чувств[а], совести, инстинкта, ума, назовите его как хотите, только этот голос не ошибается. И этот голос говорит мне, что Т[иролец] прав, а что вы виноваты, и доказывать этого нельзя и не нужно. Тот не человек, кому это нужно доказывать. И этот голос слышится яснее в положении того, что вы называете варварство, чем в положении того, что вы называете цивилизацией.

Впервые отрывок опубликован в т. 5, стр. 281. Полностью публикуется впервые. Судя по бумаге и чернилам, настоящее письмо написано в три приема. Последняя страница оторвана. Дата определяется содержанием: случай в отеле Швейпергоф, давший тему для рассказа «Люцерн», произошел 25 июня/7 июля 1857 г. во время первого заграничного путешествия Толстого.

Письмо адресовано В. П. Боткину, но Толстой, не кончив его, отправил Боткину другое письмо от 27 июня/9 июля (см. п. № 82), в котором писал: «Как образчик будущих писем посылаю вам это от 7 из Люцерна. Письмо не это, а другое, которое еще не готово нынче», т. е. имея в виду настоящее письмо.

¹ См. прим. 1 к п. № 82.

² В автографе: росистой

³ В автографе в этом месте пробел. Повиллмому, Толстой хотел вставить название главной церкви в Люцерне на площади Швейпергофа.

⁴ Зачеркнуто: другое

⁵ Зачеркнуто: тени

⁶ Зачеркнуто: одну песню за другою

⁷ [Милостивые государи и государыни.]

⁸ [если вы думаете, что я что-нибудь зарабатываю, вы очень ошибаетесь, для бедного человека, милостивые государи и государыни, я спою вам песенку Риги.]

- ⁹ [песенку Риги.]
- ¹⁰ *Зачеркнуто*: который каждый наверно купил себе
- ¹¹ [благодарю, милостивые государи и государыни.]
- ¹² *Зачеркнуто*: про себя
- ¹³ *Зачеркнуто*: ловко
- ¹⁴ *Зачеркнуто*: английск[ой]
- ¹⁵ *Зачеркнуто*: самого лучшего
- ¹⁶ Наименование марки вина.
- ¹⁷ Один из кантонов северной (немецкой) части Швейцарии.
- ¹⁸ Сен-Готард — горный узел Швейцарских Альп.
- ¹⁹ Сен-Бернард — название многих горных хребтов в Альпах.
- ²⁰ панари (от французского panaris) — ногтеод.
- ²¹ глидерзухт (gliedersucht) — ревматизм. *После*: глидерзухт *зачеркнуто*: ревма
- ²² *В автографе и повторено ошибочно дважды.*
- ²³ [Да, сахар хорош, он приятен для детей.]
- ²⁴ А. Л. Гасман (см. т. 5, изд. 1935 г., стр. 285) установил, что сочинитель песенки Иоганн Люти (1800—1869), из Зологурна.
- ²⁵ *В автографе*: не поднял
- ²⁶ [наречие]
- ²⁷ *Между строк этих последних фраз Толстым описано*: Здесь он est sergé par la police [стеснен полицией], вот что. Ежели раз заметили да поймали, то в тюрьму, захотят позволят, не захотят нет. А в Италии позволяют. А здесь по новым законам республики не позволяют. Он одушевился. Надо чтобы un bon diable [хороший мальчик] жил, а то что же это такое, богатые живут, а нам нет. Что же это за законы республики, коли так, то мы не хотим этих законов, мы хотим... и он замыслил, — des Lois naturelles [естественные законы]
- ²⁸ Слова этой песни см. в т. 5, изд. 1935 г., стр. 285.
- ²⁹ [я только это скажу]
- ³⁰ *Зачеркнуто*: челове[ком]
- ³¹ [господин прав]
- ³² Shocking — английское слово, выражающее возмущение при нарушении правил приличия.
- ³³ *Зачеркнуто*: начинал понимать, что совсем не нужно было так горячиться.
- ³⁴ *Поперек текста последних фраз написано*: толпа свиньи, нечего и говорить.
- ³⁵ *В автографе ошибочно*: обитаемыми
- ³⁶ В 1856 г. английское правительство, вследствие оскорбления, нанесенного британскому флагу, без формального объявления войны послало к берегам Китая флот, который обстрелял и разрушил целый ряд прибрежных городов. Вскоре к англичанам присоединились и французы, воспользовавшиеся тем обстоятельством, что, вопреки договору, китайские власти казнили одного французского миссионера. Началась война двух сильнейших европейских держав против беззащитного Китая, окончившаяся только в 1860 г. взятием и разграблением Пекина союзными войсками и заключением унижительного для Китая мирного договора. Эти

действия европейцев глубоко возмущали Толстого, что видно из записи в Дневнике под 18/30 апреля 1857 г. См. т. 47, стр. 125 и 448, прим. 1697.

³⁷ В 1857 г. произошло окончательное покорение так называемой Кабилии — гористой области, лежащей в северо-западной части Алжира и населенной племенем кабил, оказывавших в течение многих лет героическое сопротивление французам, пока, наконец, маршалу Рандону, командовавшему французской армией, не удалось путем энергических и жестоких мер закончить завоевание Алжира.

³⁸ [непосредственное]

³⁹ *Зачеркнуто*: Там, где республика, там свобода и равенство. Бродяжничество зло, свобода бла[го]. *Последние два слова ошибочно остались в автографе незачеркнутыми.*

⁴⁰ *Поле рек текста последних фраз написано*: То что они думают знать, убивает чувство.

82. В. П. Боткину.

1857 г. Июня 27/июля 9. Люцерн.

Дорогой Василий Петрович!

Я занят ужасно, работа — бесплодная или нет, не знаю — кипит; но не могу удержаться, чтоб не сообщить вам хоть части того, что бы хотелось переговорить с вами. Во-первых, я говорил уже вам, что многое за границей так ново и странно поражало меня, что я набрасывал кое-что с тем, чтобы быть в состоянии возобн[ов]ить это на свободе. Ежели вы мне посоветуете это сделать, то позвольте писать это в письмах к вам. Вы знаете мое убеждение в необходимости воображаемого читателя. Вы мой любимой воображаемой читатель. Писать вам мне так же легко, как думать; я знаю, что всякая моя мысль, всякое мое впечатление воспринимается вами чище, яснее и выше, чем оно выражено мною. — Я знаю, что условия писателя другие, да Бог с ними — я не писатель. Мне только одного хочется, когда я пишу, чтоб другой человек и близкой мне по сердцу человек поразился бы тому, чему я радуюсь, позлился бы тому, что меня злит, или заплакал бы теми же слезами, которыми я плачу. Я не знаю потребности сказать что-нибудь всему миру, но знаю боль одинокого наслаждения, плача [?], страданья. Как обращение будущих писем посылаю вам это от 7 из Люцерна.

Письмо не это, а другое, которое еще не готово нынче. ¹

Что за прелесть Люцерн и как мне всё здесь приходится —

чудо! Я живу в пансионе Даман на берегу озера; но не в самом пансионе, а в чердачке, состоящем из двух комнат и находящемся совершенно отдельно от дома. Домик, в котором я живу, стоит в саду, весь обвит абрикосами и виноградником; внизу живет сторож, я наверху. В сених висят хомуты, подальше под навесом журчит фонтанчик. Перед окнами густые яблони с подпорками, некошенная трава, озеро и горы. Тишина, уединение, спокойствие. Служанка моя старушка с желто-белыми седыми волосами, маленьким зобиком и самой добродушной сморщенной рожицей. Она глуха, как тетерев, и говорит на каком-то таком ужасном patois,² что я ни слова понять не могу; она стара, уродлива, вечно моет, носит воду и делает тяжелую работу; но вечно смеется и таким детским, звучным, веселым смехом, что два желтые зуба, которые она при этом показывает, зубы эти даже милы. Когда я вчера пришел на квартиру, первое лицо я встретил милостивую 17-ти летнюю хозяйскую дочь в белой кофточке, которая, как кошечка, подпрыгивая по зеленым аллеям, бегала с другой хорошенькой девушкой, второе лицо была милая старушка, которая мыла полы. Я спросил у нее, где хозяйка? Она не слыхала и сказала мне что-то, чего я не понял. Я улыбнулся, она подперла бока и принялась смеяться; но так отлично, что я тоже стал смеяться. И теперь, как только мы встретимся, мы посмотрим друг на друга и смеемся; но каким летним, чудесным смехом. Даже часто, я устану писать и нарочно выйду к ней, мы посмеёмся, и я опять пойду писать, а она пойдет мыть, и мы оба очень довольны. Вечером же вчера и я сел с свечкой в первой маленькой комнатке, которую я сделал салоном, и не мог нарадоваться своему помещению. Два стула, покойное кресло, стол, шкап, всё это просто, деревенско и мило ужасно. Полы некрашенные, с распедшимися половицами, маленькое окошечко с беленькой сторой, в окошечко глядят виноградные листья и усы, и освещенные огнем свечки кажутся головами, когда косясь нечаянно помотришь на них. А дальше в окне черные стройные раины, а сквозь них тихое озеро с лунным блеском; а с озера несутся далекие звуки трубной музыки. Отлично! Так отлично, что я пробуду здесь долго. Знаете что, приезжайте сюда, дорогой друг, после первого курса. Как бы мы здесь зажили, и поехали бы вместе. Я буду ждать вашего ответа. Письмо о Люцерне пришлю вам, как кончу. Право, приезжайте, ведь я еду в Голландию по Рейну и [и] вам в Остенд,³

вот и по дороге; впрочем, я на всё согласен, лишь бы быть с вами. До свиданья.

Ваш Гр. Л. Толстой.

9 Июля.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 33—35.

¹ Фраза: «Письмо не это» вписана позже между строк в объяснение того, что дальнейший текст не то письмо, о котором говорится выше как об образчике будущих писем. То же предполагаемое, еще не дописанное письмо — описание случая с уличным певцом, певшим под балконом отеля Швейцергоф, которое превратилось в рассказ «Люцерн» (см. т. 5, стр. 3—27); случай этот произошел 7 июля н. с. 1857 г. 8 июля Толстой засел за писание и 11 июля кончил. Подробнее историю писания «Люцерна» см. в т. 5, стр. 277—286.

² [наречие.]

³ Остенде — порт в бельгийской провинции западной Фландрии.

83. Гр. А. А. Толстой.

1857 г. Июля 5/17. Люцерн.

Надеюсь, милая бабушка, что вы и не ожидали меня по нынешней погоде. ¹ Я полагаю, что вы устали и ляжете спать теперь, как я это сделал, придя с Риги; ² поэтому нейду к вам. Поедете ли вы нынче кругом озера? ³ — Вообще ожидаю ваших приказаний. —

Ваш Гр. Л. Толстой.

17 июля.

Нет ли известий о моем псе? ⁴

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 76—77. Год определяется записью в Дневнике под 5/17 июля, т. 47, стр. 145.

¹ Судя по записи Дневника, в этот день с утра шел дождь.

² Толстой поднимался на горный межозерный массив Риги с северного, более пологого, склона, от деревни Гольдау. Подробнее см. в т. 47, стр. 477, прим. 1945.

³ Фирвальдштетское озеро в Швейцарии; на его восточном берегу расположен Люцерн.

⁴ См. записи в Дневнике под 4/16, 5/17, 10/22 июля, т. 47, стр. 144, 146.

На обороте четвертой страницы письма рукой Толстого написано: «Eritis ut Deus» [«Будьте как бог»].

1857 г. Июля 9/21. Цюрих.

21 Июля. Цюрих. ¹

Кругом я виноват перед вами, дорогой Василий Петрович, за то, что пропустил целую неделю, не отвечая с получения вашего письма. ² Я был и занят, и Толстые приехали в Люцерн, и вслед за тем я собрался ехать. Еду я, как писал, ³ по Рейну в Англию, но по дороге заеду в Зинциг к Тургеневу, откуда получил от него письмо. ⁴ Зинциг на левом берегу Рейна близ Ремагена. Возле Андернаха. Там воды, куда его послал Берлинский доктор. Судя по письму его, он душевно спокойнее. Стихотворение Фета прелестно. Не прочтя вашего замечания о неловких 2-х стихах, я сделал тоже. Досадно. Зато: И в воздухе за песнью соловьиной разносится тревога и любовь! — Прелестно! ⁵ И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов. — Главное содержание моего письма, кот[орое] вы не разобрали, было следующее. Меня в Люцерне сильно поразило одно обстоятельство, кот[орое] я почувствовал потребность выразить на бумаге. А так как в мое путешествие у меня много было таких обстоятельств, слегка записанных мною, то мне и пришла мысль восстановить их все в форме писем к вам, на что я и просил вашего согласия и совета. ⁶ Люцернское же впечатление я тотчас же стал писать. Из него вышла чуть не статья, которую я кончил, которой — почти доволен и желал бы прочесть вам, но видно не судьба. Покажу Тург[еневу] и ежели он апробует, то pošлю Панаеву. Ежели захотите написать, то в Париж *poste restante*. ⁷ Я буду в Париже, думаю, через месяц. ⁸ Ежели бы там столкнуться с вами — как бы хорошо было. Увы! я в Люцерне схватил [[1]]. — Вот до чего довело меня воздержание! Бросился на первую попавшуюся! теперь лечусь и хочу пригнать так, что[бы] дольше пробыть с Тург[еневым], там дождусь, пока совсем кончится. —

Как вы? физически и морально. Надеюсь, что физически лучше. Морально же вы умеете никогда не быть в худом положении. Впрочем напишите, ежели вы не сердитесь на меня (мне всё кажется, что вы сердитесь после вашего последнего письма, и это было причиной молчанья — я не мог в тон попасть).

Напишите в Лондон *poste restante*. Грустно бы было потерять друг друга из вида. —

Ежели я так некаллиграфически написал первое письмо и напутал там что-то, то вам не следует сердиться. Всё это произошло от мгновенного припадка сильнейшей нежности к вам. —

Тургенев пробудет в Зинциге до начала августа с. с. Прочтите биографию *Cureg Bell*,⁹ ужасно интересно по интимному представлению литературных воззрений различных лучших кружков современных английских писателей и их отношений. Прощайте, дорогой друг. Из всех душевных сил жму вашу руку и желаю вам главного — выздоровления. Может, вы напишете тотчас по получении этого письма Тургеневу, напишите, когда будете в Остенде. Может, я застаю ваше письмо у него, а вас застаю в Остенде, куда я обещал Толстым заехать.¹⁰

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 36—38.

¹ В автографе дата: 21 Июля. Цюрих — подчеркнута. В Цюрих Толстой приехал 8/20 июля 1857 г.

² Письмо В. П. Боткина не сохранилось. Получение его отмечено в Дневнике Толстого под 4/16 июля 1857 г., т. 47, стр. 144.

³ См. п. № 82.

⁴ Письмо И. С. Тургенева не сохранилось. Толстой говорит о получении его в дневниковой записи 4/16 июля, т. 47, стр. 144. В Зинциге Тургенев жил с начала июля до начала августа (н. с.), проходя курс лечения.

⁵ Стихотворение А. А. Фета «Еще майская ночь». Напечатано впервые в «Русском вестнике», 1857, ноябрь, книга 2, стр. 443. Стихотворение это было послано Боткиным Толстому.

⁶ Далее в автографе написано: Но, которое Толстой, очевидно, забыл зачеркнуть.

⁷ [до востребования.]

⁸ В Париж Толстой не попал.

⁹ Псевдоним Шарлотты Бронте (1816—1855), английской писательницы, поэтессы и романистки.

¹⁰ А. А. и Е. А. Толстые. В Остенде Толстому приехать не пришлось.

* 85. Гр. С. Н. Толстому.

1857 г. Июля 15/27. Баден-Баден.

Любезный друг Сережа!

Совестно мне тебе признаться, что я проиграл в рулетку в Бадене и хотелось бы выдумать историю, зачем мне вдруг понадобились деньги, но не могу лгать — продулся.¹ Около

700 р. сер[ебром], и остался без гроша буквально и задолжав незнакомому человеку 50 р. сер[ебром]. Я пишу Василью,² но и ты пожалуйста помоги мне сколько можешь. Нет ли каких-нибудь Щербачевских денег. Во всяком случае тебе объяснять нечего, как неприятно мое положение, и просить, чтоб ты сделал всё, что можешь, чтобы выслать скорее.

Твой Л. Толстой.

Ежели буду жив и здоров, к осени, т. е. через 1½ месяца, буду дома. Тетиньке мне писать совестно. Поцелуй у нее от меня руки.

На конверте:

Его Сиятельству Графу Сергею Николаевичу Толстому.
В г. Тулу.

Датируется почтовым штемпелем: «Baden. 27 Jul».

¹ Приехав из Швейцарии в Баден 12/24 июля 1857 г., Толстой в четыре дня проиграл не только все бывшие с ним деньги, но и занятые. См. об этом записи в Дневнике под 12/24, 13/25, 14/26, 15/27, 16/28, 17/29 июля и 20 июля/1 августа (т. 47, стр. 147—148, 485—486). См. также письмо Я. П. Полопского к М. Ф. Штакеншнейдеру от 16/28 июля 1857 г. («Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 126).

² Письмо Толстого не сохранилось.

* 86. Гр. А. А. Толстой.

1857 г. Июля 16/28. Баден-Баден.

Милая бабушка!

Странное и смешное дело, о котором я вам пишу. Ну, да что выйдет, то выйдет. Попутала меня нелегкая поехать в Baden, а в Бадене рулетка, и я проиграл всё до копейки. Но это бы ничего, потому что я распорядился, чтобы мне прислали, и на прожиток достал; но дорогой я сошелся с Французом,¹ который тоже проигрался, и которому я давал денег, и который потом мне дал отыгравшись. И я так и остался ему должен до Парижа 200 фр., но он пишет, что в Женеве ему нужны будут. Не можете ли вы мне дать займы недели на две? Ежели да, то положите в Женеве *poste restante* на имя Pegot-Ogier 200 фр. Ежели вы уезжаете, не даст ли мне батюшка,² а я пунктуально выплню через 2 недели. — Ну уж там, как хотите, браните меня, только

не переставайте любить меня так, как я согой доли того не стою. —

Когда буду в нормальном положении, напишу подробно, а теперь стыдно таким людям, как вы, даже мысленно в глаза смотреть. —

Прощайте и простите. —

Адрес: Baden-Baden, Hôtel Hollande.

Обеим бабушкам ³ робко жму руки. —

Ваш Гр. Л. Толстой.

28 июля.

Заметьте: 28. ⁴

Если можно, ответьте по телеграфу franco. —

¹ Француз-банкир. См. т. 47, стр. 147, 151.

² Священник Петров. О нем см. прим. 5 к п. № 76.

³ Е. А. и А. А. Толстые.

⁴ Толстой придавал большое значение числу «28», это был год и день его рождения (1828 г., августа 28).

На это письмо Толстого А. А. Толстая ответила 19/31 июля из Женевы: опубликовано в ПТ, стр. 77—78.

*87. Гр. С. Н. Толстому.

1857 г. Июля 24/августа 5. Дрезден.

Депеша

№ 1463

Comte Serge Tolstoy à Toula via Moscou Reçu la lettre ¹ arrive chez vous dans deux semaines. Arrête l'envoi d'argent. Inutile. Embrasse tous.

Léon.

Графу Сергею Толстому в Тулу через Москву.

Получил твое письмо, ¹ приеду через две недели. Задержи высылку денег. Бесполезно.

Всех целую.

Лев.

На телеграмме помечено: «№ 1463. Подано в Dresden 5 Août 1857 г. 3 ч. à m[inute] [в Дрездене 5 августа 1857 г. в 3 часа]. Получено в Moscou 6 Août 8 ч. 56 м. d[e] m[atín] [в Москве 6 августа 8 ч. 56 м. утра].

¹ С. Н. Толстой писал об окончательном разрыве М. Н. Толстой с мужем.

88. Гр. А. А. Толстой.

1857 г. Августа 18. Я. П.

Ясная Поляна, 18 Августа.

Драгоценная бабушка!

На счастье пускаю это письмо в Остенд, хотя и боюсь, что оно вас не застанет; но теперь, сидя один в деревне и невольно перебирая свои воспоминания, вижу, что изо всей моей заграничной жизни воспоминание о вас для меня самое милое, дорогое и серьезное, и мне душой хочется писать вам — живее и ближе воображать вас. Написав это, я долго сидел и думал, не потому, чтоб не знал, что писать, напротив, слишком много хочется вам сказать такого, что не понравится вашей скромности. Вы сами говорите, что в деревне все чувства разрастаются в громадные размеры, и моя дружба к вам здесь разрослась в такую неукладистую дружбищу, что, ежели говорить про нее, вы, пожалуй, скажете опять, что я вечно живу на парадоксах. Ну, да что говорить об этом — вы тем-то и чудесная бабушка, что вы этого не хотите знать; а в милой Алекс[андре] Александровне¹ видите гениальный ум и ученость, а во мне доброту и разные хорошие качества. И что удивительно, что эта непонятная скромность находится где же? *в трубе!*² Право, это гораздо удивительнее, чем ежели бы соленый огурец вырос на кусте розана.

В Дрездене³ я к радости и удивленью моему встретил милейшего Филемона в седом парике и Бавкиду,⁴ вышедшую из Смольного,⁵ и с ними доехал до Петербурга. Разумеется, не раз мы с этими милыми друзьями побранили вас, и М[ихаил] И[ванович],⁶ поковыривая ноготь об ноготь, с недоумением говорил: да, удивительная... и вдруг под седыми бровями, в круглых честных глазах оказывалось что-то в роде слезинок. В Дрездене еще совершенно неожиданно встретил К. Львову.⁷ Я был в наиудобнейшем настроении духа, для того, чтобы влюбиться: проигрался, был недоволен собой, совершенно празден (по моей теории любовь состоит в желании забыться, и поэтому так же, как сон, чаще находит на человека, когда недоволен собой или несчастлив). К. Львова красивая, умная, честная натура; я изо всех сил желал влюбиться, виделся с ней много, и никакого! Что это, ради Бога? Что я за урод такой? Видно,

у меня недостает чего-то. И вот чего, мне кажется: хоть крошечной порции *fatuité*.⁸ Мне кажется, что большая часть влюбляющихся людей сходятся вот как: видятся часто, оба кокетничают и, наконец, убеждаются, что влюбили в себя respectively один другого; а потом уж в благодарность за воображаемую любовь сами начинают любить. Но как же мне, всегда внимательно наблюдающему за женщиной, с которой я схожусь, ту меру отвращения, которое я ей вселяю своей персоной, как же мне поддаться на этот милый обман? А впрочем, Бог с ним совсем, с этим десертом, пора перестать заботиться о сладеньких кушаньях, когда седина в голову. Благодарю Бога и за то, что он мне дал существенное, т. е. способность любить, хоть это по-вашему, может быть, и парадоксы, но я так решил себе.

В Петербурге меня задержали целую неделю и здоровье и литературные дела, несмотря на то, я не был у К. Н.,⁹ потому что забыл совсем. В России скверно, скверно, скверно. В Петербурге, в Москве все что-то кричат, негодуют, ожидают чего-то, а в глуши тоже происходит патриархальное варварство, воровство и беззаконие. Поверите ли, что, приехав в Россию, я долго боролся с чувством отвращения к родине и теперь только начинаю привыкать ко всем ужасам, которые составляют вечную обстановку нашей жизни. Я знаю, что вы не одобрите этого, но что ж делать — большой друг Платон, но еще больший друг правда,¹⁰ говорит пословица. Ежели бы вы видели, как я в одну неделю, как барыня на улице палкой била свою девку, как становой велел мне сказать, чтобы я прислал ему воз сена, иначе он не даст законного билета моему человеку, как в моих глазах чиновник избил до полусмерти 70-летнего больного старика за то, что чиновник зацепил за него, как мой бурмистр, желая услужить мне, наказал загулявшего садовника тем, что кроме побой послал его босого по жневью стеречь стадо, и радовался, что у садовника все ноги были в ранах,¹¹ — вот, ежели бы это всё видели и пропасть другого, тогда бы вы поверили мне, что в России жизнь постоянный, вечный труд и борьба с своими чувствами. Благо, что есть спасенье — мир моральный, мир искусств, поэзии и привязанностей. Здесь никто, ни становой, ни бурмистр мне не мешают, сижу один, ветер воет, грязь, холод, а я скверно, тупыми пальцами разыгрываю Бетховена и проливаю слезы умиления, или читаю Илиаду,¹² или сам выдумываю людей, женщин, живу с ними, мараю бу-

магу, или думаю, как теперь, о людях, которых люблю. Вы и не думаете того, а я теперь вижу вас гораздо яснее и лучше, чем какой-нибудь Принц Вурстемберской,¹³ который оставил на вас свои лошадиные буркулы. Сестра здоровее и веселей, чем была прежде. Ежели начать писать о ней, то письмо не кончится. От души целую ваши и бабушки Лизы руки, славному Ребиндеру¹⁴ желаю успеху, твердости духа и дружески жму руку.

На полях, поперек страницы:

Деньги пошлю в Петербург или как велите.¹⁵ Адрес мой: В Тулу. Напишите словечко, ведь я, без шуток, изо всех сил обрадуюсь вашему письму.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 79—81. Письмо отмечено в Дневнике под 19 августа 1857 г., т. 47, стр. 152.

¹ Александра Александровна Воейкова (1819—1893) — фрейлина в. кн. Марии Николаевны.

² О «трубе» см. прим. 1 к п. № 71.

³ В Дрездене Толстой пробыл с 24 июля/5 августа до половины дня 26 июля/7 августа 1857 г.

⁴ Филемон и Бавкида — в греческой мифологии примерная супружеская чета. Так Толстой называл супругов Пущиных М. И. и М. Я.

⁵ Смольный институт «для воспитания благородных девиц» в Петербурге; открыт в 1764 г. в Смольном дворце, принадлежавшем императрице Елизавете Петровне.

⁶ М. И. Пущин.

⁷ Кж. Александра Владимировна Львова, которой увлекался в те годы Толстой и на которой ему советовала жениться А. А. Толстая. См. ее письмо от 29—31 августа 1857 г., ПТ, стр. 82—83. См. также записи в Дневнике (т. 47, стр. 149).

⁸ [самоуверенности.]

⁹ Екатерина Николаевна Шостак, рожд. Исленьева, была очень близка с Александрой Андреевной Толстой. См. т. 47, прим. 558, стр. 304.

¹⁰ Толстой имеет в виду слова греческого философа Аристотеля (384—322 до н. э.) о философе Платоне (427—347 до н. э.).

¹¹ См. записи в Дневнике под 8, 9 и 11 августа и в Записной книжке 8 августа.

¹² Толстой читал «Илиаду» Гомера в переводе Гнедича. См. записи в Дневнике, т. 47, стр. 152, 153, 154.

¹³ Под «принцем Вурстемберским» (каламбур, пародия на «Вюртембергский», по-немецки Wurst — колбаса) Толстой разумеет принца Александра Гессенского (1832—1888), офицера русской службы. О встрече с ним Толстого у А. А. Толстой в Франкфурте она рассказывает в своих воспоминаниях (см. ПТ, стр. 12).

¹⁴ Константин Григорьевич Ребиндер (ум. 1886 г.) — в то время воспитатель сыновей в. кн. Марьи Николаевны.

¹⁵ О долге Толстого А. А. Толстой см. п. № 86.

На это письмо Толстого А. А. Толстая ответила из Остенде 29—31 августа 1857 г. (см. ПТ, стр. 81—84).

* 89. Гр. С. Н. и Н. Н. Толстым.

1857 г. Сентября 12. Пирогово.

Очень благодарен тебе, любезный друг Сережа, за respeitбелное письмо твое. ¹ Оно и меня подвигнуло на respeitбелность, я решил было сам сделать замолоты, но погода не позволяет. У тебя только гречиха в поле. Я советовал молотить ее, что я и у себя сделал. Всходы хороши, говорят. Есё это время я жил в Ясной, возился с покупкой леса, ² которую, не кончив, поручил Василью. Гимбут обыскался — он колоссальный плут. ³ Теперь тороплюсь, еду на ярмарку. ⁴ Деньги получил, но беру на себя смелость не посылать их. Ежели нужны, напишите, это дело 2-х недель, а мне, право, крайность: и ярмарки и торги лесов, всё подошло вместе. И когда уж хочешь этим заниматься, то неприятно пропустить выгодную покупку по недостатку денег. А может быть, я ничего не куплю, тогда немедля вышлю. Не сердись пожалуйста, Николинька. Притом я мог справедливо сказать, что деньги еще не получены, ибо я ускорил это только посылкой человека в Москву. У нас холода непрестанные, два зазимка было. Вчера просто мятель. Все ⁵ живут в Пирогове; у Маш[еньки] зубы болят, дети чахнут, нельзя добиться, чтобы их поднимали раньше 11 часов и чтобы водили гулять. Теплых платьев, вишь, нету. Насчет Маш[еньки], друзья мои, я, хотя не согласен с Сережей, но уж далеко не согласен с собой, т. е. как я думал, ехав сюда. С ней фаланстера не устройшь. ⁶ Моя охота, разумеется, не охота, да я и не езжу совсем, зато как бы дорого я дал, чтобы ⁷ быть с вами.

У меня слюни у рта, как я читал твое письмо, не столько лисицы, сколько Николинька с шашками, дневка, Горелый. ⁸ Пожалуй, что около 20, окончив свои покупки, махну к вам. Для пользы и вообще не следует ехать, но ужасно хочется. Получил я новое издание Гоголя, его письма. ⁹ Что это был за дрянь человек, себе представить нельзя. Прощайте, Ник[олай] Серг[севич], ¹⁰ несчетно.

Ваш Л. Толстой.

Дата определяется содержанием и записью в Дневнике под 12 сентября 1857 г. (т. 47, стр. 157).

Письмо написано в Щербачевку, куда в последних числах августа приехали Н. Н. и С. Н. Толстые на охоту. См. письмо к В. П. Боткину и И. С. Тургеневу № 94.

¹ Письмо С. Н. Толстого неизвестно.

² В казенном лесу Засеке продавали на сруб участок леса, который покупал Толстой. См. записи в Дневнике, т. 47, стр. 155, 156, 157, 159.

³ К. Ф. Гимбут. О нем см. прим. 2 к п. № 19 и записи в Дневнике под 8 и 9 сентября.

⁴ 11 сентября Толстой выехал в Пирогово, а 12 сентября для покупки лошадей в Ефремов (уездный город Тульской губернии), где 13 сентября бывала ярмарка.

⁵ Под «всеми» Толстой разумеет М. Н. Толстую с детьми и Т. А. Ергольскую.

⁶ О своих планах жизни с сестрой, М. Н. Толстой, Лев Николаевич писал В. П. Боткину 21 октября.

⁷ После слова: чтобы в автографе ошибочно стоит: бы.

⁸ Горелый — лес вблизи Никольского.

⁹ Толстой имеет в виду издание Кулиша собрания сочинений Гоголя в шести томах (1857), пятый и шестой томы которого составляют письма Гоголя.

¹⁰ Николай Сергеевич Воейков.

90. Н. А. Некрасову.

1857 г. Октября 11. Я. П.

Нынче получил я Сентябрьской Совр[еменник]. Ясно, как письмо от вас подействовало на меня: ¹ хочется поговорить с вами. — Во-первых, по порядку: какова мерзость и плоская мерзость вышла моя статья в печати и при перечтении. ² — Я совершенно надул себя ею да и вас кажется. Ав[дотьи] Ик[овлевы] повесть еще не прочел. ³ Теперь ваши стихи. Вы, может, и знать не хотите моего мнения, а я почему-то чувствую внутреннюю необходимость сказать вам его так же искренно, как желал бы, чтобы говорили всегда мне. — Первое превосходно. Это самородок и чудесный самородок, остальные *все*, по-моему, слабы и *сделаны*, по крайней мере такое произвела на меня впечатление, в сравнении с первым. ⁴ Современ[ное] Обзорение, хотя и интересно, вышло не то, как я ожидал. Слишком оно петербургское, а не русское. Вообще книжечка как себе, скорее плоха. ⁵

Что будет у вас или есть уже в Октябре? ⁶ На меня же пожалуйста больше не рассчитывайте, надоело мне писать ковыряшки, да еще скверные. Вчера прочел, как меня обругали в [Петербургских] В[едомостях], и поделом. ⁷ Скажите мне пожалуйста откровенно мнение Друж[инина] и Аннен[кова]. Как они с вами говорили про эту статейку? — Я вчера писал Колбасину ⁸ разный вздор, а забыл про дело. Сделайте милость, передайте ему, что я прошу как можно скорее похлопотать о высылке мне Указа об отставке, ⁹ а то я без вида. Тороплюсь на почту и, признаюсь, чувствую себя не в духе в настоящую минуту; потому кончаю письмо.

Недели через 2 я надеюсь быть в Петербурге. ¹⁰ До свидания. Кланяйтесь очень Ив[ану] Ив[ановичу] ¹¹.

Ваш Гр. Л. Толстой.

11 Октября.

И еще скажите пожалуйста Колбасину, что ежели перевод статьи не сделан, то не нужно ¹².

Впервые напечатано в АК, стр. 204.

¹ Трудно сказать, какое письмо Некрасова имеет в виду Толстой.

² В сентябрьской книжке «Современника» был напечатан «Люцерн» Толстого.

³ Повесть Авдотьи Яковлевны Панаевой, писавшей под псевдонимом «Н. Станицкий», «Домашний ад», напечатанная в сентябрьской книжке «Современника» за 1857 г.

⁴ Стихотворение Некрасова «Тишина».

⁵ «Современное обозрение» в сентябрьской книжке «Современника».

⁶ В октябрьской книжке «Современника».

⁷ Толстой имеет в виду фельетон за подписью П. Б. «Русская литература, журналы», помещенный в № 210 «Петербургских ведомостей» от 28 октября 1857 г., с резким отзывом о «Люцерне».

⁸ Письмо Толстого к Д. Я. Колбасину от 10 октября 1857 г. неизвестно.

⁹ Отставка Толстого от военной службы в Петербургском ракетном заведении была проведена в приказе 26 ноября.

¹⁰ 16 октября Толстой вместе с М. Н. Толстой выехал в Москву, а 22 октября поехал в Петербург; пробыл там до 30 октября и снова вернулся в Москву.

¹¹ Н. И. Панаеву.

¹² Под «статьей» разумеется рассказ «Люцерн».

* 91. Д. М. Щелину.

1857 г. Октября первая половина. Я. П.

Милостивый Государь,
Дмитрий Матвеевич!

Тетушке моей для поездки в Москву нужно свидетельство, вместе с детьми сестры моей, будьте так добры: — прикажите написать такого рода бумагу и извините меня, что утруждаю Вас этой покорнейшей просьбой. «Дочери Гвардии Поручика, девице Татьяне Александровне Ергольской и трем малолетним детям ¹ Майора Графа Валерьяна Петровича Толстого». С совершенным почтением имею честь быть

Милостивейший Государь
Ваш покорнейший слуга

Гр. Л. Толстой.

Датируется содержанием: 16 октября 1857 г. Толстой вместе с сестрой Марией Николаевной выехал в Москву, дети же М. Н. Толстой должны были приехать с Т. А. Ергольской позднее. Для этой-то их поездки Толстой и просил Щелина выдать свидетельство.

Дмитрий Матвеевич Щелин (1800—1866) — в 1850—1866 гг. крапивенский уездный предводитель дворянства, штаб-ротмистр.

¹ Елизавета, Варвара и Николай Толстые.

* 92. Т. А. Ергольской.

1857 г. Октября 17. Москва.

17 Octobre.

Chère tante.

Nous avons couché à Serpouchoff. Marie comme elle dit, s'est très bien reposé, et ce soir à 8 heures nous sommes arrivés à Moscou. Nous nous sommes arrêtés sur la place du Théâtre ¹ chez Tchelicheff. Demain elle ira chez Ossipovsky ² et chez la tante ³ et moi j'irais chercher des logements ⁴. Chez Tchelicheff on peut-être assez bien logé et nourri avec les gens pour 200 r. arg. mais nous verrons. Au revoir, je baise vos mains. Cette lettre vous sera remise par Basile au quel je l'adresse. —

Votre Léon.

Дорогая тетенька.

Мы ночевали в Серпухове. Машенька, как она говорит, хорошо отдохнула, и нынче в 8 часов вечера мы приехали в Москву. Остановились у Чельшова на Театральной площади.¹ Завтра она поедет к Осиповскому² и к тетеньке,³ а я буду искать квартиру.⁴ У Чельшова хорошее помещение и еда, вместе с людьми, обойдется в 200 р. сер., но там видно будет. До свидания, целую ваши руки. Письмо это передаст вам Василий, адресую на его имя.

Ваш Лев.

См. запись в Дневнике, т. 47, стр. 159.

¹ Гостиница Чельшова помещалась на Театральной площади, там, где теперь гостиница «Метрополь», площадь Свердлова.

² Дмитрий Тимофеевич Осиповский (1810—1881) — с 1849 г. старший ординатор Московской Мариинской больницы; в 1858 г. — главный врач Мариинской больницы и консультант Московской детской больницы.

³ Пелагея Ильинична Юшкова.

⁴ Толстой нанял особняк на Пятницкой улице в доме Варгина, № 12 по нынешней нумерации.

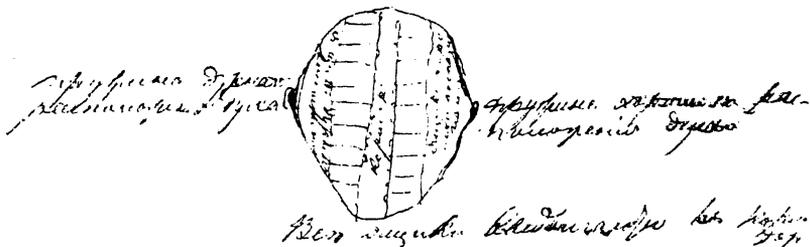
93. Гр. А. А. Толстой.

1857 г. Октября 18—20? Москва.

Милая бабушка!

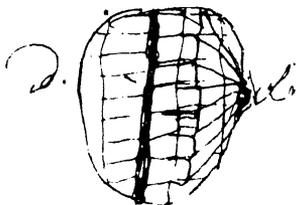
Лень, постыдная лень сделала то, что на последнее ваше письмо вы не получили ответа в то время, когда вы его писали. Опять бы была симпатия.¹ — Я всё жил в деревне и с утра до вечера был занят навозом, лошадьми, мужиками и занятия, хоть нехорошо, но шли. Деятельностью своей обязан немного и вам. Вы писали, что не любите пустых болтунов и боитесь за внука, и я стал бояться, и старался получить право похвастаться перед вами.² При этом должен сказать, что письмо ваше из Остенда произвело на меня не только радость, но гордость. Что вот, мол, хоть меня и считает и староста и тетушка пустяшным малым, а ко мне вот какой человек письмо пишет, да еще дружеское, да еще умное, милое и поучительное. В то самое число, когда вы писали из Петербурга, я ездил по хозяйству. День был счастливый, всё шло хорошо, кстати все мужики сделались вдруг необыкновенно умные и добрые, и я, возвращаясь верхом домой (славный был, яркий, холодный и осенний вечер), испытал чувство радости в том, что Лев Николаич жив и дышит, и чувство благодарности к кому-то, что он позволил

дышать Л[ьву] Н[иколаевичу]. Это очень приятное чувство, которое я редко испытываю и которое вы, я думаю, знаете. Все хорошие мысли и воспоминания вдруг полезли в голову и загородили весь коридор, так что ящики с неприятными мыслями и воспоминаниями уж не могли выдвигаться. Голова ведь устроена вот как: à vol d'oiseau³ череп:

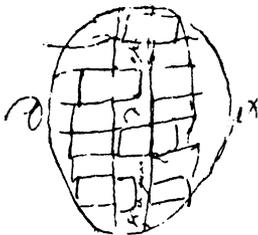
Все ящики выдвигаются в коридор.

Ящики могут выдвигаться по несколько с каждой стороны, оставляя проход в коридоре. Когда же, посредством хорошей погоды, лести, пищеваренья и т. п. пожата правая пружина, то все ящики сразу выскакивают, и весь коридор занимается ящиками правой стороны, вот так:

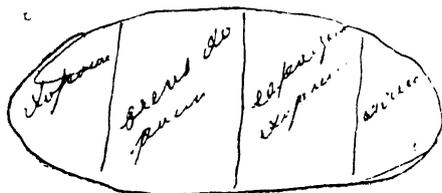

и наоборот, когда дождик, дурной желудок, правда пожмут левую, тоже коридор весь загоразивается.

А вот рисунок нормального положения, когда выдвигаются то те, то другие:

Кроме того надо знать, что каждый ящик имеет пропасть подразделений. Подразделения зависят от человека. У одного делятся на придворные и не придворные; у другого на красивые и не красивые; у третьего на умные и глупые и т. д., и т. д., и т. д. У меня разделяются на воспоминания о хороших, очень хороших и серьезно хороших и людях ничего. В разрезе и большом масштабе вот так:

Итак, едучи верхом, пружина хорошего расположения пожалась, и ящики выскочили все. В том числе и ваш ящик. Потом стали убираться понемногу, а ваш ящик, Бог знает по какому праву, выскочил весь, — стал поперек в коридоре и загородил всю дорогу. Так что весьма долго я им одним занимался и всё ехал и мысленно писал вам предлинное письмо. Но, приехав домой, в коридор надо было пропустить новые штуки, именно вопрос о том, как рассудить подравшегося мужика с женой, вопрос о покупке лесу и т. п., и эти вопросы самым грубым манером полезли напролом в коридор. Ежели бы я не успел запрятать в свое место ваш ящик, они бы сломали его. Одним словом, в этот же день я начал писать вам письмо, но уж не писалось, и я так и бросил его.

На ваше письмо я не отвечал тотчас же, потому что сам думал скоро быть в Петербурге, и теперь думаю, но всё откладывается, и уж мне становится совестно. Сестре нужно было ехать в Москву, и я поехал с ней. За границу она зимой не должна ехать, в Петербург тоже; поэтому и я остаюсь в России эту зиму, но в Петербург приеду очень скоро. Много и много хочется поговорить с вами. Вы спрашиваете у меня совета успокоительного; а я к вам приеду за этим, и оба мы не найдем, чего ищем. Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выдти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем. — Да что счастье — глупое слово; не счастье, а *хорошо*; а бесчестная тревога,

основанная на любви к себе — это, — несчастье. Вот вам в самой сжатой форме перемена во взгляде на жизнь, происшедшая во мне в последнее время. Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, акуратно всё только хорошее. Смешно! *Нельзя*, бабушка. Всё равно, как *нельзя*, не двигаясь, не делая моциона, быть здоровым. Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, не человеческого, а *оттуда*.

Вот вам и проповедь, бабушка. Да нет, это я написал очень не шутя. И чем больше думаю, тем больше вижу, что это так.

Прощайте, от души жму вашу руку и всех ваших, которых надеюсь увидеть дня через два. Скажите Катерине Николаевне,⁴ что В. Иславин⁵ женится на Кирьяковой какой-то.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 91—94. Письмо датируется 18—20? октября 1857 г., так как оно, судя по содержанию, написано из Москвы, куда Толстой приехал 17-го и откуда выехал в Петербург 21-го.

¹ Под «последним письмом» Толстой разумеет письмо А. А. Толстой от 7 октября 1857 г.

² Толстой отвечает здесь на письмо А. А. Толстой от 29 августа.

³ [с птичьего полета]

⁴ Е. Н. Шостак.

⁵ Владимир Александрович Иславин (1810—1895), был женат на Юлии Михайловне Кирьяковой (1840?—1919?). О них см. т. 59, стр. 33.

94. В. П. Боткину и И. С. Тургеневу.

1857 г. Октября 21 — ноября 1. Москва.

Здравствуйте, дорогой Василий Петрович. Я думаю, вы сердитесь на меня, да и поделом. Пока я знал, что вы в Fécamp¹ и Aix les-Bains,² я мог писать вам, но то от лени, то от деятельности откладывал, одним словом — виноват. Зато последнее время, месяца 2, которые я провел в деревне, дня не проходило,

чтобы я не досадывал на себя за то, что потерял вас из виду и не думал о вас. Вчера от милейшего Фета узнал ваш адрес и пишу. Еще больше чем адресу обрадовался я тому, что вам лучше. Только не уходите себя опять в Риме излишней деятельностью и волнением. В том настроении, в котором я вас видел и которое настоящее ваше настроение, я воображаю, как Рим вас будет волновать и счастливить. Вы, должно быть, знаете про меня от Тург[енева] до моего отъезда из *милого* Бадена. Почти не останавливаясь и не выздоровевши, я приехал домой. Невольно всю дорогу я строил планы будущей жизни из нового положения сестры³ и приезда брата Ник[оленки]. И хоть знал вперед, что меня ожидает разочарование, такую придумал себе невольно далекую от действительности прекрасную жизнь, что действительность⁴ больно подействовала на меня. Братьев я почти не видал, они уехали в Курск на охоту, а сестра с провинциальными тетушками, знакомыми и привычками, больная, слабая и закованная в этот провинциализм и свою болезнь, подействовала на меня ужасно тяжело. Протоотвращение, возбужденное во мне Россией, мне страшно рассказывать. Дела по имению, в котором еще прошлого года я начал освобождение, шли и плохо и главное остановились, так что требовали личного труда — идти вперед по начатой дороге или всё бросить. Здоровье сестры и воспитанье детей требовало поездки в Москву.

⟨Уж не раз мне случалось в жизни наткнуться на тяжелую действительность и выбирать, карабкаться вверх по этой грязи или идти в обход, и всегда я выбирал обход: философия (не изучаемая, а своя нелепая, вытекающая из настоящей душевной потребности), религия такая же и искусство, последнее время, вот были мои обходы. Я попробовал, и теперь тоже, сказать себе, что я поэт и что мне есть другая деятельность, и махнуть на всё рукой; но в этот раз, потому ли, что я старше, или что дела предстоящие были серьезнее, или сила воображения ослабела, только я не мог, как прежде бывало, вспорхнуть над жизнью, и с ужасом увидел, что вся эта тяжелая, нелепая и нечестная действительность не случайность, не досадное приключение именно со мной одним, а необходимой закон жизни. Грустно мне было расстаться с мечтой о спокойном и честном счастье, без путаницы, труда, ошибок, начинаний, раскаяний, недовольства собой и другими; но я, славу Богу, искрен[но] убе-

дился в том, что спокойствие и чистота, которую мы ищем в жизни, не про нас; что одно законное счастье есть честный труд и преодоленное препятствие. Очень мне было тяжело долгое время в деревне — прошла молодость! — Но положение дел и сестры было такое, что я почувствовал себя подпоркой такой, что, ежели я буду плохо стоять, то упадет и кое-что, что лежит на мне. Это заставило меня действовать и жить; сначала я увлекся движеньем; а потом втянулся, увидал результаты, предвидел другие, и стало хорошо; хотя изредко и жалко прошлой молодости. В деревне я хлопотал месяца 3, и теперь там хорошо, одним словом, так, что будь завтра освобождение, я не поеду в деревню, и там ничего не переменится. Крестьяне платят мне за землю, а свою я обрабатываю вольными. Кроме того, я затеял большое предприятие с казной касательно лесов, которое очень занимает меня.⁵ Кроме того — главное — с сестрой сначала нам было неловко, взгляды наши) —

Наши взгляды с сестрой были слишком различны и мы отталкивали друг друга; но надо было жить вместе и теперь кончилось тем, что нам тяжело врозь друг от друга. Я сделал уступки, она сделала уступки, каждый благодарен за сделанные уступки и готов с своей стороны сделать новые. Стоило только начать, а теперь пошло отлично. Так что когда мы вместе, нам всё хочется улыбаться, чувствуется что-то приятное, невысказанное между нами. И это невысказанное есть благодарность друг к другу и то, что любим друг друга больше, чем ожидали. Мы живем вот уже около месяца с ней вдвоем в Москве⁶ и ожидаем с каждым днем детей и тетушку,⁷ которых, должно быть, задерживает Ока.⁸ 3-го дня я приехал из Петербурга, куда ездил дня на 4.⁹ Дружинин был болен, теперь сидит на режиме и поправляется. Анненков весел, здоров, всё так же умен, уклончив и еще с большим жаром, чем прежде, ловит современность во всем, боясь отстать от нее. Действительно, плохо ему будет, ежели он отстанет от нее. Это одно, в непогрешимость чего он верует. Дружинин также умен, спокоен и тверд в своих убеждениях. Я всё не заставлял его и видел последним из всех наших общих знакомых. После Некрасовского¹⁰ и Ковалевского мрака,¹¹ Анненковской туманной подвижности и разных политических непрочувствованных излияний я отдохнул у Дружинина. Вообще надо вам сказать, новое направление литературы сделало то, что все наши старые знакомые и ваш покорный слуга

сами не знают, что они такое, и имеют вид оплеванных. Некрасов плачет о контракте нашем,¹² Панаев тоже, сами уж и не думают писать, сыплют золото Мельникову¹³ и Салтыкову¹⁴ и всё тцетно. Анненков проводит вечера у Салтыкова и т. д. Островской говорит, что его поймут через 700 лет, Писемский¹⁵ тоже, Гончаров в уголке потихоньку приглашает избранных послушать его роман;¹⁶ а Майков¹⁷ ужасно презирает толпу; Вульф¹⁸ покупает акции, а не долю Современника; Щедрин, Мельников, Гр. Н. С. Толстой¹⁹ и прежде писали, не перечитывая, теперь пишут по два слова вдруг и еще диктуют и всё мало. — Салтыков даже объяснил мне, что для пзящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гёте перечитывать не будут больше. Ведь всё это смешно, а ошалеешь, как вдруг весь свет вас уверяет, что небо черное, когда вы его видите голубым, и невольно подумаешь, хорошо ли сам видишь. Дружинин непоколебим. Про себя могу сказать, что я тоже не изменил своего взгляда, но у меня в том меньше заслуги. Слава Богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор.²⁰ Это было не в моей натуре. Нельзя из литературы сделать костыль, хлыстик, пожалуй, как говорил В. Скот. Каково бы было мое положение, когда бы, как теперь, подшибли этот костыль. *Наша* литература, т. е. поэзия, есть, если не противузаконное, то ненормальное явление (мы, помнится, спорили с вами об этом) и поэтому построить на нем всю жизнь — противузаконно. Тургенев, я думаю, с вами; поэтому вы прочтите ему это письмо. Известие о том, что вы остаетесь в Риме, любезный Иван Сергеевич, огорчило ваших друзей и очень и дало повод вашим недрузьям, уверяя, что они вас очень любят, осуждать вас в слабости и легкомысленности характера. Ни одного человека я не встречал, который бы не уверял или не считал нужным уверять, что он вас очень любит, но вместе с тем не осуждал бы вас. Писемской говорил, что написал вам ругательное письмо.²¹ К. Аксаков говорит, что я напишу ему то, что он сейчас приедет, и т. п. Мне грустно, что вас нет теперь и для меня и для литературы, которую бы вы влиянием своим успокоили бы, и для дел по вашим именьям, которые, говорят, в худом положеньи. Вспомнить хорошенько, я, кажется, тоже позволял себе осуждать вас, но мало. С сестрой только я в волю распространяюсь о вас. В сущности же, руку на сердце, скажу

то, что говорю большей частью, когда речь о вас, и то, что думаю в спокойном состоянии: в чужую душу не влезешь. Нет такой странной жизни, которая бы не имела своей законности и объяснения, которого не приищешь, покуда она не пройдет. Для вашей же жизни есть объяснение. Привезите из Рима книгу, которую вы должны еще написать и которую ждут от вас те, которые вас понимают, и тогда всё будет ясно. Ежели вы верите в мою дружбу к вам, напишите мне, как можете искреннее, что вы делаете? что думаете? зачем вы остались? Эти вопросы сильно мучают меня. И даже по этому случаю гонимые собаки подняли у меня под черепом мысль, которую гоняют с месяц. — Получили ли вы мое длинное письмо в Fécamp?²² Много бы хотелось еще написать и вам и вам, но надо ехать. Как, я думаю, хорошо вы устроились в Риме, как мне завидно иногда. Мы с сестрой поедем с первым пароходом весной. Я думаю, сначала в Италию.²³

1 Ноября.

Я вырвал тут листик в начале, которой при перечтении оказался мне совсем нестати.²⁴ Извините за эту путаницу. Всё лучше, чем ничего не написать, а переписать едва ли успел бы.

Впервые опубликовано в ТИТ, 4, стр. 39—40 и 41—44 в виде двух отдельных писем (первое кончается словами: «требовало поездки в Москву»). Часть письма, заключающая в ломаные скобки, которая не была послана Боткину, полностью публикуется впервые. Отрывок опубликован в книге: Н. Родионов, «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого», изд. «Московский рабочий», М. 1948, стр. 21. Судя по записи в Дневнике (т. 47, стр. 160), Фет заходил к Толстому 20 октября. Следовательно, письмо было, как это видно из его текста, написано на следующий день—21 октября. По возвращении Толстого из Петербурга в Москву 1 ноября он перечитал письмо, вырвал листок и сделал приписку.

¹ Фекац — морские купанья около городка того же названия в департаменте Нижней Сены, на берегу Ла-Манша.

² [Экс-ле-Бен] — город во французском департаменте Савойи, знаменитый своими минеральными источниками.

³ М. П. Толстая разошлась со своим мужем.

⁴ Слова: что действительность в автографе по ошибке повторены два раза.

⁵ О проектах лесонасаждения в Тульской губернии, см. т. 5, стр. 259 и 317, и п. № 111.

⁶ Толстой приехал в Москву с сестрой 17 октября.

На это признание Толстого о М. Н. Толстой Тургенев отвечал 25 ноября/7 декабря 1857 г. См. ИТТ, стр. 39—41.

⁷ Трое детей М. Н. Толстой с Т. А. Ергольской приехали в Москву 2 ноября.

⁸ Оку нужно было переезжать под Серпуховом.

⁹ Толстой пробыл в Петербурге не четыре дня, а восемь дней — с 22 по 29 октября.

¹⁰ Больной Некрасов часто бывал в это время в мрачном настроении.

¹¹ Говорится об угрюмом характере Егора Петровича Ковалевского.

¹² См. прим. 5 к п. № 18.

¹³ Павел Иванович Мельников (Печерский) (1819—1883) — писатель, этнограф, бытописатель поволжского раскола. В 1857 г. он печатал в «Русском вестнике» ряд своих рассказов.

¹⁴ М. Е. Салтыков (Щедрин).

¹⁵ Алексей Феофилактович Писемский.

¹⁶ Имеется в виду высоко ценимый Толстым роман Гончарова «Обломов», появившийся в печати в 1859 г.

¹⁷ Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) — поэт. Будучи знаком со всеми писателями, входившими в кружок «Современника», А. Н. Майков не был с ними близок, держась славянофильских взглядов. Толстой с Майковым никогда близок не был.

¹⁸ Старший конторщик редакции «Современника».

¹⁹ Гр. Николай Сергеевич Толстой (1812—1875) — троюродный брат Толстого. Н. С. Толстой — автор бытовых «Заволжских очерков». См. записи Толстого в Дневнике под 30 октября, 30 ноября и 1 декабря 1857 г. и прим. 2289 — т. 47, стр. 161, 164, 165 и 508.

²⁰ В ответ на это Тургенев писал Толстому 25 ноября/7 декабря 1857 г.: «Не спорю, может быть, вы и правы, только я, грешный человек, как ни ломал себе голову, никак не могу придумать, что же вы такое, если вы литератор: офицер? помещик? философ? основатель нового религиозного учения? чиновник? делец? — Пожалуйста, выведите меня из затруднений и скажите, какое из этих предположений справедливо. Я шучу, — а в самом деле мне бы ужасно хотелось, чтобы вы поплыли, наконец, на полных парусах» (см. ТТП, стр. 39—41). См. также письмо Тургенева к Анненкову от 1/13 декабря 1857 г. (И. В. Анненков, «Литературные воспоминания», Спб. 1909, стр. 500).

²¹ Письмо Писемского в печати неизвестно.

²² Письмо Толстого к Тургеневу в Fécamps неизвестно. В своем ответном письме от 25 ноября/7 декабря 1857 г. Тургенев писал Толстому: «Кстати, большого вашего письма в Fécamps я не получал — я в Фекане вовсе не был; впрочем, я написал туда, чтобы мне его выслали, если оно не затерялось» (ТТП, стр. 39—41).

²³ Этот план осуществлен не был.

²⁴ Этот сохранившийся листок напечатан в ломаных скобках на стр. 232—233.

На это письмо В. П. Боткин отвечал письмом от 22 ноября/4 декабря 1857 г. (см. ТПТ, 4, стр. 46—52). И. С. Тургенев ответил 25 ноября, 7 декабря 1857 г. (см. ТТП, стр. 39—41).

95. Н. А. Некрасову.

1857 г. Ноября 11. Москва.

Пишу вам, любезный Николай Алексеевич, что ежели только я не умру, то к 26-му пришло вам *Погибшего*, повесть листа в 3, которой я начинаю быть доволен.¹—

Ваш Гр. Л. Толстой.

Пожалуйста дайте положительный ответ о стихах Фета, которые я передал вам.² Он теперь у меня и кланяется вам очень.

На Пятницкой. Дом *Варгина*.

Впервые напечатано в АК, стр. 196. Дата определяется содержанием. Судя по записям Дневника, повесть («Погибший») была отправлена Некрасову 26 ноября, а до этого времени Фет был у Толстого только 11 ноября. См. т. 47, стр. 163.

¹ Повесть по получении ее Некрасовым тотчас же была набрана, но 30 ноября Толстым была послана телеграмма о приостановлении печатания.

Получив обратно рукопись, Толстой занялся переработкой повести и только 28 февраля 1858 г. он передал «Альберта» («Погибшего»). С этой датой повесть и появилась в 8-й книге «Современника» за 1858 г., но в действительности еще до 10 марта Толстой продолжал свою работу над ее отделкой (см. т. 5, стр. 287—292).

² «Предсмертное стихотворение Берамже», переведенное А. А. Фетом. См. прим. 5 к п. № 96.

96. Н. А. Некрасову.

1857 г. Ноября 25. Москва.

Посылаю вам обещанную [по]весть,¹ любезный Николай Алексеевич, ежели вы найдете ее хорошей, то напечатайте в Декабрьской книжке. Я бы очень желал пересмотреть все корректуры. Ежели только это возможно по времени, то высылайте или вышлите их мне. Но корректуры 8 и 9 отдела *неприменно* пришлите и скажите ваше мнение насчет их. Я ими недоволен. Я теперь занялся этой вещью преимущественно, чтобы сбыть ее с рук — она загоразивала другие — но, занявшись ею опять, серьезно увлекся, и мне кажется, что есть места не дурные. Об отделе 11-м тоже скажите свое мнение, он мне не нравится. Напрасно вы мне не отвечали на словечко, которое я написал

вам в начале месяца.² Ежели бы я знал, что вам не нужно поведсти, я бы поотделал эту; а теперь уж хочеться, чтобы она была поскорей напечатана. Пожалуйста тотчас же отвечайте. Деньги, сколько выдет листов, пришлите мне³ при напечатании, ежели можете. Граф Н. С. Толстой, Очерки Макарьевска... предлагается за 100 р. за лист. У него идут переговоры с Краевским;⁴ ежели вы хотите завербовать его несколько статей, то напишите мне. — Я живу хорошо и особенно последнее время, потому что работал с удовольствием. Как вы поживаете? надеюсь, что перестали хандрить, играть в клубе и болеть, что всё идет рука об руку. Посылаю еще вам стихотворение Беранже, посмертное, переведенное Фетом. И перевод хорош, а само стихотворение по мне прелестно.⁵ — Оно пропущено в французских журналах, [может] быть, пройдет и по-рус[ски]. Ежели есть у вас извест[ия] о Тур[гене]ве, то пожалуйста пер...⁶

Я слышал через Боткиных, что он заболел и уехал в Вену к доктору.⁷ Прощайте. Кланяйтесь Панаеву и всем нашим общим знакомым.

Ваш Гр. Л. Толстой.

25 Декабря.

Адрес мой: На Пятницкой в доме Варгина.

На четвертой странице:

Его Высокоблагородию Николаю Алексеевичу Некрасову. В Петербург. На Литейной, в доме Норовой.

Впервые напечатано в АК, стр. 195—196, с ошибочной датой «28 декабря». Судя по содержанию и по записям в Дневнике от 25 и 26 ноября (т. 47, стр. 164), Толстой ошибся, датировав письмо 25 декабря вместо 25 ноября.

¹ Начало слова оторвано.

² Толстой имеет в виду свое письмо от 11 ноября (см. № 95).

³ В автографе ошибочно: меня

⁴ Н. С. Толстой вел переговоры с А. А. Краевским о печатании его статей в «Отечественных записках» (см. прим. 19 к п. № 94).

⁵ Речь идет о предсмертном стихотворении Беранже, начинающемся словами: «О Франция! мой час настал, я умираю». Напечатано в переводе А. А. Фета в № 1 «Современника» за 1858 г.

⁶ Правый край письма оторван, поэтому текст со слов: «Оно пропущено», кончая: «то пожалуйста» — не полон.

⁷ Речь идет об И. С. Тургенева, который писал о своей болезни Толстому 25 ноября/7 декабря 1857 г. из Рима. См. ТТП, стр. 39—41.

* 97. Н. А. Некрасову. Неотправленное.

1857 г. Ноября 27? Москва.

Только что я послал вам «Погибш[его]», любезный Некрасов, как я вспомнил и понял, что в ней есть места из рук вон плохие, которые необходимо переделать. Гоюсь, что ежели вы будете печатать ее в Декабре, то не успеете прислать мне корректуры; поэтому посылаю — след[ующий] варьянт необходимейший. — Вставьте вместо начала 10 отд[ела] следующее:

В конце 9 отд[ела] вместо: вот те и музыкальный вечер. — Делесов испытал не отвращение, не досаду при виде Алберта, но то чувство любви и глубокого сожаления, которое он испытал в первый вечер, обхватило его. — Боже мой! за что он так несчастен? подумал он.

10.

Через несколько времени стали приезжать гости. Алберт всё спал.

Ну что ваше необыкновенное создание? сказал сын министра, вместе с французом Пишо входя в комнату.

Вот он, здесь, с радостью отвечал Делесов, я боялся, что он не придет сначала, но нет добыл таки его... Вы увидите, что это за необыкновенное существо. Только вот несчастье, в ужасном положении, может быть и не услышите его нынче вечером.

Ничего; велите содовой воды принести, это освежит его, да и я вышью кстати.

Славное лицо! сказал Француз, сверху глядя на спящего немца.

Так это-то вами открытый гений, сказал Аленин, входя в комнату и недоверчиво оглядывая грязную и развращенную фигуру Алберта. Постарайтесь же, пожалуйста, какнибудь привести его в память, мне очень, очень хочется его послушать, прибавил он.—

(Как в 9-м отделе, так и в 10-м и следующих, везде, где есть художник — выбросить его.)

Дальше, после игры Алберта, со слов: Ну конечно, сказал Аленин, вставить следующее:

Ну, конечно, сказал Аленин, Венецианской карнавал,¹ эту вечную пошлость, значит что дрянь. Да и играет очень плохо, прибавил он, послушав внимательно несколько времени.

Ведь он способен по пустякам восторгаться, я его давно знаю, заметил сын министра, подмигивая на Делесова.

Делесов сделал как будто не слышит. Ему становилось неприятно, что гости его как бы преднамеренно не хотели оценить Алберта.²

(Тут выпустить художника). Далее всё так, как в рукописи до слов: «Делесову было совестно». —

Делесову было совестно, он не решался оспаривать авторитет Аленина; но думал совершенно иначе. — Он нынче совсем не в духе³ сказал он. Сообразите, что это умирающий человек теперь, а ведь все таки талант⁴.....

Никакого... (и т. д. до слов «и быть подленьким, прибавил он»). Все засмеялись.

Нет, извините меня, Михаил Андреич, сказал Делесов с маленькой досадой, я его знаю ближе, чем вы, это не такой человек. И особенно теперь. Теперь страшно и больно смотреть на него, прибавил он, одушевляясь.

11.

Что жалок он — это так, возразил Аленин, но ничего тут особенного нет. Вы главное разубедитесь, пожалуйста, что он гений. Уверяю вас, что я люблю артистов и, про[во]звившись с ними всю свою жизнь, приобрел некоторую опытность, поверьте же мне, что это вовсе не гений, а что таких несчастных бездна — везде и что ими вовсе не восхищаться надо, а в исправительные дома сажать их.

Да отчего же вы так думаете?

А оттого, что эти господа — язва для серьезного искусства.

Ну, извините меня, горячо возразил Делесов, я его совсем не так понимаю. В ваших глазах он грязный, спившийся немец, а в моих он совсем другое. —

Вам никто не может мешать поэтизировать его сколько угодно, сказал Аленин, я ж вижу в нем то, что есть. —

И я вижу то, что есть, я изучил его, продолжал Делесов, по-вашему это негодяй, а по-моему это гений, погибший гений. Это человек, сгоревший весь от того священного огня, которому мы все служим. Этот огонь поэзии жжет других, так трудно не сгореть самому.⁵

Публикуется впервые. Рукопись повести была отправлена Некрасову 26 ноября, а на следующий день Толстой начал настоящее письмо Некрасову с указанием всех исправлений, но не кончил.

Настоящее письмо не было отправлено Некрасову, а 28 ноября Толстой написал другое (см. п. № 98).

¹ *Зачеркнуто*: эту пошлость

² *Зачеркнуто*: Однако он верил в авторитет Ленина и его слова заставили

³ *Зачеркнуто*: да

⁴ *Зачеркнуто*: да и просто

⁵ Эти исправления относятся к третьей редакции повести «Альберт». См. т. 5, стр. 287—299.

98. Н. А. Некрасову.

1857 г. Ноября 28. Москва.

Жду, не дождусь известия от вас, любезный Некрасов, насчет статьи, кот[орую] послал вам. Только что я отослал ее, как вспомнил много небольших, но необходимых исправлений. Главный вопрос: будете ли вы или нет печатать Погибш[его] в Декабре? Ежели да, то успею ли я исправить его по корректурам в Москве? Ежели не успею, а вам нужно печатать теперь, то уж я приеду в Петербург. — Необходимейшие исправления во второй половине; поэтому не велите отпечатывать ее в листы без исправлений. — Я рассчитываю, что 27 или 28 вы получили. К 1 или 2 я бы мог получить корректуры, к 5 вы бы получили их обратно. Без исправлений же печатать *невозможно*. Извините пожалуйста за эти хлопоты, я сам ужасно раскаиваюсь в том, что послал вам вещь в таком ужасно-невозможном виде. Во всяком случае отвечайте тотчас же.¹

28.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в АК, стр. 203—204. Год и месяц определяются содержанием.

¹ Ответ Некрасова с отзывом об «Альберте» см. в вступительном прим. к п. № 101.

99. Н. А. Некрасову.

1857 г. Декабря 2. Москва.

Так как теперь печатание не к спеху, то пришлите мне лучше рукопись, любезный Николай Алексеевич. Я вам снова пришлю

ее раньше 15-го Д[екабря], а то в ней много придется марать, особенно во второй части, так за что же пропадет набор?—

Ваш Гр. Л. Толстой.

2 Декабря.

Впервые опубликовано в АК, стр. 202.

100. В. В. Арсеньевой.

1857 г. Декабря 6. Москва.

Очень благодарен вам, любезная Валерия Владимировна, за вашу добрую память. Хотя я вовсе не ожидал его, письмо ваше доставило мне большое удовольствие.¹ — Нехорошо, что вы невеселы и не радуетесь жизнью так, как бы вам следовало. Чего вам еще? вы мечтали о независимости жизни в Петербурге, и у вас теперь всё есть, что имеет право желать человек: молодость, красота, независимое состояние, друг Верганичка² и даже роскошь имеете — Т[алызина],³ который страстно влюблен в вас и только об том просит, чтобы ему позволено было сделаться вашим рабом. Во всяком случае нужна решительность. Ежели, несмотря на все эти выгодные условия, вам нехорошо там, где вы живете, постарайтесь устроить лучше. Поезжайте за границу, выдьте замуж, подите в монастырь, заройтесь в деревню, но не будьте ни секунды в нерешительности. Это самое тяжелое и даже вредное состояние. — Извините, что по старой привычке я увлекся подаванием советов.

Радуюсь, что вы много занимаетесь музыкой. Искусство всегда и везде большое и чистое наслаждение. А музыка — ваше искусство, вы должны успевать в нем. Я живу всё это время в Москве, немного занимаюсь своим писаньем, немного вожусь с *умными*, и выходит жизнь так себе: ни очень хорошо, ни худо. Впрочем, скорей хорошо. Сердце мое не могу сказать, чтобы было пусто, напротив, слава Богу, оно беспрестанно наполняется то тем, то другим разным вздором, но, в том смысле, в котором вы разумеете, «в *soeur libre*»⁴ — совершенно *libre*.

Братья 3-го дня приехали сюда, и мы живем все вместе, Машенька хворает зубами последнее время. В Петербург я вовсе не собираюсь, но, должно быть, придется быть к новому году.

Тогда мы еще подробно поговорим о всем, что теперь желал бы написать; втак, до свиданья, от души жму вашу руку и Верганичкину.

Ваш Гр. Л. Толстой.

6 Декабря.

Николиньку поздравляю. ⁵ И вас также.

Впервые опубликовано в Б. I, 3, стр. 352—353, но ошибочно отнесено к 1856 г. Год определяется содержанием: «Братья 3-го дня приехали сюда». Братья Н. Н. и С. Н. Толстые приехали 4 декабря 1857 г. (см. т. 47, стр. 165).

¹ Письмо В. В. Арсеньевой неизвестно.

² Вергани.

³ За Анатолия Александровича Талызина В. В. Арсеньева вышла замуж в 1858 г.

⁴ [«сердце свободно»]

⁵ Брат В. В. Арсеньевой.

101. Н. А. Некрасову.

1857 г. Декабря 18. Москва.

Очень, очень благодарен вам, Некрасов, за искренность вашего письма. — Я вам писал, что я доволен был этой вещью; читал ее переделанной одному старпку Аксакову, который остался ею очень доволен; ¹ но теперь я верю вам; хотя и не согласен; тем более, что ее у меня нет, и что вы серьезного против ничего не говорите. Печатать ее теперь нельзя, потому что, как я писал вам, надо в ней исправить и изменить многое. 30 числа я еще просил вас прислать мне ее назад. Напрасно вы не прислали. Что это не повесть описательная, а исключительная, которая по своему смыслу вся должна стоять на психологических и лирических местах и потому не должна и не может нравиться большинству, в этом нет сомнения; но в какой степени исполнена задача, это другой вопрос. Я знаю, что исполнил ее сколько мог (исключая матерьяльной отделки слога). Эта вещь стоила мне год почти исключительного труда, но, как вижу, для других будет казаться не то — и потому лучше ее предать забвению, за что и благодарю вас очень и очень. — Пришлите мне только пожалуйста рукопись или корректуры, чтобы, пока свежо еще, исправить что нужно и спрятать всё подальше. —

Тургенев пишет, что прислал вам повесть. Пожалуйста напишите, что такое и в каком будет номере.² Слава Богу, он пишет о ней без свойственной ему болезненной скромности.³ — Ежели увидите Майкова, спросите у него пожалуйста, получил ли он стихи от С. Т. Аксакова. Он удивляется, что не получает ответа. —

Прощайте, кланяйтесь Панаеву и всем знакомым.

Ваш Гр. Л. Толстой.

18 Декабря.
1857.

Впервые опубликовано в АК, стр. 193—194.

Настоящее письмо Толстого является ответом на следующее письмо Некрасова от 16 декабря 1857 г. (приводим его полностью): «Милый, душевно любимый мною Лев Николаевич, повесть вашу набрали, я ее прочел и по долгу совести прямо скажу вам, что она нехороша и что печатать ее не должно. Главная вина вашей неудачи в неудачном выборе сюжета, который не говоря о том, что весьма избит, труден почти до невозможности и неблагоприятен. В то время, как грязная сторона вашего героя так и лезет в глаза, каким образом осязательно до убедительности выказать гениальную сторону? а коль скоро этого нет, то и повести нет. Всё, что на втором плане, очень впрочем хорошо, то есть Делесов, важный старик и пр., но всё главное вышло как-то дико и ненужно. Как вы там себе ни смотрите на вашего героя с его любовью и хорошо устроенным внутренним миром — нужен доктор, а искусству с ним делать нечего. Вот впечатление, которое произведет повесть на публику, ограниченные резонеры пойдут далее, они будут говорить, что вы пьяницу, лентяя и негодяя тянете в идеал человека и найдут себе много сочувственников... да, это такая вещь, которая дает много оружия на автора умным и еще более глупым.

Если вы со мной не согласны и вздумаете отдать дело на суд публики, то я повесть напечатаю. Эх! пишете повести попроще. Я вспомнил начало вашего казачьего романа, вспомнил двух гусаров — и подивился, чего вы еще ищете — у вас под рукою и в вашей власти ваш настоящий род, род, который никогда не прискучит, потому что передает жизнь, а не ее исключения, к знанию жизни у вас есть уже психологическая зоркость, есть поэзия в таланте — что же еще надо, чтоб писать хорошие — простые, спокойные и ясные повести.

Покуда в ожидании вашего ответа я вашу повесть спрятал и объявил, что вы раздумали ее печатать. Будьте здоровы и напишите мне поскорее. Весь ваш Н. Некрасов.

Р. S. Я понимаю, что в решимости послать мне эту повесть — главную роль играло желание сделать приятное мне и Современнику, и очень это ценю. Но недаром вы колебались, да и Анненков на этот раз прав, если только эту повесть вы ему читали» (альманах «Круг», кн. шестая, М. 1927, стр. 215—216).

25 декабря Некрасов писал И. С. Тургеневу, что Толстой «прислал такую вещь, что пришлось ему ее возвратить» (А. Пыпин, «Н. А. Некрасов», стр. 191). Получив это письмо, Тургенев писал Толстому из Рима 17/29 января 1858 г.: «Мне странно, однако, почему Некрасов забрал «Музыканта», — что в нем ему не понравилось, сам ли музыкант, возящееся ли с собой лицо? — Боткин заметил, что в лице самого музыканта недостает той привлекательной прелести, которая неразлучна с художественной силой в человеке; может быть, он прав; и для того, чтобы читатель почувствовал часть очарования, производимого музыкантом своими звуками, нужно было автору не ограничиться одним высказыванием этого очарования» (ТТП, стр. 43—45).

¹ Толстой читал свою повесть С. Т. Аксакову 23 ноября 1857 г. и об этом записал в Дневнике: «Кажется понравилось старику» (т. 47, стр. 164).

² Повесть И. С. Тургенева «Ася», отправленная в «Современник» 12 декабря, появилась в первой книжке журнала за 1858 г. См. отзыв о ней Толстого в п. № 103.

³ См. письмо из Рима от 25 ноября/7 декабря 1857 г. (ТТП, стр. 39—41).

102. В. П. Боткину.

1858 г. Января 4. Москва.

Благодарствуйте за длинное и славное письмо ваше, дорогой Василий Петрович. Отчего вы не прислали и не пришлете мне прежние письма ваши, которые вернулись?¹ Мне серьезно полезны ваши письма. Как я подумаю, что вы так серьезно смотрите на мое писанье, так я и сам оперяюсь. — У нас, т. е. в Русском обществе, происходит небывалой кавардак, поднятый вопросом эмансипации. — Политическая жизнь вдруг неожиданно обхватила собой всех. Как бы мало кто ни был приготовлен к этой жизни, всякой чувствует необходимость деятельности. И что говорят и что делают, страшно и гадко становится. До сих пор обозначилось резко одно: дворянство почуяло, что у него не было других прерогатив, как крепостное право, и озлобленно ухватилось за него. — Противников освобождения 90 на 100, а в этих 90 есть различные люди. Одни потерянные и озлобленные, не знающие, на что опереться, потому что и народ и правительство отрекаются от них. Другие лицемеры, ненавидящие самую мысль освобождения, но придирающиеся к форме. Третьи самолюбцы проэкрты. Эти самые гадкие. Эти никак не хотят понять,² что они известного рода граждане, имеющие право и обязанности ни большие, ни меньшие, чем другие. — Они хотят или ничего не делать, или делать по своему и всю Россию повернуть по своему прилаженному, узенькому деспотическому проэкрту. Четвертые и самое большое число, это упорные и покорные. Они говорят: сами обсуждать дело мы не хотим и не будем. Ежели хотят, то пускай отнимут

всё, или всё оставят в старом положении. Есть еще аристократы на манер Аглицких. Есть Западники, есть Славянофилы. А людей, которые бы просто силой добра притягивали бы к себе и примиряли людей в добре, таких нету. ³ Изящной литературе, положительно, нет места теперь для публики. Но не думайте, чтобы это мешало мне любить ее теперь больше, чем когданибудь. — Я устал от толков, споров, речей и т. д. В доказательство того при сем препровождаю следующую штуку, о которой желаю знать ваше мнение. Я имел дерзость считать это отдельным и конченным произведением, хотя и не имею дерзости печатать. ⁴ —

«Я во сне говорил всё то, что было в моей душе и чего я не знал прежде. Мысли мои были ясны и смелы и сами собой облекались вдохновенным словом. Звук моего голоса был прекрасен. Я удивлялся тому, что говорил, и радовался, слушая звуки своего голоса. — Я один стоял на ⁵ колеблющемся возвышении. Вокруг меня ⁶ жались незнакомые мне братья. Вблизи я различал лица, вдали, как зыблющееся море, без конца виднелись головы. — Когда я говорил, по толпе, как ветер по листьям, пробегал трепет восторга; когда я замолкал, толпа, отдыхая, как один человек, тяжело переводила дыхание. — Я чувствовал на себе глаза миллионов людей, и сила этих глаз давила меня и радовала. Они двигали мною, так же как и я двигал ими. ⁷ — Восторг, горевший во мне, давал мне власть над безумной толпой, и ⁸ власть эта, казалось мне, не имела пределов. ⁹ — Далекой чуть слышимый голос внутренно шептал мне «страшно!», ¹⁰ но быстрота движенья заглушала голос и влекла меня дальше. Болезненный поток мысли казалось не мог истощиться. Я весь отдавался потоку ¹¹, и белое возвышение, на котором я стоял, колеблясь, поднималось ¹² выше и выше. — Но, ¹³ кроме сковывавшей меня силы толпы, я давно уже чуял сзади себя что-то отдельное, неотвязно притягивающее. ¹⁴ Вдруг я почувствовал сзади себя чужое счастье и ¹⁵ принужден был оглянуться. ¹⁶ Это была женщина. ¹⁷ Без мыслей, без движений, я остановился и смотрел на нее. Мне стало стыдно за то, что я делал. Сжатая толпа не расступалась, но каким-то чудом женщина двигалась медленно и спокойно посередине толпы, не соединяясь с нею. Не помню, была ли эта женщина молода и прекрасна, не помню одежды и цвета волос ее; не знаю, была ли то первая погибшая мечта любви или позднее воспоминание любви матери, знаю

только, что в ней было всё, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила.¹⁸ Она отвернулась. Я смутно видел очертания полуоборотившегося лица и только на мгновение застал на себе ее¹⁹ взгляд, выражавший кроткую насмешку и любовное сожаление. — Она не понимала того, что я говорил; но не жалела о том, а жалела обо мне. Она не презирала ни меня, ни толпу, ни восторги наши, она была прелестна и счастлива. Ей никого не нужно было, и от этого-то я чувствовал, что не могу жить без нее..... С ее появлением исчезли и мысли, и толпа, и восторги; но и она не осталась со мною. Осталось одно жгучее, безжалостное воспоминание. Я заплакал во сне, и слезы эти были мне слаще прежних восторгов. Я проснулся и не отрезал от своих слез. В слезах этих и наяву было счастье». ²⁰

— Ежели Тургенев еще с вами, то прочтите это ему и решите, что это такое, дерзкая ерунда или нет. Но довольно об этом. У меня есть к вам серьезное дело. Что бы вы сказали в теперешнее время, когда политической грязной поток хочет решительно собрать в себя всё и ежели не уничтожить, то загадить искусство, что бы вы сказали о людях, которые бы, веря в самостоятельность и вечность искусства, собрались бы и делом (т. е. самим искусством в слове) и словом (критикой) доказывали бы эту истину и спасали бы вечное независимое от случайного, одно-стороннего и захватывающего политического влияния? Людьями этими не можем ли быть мы? Т. е. Тургенев, вы, Фет, я и все, кто разделяют и *будут* разделять наши убеждения. Средство к этому разумеется журнал, сборник, что хотите. Всё, что является и явится чисто художественного, должно быть притянуто в этот журнал. Всё русское и иностранное, являющееся художественное, должно быть обсужено. Цель журнала одна: художественное наслаждение, плакать и смеяться. Журнал ничего не доказывает, ничего не знает. Одно его мерило образованный вкус. Журнал знать не хочет ни того, ни другого направления и потому очевидно еще меньше хочет знать потребностей публики. Журнал не хочет количественного успеха. Он не подделывается под вкус публики, а смело становится учителем публики в деле вкуса, но только вкуса. Ежели бы я стал теперь выводить результаты, которые я предвижу из этого дела, я бы никогда не кончил; да и мне кажется, что для вас это лишнее. Вы разделяете это мнение и сами видите лучше меня то, что я буду трудиться доказывать. Ежели так, то, разумеется, никому

как вам надо быть редактором. Вы памятник воздвигнете себе нерукотворный. Деньги для издания дадим все — Тургенев, вы, Фет и я и т. д.

Пожалуйста подумайте об этом и ответьте решительно.²¹

Кавказской роман, который вам понравился, я не продолжал.²² Всё мне казалось не то, я и еще после [*1 неразобр.*]— 2 раза начинал снова. Для меня, я всегда замечал, самое лучшее время деятельности от Января до весны, и теперь работаетя; но что выйдет, не знаю. На жизнь свою в Москве я не могу жаловаться. Хорошие люди есть, как и везде. Дома приятно, ежели бы только не нездоровье сестры. Она целую зиму страдает. Хорошая музыка даже есть, и теперь окончательно устраивается музыкальное общество под руководством Мортье.²³

В Петербурге я не был и не хочется, Григорович был здесь. Написал недурную повесть²⁴ и собирается на днях в Рим.²⁵ Милый Фет был болен и теперь еще не совсем поправился. Какой он капризный и злой, когда болен, и какая славная женщина ваша сестра М[ария] П[етровна].²⁶

Был здесь обед в купеческом клубе,²⁷ устроенный Кавелиным,²⁸ по случаю эманципации. Были речи Каткова,²⁹ Станкевича,³⁰ Погодина,³¹ Кавелина, Павлова,³² Бабста³³ и Кокырева.³⁴ Только Павлова и Бабста речи были замечательны.³⁵ Обед этот произвел озлобление во всей публике дворянской. Славянофилы не хотели участвовать в обеде. Да что я пишу это вам *vanitas vanitatum*,³⁶ вроде звезд и чинов. Человек везде человек, т. е. слаб. Нечто мученики, только одни мученики непосредственно действовали для добра. Т. е. делали то самое добро, которое хотели делать. А эти все деятели — рабы самих себя и событий. Хотят звезды или славы, а выходит государственная польза, а государственная польза выходит зло для всего человечества. А хотят государственной пользы, выходит комунибудь звезда и на ней останавливается. *Glaubst zu schieben und wirst geschehen*.³⁷ Вот что обидно в этой деятельности. И коли понял этот закон, хорошенько всем существом понял, то такая деятельность уже становится невозможна. То ли дело срубить лес, построить дом и т. д. —

Одна[ко] прощайте, обнимаю вас изо всех сил, равно и Тургенева. — Адрес мой: на Пятницкой в д. Варгина.

4 Января.

Вчера вышла приготовленная и несказанная Кокыревым речь.³⁸ Оболенской³⁹ послал ее в Рим. Вы достанете ее там. Куда девалось мое олимпийское спокойствие, когда я прочел эту речь? Речь эта всем нравится. Куда мы идем? это ужасно. Я убеждаюсь, что у нас нет не только ни одного таланта, но ни одного ума. Люди, стоящие теперь впереди и на виду, это идиоты и нечестные люди. Надо вам знать, что эта речь есть единственное допущенное цензуром толкование рескрипта и циркуляра. В Москве я знаю только одного брата Николая, который возмущен этой речью. —

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 53—59. Письмо является ответом на письмо В. П. Боткина от 22 ноября/4 декабря 1857 г. из Рима (см. ТПТ, 4, стр. 46—52).

¹ Два письма Боткина к Толстому, отправленные в Зинциг на имя Тургенева и не полученные Толстым.

² В автографе: не понять.

³ Речь идет о реакции разных кругов дворянства на рескрипты Александра II от 20 ноября 1857 г. на имя гродненского, минского и ковенского генерал-губернаторов и от 7 декабря 1857 г. на имя петербургского генерал-губернатора. Рескрипты эти впервые поставили официально вопрос о предстоящей крестьянской реформе. См. т. 47, стр. 516, прим. 2383.

⁴ Приводимый здесь текст представляет собою одну из редакций произведения Толстого, носящего в других редакциях название «Сон» (напечатан в т. 7 настоящего издания). Рукописей этого произведения, нам известных, считая и ту, которая вошла в письмо к Боткину, сохранилось четыре. Печатаемый здесь текст надо считать второй редакцией. Стимулом к этому замыслу послужил сон, рассказанный Толстому братом Н. Н. Толстым. См. об этом записи в Дневнике под 24 ноября и 31 декабря 1857 г. (т. 47, стр. 164 и 166), а также прим. 2362, стр. 514.

⁵ Зачеркнуто: белом

⁶ Зачеркнуто: (снилось мне)

⁷ Зачеркнуто: Безумный

⁸ Зачеркнуто: и я упивался своим безумием

⁹ Зачеркнуто: и белое возвышение, на котором я стоял, колеблясь поднималось всё выше и выше

¹⁰ Зачеркнуто: страшно

¹¹ Зачеркнуто: и неслышно

¹² В автографе описка: поднимался

¹³ Зачеркнуто: среди

¹⁴ Зачеркнуто: меня к себе

¹⁵ Зачеркнуто: (оглян) увидел женщину

¹⁶ В автографе описка: оглянулся

¹⁷ Зачеркнуто: мне стало стыдно за себя

¹⁸ *Зачеркнуто*: прелести

¹⁹ *Зачеркнуто*: спокойный чарующий

²⁰ *Абзац редактора.*

²¹ В ответ на это письмо Тургенев писал Толстому 17/29 января 1858 г. (ТТП, стр. 43—45 и 48—50). Об этом же плане журнала Толстой говорил и с А. В. Дружининым во время своего свидания в Петербурге (12 марта). 15 апреля Дружинин писал о возможности взять в аренду «Библиотеку для чтения» (письмо неопубликовано). Издание художественного журнала не осуществилось, и Толстой, начиная с 60-х гг., постепенно превратился из апологета «чистого искусства» в решительного его врага и в дальнейшей своей деятельности до самого конца жизни резко и горячо обличал классовую, буржуазную сущность эстетской теории «чистого искусства».

²² Повесть Толстого «Казачи».

²³ Толстой, страстный поклонник музыки, когда находился в столицах, всегда искал случая присутствовать на концертах. Он посещал частные концерты, устраивавшиеся в Москве А. В. Киреевой (см. т. 47, прим. 2380, стр. 515—516). Но, так как публичных исполнений музыкальных произведений тогда в Москве не было, он решил проявить инициативу в этом направлении. См. Проект устройства в Москве музыкального общества, № 278.

²⁴ Повесть Григоровича «Кошка и мышка» напечатана в декабрьской книжке «Современника».

²⁵ За границу Григорович на этот раз не поехал, а в августе 1858 г. отправился по поручению Морского министерства на корабле «Ретвизан» в путешествие кругом Европы, описав его в ряде очерков, печатавшихся в «Морском сборнике», а затем вышедших отдельной книгой под заглавием «Корабль Ретвизан».

²⁶ Мария Петровна Фег. *Далее абзац редактора.*

²⁷ Этот обед был задуман К. Д. Кавелиным по поводу опубликования рескрипта Александра II от 20 ноября 1857 г. «в духе примирения и соединения всех литературных партий». См. об этом т. 47, стр. 520—521, прим. 2444 и 2445.

²⁸ Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) — умеренно-либеральный историк-юрист и публицист, принадлежавший к правому крылу западников. См. т. 47, прим. 592, стр. 310.

²⁹ Михаил Никифорович Катков.

³⁰ Александр Владимирович Станкевич (1821—1907) — писатель, автор ряда повестей, брат Николая Владимировича Станкевича. В 1860-х гг. был членом Воронежского губернского по крестьянским делам присутствия.

³¹ Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — реакционный историк, славянофил, защитник теории «официальной народности», профессор Московского университета.

³² Николай Филиппович Павлов (1805—1864) — писатель и журналист. См. о нем т. 47, прим. 1063, стр. 364—365.

³³ Иван Кондратьевич Бабст (1828—1881) — с 1857 г. профессор политической экономии в Московском университете, буржуазный либерал;

впоследствии был директором Лазаревского института восточных языков в Москве. В речи своей он говорил о значении свободного труда, который открывается в будущем для всего народа.

³⁴ Василий Александрович Кокорев (1817—1889) — представитель нарождающегося крупного финансового капитала, откупщик, банковский и железнодорожный деятель. См. т. 47, прим. 619, стр. 315.

В. А. Кокорев, один из главных деятелей по устройству обеда, произнес при самом окончании обеда только несколько слов. Речь, которую он предполагал произнести, была напечатана вслед за описанием обеда в «Современной летописи» («Русский вестник», 1857, декабрьская книга 2, стр. 212 и след.).

³⁵ В Дневнике Толстого от 28 декабря записано: «Речи пошлые все, исключая Павловской» (т. 47, стр. 166). Имеется в виду речь Н. Ф. Павлова. См. т. 47, прим. 2445, стр. 520—521.

³⁶ [суета сует] — изречение из «Екклезиаста» (Библия), приписываемого царю Соломону.

³⁷ [Думаешь подвинуть других, а тебя самого толкают вперед] — афоризм, принадлежащий Гёте, одно из любимых изречений Толстого, поставленное им эпиграфом в его журнале «Ясная Поляна».

³⁸ См. выше прим. 34 и запись в Дневнике Толстого под 2—5 января 1858 г.

³⁹ Юрий Васильевич Оболенский (1826—1886). См. о нем т. 47, прим. 699, стр. 326.

103. Н. А. Неврасову.

1858 г. Января 21. Москва.

Нехорошо это, любезный Николай Алексеич, что вы так себя распустили. Нехорошо для тех, кто вас любит, нехорошо для дела и главное для самих вас. — Ведь и без того скоро умрем и забудемся совсем, так стоит ли того насильственно забываться, да еще без счастья для себя и без пользы и счастья для других. —

Насчет 1-го № доложу вам искренно, что он очень плох.¹ Кавеньяк,² политич[еская] и хорошая статья, стоит впереди, так же как в Рус[ском] Вестн[ике]; это-то и производит неприятное впечатление. Совр[еменник] должен и имеет право иметь свои традиции. В стихотворении Фета две ужасные опечатки: *О защитите*, вместо *защитите же* и *с улыбкой*, вместо *сусильем*.³ «Ася» Тургенева, по моему мнению, самая слабая вещь из всего, что он написал.⁴ — Островского вещи не читал всей; но знаю, что она слаба в чтении.⁵ Политической перец, рассыпанной повсюду и в приложении «Дяди Тома»,⁶ нейдет, по моему мнению, Современнику и никогда не сравнится по условиям Моск[ов-

ской] цензуры с перцем М[осковских] журналов. Теперь о себе доложу, что я пишу маленькую по количеству листов вещь, весьма странного содержания, которую, может, пришлю вам в конце месяца.⁷ Повесть свою спрятал, но придумал еще в ней переделки, которые сообщу вам когданибудь, когда будем вместе.⁸ Кавказской роман всё переделываю в плане и не подвигаюсь.⁹

Скажите, что наш расчет и дивиденд? Пришлите мне то, что следует, в Москву.

Ежели Григорович не уехал, скажите ему, что я, может быть, поеду скоро за границу и желаю знать, когда он отправляется. Может быть, пришлось бы ехать вместе.

Ежели удастся моя коротенькая поездка в Италию месяца на два, то скоро увижу вас.¹⁰ Так до свиданья, от души жму вам руку и кланяюсь всем общим знакомым.

Ваш Гр. Л. Толстой.

21 Января.

Ежели увидите Давыдова,¹¹ то скажите ему пожалуйста, что я в последний раз напоминаю ему о высылке мне журналов и с 1-го февраля обращаюсь к другому книгопродавцу; поэтому, чтобы он и заботился больше о высылке мне книг.

Впервые напечатано в АК, стр. 197—198. Письмо является ответом на письмо Некрасова от 19 февраля 1858 г. (см. альманах «Круг», книга шестая, М. 1927, стр. 216—217).

¹ Отзыв о январской книжке «Современника» за 1858 г.

² Статья Н. Г. Чернышевского «Кавеньяк» представляет собою, как пишет Чернышевский во вступительной части статьи, «свод высказываний иностранных газет о государственной деятельности Кавеньяка». В статье подробно разбирается деятельность «чистых республиканцев», пришедших к власти в феврале 1848 г., и та страшная жестокость, с которой они подавили восстание рабочих в июне 1848 г.

Эжен-Луи Кавеньяк (1802—1857) — французский генерал и государственный деятель, руководивший подавлением Французской революции 1848 г.

³ Предсмертное стихотворение Беранже, переведенное А. А. Фетом. См. п. № 96, прим. 5.

⁴ Рассказ Тургенева «Ася», напечатанный в № 1 «Современника» за 1858 г.

⁵ «Не сошлись характерами! Картины из московской жизни», напечатано в том же номере «Современника».

⁶ При этой книжке «Современника» приложен роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

⁷ Речь идет о рассказе Толстого «Три смерти», над которым он работал в январе 1858 г. Рассказ был напечатан в № 1 «Библиотеки для чтения» 1859 г. Подробнее см. т. 5, стр. 300—303.

⁸ Толстой был занят переработкой повести «Альберт», см. прим. 1 к п. № 95.

⁹ Речь идет о повести «Казачки».

¹⁰ Предполагаемые поездки Толстого и Григоровича за границу не состоялись.

¹¹ Книгопродавец и издатель Алексей Иванович Давыдов.

104. Н. А. Некрасову.

1858 г. Февраля 17. Я. П.

По здравом обсуждении я убедился, любезный Николай Алексеич, что союз наш ни к чорту не годится. Всё, что мы с вами говорили об этом в Пет[ербурге], справедливо было, а теперь явились еще две новые причины. Во-первых, то, что мне хочется печатать в другие журналы; во-вторых, то, что вы мне не присылаете расчета дивиденда, вот полтора месяца.

Из всего этого я вывел решение разорвать союз. Расчеты наши мы сделаем при свидании нынче весной в Петербурге.

Надеюсь, что разрыв общ[его] соглашения не будет иметь влияния на наши личные отношения.¹ С своей стороны, я всегда буду стараться печатать всё лучшее в Соврем[еннике] и на днях же пришлю вам две штуки на выбор, из коих одна есть тот же несчастный всеми забракованный музыкант, от которого я не мог отстать и еще переделал.²

Пожалуйста отвечайте мне поскорее в Москву, хотя я теперь в деревне, на днях вернусь в Москву.³ —

Я забыл имя и отчество и адрес Аничкова,⁴ сделайте милость, передайте ему, когда увидите, что я решительного ответа не могу ему дать раньше Марта. Пожалуйста передайте ему это. Это мне очень нужно. —

Затем прощайте, от души жму вам руку и желаю всего лучшего.

Ваш гр. Л. Толстой.

17 Февраля.

Ясная Поляна.

Впервые опубликовано в АК, стр. 198—199.

¹ Соглашение было прекращено обращением редакции «Современника» к участникам: Григоровичу, Островскому, Тургеневу и Толстому. Обращение это в печати неизвестно. Толстой отвечал на это обращение 26 февраля 1858 г. См. п. № 105. Письмо Некрасова к Толстому см. в альманахе «Круг», книга шестая, М. 1927, стр. 217—218.

² Рассказы «Альберт» и «Три смерти».

³ 13 февраля Толстой выехал из Москвы в Тулу и Ясную Поляну, а 23 февраля снова вернулся в Москву.

⁴ Виктор Михайлович Аничков (1830—1877) — профессор Николаевской академии генерального штаба по кафедре военного хозяйства, автор ряда военных книг.

105. Н. А. Некрасову.

1858 г. Февраля 26. Москва.

Нынче получил ваш циркуляр и спешу отвечать. Что я вполне согласен на разрыв союза, вы убедитесь из моего прежнего письма. Что вы поступили совершенно справедливо, в этом тоже нет никакого сомненья. Итогом своего расчета я вполне доволен, и, ежели можете, пришлите мне поскорее следуемые деньги. К Марту месяцу уже я вам не поспею с новой вещью, а в Марте надеюсь сам вас видеть и прочесть вам. Затем прощайте, любезный Николай Алексеевич. Я боюсь, вследствие того, что мы давно не видались, и эти расчеты, между нами что-то неладно. —

Я этого очень, очень бы не желал.

Ваш Гр. Л. Толстой.

26 Февраля.

Впервые опубликовано в АК, стр. 199—200. Письмо является ответом на письмо Некрасова от 22 февраля 1858 г. См. прим. 1 к п. № 104.

106. Н. А. Некрасову.

1858 г. Марта 15—17? Петербург.

Да будет по вашему, любезный Николай Алексеевич. Лучший резон есть то, что я вам не раз был обязан. Мне даже совестно, ужасно совестно; но что делать — принцип — драть сколько можно больше за свое писанье.¹ Затем прощайте, пожалуйста поручите корректуры просмотреть повнимательнее.²

Ваш Гр. Л. Толстой.

Опубликовано впервые в АК, стр. 293. Датируется предположительно последними днями пребывания Толстого в Петербурге и словами из письма Е. Я. Колбасина к Тургеневу. См. «Тургенев и круг «Современника», «Academia», М.—Л. 1930, стр. 353.

¹ Речь идет о гонораре за повесть «Альберт».

² Корректурa «Альберта» была послана Толстому Некрасовым 3 апреля 1858 г. См. письмо Некрасова к Толстому от этого числа в альманахе «Круг», книга шестая, М. 1927, стр. 218—219.

107. М. Н. Каткову.

1858 г. Марта 18. Москва.

18 Марта.

М. Г. Михаил Никифорович!

По поручению М. Е. Салтыкова,¹ спешу доставить вам прилагаемую рукопись. Он очень просит напечатать ее в Марте.² В противном случае просит возвратить ее ему в Петербург или мне в Москву, на Пятницкой в доме Варгина.—

С совершенным почтением остаюсь

Ваш пркорный слуга

Гр. Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива М. Н. Каткова (тетрадь № 21). Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», № 37—38, М. 1939, стр. 191. Месяц и число проставлены на копии, год определяется содержанием.

¹ Очевидно, Толстой в Петербурге виделся с Салтыковым (Щедриним), о чем до сих пор сведений не имелось. О взаимоотношениях Толстого с М. Е. Салтыковым см. статью М. М. Чистяковой «Л. Н. Толстой и Салтыков» в № 13—14 «Литературного наследства», 1933.

² В № 3 «Русского вестника» за 1858 г. появились «Два отрывка из книги об умирающих» Салтыкова.

108. Гр. А. А. Толстой.

1858 г. Марта 24. Москва.

Христос воскрес! милый друг бабушка! Хотя я и не говел, и хотя я с Петербурга всё болен,¹ мне так что-то хорошо на душе, что не могу не поговорить с вами. — Когда у меня в душе беспорядок, я при вас и заочно стыжусь вас, когда же, как

теперь, — не слишком дурно, чувствую в себе храбрость смотреть вам прямо в лицо и спешу воспользоваться этим. Мы сейчас с тетинькой говорили о вас. Она мне рассказала ваши слова Машиньке о ее муже. Эти слова тронули глубоко и М[ашеньку], и тетиньку, и меня. Мы даже разнюнились с тетинькой, вспоминая их. Откуда у вас берется эта теплота сердечная, которая другим дает счастье и поднимает их выше? Какой вы счастливый человек, что можете так легко и свободно давать другим счастье. — Затем и пишу вам, что мне завидно и хочется подышать немножко вашим воздухом. Как ни смотришь на себя — всё мечтательный эгоист, который и *не может* быть ничем другим. Где ее взять — любви и самопожертвования, когда нет в душе ничего, кроме себялюбия и гордости? Как ни подделывайся под самоотвержение, всё та же холодность и расчет на дне. И выходит еще хуже, чем ежели бы дал полный простор всем своим гадким стремленьям. Вот и теперь пишу вам о себе и готов писать сто листов, как будто это может быть интересно кому-нибудь. Ежели бы мне кто-нибудь написал то об себе, что я пишу вам, мне бы стало гадко, а вам, я знаю, будет жалко, что вот как глуп человек. — Ах! плохо жить нашему брату — *младшим*. — Не можем мы ни любить, ни быть любимы, а так кружимся, как будто дело делаем, то притворяемся, что любим, то притворяемся, что нас любить можно, — и всё неправда. Мы только на то и годимся, чтобы, глядя на нас, больше бы ценили вас, *старших*. — Но всё ничего; ежели вы, *старшие*, будете помогать немного, жить можно. — Не могу сыскать Сна,² чтобы прислать вам. Другую же вещицу отдал переписывать и пришлю на днях.³ — Пожалуйста не покупайте Андерсена,⁴ пришлю вам его и еще божественную книгу (*dans mon genre*),⁵ которой, надеюсь, вы останетесь довольны. Ежели вам лень, то не отвечайте мне теперь, я воображу себе ответ — (и всегда отличный), но, пожалуйста, о дальнейших ваших планах известите. Я бы ужасно желал видеть вас до отъезда нашего за границу. А теперь в Петербурге я как-то не воспользовался и сотою долью того бальзама, которым вы меня всегда угащиваете. Затем прощайте, очень кланяйтесь всем вашим и жалейте, презирайте меня, но, пожалуйста, никогда не махайте на меня рукой. Моя амбиция состоит в том, чтобы всю жизнь быть исправляемым и обращаемым вами, но никогда не исправленным и обращенным.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 94—95, с датой «Март 1858 г.». Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 24 марта.

¹ Толстой был в Петербурге с 11 по 17 марта 1858 г.

² О «Сне» см. прим. 4 к п. 102.

³ Подразумевается рассказ Толстого «Три смерти».

⁴ Ганс-Христиан Андерсен (1805—1875) — датский писатель. Всемирную известность приобрел своими сказками.

В Дневнике Толстого под 1 января 1857 г. отмечено: «Перевел сказочку Андерсена». Известен перевод Толстого сказки Андерсена «Новое платье короля». См. т. 47, стр. 539—540, и т. 37 настоящего издания.

⁵ [в моем духе]

На это письмо А. А. Толстая ответила 30 марта. См. ТП, стр. 96—98.

109. Б. Н. Чичерину.

1858 г. Апреля 13. Я. П.

Пишу тебе несколько строк, любезный друг, только затем, чтобы сдержать слово. Сейчас едут на почту. Все те мысли, которые я хотел сообщить при нашем прощании,¹ разлетелись, оселись, и из них осталось то, что ты, я думаю, знаешь, то, что в последнее время я тебя искренно полюбил и что этим обязан тебе. — Деревня, как природа, еще плоха, холод, сырость, пятна снега и т. д., но как уединение с ранне-весенним воздухом — прелесть. Я с утра до вечера занят делами, которые люблю и которые подвигаются, и так доволен своей участью, что, ежели бы на свете не было бы ни молодости, ни женщин, или воспоминаний не было бы, я бы сказал, что я счастлив. — Однако и без этих двух вещей можно эпикурействовать нашему брату. По твоему это всё ничего, ты свой термометр завесил до того высшего пункта, до которого раз доходила температура жизни, и ниже этого не хочешь его изменений. — Как ни широк твой взгляд в мире действительном, здесь, в душевном, он ужасно узок; а мой термометр попрыгивает себе то вверх, то вниз, и я радуюсь, глядя на него. Прощай, пожалуйста, уведомя меня подробно о своем отъезде, когда и куда первый адрес.

Твой Гр. Л. Толстой.

13 Апреля.

Коршу кланяйся. Славный и редкой он человек, но, подумав хорошенько о нем, я решил, что он не про меня. Мы не можем с ним не быть чужие.²

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 15—16. Год определяется записью в Дневнике Толстого под 13 апреля 1858 г.

Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) — профессор Московского университета, юрист и философ, публицист, принадлежавший к правому крылу западников, консерватор. В конце 1850-х и в начале 1860-х гг. был в близких, дружественных отношениях с Толстым. Подробнее о нем см. т. 47, стр. 410—411, прим. 1472.

¹ Судя по записям в Дневнике, Толстой перед отъездом в Ясную Поляну виделся с Чичериным почти ежедневно; два последние свидания были 7 и 8 апреля. 9 апреля Толстой выехал в Ясную Поляну, а Чичерин в апреле же этого года уехал почти на два года за границу.

² Об Евгении Федоровиче Корше см. прим. к п. № 116.

Ответ Чичерина от 18 апреля 1858 г. опубликован в сборнике ПТТ, стр. 264—265.

110. Гр. А. А. Толстой.

1858 г. Апрель 14. Я. П.

Бабушка! Весна!

Отлично жить на свете хорошим людям; даже и таким, как я, хорошо бывает. В природе, в воздухе, во всем надежда, будущность и прелестная будущность.—

Иногда ошибаешься и думаешь, что не одну природу ждет будущность счастья, а и тебя тоже; и хорошо бывает. — Я теперь в таком состоянии и с свойственным мне эгоизмом тороплюсь писать вам о предметах только для меня интересных. — Я очень хорошо знаю, когда обсужу здраво, что я — старая, промерзлая, гнилая и еще под соусом свареная картофелина, но весна так действует на меня, что иногда застаю себя в полном разгаре мечтаний о том, что я растение, которое распустится вот только теперь вместе с другими и станет просто, спокойно и радостно расти на свете Божьем. — По этому случаю к этому времени идет такая внутренняя переборка, очищение и порядок, какой никто, не испытывавший этого чувства, не может себе представить. Всё старое прочь, все условия света, всю лень, весь эгоизм, все пороки, все запутанные, неясные привязанности, все сожаленья, даже раскаянья, — всё прочь! Дайте место необыкновенному цветку, который надувает почки и вырастет вместе с весной! — Грустно вспомнить, сколько раз я тщетно делывал то же самое, как кухарка по субботам, — а всё радуюсь своему обману, и иногда серьезно верю в новый цвет и жду его.—

— Вот уж с неделю, как я в деревне один, и мне хорошо.¹ Счёты за московское житье, за всё сведены, и я квит со всеми, в приходе и в расходе ровно. —

Странное чувство я испытал, уезжая в деревню, в тех же условиях жизни, в каких и приехал. Первое чувство было радостное сознание свободы, возможность сейчас же вылезть из коляски и пойти пешком в Астрахань, или повернуть лошадей и ехать в Париж, или остаться навсегда жить на первой станции. Это чувство славное, и женщины не знают его. Но потом, чем ближе я подъезжал к деревне, тем мне всё грустнее и грустнее становилось мое будущее одиночество. Так что, приехав в деревню, мне показалось, что я вдовец, что недавно жило тут целое семейство, которое я потерял. И действительно, это семейство моего воображения жило там. И какое прелестное семейство! Особенно жалко мне старшего сына! И жена была славная, хотя и странная женщина. Вот, бабушка, научите, что делать с собой, когда воспоминания и мечты вместе составят такой идеал жизни, под которой ничто не подходит, всё становится *не то*, и не радуешься и не благодаришь Бога за те блага, которые он дал, а в душе вечное недовольство и грусть. Бросить этот идеал — скажете вы. — Нельзя. Этот идеал не выдумка, а самое дорогое, что есть для меня в жизни. Без него я жить не хочу. Помните вы «Мадону» Пушкина? ² Ваша Мадона висит у меня и радуется,³ а последние стихи мучают.⁴ Иногда приходит в голову отслужить по всему панафиду, да тогда уж и других молитв в душе не останется. Прощайте, милая бабушка, не сердитесь на меня за этот вздор, а ответьте умное и пропитанное добротой и христианской мудростью словечко.

Я давно хотел написать вам, что вам удобнее писать по-французски, а мне женская мысль понятнее по-французски.

Впервые полностью опубликовано в ПТ, стр. 98—100, с датой «Апрель 1858 г.». Дата определяется записью в Дневнике Толстого под 14 апреля 1858 г.

¹ Толстой приехал в Ясную Поляну из Москвы в ночь на 10 апреля 1858 г.

² Стихотворение Пушкина «Мадонна» («Не множеством картин старинных мастеров») 1830 г.

³ Сикстинская мадонна в нескольких больших гравюрах висела в кабинете у Толстого.

⁴ Толстой разумеет последние строки стихотворения Пушкина, обращенные к невесте:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

* 111. А. А. Зеленому. *Неотправленное.*

1858 г. Апреля 16. Я. П.

Милостивый Государь
Александр Алексеевич.

Лесной Комитет решил, что проэкт мой¹ невыгоден для казны в денежном отношении потому, что, считая стоимость десятины через 90 лет в 150 р. сер., казна при шестилетнем пользовании землей теряет 9 р. 90 к. на культуру десятины, тогда как при теперешнем порядке она расходует только 6 р. 17 к. на десятину; потом доказывается, что на очищенной десятине культуры будут хуже, и, наконец, говорится, что представленные обеспечения были бы недостаточны для покрытия потерь казны при неудачности культур. Не отвечая на эти возражения, которые никогда бы не могли быть сделаны, ежели бы Вам угодно было пригласить меня в Комитет, я только желаю сообщить Вам некоторые выводы, вытекающие из ответа Лесного Комитета.

Казна получает через 90 лет 150 р. сер. с десятины, на которую употреблено 6 р. 17 коп. — Какая же цифра представляет стоимость этой десятины в продолжение 90 лет? Деньги по существу своему подчиняются везде общему закону процента. Каждая сумма удваивается через 15—17 лет. Через 90 лет какую сумму составляет 6 р. 17 коп. в фондах или акциях? От 400 до 600 руб. сер. В лесах же они дают 150 руб. сер., следовательно от 250 до 450 р. сер. убытка на десятину, кроме расходов, употребленных на содержание корпуса лесничих. — Каким же образом может быть речь о денежном убытке казны при вольном лесонасаждении без платы, когда нормальное положение лесохозяйства казенного есть чистый убыток 400 р. с десятины? Мне скажут, что казна несет эти убытки в видах общей государственной пользы сохранения лесов. Рассмотрим это предложение. В записке своей я говорил, что лесных культур нет и не может быть без очищения земли, и в действительности чистых лесных культур нигде нет, исключая на бумаге. Леса

возобновляются только природою, без содействия тех 6 р. 17 к., которые составляют чистый убыток казны на каждую десятину уже не 400, а 600 р. сер. Кроме того, ежели главная цель правительства есть только сохранение лесов, то гораздо удобнее бы было, оценив леса корабельщиками, запретить в них рубки и уничтожить убыточные культуры. Правительство по крайней мере не несло бы убытков с самого капитала, хотя и не получало бы процентов.

Но при теперешнем положении далеко не достигается и общая государственная цель. Старые леса вырубаются, новые не засаждаются, а ежели засаждаются, то с огромным ущербом. Правительство содержит целый корпус лесничих, огромный капитал, находящийся в земле и лесах, приносит убыток, и выхода из этого положения не предвидится никакого. Естественно представляются вопросы, отчего такое положение? Отчего лесной капитал, приносящий равные всякому другому капиталу проценты и во многих местах Германии, где лес дешевле нашего, и у самих нас в вольных руках, отчего этот капитал не приносит разве никакого процента или убыток при культурах, или самый жалкий процент при природном насаждении? Отчего в тех местах, где помещики находят выгодным засаживать поля лесами, казенные леса уменьшаются? и вся земля, находящаяся под лесами, остается без пользы? (На все эти вопросы я отвечаю одним словом: монополия — самая вредная и безнравственная монополия казны, основанная не на знании дела, не на коммерческом обороте, а на власти. До тех пор, пока будет существовать эта монополия, до тех пор пока казенные леса не перейдут в руки вольных промышленников, до тех пор лесное хозяйство не пойдет успешно в России. Единственно)². . . промышленник развести лес на десятине тем более, что в этом будет состоять его прямая выгода, особенно когда ему будет запрещено иметь после 6 или 7 лет покосы и поля на лесосеках. — Мне скажут еще, что с общей государственной точки зрения никто не поручится за не истребление всех лесов в России. На это отвечаю, что лучшее ручательство в успешном ходе общего дела есть выгода каждого лица в общем деле. — Кроме того, могут быть оставлены ревизоры для наблюдения за откупщиками, которые и без залогов лишаются значительной выгоды при отобрании у них участков. Ежели расчет мой верен, то я полагаю, что казне было бы весьма выгодно, разотчя тот ежегодный доход, который она получает

с известного леса,³ разложить по десятинно кругом всего и крупного, и мелкого, и срубленного леса и сдать его хоть на 100 лет, за ежегодную плату вольной компании, обязав её при том известными условиями. Кроме целого устава, который может и должен быть написан по этому предмету, главным условием должно быть обязательство со стороны компании не⁴ пользоваться землей после известного срока по срубке ни как покосами, ни как⁵ полем. Тогда разведение лучших нужнейших в краю и полезнейших пород леса будет составлять выгоду промышленников. Не говорю о громадных выгодах для целого края, вытекающих из такого порядка, о выгодах финансовых для казны и нравственных для всего государства в упразднении корпуса лесничих. Весьма сожалею, что сам, бывши в Петербурге, не успел изложить подробно всех вытекающих выгод из такого преобразования. — Даже приступить к этому делу я полагаю очень легким и удобным. Написать устав для компании *conditio sine qua non*,⁶ публиковать его и пригласить к торгам на целые засеки, начиная с ближайших, находящихся в более населенных местах.

Дата определяется записью в Дневнике под 17 апреля 1858 г., т. 48. Письмо является ответом на выписку из журнала специального по лесной части комитета от 17 января 1858 г. Судя по тому, что оно не окончено и сохранилось среди бумаг Толстого, оно отправлено не было.

Александр Алексеевич Зеленой (1818—1880) — генерал-адъютант, был в то время товарищем министра государственных имуществ. В 1862—1872 гг. был министром государственных имуществ.

¹ О лесном проекте Толстого см. т. 5, стр. 259.

² Заключенное в угловые скобки перечеркнуто Толстым крестом. Далее в автографе один лист утерян.

³ *Зачеркнуто*: разложить его.

⁴ *Зачеркнуто*: не производить

⁵ *Зачеркнуто*: пастбищем

⁶ [условие, без которого что-либо не может существовать.]

*112. Д. Я. Колбасину.

1858 г. *Апреля конец — мая начало.*

Пишу три слова о деле, любезный Дмитрий Яковлевич: 1) Свешников и кой кто из Московских книгопродавцев хотели взять несколько сот экз[емпляров] с уступкой. Ежели бы вы

к таким книгопродавцам написали, может почти все и разошлось бы. — 2) Ежели у вас есть скольконибудь моих денег, то купите и *привезите* мне 100 сигар *sabanos* в 12 р. с. от Фейка на Невск[ом] у Аничкова и мыла *Société Hygiénique* несколько кусков. —

Ваш Гр. Л. Толстой.

Я вас жду с попутчик[ом].

Датируется пометой Д. Я. Колбасина на письме: «Получ. в мае 1858 года» и содержанием. Толстой отвечает на письмо Колбасина от 21 апреля 1858 г., в котором Колбасин писал, что уезжает из Петербурга в конце мая, а потому им «не мешало бы объяснить» (относительно продажи «Детства и отрочества»).

113. Гр. А. А. Толстой.

1858 г. Мая 1. Я. П.

Здравствуйте, дорогая бабушка. Благодарю вас за письма, которые я оба получил,¹ и поздравляю с весной. Только, пожалуйста, вы не грустите и не напускайте на себя таких мыслей, какие попадают в одном из ваших писем. Вам с весной хорошо; у вас в душе всегда весна, так и дышет от вас весною; а вы как будто о чем-то жалеете, чем-то недовольны. Вы, пожалуйста, или ничего мне не говорите об том, что вам грустно, или говорите всё. Ведь я, без всяких шуток, в хорошие минуты (когда не слишком гадок) считаю себя искренним другом вашим, и на этом основании счастлив и горд, когда вы заговорите со мной, как с ровней, которому не всё помогать надо, а который и сам для вас на что-нибудь годится; хоть на то, чтобы молча, с радостью и покорным вниманием слушать. — Как ваше здоровье теперь? И где вы? Неужели в городе? Пришла весна, как ни вертелась, а пришла. Во[о]чью чудеса совершаются. Каждый день новое чудо. Был сухой сук — вдруг в листьях. Бог знает откуда-то снизу, из под земли лезут зеленые штуки — желтые, синие. Какие-то животные, как угорелые, из куста в куст летают и зачем-то свистят изо всех сил, и как отлично. Даже в эту минуту под самым окном два соловья валяют. Я делаю с ними опыты, и можете представить, что мне удается призывать их под окно сикстами на фортепьяно.² Я нечаянно открыл это. На днях я, по своему обычаю, тапотировал³ сонаты Гайдна⁴ и там сиксты. Вдруг слышу на дворе и в тетинькиной комнате

(у нее кинарейка) свист, писк, трели под мои сиксты. Я перестал, и они перестали. Я начал, и они начали (два соловья и кинарейка). Я часа три провел за этим занятием, а балкон открыт, ночь теплая, лягушки свое дело делают, караульщик свое — отлично.⁵ Уж вы меня простите, ежели письмо это будет диковато. Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Желаю вам того же от души. Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.

И ринься бодрый, самовластный

В сей животворный океан.⁶

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки.

Вчера я ездил в лес, который я купил и рублю, и там на берегах распустились листья и соловьи живут, и знать не хотят, что они теперь не казенные, а мои, и что их срубят. Срубят, — а они опять вырастут, и знать никого не хотят. Не знаю, как передать это чувство, — совестно становится за свое человеческое достоинство и за произвол, которым так кичимся, — произвол проводить воображаемые черты и не иметь права изменить ни одной песчинки ни в чем — даже в себе самом. На всё законы, которых не понимаешь, а чувствуешь везде эту узду, — везде — Он. — Совершенно к этому идет мое несогласие с вашим мнением о моей штуке. Напрасно вы смотрите на нее с христианской точки зрения. Моя мысль была: три существа умерли — барыня, мужик и дерево.⁷ — Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью. Христианство, как она его понимает, не решает для нее вопроса жизни и смерти. Зачем умирать, когда хочется жить? В обещания будущие христианства она верит воображением и умом, а всё существо ее становится на дыбы, и другого успокоенья (кроме ложно-христианского) нету, — а место занято. — Она гадка и жалка. Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия — природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил ее, убивал баранов, и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твердо этот закон, от которого он никогда не отворачивался, как барыня, и прямо, просто смотрел ему в глаза. Une brute,⁸ вы говорите, да чем же дурно

une brute? Une brute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни. Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво, — потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет. — Вот моя мысль, с которой вы, разумеется, не согласны; но которую оспаривать нельзя, — это есть и в моей душе, и в вашей. Что выражена эта мысль скверно, в этом я с вами согласен. Иначе бы вы с вашим тонким чувством поняли бы, и я бы не писал этого объяснения, которое еще, боюсь, рассердит вас и заставит махнуть на меня рукой. — Не махайте рукой, бабушка. Во мне есть, и в сильной степени, христианское чувство; но и это есть, и это мне дорого очень. — Это чувство правды и красоты, а то чувство личное, любви, спокойствия. Как это соединяется, не знаю и не могу растолковать; но сидят кошка с собакой в одном чулане, — это положительно. — Прощайте, милая бабушка, пожалуйста, напишите мне про себя. — Разумеется, всем вашим от меня очень кланяйтесь и не рассказывайте им, что я такой безбожник. Вы — другое дело — мне кажется, что вы всё поймете, на всё у вас есть струнка, которая отзовется. — Ну, что будет, то будет, ожидаю от вас громящее, или что еще хуже, кротко-соболезнующее письмо. Нет, лучше рассердитесь. Машиньку и тетиньку и всех жду на днях.

Прощайте, милая бабушка, от души жму вам руку.

Ваш Гр. Л. Толстой.

1 Мая.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 100—102. См. запись в Дневнике Толстого под 1 мая 1858 г.

В Дневнике отмечено о получении двух писем А. А. Толстой: первое под 25 апреля и второе под 26 апреля. Письма эти неизвестны.

² Сиксты (правильнее секста) — музыкальный термин.

³ Тапотировал — от французского глагола *tapoter* — бречать на рояле.

⁴ Иосиф Гайдн (1732—1809) — немецкий композитор.

⁵ В Дневнике Толстого под 26 апреля записано: «Играл часа три сикстами три аккорда под соловьев и наслаждался».

⁶ «Весна» — стихотворение Тютчева («Как ни гнетет рука судьбины...»), опубликованное в 1839 г.

⁷ Речь идет о рассказе «Три смерти».

⁸ [зверь, скотина, животное]

А. А. Толстая ответила на это письмо 9 мая 1858 г. См. ПТ, стр. 103—104.

114. А. В. Дружинину.

1858 г. Мая 1. Я. П.

Точно обыкновенная фраза выдет объявление моей радости о вашем выздоровлении, любезный друг Александр Васильевич, а мне бы хотелось вам рассказать, как я обрадовался. Мне смешно стало, и я один, смеясь, ходил по комнате с вашим письмом в руках. Ну да, слава Богу, только ради Бога берегите себя, особенно насчет женщин — уезжайте в деревню поскорей. Теперь уж так хорошо. А что вы не приедете ли в наши края? Я пробуду должно быть всё лето. Копаюсь за романом¹ и хозяйничаю немножко, и соловьи, и природа, и чтение, и музыка — дел не оберешься. Ох! коли бы вы приехали пожить у меня. Как [бы] мы устроились, как бы работалось, как бы болталось, как бы отлично. На Тургенева нет никакой надежды кажется. Колбасин писал, что [он] едет лечить свои [[1]] в Зинциг.² Ей Богу несосно. Ну болят [[1]], ну что делать. Можно и в России жить с больными [[1]]; а время уходит. Досадно. Подумайте, любезный друг, почему бы вам не приехать. Как бы мы устроились, как бы всё переговорили. Нынче о журнале³ ничего не пишу, потому что не могу подумать хорошенько об этом; но, что сердце и мысли мои лежат к этому делу, что я совершенно свободен и ничем не свяжу себя впредь, это несомненно. Что касается до сотрудничества в «Библиотеке»,⁴ то, хотя ничего не могу обещать, при одинаковых условиях я предпочту «Библиотеку», т. е. вас, всем другим редакторам, это тоже несомненно. — Насчет предполагаемого журнала скажу два пункта, в которых я не согласен с вами: 1) Журнал с новым исключительным направлением, должен быть новый, без прошедшего, без составившегося о нем мнения. — 2) Ученая часть будет слаба. Все сотрудники дельные разобраны. Конкуренция везде. Полемика. — И в журнале, как и в сочинении, — еще больше — особенно в новом журнале главное достоинство не столько в том, чтобы были в 12 книжках три хорошие статьи ученые, сколько в том, чтобы в целый год не было ни одной вздорной. А с теми средствами по ученому отделу, которые можно предвидеть, это невозможно. — Но дело вот в чем. Место у меня славное — не хуже Кунцова;⁵ комната, хоть дом вам будет отдельной, город два шага. В матерьяльном отношении устройтесь как хотите, будьте сами хозяином. Право, пожа-

луйста приезжайте. — Затем прошайте, от души жму вам руку и ожидаю благоприятного ответа на мое приглашение.

Ваш Гр. Л. Толстой.

1 Мая.

Впервые опубликовано в статье «Молодой Толстой» («Звезда», 1930, 4, стр. 223). Год определяется содержанием и записью в Дневнике Толстого под 1 мая 1858 г.: «Написал... Дружинину».

Настоящее письмо — ответ на письмо Дружинина от 15 апреля 1858 г. из Петербурга.

¹ «Казаки».

² Письмо Д. Я. Колбасина к Толстому 21 апреля 1858 г. из Петербурга.

³ О проекте издания журнала см. письмо Боткину от 4 января, № 102.

⁴ В письме от 15 апреля 1858 г. Дружинин предлагал Толстому сотрудничество в журнале «Библиотека для чтения».

⁵ В Кунцево под Москвой гостил Дружинин у В. П. Боткина летом 1856 г. См. т. 47, стр. 73, 177, 323, 324 и 527.

В ответ на это письмо Толстого Дружинин писал 15 мая 1858 г. из Петербурга, что приглашение Толстого «пожить в Ясной Поляне повергнуло и его в большое искушение: лучшей жизни и лучшей компании я не могу себе и вообразить в моем настоящем положении, при остатках душевной и физической усталости, — писал Дружинин, — но беда в том, что обстоятельства не позволяют... и думать о такой жизни».

Далее Дружинин уговаривал Толстого бросить его затею о новом журнале, так как за дело можно браться «лишь при двух условиях: 1) огромном основном капитале... и 2) при неутомимой ярости участников по части работы. К сожалению, — писал Дружинин, — вы знаете, что наш круг не трудолюбив, а денег приходится ему занять у французского короля...»

115. А. А. Фету.

1858 г. Мая 12. Я. П.

Драгоценный Дядинька!

Пишу два слова, только затем, чтобы сказать, что обнимаю вас изо всех сил, что письмо ваше получил, ¹ что М[арье] П[етровне] ² целую руки, всем вашим кланиюсь. Тетинька очень благодарна за память и кланицца; а сестра кланица. ³ Что за весна была и есть чудная! Я в одиночестве смаковал ее чудесно. Брат Николай должен быть в Никольском (Вяземском); ⁴ поймите его и не пускайте, я в этом месяце хочу

придти к вам.⁵ Тургенев поехал в Зинциг до Августа лечить пузырь. Черт его возьми. Надоело любить его. Пузыря не вылечит, а нас лишит. Затем прощайте, любезный друг, ежели до моего прихода не будет стихотворенья, уж я из вас его выжму.

Ваш Гр. Л. Толстой.

12 Мая.

Какой Троицын день был вчера! Какая обедня, с вянущей черемухой, седыми волосами и ярко-красным кумачом и горячее солнце. —

Впервые опубликовано Фетом в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 242.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) — поэт, поборник «чистого искусства». См. т. 47, стр. 303, прим. 551. Частые встречи Толстого с Фетом и их оживленная переписка в 1860—1870 гг. свидетельствуют о том, что Фет в это время был очень близок с Толстым. Дружба продолжалась до 1880-х гг., когда без всякой ссоры они отдалились друг от друга.

¹ Судя по дневниковой записи Толстого, письмо Фета было получено 9 мая 1858 г.

² М. П. Фет, рожд. Боткина, сестра В. П. Боткина.

³ Начертанием слов «кланицца» и «кланица» Толстой, очевидно, подражал Н. П. Охотницкой.

⁴ Имение Н. Н. Толстого в Чернском уезде Тульской губернии.

⁵ Фет в это время жил в своем имении Новоселки (Орловской губернии).

116. Е. Ф. Коршу.

1858 г. Мая 12. Я. П.

Хотел писать вам длинное письмо и, между прочим, о деле; но, оказывается, нынче так мало времени, что только успею написать о деле.

Будьте так добры, любезный Евгений Федорович, ежели вам случится увидеть С. Рачинского,¹ или когонибудь, кто часто видит его, передайте ему от меня следующую просьбу. Он хотел переводить «Военные Расск[азы]».² Я умоляю его не забыть, что на стр. 255, в рассказе «Севаст[ополь] в мае», на лин. 17, слова, — *но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной край, родную землю,* — принадлежат г-ну Панаеву,³ а не мне, и что прошу их выкинуть. Эти слова в книжку попали, кажется, именно потому, что я

в 3-х рукописях и корректурах вымарывал их, и согласился бы всякий раз, как читаю их, лучше получить 100 палок, чем видеть их.

Решительно не могу ничего написать еще, кроме того, что от души жму вам руку и прошу не забывать человека, вас серьезно уважающего и любящего — Гр. Л. Толстого.

12 Мая.

Впервые опубликовано по копии в харьковском журнале «Творчество», 1919, IV, май, стр. 17, а затем по подлиннику в ПТТ, стр. 56. Год определяется содержанием. Ответное письмо Е. Ф. Корша от 18 мая 1858 г. см. ПТТ, стр. 58—59.

Евгений Федорович Корш (1810—1897) — примыкал в молодые годы к кружку западников. Его друзьями были Станкевич, Грановский, Герцен, Белинский и др. В 1835—1841 гг. был библиотекарем Московского университета; в 1842—1848 гг. сотрудничал в «Московских ведомостях» под псевдонимами: «Н. Челышевский», «Н. Тупицын». В 1858—1859 гг. издавал журнал «Атеней». В 1862—1892 гг. был библиотекарем в Румянцевском музее. Одновременно Е. Ф. Корш усиленно занимался переводами с иностранных языков историко-философских сочинений и руководил издательским предприятием К. Т. Солдатенкова в Москве.

¹ О Сергее Александровиче Рачинском см. п. № 246.

² О переводе С. А. Рачинским «Военных рассказов» Толстого никаких сведений не сохранилось.

³ Цитируемое Толстым место в первоначальном издании «Ночь весною 1855 года в Севастополе» («Современник», 1855, кн. 9) читается так: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови...» На этом и заканчивается весь рассказ. В отдельном издании «Военных рассказов» 1856 г., на стр. 255, это место читается так, как приводит Толстой в письме. Об этом же позднее писал Толстой переводчику на английский язык его сочинений Э. Мооду. Подробнее см. т. 4, стр. 387—392.

117. А. А. Фету.

1858 г. Мая 16. Я. П.

Ау! Дядинька! Ауу! Во-первых, сами не отзовётесь ничем, когда весна и знаете, что все о вас думают и что я, как какой-то Бог, прицеплен к скале и все-таки алкаю вас видеть и слышать. Или бы приехали, или хоть позвали бы к себе хорошенько. А во-вторых — зажилили брата; и очень хорошего брата, по прозвищу Фирдуси.¹ Главная тут преступница, я думаю,

М[арья] П[етровна], кот[орой] очень, очень кланяюсь и прошу
возвратить собственного нашего брата. Без шуток, он велел
сказать, что на той неделе будет; Дружинин тоже будет. Приез-
жайте и вы, голубчик дядинька. Право, а потом уж и в Козюль-
кино.² — И[вану] П[етровичу] и Н[адежде] А[фанасьевне]³ ду-
шевный поклон и до свиданья.

Ваш Л. Толстой.

16 Мая.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Моих воспоминаниях», I,
стр. 243.

¹ Фирдуси — прозвище Н. Н. Толстого. См. А. А. Фет, «Мои воспо-
минания», I, стр. 325.

² Козюлькино — первоначальное название имения Шеншиных Ново-
селки, по близ лежащей деревни Козюлькино.

³ Борисовым.

*118. Т. А. Ергольской.

1858 г. Июня 26. Я. П.

Кругом виноват я, chère tante, перед вами за то, что не отве-
чал.¹ Я проспал посланного. Здоровье мое хорошо, но погода
нехороша, и я стараюсь действовать наилучшим образом по
хозяйству при этой погоде; это меня и задерживает здесь.
Василья я прогнал и с тех пор увидал новый свет. Хотя идет
всё еще далеко нехорошо, есть надежда, что пойдет лучше,
а при нем и надежды этой не было. О Vergani виноват, ничего
не знаю, Тургенева мне очень жаль, что я пропустил, но я и
не думал, что он приедет по такой погоде.² Я всё ждал братьев,
но теперь ежели их не будет, то приеду в Петров день.³ Итак,
до свиданья, целую ваши руки и всех наших.—

Гр. Л. Толстой.

26 Июня.

На четвертой странице:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александр[вне] Ергольской.

¹ Письмо Т. А. Ергольской неизвестно.

² И. С. Тургенев провел в Пирогове 22—25 июня и видался там с
С. М. Н., Н. Н. и С. Н. Толстыми.

³ Петров день — 29 июня.

1858 г. Августа 21 и 23. Я. П.

Здравствуй, милый друг! Ты, я думаю, злился и уже пере-злился на меня, так что письмо это застанет тебя равнодушным, это бы было мне очень, очень больно. Впрочем тебя не угадаешь, ты субъект странный. Не писал я тебе от того, что с приезда моего в деревню и до сей минуты буквально не брал пера в руки — сеял, косил, жал и т. д. — тоже буквально. Я не могу заниматься чем-нибудь немножко, от этого я и тобой не занимался, теперь же, в эту минуту, я весь в тебе и отдал бы все скирды, сложенные моими трудами, за вечер с тобой. — Хочется опять умственных волнений и восторгов, которые, однако, мне так надоели, что я 4 месяца отдыхал от них в физическом труде, хочется слушать тебя, разгадывать, даром, мгновенно, ловить трудом выработанную мысль, усваивать их, цеплять одну за другую и строить миры новые, громадные, с одной целью: любоваться на их величавость. — Ты, верно, понимаешь, что я хочу сказать. Как я провел нынешнее лето? Трудно сказать и на словах, не только в письме.

Два дня лежало это письмо; я остановился на том месте, где хотел начать хвастаться, — совестно стало, а есть чем похвастаться. Построить свой честный мирок среди всей окружающей застарелой мерзости и лжи стоит чего-нибудь, и главное успеть — дает гордую радость. Быть искушаемым на каждом шагу употребить власть против обмана, лжи, варварства и, не употребляя ее, обойти обман — штука! И я сделал ее. Зато и труда было много; зато и труд вознагражден; во-первых, самим трудом и огромным новым содержанием, почерпнутым мною в это лето. В чем оно, не расскажешь, но следы его всякой человек, любящий меня, увидит легко на мне; почему я и сам их на себе вижу и чувствую. — Но не о том хочется говорить. Читал ли ты переписку Станкевича? ¹ Боже мой! что это за прелесть. Вот человек, которого я любил бы, как себя. Верить ли, у меня теперь слезы на глазах. — Я нынче только кончил его и ни о чем другом не могу думать. Больно читать его — слишком правда, убийственно грустная правда. Вот где ешь его кровь и тело. И зачем? за что? мучалось, радовалось и тщетно желало такое милое, чудное существо. Зачем? ты скажешь: «затем, чтобы ты плакал, его читая». Да это я знаю и согласен, но этот ответ не

меняет мне все-таки совсем из другого, более цельного, более человеческого источника, спросить: зачем? и с каким-то болезненным удовольствием знать, что ничем кроме грустью и ужасом нельзя ответить на этот *зачем?* Тот же *зачем* звучит и в моей душе на всё лучшее, что в ней есть; и это лучшее мне тем, не скажу дороже, а больнее. Понимаешь ли ты меня, мой друг? Я бы желал, чтобы ты меня понял; а то на одного много этого — тяжело. Чорт знает, нервы что ли у меня расстроены, но мне хочется плакать и сейчас затворю дверь и буду плакать. Пора умирать нашему брату, когда не только не новы впечатленья бытия,² но нет мысли, нет чувства, которое невольно не привело бы быть на краю бездны. — Счастливым ты человек, и дай Бог тебе счастья. Тебе тесно, а мне широко, всё широко, всё не по силам, не по воображаемым силам. Истаскал я себя, растянул всё, а вложить нечего. Прощай, как бы дорого я дал, чтобы поговорить с тобой и смущенно замолчать. Пускай бы мальчики побегали в глазах,³ это ничего. Я зимой буду за границей:⁴ и так мне всё равно, где я приеду к тебе. —

Гр. Л. Толстой.

23 Августа.

Адрес всё в Тулу.

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 16—18. Письмо датируется 21 и 23 августа, так как Толстой подписал его 23 августа; следовательно, первая часть была написана 21 августа.

¹ Николай Владимирович Станкевич (1813—1840). Толстой разумеет выдержки из писем Станкевича к друзьям, напечатанные в книге Анненкова «Николай Владимирович Станкевич», М. 1858.

² Выражение Пушкина:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия («Демон»).

³ Выражение, навеянное Пушкиным: «И мальчики кровавые в глазах» («Борис Годунов», сцена «Царские палаты»).

⁴ За границу Толстой уехал 28 мая 1860 г.

120. Гр. А. А. Толстой.

1858 г. Августа 23? Я. П.

Милая бабушка!

Всё, что я могу сказать в свое оправданье, это то, что я скотина, мерзкая скотина, животное! как говорят у вас при дворе.

Правда, что целое лето я с утра до вечера пахал, сеял, косил и т. д., но это не резон, чтобы не писать, кому же? бабушке, за строчку которой я готов отдать все убранные моими трудами скирды и т. п. Как это случилось? Бог знает. Нет, без шуток. я стал грубое животное в это лето: я ел, спал, работал; но думать, любоваться чужой душой, презирать себя, желать чего-то я совсем было разучился. Теперь с осенью это возвращается. Впрочем, напрасно я прикидываюсь таким развязным; в душе я очень, очень боюсь, не рассердил ли я вас своим молчанием, еще хуже не сделал ли, может, вы и не заметили его. Это письмо я пишу робким попотом: «Бабушка! а, бабушка!» И что как у вас продолжает быть строгое лицо? Про себя говорить не достоин, про вас не смею, — буду писать про ваших. про которых еще не писал вам.¹ Я чуть было не уехал с ними, и потом как мне часто хотелось в их Горелки.² Как-то так славно пахнет от них толстовско-барыковско-твердо-родственным,³ приятным духом. Теперь сестра Маша живет у меня, и она и тетинька льстят себя надеждой скоро насладиться этим запахом. Но опять я режусь, а в душе трушу, и не могу усвоить себе ровного тона. Бабушка! только напишите одно слово: прощаю; тогда я совсем поправлюсь. Тетинька и сестра очень, очень вам кланяются... а я нерешительно выставляю руку; но так мало, что ежели ваша не двинется, я краснею и притворяюсь, что хотел отогнать муху. — Читали ли вы и Труба вообще (видите — труба Т большое) переписку Станкевича? Ежели нет, ради Бога прочтите. Никогда никакая книга не производила на меня такого впечатления. Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видал. Что за чистота, что за нежность! что за любовь, которыми он весь проникнут, и такой человек мучался всю жизнь и умер в мученьях; а мы с Вавилом⁴ пользуемся прекрасным здоровьем и очень довольны собой. После этого и рассуждай, что хорошо, что дурно. Ах, бабушка, плохо жить на свете, когда убедился, что одна возможность счастья есть добро, а добрым быть нет силы. Бедный Кутлер,⁵ тоже какой бы мог быть прекрасный человек.⁶

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 113—114, с редакторской датой «[Август 1858 г.]». Ввиду близости содержания к предыдущему письму Б. Н. Чичерину письмо условно датируется 23 августа 1858 г.

¹ Числа 18 или 19 мая (как пишет А. А. Толстая в письме от 9 мая Толстому), по пути в Лубянки, должна была заехать в Ясную Поляну на несколько часов мать А. А. Толстой «со всей своей многочисленной свитой», т. е. с двумя дочерьми, сыном (Ильей Андреевичем) и его дочерью Пашей.

² Горелки — имение Толстых.

³ Мать А. А. Толстой, Прасковья Васильевна Толстая, была рожд. Барыкова.

⁴ Судя по письму А. А. Толстой от 30 марта 1858 г., «m-me Vavila» — какая-то знакомая Толстых. См. ПТ, стр. 96.

⁵ Федор Федорович Кутлер (1828—1858) — бывший офицер Куринского полка на Кавказе, а затем офицер того же полка под Севастополем. Толстой был с ним близок и изобразил его в «Хаджи-Мурате» под именем Бутлера. Его портрет имеется в ГТМ.

⁶ Письмо, очевидно, не кончено. Конец его утрачен.

* 121. Т. А. Ергольской.

1858 г. Декабря 15. Москва.

Chère tante!

Nous sommes arrivés sains et saufs en moins de 24 heures à Moscou; quoique le chemin ait été très mauvais... ¹ какова досада, что день после нас стал путь. Дети, Маш[енька], Ник[оленка] и я все здоровы и живем вместе. ² Винновый марьяж ³ до сих пор еще солгал. —

Сделайте одолжение, спросите у Серёже, что он сделал с бумагой, которую я ему дал, и показывал ли ее комунибудь? Это меня очень беспокоит. Ежели она у него, то чтобы он ее отдал вам, а вы спрячьте. — Играл ли он в карты в день нашего отъезда 13-го и что сделал? Ежели он выиграл и этот день, то было бы хорошо, потому что на другой день пороша, и он верно уехал в деревню. —

Adieu, chère tante, je baise vos mains ainsi que Nicolas. ⁴

М[арья] И[вановна] ⁵ верно само собой будет писать вам. Нат[алью] Петр[овну] обнимаю нежно. Я еще нигде не был и сейчас собираюсь в Совет, ⁶ где узнаю, правду ли говорит желудовая ⁷ десятка. — Вчера мы были с Маш[енькой] в театре, и, право, гораздо скучнее, чем на гумне. —

Гр. Л. Толстой.

15 Декабря 1858.

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской. —
В Тулу.

На конверте рукой Т. А. Ергольской написано: «Получила 23 дек.»

¹ [Милая тетенька. Меньше чем через 24 часа мы живыми и здоровыми приехали в Москву, несмотря на очень плохую дорогу...]

Толстой выехал в Москву из Ясной Поляны вместе с М. Н. Толстой, ее детьми и Н. Н. Толстым 13 декабря. См. Дневник под 23 декабря 1858 г.

² Толстые поселились в Москве в снятой квартире на Большой Дмитровке, в доме Смолиной. См. п. № 127.

³ Вини — старинное название пик. Марьяж (французское mariage) — свадьба.

⁴ [Прощайте, милая тетенька, я и Николенька целуем ваши ручки.]

⁵ Мария Ивановна Зейде — немка, гувернантка детей М. Н. Толстой.

⁶ Опекунский совет, где были заложены имения Толстых.

⁷ Желуди — старинное название треф.

* 122. Т. А. Ергольской.

1858 г. Декабря 25. Москва.

25 Декабря.

Во-первых, поздравляю вас, во-вторых, ¹ я боюсь, что до вас дойдет какнибудь с прибавлениями мое приключение, и потому сам спешу известить вас о нем. —

² Nous avons été avec Nicolas à la chasse à l'ours; le 21 j'ai tué un ours, le 22 nous sommes allés de nouveau et il m'est arrivé une chose des plus extraordinaires. L'ours sans me voir s'est jeté sur moi, j'ai tiré sur lui à 6 pas, je l'ai manqué du premier coup; du second coup, à 2 pas, je l'ai blessé à mort; mais il s'est jeté sur moi, il m'a renversé par terre et pendant qu'on accourait il m'a mordu deux fois au front au dessus et au dessous de l'oeil. Par bonheur cela n'a duré que 10 ou 15 secondes; l'ours s'est enfui et je me suis relevé avec une petite blessure qui ne me défigure ni ne me fait souffrir. Ni l'os du crâne ni l'oeil ne sont endommagés de sorte que j'en suis quitté pour une petite cicatrice que me restera au front. — A présent je suis à Moscou et je me porte parfaitement bien. Je vous écris la pure vérité sans rien cacher, pour que vous ne vous inquiétiez pas. A présent tout est passé et il n'y a qu'à remercier Dieu qui m'a sauvé d'une manière si

extraordinaire. Adieu, chère tante, je baise vos mains ainsi que Marie les frères et les enfants. Tout le monde se porte bien. Serge, Dieu merci, n'a pas encore perdu ce qu'il a gagné, et il faut esperer, ne jouera plus, puisqu'il n'a plus d'argent. Si le petit mot que je lui ai envoyé³ dans la lettre de Jacques⁴ est chez vous, détruisez le, je vous prie. —

Наташе поклон.

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.
В Тулу. В сельцо Ясные Поляны.

Полностью публикуется впервые. Год определяется почтовым штемпелем «Москва 26 декаб. 1858».

¹ Толстой поздравляет Т. А. Ергольскую с праздником Рождества. *Это начало приписано после, а потому со слов Я боюсь в автографе с абзаца.*

² Абзац редактора.

[Мы с Николенькой были на охоте на медведя; 21 я застрелил медведя; 22 пошли опять, и тут со мной случилось преудивительная вещь. Медведь шел на меня, не видя меня; в 6 шагах я выстрелил и дал промах; вторым выстрелом, в 2 шагах, я ранил его смертельно; но он кинулся на меня, свалил и, пока подоспели бежавшие, укусил два раза в лоб над глазом и под глазом. К счастью, всё это произошло не более как в 10 или 15 секунд; медведь удрал, а я встал на ноги, с небольшой раной на лбу; я не обезображен и не страдаю. Ни кость черепа, ни глаз не повреждены, единственным последствием будет небольшой шрам на лбу. — Я теперь в Москве и вполне здоров. Пишу вам чистую правду, ничего не скрывая, чтобы вы не беспокоились. Теперь всё прошло, и надо благодарить Бога за такое чудесное спасение. Прощайте, дорогая тетенька, я, Машенька, братья и дети целуем ваши ручки. Все здоровы. Сережа, слава Богу, еще не проиграл того, что выиграл; можно надеяться, что он не будет больше играть, потому что у него нет денег. Ежели записочка, которую я ему послал³ в письме к Якову⁴, у вас, уничтожьте ее, пожалуйста.]

В Дневнике Толстого под 21—23 декабря 1858 г. записано: «21 убил одного; 22 меня погрыз».

По словам Фета, Толстой спасен был от медведя только тем, что «случившийся поблизости Осташков с небольшой, как всегда, хворостиной в руке, закричал свое обычное: «куда ты? куда ты?» — Услыхав это восклицание, медведица бросилась прочь со всех ног». Медведицу добыли недели через две. От ран, нанесенных медведицей, у Толстого на всю жизнь остались два небольших шрама на лбу. Этот эпизод описан А. А. Фетом со слов участников охоты в «Моих воспоминаниях», I, М. 1890, стр. 226—228, с ошибочным отнесением этого эпизода к 1859 г., и самим Толстым

в рассказе для детей «Охота пуще неволи» (см. «Книги для чтения») и «Медвежья охота» (см. т. 5).

³ Записка к С. Н. Толстому неизвестна.

⁴ Яков Андреевич Фролов (1820—1876) — яснополянский крестьянин, служивший у Толстого. Письмо к нему не сохранилось.

На это письмо Т. А. Ергольская ответила письмом от 29 декабря 1858 г., написанным по-французски. В нем она высказывает тревогу за Льва Николаевича и пишет, что никакая погода ее не задержит и она приедет на почтовых, чтобы за ним ходить.

* 123. Т. А. Ергольской.

1859 г. Января 21. Москва.

Chère tante!

Je suis revenu de la chasse hier. Nous avons tué 4 ours entre autres mon ennemi. Ma santé va parfaitement bien et je n'irais plus cet hiver à la chasse. Vous n'avez donc pas de raison de vous inqui[е]tter sur mon compte. Cette lettre vous sera remise par M-r Merinski, ¹ que enverra prendre ses livres: Mizkewistch.² Ayez la bonté de les faire trouver. Marie, Nicolas et les enfants se portent tous bien. Je compte rester à Moscou jusqu'au mois de Mars. Sur ce adieu, chère tante, je vous baise les mains.

Léon.

Дорогая тетенька!

Вчера вернулся с охоты. Мы убили 4 медведей и среди них моего врага. Я совсем здоров и нынешней зимой больше не собираюсь на охоту. Так что вам больше нет причины обо мне беспокоиться. Письмо это вам передаст г-н Меринский, ¹ который пошлет за своими книгами: Мицкевичем. ² Прикажите, пожалуйста, их разыскать. Машенька, Николенька и дети здоровы. Думаю пробыть в Москве до марта месяца. — А затем прощайте, дорогая тетенька, целую ваши ручки.

Лев.

Дата определяется содержанием и пометой, сделанной рукой Т. А. Ергольской на второй странице: «21 генваря».

¹ В Записной книжке Толстого 1856—1863 гг. (см. т. 48), в конце, Меринский записал свой адрес: «Киевской губернии в г. Умань. В Мест. Майковку Харьковского Уланск. полка полк. Алекс-др Матв. Меринский».

² Адам Мицкевич (1798—1855) — польский поэт.

* 124. С. С. Громеке.

1859 г. Марта 10. Петербург.

Выручите меня, любезный Степан Степанович. Я с охоты поехал сюда и написал в Москву, чтоб мне прислали в Питер вещи на имя Александр Васильевича Дружинина. Вещи выслали, но без ярлыка и номера, а говорят, что есть, но не выдают. Окажите протекцию. Должен быть чемодан с французскими буквами LT. — Я пишу от Тургенева. Вам предлагают место на обеде Мартынова¹ за 10 р. в половине пятого у Дюссо.² —

До свиданья.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Я никуда выдти не могу без вещей. Спасите.

На четвертой странице:

Его Высокоблагородию Степану Степановичу Громеке. На Невском, в доме Воронина, против Грязной, в квартире Полковника Щербатского.

Датируется содержанием: Толстой приехал в Петербург 10 марта, и в тот же день состоялся обед в честь Мартынова. См. Никитенко А. В., «Моя повесть о самом себе», т. I, изд. Пирожкова, Спб. 1904.

Степан Степанович Громека (1823—1877) — журналист, сотрудник «Современника», «Отечественных записок», «Петербургских ведомостей».

¹ Александр Евстафьевич Мартынов (1816—1860) — один из крупнейших русских антеров. Толстой был восторженным поклонником его таланта. Толстой, Тургенев и другие литераторы устроили чествование Мартынова в литературной среде.

О Толстом и Мартынове см. А. А. Стахович, «Клочки воспоминаний», «Толстовский ежегодник 1912 года», стр. 22—31.

² Дюссо — ресторан в Петербурге на Большой Морской в доме б. Жако.

125. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Марта 10. Петербург.

Я сейчас приехал, милая бабушка; и, разумеется, главная цель моего приезда — вы. Я пробуду 3 дня. Приказывайте, как и когда можно вас видеть? — Что я виноват перед вами, об этом речи нет — виноват.

Ваш Гр. Л. Толстой.

На обороте второго листа:

Ее Сиятельству графине Александре Андреевне Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 17. Датируется содержанием и письмом В. П. Боткина к М. П. Боткину от 11 марта 1859 г. из Петербурга: «Хотел было вчера уехать — неожиданно приехал сюда Толстой и удержал меня» («Литературная мысль», 1923, кн. II, стр. 162).

Письмо написано из Петербурга, где Толстой, судя по записи Дневника под 9 апреля 1859 г., пробыл «10 дней счастливейших». См. также п. № 130.

126. Гр. Г. А. Кусчелеву-Безбородко. *Неотправленное.*
1859 г. Марта 26. Москва.

Ваше Сиятельство
Милостивый государь
Граф,

Из печатанных в журналах моих сочинений есть большая половина не напечатанная отдельным изданием. Сочинения эти:

- 1) Метель (Современник).
- 2) Два гусара.
- 3) Утро помещика (От[ечественные] Записки).
- 4) Встреча с московским знакомым (Библиотека).
- 5) Люцерн (Современник).
- 6) Альберт.
- 7) Юность.
- 8) Три смерти (Библиотека).

Предполагая, что перепечатка этих сочинений может мне принести что-нибудь, и зная, что Вы берете на себя издания некоторых Русских авторов, я предлагаю Вашему Сиятельству эти вещи, предоставляя Вам назначить время, форму и условия издания. —

В ожидании ответа имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорный слуга —

Граф Л. Толстой.

Москва

26 Марта 1859 года.

Впервые опубликовано в «Звезде», 1930, 4, стр. 225—226. Письмо написано писарской рукой и только подпись принадлежит Толстому.

Гр. Григорий Александрович Кушелев-Безбородко (1832—1876) — богатый помещик. Собирал в своем петербургском доме писателей и художников на обеды и ужины, о которых рассказывают в своих воспоминаниях Фет, Григорович и Боборыкин. В 1859—1862 гг. Кушелев-Безбородко издавал журнал «Русское слово» и в 1859—1863 гг. «Шахматный листок». Кроме того Кушелевым-Безбородко изданы стихотворения А. Н. Майкова в двух книгах (1858), рассказы Я. П. Полонского (1859), «Памятники старинной русской литературы под ред. Н. Костомарова» в четырех выпусках (1861—1862), сочинения Л. А. Мея в трех томах (1862—1863).

В свой последний приезд в Петербург Толстой вел переговоры с А. В. Дружининым и Я. П. Полонским об издании своих произведений Г. А. Кушелевым-Безбородко. Об этом писал 29 марта Толстому Дружинин: «Дело ваше с Кушелевым, любезный друг Лев Николаевич, на-днях решится, но чтоб не заставить вас ждать еще несколько дней полного ответа, сообщу вам то, что сделано до сей поры. Может быть, я не так понял слова ваши перед отъездом, только до получения вашего письма я всё ждал Полонского, сам же не ехал к нему, думая, что вы сами уже обо всем с ним перетолковали. Получив письмо, я тотчас же побывал у него. Он сказал мне, что в тот же день узнает окончательное намерение Кушелева и даст ответ без замедления. Вероятно, что ответ придет сегодня или завтра, и я его вам доставлю. Полонский говорит, между прочим, что, кажется, Куш[елев] желал бы издать не часть ваших сочинений, а все. Я ему сказал, что, по всей вероятности, с вашей стороны к этому препятствий не окажется, но что, конечно, условия должны быть иные. Более ничего я сообщить не мог. Из письма вашего к Кушел[еву] я выписал название повестей и передал Полонскому, письмо же оставил у себя. Да и вообще передать его невозможно, — вы его подписали, не просмотревши, а ваш переписчик начал его такими воззваниями: «Ваше Святительство Милостивый Государь. Граф...»

Получив письмо Толстого, Дружинин писал Полонскому: «Уведомьте меня хоть по городской почте о том, в каком положении дело Толстого? Он просит скорого ответа, чтобы не упустить случая по изданию своих повестей, который может в Москве представиться. Пусть Кушелев ответит просто *да* или *нет* и, в случае *да*, войдет с Толстым в сношения об условиях».

Но Кушелев не отвечал, уклоняясь от издания. И, несмотря на все хлопоты, Толстому так и не удалось найти издателя для книги своих новых рассказов.

127. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Марта 20-е числа. Москва.

Не сердитесь на меня, милая бабушка, за то, что я с 30-летней твердостью уехал в тот день, когда хотел. Мне так хорошо было, так всё еще лучше становилось, что ежели бы я не уехал, то не было резона когда-нибудь уехать. Что делать,

у каждого в жизни своя дорожка. Сойдешься с хорошим человеком на перекрестке, постоишь, поговоришь, пройдешься вместе несколько шагов, и опять валяй каждый по своей дорожке, а то опоздаешь. Что делать, что жизнь так глупо устроена? —

А сходиться с вами, вы знаете, мне не только весело, но хорошо, здорово так, как вам с старушками, но аппетитнее. Несмотря на то, что у меня на совести было что-то, как в тот день, когда вы в бурю одни уезжали в Vosage,¹ мне ужасно хорошо и весело было на душе. Точно я сделал какое-нибудь доброе дело, а я только побыл с вами. И даже до сих пор немножко остается на мне этой добродетели, которую я получил от вас, а вы получили от старушек (по крайней мере, вы так думаете). И теперь я пишу, чтоб поддержать в себе это настроение, которое, увы! чуть чувствуется. —

Брата и сестру² я один день не застал здесь, и чувствовал бы себя одиноким, ежели бы не работа, которой я отдаю часов по 8 в сутки. Анна переделывает свои записки, и я надеюсь, что ее бабушка будет ими больше довольна, чем в первом, безобразном виде.³ — А какое у вас было сиянье? вы так и не рассказали мне. Пожалуйста, расскажите; я несколько раз бранил себя, зачем не узнал от вас. Пожалуйста, расскажите. Остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей и особенно женщин, и всё нету. К. Тютчева⁴ была бы хорошая, ежели бы не скверная пыль и какая-то сухость и неаппетитность в уме и чувстве, которую она переняла, верно, от ваших старушек. — Иногда я езжу к ним и примериваю свое 30-тилетнее спокойствие к тому самому, что тревожило меня прежде, и радуюсь своим успехам. — Защитите меня перед вашими, что не заехал проститься, и ущипните от меня первую девочку в мире⁵ в левую щеку; так чтобы издалека ласка дикого льва была чувствительна, и прощайте. Теперь уж я не пропущу недели, чтоб не писать вам. —

Адрес мой: На Б. Дмитровке, в доме Смолиной, № 10.⁶

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 116—117, с редакторской датой «[Москва, апрель 1859]». Дата определяется содержанием: приехал в Петербург 10 марта (см. п. № 124) и пробыв там десять дней, Толстой 20 марта снова вернулся в Москву.

¹ Вилла Бокаж, близ Женевы, где жили лето 1857 г. А. А. и Е. А. Толстые.

Толстой вспоминает здесь об отъезде А. А. Толстой из Кларана в Женеву 12/24 апреля 1857 г.

² Н. Н. и М. Н. Толстых.

³ Речь идет о «Семейном счастье», работа над которым велась в январе—апреле 1859 г. Во время своего пребывания в Петербурге Толстой читал «Семейное счастье» А. А. Толстой. Повесть окончена 5 апреля и напечатана в «Русском вестнике», 1859, № 4, книги 1 и 2.

⁴ Екатерина Федоровна Тютчева (1835—1889) — третья дочь поэта, которую одно время увлекался Толстой. См. Дневник, запись под 5 января 1858 (т. 48).

⁵ Гр. Прасковья Ильинична Толстая (Паша) (1853—1859) — дочь брата А. А. Толстой Ильи Андреевича Толстого.

⁶ Теперь это дом под тем же номером на Пушкинской улице. См. п. № 121.

128. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Апреля 5. Москва.

5 Апреля.

Работу кончил,¹ милая покровительница моей души, и начинаю говеть, и буду стараться говеть² так, чтобы не стыдно было перед собой, перед прежними моими требованиями и перед вашими. Нынче и погода такая, что в небе видно Бога, ежели присмотреться немного, и в себе слышно его. Когда вы причащаетесь? я желал бы поздравить вас. — Христос с вами, дай Бог, что[бы] не разрушался в вас никогда тот мир, который теперь в вашей душе. Благодарствуйте за ваше письмо, я после отвечу на него.³ — Хорошо ли, дурно ли, но я с Andacht⁴ читаю и буду читать ваши письма.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 20, стр. 121.

¹ Речь идет о «Семейном счастье».

² О несостоявшемся говении Толстого см. далее, п. № 131.

³ Подразумевается письмо А. А. Толстой от 20-х чисел марта 1859 г. (ПТ, стр. 117—119).

⁴ [с благоговением]

129. В. П. Боткину.

1859 г. Апреля 5—8? Москва.

Обдумав здраво, я вижу, что решительно неприлично мне отдавать на оценку свою вещь Каткову,¹ а потому не пишите ему ничего. А ежели уже хотите писать, то напишите, что

я желаю знать: желает ли он, да или нет, иметь мою повесть по 250 р. за лист? Не считайте меня ветренником, любезный Василий Петрович; я не хватился у вас, а теперь только обдумал, что это решительно ни на что не похоже и *невозможно*.

Ваш Л. Толстой.

Вам я приеду читать ее завтра, но ежели Катков хочет слышать или прочесть ее, то или он должен прежде согласиться на мои условия, или отказаться от повести.

Впервые опубликовано в ТПТ, 5, стр. 64—65. Датируется предположительно «5—8? апреля», так как 5 апреля Толстой кончил «Семейное счастье», а 9-го уехал в Ясную Поляну (см. след. письмо).

¹ Речь идет о «Семейном счастье», предназначавшемся для журнала М. Н. Каткова «Русский вестник».

*** 130. Т. А. Ергольской.**

1859 г. Апреля 9. Москва.

Chère tante!

Je suis encore indecis, si je partirais aujourd'hui ou non, c'est pour cela, que je vous écris. En tout cas vous aurez de mes nouvelles pour Pâques. Христос воскрес! J'ai fini mon affaire à la banque, mes comptes sont réglés, j'ai payé quelques dettes et j'ai dépensé le reste qui n'était pas beaucoup de chose. De sorte que je n'ai pas d'argent pour le moment. Mais ce n'est pas cela qui me retient. D'un côté je voudrais passer les fêtes avec vous et Marie, et je crains que mon хозяйство, n'aille mal sans moi, mais aussi j'avais commencé à faire mes devotions, j'ai fait une nouvelle,¹ que je voudrais imprimer devant moi et de nouveau j'ai imprimé dans la gazette qu'il me faut un intendant et que je vends Грецовка et je ne voudrais pas manquer les intendants et les acheteurs qui viendront ces jours-ci.—J'ai passé à Pétersbourg 10 jours des plus agréables avec Alexandrine qui vous salue beaucoup ainsi que Marie. Le reste du temps à Moscou j'ai beaucoup travaillé et j'ai été un peu malade. Mais à présent je vais très bien. — Vous ne m'écrivez rien sur vous. Je sais que vous avez été souffrante cet hiver et cela

m'a inquiété et beaucoup, quoique j'ai été comme toujours paresseux de vous écrire. J'espère que la sante de Marie se rétablira, avec le printemps. Ce serait bien triste si elle restait faible. Je ne puis pas concevoir cette idée de se loger dans une maison qui n'a pas été chauffé tout l'hiver. ² Est ce qu'elle peut avoir l'idée de pouvoir nous gêner vous ou moi. Ce serez ridicule. Adieu, je baise vos mains, et j'embrasse bien Marie et les enfants. Peut-être que j'arriverais avant cette lettre; dans tous les cas je vous l'envoie. —

L. Tolstoy.

9 Avril.

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.
В Тулу. В сельцо Ясные Поляны.

Дорогая тетенька!

Не решил еще, уеду я сегодня или нет, и потому вам пишу. Во всяком случае, известия обо мне вы получите к Пасхе. Христос воскрес! Дело с банком я покончил, счета мои сведены, я уплатил кое-какие долги и истратил остальное, чего было немного. Так что теперь денег у меня нет. Но не это меня задерживает. С одной стороны, мне хотелось бы провести праздники с вами и Машенькой, и я боюсь, что без меня хозяйство пойдет плохо, но я начал говеть, я окончил рассказ, ¹ который хотел бы напечатать при себе, затем я вновь сделал объявление в газете, что ишу управляющего и продаю Грцовку, и не хочется пропустить ни управляющих, ни покупателей, которые должны явиться на этих днях. — В Петербурге я неприятно провел 10 дней с Александрипой, которая кланяется вам и Машеньке. Остальное время в Москве я много работал и слегка поболел. Теперь же я совсем поправился. Вы ничего мне не пишете о себе. Знаю, что зимой вы болели, и меня это очень беспокоило, хотя, по-всегдашнему, я ленился и вам не писал. Надеюсь, что с весной Машенька поправится. Грустно будет, если она не окрепнет. Не понимаю, как она могла поселиться в доме, который не топили всю зиму. ² Неужели она могла подумать, что стеснит вас или меня? Ведь это смешно. Прощайте, целую ваши ручки и целую Машеньку и детей. Может статься, что я сам явлюсь раньше этого письма, но посылаю его на всякий случай. —

Л. Толстой.

9 апреля.

¹ «Семейное счастье».

² Об этом Т. А. Ергольская писала Толстому в письме от 4 апреля 1859 г.

131. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Апреля 15. Москва.

Христос воскрес! милая бабушка.

Я пишу не столько потому, что недельный срок подходит, не столько потому, что хочется писать, а на совести есть ложь, в которой надо признаться. Во вторник, когда я вам писал, я расчувствовался просто от того, что погода была хорошая, а мне показалось, что мне хочется говеть¹ и что я чуть-чуть не такой святой, как ваша старушка. Оказалось же, что один говеть и говеть хорошо я был не в состоянии. Вот, научите меня. Я могу есть постное, хоть всю жизнь, могу молиться у себя в комнате, хоть целый день, могу читать Евангелие и на время думать, что всё это очень важно; но в церковь ходить и стоять, слушать непонятые и непонятные молитвы. и смотреть на попа и на весь этот разнообразный народ кругом, это мне *решительно невозможно*. И от этого вот второй год уж осекается мое говенье. — В четверг я уехал в деревню, встретил с своими праздник и весну, перецеловался с мужиками (у них бороды пахнут удивительно хорошо весной), попил березового сока, перепачкал все надетые для праздника платья детям (няня ужасно меня разбранила), набрали цветов, желтеньких и лиловых и вернулся назад в Москву, — зачем? не знаю. Как будто забыл что-то, а не знаю что. — В вас-то, у вас-то, я думаю, как хорошо! Вы, разумеется, ответили, с этим-то главное вас поздравляю. Какой, я думаю, праздник в вас и около вас! Хоть немножко мне уделите этого сиянья. Дайте позавидовать. Завидовать хорошему есть одно мое хорошее качество. Кланяйтесь очень всем вашим. Папа — мудрец, великий мудрец! Что она прорезала платье, это ничего. Платье заростет, а ежели бы она солгала, она бы сделала больно всем вам и себя бы испортила, а теперь вы ею занимаетесь. Даже и тетя ее, которой она прорезала платье, наверно простила ее. — Вы, слегка шутя, пишете, что В[орис] А[лексеевич]² и т-те Мальцова³ хорошо расположены ко мне, а я этому просто рад, потому что они мне очень симпатичны. Пожмите от меня изо всех сил руку В[орису] А[лексеевичу] так крепко, чтобы только не больно, и Мальцовой тоже морально пожмите так, чтобы только не больно. Часто бывает, что простодушный Вавило

от души желает пожать руку (морально) и пожмет так, что раздавит там что-нибудь; кольцо или пальцы очень тонки и нежны. Я этого самого долго боялся с вами; но теперь уже привык к мысли, что неотесанный Вавило может с вами и перед вами выделять свои дикие эволюции, не сделав вам больно. Впрочем, и вы крепки и здоровы. — Вы пишете, что ежели бы я так, как вы, понял удовольствие быть вечером в Лизиной комнате за селянкой и т. д., то не уехал бы; а я говорю, что ежели бы вы поняли, как я, это удовольствие, то тотчас же, не дожидаясь поезда, пешком ушли бы в Москву или в Троицу. Это — Капуа, ⁴ вредная для нашего брата работника. Только изредка, когда учитель очень доволен, можно задавать себе такие реакции. Вы, может быть, так сказали, а для меня эти 10 дней останутся, как Clarens, ⁵ дорогими воспоминаниями на всю жизнь. Для меня это отдых, утоление жажды, и именно тем-то и приятный, что ничего не случается, ничего не ожидается, не жалеется, а хорошо, со всех сторон хорошо. Для вас это, должно быть, так же странно, как для рыбы, которая, сидя в реке, услышала бы, что человек, запыленный, обожженный, измученный, радуется тому, что он сел в эту реку, и не знает всех рыбьих неприятностей, и сидит только до тех пор, пока освежится, не дожидая того, чтобы ему стало холодно. —

Что вы делали во вторник? Я вас видел во сне так, что по моей манере объяснений вы должны были быть нездоровы. Надеюсь, что это вздор. Письмо ваше в деревню я получил. ⁶ Я вас не прошу исполнить того, что вам захотелось, это не просится, а дается; но не могу не сказать, что надеюсь и жду. Хотя я вас знаю очень хорошо и коротко, — вы знаете как? по моей теории любви, но тем более мне хотелось бы знать, как эта лучшая женщина во всем мире делала глупости — самые лучшие во всем мире. Уж там, как вы не рассказывайте, а по моему они выйдут самые лучшие. — Только не для изучения мне это радостно будет, а для наслаждения. Это всё еще впереди.

Исакова⁷ я встретил раз у Сушковых,⁸ но не познакомился, не получив еще вашего письма; но я слышал его: он — положительно и продолжает в университете вести себя дурно. Спросите пожалуйста у Бор[иса] Алекс[еевича], что писарь Петров?⁹ Что с ним сделали? — Тургенева я не видал, и потому не мог ему передать вашу тонко выраженную просьбу прощенья перед испо-

ведью; но надеюсь, что он помилует вас, да и я ретроспективно даю вам разрешение.¹⁰ Ваше мщение не удалось. Когда я получил афишу и ваше описание впечатлений концерта, уже была весна, и музыки не нужно.¹¹ Какая прелесть в деревне! И зачем я вернулся, я решительно не знаю, но все таки иду сейчас искать того, что забыл здесь. — Прощайте, от всей души жму вашу руку, не боясь сделать больно.

Ваш Гр. Л. Толстой.

15 Апреля. Москва.

Первая половина письма, кончая словами: «ушли бы в Москву или» печатается по автографу, вторая — по первопечатному тексту (местонахождение конца автографа неизвестно). Впервые опубликовано в ПТ, стр. 121—124. Дата определяется содержанием: Толстой упоминает о своем предыдущем письме от 5 апреля 1859 г. См. п. № 128. Настоящее письмо является ответом на письмо А. А. Толстой от середины марта (ПТ, стр. 119—121, где письмо неверно датировано апрелем).

¹ См. п. № 128, написанное не во вторник, как пишет Толстой, а в воскресенье 5 апреля.

² Граф (с 1856 г.) Борис Алексеевич Перовский (1815—1881) — младший из «незаконных» детей гр. А. К. Разумовского.

³ Анастасия Николаевна Мальцова, рожд. жж. Урусова (1820—1894) — жена промышленника, владельца мальцовских заводов Сергея Ивановича Мальцова (1810—1893).

⁴ Капуа — город и крепость в Италии в провинции Кампанья. В древности славилась богатством. Жители вели роскошный, изнеженный образ жизни; название Капуа вошло в поговорку.

⁵ [Кларан,]

⁶ Письмо А. А. Толстой от середины марта 1859 г. (ПТ, стр. 117—121), на которое дальше отвечает Толстой.

⁷ Николай Васильевич Исаков (1821—1891) в 1846—1848 гг. принимал участие в экспедициях против чеченцев, а в 1855 г. в защите Севастополя.

⁸ Толстой довольно часто бывал у П. В. и Д. И. Сушковых. Николай Васильевич Сушков (1796—1871) — драматург, поэт и журналист. Был женат с 1838 г. на Дарье Ивановне Тютчевой (1806—1874), сестре поэта. В квартире Сушковых (в доме Милюткина, в Пименовском переулке, против церкви Старого Пимена) часто собирались представители московской аристократии и интеллигенции. В Дневнике Толстого за 1856—1858 гг. имеется ряд записей о посещениях им Сушковых.

⁹ М. Петров — писатель-самоучка; служил писарем в канцелярии военного ведомства. Дружинин, первый открывший в нем талант, стал печатать его в «Библиотеке для чтения», познакомив с ним и Толстого, пришедшего в восторг от его произведений. Оба они решили выхлопотать для него все-

возможные льготы по службе, чтобы дать ему возможность больше уделять времени литературному труду. Из произведений Петрова сильное впечатление произвела на Толстого «Саргина могила». См. прим. 2 к п. № 132.

¹⁰ В письме от середины марта 1859 г. А. А. Толстая писала Толстому: «Когда-то у меня были против него (Тургенева) молочные зубы, которыми не укусишь и которые при первых благоприятных впечатлениях выпали сами собой без боли. Зато теперь против него мои зубы мудрости или, вернее, прозорливости; она подсказывает мне, что это именно он увез вас отсюда, несмотря ни на что» (ПТ, стр. 120).

¹¹ В том же письме А. А. Толстая писала: «Вечером я была в концерте, на котором должны были быть и вы, и посылаю афишу — должна созваться — не без задней мысли и не без желания отомстить» (ПТ, стр. 120).

132. А. В. Дружинину.

1859 г. Апреля 16. Москва.

Неужели же вы так и не приедете нынче весной в Исные Поляны, любезный Александр Васильевич? Я еще не хочу этому верить и надеюсь, что ваша Маша ¹ поправится. Во всяком случае напишите, что и как? Я так жду вас, да и жалуюсь о вашем горе. Я на Пасху уезжал в деревню и встретил весну и праздник с своими. Уж сирени развернулись, березки подернуты зеленью, соловей посвистывал, была гроза, прибило жаркую пыль, пахло свежестью и пылью, лягушки заливаются. Нынешнее лето тем паче мне бы хотелось быть с вами, что хозяйство уже не так всего меня требует, как прежде, и я намерен наслаждаться просто. Жизнь коротка. Еще что будет хорошо. Вы верно сойдетесь и полюбите обоих моих братьев. Как они меня порадовали тем, что оба в восхищении от Сарг[иной] Мо[гилы] ² собственным чувством. Что Петров? Возьмите между прочим у Давыдова по экземпляру моих книжечек и подарите от меня ³ и дайте его адрес. А propos de ⁴ литература. Обломов — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от Облом[ова] и перечитываю его еще раз. Но что приятнее ему будет — это, что Обломов имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике. Это я был *même de savoir* ⁵ по деревенским толкам, по молодежи и по тамбовским барышням. ⁶ — Я же с тех пор, как стал литератором, не могу не искать недостатков во всех больших и сильных вещах и об Обломове многое желаю поговорить. ⁷

Кто пишет «деревенские письма» в От[ечественных] Зап[исках]⁸ Это, по моему, славный талант, и вещи прекрасные, и, я боюсь, не оцененные. Во всяком случае поздравьте Кра[е]вского с этим приобретением. Тургенева я не видал, но брат Н[иколай] всё время жил у него. Он, т. е. Тург[енев], охотится, ездит по соседям и твердо убежден, что он заводит фермы и делает то, «*что уж надо же наконец покончить*». ⁹ Что деньги я вам так прислал — это ничего не значит. Новая повесть Кохановской есть г...о по моему мнению; хотя и тут есть размах и смелость редкая и дорогая в наше время, но зато, увы! нет чувства меры, и не художник. ¹⁰ Я свою повесть 3-й раз переделываю, и мне всё кажется, что что-то да выходит. ¹¹ Прощайте, ради Бога не измените. Кланяйтесь матушке ¹² и всем знакомым.

У Боткина карбункул на ж...е, и он лежит, но мил бедняжка. —

16 Апреля.

Впервые опубликовано в «Звезде», 1930, 5, стр. 150—151.

¹ Маша — малолетняя племянница А. В. Дружинина. В следующем письме, от 22 апреля, Дружинин сообщал Толстому о смерти Маши.

² «Саргипа могила» напечатана в январской книжке «Библиотеки для чтения» за 1859 г.

³ Толстой просит подарить Петрову две свои книги, продававшиеся у А. И. Давыдова: «Детство и отрочество» и «Военные рассказы».

⁴ [что касается]

⁵ [в состоянии узнать]

⁶ Намек на Е. И. Чыхачеву (впоследствии Сытина). См. п. № 173.

⁷ Роман Гончарова «Обломов» был напечатан в «Отечественных записках» за 1859 г., №№ 1—4, и в том же году вышел отдельной книгой. Дружинин передал Гончарову похвалу Толстого, и Гончаров ответил Толстому благодарственным письмом: «Слову вашему о моем романе я тем более придаю цену, что знаю, как вы строги, иногда даже капризно-вызыскательны в деле литературного вкуса и суда» («Красная нива», 1928, № 37).

⁸ «Деревенские письма», напечатанные в № 3 «Отечественных записок» за 1859 г., подписаны буквами: П. С. Начало «Деревенских писем» появилось в «Отечественных записках» 1858 г.

⁹ И. С. Тургенев приехал из Москвы в Спасское 28 марта 1859 г. и прожил там месяц.

¹⁰ Повесть Кохановской «Из провинциальной галлерей», напечатанная в мартовской книжке «Русского вестника» за 1859 г.

¹¹ Речь идет о «Семейном счастье».

¹² Марья Павловна Дружинина.

На это письмо Толстого Дружинин ответил 22 апреля 1859 г.

* 133. К. С. Аксакову. Неотправленное.

1859 г. Апреля 26? Москва.

Я до такой степени загулял последнее время в Москве, что даже не мог выбрать минутки приехать к вам, любезнейший Константин Сергеевич, и извиниться перед вашим батюшкой¹ за мою неаккуратность да и вообще приехать туда, куда мне больше всего нужно, полезно, приятно было бы приехать. Я завтра еду. Поэтому до свиданья. Повторяю просьбу присылать вам на суд то, что выйдет из моего романа; ежели же завтра не уеду, то непременно буду у вас.

Истинно уважающий вас Гр. Л. Толстой.

Дата определяется содержанием: 1) Толстой просит у К. С. Аксакова разрешения присылать ему на суд то, что выйдет из его «романа»; единственное произведение Толстого, из напечатанных при жизни К. С. Аксакова, которое Толстой называл «романом», это «Семейное счастье». На этом основании отнесем письмо к 1859 г. 2) Слова: «завтра еду» позволяют датировать предположительно 26 апреля 1859 г., так как Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну 27 апреля 1859 г. То, что письмо осталось в бумагах Толстого, указывает на то, что отправлено оно не было.

Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860) — старший сын писателя С. Т. Аксакова, писатель, публицист, основоположник славянофильства. См. подробнее т. 47, стр. 213.

¹ Сергей Тимофеевич Аксаков.

* 134. Гр. Н. Н. Толстому.

1859 г. Апреля 27. Я. П.

Очень тебе благодарен, любезный друг, за деньги. Я сам¹ в Ясной Поляне, нынче приехал. Я теперь со всеми долгами квит и очень доволен. — Не приедешь ли к нам? Я вернулся невредим. Сережа, который приехал нынче, говорит, что мне отказали. Он затравил лисицу. Маше здоровье лучше. Дети и тетинька здоровы. — До свиданья. Тетинька целует тебя. Она ждет Обломова.

Твой Л. Толстой.

27 Апреля.

Николай Николаевич Толстой (1823—1860) — старший брат Толстого. О нем см. т. 59, стр. 121—122.

¹ Зачеркнуто: был.

1859 г. Апреля конец — мая 3. Я. П.

Батюшки мои! Как вы меня. Ей Богу, не могу опомниться! Но без шуток, милая бабушка, я скверный, негодный, и сделал вам больно, но надо [ли] уж так жестоко наказывать? Всё, что вы говорите, и правда и неправда. Убеждения человека, не те, которые он рассказывает, а те, которые из всей жизни выжиты им, трудно понять другому, и вы не знаете моих. И ежели бы знали, то нападали бы не так. — Попробую, однако, сделать мою *profession de foi*.¹ Ребенком я верил горячо, сантиментально и необдуманно, потом, лет 14, стал думать о жизни вообще и наткнулся на религию, которая не подходила под мои теории, и, разумеется, счел за заслугу разрушить ее. Без нее мне было очень покойно жить лет 10. Всё открывалось перед мной ясно, логично, подразделялось, и религии не было места. Потом пришло время, что всё стало открыто, тайн в жизни больше не было, но сама жизнь начала терять свой смысл. В это же время я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь, перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошел тогда.² Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал *туда*, как в это время, продолжавшееся 2 года. И всё, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением. Я не могу иначе. Из 2 лет умственной работы я нашел простую, старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно. Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их в Евангелии, но нашел мало. Я не нашел ни Бога, ни Искупителя, ни *тайнств*, ничего; а искал всеми, всеми, всеми силами души, и плакал, и мучался, и ничего не желал, кроме истины. Ради Бога, не думайте, чтобы вы могли чуть-чуть понять из моих слов всю силу и сосредоточенность тогдашнего моего исканья. Это одна из тех тайн души, которые есть у каждого из нас; но могу сказать, что редко я встречал в людях

такую страсть к истине, какая была в то время во мне. Так и остался с своей религией, и мне хорошо было жить с ней. Надо сказать еще.

3 Мая. Это было написано тотчас после получения вашего письма. Я остановился, потому что убедился, что всё это болтовня, которая не даст вам понятия о сотой доли того, что есть, и нечего продолжать. А так как я дал себе слово никогда не переделывать вам писем, посылаю вам и это. Дело в том, что я люблю, уважаю религию, считаю, что без нее человек не может быть ни хорош, ни счастлив, что я желал бы иметь ее больше всего на свете, что я чувствую, как без нее мое сердце сохнет с каждым годом, что я надеюсь еще и в короткие минуты как будто верю, но не имею религии и не верю. — Кроме того, жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь. Когда я живу хорошо, я ближе к ней, мне кажется вот-вот совсем готов войти в этот счастливый мир, а когда живу дурно, мне кажется, что и не нужно ее. — Теперь, в деревне, я так гадок себе, такую сухость я чувствую в сердце, что страшно и гадко, и слышней необходимость. Бог даст, придет. Вы смеетесь над природой и соловьями. Она для меня проводник религии. У каждой души свой путь, и путь неизвестный, и только чувствуемой в глубине ее. Может быть, что я и вас люблю за тем только. — Ах, милый друг, бабушка. Пишите мне почаще. Мне так гадко, грустно теперь в деревне. Такой холод и сухость в душе, что страшно. Жить не зачем. Вчера мне пришли эти мысли с такой силой, как я стал спрашивать себя хорошенько: кому я делаю добро? кого люблю? — Никого! И грусти даже, и слез над самим собой нет. И раскаянье холодное. Так, рассужденья. Один труд остается. А что труд? Пустяки, — копаешься, хлопчешь, а сердце суживается, сохнет, мрет. Я пишу вам это не для того, чтобы вы мне сказали, что это? что делать, утешили бы. Этого ничего нельзя. Пишу просто оттого, что люблю вас и что вы меня поймете; откроете окошечко в сердце, впустите туда весь этот внуковский вздор и опять запрете окошечко, — и *alle right!*³ *Пожалуйста, не отвечайте даже про это.* Главное, что я лгать не могу перед собой. Есть больная сестра, старая тетка, мужики, которым можно быть полезным, с которыми можно нежничать, но сердце молчит, а нарочно делать добро — стыдно. Тем более, что я испытал счастье (как ни редко) делать, не зная, печально,

от сердца. Сохнет, деревенеет, сжимается, и ничего не могу сделать. Вам надо не сердиться на нашего брата, не бранить, а жалеть и ласкать. Вам хорошо. У вас всегда есть, где обогреться душе, а у нас сохнет, чувствуешь, ужасаешься — и нет *remed'a*.⁴

Прощайте, кланяйтесь нашим и не забывайте меня. Что за глупости ваши Дворы и всякий вздор, мешавший вам писать мне. Кажется, внук, который любит вас, посерьезнее всех труб в мире. —

Сестра и тетка вас любят и помнят. — Еще горе у меня. Моя Анна, как я приехал в деревню и перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться от сраму, и, кажется, больше никогда писать не буду.⁵ А она уж напечатана. И в этом не утешайте меня. Я знаю, что я знаю. Еще горе: хозяйство мое идет отвратительно, а я персеверирую,⁶ и, кажется, скоро совсем разорюсь. И сверх того еще рожь пропала нынешний год. Вот теперь мне хочется смеяться и подпрыгивать. И только от того, что за 5 минут мне хотелось плакать и что я пишу вам. —

Л. Толстой.

3 Мая.

У нас погода первый день прекрасная.

Впервые опубликовано в ИТ, № 23, с редакторской датой «[ок. 3 мая 1859 г.]». Датируется содержанием. Написано оно в два приема: «точас после получения» письма от А. А. Толстой и, как помечено во второй половине письма, 3 мая.

Первая часть письма (до написанного 3 мая) является ответом Толстого на большое письмо А. А. Толстой, в котором она пишет о своем огорчении и по поводу протестов Толстого в письме от 15 апреля против церкви и говенья.

¹ [исповедь.]

² См. Дневник Толстого за 1852—1853 гг. (т. 46, стр. 89—217).

³ [хорошо!]

⁴ [лекарства.]

⁵ «Анной» Толстой называл повесть «Семейное счастье». См. прим. 3 к п. № 127. В Дневнике под 3 мая Толстой записал: «Получил «С[емейное] С[частье]». — Это постыдная мерзость».

⁶ От французского *persévérer* — упорствовать.

1859 г. Мая 3. Я. П.

Василий Петрович, Василий Петрович! Что я наделал с своим Семейным Счастьем. Только теперь здесь, на просторе, опомнившись и прочтя присланные корректуры 2-й части, я увидал, какое постыдное г...о, пятно, не только авторское, но человеческое — это мерзкое сочинение. Вы меня подкузмили, чтобы отдать это, будьте же за то и вы поверенным моего стыда и раскаянья! Я теперь похоронен и как писатель и как человек! Это положительно. Тем более, что 1-я часть еще хуже. Пожалуйста, ни слова утешенья не пишите мне, а ежели вы сочувствуете моему горю и хотите быть другом, то уговорите Каткова не печатать эту 2-ю часть, а получить с меня обратно, деньги, или считать за мной до осени. Слово я держу и поправил корректуры с отвращением, которого не могу вам описать. Во всем слова живого — нет. — И безобразие языка, — вытекающее из безобразия мысли, невообразимое. — Ежели же уже невозможно миновать этой чаши, то будьте другом, пересмотрите корректуры и перекрестите, поправьте, что можно. Я не могу. Мне хочется всё перекрестить. — Ежели же удастся вам спасти меня от увеличения срама печатаньем 2-й части, то сожгите ее и рукопись, взяв ее у Каткова. Не даром я хотел печатать под псевдонимом. — Деньги 350 р. я могу возвратить через неделю. — Конец повести не прислан мне и не нужно присылать его. Это мука видеть, читать и вспоминать об этом. —

Затем прощайте, жму вам руку и прошу серьезно и с участием понять, что я пишу.

Ваш Л. Толстой.

3 Мая.

Корректуры я посылаю на имя Каткова, но надеюсь, что вы получите это письмо прежде, чем он корректуры.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 66—67.

На это письмо В. П. Боткин отвечал 6 мая 1859 г., что оно не удивило его и он понял негодование Толстого. Он напомнил, что, когда Толстой в первый раз прочел ему свою новую вещь, он заметил, «что всё это исполнено какого-то холодного блеска и ничто не трогает, ни мысли, ни сердца». Он теперь остался при этом мнении, язык, он считает, «везде отличный» — его-то он и разумел под словом «блеск». «А вся неудача

вышла от неясности первоначальной мысли, от какого-то напряженного пуританизма в воззрении; этот рассказ всего лучше шел к детскому журналу, и вся похвала, какую можно бы сказать о нем, состояла бы в том, что

Мать дочери велит его читать».

Боткин считал, «что рассказ местами скучноват и оставляет неудовлетворительное впечатление. Вот всё, что может о нем сказать самая строгая критика. Критика — приятельская — дело другое». От рассказа, писал Боткин, «пахнет [[1]] старой институтки».

«*Мать дочери велит его читать*» — перевод вошедшего в поговорку стиха французского поэта Пирона (1689—1773) из его поэмы «Metromanie»: «La mère en prescrite la lecture à sa fille».

Просмотрев корректуру второй части, Боткин изменил свое мнение о рассказе, основанное на первом впечатлении, о чем сообщил Толстому в письме от 13 мая 1859 г. Он писал: «Дело вот в чем: прочел я корректуру 2-й части с самым озлобленным вниманием — и представьте! результат вышел совсем не тот, которого я ожидал: не только мне понравилась эта 2-я часть, но я нахожу ее прекрасною во всех отношениях. Во-первых, она имеет большой внутренний драматический интерес, во-вторых, это превосходный психологический этюд, и, наконец в-третьих, там есть глубоко схваченные изображения природы — и «все-таки, это прекрасная вещь, исполненная серьезного и глубокомысленного таланта». Оба эти письма Боткина опубликованы в сборнике ТПТ, 4, стр. 70—72 и 74—75.

137. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Мая 17. Я. П.

А я все-таки пишу вам, милый друг бабушка. Неотвеченное письмо делает странное, неприятное впечатление, особенно для меня, человека мнительного; точно строгой и серьезный взгляд в ответ на чувствительность.¹ Нечего и писать, кроме про себя, а про себя почти нечего.

Сердце, кажется, высохло, и я примирился с мыслью носить костяшку в левой стороне, и ничего. В деревне хорошо, тепло, ясно. Изю всех сил ем, сплю, ничего не делаю и стараюсь задумывать червяка, который там, где-то всё хочет бунтовать. — Пора успокоиться. — Расскажу вам, между прочим, мои новые привязанности в Москве. Это мать и сын Подчаские.² Вы их мало знаете; но что это за прелесть — старуха! И сын хороший; тонкий вкус, анализирующий, изящный ум, большое недовольство собой и нежная детская привязчивость. С ней и обещался идти к Троице и нарочно для того приеду в Москву.³

Какая крупная, пзящная и нежная натура, и вместе гордая и довольная собой, потому что не может найти, чем быть недовольна. Славная. Прощайте, напишите словечко. Тетинька и сестра вас целуют. Это ничего? Особенно тетинька вас любит. Она всегда знает, где хорошо, и знает не по тем приметам, по которым я, а не ошибается.

Ваш Л. Толстой.

11 Мая.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 133—134.

¹ Толстой говорит о своем оставшемся без ответа письме, написанном им 3 мая 1859 г. См. п. № 135.

² Елизавета Петровна Подчасская, рожд. кж. Трубецкая, по первому мужу Потемкина (1796—187.), сестра декабриста С. П. Трубецкого. Была знакома с А. С. Пушкиным (к ней относятся стихи: «Когда Потемкину в потемках»...) и была на его свадьбе посаженной матерью невесты.

От Ипполита Ивановича Подчасского у Е. П. Подчасской был сын (родившийся до брака), Лев Николаевич Подчасский (1836—1861 или 1862), получивший отчество по крестному отцу кн. Н. С. Меншикову. Сохранилось одно письмо Л. Н. Подчасского к Толстому от 11 мая 1859 г.

³ Поездка в Москву Толстого не состоялась. См. п. № 141.

138. В. П. Боткину.

1859 г. Мая 11. Я. П.

[[4]] старой институтки! Да! C'est le mot! ¹ — Ну да чорт с ней. Теперь так черемухой и ландышем пахнет. Благодарствуйте за ваше письмо и твердую откровенность. Поверите ли, как вспомню только содержание милой повести или читая найду что-нибудь напоминающее, краснею и вскрикиваю. — Вам надо какую-нибудь сиге ² от ваших карбункулов. Едва ли я теперь приеду в Москву, во-первых, от стыда, ³ во-вторых, от того, что уже вода деревенской лени сошла у меня над головой, я сам чувствую. Посылайте душку Дружинина ко мне, поделитесь. ⁴ А весной и жениться кажется, что не зачем, и так хорошо, и кажется, что всегда должно быть хорошо. — Прощайте, напишите когданибудь. —

Ваш Л. Толстой.

11 Мая.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 73. Ответ на письмо В. П. Боткина от 6 мая 1859 г. (см. там же, стр. 70—72).

¹ [Это точное определение!]

² [лечение]

³ Стыда, вызванного выходом в свет «Семейного счастья». См. п. № 136.

⁴ В. П. Боткин писал 13 мая Толстому: «Дружинин приехал в Москву третьего дня и порывается в Ясную Поляну, но я сказал ему, что вы располагали скоро быть в Москве — и затем он не знает, ехать ли к вам или ждать вас» (ТПТ, 4, стр. 75).

139. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Мая 16. Я. П.

А я все-таки пишу вам. Но пишу беспокоен. Не провинился ли я? Или, что гораздо хуже, нет ли у вас горя какого? Не больны ли кто из ваших или вы сами? Пожалуйста, напишите, что всё обстоит благополучно, и я успокоюсь и не стану надоедать вам. — Уж не уехали ли вы за границу, не написав мне строчки? это было бы дурно. Тогда бы я был сразу квит с вами за все мои грехи. А как бы мне теперь нужно, радостно бы было получить письмецо от вас, так грустно, сухо, холодно. Весна, а плохо жить на свете — в первый раз со мной случается. Я вас вызываю возможностью сделать доброе дело. Прощайте. Жму вашу добрую руку и все-таки жду письма.

Ваш Л. Толстой.

16 Мая.

Впервые опубликовано в ПТ, № 25, стр. 134.

* 140. Гр. Н. Н. Толстому.

1859 г. Мая 17. Я. П.

О машинах я узнавал: у Бутенопа 300 и 325, у Вильсона ¹ 275, пересылка 25 и 50 р. У Вильсона надо заказать. Впрочем всё переговорим. Приезжай, пожалуйста, поскорей. Новостей особых нет. Все здоровы, но немного. У меня ужин стоит. — У меня украли собак: Злодея и Молодого и увезли в вашу сторону. Ежели окажутся там, скажи Борису. ² Привози с собой Фета. Дружинин будет у меня на днях. —

Л. Толстой.

17 Мая.

На четвертой странице:

Николаю Николаевичу.

¹ Бутенопы (братья Николай и Иоганн) и Христофор Вильсон — владельцы завода сельскохозяйственных машин.

² Иван Петрович Борисов. О нем см. п. № 113.

141. Гр. А. А. Толстой.

1859 г. Июня 12. Я. П.

Как я рад и благодарен был за ваше письмо, ¹ милый друг бабушка, а недели две не писал именно от того, что был рад, и скверный эгоист успокоился. Чего же еще надо? — Еще и то, что я знаю, вы теперь так далеко, это мне немного грустно. — Знаете, какое чувство возбуждают во мне ваши письма (некоторые, как последние, в которых вы обращаете меня), как будто я ребенок больной и неумеющий говорить, и я болен, у меня болит грудь, вы меня жалесте, любите, хотите помочь и примачиваете бальзамом и гладите мне голову. Я вам благодарен, мне хочется плакать и целовать ваши руки за вашу любовь и ласку и участие; но у меня не тут болит, и сказать я не умею и не могу вам. —

Я всё живу в деревне, в Троицу не пошел от дел, которые, как ни противны мне, совсем овладели мной. Вы приняли слишком *au pied de lettre* ² то, что я разоряюсь. И не могу разориться, потому что один, и умею (с гордостью говорю) сам заработать свой хлеб. И забавляюсь или, скорей, стараюсь отуманиться, забытья в занятиях делами, хлебопашеством, которое, хотя я и люблю, и не умею, не довольно сух, чтобы вести выгодно. — Ежели бы вы были в России, я бы вам прислал «Scenes of clerical life» Elliot'a; но теперь только прошу прочесть, особенно «Janet's repentance». ³ Счастливы люди, которые, как англичане, с молоком всасывают христианское ученье, и в такой высокой, очищенной форме, как евангелический протестантизм. — Вот и нравственная и религиозная книга, но которая мне очень понравилась и сделала сильное впечатление, — *сильное* — солгал: ничто уж на меня не производит сильного впечатления — засох. — Ежели вам свободно и не скучно, напишите мне о себе, где вы? Как устроились? Какие новые

и сильные впечатления? Вы способны и всегда будете способны их чувствовать, только это не от того, от чего вы думаете, а от того, что вам Бог дал такую натуру, которой я, по крайней [мере], не встречал другой. — Прощайте, добрая, милая помощница и просветительница, пожалуйста, еще и еще погладьте меня по голове, потрите бальзамом, хоть не тут болит, но очень хорошо мне от этого. —

Л. Толстой.

12 Июня. — Дни убавляются с нынешнего дня. А для меня без пользы и без счастья уж сколько убавилось дней, и всё еще и еще убавляются, а всё кажется, что на что-то можно бы их употребить. —

Впервые опубликовано в ИТ, № 26.

¹ Письмо А. А. Толстой неизвестно.

² [буквально]

³ «Scenes of clerical life» («Сцены из жизни духовенства») — название серии из трех повестей, куда входит «Janet's repentance» («Раскаяние Джанет») — английской писательницы Марии-Анны Эванс, выступавшей в печати под псевдонимом Джордж Элиот (1820—1880).

142. Гр. М. Н. Толстой.

1859? г. Июня 22. Чернь.

Июня 22.

Милый друг Машенька.

Где ты? Мы все тебя потеряли. Я нынче в ночь выехал из Усной и сейчас в Черни встретил Дьяковых. По нашим сведениям, в Пирогове ¹ тебя нет. Дьяковы же воображают, что ты у нас. Когда ты выезжаешь, ежели ты не выехала? Уж, избави Бог, не нездорова ли ты или кто-нибудь из твоих?

Гр. Л. Толстой.

Печатается по тексту, впервые опубликованному в «Русском слове», 1911, № 134, от 12 апреля. В публикациях датируется предположительно 1856 г., что безусловно неверно, так как 22 июня 1856 г. Толстой, как это видно из Дневника, никуда не ездил. Если письмо не относится к 1860-м гг., то может быть отнесено к 1859 г.

¹ Пирогово — имение Крапивинского уезда Тульской губернии, в 40 км. от Ясной Поляны. При разделе 1847 г. между детьми гр. Николая Ильича Толстого большая часть Пирогова отошла к С. Н. Толстому, а меньшая — к М. Н. Толстой.

*** 143. И. П. Борису.**

1859 г. Августа 29. Я. П.

29 Августа.

Вчера я только вернулся из отъезда в Каширском и Веневском уездах. Затравил 2 волков и 3 лисиц; всей же охотой затравили 5 волков и 6 лисиц. — 1-го Сентября надеюсь выдти к вам, и ежели будет не так сухо, то дойду в три дня в Никольское. Тороплюсь, еду на почту. От души обнимаю вас и Фета и кланяюсь всем вашим. —

Ваш Гр. Л. Толстой.

Сухотин ¹ не может выпроситься в отпуск. —

Иван Петрович Борисов (1832—1871) — бывший офицер, страстный охотник. Был женат (с января 1858 г.) на сестре А. А. Фета — Надежде Афанасьевне Шеншиной (1832—1869).

О И. П. Борисове см. В. А. Полторацкий, «Воспоминания» («Исторический вестник», 1893, 6, стр. 672; 7, стр. 52—53; 9, стр. 584—585); А. Фет, «Моя воспоминания», I, стр. 13—15 и 215—216; Гутъяр, «И. С. Тургенев и его нелитературные друзья» — «Русская старина», 1909, 4.

¹ Сергей Михайлович Сухотин (1818—1886), был женат на сестре приятеля Толстого Д. А. Дьякова, Марье Алексеевне Дьяковой (1830—1889), с которой развелся в 1868 г. Подробнее о нем см. в т. 46, стр. 136.

Извлечения из дневников С. М. Сухотина напечатаны в «Русском архиве» за 1894 г.

*** 144. И. П. Борису.**

1859 г. Сентября 11. Никольское-Вяземское.

Кавказ покорен! ¹ Имею счастье поздравить В[аши] И[мператорские] В[еличества].

Лагерь при Казюльке. ²

11/22 Сентября, 3 часа пополудни.

Толстой.

Я сам был в Аулялулу,³ в Сызране, в Темешваре, Рушук и многих других.

11/22 Сентября, 3 $\frac{1}{2}$ часа пополудни.

Толстой.

6 лисиц, 2 волка и большое количество зайцев у ног В[аших] В[еличеств] сняты и отправлены в Рахатлукум. —

11/22 С[ентября], 4 часа пополудни.

Толстой.

Фет с 400 человек, двумя собаками и орудием заперся во флигель. Я буду осаждать его и выслал пикеты до Тармаламы.

11/22 С[ентября], 4 $\frac{1}{2}$ часа п[о]п[олудни].

Толстой.

Охота нынче придет в Никольское поздно ночью (из похода воротился воевода)⁴ и измученная. Для нее необходима дневка 12 числа, а остальные распоряжения передаю в руки Ваших Императорских Величеств и себя повергаю к Их стопам. —

Не приедете ли и вы в Никольское?

Толстой.

Сергей Михайлович!⁵ Ура!

На четвертой странице:

Его Высокоблагородию Ивану Петровичу Борисову.

Письмо написано во время охоты Толстого в отъезжем поле в Мицеском и Новосильском уездах.

¹ Кавказ был покорен русскими в конце августа 1859 г., когда сдался Шамиль кн. Барятинскому.

² Козюлькино — Новоселкп. См. прим. 2 к п. № 117.

³ В этом шуточном письме, пародирующем официальные донесения начальников воинских частей, Толстой для названий местности и селений, кроме названий городов: Сызрань (на Волге), Темешвар (Венгрия) и Рушук (Болгария), берет разные слова, вроде «Рахатлукум», «Тармалама» и т. п.

⁴ «Поздно ночью из похода воротился воевода» — из стихотворения Пушкина «Воевода».

⁵ С. М. Сухотин.

*** 145. И. П. Борисову.**

1859 г. Сентября 11? Никольское-Вяземское.

Очень вам благодарен, любезный Иван Петрович, за присылку лошади и за репки и груши. Я нынче накормил уже сырцом собак, а во вторник поеду к Дьякову¹ и всю неделю

там пробуду. Туда мне и дайте знать, ежели я вам еще не наскучил, когда и что вы предпринимаете. Кстати теперь и сухо; не скучно дома сидеть. —

До свиданья.

Ваш Л. Толстой.

Сеялки моей, разумеется, еще нет, потому что сказано к 23-му — по новому. А завтра за ней посылаю.

На четвертой странице:

Е. В. Ивану Петровичу Борису.

Письмо написано во время охоты в Мценском и Новосильском уездах. Предположительно датируем его 11 сентября.

¹ В имение Д. А. Дьякова — Черемошня, Новосильского уезда Тульской губернии.

* 146. Т. А. Ергольской.

1859 г. Сентября первая половина. Новоселки.

Я нанял управляющего, chère tante,¹ немца, которого посылаю на место без себя. Жалованья я ему положил 300 р. сер. и покамест, до моего приезда, содержание от стола и квартиру на дворне.

Ежели, в случае, он окажется пьяницей, то пожалуйста моим именем стоните его.

Я завтра еду с Машей в Чернь. Она к баронессам,² я — к Борису. Старуха умерла.³ — Adieu, je baise vos mains.⁴

Ваш Гр. Л. Толстой.

Датируется содержанием. Очевидно, немец был приглашен Толстым во время его охоты в отъезжем поле в Мценском и Новосильском уездах. Оттуда об этом же немце управляющем Толстой писал Н. Н. и С. Н. Толстым.

¹ [дорогая тетенька.]

² Сестры Александра Антоновича Дельвига (1818—1882), соседа по имению М. Н. Толстой и младшего брата поэта Автона Антоновича Дельвига, друга А. С. Пушкина.

³ Варвара Сергеевна Сухотина.

⁴ [Прощайте, целую ваши ручки.]

*** 147. Гр. Н. Н. и С. Н. Толстым.**

1859 г. Сентября 15—17. Новоселки.

15-го сен[тября] 59. Новоселки.

У нас ничего особенного нового. Я нанял Немца прикащика. У тебя в Пирогове всё благополучно, я протравил там 2 волков и двух лисиц. Зову Ив[ана] Петр[овича] идти к вам, но он не хочет — прощайте.

Л. Толстой.

Приписка к совместному письму И. П. Борисова и А. А. Фета к Н. Н. и С. Н. Толстым с охоты.

*** 148. А. А. Фету.**

1859 г. Сентября 27. Новоселки.

Здравствуйте, дядинька Фетинька. Мы благоденствуем. Сундук стоит, но маленькой. А он меня мало любит. Как ваши дела? Всё ли благополучно? Дамы¹ и дитя² сержант благополучно ли? Не попался ли сундук? Дай Бог вам его видеть всегда. А я сочиняю повесть, очень сочиняю — Уи!

Л. Толстой.

Текст Толстого является припиской к письму И. П. Борисова от 27 сентября 1859 г. к жене.

¹ Н. А. Борисова и М. П. Фет.

² Сын И. П. и Н. А. Борисовых — Петр Иванович Борисов.

*** 149. И. П. Борисову.**

1859 г. Сентябрь.

Иван Петрович!

Собаки мои пришли, и завтра мы будем рано утром в Хометеве¹ ожидать вас у барского домика с красной крышей, к[отор]ый стоит, ехавши от нас, на правой руке. Как бы ни

было жарко. И потому мы ² будем на месте в 8-м часу. — До свиданья.

Л. Толстой.

Датируется содержанием — месяцем охоты Толстого вместе с И. П. Борисовым.

¹ Вернее: Хомутове, Новосильского уезда.

² *Зачеркнуто*: выедем.

*** 150. Гр. Н. Н. Толстому.**

1859 г. Октября 1. Никольское-Вяземское.

1 Октября.

Охота наша шла порядочно до сих пор. Я затравил 2 волков и 11 лисиц, Борисов 1 волка. В Никольском мы стоим два дня и ничего не взяли, завтра пойдем в Гриневской ¹ и т. д. — Машина в Никольском идет и прекрасно. — Охота начинает приедаться, и Сережа прав, что дневки нужны для отдыха охотничьего чувства. Кроме охоты всё это время ничего не делаю и тем доволен. Зато зиму намерен пошевелиться. Почти наверное поеду за границу. Что вы поделяваете? Небось, лисиц сотни. А главное, когда вы вернетесь? Да и напишите, пожалуйста, а то, пожалуй, не дожدهшься вас до зимы и уедешь куда-нибудь, что бы было очень неприятно. Борисов и на охоте такой же милый, как дома. В шахматы я с ним держусь. У меня с гончим ездит твой Алексей Пироговский и славно. Федор Ан[онович] не слишком пасмурен. У других охотников жилит лисиц, и краснопегим Порхаем затравил на днях овечку. Последнее счастливое поле было в Жилинской вершине, затравили 2 лисиц, и одна ушла в Дедовское веру под Болгарами. — Вчера мой охотник протравил из Алябьевской. Только нынче, что всего раза два во всю осень было, не нашли красного зверя. Всё в твоих, почему-то знаменитых местах. — Прощайте, напишите словечко в Ясную. Борисов кланяется.

Письмо написано из Никольского-Вяземского, где Толстой был на охоте с И. П. Борисовым.

¹ Гриневка — имение в Черном уезде Тульской губернии, рядом с Никольским. Впоследствии принадлежало сыну Толстого Илье Львовичу.

151. А. А. Фету.

1859 г. Октября начало. Я. П.

И вам как спасибо, дяденька, за письмецо. ¹ Как же не нужно нам перекликаться? Мне нужно и всегда, хоть вы чорта переводите и какими хотите стихами, я вас люблю, дяденька, руку на сердце. А повести писать все-таки не стану. Стыдно, когда подумаешь: люди плачут, умирают, женятся, а я буду повести писать, «как она его полюбила». Глупо, стыдно. Без шуток. У меня тоже горе. Не можете ли помочь? Любезный братец Сергей продал мне лошадей, и оказалась одна в каросте (часотка и сыпь), одна издохла, 6 больны и предвижу, что попадают все 150. А это моя главная и охота и дело. Не знаете ли средства? Не знаете ли хорошей ветеринарной книги? Не знаете ли хорошего ветеринара? Пожалуйста, пожалуйста, голубчик, помогите мне. В Москве можно; а здесь в Туле делатели перочинных ножей с кроватями и пистолетами, знаете какие молодцы. Жду скорого ответа. Пожалуйста, пожалуйста. До свиданья, дай вам Бог гофизить ² благополучно, коли вы уж без этого не можете. Бывают ведь всякие другие и на одной ноге по 5 лет стоят. Стало быть, так надо. Тетинька кланяется, Марье Петров[не] целую руку. —

Л. Толстой.

На левом поле второй страницы:

Купите и пришлите книгу, ежели есть хорошая, выпишите совет ветеринара, а то ветеринара пришлите или сговоритесь и напишите, что он возьмет за проезд.

Впервые опубликовано в журнале «Печать и революция», 1927, 6, стр. 62. Датируется содержанием и ответным письмом Фета от 14 октября 1859 г. из Москвы.

¹ Письмо А. А. Фета неизвестно.

² А. А. Фет в это время был занят переводом стихотворений персидского поэта Гафиза Шели-Эддин-Мухаммеда (1300—1389). В 1859 г. Тургенев подарил Фету немецкое издание стихотворений Гафиза, которые Фет перевел на русский язык, опубликовав двадцать семь стихотворений в «Русском слове», 1860, 2, стр. 27—37.

На это письмо Толстого А. А. Фет ответил 14 октября 1859 г. (письмо не опубликовано).

152. А. В. Дружинину.

1859 г. Октября 9. Я. П.

9 Октября. Ясная Поляна.

Верю, любезный друг Александр Васильевич, что вы меня любите, как человека, а не как редактор писаку, который будто бы вам может быть на что-нибудь годен. Теперь же как писатель я уже ни на что не годен. Я не пишу и не писал со времени Сем[ейного] Счастья и, кажется, не буду писать. Лыщу себя, по крайней мере, этой надеждой. — Почему так? Длинно и трудно рассказать. Главн[о]е же — жизнь коротка, и тратить ее в взрослых летах на писанье таких повестей, какие я писал — совестно. Можно и должно и хочется заниматься делом. Добро бы было содержание такое, которое томило бы, просилось наружу, давало бы дерзость, гордость и силу — тогда бы так. А писать повести очень милые и приятные для чтения в 31 год, ей-Богу руки не поднимаются. — Даже смешно, как подумал, что — не сочинить ли мне повесть? — Поэтому-то желания вашего исполнить не могу, как мне ни досадно вам отказать в чем бы то ни было. — Пшеницы продать, распорядиться вашим хозяйством и еще кое-что — это могу. А главное могу и хочу облобызывать вас, приехать в Петербург полежать с вами, поболтать и поужинать под председательством вашей матушки. И всё это непременно сделаю. Петрова новую повесть сейчас прочел. Она мне положительно не понравилась; хотя видна сила большая.¹ Но его горе, противоположное нашему и большое — совершенная бессознательность дарованья. Он сам не знает, что в нем велико, и Катерина намек, тень, когда она должна бы быть всё.² Ежели бы он был помоложе — горе это было бы исправимо, а теперь, боюсь, он так и останется не «надежда», а «сожаленье». Что бы он мог быть. Писемскому, Гончарову и всем кланяйтесь, я бы желал, чтобы милые мои, прежде бывшие братья не забывали меня. Я же не перестану дорожить ими. Правда ли, что милый, славный Полонский³ в дурном положении? Фет уехал в Москву, и, бедный, у него большое горе — сестра очень больна.⁴ Да-с, Фет *gagne à être* *coppi*,⁵ чем больше я его знаю, тем больше люблю и уважаю. Тургенев, напротив; в нынешний его приезд я окончательно убедился, что он и⁶ умный и даровитый человек, но один из самых несноснейших в мире. А с тех пор, как я получил эту

новую точку зрения на него, мне с ним легко стало. — Перед Петровым я виноват, не отвечав ему, передайте ему приложенное, ежели напишется.⁷ Прощайте, обнимаю вас от всего сердца.

Ваш. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в статье «Молодой Толстой», «Звезда», 1930, 5, стр. 152. Настоящее письмо является ответом на письмо Дружинина от 28 сентября 1859 г., в котором Дружинин просил Толстого дать что-нибудь для напечатания в «Библиотеке для чтения».

¹ Повесть Петрова «Выборы», напечатанная Дружининым в сентябрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1859 г.

² Катерина — героиня повести Петрова «Выборы».

³ Яков Петрович Полонский (1820—1898) — поэт, состоял одним из редакторов «Русского слова».

⁴ Сестра А. А. Фета — Н. А. Борисова заболела психическим расстройством. См. подробное описание этого несчастья в письме Толстого к А. А. Толстой, № 155.

⁵ [выигрывает при более близком знакомстве,]

⁶ *Зачеркнуто*: добрый

⁷ Ответил ли Толстой Петрову — неизвестно. Письмо Петрова к Толстому также неизвестно.

Дружинин ответил Толстому письмом от 15 октября 1859 г. из Петербурга, в котором убеждал Толстого не бросать литературной деятельности. Опубликовано в «Летописях» Государственного литературного музея — «Письма к А. В. Дружинину», М. 1948, стр. 309.

* 153. И. П. Борисову.

1859 г. Октября 9? Я. П.

Еще теперь вижу ваше доброе и милое лицо, любезный Иван Петрович, когда пришли ко мне весело увлекать меня на охоту, и я должен был делать вам операцию, и мне щемит сердце, как вспомню. Так, кажется, и следовало бы вам отвесить на жизнь ровно столько счастья, сколько нужно хорошему человеку, а тут такое злое, изысканное горе обрушилось на вас.¹ Что делать, любезный друг? Лучшее утешенье, и я знаю, что оно у вас есть, это мысль, что и в этом скверном положении постараюсь делать всё, что следует делать хорошему человеку. Без вас я притворялся еще дня три, что охочусь, но было скучно и грустно. Ничего не затравил и пришел в Ясную. Гончие ваши у меня и Прокофий. Что велите с ними делать? Теперь

погода скверная, и я дня три отдохну, а потом поезжу, хотя не тянет нисколько. — Подъезжая домой, я думал: дай напишу Ив[ану] Петр[овичу] и тоже думал: чорта ему во мне. Поэтому письмо ваше было мне очень приятно.² Прощайте, крепко обнимаю вас. Дай вам Бог терпенья и силы, а может и счастья. — Она хитра, мудрена — жизнь человеческая.

Ваш Л. Толстой.

Повидимому, письмо было написано 9 октября, вскоре по возвращении Толстого с охоты в Ясную Поляну, как указано в письме.

¹ Толстой вспоминает тяжелый момент, когда во время охоты пришло от Фета известие о психическом заболевании жены Борисова, благодаря чему Борисов немедленно должен был выехать в Москву. См. описание этого случая в письме Толстого к А. А. Толстой, № 155, и прим. к нему.

² Письмо И. П. Борисова к Толстому неизвестно.

* 154. Гр. М. Н. Толстой.

1859 г. Октября 11. Я. П.

Как ты поживаешь, мой друг Маша? Ты, дети и все ваши? Я приехал дня три с охоты и хотел тотчас ехать к вам, но меня задержала заразительная болезнь короста, которую мне подарил Сережа с своими лошадьми.

Кажется, что все мои лошади пропадут. —

Все-таки дня через три приеду, тогда расскажу всё, что и кого я видел в отъезде.

Нат[алья] Петр[овна] вчера два раза спотыкнулась и полетела со всех ног через медведя.¹ Один раз с чашкой, так что мы ахнули с тетинькой. Это сообщи детям. Некогда, а то бы я нарисовал.

Мне даже нужно тебя видеть. Я в отъезде нашел гувернантку с французским, немецким и музыкой, отличной нравственности за 500 р. Ну да всё переговорим, до свиданья.

Л. Толстой.

11 октября.

Немца с кабинетом прогнал к чорту.

На четвертой странице:

Графине Марье Николаевне.

Год определяется содержанием: «Я приехал дня три с охоты».

¹ То есть шкуру той самой медведицы, которая в декабре 1858 г. на охоте погрызла Толстого (см. прим. 2 к п. № 122).

1859 г. Октября 12. Я. П.

Я узнал о вашем горе, ¹ любезный друг Alexandrine, не от Кат[ерины] Ник[олаевны], ² а от постороннего, равнодушного человека, и мне страшно за вас стало, когда я услышал это. Это было на охоте, адреса вашего не было, не верилось, что правда, да и некогда было. Третьего дня, возвращаясь к себе, я думал опять о вас, хотел писать, и тут нашел письмо К[ате-рины] Н[иколаевны]. Понимаете, как это всё кстати вышло. Ездил я последнее время на охоте с одним г-ном Борисовым, женатым на сестре Фета, о которых я вам говорил, кажется. Борисов одно из самых милых, нежных, любящих и симпатических и вместе почему-то возбуждающих сострадание существ, которых я когда-либо встречал в жизни. Маленький, с добрыми глазами, робкой улыбкой и нерешительными движениями, но несмотря на то, человек твердый и непоколебимой в деле справедливости и честности. Отец его был злодей, повешанный своими мужиками, мать кроткая, загнанная женщина. Он рос у Новосильцева, П[етра] П[етровича], ³ и там вел жизнь загнанного воспитанника. С детства он еще влюбился в соседку, хорошенькую одних лет девочку, сестру Фета, и не переставал ее любить никогда. Он делал предложение, ему отказали, он уехал служить на Кавказ, и везде, где ни был, его любили и уважали, но он ничем не радовался, только думал о том, что авось когда-нибудь его примут. Через 10 лет он вернулся, ее отец ⁴ умер; он опять сделал предложение, но теперь она отказала, она любила другого. ⁵ Он в тот же день выстрелил себе в голову, но пушкет осекся, и его спасли и уговорили жить и надеяться. Он опять уехал служить во время войны. Везде жил честно, в строгом смысле, что так редко при кадетском воспитании, везде был храбр и скромн. Он религиозный человек. Опять через 3 года он попробовал, и опять ему отказали. Но с девушкой в это время случилось несчастье, она сходила с ума и вылечилась, и доктора сказали, что ежели она не выйдет замуж, сумасшествие может возвратиться. Бог знает, просьбы ли родных, несчастная любовь или постоянство В[орисова], но она согласилась неохотно, холодно. В[орисов] верил в себя и женился. ⁶ Через год у них родился славный ребенок. ⁷ Я два года их видел, и это единственное счастливое

супружество, которое я видел в жизни. Она оценила, полюбила его, и он в первый раз в жизни, в 35 лет расцвел. Улыбка не сходила у него с лица, ему всем хотелось рассказать про свое счастье, — первая жена, первый ребенок в мире были его. Это было наслаждение смотреть на него, и, на минуту увидав его, вы бы сказали: вот счастливый человек. — И это был тот самый Б[орисов], который два года тому назад был мил и жалок, жалок. Он охотник. Мы условились с ним осень ездить вместе. Жена его и ребенок с братом Фетом поехали в Москву. В первый раз они разлучались на месяц. Надо было видеть эти заботы, эту любовь до последней мелочи, это самодовольство, что он может перенести разлуку. Мы ездили с ним две недели, и на охоте я его полюбил и стал уважать и восхищаться им еще больше. 3 октября мы [в] самом веселом духе пришли в деревню Тургенева⁸ с охотой. Он был весел, мил, выпил немного, и советовал мне жениться, уверяя, что только тогда есть счастье, жизнь и что он не может быть счастливее. Мы легли спать в 2-х комнатах рядом. Когда всё затихло, я не мог спать от разных приятных мыслей о нем, ко мне пришел на ципочках Тургенев с письмом от Фета, которое он только что получил и в котором Фет пишет, чтобы отыскать Б[орисова] и объявить ему, что его жена с приезда в Москву в самом ужасном сумасшествии и безнадежном, как говорят доктора.⁹ На другой день Борис[ов] пришел ко мне, переваливаясь на своих коротеньких ногах, с улыбочкой, потирая руки и уговаривая скорей седлать, что погода хороша и отличное поле будет. — И я должен был сделать ему эту ужасную операцию, и сделал ее, и до сих пор мороз по коже, как вспомню эту минуту. Разумеется, он ускакал тотчас же; но я знаю, что положение ее ужасно; она, как большая часть сумасшедших женщин, чем они чище и нравственнее, тем в сумасшествии цинично-безнравственнее, наглее. Ужасно! И Фет пишет, что теперь нет надежды.

Да, мой друг, ваше — горе и это — горе, и с таким злым, изысканным горем ведет Бог жить людям. Вот всё, что могу сказать вам о вашем горе, которому, вы знаете, что я сочувствую всей душой. Особенно мне жаль вашу бедную маминьку. В наши года еще — вы сами для себя интересны, еще есть для вас счастливые заблуждения, еще сверстники и сверстницы ваши вам любезны, а в ее года любят в последний раз и любят

не взрослых, готовых, оконченных, а любят надежду, задатки чего-то, что должно пережить нас самих. Она любила так вас дочерей, когда вы были очень молоды, но теперь, я уверен, что Пашу она любила больше всех вас. Мне кажется так.

Что вы делаете? Как отозвалось на вас это несчастье? Кто там ваши друзья? Вы полюбили Ростовцева.¹⁰ Я очень рад этому. Он славный. В нем есть что-то такое, к чему боюсь подходить грубо. Что-то благородное и тонкое, нежное. Я в сношениях с ним всегда чувствовал это приятное уважение и осторожность. — Об себе сказать не могу ничего хорошего. Гордость, лень и скептицизм продолжаю[т] владеть мною. Но я продолжаю бороться, всё еще надеюсь быть лучше, чем есть. Как бы хотелось побыть, поговорить с вами. Послушать, как вы говорите о своем горе, помолчать, глядя на вас, и порадоваться на себя, что я еще не совсем негодный человек, коли вы меня любите. Прощайте, Христос с вами. —

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 136—138. Датируется содержанием и записью в Дневнике под 12—13 октября: «Написал письмо Alexandrine и Катерине Николаевне». См. т. 48.

¹ Смерть Л. Л. Толстой — племянницы А. А. Толстой. О ней см. прим. 5 к п. № 127.

² Е. Н. Шостак. О ней см. прим. 9 к п. № 88. Письмо ее к Толстому неизвестно.

³ Петр Петрович Новосильцев (1797—1869). По словам Гоголя, Новосильцев «был знаком всем нашим литераторам и вращался в их кругу». Он упоминается в одном из писем Пушкина к Е. М. Хитрово.

⁴ Афанасий Неофитович Шеншин (1775—1852) — отец А. А. Фета, умерший от гангрены конечностей. О нем см. А. Фет, «Мои воспоминания», I, М. 1890, стр. 2—21 и 67—69.

⁵ Будучи за границей (во Франценсбаде) в 1856 г., Н. А. Шеншина увлеклась неким Эрбелем. Свадьба должна была быть в Париже, но Эрбель не сдержал слова (см. А. Фет, «Мои воспоминания», I, стр. 145—147 и 165—167). Это разочарование Н. А. Шеншина пережила настолько тяжело, что, вернувшись в Новоселки, заболела психическим расстройством.

⁶ О женитьбе Борисова см. А. Фет, «Мои воспоминания», I, стр. 215—216, 220—222.

⁷ Петр Иванович Борисов.

⁸ Имение И. С. Тургенева — Спасское.

⁹ Письмо Фета к Тургеневу неизвестно.

¹⁰ Гр. Николай Яковлевич Ростовцев (1831—1897) — сын деятеля по крестьянской реформе Я. И. Ростовцева, служил в 1854—1855 гг. обер-офицером артиллерии Южной армии. В октябре — ноябре 1854 г.

был вместе с Толстым членом кружка офицеров, затежавших издание журнала для солдат. Об этом см. т. 59, стр. 282—283, и статью «О военном журнале Л. Н. Толстого и его сотоварищей по армии» — «Толстой 1850—1860. Материалы, статьи». Редакция В. П. Срезневского, Л. 1927.

На это письмо Толстого А. А. Толстая ответила 1 декабря 1859 г. из Ниппы. См. ПТ, стр. 139—141.

156. А. А. Фету и П. П. Борисову.

1859 г. Октября 24. Я. П.

Душенька дяденька Фетинька. Ей Богу душенька, и я вас ужасно, ужасно люблю. Вот те и всё. Повести писать глупо, стыдно. Стихи писать Пожалуй пишите; но любить хорошего человека очень приятно. А может быть, против моей воли и сознания, не я, а сидящая во мне еще не [[1]] повесть, заставляет любить вас. Что-то иногда так кажется. Что ни делай, а — между навозом и каростой нет, нет да возьмешь и сочинишь. Спасибо, что еще писать себе не позволяю и не позволю. Изю всех сил благодарю вас за хлопоты о ветеринаре и пр. Нашел я Тульского и начал лечение, что будет, — не знаю. Да и чорт с ними со всеми. — Дружинин просит по дружбе сочинить повесть. Я, право, хочу сочинить. Таковую сочиню, что уж ничего не будет. Шах персидской курит табак, а я тебя люблю. Вот она шутка-то. Без шуток, что ваш Гафиз? Ведь как ни вертись, а верх мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужою поэзиею, а свою собственную не пускать в люди в уродливом наряде, а самому есть с хлебом насущным. А иногда так вдруг захочется быть великим человеком и так досадно, что до сих пор еще это не сделалось. Даже поскорей торопись вставать или доедать обед, чтобы начинать. Всех так называемых глупостей не переговоришь, но приятно хоть одну сказать такому дяденьке, как вы, который живет только одним так называемыми глупостями «закурдялами». Пришлите мне одно самое здоровое, переведенное вами стихотворенье Гафиза *me faire venir l'eau à la bouche*,¹ а я вам пришлю образчик пшеницы. — Охота надоела смерть. Погода стоит прелестная, но я один не езжу. Гончие ваши, Иван Петрович, живы и здоровы, равно Прокофий и серый мерин. Очень благодарю вас за разрешение и воспользуюсь им до порош. Тогда отправлю Прокофья с гончими. Из красного зверя, с тех пор как с вами

расстался, травил и затравил одну лисицу, около себя в полях и сам. На днях напишу вам, а теперь только благодарю за хлопоты и крепко обнимаю. Энциклопедию припшите: Вы напрашиваетесь на комиссию, так вот вам. Сестре нужен фортепьяно для обучения детей, крепкой и дешевой, но прочный, от 100 до 200 р. сер. Она писала уже одному знакомому, поэтому хлопоты могли бы пропасть даром; но ежели попадетя, отпишите. Марье Петровне целую руку. — Тетинька очень благодарна за память. И это не фраза, а всякий раз как я ей прочту вашу приписку, ² она улыбнется, наклонит голову и скажет: однако (почему однако?), какой славный человек этот Фет. — А я знаю, за что славный: за то, что она думает, что он меня очень любит. — Ну с, прощайте. Пописывайте мне иногда без возбuditеля Ветеринара.

Л. Толстой.

24 Октября.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 279—281.

¹ [чтобы мне полакомиться,]

² Письмо Фета к Толстому неизвестно.

157. Б. П. Чичерину.

1859 г. Октября конец — ноября начало. Я. П.

Благодарствуй за твое письмо, любезный друг Чичерин. ¹ Я уже боялся, что ты *бросил* писать ко мне за мою неаккуратность, причиной которой ничего и всё — моя натура. Ну да что, это точно к родителям — объяснение. Давно мы не видались, мой друг, и хотелось бы попримериться друг на друга: на много ли разехались — кто куда? Я думаю иногда, что многое, многое во мне изменилось с тех пор, как мы, глядя друг на друга, ели quatre medians ² ou ³ Шевалье, ⁴ и думаю тоже, что это тупоумие эгоизма, который только над собой видит следы времени, а не чует их в других. И у тебя в душе, я чай, многое повзросло, многое повзросло за эти $1\frac{1}{2}$ года, и опять нам будет хорошо вместе. —

Хотел я было пофилософствовать с тобой о бессмертии души и о прочих, но на этом месте 3-го дня помешали мне, и теперь не

знаю, как допишется. Дам отчет тебе в своем прошедшем и планах будущего. Жил я зиму в Москве, лето в деревне. В деревне занимаюсь хозяйством, и хотя скучно и трудно, но с нынешнего года уже заметны кой-какие следы моих трудов и на земле, и на людях. А ты знаешь, что ничто так не привязывает к делу, как следы своего участия в нем. Я уже положительно могу сказать, что я не случайно и временно занимаюсь этим делом, а что я на всю жизнь избрал эту деятельность. Литературные занятия я, кажется, окончательно бросил. Отчего? трудно сказать. Главное то, что всё, что я делал и что чувствую себя в силах сделать, так далеко от того, что бы хотел и должен был сделать. В доказательство того, что это я говорю искренно, не ломаюсь перед тобой (редкой человек, когда говорит про себя, устоит от искушенья поломаться, хоть с самым близким человеком), я признаюсь, что мое отречение от литературной (лучшей в мире) деятельности было и теперь очень иногда тяжело мне. Всё это время я то пытался опять писать, то старался заткнуть чем-нибудь пустоту, которую оставило во мне это отречение: то охотой, то светом, то даже наукой. Я начал заниматься естественными науками. Но теперь уж жизнь пошла ровно и полно без нее.

Решительно не могу дописать, два раза перервали, а теперь надо отправлять. Пришли пунктуальный адрес, а мне хочется писать тебе. Прощай, душа моя, я тебя очень люблю. Тетинька тоже; из всех моих знакомых предпочитает тебя. Я зиму нынешнюю живу в деревне; да и будущую тоже, я думаю.⁵ Уж ты в Ясную приедешь поговорить. Вот где хорошо поговорить, пощупаться. Никакое лomanье невозможно.

Толстой.

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 18—19, с редакторской датой «Конец 1859 г.». Дата определяется содержанием и ответным письмом Б. Н. Чичерина от 5/17 декабря 1859 г. (см. там же, стр. 279—281).

¹ Письмо Толстого является ответом на письмо Б. Н. Чичерина от 27 сентября (9 октября) 1859 г. из Турина (там же, стр. 277—279).

² [сухой десерт, т. е. вишневые ягоды, изюм, миндаль и орехи]. Буквальный перевод: четыре нищих.

³ Толстой ошибся, написав русское «у» французскими буквами: «он».

⁴ Гостиница и ресторан Ниполита Шевалье в Старо-Газетном переулке в Москве, в доме Маркова (ныне дом № 4 по проезду Художественного театра).

⁵ С 2/14 июля 1860 г. по 13 апреля 1861 г. Толстой провел за границей.

На это письмо Толстого Чичерин ответил 5/17 декабря 1859 г., в котором убеждал не зарываться в деревне и ехать в Италию. Опубликовано в ПТТ, стр. 279—281.

158. А. В. Дружинину.

1859 г. Декабря 20. Я. П.

Любезный друг Александр[р] Васильевич!

Сделайте дружбу, заезжайте в книжную лавку к Давыдову и спросите у него расчет за мои книги, коих у него по последнему счету оставалось больше чем на 2000 р.¹ Ежели есть выручка, то чтобы он из нее выслал мне на 1860 г.:

1) *Revue des deux mondes.*²

2) *Times.*³

3) *Русский Вестник*

на мое имя в Тулу и на имя Александра Михайловича Исленьева в г. Одоев Тульской губер.

1) *Современник* и

2) Библиотеку.⁴

Остальные деньги, ежели есть, чтобы прислал.⁵

Так как Давыдов мне не отвечал на одно письмо,⁶ то может случиться, что он откажется или вы не захотите с ним иметь дело, то сделайте одолжение, выпишите на свои деньги эти журналы, я тотчас же вам вышлю деньги. — И пожалуйста поскорей, так, чтобы и я и Исленьев получили бы во время.

Драма Писемского мне очень и очень понравилась: здорово, сплю и правдиво, невыдуманно. Но и в ней он, как и в других своих отличных вещах, не избег неловкостей ужасных. Как этот барин на барьер мужика вытягивать хочет?⁷

Что вы, мой дорогой, как ваше здоровье, не хандрите ли? Как деятельность ваша, приятна ли? Что хорошего нового в литературном мире? Фет прислал мне несколько стихотворений из Гафиза. Напрасно он их писал. Опять на Турген[еве] грех.⁸ Я нынешний год едва ли вас увижу, т. е. зиму, летом же без отговорок жду вас в Ясную. Я переделывал дом⁹ и имел вас в виду при этом. Я не пишу и надеюсь, что не буду; и несмотря на то так занят, что давно хотел и не было времени писать вам. — Чем я занят, расскажу тогда, когда занятия

эти принесут плоды.¹⁰ — Однако не бойтесь писать мне, теперь уж я найду время тотчас отвечать вам. Будемте почаще и поакуратнее переписываться. Матушке передайте мой душевный поклон и прощайте.

Л. Толстой.

20 Декабря.

Заносить меня в список литераторов не зачем.¹¹

Впервые опубликовано в «Звезде», 1930, 5, стр. 153. Год определяется содержанием и ответным письмом Дружинина от 31 декабря 1859 г.

¹ На складе у книгопродавца А. И. Давыдова находились выпшедшие отдельным изданием книги Толстого: «Военные рассказы» и «Детство и отрочество».

² «Revue des deux mondes» — журнал, издававшийся в Париже с 1829 г.

³ «Times» — большая английская газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне (с 1 января 1788 г.).

⁴ Журнал «Библиотека для чтения».

⁵ В ответ А. В. Дружинин писал 31 декабря: «Я передал ваше поручение Давыдову, и журналы будут высланы по адресам».

⁶ Письмо Толстого к Давыдову неизвестно.

⁷ Драма Писемского «Горькая судьбина» была напечатана в декабрьской книжке «Библиотеки для чтения» за 1859 г. (см. т. 51, запись в Дневнике от 26 октября 1890 г.).

⁸ Толстой винит Тургенева в том, что он подарил Фету немецкое издание стихотворений Гафиза.

⁹ Толстой переделывал флигель под школу.

¹⁰ Имеются в виду педагогические занятия Толстого, которым он отдался, на время оставив литературу.

¹¹ Дружининим был основан Литературный фонд, членом которого состоял и Толстой. В ответном письме (от 31 декабря) Дружинин писал: «Что это вы приписываете в письме, что вас незачем вносить в список литераторов? Если это относится до ваших трудов, то это ваше дело, но если вы хотите сказать, чтобы вас вычеркнули из списка членов, — то выполнять такое поручение я не берусь».

* 159. И. П. Борисову.

1859 г. Декабря 20. Я. П.

Как же не грех вас забыть, любезный Иван Петрович! Этого не бывает. Душевно радуюсь вашей надежде. Авось, докончим в 60 году отъезд нынешнего года. А ргоров охоты, у меня передохли все лучшие собаки. Злодей и Хайка и еще штуки 4; у меня теперь новые три, но нелюбимые вами Англичане. Я нынешний год едва ли буду в Москве. Занят дома с утра до ночи,

а ничего не пишу, вот вам задача, и на сердце хорошо. — Что дяденька и милая М[арья] П[етровна]?¹ — Скажите Фету, что — виноват — его Гафизство мне не нравится по сообщенным мне образчикам — всеобщей большой мысли нет, а цвета Персидской — или там какой поэзии, за двумя переводами не слышать. Угостите лучше, дяденька, меня чемнибудь de votre cru,² а это не то. Фирдоуси³ с месяц уехал в Никольское и пропал, и, так как вас там нет, отсутствие его тревожит меня. Порошки ни одной хорошей не было, не жалейте о них. Уж скоро, надеюсь, Фет начнет думать об отсылке серых в Козюлькину⁴, и я начну готовиться к вашей встрече. Шутя, шутя и зима почти прошла. — Прощайте, обнимаю вас.

Л. Толстой.

20 Декабря.

Письмо Толстого является ответом на несохранившееся письмо Борисова из Москвы.

¹ А. А. и М. П. Фет.

² [вашей выдумки,]

³ Н. Н. Толстой.

⁴ В эти годы Фет летом жил в Новоселках (Козюлкине).

*** 160. П. Е. Воробьеву и гр. Н. Н. Толстому.**

1859 г. Декабря 22. Я. П.

Петр Евстратычъ.

Ежели Николая Николаевича нет дома, как я предполагаю, то с получения сего отошли Дмитрию Алексеевичу¹ 55 рублей серебром. Ежели же дома Н[иколай] Н[иколаевич], то подай ему эту записку. —

Envoye je t'en prie 55 r. à Diakoff, je te rendrai à Ясное. Nous t'attendons tous² et déjà commençons à nous inquiéter. —

Au revoir.³

Гр. Л. Толстой.

22 Декабря.

На четвертой странице:

Милостивому Государю Петру Евстратовичу Воробьеву.
В Никольское.

Год определяется содержанием. В Ясной Поляне 22 декабря при жизни Н. Н. Толстого Л. Н. Толстой был только в 1859 г.

Петр Евстратьевич Воробьев первоначально служил бурмистром в Ясной Поляне, затем Н. Н. Толстой взял его в Никольское-Вяземское управляющим, где он и прослужил двадцать шесть лет (до конца своей жизни).

¹ Д. А. Дьяков. См. вступительное прим. к п. № 186.

² В автографе: tous.

³ В автографе: A revoir

[Пошли пожалуйста 55 рублей Дьякову, я тебе отдам в Ясном. Мы все ожидаем тебя и уже начинаем беспокоиться. До свиданья.]

161. Гр. М. Н. Толстой.

1860 г. Январь. Я. П.

Как вы поживаете, любезные друзья Машинька с чадами? Всё собирался я к вам, но задержал меня ушиб на руке, который прикинулся болеть. О Николинке имею я известие от Борисова, он только недавно поехал с Раевским¹ на медведя. О Сереже еще ничего не знаю. — На масленице² однако я почти наверно приеду к вам. —

Я всё занимаюсь в школе и теперь пишу среди гаму ребят.³ — До свиданью. M-lle Morel⁴ и M[арье] И[вановне]⁵ кланяюсь.

Твой Л. Толстой.

На обороте листа:

Ее Сиятельству Марье Николаев[не] Толстой.

Впервые опубликовано в сборнике «Толстой 1850—1860. Материалы, статьи», изд. Академии наук СССР, Л. 1927, стр. 19. Датируется содержанием: занятиями в школе с крестьянскими детьми и указанием на близость масленицы. Время перед масленицей Толстой проводил в Ясной Поляне только в 1860 г.

¹ Иван Иванович Раевский (1835—1891) — помещик Данковского уезда Рязанской губернии, впоследствии сблизившийся с Толстым на почве общей работы на голоде в 1891 г. О нем см. Л. Н. Толстой, «Памяти Ив. Ив. Раевского» — «Огонек», 1924, апрель, № 17; «Письма к жене», М. 1913, стр. 359—377; ПТ, стр. 370—371; «Воспоминания гр. А. А. Толстой», ПТ, стр. 66—70.

² В 1860 г. первый день масленицы (понедельник) приходился на 8 февраля.

³ Толстой приступил к школьным занятиям с детьми яснополянских крестьян с осени 1859 г. Впервые Толстой начал заниматься с крестьян-

скими детьми еще до своей поездки на Кавказ (в конце 1840-х гг.). Особенно сильно развернулась школьная деятельность Толстого после освобождения крестьян, в бытность его мировым посредником в 1862 г. См. об этом подробнее в т. 8. Школа просуществовала до начала 1863 г.

¹ Морель — француженка, гувернантка дочерей М. Н. Толстой.

² Мария Ивановна Зейде — немка, гувернантка детей М. Н. Толстой.

*162. И. П. Борису и А. А. Фету.

1860 г. Февраля 15. Я. П.

15 Февраля.

Благодарствуйте за ваши милые письма, любезный Иван Петрович, и не пеняйте пожалуйста, что иногда не скоро отвечаю. ¹ Теперь собираюсь быть акуратным, когда уж не к чему. Я думаю, у вас уж подумывают о Козюлькине и потому о Ясной Поляне. Как здоровье вашей больной? Уведомьте меня пожалуйста поподробнее. Авось опять приведется мне радоваться на ваше козюлькинское житье и бояться, чтобы чтонибудь не испортилось. Я доживаю зиму хорошо. Занятий пропасть и занятия хорошие, не то, что писать повести. ² Сообщенные вами сведения о чтениях очень были для меня интересны, но, по моему, эти чтения что-то не то. Что литература? я до сих пор ничего не получил из журналов. — Главное, что братья, мы уж и на картах и на кофее о них гадаем, и всё им не выходит антереса. ³ Без шуток, ежели против ожидания они еще в Москве, то скажите им, что не пишу, рассчитывая, что письмо их не застанет, но умоляю их написать строчку, что и как и когда они приедут. Прощайте, обнимаю вас. —

Л. Толстой.

Дяденька!

Не искушай меня без нужды
Лягушкой выдумки твоей.
Мне как учителю уж чужды
Все сочиненья прежних дней. ⁴

Показания Сережи несправедливы, никаких казаков ⁵ я не пишу и писать не намерен. Извините, что так, без приговления, наношу вам этот удар. Впрочем больше надейтесь

на Бога и вы утешитесь. А ожидать от меня великого я никому запретить не могу. Когда я увижу вас, драгоценный дядюшка — так мне брюхом иногда хочется подразнить вас, вызвать на закурдялены ⁶ и посмотреть, как вы, отмочив пулю, открыв челюсти и подобрав язык под зубы, улыбаетесь и думаете: вот на-ка выкуси! Дружинин известил меня о предполагаемом журнале портного ⁷, и тетинька думала, что я нездоров сделаюсь от беспрестанно повторяющегося хохота над этим письмом. Что ваши поэтические закурдяи, кроме Фирдуси? ⁸ Хотел было описать прелестное, нынче случившееся событие в моей школе, да не упишу хорошенько, лучше расскажу. — Вот другое маленькое. Мальчик богатый, сын дворника, видал попутая и рассказывает другим, которые не верят: «Да ты толкуй, как человек говорит. Ну!» — «Да он тебя так обсрамит, что и умному человеку так не обрезонить». ⁹ — Прощайте. Обнимаю вас.

Письмо к Фету впервые опубликовано в журнале «Печать и революция», 1927, 6, стр. 62—63; письмо же к Борису публикуется впервые.

¹ Последнее, дошедшее до нас, письмо Толстого к И. П. Борису от 20 декабря 1859 г. (см. № 159).

² Толстой подразумевает свои школьные занятия.

³ С. Н. и Н. Н. Толстые. Ответ И. П. Борису см. в письме от 21 февраля 1860 г., приведенном ниже в заключительном примечании.

⁴ Стихи Толстого являются пародией начала стихотворения Е. А. Боратынского:

Не искушай меня без нужды.

⁵ О работе Толстого над повестью «Казак» см. прим. 3 к п. № 70.

⁶ Закурдялены — так Толстой называл шутки и парадоксы Фета.

⁷ Толстой имеет в виду письмо к нему А. В. Дружинина от 31 декабря 1859 г.

⁸ Фирдуси — Фирдоуси (Абиль Касим Тусский) (р. ок. 935 г., ум. после 1020 г.) — персидский поэт. В собрании стихотворений Фета переводов из Фирдоуси нет. Толстой или перепутал Гафиза и Фирдоуси, или нарочно в шутку вместо Гафиза назвал Фирдоуси.

⁹ В Записной книжке Толстого конца 1859 г. — начала 1860 г. записано: «Он тебя так обрезонит, что умный человек так не обсрамит» (т. 48).

На это письмо Толстого И. П. Борисов ответил 21—22 февраля 1860 г., в котором подробно описывал времяпрепровождение обоих братьев Толстого.

163. А. А. Фету.

1860 г. Февраля 23. Я. П.

23 Ф[евраля].

Ваше письмо ужасно обрадовало меня, любезный друг Афанасий Афанасьевич. Нашему полку прибудет, и прибудет отличный солдат. Я уверен, что вы будете отличный хозяин. Но дело в том, что вам купить? ¹ Ферма, о которой я говорил, под Мценском, далеко от меня, и, сколько помню, продавалась за 16 т. Больше ничего о ней не знаю. А есть рядом со мной, межа с межой, продающееся имение в 400 дес. хорошей земли и к несчастью еще с 70 душами скверных крестьян. ² Но это не беда, крестьяне охотно будут платить оброк, как у меня, 30 р. с тягла; с 23 т. — 660 и не менее ежели не более должно получи[ться] при освобожден[ии], и у вас останется 40 дес. в поле, в 4-х полях неистощенной земли и лугов около 20 дес., что должно давать около 2000 р. дохода, итого 2500, а за имение просят 24000, без вычета долга, которого должно быть около 5000. Местоположение и по живописности, и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунт хороший суглинок. Имение расстроенное, т. е. усадьба старая, разломанная, однако есть дом и сад. Всё это надо сделать заново. Во всяком случае за 20 т. купить это имение выгодно. Для вас же выгода особенная та, что у вас во мне есть вечный надсмотрщик. Об остальном не говорю. Ежели же вам это не понравится, я вам своей земли продам десятин сто, или спросите у брата Николая, не продаст ли он Александровку. ³ Но, право, стараясь забыть совершенно личные выгоды, лучше всего вам купить Телятинки (то, что продается рядом со мной). Продавец разорившийся старик, ⁴ который хочет продать поскорее, чтобы избавиться от зятя, ⁵ и два раза присылал ко мне. Расчет, который я сделал вначале, есть расчет того, что даст это имение, ежели положить на него тысяч 5 капитала и года два труда; но в теперешнем положении все-таки можно отвечать за 1500 р., следовательно более 7%. Есть еще мой хутор в 10 вер. от меня, 120 дес., но там жить нехорошо, нет воды и леса. Отвечайте мне поскорей и подробнее, сколько денег вы намерены употребить на имение? Это главное. — Прочел я Накануне. ⁶ Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более таким людям, которым грустно, и которые не знают хорошенько, чего

они хотят от жизни. Впрочем «Накануне» много лучше «Дв[о-рянского] Гнезда», ⁷ и есть в нем отрицательные лица превосходные — художник и отец. Другие же не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое, или уж они совсем пошлы. Впрочем, это всегдашняя ошибка Тургенева. Девушка — из рук вон плоха ⁸ — *ах, как я тебя люблю... у ней ресницы были длинные...* Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. — Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при Царе Горохе и при Гоголе (да и еще надо сказать, что, ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело), а не так, как одержимый хандрою и диспепсией Тургенев. — Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха ⁹ иметь не будет. Гроза Островского ¹⁰ же есть по моему плачевное сочинение, а будет иметь успех. — Не Островский и не Тургенев виноваты, а время. Теперь долго не родится тот человек, который бы сделал в поэтическом мире то, что сделал Булгарин. ¹¹ А любителям антиков, к которым и я принадлежу, никто не мешает читать серьезно стихи и повести и серьезно толковать о них. Другое теперь нужно. Не нам нужно учиться, а нам нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко того, что мы знаем. Прощайте, любезный друг. Миллион просьб. Забыл я, как зовут немецкой librairie ¹² на Кузнецком мосту, налево снизу наверху. Он мне посылает книги, зайдите к нему и спросите: 1) что я ему должен, 2) отчего он давно не посылает мне ничего нового? и выберите у него и пришлите мне, посоветовавшись с Пикулиным, ¹³ что есть хорошего из лечебников людских для невежд, и еще лечебников ветеринарных (до 10 р. с.). Спросите у брата Сергея, заказал ли он мне плуги, ежели нет, то зайдите к машинисту Вильсону ¹⁴ и спросите, есть ли или когда могут быть готовы 6 плугов Старбука? ¹⁵

Спросите в магазине семянном Меера ¹⁶ на Лубянке, почем семена клевера и тимофеевой травы. Я хочу продать.

Что стоит коновальской лучший инструмент? —

Что стоят пара ланцетов людских и банки?

Кое что из этого может возьмет на себя труд сделать милейший И[ван] П[етрович],¹⁷ которого обнимаю. М[арье] П[етровне] целую руку. Тетушка благодарит за память и кланяется.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 20—23, а затем им же в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 316—318.

¹ А. А. Фет писал Толстому с просьбой прискать ему землю для фермы (письмо это неизвестно). Об этом же писал и И. П. Борисов в письме от 21—22 января 1860 г.

² Речь идет о продававшемся имении Телятинки, расположенном в 3 км. от Ясной Поляны и принадлежавшем тогда А. Н. Бибикову.

³ Александровка — выселки села Никольского.

⁴ Александр Николаевич Бибиков (1827—1886) — помещик, сосед Толстых. Жил в своем имении Телятинки.

⁵ Зять — Семен Николаевич Морсошников, брат первой жены Бибикова Натальи Николаевны. Женат на сестре Бибикова — Ольге Николаевне.

⁶ «Накануне» — роман И. С. Тургенева, напечатанный в № 1 «Русского вестника» 1860 г.

⁷ «Дворянское гнездо» — роман И. С. Тургенева, напечатанный в № 1 «Современника» 1859 г.

⁸ Героиня романа Елена.

⁹ Слова: она успеха *переделены* из: по тупости

¹⁰ «Гроза» — драма А. Н. Островского; была напечатана в январской книге «Библиотеки для чтения».

¹¹ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859) — реакционный журналист и беллетрист эпохи Николая I, издатель совместно с Гречем и редактор единственной частной ежедневной газеты «Северная пчела» — органа крепостнического дворянства, высшей бюрократии и III отделения. Идеолог воинствующей реакции, агент полиции, доносчик и грязный пасквилянт, Булгарин справедливо заслужил глубокое презрение и ненависть в радикальных слоях русской интеллигенции. Будучи близок к группам передовой молодежи 20-х гг., Булгарин после разгрома революционных кружков и 14 декабря 1825 г. сделался ренегатом, смысл «вину» выдачей декабриста Кюхельбекера и служение николаевской монархии превратил в цель и программу своей литературно-общественной деятельности.

¹² [книгопродавец]. Речь идет о книгопродавце Дейбнере, см. т. 48.

¹³ Павел Лукич Пикулин (1822—1885) — адъюнкт терапевтического отделения Госпитальной клиники при Московском университете.

¹⁴ См. прим. 1 к п. № 140.

¹⁵ Старбук — система плугов.

¹⁶ Мейера — семенная торговля.

¹⁷ И. П. Борисов.

164. Б. Н. Чичерину.

1860 г. Марта 1. Я. П.

30 Февраля. ¹

Ежели твое письмо имело целью задрать меня на ответ, то достигло своей цели. Оно меня даже рассердило. — Ты небрежно и ласково подаешь мне советы, *как надобно развиваться художнику, как благотворно Итал[ия] действует, памятники, небо...* и т. п. избитые пошлости. *Как вредно бездействие в деревне — халат, как мне надо жениться и писать милые повести и т. д.* — Как ни мелка и ложна мне кажется твоя деятельность, я не подам тебе советов. Я знаю, что человек (т. е. существо, которое живет свободно) в каждой вещи, в каждой мысли видит свое особенное, никем не видимое, и это только одно может привязать его до самопожертвования к делу. Я знаю, что такой человек знает по своему свое место на свете и свою цену и цену своему делу; знаю, что иногда он не в силах рассказать всего, что знает, но знает твердо. Чтобы показать тебе только, как можно ошибаться, не допуская этого или забывая, скажу тебе только, в ответ на твои советы, что, по моему убеждению, в наши года и с нашими средствами, шлянье вне дома, или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно. В наши года, когда уж не одним путем мысли, а всем существом, всей жизнью дошел до сознания бесполезности и невозможности отыскиванья наслажденья, когда почувствуешь, что то, что казалось мукой, сделалось единственной сущностью жизни — труд, работа, тогда неуместны и невозможны искания, тоски, недовольства собой, сожаленья и т. п. атрибуты молодости, не скажу нужно работать, а нельзя не работать, ту работу, которой плоды в состоянии видеть настолько вперед, чтобы вполне отдаваться работе. Кто пахать землю, кто учить молодежь быть честной и т. д. Самообольщение же так называемых художников, которое ты, льщу себя надеждой, допускаешь только из дружбы к приятелю (не понимая его), обольщение это для того, кто ему поддается, есть мерзейшая подлость и ложь. Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их — скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость, которой я слишком много видел вокруг себя мерзких примеров, чтобы не ужаснуться, и, которой ты, обдумав дело и любя

меня, не можешь допустить. Что же я делаю? спросишь ты. — Ничего особенного, выдуманного, делаю дело, которое мне так же естественно, как дышать воздух, и вместе такое, с высоты которого, признаюсь, я часто с преступной гордостью люблю смотреть на vous autres. ² Ты полюбишь и поймешь это дело, но рассказывать его нельзя, а приезжай, окончив свои странствования, в Ясную Поляну, и скажи тогда по правде, не позавидуешь ли мне, увидя то, что я сделал, и то спокойствие, с которым я делаю. — Вот тебе и загадка. ³ Я не выезжал и не выеду нынешний год из деревни да и впредь не могу себе представить, как и зачем я уеду. — Сестра ⁴ в 40 верстах от меня, очень кланяется тебе. Тетушка ужасно тебя любит. Брат Николай поехал стрелять медведей. ⁵ Прощай, пиши поскорее. —

Полностью опубликовано в ПТТ, стр. 19—21. Год определяется письмом Б. Н. Чичерина, датированным 5/17 декабря 1859 г. (см. ПТТ, стр. 279—281), на которое Толстой отвечает настоящим письмом.

¹ *Описка вместо:* 1 марта.

² [вас остальных.]

³ Толстой разумеет свою педагогическую деятельность.

⁴ М. Н. Толстая жила с детьми у себя в Пирогове.

⁵ Н. Н. Толстой поехал на медведя с И. И. Раевским. См. письмо к М. Н. Толстой № 161.

165. Е. П. Ковалевскому.

1860 г. Марта 12. Я. П.

Вы, может быть, помните, любезный Егор Петрович, что я уже 3-й год живу в деревне и занимаюсь хозяйством. Нынешний год (с осени), кроме хозяйства, я занимаюсь еще школой для мальчиков, девочек и больших, которую я завел для всех желающих. У меня набралось около 50 учеников и всё прибавляются. Успехи учеников и успех школы в мнении народа неожиданны. Но всего не расскажешь, как и почему; надо или книгу написать или самому посмотреть. Дело вот в чем. Мудрость во всех житейских делах, мне кажется, состоит не в том, чтобы знать, что нужно делать, а в том, — чтобы знать, что делать прежде, а что после. В деле прогресса России, мне кажется, что, как ни полезны телеграфы, дороги, пароходы, штуцера, литература (со всем своим фондом), ¹ театры, Академии худож[еств] и т. д., а всё это преждевременно и напрасно

до тех пор, пока из календаря будет видно, что в России, включая всех будто бы учащихся, учится $1/100$ доля всего народонаселения. Всё это полезно (акад[емия] и т. д.), но полезно так, как полезен обед Аглицкого клуба, ² который весь съест эконом и повар. Все эти вещи производятся всеми 70.000.000 русских, а потребляются тысячами. Как ни смешны славянофилы с своей народностью и оторванностью *et tout le tremblement*, ³ они только не умеют называть вещи по имени, а они, нечаянно, правы. Не только нам Русским, но каждому иностранцу, проехавшему 20 верст по Русской земле, должна в глаза кинуться численная непропорциональность образованных и необразованных или, вернее, диких и грамотных. А нечего и говорить, ежели сравнить отчеты разных европейских государств. Впрочем, ежели бы в Англии приходился 1 дикий на сто, и тогда, наверно, общественное зло происходило бы только от этого процента диких. Общественное зло, которое у нас в привычку вошло сознать и называть разными именами, большею частью насиллием, деспотизмом, что это такое, как не насиллие преобладающего невежества. Насиллие не может быть сделано одним человеком над многими, а только преобладающим большинством, единомышленным в невежестве. Только кажется, что Наполеон III ⁴ заключил Виллафранский мир ⁵ и запрещает журналы и хочет захватить Савойю, ⁶ а всё это делают Феликсы и Викторы, которые не умеют читать газеты. Однако мои педагогические привычки увлекли меня, и мне самому смешно, что я *вам* пресерьезно доказываю, что $2 \times 2 = 4$, т. е. что насущнейшая потребность Русского народа есть народное образование. Образования этого *нет*. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будет заведывать им. Что его нет, это доказывать нельзя, а ежели бы вы были здесь, то мы бы сейчас обошли всю деревню и посмотрели бы, и послушали. Чтобы доказать, что оно не начиналось, мы бы тоже сейчас прошли в школу, и я бы вам показал грамотных, учившихся прежде у попов и дьяконов. Это одни ученики, которые совершенно безнадежны. Над спорами, полезна ли грамота или нет, не следует смеяться. Это очень серьезный и грустный спор, и я прямо беру сторону отрицательную. *Грамота*, процесс чтения и писания, вреден. Первое, что он читает — славянской символ веры, Псалтырь, Заповеди (славянские), второе гадательную книгу и т. п. Не поверив на деле, трудно себе

представить ужасные опустошения, которые это производит в умственных способностях, и разрушения в нравственном складе учеников. Надо побывать в сельских школах и в семинариях (я исследовал это дело), в семинариях, которые доставляют педагогов в училища от правительства, чтобы понять, отчего ученики одних школ выходят глупее и безнравственнее неучеников. Чтобы народное образование пошло, нужно, чтобы оно было передано в руки общества. Не стану приводить пример Англии, самой образованной страны, — самая сущность дела говорит за себя. Ежели бы правительство бросило все дела, закрыло бы все департаменты и комиссии (и прекрасно бы сделало) и занялось бы одним народным воспитанием, и тогда едва ли бы оно успело, — потому что механизм, усвоенный правительством, помешал бы ему, и, главное, потому, что интересы его кажутся отдаленными (в сущности, это один его интерес) от народного образования. Общество же должно успеть, потому что интересы его непосредственно связаны с степенью образования народа, потому что лишённые всех насильственных средств действия общества будут сообразовываться только с потребностью народа, которая выразится в филантропическом или денежном успехе предприятия, в степени удовлетворения народной потребности будут постоянно иметь проверку своих действий. Но я опять, кажется, доказывал дважды два. Вопрос может быть только в том, существует ли потребность образовывать и образовываться. Для меня это вопрос решенный. Полгода моей школы породили три таких же в околоске, и везде успех был одинаковый. Дело вот в чем: что скажет правительство, ежели ему представить следующий проект:

«Общество народного образования (или более скромное название) имеет целью распространение образования в народе.

Средства Общества будут состоять из взноса членов по 100 или % рублей, из платы учеников (где это возможно), из выручек за издания Общества и из пожертвований.

Действия Общества будут состоять:

1) В издании журнала, состоящего из отдела собственно педагогического (о законах и способах первоначального преподавания), отдела первоначальных руководств для учителей и чтений для учеников и отдела сведений о действиях Общества.

2) В учреждении школ в тех местах, где их нет и где чувствуется в них потребность.

3) В составлении курса преподавания, в назначении учителей, в надзоре за преподаванием, за хозяйственным учетом вообще, за управлением таких школ.

4) В надзоре за преподаванием в тех школах, где учредители того пожелают».

До сих пор общество это составляю я один. Но говорю вам без фразы, что, возможно будет или нет такое общество, я положу всё, что могу, и все свои силы на исполнение этой программы. Нечего говорить, что наверное мои мысли односторонни, и что Общество, занявшись им, многое изменит и прибавит. Но ежели бы это могло только собрать силы многих к одной цели. Вы-то помогите мне, любезный друг, Егор Петрович. Я на дурном счету у правительства. От меня это никак не должно идти, а говорите или составьте из этого получше записку и покажите Евграфу Петровичу. ⁷ (Я вам прямо задаю дело потому, что знаю вперед, что не можете всей душой не сочувствовать этому). Ежели бы я знал наверно, что правительство разрешит это общество, то я бы поработал серьезнее над составлением самого проекта и подал бы его от другого лица. ⁸ Есть в Туле директор гимназии Гаярин ⁹ (ваш брат его знает), замечательный человек, которому я нынче сказал о моем намерении. Я надеюсь, что он не отказался бы подать от себя. Во всяком случае, у вас дело в хороших руках. Подайте ли прямо, переписав и переделав эту записку (об обществе), или посондируйте, где следует, и напишите мне, рассказав, как надо поступать; одно только, на обыкновенную удочку правительства заставить подробно изложить проект, курс преподавания и т. д. и потом сказать — нельзя, я на эту удочку не поддамся. Мне мое время дорого (и с гордостью могу сказать, дорого и для 100 мальчиков). Кроме школы у себя, у брата, я готовлю большую статью о педагогии, которая не будет годиться в проект для правительства. Позволят или нет, а я хоть один, а всё буду составлять тайное общество народного образования. Нет, без шуток, ежели бы общество оказалось невозможным, то я все-таки намерен издавать журнал, о котором пишу в проекте общества. ¹⁰ Посондируйте почву и об этом напишите, пожалуйста. Разрешат ли журнал с моим именем, как Редактора? И как, в какой форме, кому нужно подать об этом, и что такое?

Как мне ни нужно теперь быть здесь, я бы приехал в Петербург, ежели для успеха дела мое присутствие могло бы быть необходимо. И как подумаешь, что почти наверно вы мне ответите: «видно, что вы, Л. Н., сидите в деревне, что с такими проэктми суетесь», как подумаешь — отчаянье находит. И чего может бояться правительство? Разве можно в свободной школе учить тому, чего не следует знать. У меня бы ни одного человека не было в школе, ежели бы я заикнулся о том, что мощи не есть такая же святыня, как сам Бог. Но это не мешает им знать, что земля шар и что $2 \times 2 = 4$. Ну, что будет, то будет; только поскорее, как можно поскорее, известите меня. Будьте здоровы, не грустите, и дай Бог вам всего лучшего. От души жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

12 Марта.

Ясная Поляна.

Адрес мой: в Тулу.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 458—463.

О Егоре Петровиче Ковалевском см. вступ. прим. к п. № 26.

¹ Е. П. Ковалевский был первым председателем Литературного фонда. См. сборник Литературного фонда «XXV лет», М. 1884.

² Аристократический Английский клуб в Москве, существовавший с времен Екатерины II до революции (1917), славился в былые времена своей кухней. Толстой неоднократно его описывал в «Войне и мире», в «Декабристах», «Анне Карениной» и других своих произведениях.

³ [и всей шумихой,]

⁴ Наполеон III (1808—1873) — французский император.

⁵ Виллафранкский мир был заключен 11 июля 1859 г. Мир этот положил начало национальному объединению Италии под главенством Пьемонта.

Виллафранка — город в итальянской провинции Вероне, на реке Таттаро. Его окрестности часто служили театром войны во время борьбы Италии с Австрией за независимость.

⁶ Савойя — бывшее герцогство на границах Швейцарии, Пьемонта и Франции. Самая возвышенная страна Европы (вершина Монблан).

⁷ Евграф Петрович Ковалевский, в то время министр народного просвещения. См. п. № 178.

⁸ Это общество разрешено не было.

⁹ Иван Федорович Гаярин (1827—1890) — педагог и писатель. В 1849—1858 гг. учительствовал в Москве; в 1859 г. был назначен инспектором Тульской гимназии, а через несколько лет директором училищ Тульской

губернии. С конца 1860-х гг. — окружной инспектор Московского учебного округа; впоследствии член совета военно-учебных заведений. Автор ряда педагогических трудов, в 1864 г. редактор «Тульских губернских ведомостей».

¹⁰ Издание педагогического журнала («Ясная Поляна») Толстому удалось осуществить в 1862 г.; журнал просуществовал только один год. См. т. 8.

* 166. А. А. Фету и И. П. Борису.

1860 г. Марта 23. Я. П.

23 Марта.

Чувствую, что я в отношении вас свинья, любезный дядинька Афанасий Афанасьевич и Иван Петрович. На письмо не отвечаю аккуратно, а когда мне нужно, пишу; но что станешь делать? То дело, то лень помешают, а приспичит дело, к вам обращается. Успокоивает меня одно, что, будь я на вашем месте, я бы не рассердился. Я осмелился послать на ваше имя мешки с семенами Тимоф[еевской] травы 54 пуда. Получив их, велите сложить их где-нибудь в сарай, а то и просто на дворе и пошлите образчики оной в семенные лавки, к Финтельману,¹ Мееру на Лубянку и в Русские лавки против Василья Блаженного. Кто больше даст, тому велите отдать и взять деньги и на деньги купите мне ланцет, коновальский инструмент, банки с настойками, а остальные привезите. Продажу эту, дабы она вам не надоела, поручите какому-нибудь сводчику или просто своему дворнику, обещав и дав ему за эти хлопоты от 5 до 10 р. сер.

Всё это я пишу в случае, ежели сам не приеду. Имею же я намеренье, под предлогом Тимофеевой травы, приехать сам в конце этого месяца. Мои занятия школой принимают в моей голове большие размеры. Об этом поговорю с вами при свиданьи. — До свиданья, жму ваши руки и Марье Петровне низко кланяюсь. Решительно вам нельзя поручать брата, в Козюлькине ли, в Москве ли — вы завладеваете им. —

Ваш Л. Толстой.

Напишите, пожалуйста, словечко про Николинку. Что он? и приедет ли когданибудь?

¹ Федор Васильевич Финтельман (ум. в 1861 г.) — ученый садовник, известный распланированием Петровского парка в Москве.

1860 г. Марта 27. Я. П.

27 Марта.

Как вы обрадовали меня вашими планами, любезный дядинька, не могу вам сказать. Но обрадовали не одного меня, но и всех наших, начиная от тетушки до пьяного монаха.¹ — Трещу только об одном, чтобы из-за какого-нибудь вздора это не расстроилось. Вещественные условия возможности вашего пребывания в Ясной все, мне кажется, — есть — желание мое, чтобы оно было, так сильно, что я бы сделал эти условия — ежели бы их не было, пробил бы еще три стены и сам бы жил на трубе, стало быть, это должно быть. Разумеется, тут пропасть маленьких условий, которые нужно определить. В каком доме и в каких комнатах лучше захочет [жить] Марья Петровна, куда будет входить и выходить Марьюшка² и т. д. Да еще, куда поставить лошадей, в особую ли конюшню, на двор ли к мужику за три версты, или к брату в Пирогово. Короста еще есть, и хотя я своих чистых лошадей ставлю в Ясной, ваших лошадей надо будет устроить иначе. Но вообще обо всем надо переговорить. Приезжайте непременно, когда поедете в Серпухов.³ Как мы будем гулять с Марьей Петровной — она останется довольна садом. — Как и о каких славных делах, как-то: педагогии, хозяйстве и пускай хоть и поэзии — мы будем беседовать с вами и Фирдуси.⁴ Но ничего, ничего, молчание...⁵ Жду вас или вашего ответа.⁶ Целую руку Марьи Петровны и прошу ее в случае затруднений разрешать их на манер Гордиевых узлов, по женски. В Москву теперь я, должно быть, не приеду. До свидан[ия].

Л. Толстой.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 28, и затем в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 324—325.

¹ Николай Сергеевич Воейков.

² Марьюшка — горничная у Фетов.

³ Фет хотел приобрести под Серпуховом небольшое имение и уже платил жалованье будущему приказчику, но покупка эта не состоялась.

⁴ Н. Н. Толстой.

⁵ Фраза из «Записок сумасшедшего» Гоголя.

⁶ Возвращаясь на лошадях из Москвы в Новоселки, Фет с женой обещали заехать к Толстому в Ясную Полину, что и выполнили. Пробыв в Ясной Поляне два дня, Фет продолжал свой путь, пригласив с собой и Н. Н. Толстого (А. Фет, «Мои воспоминания», I, М. 1890, стр. 325).

*** 168. И. П. Борису.**

1860 г. Апреля 5. Я. П.

5 Апреля.

Как я вам благодарен, любезный Иван Петрович, за ваши письма, только о самом интересном для меня вы всегда умалчиваете — о себе. Как больная, есть ли надежда вас увидеть опять довольным в Козюлькине и в Ясной? — Брат ¹ приехал благополучно до поворота с шоссе, я тоже, он в Пирогове, а я здесь, хочу ныне ехать и боюсь не доеду. ² Реки проходят, вода везде, но не так велика, как ожидали. Весна дружная, теплая, с утреничками, вся птица прилетела, едим крапиву и цикорий, окна раскрыты. Решился ли наконец дядинька? Мне кажется, Серпуховское имение по условиям географическим превосходно.

Жму ваши руки и низко кланяюсь Марье Петровне. С юным астрономом, ³ узнающим рака от водолея, желаю познакомиться.

Ваш Л. Толстой.

¹ Речь идет о Н. Н. Толстом, который приехал из Москвы. Толстой, повидимому, ездил его встречать и доехал с ним по шоссе «до поворота» в Ясную Поляну, а Николай Николаевич поехал в Пирогово навестить М. Н. Толстую.

² Из-за весенней распутицы.

³ Толстой имеет в виду сына И. П. Борисова — Петю, которому в это время было год и четыре месяца.

169. Б. Н. Чичерину.

1860 г. Апреля 5. Я. П.

5 Апреля

Я долго не отвечал тебе на последнее твое письмо, которое и обрадовало, и огорчило меня, не отвечал потому, что, получив его, я задумал еще зимним путем ехать в Тамбов; но слу-

чились новые затеи: план об издании журнала,¹ переписка и ожидание ответов по этому делу, которые задержали меня. По первому же летнему пути я поеду и прямо в Караул,² чтобы застать тебя. — Тогда я тебе расскажу всё, что со мной случилось внутренне в эти 2 года, узнаю, что с тобой сделалось. О многом нужно поговорить с тобой, поспорить, для того чтобы кой в чем крепче убедиться, кой в чем разубедиться. Желал бы я, чтобы ты не получал моего письма, написанного тебе за границу, оно было писано в беспокойном состоянии.³ Ежели ты и получил, сделай, как будто не получал. Напиши мне два слова в ответ: до какого именно времени ты пробудешь в деревне, и как ехать на Караул, и еще, ежели бы я не приехал к тебе, заезжай в Ясную, это тебе самый незначительный крюк.

Сестра, тетушка и братья тебе кланяются, они едут в Мае за границу, про себя я не знаю.⁴

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 21. Письмо является ответом на письмо Б. Н. Чичерина от 21 февраля 1860 г. (см. там же, стр. 282—283).

¹ Журнал «Ясная Поляна».

² Караул — именов Б. Н. Чичерина Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Б. Н. Чичерин должен был внезапно вернуться в Россию из-за смерти отца, последовавшей в январе 1860 г.

³ Толстой разумеет письмо от 1 марта 1860 г. См. н. № 164.

⁴ С. Н. и Н. Н. Толстые уехали за границу 28 мая 1860 г., а Толстой вместе с сестрой выехал 27 июня.

170. А. В. Дружинину.

1860 г. *Апреля 14. Я. П.*

Любезный друг Александр Васильевич.

На Ваше последнее письмо я было тотчас ответил, но не послал это письмо, потому что в нем, неизвестно почему, как это бывает в одиночестве, разгорячился на ваш литературный фонд и рассудил, что такая выходка могла бы вам быть неприятна.¹

Теперь же пишу вам, откровенно признаюсь, потому что есть дело в Петербурге и больше не к кому обратиться, как к вам. Дело вот в чем. Сестра с детьми и братом Николаем едут за границу, на Штетин, нужно взять места для двух дам и одного

господина и трех детей (все ниже 12 лет) в первом классе и для одной девушки² в третьем классе. Сестра желает ехать не раньше половины Июня и не позже конца навигации. Следовательно, ежели есть места, то берите теперь на Июнь. Ежели есть каюты семейные, в которых могут поместиться все, кроме девушки, то берите каюту. Деньги посылаю с этой же почтой 300 р. сер. Ежели вы будете добры³ сделаете это, или поручите кому-нибудь, то отпишите тотчас же, и счет, ежели мало денег, или остаток, ежели лишние — оставьте у Давыдова,⁴ так как, я полагаю, вас не будет в Петербурге в Июне месяце. — Мне кажется, что вы охотно возьмете на себя эти хлопоты, а ежели я ошибся, то простите. Я бы для вас охотно похлопотал. Что вы летом намерены делать? Что план и обещанье в Ясную? Мне совестно вас звать, как будто при случае порученья. А право хорошо бы было, я бы вас угостил многим хорошим, кроме своей особы, 1° Фетом, который, кажется, поживет у меня, 2° прекрасной природой и 3° крестьянской школой, которой могу похвастаться.

Про себя собственно могу сказать, что мне хорошо. Сначала было тяжело разорвать связь с литературой, задавить в себе честолюбивую потребность высказываться, но теперь, напротив, всё вокруг меня стало гораздо яснее, проще и ближе ко мне, чем было. Главное ближе. И вы не поверите, как это отрадно. Ногам тяжелее, но прочнее стоишь на земле. Дело не так красиво и свободно, но прочнее и ощутительнее. Кроме того, дела мои идут хорошо, я здоров, весел, вижусь часто с братьями и сестрой, кот[орых] люблю, нашел в Туле супругов Ауербахов,⁵ прекрасных людей, а еще притом весна и всё бы хорошо, а тут страшное горе собирается над нашей головой. Вы знаете, что один мой брат умер от чахотки,⁶ в нынешнем году у брата Николая все те же симптомы и усиливаются с страшной быстротой. Как и все, он не понимает своего положения и, кроме того, упрям и на наших глазах человек, которого мы любим лучше всех других, сам убивает себя, когда, может быть, еще была бы надежда. Одна моя надежда это поездка за границу хоть в Июне. Теперь он ни за что не хочет. Пожалуйста постарайтесь к половине Июня достать места. Может быть, особенно ежели Ник[олаю] будет хуже, я провожу их до Петербурга, но едва ли тогда увижу вас. Право, приезжайте в Ясную. Мне кажется, мы бы славно прожили вместе.

Прощайте, кланяйтесь матушке и отвечайте мне поскорей, хоть двумя словами.

Л. Толстой.

14 Апреля.

Впервые опубликовано в «Звезде», 1930, 5, стр. 155.

Толстой имеет в виду неотправленное и несохранившееся письмо к Дружинину от начала января 1860 г., которое являлось ответом на письмо Дружинина от 31 декабря 1859 г.

² Горничная М. Н. Толстой — Агафья Михайловна Трубецкая.

³ Слово: добры в подлиннике написано два раза.

⁴ Алексей Иванович Давыдов — книгопродавец.

⁵ Герман Андреевич Ауэрбах и его жена Юлия Федоровна, рожд. Берхольц — тульские помещики, жившие в имении Горячкино близ Тулы, где у них был свеклосахарный завод. Ю. Ф. Ауэрбах была начальницей Тульской женской гимназии.

⁶ Д. Н. Толстой.

* 171. А. В. Дружинину.

1860 г. Апреля конец. Я. П.

Любезный друг Александр Васильевич! Отъезд сестры по случаю ее сына еще не решен, а брат Николай с другим братом едут одни, потому пожалуйста возьмите два места 1-го класса для них, ежели можно к....¹ Деньги же остальные оставьте у себя или Давыдова, да и брат Николай заедет к вам и переговорит. Очень вам благодарен, что вы так скоро и аккуратно отвечали,² пожалуйста, еще возьмите на себя взять места сестре, ежели устроится ее поездка. Она кланяется и благодарит вас.

Простите, что не пишу вам, Бог даст, провожу сестру, увижусь с вами и переговорю обо многом. — До свиданья, жму вашу руку и прошу не забывать передать почтение матушке.

Ваш Л. Толстой.

На обороте:

В Хлебном переулке в доме Водова.

Датируется содержанием.

¹ В подлиннике оставлено чистое место.

² Речь идет об ответе Дружинина (неизвестном) на письмо Толстого от 14 апреля 1860 г.

1860 г. Июня 4. Я. П.

Очень хорошо, что вы написали и так аккуратно. Уж пожалуй-ста так же и продолжайте. Что деньги вы взяли, это ничего. Мы, т. е. я с Машинькой, были в Туле, чтобы получать паспорт, в тот самый день, как получили ваше письмо. Паспорт мы получили и в тот же день с знакомым (Скопиным, ¹ из гимназии) послали 250 р., чтобы взять места к 1-му Июля. — Как я посмотрел на Машиньку с Морельской, ² то, право, чувствуешь, что нельзя их отпустить одних, и очень может быть, что я поеду с ними. Был я в Пирогове и застал там В. Горчакова, ³ я постараюсь увидеть его еще и попробую попросить его взять надсмотр над Пироговым и Ясном на лето. Для этого нужна политика, и поэтому как еще придется. — От Горохова ⁴ получил тотчас же после твоего отъезда, в ответ на твое — письмо, в котором он пишет, что весьма удивляется, как это Елагин, ⁵ которого он часто видел, ничего ему не говорил о твоём порученьи. Письмо, впрочем, очень любезное. ⁶ Советую тебе оставить их на всё время твоего отсутствия одних, они свидятся, и так или иначе дело обозначится — шила в мешке не утаишь. — А главное, ты прав, то и чорт с ними. — Еще вот как я тебя успокаиваю. Продали у тебя тимофей по 2 р. 75 к., продают или продали 2 избы за 120, и продали двух гнедых жеребцов по оценке и 4 кобыл из молодых тоже по оценке. Лошадей продали без меня и без моего приказанья. И ежели так будут продавать, то продадут по оценке лошадей 30, а остальные засядут на вечные времена; поэтому я всех лучших, самых видных лошадей прибавил против оценки и велел не спускать, пока не сойдут с рук плохие. Кроме того, есть покупатели на весь завод, ⁷ а продать хорошеньких, то завода никто не купит. Я себе отобрал лошадей на 1300 р., которых возьму, ежели за них не дадут лишнего против оценки или ежели не купят весь завод вместе. В том и другом случае я отступлюсь. Вообще будьте спокойны. Без шуток. Егор Михайлов ⁸ мне очень понравился, т. е. все его распоряжения у тебя, исключая продажи лошадей. Покупатели на всё (как на сбрую, на телеги, на избы) показываются, и я уверен, что к осени всё продается. Горопить-ся не нужно. Теперь в конторе слишком 700 р. сер. ни к чему

не нужны. Клеверу было посеяно 3 дес., и я велел еще посеять 5 дес. так, чтобы составила $\frac{1}{3}$ 4-го поля, к которому другую и третью треть ты можешь прибавить весной на будущий год. — Людей всех распустили, кроме садовника, которого просила Маша.⁹ Еще месяц его продержу.

[*И неразобр.*] я распек за то, что в волках завелась моль, и велел пересыпать камфарой. Навоз 4 дня тому назад при мне начали возить с конного двора. Солому я велел прибрать в омет. Охота в Никольском благополучна. Убежали Порхай и Лихарка,¹⁰ за которыми при мне приехал Трофим¹¹ и взял. Маша скучает, но в Москву не едет. Сличали мы твои письма и сообща решили, что предпринимать по ним ничего не будем, а подождем еще письма в таком же духе, чтобы ты меньше имел повода раскисаться. Приехать же ей к тебе не невозможно.¹² — Мужики просили хлебушка (немного), я им ничего не дал, разумеется. — Николай Сергеевич¹³ больше пребывает у Маши и очень мил. Машенька с детьми теперь у меня и завтра едет в Пирогово. Она здорова, весела и приятна, тетинька тоже, у меня всё хорошо. Проводив ее, думаю таки пойти ходить пешком, но очень не надолго, поэтому вы продолжайте писать ко мне и поручать, ежели что нужно, я акуратности своей не изменю. Что ты играл, это очень, очень нехорошо.¹⁴ Нехорошо и то, что от Содена¹⁵ недалеко Вис-Баден¹⁶ и рулетка. Тебе решительно надо сказать себе, что не будешь больше играть; а то с рулеткой ей Богу это может кончиться печально. В Никольском всё хорошо. Петр Е[встратьевич] жив, здоров, Михайла приехал, я еще с ним не говорил, подумаю, нельзя ли ему дать место. — Он мне очень нравится. Пожалуйста напишите мне поподробнее о ваших респективных здоровьях и вообще о Содене. Именно вот какие пункты: 1) какой кому назначен курс? 2) Где вы живете? 3) С кем водитесь — знакомыми? Я знаю тамошние порядки и по этим 3 пунктам всё соображу. Прощайте, не пишется так себе об пустяках, а что вам интересно, кажется, всё написал. Держите régime с твердостью, чтоб не даром пропало лечение, и не предавайтесь пасмурности.¹⁷

Л. Толстой.

Письмо является ответом на письма С. Н. и Н. Н. Толстых от 27 мая 1860 г. из Петербурга, куда они приехали, чтобы ехать морем в Германию. Письмо Н. Н. Толстого не сохранилось, письмо С. Н. Толстого хранится в ГТМ (неопубликовано).

¹ Владимир Петрович Скопин — учитель русского языка и словесности в тульской гимназии.

² См. прим. 4 к п. № 161.

³ Кн. Василий Сергеевич Горчаков (1833—1906) — четверокродный брат Толстого по матери.

⁴ Павел Митрофанович Горохов (1817—1877) — помещик Каширского и Крапивенского (село Долгое) уездов. Изображен Григоровичем в повести «Проселочные дороги» под именем Бобохова. Ему в 1854 г. Валерьян Петрович Толстой продал на своз большой яснополянский дом в бытность Толстого на Кавказе.

⁵ Николай Павлович Елагин (1801—1863), в 1844—1849 гг. бывший товарищем председателя Тульской палаты гражданского суда.

⁶ Письмо Горохова к Толстому не сохранилось.

⁷ У С. Н. Толстого в Пирогове был конный завод, который был продан в 1860 г.

⁸ Егор Михайлович — управляющий Пироговым, выведенный в лице Егора Михайловича в «Поликушке».

⁹ Цыганка Марья Михайловна Шишкина, жена С. Н. Толстого.

¹⁰ Охотничьи собаки.

¹¹ Трофим — егерь Н. Н. Толстого.

¹² С. Н. Толстой писал 27 мая: «Ужасно жалею, что не послушался твоего совета и не взял Машу, есть ли бы можно было как-нибудь сюда доставить, я бы это непременно сделал, но это невозможно».

¹³ Н. С. Воейков.

¹⁴ Об этом писал 27 мая С. Н. Толстой.

¹⁵ Соден — лечебная станция в Пруссии, в провинции Гессен-Нассау.

¹⁶ Висбаден — город в прусской провинции Гессен-Нассау; климатическая станция.

¹⁷ К письму Толстого две приписки: сестры М. Н. Толстой и Т. А. Ергольской, с датой 4 июня 1860 г.

173. Е. И. Сытиной.

1860 г. Июня середина. Я. П.

Чрезвычайно я рад и горд за себя и за Машиньку, любезная Катерина Ильинична, что вы приехали и дали нам знать. Я бы сейчас приехал в Тулу, ежели бы это не было совершенно невозможно, именно нынче. Вот в чем дело: завтра мы, т. е. тетушка Тат[ьяна] Ал[ександровна], которая вам кланяется, поздравляет et set[era], едем в Пирогово. Машинька дней через 10 уезжает за границу и потому едва ли, несмотря на всё желание, будет в состоянии приехать к вам. А потому я осмеливаюсь предложить вам следующее: приехать завтра с вашим

мужем (с которым я и тетушка очень желаем познакомиться и которого просим не отказать нам — приехать к нам) и вместе отправиться в Пирогово. Машинька же со всеми детьми и с чаем на половине дороги будет встречать нас, нисколько не ожидая Катерины Ильиничны!... Тетушка предлагает вам место в карете, ежели же муж ваш приедет и охотник ездить верхом, то я ему предложу лошадь, в противном случае таратайку. *— От Тулы до Ясной 15 верст, от Ясной до Пирогово 35 в. Ехать тетушка собирается в 7-м часу вечера. Обедать мы будем в 2 часа, а ожидать вас будем с 12-ти часов.

Трепетно повергая к стопам вашим сии предположения, будем ожидать вашего решения. Впрочем без шуток, будьте так добры, прикажите хоть на словах сказать Яснополянским ямщикам на Тульской станции, для передачи мне, будете ли вы или нет? В последнем случае, как мне ни нельзя, я все-таки завтра утром хоть на часок приеду в Тулу. —

Весь ваш Л. Толстой.

* Об обратном путешествии, разумеется, нечего вам заболтаться, потому что за радость, которую вы ей доставите своим приездом, она охотно хоть на тройке своих детей отвезет вас назад в Тулу.

Впервые опубликовано в «Летописях» Государственного литературного музея, М. 1938, стр. 29—30.

Дата определяется содержанием: отъездом Толстого с сестрой за границу.

Екатерина Ильинична Сытина, рожд. Чихачева (1830—1920) — жена действительного статского советника Владимира Аполлоновича Сытина. Познакомилась с Толстым через Перфильевых. В 1857—1858 гг. Толстой бывал у Сытиной в доме и встречался с нею на музыкальных вечерах у А. В. Киреевой. См. «Воспоминания Е. И. Сытиной» — «Литературное наследство», № 37/38, стр. 404—416.

174. А. А. Фету.

1860 г. Июня 20? Я. П.

Не только не обрадовался и не возгордился вашим письмом, любезный друг Аф[анасий] Аф[анасьевич], но ежели бы поверил ему совсем, то очень бы огорчился. — Это без фразы. — Писатель вы, писатель и есть, и дай Бог вам и нам. Но что вы, сверх того, хотите найти место и на нем копать, как муравей, эта мысль не только должна была придти нам, но вы и долж-

ны осуществить ее лучше, чем я. Должны вы это сделать потому, что вы и хороший и здравосмотрящий на жизнь человек. Впрочем, не мне и теперь докторальным тоном одобрять или не одобрять вас — я в большом разладе сам с собой. — Хозяйство в том размере, в каком оно ведется у меня, давит меня; юфанство ¹ где-то вдаль виднеется только мне; семейные дела, болезнь Николиньки, от которого из за границы нет еще известий, и отъезд сестры (она от меня уезжает через три дня) с другой стороны давят и требуют меня. — Холостая жизнь, т. е. отсутствие жены, и мысль, что уж становится поздно, — с 3-й стороны мучает. Вообще всё мне нескладно теперь. По причине беспомощности сестры и желанья видеть Ник[олиньку] я завтра на всякий случай беру паспорт за границу и, может быть, поеду с ними; особенно ежели не получу, или получу дурные вести от Ник[олиньки]. — Как бы я дорого дал, чтобы видеть вас перед отъездом, сколько бы хотелось вам сказать и от вас узнать; но теперь это едва ли возможно. Однако, ежели бы письмо это пришло рано, то знайте, что мы поедем из Ясной в четверг, а скорее в пятницу. ² — Теперь о хозяйстве: цена, которую с вас просят, недорого, и ежели место вам по душе, то надо купить. Однако, зачем так много земли? ³ Я трехлетним опытом дошел, что со всевозможной деятельностью невозможно вести хлебопашество успешно и приятно более чем на 60, 70 дес[ятинах], т. е. десятинах по 10, 15 в поле (в 4-х). Только при этих условиях можно не дрожать за всякий огрех, потому что вспашешь не 2, а 3 и 4 раза, за всякой пропущенный работником час, за лишний рубль в месяц работнику, потому что можно довести 15 десятин до того, чтобы они давали 30, 40% с капитала основного и оборотного, а 80, 100 десятин нельзя. Пожалуйста, не пропустите этого совета мимо ушей, это не *так себе болтовня*, а вывод, до которого я дошел «боками». Кто вам скажет противное, тот или лжет, или не знает. Мало того, и с 15 десятинами нужна деятельность, поглощающая всего. Но тогда может быть награда, одна из самых приятных в жизни, а с 90 десят[инами] есть труд почтовой лошади, и не может быть успеха. — Не нахожу слов обругать себя, что я раньше не написал вам, тогда бы вы верно приехали. Теперь прощайте. Душевный поклон Борисову и Марье Петровне.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 33—34, а затем им же в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 329—331. Датируется предположительно, по помете Фета на письме: «60 год 20 июня».

¹ Об этом «юфанстве» Толстого рассказывал в 1858 г. Н. Н. Толстой Фету: «Понравилось Левочке, как работник Юфан растопыривает руки при пахоте. И вот Юфан для него эмблема сельской силы, в роде Микулы Селявиновича. Он сам, широко расставляя локти, берется за соху и юфанствует» (А. Фет, «Моиx воспоминания», I, М. 1890, стр. 237).

² 24 июня. Фактически же Толстому с М. Н. Толстой удалось выехать из Ясной Поляны 27 июня.

³ Речь идет о желании Фета купить серпуховское имение.

175. А. А. Фету.

1860 г. Июня 28. Москва.

Любезный друг Афанасий Афанасиевич! я позволил себе без вашего позволения попросить от вашего имени хозяйку г-жу Сердобинскую¹ поместить наши две кареты до зимы, или до того времени, когда будет случай. —

Я, кажется поеду с сестрой за границу. От братьев со времени отъезда нет писем.² — Обнимаю вас и Ивана Петровича, кланяюсь Марье Петровне. Я напишу вам из за границы, и вы пишете, ежели скоро, то в Соден. — Ежели будете писать Сердобинской, то подтвердите ей о каретах.

Л. Толстой.

28 Июня.

Сердобинская отказалась поставить кареты без письма от вас или Боткина, я взял таковое от Петра Петровича³, и напишите ей, в августе же я увезу их. —

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 34, а затем им же в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 331 (без приписки о Сердобинской). Год определяется содержанием.

¹ Елизавета Николаевна Сердобинская — владелица дома № 3 по Малой Полянке в Москве, где жили Фет и Борисов.

² Н. Н. и С. Н. Толстые выехали из Петербурга в Штетин 28 мая 1860 г.

³ Петр Петрович Боткин (1831—1907) — брат Василия Петровича, член товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья».

1860 г. Июля 1—2. Петербург.

Мы нынче, 1 Июля, приехали благополучно в Петербург! Я взял себе билет и завтра едем все в 1 на пароходе. Машенька и дети здоровы. В Петербурге никого нет, так что и один день делать нечего. Сегодня, 2 Июля, мы уезжаем в два. Все дела, кажется, устроены, только сейчас нужно съездить променять деньги на золото. Вчера мы после обеда сделали большую прогулку все вместе, смотрели памятники Николая, Петра, Исааковский собор¹ и проехали назад на лодке. В Москве мы провели 4 дня². Машенька ездила на дачу к Осиповскому³ и к Дельвиг⁴, я ездил к Берсам⁵ с детьми. Осиповский велел Вариньке продолжать те же пастилки, которые давал Шмигароф,⁶ и велел побольше мациона и поменьше лечиться. Машеньке сказал, чтобы она посоветовалась в Берлине, и ежели велят, попила бы тоже воды в Содене. (Вообще он нашел и ее и Вареньку хорошими). На зиму же советовал ей ехать на Иерские острова. (Это на Средиземном море, ниже Ниццы). Поэтому мы теперь едем прямо в Берлин, там пробудем дня два. Машенька посоветуется с доктором. До Берлина от Штетина 3 часа езды. Из Берлина поездом во Франкфурт (12 часов езды). Из Франкфурта в Соден (2 часа езды). Оттуда, ежели всё хорошо, то поездом в Швейцарию, и там Машенька хочет пробыть до зимы. И дешево и хорошо.

О себе, как и всегда, я вперед ничего не знаю. Думаю, что, оставив Машеньку на месте, съезжу недели на две в Англию и вернусь пароходом из Марселя через Одессу. Но вы знаете, что я планов не делаю и ежели делаю, то меняю их через каждые полчаса.⁷ Максима оставил в помощники старосты, мне кажется, что он будет хорош. Прикажите старосте писать мне как можно подробнее и адресуйте нам покамест еще в Франкфурт. Я совсем сделался домосед, большие города, новые лица, знакомые мне скучны. Нет лучше жизни, как косить с шестипалым Тихоном.⁸ Прощайте, chère tante, целую ваши ручки и завидую вам. Императрица Александра Федоровна⁹ очень жалеет, что Николай Сергееч не приехал с нами. Наталье Петровне кланяюсь. Пришла ли наконец Дуняшина сестра?¹⁰

Дата определяется содержанием и почтовыми штемпелями: «С. Петербург 2 июля 1860» и «Тула 5 июля 1860». Письмо написано в два при-

ема: в день приезда в Петербург — 1 июля и в день отъезда за границу — 2 июля.

¹ Собор был достроен в 1858 г. по проекту Монферана, впоследствии несколько измененному и дополненному.

² Толстые выехали из Ясной Поляны 27 июня и на другой день были в Москве. Там пробыли 4 дня и 1 июля выехали в Петербург.

³ Д. Т. Осиповский — детский врач.

⁴ Семья А. А. Дельвиг.

⁵ Андрей Евстафьевич и Любовь Александровна Берс, будущие тещь и теща Толстого.

⁶ Шмигаро — тульский врач. Фамилия его в автографе не точна.

⁷ О выполненном маршруте второго заграничного путешествия Толстого см. пп. №№ 177, 179, 196.

⁸ Шестипалый Тихон — яснополянский крестьянин. Фамилия его неизвестна.

⁹ Александра Федоровна (1798—1860) — вдова Николая I. Толстой пронизирует над Н. С. Воейковым.

¹⁰ Е. Н. Орехова. К письму — две приписки: В. В. и М. Н. Толстых.

* 177. Т. А. Ергольской.

1860 г. Июля 24/августа 5. Киссинген.

Не писал я вам так долго, chère tante, потому что хотелось вам сообщить известия не об одном себе, но о всех наших. Но вот уж 10 дней напрасно жду от них писем.¹ Мы с Машенькой доехали благополучно до Берлина.² Покачало и порвало нас только один день. В Берлине были мы с Маш[енькой] и Варинькой³ у знаменитого доктора Траубе.⁴ Он здоровье Маш[еньки] нашел хорошим и послал её только для руки в Соден. Вариньке велел морские купанья и тоже нашел, что ее сердце и легкие невредимы. Мне посоветовал Киссинген,⁵ где я и нахожусь. В Берлине у меня сделалась страшная зубная боль, так что Маш[енька], пробыв 4 дня, поехала в Соден, а я остался. В Берлине мы имели письмо от братьев, в котором Ник[оленка] пишет, что ему Соден, *кажется*, помог. Вот всё, что я о них знаю. В Берлине я пробыл дней 10 очень приятно и полезно для себя.⁶ Зубная боль промучала меня 4 дня. Киссинген, как можно судить по 9 дням, *кажется*, мне очень поможет от моих мигреней и гоморидальных припадков. Здесь нашел я Ауербаха с страшными глазами, которому я очень рад, и его пискливую жену,⁷ которой я не рад. Адрес мой *En Bavière Kissingen*.⁸

Надеюсь, что вы напишете мне. Прощайте, целую ваши руки. Старосте велите мне наиподробнее образом написать о работах, уборке и о лошадях и болезни. Учителю⁹ велите написать о школе: сколько учеников ходят и хорошо ли учатся.

Я вернусь осенью непременно и больше, чем когда нибудь, займусь школой, поэтому желал бы, чтобы без меня не пропала репутация школы, и чтоб побольше с разных сторон было школьников. Мавр[а] Андр[еевна]¹⁰ пусть хлопочет. Нат[алье] Петро[вне] клянюсь. Что Дуняша,¹¹ здоровье? и сестра¹² пришла ли? Мне не верится, чтоб Сережа уехал, не выдавшись со мной¹³, но ежели он дома, то попросите его поскорей написать мне и хоть немножко притвориться в Ясном, что он наблюдает за моим хозяйством. Мне ему пропасть нужно сказать, спросить, попросить. Я забыл у себя бумаги, мной писанные, о школах: это листов шесть серой бумаги во весь лист.¹⁴ Ежели бы было возможно их найти и прислать мне, или по почте или через кого-нибудь, отъезжающего за границу.

5 Августа н. с.

На конверте:

*En Russie. Toula. Madame Iergolsky.*¹⁵ Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.

В Тулу. Сельцо Ясные Поляны.

Впервые отрывок опубликован в Б. I, 1, стр. 367—368. Год определяется содержанием. Письмо написано из Киссингена, куда Толстой приехал из Лейпцига 15/27 июля, о чем под 20 июля (2 августа) 1860 г. отметил в Дневнике.

¹ Толстой имеет в виду братьев Н. Н. и С. Н. Толстых.

² 2 июля Толстой вместе с сестрой морем отправился в Германию. Высадившись в Штетине 5/17 июля, Толстой, не останавливаясь, приехал в Берлин, где пробыл 10 дней (5/17—14/26 июля). Из Берлина выехал уже без сестры (которая 9/21 июля уехала в Соде) в Лейпциг, где провел только день, осматривая некоторые школы, а оттуда 15/27 июля — в Киссинген. В Киссингене Толстой пробыл четыре недели (до 14/26 августа).

³ Варвара Валериановна Толстая — старшая дочь М. Н. Толстой.

⁴ Людвиг Траубе (1818—1876) — немецкий профессор-патолог и клиницист.

⁵ Киссинген — город в Баварии на р. Заале, курорт с минеральными источниками, железистыми и сернистыми.

⁶ Приехав в Берлин 5/17 июля, проводив сестру в Соде 9/21 июля, Толстой 10/22 июля посетил в университете лекцию профессора истории Иоганна-Густава Дройзена и осмотрел музей; 11/23 июля еще раз слушал

Дройзена, а 12/24 июля посетил лекцию берлинского профессора-физиолога Дюбуа-Реймона, где познакомился с молодым доктором юриспруденции Френкелем, который свел его в клуб ремесленников, где он прослушал научную лекцию. Здесь он видел открытие «вопросного ящика» — форма народного образования, очень ему понравившаяся. 12/24 же июля осмотрел Моабитскую тюрьму.

⁷ О Г. А. и Ю. Ф. Ауэрбахах см. прим. 5 к п. № 170.

⁸ [В Баварию Киссинген.]

⁹ Петр Васильевич Морозов — учитель Яснополянской школы до конца ее существования (1863 г.). После ее закрытия долгое время учительствовал в селе Колпне, в 9 км. от Ясной Поляны, где и умер.

¹⁰ В письме от 26 сентября 1860 г. Т. А. Ергольская писала Толстому: «Мавра Андреевна набрала уже десять девочек и неусыпно старается об них, учит их начальным правилам, еще вновь прибавляются ученики. Школа со временем будет огромная. Слава ее распространилась во многих местах».

¹¹ Евдокия Николаевна Орехова, рожд. Банникова (Дуняша) (ум. в 1879 г.), дочь дядьки братьев Толстых — Николая Дмитриевича Банникова, описанного в «Детстве».

¹² Варвара Николаевна Банникова.

¹³ Судя по записи Дневника, С. Н. Толстой приехал в Киссинген на следующий день, о чем Толстой отметил под 6 августа н. с.

¹⁴ Речь идет о рукописи-автографе под заглавием «Педагогические заметки» с авторской датой 5 марта 1860 г., легшей в последующем в основу статьи о народном образовании. См. т. 8, стр. 377—381.

¹⁵ [В Россию. Тула. Госпоже Ергольской.]

* 178. Е. П. Ковалевскому.

1860 г. Августа 13/25. Киссинген.

Милостивейший Государь
Евграф Петрович!

Для педагогического труда, которым я занят, кроме матерьялов, собранных мною в Европе, мне необходимы были: программы, педагогические издания и руководства Северо-Американских Штатов. Некто М-г Hardenbergh обещал мне, через Американское правительство, выслать все эти матерьялы в Россию. Я позволил себе дать ему Ваш адрес. Расчитывая на жользу самого дела и на Ваше доброе расположение ко мне, я надеюсь, что Вы простите мне эту вольность и будете так добры приказать уведомить меня (poste restante) во Франкфурте-н[а]-М[айне], могу ли я ожидать получения этих книг через министерство, или должен написать о перемене адреса.

Во всяком случае, осенью проездом через Петербург, я позволю себе явиться к Вам, и просить Ваших советов и помощи в некоторых педагогических предприятиях.

С истинно глубоким уважением имею честь быть,
Милостивейший Государь,
Ваш покорнейший слуга
Граф Л. Н. Толстой.

13/25 августа.
Киссинген.

Печатается по автографу, хранящемуся в Центральном архиве. Год определяется содержанием. На первой странице письма чернилами наверху рукой Ковалевского написано: «Отвечать, что согласен на то, чтобы книги были доставлены по моему адресу». Внизу второй страницы под подписью Толстого карандашом написано: «Лев Николаевич».

Евграф Петрович Ковалевский (1790—1886) — министр народного просвещения в 1858—1861 гг., брат Егора Петровича (см. п. № 26), по образованию горный инженер. В последние годы своей жизни Ковалевский был членом Государственного совета и президентом Вольного экономического общества.

Е. П. Ковалевский отвечал Толстому следующим письмом из Петербурга от 26 августа 1860 г.:

«Милостивый государь, граф Лев Николаевич. Спешу уверить Ваше С-во, что я не только не встречаю никакого препятствия, чтобы выписанные Вами из Северо-Американских Соединенных Штатов педагогические издания и другие материалы для предпринятого Вами педагогического труда, были высланы в С.-Петербург на мое имя, но мне особенно приятно оказать Вам при этом случае содействие в нашем общем благом деле. Посылка, по получении, будет храниться у меня в М-ве до личного с Вами свидания, которого ожидаю с удовольствием.

Примите, Милостивый Государь, уверение в истинном моем почтении и преданности. Е. Ковалевский».

* 179. Т. А. Ергольской.

1860 г. Августа 28/сентября 9. Гиер.

Chère tante!

Voilà trois jours que nous sommes arrivés à Hyères.¹ Je ne vous ai pas écrit parce que nous n'étions pas encore établis et aussi parce que pendant le voyage et ces jours-ci je n'en avais véritablement pas le temps. Hyères n'est pas une île, mais c'est une ville sur la côte méridionale de France, au Sud-Est de Toulon. La mer qu'on voit de nos fenêtres est à 4 verst de la ville. Moi et

Nicolas nous nous sommes logés dans la ville même en pension pour 18 fr. par jour chez une très bonne vieille femme M-me Sénéquier. C'est donc notre adresse: *France, Hyères chez M-me Sénéquier*. Marie s'est arrêtée dans un hôtel et déménage aujourd'hui dans une maison de campagne au bord de mer, pour y prendre les bains, autant que durera la saison. On dit ici qu'il fait bon de se baigner jusqu'au mois de Décembre quelques fois. Le climat est admirable ici. Les citronniers, les orangers, les lauriers, les palmiers sont en fleurs en feuilles et en fruits pendant tout l'hiver. L'état de la santé de Nicolas est toujours le même; mais ce n'est qu'ici qu'il faut espérer une amélioration, parce que le genre de vie qu'il a mené à Soden le voyage et le mauvais temps ont du au contraire lui faire du mal. Ici le temps admirable ces trois jours et on dit qu'ici le temps a été toujours beau. Il y a ici une Princesse Galisine², qui habite le pays depuis 9 ans. Marie a fait sa connaissance; et cette Princesse dit qu'elle est venue ici dans un état beaucoup pire que celui de Nicolas et à présent c'est une femme tout-à-fait forte et bien portante. Elle nous a raconté aussi qu'elle a connu Dmitri Генваричъ³ qui est mort à Hyères sur ses bras.

Le voyage nous a coûté très cher, et la vie ici n'est pas bon marché non plus, de sorte que nous tous aurons dans un mois d'ici grand besoin d'argent. Si Serge et encore avec vous dites lui qu'il envoie l'argent le plus tôt possible. Je suis sûr qu'aujourd'hui vous avez pensé à moi plus qu'à l'ordinaire à cause de mon jour de naissance.⁴ Moi aussi je commence ce jour en vous écrivant. —

Adieu, chère tante, je vous baise les mains. — Je ne sais si Nicolas et Marie vous écriront, dans tous les cas ils pensent souvent à vous et vous baisent les mains. — Наталье Петровне целую ручки, Ник[олаю] Серг[еевичу],⁵ ежели еще живет у вас, и хорошо, то я очень рад и кланяюсь. Устроилось ли дело Мавры Андреевны? Разуверьте ее, что я ее ненавижу. Что моя школа? Во всяком случае, я буду к зиме с новыми книгами и инструментами.⁶ Пусть Петр Васильичъ⁷ не зевает. —

Dites au староста que je m'intéresse beaucoup au ménage, mais à vrai dire, si seulement il n'y a rien d'extraordinairement désagréable, je ne me soucie de rien du tout. Vous avez toujours raison, chère tante, dernièrement nous avons parlé de cela avec Nicolas; et quand vous me disiez que j'ai tort de rester toujours à la cam-

pagne vous aviez raison. Le voyage que j'ai fait m'a fait beaucoup de bien sous plusieurs rapports.

Léon.

9 Sept.

28 Août

Hyères.

Дорогая тетенька!

Три дня тому назад мы приехали в Гиер.¹ Не писал вам раньше, потому что мы еще не устроились, да и свободного времени не было ни в дороге, ни теперь. Гиер не остров, а город на южном побережье Франции, на юго-восток от Тулона. Море, которое видно из наших окон, в 4-х верстах от города. Мы с Николенькой устроились в самом городе в пансионе у пожилой и приятной госпожи Сенекье за 18 фр. в день. Вот наш адрес: *Франция, Гиер, у г-жи Сенекье*. Машенька остановилась в гостинице, откуда пользуется сегодня в снятый ею деревенский дом на берегу моря, чтобы пользоваться морскими купаниями в продолжение всего сезона. Говорят, что он продолжается иногда до декабря. Климат здесь прекрасный. Лимонные, апельсиновые деревья, лавры, пальмы всю зиму с листвою, в цвету и с плодами. Здоровье Николеньки всё в том же положении; но только здесь и можно надеяться на улучшение, между тем как образ жизни его в Содепе, путешествие и плохая погода несомненно принесли ему вред. Эти три дня стоит прекрасная погода, и говорят, что она здесь всё время такая. Некая княгиня Голлицына² живет здесь 9 лет. Она говорила Машеньке, которая познакомилась с ней, что она приехала сюда в гораздо худшем состоянии, чем Николай, а теперь сильная и вполне здоровая женщина. Она рассказала нам, что знала Дмитрия Генваричь,³ который умер в Гиере на ее руках.

Дорога нам дорого обошлась, и здесь жизнь не дешева, так что через месяц мы будем нуждаться в деньгах. Ежели Сережа еще с вами, скажите ему, чтобы деньги он высылал как можно скорее. Уверен, что сегодня вы вспоминали меня чаще обыкновенного по случаю дня моего рождения.⁴ А я начинаю этот день письмом к вам.

Прощайте, дорогая тетенька, целую ваши руки. — Не знаю, напишут ли вам Николенька и Машенька, но знаю, что они часто думают о вас и целуют ваши ручки. [*Русский текст.*]

Скажите старосте, что я очень интересуюсь хозяйством, но, по правде сказать, ежели ничего не случилось особенно неприятного, я не забочусь о нем. Вы всегда правы, милая тетенька, недавно мы говорили об этом с Николенькой; и когда вы говорили, что напрасно я живу безвыездно в деревне, вы тоже были правы. Теперешнее путешествие во многих отношениях мне очень полезно.

Лев.

9 сент.

28 августа

Гиер.

Впервые отрывок опубликован в Б. I, 1, стр. 374.

¹ 9 августа в Киссинген к Толстому приехал его больной брат Николай Николаевич, о чем Толстой записал в Дневнике 12 августа.

Пробыв в Киссингене четыре дня, Н. Н. Толстой уехал. Видя всю опасность положения больного брата, Толстой решил не оставлять его одного и 26 августа поехал в нему в Соден. В Содене Толстой пробыл три дня и, вместе с сестрой и братом, 29 августа поехал во Франкфурт, а оттуда в приморский город Гьер.

² Кн. Елена Александровна Голицына, рожд. Корсакова, сестра вице-президента Академии наук кн. М. А. Дондукова-Корсакова, была первым браком замужем за кн. Владимиром Николаевичем Голицыным (1802—1844); овдовев, жила за границей, где вышла во второй раз замуж. Она послужила Толстому прообразом госпожи Шталь в «Анне Карениной».

³ Гр. Дмитрий Януариевич Толстой (1827—1859) — сын гр. Януария Ивановича Толстого и Екатерины Дмитриевны Ляпуновой (ум. в 1882 г.), троюродный брат Толстого.

⁴ 28 августа.

⁵ Николай Сергеевич Воейков. В ответ Толстому Татьяна Александровна писала 26 сентября: «Бывший монах надоел нам смертельно; он не пьянствует, но невозможен во всех отношениях».

⁶ Во всё время своего пребывания за границей Толстой не оставлял своей работы по школьному вопросу. Он посещал школы почти во всех городах, где был. В Киссингене школа произвела на него очень тяжелое впечатление, о чем он записывал в Дневнике 16/28 и 17/29 июля (см. т. 48).

⁷ П. В. Морозов.

К настоящему письму Толстого сделана приписка рукой М. Н. Толстой.

180. Т. А. Ергольской.

1860 г. Сентября 20/октября 2. Гьер.

Chère tante! ¹

Черная печать вам всё скажет. То, чего я ждал 2 недели с часу на час, случилось нынче в 9 часов вечера. ² — Только со вчерашнего дня он позволил мне помочь ему раздеться; нынче первый день, что он решительно лег и разделся и потребовал *gard malade*. ³ Всё время он был в памяти. За $\frac{1}{4}$ часа до смерти он выпил молоко и сказал мне, что ему хорошо. Нынче еще он шутил и интересовался моими делами о воспитании. Только за несколько минут до смерти он прошептал несколько раз: «Боже мой, Боже мой!» Мне кажется, что он чувствовал свое положение, но обманывал нас и себя. Машинька нынче только часа за 4 уехала от нас, т. е. из Нуёрес, за 4 версты, где она еще живет. Она никак не ожидала этого так скоро. Я

только что закрыл ему глаза. Я скоро теперь буду с вами. — И всё расскажу изустно. Тело его я не думаю перевозить. Похороны устроит княгиня Голицына, которая взялась за всё.

Прощайте, chère tante.¹ Утешать вас не могу. Воля Божья! вот одно. Сереже я теперь не пишу, он, должно быть, на охоте, вы знаете где, поэтому и известите его или пошлите это письмо.

На конверте:

En Russie Mademoiselle Jergolsky. Ее высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской. В Тулу.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 375. Дата определяется содержанием — извещение о смерти Н. Н. Толстого.

¹ [Дорогая тетенька!]

² О смерти брата Николая Николаевича Толстого записал в Дневнике 13/25 октября 1860 г. (т. 48).

³ [судно.]

181. Гр. С. Н. Толстому.

1860 г. Сентябрь 24 и 25/октября 6 и 7. Гьер.

Ты, я думаю, получил известие о смерти Николиньки. Мне жалко тебя, что ты не был тут. Как это ни тяжело, мне хорошо, что всё это было при мне, и что это подействовало на меня, как должно было. Не так, как смерть Митиньки, о которой я узнал в Петербурге, вовсе не думая о нем.¹ Впрочем это совсем другое дело. С Митинькой были связаны воспоминания детства и родственное чувство и только, а это был положительно человек для тебя и для меня, которого мы любили и *уважали* больше всех на свете. Ты это знаешь эгоистическое чувство, которое последнее время приходило, что чем скорей, тем лучше, а теперь страшно это писать и вспоминать, что это думал. До последнего дня он с своей необычайной силой характера и сосредоточенностью делал всё, чтобы не быть мне в тягость. В день своей смерти он сам оделся и умылся, и утром я его застал одетого на кресле. Это было часов за 9 до смерти, что он покорился болезни и попросил себя раздеть. Первое было в нужнике. Я вышел вниз и слышу, дверь его отворилась, вернулся — его нет нигде. Сначала я боялся войти, он не любил; но тут он сам сказал: «помоги мне». И он покорился и стал другой, кроткой, доброй; этот день не стонал; про кого ни говорил, всех хвалил и мне го-

ворил: «благодарствуй, мой друг». Понимаешь, что это значит в наших отношениях. Я сказал ему, что слышал, как он кашлял утром, но не вошел из за *fausse honte*.² «Напрасно, это бы меня *утешило*». Страдать он страдал, но он только раз сказал дня за два до смерти, что ужасные ночи без сна. К утру давит каплею, месяц, и что грезится Бог знает! Еще такие ночи две это ужасно. Ни разу ясно он не сказал, что чувствует приближение смерти. Но он только не говорил. В день смерти он заказал комнатное платье и вместе с тем, когда я сказал, что, ежели не будет лучше, то мы с Машинькой не поедem в Швейцарию, он сказал: «разве ты думаешь, что мне будет лучше?» таким голосом, что видно, он чувствовал, но для меня не говорил, а я для него не показывал; однако, с утра я знал как будто и всё был у него. Он умер совсем без страданий (наружных, по крайней мере). Реже, реже дышал, и кончилось. На другой день я сошел к нему и боялся открыть лицо. Мне казалось, что оно будет еще страдальческое, страшнее, чем во время болезни, и ты не можешь вообразить, что это было за прелестное лицо с его лучшим, весёлым и спокойным выражением. Вчера его похоронили тут. Я одно время думал перевезти, телеграфировать тебе, да раздумал, нечего ковырять рану. Мне жалко тебя, что тебя известие это застанет на охоте в рассеянности, и не прохватит так, как нас. Это здорово. Я чувствую теперь то, что слышал часто, что, как потеряешь такого человека, как он для нас, так много легче самому становится думать о смерти. Твое письмо пришло в самую минуту, как его отпевали.³ Да, уж не будешь полевать с ним. Два дня до смерти читал он мне свои записки об охоте, и много говорили о тебе. Он говорил, что ты всем от Бога сделан счастливым человеком и сам себя мучаешь. Я только на 2-й день хватился сделать его портрет и маску, портрет уже на застал его удивительного выражения, но маска прелестна. Я едва ли приеду в Россию прежде, чем ты сюда приедешь. Приезжай пожалуйста. Мужикам погорелым вели дать лесу из рощи и из мельничного осинника, сколько нужно им.⁴ Я теперь с Машинькой на берегу моря и стараюсь заниматься, но не идет. Я в письме тетеньки не означил числа. Он умер 20 сентября нашего стиля, в 9 часов вечера. Я уверен, что тебе не будет ездить на охоте, особенно в Щербачевк[е], получив это письмо. Брось всё и приезжай сюда с *Машей и Гришей*⁵ непременно. Климат и природа здесь действительно лучше, чем можно вообразить. —

Приписка поперек письма:

Утро вечера мудренее, и, подумав здраво и вспомнив Никол[инькино] правило никогда не советовать, я решил, что то, что я писал о привезении Маши и Гриши, это вздор, потому что я ничего не понимаю в этих делах.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 375—377. Дата определяется содержанием: «Вчера его похоронили», т. е. 24 сентября. На утро 25 сентября Толстой сделал приписку, следовательно, письмо должно быть датировано двумя днями: 24—25 сентября, 6—7 октября 1860 г.

¹ Д. И. Толстой умер в Орле 24 января 1856 г., в то время как Лев Николаевич находился в Петербурге на военной службе, будучи прикомандированным к ракетному заведению.

² [ложный стыд.]

³ Это письмо С. Н. Толстого не сохранилось.

⁴ В письме от 26 сентября Т. А. Ергольская извещала Толстого, что 23 августа был в деревне Ясной Поляне пожар, уничтоживший одиннадцать дворов.

⁵ М. М. Шишкина — жена С. Н. Толстого. Григорий Сергеевич Толстой (1853—1928) — старший сын Сергея Николаевича и Марии Михайловны Толстых.

*** 182. Т. А. Ергольской.**

1860 г. Сентября 24 и 25/октября 6 и 7. Гьер.

Милый друг тетинька!

Вот письмо Сереже, которое я посылаю на ваше имя, вы прочтете всё. Посреди нашего горя верьте, что мы с Машенькой каждую минуту вспоминали вас и думали о том, как тяжело вам будет перенести еще этот удар. Утешений нет никаких как для вас, так и для меня, одно, что он умер так, как я бы желал умереть, спокойно, кротко и прекрасно. Тут не было священника, и я уверен, что он бы причастился, ежели бы это можно было. Никто, впрочем, не думал, что это будет так скоро. Доктор, который видел его за несколько часов, потом говорил, что он никак не ожидал этого. Впрочем, такой кротости и доброты, как последние его дни, трудно вообразить себе. Да и вся жизнь его! Присылайте к нам Сережу, ma tante, письмо это верно тотчас же вызовет его из Курска. А когда он приедет сюда, я приеду к вам. — Берегите себя, милый друг тетинька, теперь ваша

любовь нам всем еще в 10 раз нужнее. Прощайте, целую ваши руки. — Поскорее перешлите это письмо Сереже.

На конверте:

Russie. Toul. Mademoiselle Ergolsky. Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской. *В Тулу.*

Дата определяется письмом к С. Н. Толстому, посланным одновременно с этим письмом.

183. Гр. А. А. Толстой.

1860 г. Октября 17/29. Гиер.

17/29 Октября.

Я вас потерял из виду, любезный друг Alexandrine, потому что уехал за границу с сестрой, и главное, за братом Николаем, который осенью заболел, и вот скоро месяц, что умер. А никогда мне так нужно вас не было, как это время. Два месяца я час за часом следил за его погасанием, и он умер буквально на моих руках. Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, — это был лучший мой друг. Тут разговаривать нечего; вы, может быть, это знаете, но не так, как я; не то, что половина жизни оторвана, но вся энергия жизни с ним похоронена. Не зачем жить, коли он умер — и умер мучительно; так что же тебе будет? — Еще хуже. — Вам хорошо, ваши мертвые живут там, вы свидитесь с ними (хотя мне всегда кажется, что искренно нельзя этому верить — было бы слишком хорошо); а мои мертвые исчезли, как сгоревшее дерево. Вот уж месяц, я стараюсь работать, опять писать, что я было бросил, но самому смешно. В Россию ехать не зачем. Тут я живу, тут могу и жить. Кстати сестра здесь с детьми. Я вам пишу не для того, чтобы вы утешали меня. Пожалуйста, не пишите мне ничего обо мне; пожалуйста, ничего не пишите. Пишите о себе, о России, о делах наших, о вашей матушке, сестре, княжнах.

Я говорил сестре, как в горе узнаются друзья, — не так, как это думают, что они помогают, но потому что в горе только воспоминанья о лучших людях всплывают наружу. Не было дня, чтобы я не вспоминал про вас, и что бы я дал, чтобы последние дни на секундочку увидеть вас.

Прощайте. Тетушка мне пишет, что получила ваше письмо, но не посылает его ко мне.

Адрес мой: France. Nyères, maison Sénéquier.¹

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 29.

¹ [Франция. Гиер, дом Сененье.]

А. А. Толстая отвечала письмом от 31 октября 1860 г. (см. ПТ, стр. 142).

184. А. А. Фету.

1860 г. Октября 17/29. Гиер.

17/29 Октября. Иер.

Мне думается, что вы уже знаете то, что случилось. Нашего 20 Сентября он умер, буквально на моих руках. Ничто в жизни не делало на меня такого впечатления. Правду он говаривал, что хуже смерти ничего нет. А как хорошенько подумать, что она все-таки конец всего, так и хуже жизни ничего нет. Для чего хлопотать, стараться, коли от того, что было Н. Н. Толстой, для него ничего не осталось. Он не говорил, что чувствует приближение смерти, но я знаю, что он за каждым шагом ее следил и верно знал, что еще остается. За несколько минут перед смертью он задремал и вдруг очнулся и с ужасом прошептал: «да что ж это такое?» — Это он ее увидел — это поглощение себя в ничто. А уж ежели он ничего не нашел, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И уж верно не я и никто так не будет до последней минуты бороться с ней, как он. Дня за два я ему говорю: «нужно бы тебе судно в комнату поставить». «Нет, говорит, я слаб, но еще не так; еще мы поломаемся».

До последней минуты он не отдавался ей, всё сам делал, всё старался заниматься, писал, меня спрашивал о моих писаньях, советовал. Но всё это, мне казалось, он делал уже не по внутреннему стремленью, а по принципу. Одно, природа, — это осталось до конца. Накануне он пошел по..ать в свою спальню и упал от слабости на постель у открытого окна, я пришел. Он говорит со слезами в глазах: «Как я наслаждался теперь час целый». Из земли взят и в землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что там, в природе, которого часть сделаешься в земле, останется и найдется что-нибудь. — Все, кто знали и видели его последние минуты, говорят: «как удивительно

спокойно, тихо он умер», а я знаю, как страшно мучительно, потому что ни одно чувство не ускользнуло от меня. — Тысячу раз я говорю себе: «оставим мертвым хоронить мертвых», надо же куда-нибудь девать силы, которые ещё есть, но нельзя уговорить камень, чтобы он падал наверх, а не вниз, куда его тянет. Нельзя смеяться шутке, которая наскучила, нельзя есть, когда не хочется. К чему всё, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью подлости, лжи, самообманыванья, и кончатся ничтожеством, нулем для себя. — Забавная штучка. Будь полезен, будь добродетелен, будь счастлив, покуда жив, говорят века друг другу люди да мы, и счастье, и добродетель, и польза состоят в правде, а правда, которую я вынес из 32 лет, есть та, что положение, в которое нас поставил кто-то, есть самый ужасный обман и злодеяние, для которого бы мы не нашли слов (мы либералы), ежели бы человек поставил бы другого человека в это положенье. Хвалите Аллаха, Бога, Брамму. Такой благодетель. «Берите жизнь, какая она есть». «Не Бог, а вы сами поставили себя в это положенье». Как же! Я и беру жизнь, какова она есть, как самое пошлое, отвратительное и ложное состояние. А что поставил себя не я, в том доказательство, что мы столетия стараемся поверить, что это очень хорошо, но как только дойдет человек до высшей степени развития, перестает быть глуп, так ему ясно, что всё дичь, обман, и что правда, которую все-таки он любит лучше всего, что эта правда ужасна. Что как увидишь её хорошенько, ясно, так очнешься и с ужасом скажешь, как стоит: «Да что ж это такое?» Ну, разумеется, покуда есть желанье есть, сшь, [[2]] есть бессознательное, глупое желание знать и говорить правду, стараешься узнать и говорить. Это одно из мира морального, что у меня осталось, выше чего я не мог стать. Это одно я и буду делать, только не в форме вашего искусства. Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь. Я зиму проживу здесь по той причине, что я здесь, и всё равно жить, где бы то ни было.

Пишите мне, пожалуйста. Я вас люблю так же, как брат вас любил и помнил до последней минуты.

Впервые опубликовано с купюрами А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 50—51, и в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 350—351. Выпущенные места напечатаны Н. Н. Гусевым в журнале «Печать и революция», 1927, 6, стр. 58.

1860 г. Ноября середина. Гиер.

Chère tante!

Несколько дней тому назад мы получили ваше письмо в ответ на известие; я не тотчас отвечал, потому что нечего было. Мы все в Гиере. Машенька лечится, но здоровье и вид здесь скорее лучше, чем в России. Я живу здесь и думаю съездить в Париж, Лондон, после, но большую часть зимы проведу здесь. Дети здоровы и милы. Николиньку¹ Маша хотела всё отдать в пансион, но теперь раздумала, и хорошо, потому что, ежели летом она вернется в Россию, то не к чему, а при том новая гувернантка немочка очень старательная и хорошо смотрит за детьми. M-De Morel² заплатили уже и отказали с месяц тому назад, а она всё не уезжает, что для Машеньки неприятно, во-первых, потому что это расчет, а главное, потому что это путает детей, они не знают, кого слушаться. Что вы, chère tante; как ваше здоровье? Что вы не прогоните монаха,³ ежели он вам скучен? Что Сережа? Приедет ли он сюда? Мне теперь кажется, что лучше бы он сделал, ежели бы не приезжал. Тогда я сгоряча написал, звал его. А обдумав хорошенько, решил, что это совершенно бесполезно. Особенно в Иере я бы не желал его видеть. Мрачнее этого города ничего нельзя представить. Он набит безнадежными чахоточными больными, и каждый день умирают. — Другой листок передайте старосте.⁴ Прощайте, целую ваши руки. Пишите нам почаще и поподробнее. Княгиня Голицына не хороша и не молода, но отличная женщина. Она урожденная Дундуква (княжна), зовут ее Елена Александровна.

Датируется содержанием. Толстой отвечает на не дошедшее до нас письмо Т. А. Ергольской, являвшееся ответом на письмо Толстого от 20 сентября/2 октября и 24—25 сентября/ 6—7 октября 1860 г.

¹ Н. В. Толстой — сын М. Н. Толстой.

² См. прим. 4 к п. № 161.

³ Николай Сергеевич Воейков.

⁴ «Листка» старосте не сохранилось.

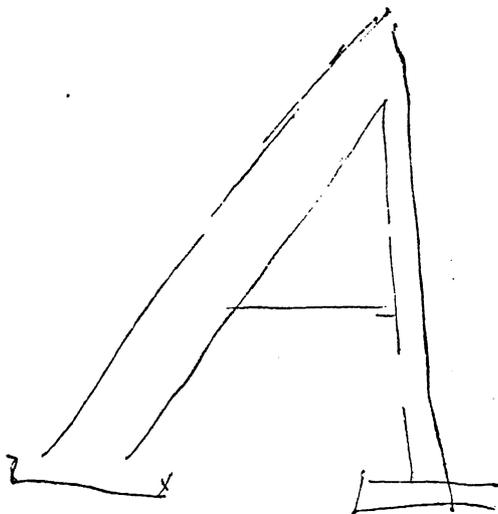
Вторая половина листа письма, адресованная, по всей вероятности, старосте, оторвана.

1860 г. Ноябрь 13/25? Гиер.

Благодарствуй за каталог и за письмо,¹ любезный друг. Всё прекрасно. Список журналов я сам составляю.² Душевно радуемся мы с сестрой, что жену твою мучали не напрасно. Бог даст, я увижу ее здоровой, а то уж это слишком бы было скверно.³ Я всё подумываю о поездке в Париж и Лондон, но кашель не проходит и задерживает меня. Машенька тебе очень кланяется, здоровье ее, кажется, получше, но едва ли она приедет в Париж. Чего ты, может быть, не знаешь и что мне хочется сказать тебе, это что [ты] — отличный человек и что ты только послушался своего сердца — приехал к нам, а ничего бы нельзя было выдумать для нас лучше. Я по Машеньке вижу и по себе чувствую, как ты — и никто бы другой не мог этого сделать — поднял нас. — Прощай, душа моя, всегда мысленно обнимаю тебя. —

Л. Толстой.

Ты любишь шляться. Зайди-ка когданибудь в гутаперчевый магазин и узнай, что будут стоять гутаперчевые буквы на заказ. Ты знаешь, я говорил с тобой про них. Вот такой величины.⁴

Дарье Александровне от души жму руку и желаю поправляться.

На четвертой странице:

Monsieur Dmitri Diakoff. Paris, 50. Rue neuve St. Augustine. ⁵

Впервые опубликовано (факсимиле) в Б. I, 1, стр. 377. Датируется содержанием и почтовыми штемпелями: «Huères 25 Nov. 1860; Huères 26 Nov. 1860; Paris 27 Nov. 1860» [«Гиер 25 ноября; 26 ноября; Париж 27 ноября 1860»].

Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891). Был женат первым браком на Дарье Александровне Тулубьевой (1830—1867).

Дьяков был приятелем Толстого с молодых лет. В примечании, при исправлении корректур своей биографии, составившейся Бирюковым, Толстой написал о дружбе Николеньки Иртеньева с Нехлюдовым: «Материал для этого описания дружбы дала мне позднейшая дружба с Дьяковым в первый год моего студенчества в Казани» (П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», т. I, Гиз, 1923, стр. 45). Кроме этого, Дьяков отчасти изображен в «Юности» в лице Дубкова. Дружба Толстого с Дьяковым не прерывалась до смерти Дьякова, несмотря на разницу их убеждений. В 1860-х гг., после женитьбы Льва Николаевича, Толстые и Дьяковы часто виделись друг с другом. См. о нем Илья Толстой, «Мои воспоминания», М. 1914, гл. V).

¹ Письмо Д. А. Дьякова не сохранилось.

² Вероятно, список педагогических журналов.

³ Дарье Александровне Дьяковой в Париже делали операцию.

⁴ Буквы азбуки для обучения грамоте.

⁵ [Господину Дмитрию Дьякову. Париж, 50. Новая улица св. Августина.]

187. Гр. А. А. Толстой.

1860 г. Ноября 25/декабря 6. Гиер.

6 декабря.

Не помню, любезный друг Alexandrine, отвечал ли я вам или нет на ваше письмо, во всяком случае пишу теперь еще раз. В Huères был престольный праздник и процессия, кажется, 25 ноября. Я пошел смотреть, и с равнодушной, но сосущей тоской смотрел на толпу и на статую, которую носили, и так гадко было их суеверие и комедия, и завидно было, что оно им весело-приятно. Тут же в толпе попался мне комиссьонер и дал ваше письмо; я стал его читать на ходу, но потом тяжело стало, зашел в дровяной сарай, сел на бревна, прочел его и ревел целый час, зачем и об чем, сам не знаю. Что я думал и чувствовал, не знаю; письмо ваше убедило меня в одном, что я вас очень

люблю, и когда я пошел за процессией, мне стало весело на душе от того, что и у меня было свое суеверие. Убедить человека может только жизнь, а не убеждения и, главное, несчастья. И вам расскажу еще когда-нибудь смерть брата и его последние минуты, и вы поймете, что сильнее этого ничто уже не может подействовать на душу. А все-таки единственное убеждение, которое я вынес из этого, то, что лучше его я не сумею прожить и еще менее умереть; а ему было тяжело страшно и жить и умереть. И больше ничего не знаю.

Это письмо, дописанное до сих пор, долго лежало; я пишу в другом расположении духа, но не отрекаюсь от сказанного. — Однако, желанье ваше читать Евангелие я исполню. У меня теперь нет его, но ваша хорошая знакомая Ольга Дундукова¹ обещала мне дать его. Она милая женщина, особенно потому для меня, что напоминает вас и любит.

Что сказать про себя? Вы знаете, верно, мое занятие школами с прошлого года. Совершенно искренно могу сказать, что это теперь один интерес, который привязывает меня к жизни. К несчастью, я нынешнюю зиму не могу им заниматься на деле и на месте, а только работаю для будущего.² Я простудился здесь осенью и вот три месяца не перестаю кашлять, так что не советуют зимой уезжать с юга. А как-то скучно и совестно жить здесь в каком-то вечном празднике, как живут путешественники. Или видишь каких-то порхающих бабочек или умирающих, безнадежно приговоренных людей, мимо которых прежде проходил равнодушно, но которые все мне теперь близки, точно родные, имеющие права на меня. — На этой неделе я еду в Ниццу и, может быть, в Италию на несколько дней, но едва ли выдержу один долго. Как-то странно кажется ехать куда-нибудь для своего удовольствия. — Прощайте; ежели захотите написать мне, то адресуйте всё в Нуёges. Весной надеюсь вас увидеть. Только будете ли вы в Петербурге? — Очень, очень кланяйтесь всем вашим.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 31.

¹ О. М. Дундукова-Корсакова была замужем за Н. Г. Регекамлф.

² В Гяере Толстым были написаны статьи о народном образовании. См. т. 8.

1860 г. Ноября 27/декабря 9. Гиер.

Chère tante! ¹

Только что собирался вам писать, как получил письмо, которое вы пишете Машеньке. Мы всё точно так же живем в Гиере, как и прежде. Вы не слова не пишете о Сереже. Что он, где он? Он своим молчанием меня очень стесняет. Я не могу ни на что решиться, не зная его намерений. Я всё боюсь с ним раз-ехаться. Признаюсь, что праздная жизнь здесь начинает мне становиться невыносима, и хочется поскорее объехать те места, которые мне нужно посмотреть для своих школьных занятий, и вернуться. До сих пор, кроме Сережи, меня здесь задерживал кашель простудный, который теперь совсем прошел, и я жду только письма или известия от Сережи, чтобы ехать. Я уже писал вам и опять пишу с тем, чтобы вы прочли ему, что я ему советовал в первом письме ехать, ² а теперь отрекаюсь от этих советов и скорее пишу противное. Здоровье Машенькино и так и сяк — дети здоровы. Я писал отсюда Валериану, ³ но не получал ответа. Пришли и помешали мне писать — целую ваши руки, напишу подробнее другой раз. — Велите старосте писать мне каждую неделю и самым подробным образом. — И еще, пожалуйста, пришлите мне мои бумаги, которые оставались на столе в корке «Кавказской роман». ⁴ Я просил об этом Сережу, но он забыл, должно быть, а теперь мне это очень нужно. Одно — я боюсь, чтобы это не пропало какнибудь, поэтому надо просить Иван Ивановича ⁵ подробно узнать как и что. Ежели же это будет стоить дорого, рублей 10, то это ничего. — Адрес мой всегда в Нуёрес, ⁶ ежели я и решусь ехать куданибудь, то опять вернусь в Нуёрес ⁶ и в Россию поеду уже не иначе как отсюда.

Л. Толстой.

9 Декабря н. с.

¹ [Дорогая тетенька!]

² См. письмо № 181.

³ Письмо Толстого к В. П. Толстому неизвестно.

⁴ Во время своего пребывания в Гиере Толстой возобновил оставленную им почти на целый год работу над повестью «Казаки» (см. подробней историю написания «Казаков» т. 6).

⁵ Иван Иванович Сахаров — переписчик Толстого.

⁶ [Гиер.]

189. Т. А. Ергольской.

1860 г. Ноября 29/декабря 11. Париж.

Chère tante!

Je vous écris quelques mots profitant de ce[t] petit reste de papier.¹ Il n'y a pas une semaine, que je vous [ai] écrits une longue lettre.² Je ne sais rien sur Serge, cela m'inquiète et me dérange beaucoup. Je l'ai attendu ici pendant plus de deux mois, mais à présent je suis décidé à partir. Si je commence à présent je n'aurais que le temps de faire toute la tournée que j'ai l'intention de faire avant le printemps pendant lequel je reviendrais absolument en Russie. C'est pour cela que je me fais envoyer de l'argent. Marie est toujours, ou se dit toujours malade vous savez que je suis incrédule pour les maladies de nerfs, les enfants sont très bien, la nouvelle gouvernante l'Allemande est très bien. Moi je me trouve très bien ici. La Pr. Galitzine ses deux nièces, son neveu ³ un M-r Norroff ⁴ et encore quelques personnes forment une société intime et agréable. Mais je commence à avoir le mal du pays et c'est pour cela que je veux commencer à présent mes voyages pour les finir plutôt. — Je crains beaucoup pour l'école, chère tante, qu'on ne me gâte pas ma réputation et que je n'aie à recommencer en revenant. En lisant votre lettre à Marie où vous parlez d'Алексее Григор[ьевиче]⁵ je me suis dit qu'il faudrait le prendre pour l'école. Si vous le voyez dites lui que si sa place lui déplaît, je voudrais l'avoir. J'espère aussi en M-me Auerbach⁶ qui viendra voir un peu l'école. Adieu, je baise vos mains. Ecrivez moi de Serge. J'ai le pressentiment, что мы с ним разъедемся.

На конверте:

Russie.

Mademoiselle Iergolsky.

Ее Высокоблагородию

Толуа⁷

Татьяне Александровне

Ергольской.

В Тулу.

Дорогая тетенька!

Пишу вам несколько слов, пользуясь остатком этого листа.¹ Еще пет недели, как я напсал вам длинное письмо. ² Ничего не знаю о Серее; это меня очень беспокоит и расстраивает. Прождал его здесь более двух месяцев, но теперь решил уезжать. Выехав сейчас, я едва успею

объехать то, что наметил себе до весны; а весной я непременно вернусь в Россию. Поэтому я выписываю деньги. Машенька всё болеет или считает себя больной, вы знаете, что я недоверчиво отношусь к нервным болезням. Дети хороши; новая гувернантка — немка — очень хороша. Мне здесь хорошо. Кн. Голицына, ее две племянницы, племянник,³ некто Норов⁴ и еще несколько человек составляют наш приятный интимный кружок. Но я стал испытывать тоску по родине; поэтому-то я и хочу сейчас начать свое путешествие, чтобы скорее его закончить. — Боюсь очень за школу, милая тетенька, чтобы мне не испортили репутации и чтобы, вернувшись, не начинать всё снова. Читая ваше письмо к Машеньке, где вы говорите об Алексее Григор[ьевиче],⁵ у меня возникла мысль взять его в школу. Ежели вы его увидите и ежели он недоволен своим местом, скажите ему, что я пригласил бы его. Надеюсь на г-жу Ауэрбах,⁶ что она будет заглядывать в школу. Прощайте, целую ваши ручки. Напишите мне о Сереже. Предчувствую, что мы с ним разведемся.

Дата определяется почтовым штемпелем.

На конверте рукой Т. А. Ергольской помечено: *«Получила 16-го декабря в пятницу»*.

¹ Судя по содержанию, можно предполагать, что первая часть письма была адресована старосте. Письмо это не сохранилось.

² См. п. № 185.

³ Дети брата Е. А. Голицыной — кн. Михаила Александровича Дондукова-Корсакова (1792(?) — 1869) — Надежда Михайловна (ум. в 1915), Ольга Михайловна и Алексей Михайлович (1822—1894) — член Смоленского окружного суда; позднее директор попечительного о тюрьмах комитета, камергер.

⁴ Авраам Сергеевич Норов (1795—1869), бывший в 1850—1854 гг. товарищем министра, а в 1854—1858 гг. — министром народного просвещения.

⁵ В письме к М. Н. Толстой от 13 ноября 1860 г. Т. А. Ергольская писала: «В день Лизиных именин я была приятно удивлена посещением Александра Григорьевича, чего я вовсе не ожидала...» Кто Алексей Григорьевич, не установлено.

⁶ Ю. Ф. Ауэрбах.

⁷ [Россия. Госпоже Ергольской. Тула]

* 190. Гр. С. Н. Толстому.

1861 г. Февраля 17/марта 1. Париж.

Пишу тебе две строчки из кафе перед отъездом в Лондон. Ежели бы писать всё, то надо бы два тома. Получил я твое 2-е письмо¹ здесь, а первое искало меня везде по Италии и так где-то и застряло. Коли бы знал, как мне завидно тебе стало, прочтя твое письмо, но не могу еще сейчас вернуться. Остается неделя в Лондоне, недели 2 в Брюсселе и Германии и неделя в Петербурге. Ты увидишь Дьякова,² к[оторый] хотел заехать, и он тебе порасскажет про меня, как сумеет. Груды³ наши ни хороши ни худы и зависят от нас самих в наши года. Один доктор весьма умно мне сказал, когда я говорил, что 2 брата потерял чахоткой, *raison de plus pour que vous n'en mouriez pas.*⁴ Против закона вероятия. Я бы рад был, ежели бы тебе это так же показалось справедливо, как мне. А тебе, я боюсь, нужно подбодриться. Я иногда думаю, что я тебя подбодрю, а иногда боюсь, что ты меня опустишь. Во всяком случае жду не дождусь, когда я приеду в Ясную и застаю твою красную подушку на рундуке. Недавно с Турген[евым] и Чич[ериным] мы беседовали о бессмертии души, и Тург[енев] цитировал свою [?] теорию света в светилах, и не вышло. Ежели ты говоришь про меня, что зачем он там ездит и себя уверяет, что какое то дело есть, то напрасно. Я так втянулся, что мне уж дело стало привычкой. А теперь моя главная цель в путешествии та, чтобы никто не смел мне в России указывать по педагогии на чужие края, и чтобы быть au niveau⁵ всего, что сделано по этой части. —

По письмам, полученным от старосты,⁶ я вижу, что в Ясной хаос и воровство — кто сколько захватит — идут страшные.

Притворись немножко, что ты занимаешься. Хоть бы до моего приезда не всё украли и погубили. Уж он, не говоря о том, что с прискорбием извещает, что денег нет, хотя я гроша медного не брал и что машина не *молоте* — хочет скотину продавать, будто бы кроме нет. Сделай, чтобы немного поддержать всё до моего приезда. И главное, чтобы *отдать деньги Ауэрбаху*⁷ и ничего до весны не продавать скотины. — Прощай, целую руки у тетенок.⁸ Завтра поздравляю тебя с моими именинами, послезавтра с именинами всех крепостных.⁹ Говорят наверно. —

На конверте:

Russie (Toula). Monsieur Tolstoy.¹⁰

Его Сиятельству Графу Сергею Николаевичу Толстому.
В Тулу.

Дата устанавливается словами письма: «Завтра поздравляю тебя с моими именинами». Толстой был именинник 18 февраля.

¹ Письмо С. Н. Толстого от 22 января (ст. ст.) 1861 г.

² Д. А. Дьяков.

³ С. П. Толстой в своем письме, обращенном к Л. Н. и М. Н. Толстым, спрашивал: «Что ваши груди? Прошел ли твой кашель, Левочка?»

⁴ [большее основание, что вы от этого не умрете.]

⁵ [на уровне]

⁶ Письма яснополянского старосты неизвестны.

⁷ Г. А. Ауэрбах.

⁸ Т. А. Ергольская и П. И. Юшкова.

⁹ Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.

¹⁰ [Россия (Тула). Господину Толстому.]

* 191. Гр. С. Н. Толстому.

1861 г. Февраля 25/марта 9. Лондон.

9 Марта. Лондон.

Я с неделю тому назад приехал в Лондон, где мне пропасть дела, и со дня моего приезда мучаюсь зубами, как давно не мучался — должно быть, нарыв где-нибудь. Так что во всю эту неделю я не пересмотрел и не перечитал того, что бы я сделал в день, ежели бы был здоров. Остальное мое здоровье хорошо, т. е. как может быть хорошо с бессонными ночами

и жаром. — И в Париже я пробыл дольше, чем думал,¹ и в Лондоне еще дольше. Всё это делает, что я с моими деньгами не доеду, не говоря уж о книгах и инструментах, которые я покупаю. Потому распорядись пожалуйста выслать мне сколько можно денег — не менее 500 и не более 1000 р. и поскорее пожалуйста. По последним письмам из Ясной я вижу, что там ничего нет, потому ссуди, ежели у тебя есть, или займи у Капылова² или Ауэрбаха.³ Весной я расплачусь продажей лошадей и леса, которую я намерен сделать. Деньги вышли, т. е. адресуй в Брюссель в Посольство для передачи мне. — Ежели бы не зубы — и теперь рвут и ноют, что мочи нет — много бы было здесь приятно. Sirecourt,⁴ муж Хлюстиной,⁵ дал мне рекомендательные письма, которые меня ввели в самый центр аристократического и литературного круга, так что интересно многое; но теперь всё противно. Целуй руки у тетенек. Прощай, напиши мне в Брюссель поподробнее и напиши тотчас же, прежде отсылки, можешь ли, нет ли, как и сколько, с тем чтобы, не дождавшись твоего письма, я мог там занять, дав доверенность на получение тех денег, которые ты вышлешь. — Третьего дня, 6 Марта, я видел о тебе сон, который по моему суеверию означает, что в этот день с тобой что-нибудь случилось. Только хорошее или дурное? вот это то хочется знать. —

На конверте:

Russie. Monsieur Tolstoy. Toula.⁶ Его Сиятельству Графу Сергею Николаевичу Толстому. В Тулу.

¹ Толстой приехал в Париж за несколько дней до 15 (27) февраля 1861 г. См. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 15 (27) февраля 1861 г. (П. Анненков, «Литературные воспоминания», Спб. 1909, стр. 533—534). На другой день, 16 (28) февраля, Тургенев писал гр. Е. Е. Ламберт: «Здесь был проездом Лев Толстой, писатель» («Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт», стр. 113).

² Копылов — тульский купец, которому Толстой продавал лес. См. т. 59.

³ Г. А. Ауэрбах.

⁴ Граф Адольф де Сиркур (1801—1879), муж А. С. Хлюстиной.

⁵ Анастасия Семеновна Хлюстина (1813—1863) — троюродная сестра Толстого, племянница Ф. И. Толстого-американца. Вращалась в литературных кругах. В бытность в Италии часто видалась с Мицкевичем. Живя в Париже, имела салон.

⁶ См. прим. 10 к п. № 190.

* 192. Е. П. Ковалевскому.

1861 г. Марта 5/17. Лондон.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивейший Государь
Евграф Петрович!

Любезное позволение Ваше адресовать из Нью-Йорка школьные книги на Ваше имя ¹ дает мне смелость при отсылке книг теперь из Франции и Англии поступить таким же образом.

Может быть, поступок мой неприличен, и я вперед прошу у Вас за него прощения. Одно, что успокоивает меня, это то, что дело, для которого мне нужны книги — льщу себя надеждой — будет полезно не для одного меня, и то, что эти посылки не причинят Вам более беспокойства, как приказание сохранить их в Министерстве до моего приезда. —

Через месяц, надеюсь лично благодарить Вас за Ваше ко мне снисхождение; теперь же с истинным и глубоким чувством уважения и преданности, имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнейший слуга

Гр. Л. Толстой.

Лондон. 5 Марта.

Печатается по автографу, хранящемуся в Центрархиве в деле № 158 (на 5 листах). В верхнем углу помета карандашом: «1 мар. 1861», в правом чернилами: «10 апреля 1861, Цен.», внизу первой страницы той же рукой чернилами: «№ 524 Испол. 19 апр.».

¹ См. письмо Толстого от 13—25 августа 1860 г. из Киссингена и ответ на него Е. П. Ковалевского от 26 августа 1860 г. (п. № 178).

Первый ящик с книгами на имя Е. П. Ковалевского Толстой поручил отправить Б. Н. Чичерину, который сообщал ему из Парижа 4 марта 1861 г.: «Ящик твой отправляю в Петербург. Прудона вынул, но нашел только 9 études [этюдов], а это не всё. Ты в ящик положил ягдташ с дробью, вероятно для прибавления веса, и с капсулями, за которые можно было заплатить 500 фр. штрафу. Последние я вынул». Об отправке второго ящика с книгами на имя Ковалевского Чичерин писал Толстому от 9 марта 1861 г. Третий ящик был послан Чичеринным с Иваном Петровичем Колошиным, служащим в Министерстве иностранных дел (в 1870-х гг. был посланником в Бадене), о чем сообщал в письме от 22 марта 1861 г. (см. ПТТ, стр. 283—285).

В не дошедшем до нас письме Толстой просил Чичерина выслать ему книги по философии, педагогии и другие (в том числе французского философа Виктора Кузена (1792—1867) и французского социолога Фредерика

Ле-Пля (Le Play) (1806—1882). К этому времени вышли его крупнейшие работы: «Les ouvriers européens» («Европейские рабочие») и «Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée» («Путешествие в южную Россию и в Крым»).

Письма Чичерина к Толстому см. в сборнике ПТТ, №№ 12 и 15.

193. А. И. Герцену.

1861 г. Марта 8/20. Брюссель.

20 Марта 1861.

Чувствую потребность написать вам словечко, хотя собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович. Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас, и что, несмотря на то, что вы все искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям, мне весело думать, что вы такой, какой есть, т. е. способный сбежать за микстурой для Тимашева¹ и вследствие того способный написать то, что вы написали. Дай-то Бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды. Всё возможно в наше время; хотя я и возможность эту понимаю иначе, чем вы. Тесье² вам сказал, верно, что я уехал только вечером и не успел зайти к вам, что бы мне даже нужно было сделать для письма Прудону.³ Тесье милый человек, но как он невыносимо льстит в глаза. Я пробыл с ним долго, но не знаю его, такого он напустил льстивого дыма — чаду, что ничего разобрать нельзя. Как-то сошла ваша иллюминация? ⁴ Здесь же, к удивлению моему, старые русские, как князь Дундук,⁵ похваляют государя за его твердость. Влияние совершившегося факта будет страшно сильно. Все будут либералы теперь, когда интересы будут наткаться только на стеснения, а не поддерживаться ими.

(Моннаи).

Я буду здесь, должно быть, около недели, ожидая писем и посылок из Лондона, Парижа и России. Если захотите написать мне, то адресуйте в Hôtel d'Angleterre, Place Monnai.⁶

Жму руку всем вашим. Всё я хотел спросить у вас, что за человек ваша непонятная англичано-ненавистница гувернантка; и не успел. Вы к ней привыкли, а она престранная. Николай Платонычу крепко жму руку и имею честь донести по его части, что вчера, слушая Фауста Гуно, испытал весьма сильное и глубокое впечатление, хотя не мог разобрать, произведено ли оно было музыкой или этой величайшей в мире драмой, которая

осталась так велика даже в переделке французского либрето. Но музыка в самом деле не дурна.

Толстой.

Александр Иванович Герцен (1812—1870).

Все три письма Толстого к Герцену (№№ 193, 195 и 197) впервые опубликованы Н. Н. Гусевым по фотокопиям в статье «Толстой и Герцен», «Литературное наследство», № 41—42, изд. Академии наук СССР, М. 1941, стр. 494—495, 496—497 и 498, 503.

Толстой лично познакомился с Александром Ивановичем Герценом, посетив его в Лондоне в первых числах марта (по н. с.) 1861 г.

До своего отъезда 16 марта (н. с.) из Лондона, где в то время жил Герцен, Толстой постоянно виделся с Герценом и, как видно по публикуемым письмам и другим материалам, вел с ним оживленные беседы. Обоих писателей особенно волновали вопросы освобождения крестьян, поднятые в связи с только что опубликованным манифестом 19 февраля 1861 г.

О Толстом и Герцене подробнее см. в статье Н. Н. Гусева в № 41—42 «Литературного наследства».

¹ Под «микстурой для Тимашева» Толстой подразумевает статью Герцена в новогоднем, за 1861 г., номере «Колокола», написанную по поводу приехавшего в Лондон шефа жандармов и начальника III отделения генерала Александра Егоровича Тимашева (1818—1893). По возвращении своем из-за границы Тимашев был с понижением переведен в Пермь на должность генерал-губернатора. Впоследствии (1868—1877) был министром внутренних дел.

² Мари-Эдмон Тесье дю Моттэ — французский ученый, участник февральской революции, друг Герцена.

³ Пьер-Жозеф Прудон (1809—1865) — французский экономист, теоретик анархизма. Герцен подготовил рекомендательное письмо для Толстого, но так как Толстой не зашел перед своим отъездом за письмом, Герцен отправил письмо по почте. О свидании своем с Прудоном и их разговоре, в котором Прудон говорил: «вам, русским, принадлежит будущность», Толстой писал в своей статье «О значении народного образования». См. т. 8, стр. 405.

⁴ Под «иллюминацией» Толстой подразумевал затеваемый Герценом торжественный банкет по случаю освобождения крестьян в России.

⁵ Кн. М. А. Дондуков-Корсаков. См. п. № 198.

⁶ [Английская гостиница. Монетная площадь.]

* 194. Гр. С. Н. Толстому.

1861 г. Марта 12/24. Брюссель.

24 Марта. Брюссель.

Каждый день я пишу письма всем, исключая тебе, именно от того, что слишком много нужно сказать и что на письменном языке не умею сказать всё, что бы хотел. Впечатлений Рима,

Парижа, Лондона и людей, к[оторых] видел миллионы, но как и к чему писать, когда через 3 недели думаю видеть тебя. Я с неделю уже живу в Брюсселе, ожидаю ответа на мое письмо из Лондона и «вложения», но дальше 18/30 дожидаться не стану и, заняв деньги, еду; поэтому отвечай пожалуйста в Дрезден (post restante),¹ отвечай именно хоть вкратце на следующие вопросы: 1) Здоровье твое, как и каковы твои мысли о здоровье? 2) Что Эмансипация?² Как ее приняли мужики и как землю наделяют? Я тебе не писал еще, кажется, что я возвращаюсь с планом издания журнала при школе Ясной Поляны и что в Петербурге я беру разрешение и начинаю тотчас по приезде.³ —

Ты, должно быть, видел Дьякова, он тебе рассказал, что и как. Мое же здоровье ничего. Т. е., исключая громового удара и т. п., зависит от меня самого, равно и твое. С Тургеневым я, к удовольствию моему, кажется сошелся, и эти мальчики в глазах перестали бегать. В Лондоне я пробыл всего 20 дней и был в тумане и в положительном и в переносном смысле от нездоровья и пропасти дел, которые нужно было сделать. Здесь я, напротив, живу очень тихо, это уездный городок в сравнении с Лондоном и здесь у меня знакомые Дундуковы, старик, старуха,⁴ две больные дочери⁵ и одна 15 лет,⁶ стало быть ничего нет по части Гименея. Впрочем по этой части уж очень плоха надежда, так как последние зубы поломались. Но дух бодр. Особенно нынче, окно отворено, и просто летний жаркий день. С Машенькой я регулярно переписываюсь, у ней, кажется, всё благополучно, исключая ее планов отдать Николенку⁷ в Париж к брату ее гувернантки. Но план этот рушился. Вообще она так приплась к кн. Голицыной, к[оторая] там, что лучше требовать нельзя. Это еще говорил Николинка.⁸ Если бы летом они поехали вместе на воды, это бы было превосходно. — Прощай, напиши пожалуйста и в Дрезден и в Петербург (Давыдову).⁹

Je vous baise les mains, chère tante, et vous prie de me pardonner si je ne vous écris pas aujourd'hui, mais vous saurez tout d'après la lettre de Serge. Si vous m'écriviez un mot à Dresde vous me feriez un grand plaisir. Comment allez vous et comment vont toutes les choses¹⁰ à Ясная. Как вы помирились с эмансипацией? И не правда ли, что ничего страшного нет. Tante Pauline¹¹ целую руки.

На конверте:

Russie Toula.¹² Его Сиятельству Графу Сергею Николаевичу Толстому. В Тулу.

¹ [до востребования]

² Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.

³ Педагогический журнал «Ясная Поляна» Толстой начал издавать с января 1862 г.

⁴ Михаил Александрович и Мария Никитична Дондуковы-Корсаковы.

⁵ Кж. Софья Михайловна и Ольга (или Мария) Михайловна Дондуковы-Корсаковы.

⁶ Надежда Михайловна Дондукова-Корсакова.

⁷ Николай Валерьянович Толстой.

⁸ Умерший брат Толстого Николай Николаевич.

⁹ Книгопродавец в Петербурге.

¹⁰ [Целую ваши ручки, дорогая тетенька, и прошу вас простить мне, что я не пишу вам сегодня, но вы узнаете всё из письма к Сереже. Если бы вы написали мне словечко в Дрезден, вы сделали бы мне большое удовольствие. Как вы поживаете и как идут дела]

¹¹ [Тетушке Полине]

На письмо Толстого С. Н. Толстой отвечал 23 марта.

¹² [Россия Тула.]

195. А. И. Герцену.

1861 г. Марта 14/16. Брюссель.

Только что собирался вам писать, любезный Александр Иванович, как получил ваше письмо.¹ Писать же собирался вам о Полярн[ой] Зв[езде], к[оторую] теперь только прочел всю как следует. Превосходная вся эта книга,² это не мое одно мнение, но всех, кого я только видел. Вы всё говорите — «полемику давайте». Какую полемику? Ваша статья об Овене, увы! слишком, слишком близка моему сердцу.³ Правда — quand m^eme,⁴ что в наше время возможно только для жителя Сатурна, слетевшего на землю, или Русского человека. Много есть людей, и русских 99/100, к[оторые] от^а страху не поверят вашей мысли (и в скобках буде сказано, что им весьма удобно, благодаря слишком легкому тону вашей статьи. Вы как будто обращаетесь только к умным и смелым людям). Эти люди, т. е. не умные и не смелые, скажут, что лучше молчать, когда пришел к таким результатам, т. е. к тому, что такой результат показывает, что путь был не верен. И вы немного даете право им сказать это — тем, что на место разбитых кумиров ставите

самую жизнь, произвол, узор жизни, как вы говорите. На место огромных надежд бессмертия, вечного совершенствования, исторических законов и т. п., этот узор ничто — пуговка на месте колосса. Так лучше бы было не давать им этого права. Ничего на место. — Ничего, исключая той силы, которая свалила колоссов. —

Кроме того, эти люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не останавливаясь.

Вы говорите, я не знаю России. Нет, знаю свою субъективную Россию,⁵ глядя на нее с своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рылеева⁶ может быть в 25 году. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого. —

Как вам понравился манифест?⁷ Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. — Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний.

Кроме общего интереса, вы не можете себе представить, как мне интересны все сведенья о декабристах в «П[олярной] Э[везде]». — Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел. — Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгой и несколько идеальной взгляд к новой России.⁸ — Скажите пожалуйста, что вы думаете о приличии и своевременности такого сюжета. Тургеневу, кот[орому] я читал начало, понравились первые главы. —

Кланяюсь всему вашему милому (по правилу Тесье и по собственному размышлению) орсетскому подворью⁹ и посылаю вам и Огареву обещанные карточки,¹⁰ ожидая в замен ваших. —

Л. Толстой.

26 Марта. —

Пожалуйста, ежели вам не хочется, не отвечайте мне. Мне просто хотелось болтать с вами, а не вызывать на переписку знаменитого изгнанника. Вздумается, напишите строчку. Главное, боюсь быть indiscret ¹¹ с вашим временем.

¹ Письмо Герцена к Толстому не сохранилось.

² Шестая книжка «Полярной звезды» за 1861 г., где напечатаны материалы о декабристах, о Пушкине и глава из «Былого и дум».

³ Глава IX из т. 4 «Былого и дум» — «Роберт Оуэн».

⁴ [всмотра на то,]

⁵ «Субъективной Россией» Толстой называл русский народ.

⁶ Кондратий Федорович Рылеев (1795—1826) — поэт, один из главных деятелей восстания декабристов 1825 г.

⁷ Манифест 19 февраля 1861 г.

⁸ Из этого письма можно установить, что роман «Декабристы» был начат Толстым в ноябре — декабре 1860 г. и первые главы его уже тогда Толстой читал Тургеневу. Видимо, «Декабристы» были начаты вскоре после личного знакомства Толстого с вернувшимся из ссылки декабристом С. Г. Волконским во Флоренции на обеде у кн. Н. А. Долгорукова. См. об этом А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», 4, М. 1922, стр. 126—127.

⁹ Так Толстой называет дом «Orsett House», в котором жил Герцен в Лондоне.

¹⁰ Герцен послал Толстому фотографическую карточку свою и Огарева. Она хранится в музее-усадьбе Ясная Поляна; воспроизведена на стр. 514 № 41—42 «Литературного наследства».

¹¹ [нескромным]

* 196. Гр. С. Н. Толстому.

1861 г. Марта 17/29. Брюссель.

29 Марта.

Пришли мне пожалуйста как можно скорее дагеротипный портрет Николиньки в Брюссель на имя:

Bruxelles. Monsieur Geefs (sculpteur) Searbeck. ¹

Я заказал здесь бюст Николиньки, и ему нужен портрет для работы. — Портрет, разумеется, он возвратит в целости. —

Я здоров, веду скромную жизнь, занимаюсь, целую ручки тетинек и тебе. Прощай.

Л. Толстой.

Год определяется содержанием: в марте 1861 г. скульптору Гифсу в Брюсселе Толстой заказал бюст покойного брата Н. Н. Толстого.

¹ [Брюссель. Господину Гифсу (скульптору). Сербек.] Виллем Гифс (1806—1883) — бельгийский скульптор.

С лица Н. Н. Толстого после его смерти была снята гипсовая маска, и, пользуясь ею, Толстой хотел заказать бюст покойного брата. Первоначально Толстой обратился за помощью к Б. Н. Чичерину, на что последний ответил письмом из Парижа от 4 марта 1861 г.: «Любезный друг, я справлялся насчет бюста у своего приятеля, живописца Рegin. Он мне советует отнюдь не брать этого на себя, потому что тут необходимо руководство кого-либо из членов семейства, который бы хорошо знал форму головы и с любовью входил бы во все подробности. Маска дает только переднюю часть лица, но для бюста этого недостаточно. Стало быть, тебе необходимо велеть это сделать при себе» (ПТТ, стр. 283—284).

Не получив ответа, Б. Н. Чичерин 9 марта снова писал Толстому (там же, стр. 284—285).

Наблюдение за работой было поручено кн. М. А. Дондукову-Корсакову.

Гифсом были выполнены два бюста Н. Н. Толстого, один в мраморе (высота 46 см.), другой в гипсе (высота 23 см.), о чем скульптор извещал М. А. Дондукова-Корсакова письмом от 12/24 августа 1861 г. Оба бюста находятся в яснополянском доме Толстого.

197. А. И. Герцену.

1861 г. Апреля 9. Франкфурт-на-Майне.

В тот самый день, как я получил ваше письмо, ¹ любезный Александр Иванович, я получил письмо от Тургенева, ² обещавшего через два дня приехать в Брюссель. Tremendous light sir ³ и т. д. и меня так пленило, что я намеревался по приезде Тургенева предложить ему съездить на ваш пир. Но приезд этот, к несчастью, не последовал по случаю кашля и наклеенной мушки, над которой я не могу смеяться, ибо сам в то время был оклеен мушками. — Потом почему-то два или три письма, в которых я писал к вам про Лелевеля ⁴ и про впечатление, произведенное им на меня, я разорвал. — Теперь, чтобы не случилось того же, не буду писать и про это. Пишу только, чтобы вас поблагодарить за Колокол и добрый совет о романе. ⁵ За слишком лестное мнение о мне не благодарю. Оно вредно. Огарева воспоминания ⁶ я читал с наслаждением и очень был горд тем, что, не зная ни одного декабриста, чутьем угадал свойственный этим людям христианский мистицизм. Из брабантских кружков я вчера вырвался и нынче ночью в Ейзенахе, день в Иене, 2 дня в Дрездене и в Варшаву, которая всё больше

и больше интересуется меня. Ежели найду случай, напишу вам из Варшавы. Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, ⁷ в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они верно знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что всё это «господа» делают. Кланяюсь вашей дочери, ⁸ Николай Платон[ычу] и его жене, ⁹ и вам дружески жму руку, надеясь так или иначе до свиданья.

Ежели захотите мне прислать что-нибудь в скором времени, то в Дрезден *poste restante*, а то через Киссена.

Л. Толстой.

9 Апреля.

Франкфурт.

¹ Письмо Герцена не сохранилось.

² От 4 апреля (н. с.) 1861 г., см. ТТП, стр. 60.

³ Буквально — «потрясающее освещение» — «иллюминация», см. прим. 4 к п. № 193.

⁴ Иоахим Лелевель (1786—1861) — польский революционный демократ, профессор-историк.

⁵ О романе Толстого «Декабристы» см. письмо № 195.

⁶ «Кавказские воды», в шестой книге «Полярная звезда» за 1861 г.

⁷ Известно лишь одно из тех писем, о которых пишет Толстой Герцену, — письмо брата Толстого Сергея Николаевича от 12 марта 1861 г.

⁸ Наталия Александровна Герцен.

⁹ Николай Платонович Огарев (1813—1877) и Наталия Александровна Огарева, рожд. Тучкова (1829—1913).

* 198. Кн. А. Н. Дондуковой-Корсаковой. *Неотправленное.*
1861 г. Марта 28/апреля 9. Франкфурт-на-Майне.

Т а й н а.

Я для того написал это слово, чтобы, ежели вам случится получить это письмо при Князе, ¹ вы бы не сказали ему от кого, не читав письма. Вот в чем дело, любезная Княгиня Аделаида Николаевна, и просьба моя к вам: есть новое Герценовское издание всех запрещенных в России стихов. ² Так как Князь любит иметь все новости, я боюсь, чтобы он не купил эту книгу, а в ней есть глупые ребяческие стихи Пушкина

на Князя Дундукова, хотя и не очень злые, но пошлые и насмешливые.³ Мне бы хотелось избежать этой неприятности для него и, зная вашу практичность и спокойствие, не говоря о других качествах, которые вы разделяете со всем семейством, я обращаюсь именно к вам. — Отвратите от него как-нибудь эту во всех отношениях мерзкую книгу, или вырвите этот листок, ежели он ее купит. —

Я благополучно и приятно доехал до Франкфурта и нынче еду ночевать в Ейзенах. Позволяю себе дружески жать вашу руку и надеюсь, что до свидания.

Л. Толстой.

9 Апреля.

Год определяется содержанием. Упоминаемое в этом письме «новое издание запрещенных в России стихов» вышло в 1861 г. Так как письмо сохранилось в архиве Толстого, то, вероятно, оно не было отправлено.

Аделаида Николаевна Дондукова-Корсакова, рожд. Окунева, — замужем за кн. Никитой Михайловичем Дондуковым-Корсаковым.

¹ Михаил Александрович Дондуков-Корсаков.

² Имеется в виду «Русская потаенная литература XIX столетия», отдел 1, стих. часть 1, с предисловием Н. Огарева, Лондон 1861.

³ Толстой разумеет известное стихотворение А. С. Пушкина «Князю Дондукову-Корсакову».

199. Т. А. Ергольской.

1861 г. Апреля 6/18. Дрезден.

Je viens de recevoir votre lettre¹, chère tante, ici à Dresden, où j'arrive ce matin. Je crois que vous avez dû recevoir plusieurs de mes lettres, et que vous êtes tranquillisée sur mon compte.² Je me porte bien et brule d'envie de retourner en Russie. Mais une fois en Europe et ne sachant quand j'y retournerai vous comprenez que j'ai voulu profiter autant que possible de mon voyage. Et je crois l'avoir fait. Je rapporte une si grande quantité d'impressions de connaissances que je devrais travailler longtemps, avant de pouvoir mettre tout cela en ordre dans ma tête. Je compte rester à Dresden jusqu'au 10/22 et pour Pâques dans tous les cas je me propose d'être à Ясное.³ D'ici si vers le 25 la navigation n'aura pas commencé j'irais par Varsovie à Pétersbourg, où il faut que je sois pour obtenir la permis-

sion pour le journal ⁴ que je compte rédiger à l'école de Ясное. Ecrivez moi je vous prie un môt à Pétersbourg (Давыдову, в книжный магазин, на Невском) et dites moi comment vous vous portez ainsi que tante Pauline (je lui baise les mains) et Serge et tout à Ясное, чтобы я мог с веселым и спокойным духом возвращаться. —

Adieu, je vous baise les mains. Я везу с собой немца из Университета учителя и прикащика, очень милого и образованного, но еще очень молодого и непрактического человека. ⁵

Л. Толстой.

18 Апреля.

Дрезден.

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.

Только что получил ваше письмо, ¹ дорогая тетенька, здесь в Дрездене, куда приехал сегодня утром. Думаю, что вы уже должны были получить несколько моих писем и успокоились относительно меня. ² Я здоров и скоро от нетерпения вернуться в Россию. Но, попав в Европу и не зная, когда снова попаду сюда, вы понимаете, что я всячески стараюсь как можно больше воспользоваться моим путешествием. И, кажется, мне это удалось. Я везу с собой столько впечатлений и столько знаний, что мне придется долго работать, чтобы уместить всё это в порядке в голове. В Дрездене рассчитываю пробыть до 10/2, а к Пасхе во всяком случае быть в Ясном. ³ Ежели к 25-му здесь не откроется навигация, я поеду через Варшаву в Петербург, где я должен быть для получения разрешения на журнал, ⁴ который собираюсь издавать в школе в Ясном. Черкните мне, пожалуйста, словечко в Петербург (Давыдову, в книжный магазин на Невском) о своем здоровье, о тете Полине (целую ее ручки), о Сереже и обо всем в Ясном, чтобы я мог с веселым и спокойным духом возвращаться. —

Прощайте, целую ваши ручки.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 394—395.

¹ Письмо Т. А. Ергольской от 11 февраля 1861 г., где она писала, что очень беспокоится, не получая писем Толстого.

² Эти письма не сохранились.

³ Толстой вернулся в Ясную Поляну в начале мая. Первый день пасхи в 1861 г. приходился на 23 апреля.

⁴ Журнал «Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым». Вышли №№ 1—12. Подробнее см. в т. 8.

⁵ Густав Федорович Келер. См. №№ 201 и 282.

1861 г. Апреля 6/18. Дрезден.

18 Апреля.

Дрезден.

Воспоминанье о нашей последней переписке и твои два письма, которые я нашел в Дрездене, ¹ заставили меня еще раз серьезно задуматься о наших отношениях. Мы *играли в дружбу*. Ее не может быть между двумя людьми, столь различными, как мы. Ты, может быть, умеешь примирять презренье к убеждениям человека с привязанностью к нему; а я не могу этого делать. — Мы же взаимно презираем склад ума и убеждения друг друга. Тебе кажется увлечением самолюбия и бедностью мысли те убеждения, которые приобретены не следованием курса и аккуратностью, а страданиями жизни и всей возможной для человека страстью к отысканию правды, мне кажутся сведения и классификации, запомненные из школы, детской игрушкой, неудовлетворяющей моей любви к правде; поэтому лучше нам разойтись и каждому идти своей дорогой, уважая друг друга, но не пытаясь войти в те близкие отношения, которые даются только единством догматов веры, т. е. тех оснований, которые уж не подлежат мысли. А эти основания у нас совершенно различны. И я не могу надеяться придти к твоим, потому что уж имел их. Не могу тоже надеяться, чтобы ты пришел к моим, потому что ты слишком далеко уж зашел по своей соблазнительной битой дороге. Тебе странно, как учить *грязных* ребят. Мне непонятно, как, уважая себя, можно писать о освобождении — статью. ² — Разве можно сказать в *статье* одну миллионную долю того, что знаешь и что нужно бы сказать, и хоть что-нибудь новое и хоть одну мысль справедливую, истинно *справедливую*. А посадить дерево можно и выучить плести лапти наверно можно. —

Это лучший пример различия наших существ.

Повторяю, мы можем уважать друг друга, интересоваться друг другом, дискутировать; но как только мы, как человек с человеком, попробуем сойтись — пучина между нами. — Я с своей стороны убежден в этом, как и в том, что и твой характер, и твоя деятельность, честные и искренние, никогда не перестанут интересоваться меня, и желал бы, чтобы ты с своей стороны удержал бы ко мне те же отношения. А то мы уж стары,

чтоб играть в чувства и заблуждаться. Прощай, жму тебе руку и жду с нетерпением твоего ответа в Петербург к Давыдову или в Тулу.

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 22—23. Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 6/18 и 7/19 апреля 1861 г. (т. 48). Судя по тому, что автограф письма сохранился в бумагах Толстого, письмо отправлено не было.

¹ «Последняя переписка» и два письма, найденные Толстым в Дрездене, включают в себя письма Чичерина из Парижа за март — апрель 1861 г. (напечатанные в сборнике ПТТ, стр. 283—291, №№ 9—16).

В последующих письмах Чичерин всячески просил Толстого не советовать на него и верить в дружбу, позволяющую говорить всё, что думаешь.

² В письме от 8 апреля (н. с.) Чичерин сообщал: «Дописываю статейку об освобождении крестьян, которую должен вручить завтра».

«Статейка» Чичерина — «L'abolition du servage en Russie» («Отмена крепостной зависимости в России»). Была напечатана в журнале «La critique française» [«Французская критика»].

201. Г. Ф. Келеру.

1861 г. Апрель 7/19 Дрезден.

Ich habe in Dresden den Herrn, den ich sehen wolte, nicht gefunden und ohnedem habe mich ents[c]hlossen in jedem Falle ueber Berlin (mit dem Dampfschiff oder mit der Eisenbahn ueber Königsberg) zu reisen. Ich schicke Ihnen also die 15 Tl., die Sie viel[l]eicht brauchen werden und bitte Sie direct nach Berlin zu kommen.¹ Wenn ich nicht vor Montag Zeit habe, Ihnen von Berlin zu schreiben um meine Adresse zu geben, so fragen Sie nach meiner Wohnung in der Russischen Gesandtschaft. Also auf Wi[e]rdersehen lieber Herr Kehler.

Wenn unglücklicher Weise etwas Sie noch abhalten konnte, so schreiben Sie es mir gleich. Ich glaube, wenn ich nicht einige Tage für das Dampfschiff warten muss, Dienstag abzureisen. — Übergeben Sie, ich bitte, Ihrer Frau Mutter, meinen freundlichen Gruss und versichern Sie, das ich für Ihre Gesundheit und Wohlsein, auf der Reise, so wie zu Hause, so viel als möglich sorgen werde.²

G. L. Tolstoy.

19 April.

Я не нашел в Дрездене того господина, которого я хотел видеть, и, кроме того, я решил во всяком случае ехать через Берлин (пароходом или железной дорогой через Кенигсберг). Итак, я посылаю вам 15 талеров, которые вам, быть может, понадобятся, и прошу вас приехать прямо в Берлин.¹ Если до понедельника у меня не будет времени написать вам из Берлина, чтобы сообщить мой адрес, то спросите о моем местожительстве в русском посольстве. Итак, до свидания, милый господин Келер.

Если вас, к несчастью, что-либо еще могло бы задержать, то напишите мне тотчас же. Если мне не придется несколько дней ждать парохода, я предполагаю выехать во вторник. Передайте, пожалуйста, вашей матушке мой дружеский привет и заверьте ее, что я позабочусь, как только смогу, о вашем здоровье и благополучии как во время путешествия, так и дома.²

Гр. Л. Толстой.

19 апреля.

¹ Густав Федорович Келер (см. № 282) приехал в Берлин 10/22 апреля, о чем Толстой отметил в своем Дневнике (т. 48), и вместе с Толстым отправился в тот же день в Россию.

² 5/17 апреля в Веймаре Толстой выдался с матерью Г. Ф. Келера и записал в Дневнике: «Потом... Келер с матерью. Увидав ее, я понял, что ответственность я на себя беру, увозя его» (т. 48).

* 202. Неизвестному. Неотправленное.

1861 г. Март — апрель.

Любезный друг!

Я теперь почти кончаю мое путешествие по школам Европы — часть Германии, Франция, Англия, Италия, Бельгия — уже осмотрены мною¹ — и мне страшно дать не только тебе и педагогическому миру — но страшно самому себе дать отчет в том убеждении, к которому я приведен всем виденным. <Я не могу высказать прямо это убеждение, ты бы засмеялся и перестал читать дальше. Я должен приготовить тебя. — Начал я свое путешествие с деревенских школ в Германии. В Насауском,² в Дармштатском,³ в Саксен Мейнингемском,⁴ где особенно славятся школы, и нашел везде одно и то же с малыми изменениями. Вот> Heraus damit.⁵ Вот оно. Только мы, русские варвары, не знаем, колеблемся и ищем разрешения вопросов о будущем человека и лучших путях образования, в Европе же эти вопросы решенные и, что замечательнее всего, разрешенные на 1000 различных ладов. В Европе знают не только законы будущего развития человека, знают пути, по которым

оно пойдет, знают, в чем может осуществиться счастье отдельной личности и целых народов, знают, в чем должно состояться высшее гармоническое развитие человека, и как оно достигается. Знают, какая наука и какое искусство более или менее полезны для известного субъекта. Мало того, как сложное вещество, разложили душу человека на — память, ум, чувства и т. д. и знают, сколько какого упражнения для какой части нужно. Знают, какая поэзия лучше всех. Мало того, верят и знают, какая вера самая лучшая. — Всё у них предусмотрено, на развитие человеческой природы во все стороны поставлены готовые, неизменные формы. И это совсем не шутка, не парадокс, не ирония, а факт, в котором нельзя не убедиться человеку свободному, с целью поучения наблюдающему школы одну за другою, как я это делал, хоть бы в одной Германии. хоть бы в одном городе Франкфурте на М[айне]. ⁶ —

Вы приходите в протестантскую, в жидовскую, в католическую школу. В малолетнюю, взрослую, женскую или мужскую, классическую или научную, промышленную, всё равно — одну общую всем, неизменную черту определенности вы находите во всех этих школах. Положим, в первоначальной протестантской школе вы находите, что учитель имеет предписание не только насчет той последовательности предметов, которую он должен принять, числа часов, которые он должен посвятить молитве, каждому предмету и каждому упражнению, но вы видите, что даже те руководства, т. е. приемы, которые он может употреблять, определены и назначены вперед. Мало того, сам учитель образован в известной школе, семинарии, так что только эти известные приемы понятны для него. — Вы начинаете разбирать эти предписания и утвержденные руководства и находите для обучения чтению и письму иногда методу складов, иногда новую *Lautir methode* ⁷ для обучения катехизиса и священной истории заучиванье наизусть, для истории ⁸ и географии заучиванье имен и сокращения, уничтожающие смысл, для обучения математики упражнения, направленные преимущественно на самые действия с отвлеченными числами, а не на переведение чисел, взятых в действительности в отвлеченные величины и т. д. Одним словом, вы находите недостатки (так вам кажется) и в самом преподавании и в последовательности его. — Но вы не верите своему суждению. Вы говорите себе, что *la critique est ais[e] mais l'art est difficile* ⁹, что приемы

эти, руководства могут быть далеки от совершенства, но они всё же [должны] быть наилучшими возможными. Что они могут казаться несовершенными в теории, но оправдываться в практике результатами на учащихся. Вы обращаетесь к учащимся, чтобы подтвердить свои сомнения, и хотите проследить за процессом воспринимания этого преподавания. Но здесь вам ¹⁰ трудно сразу понять эти результаты. Организация школы такова, что результаты учения скрыты от учителя. Сто, двести мальчиков в известный час входят, совершают молитву, садятся по лавкам и все двести начинают делать одно и то же. Мальчик не только не может выразить в школе того, что ему понятно или непонятно, приятно или не приятно то или другое, но он не может выразить словом то, что он знает или не знает то или другое, или что ему хочется. Всё разнообразие его мысли во время класса подведено к выражениям «могу» — «хочу», которые он передает поднятием руки. Итак, во время чтения учителя, вы не можете следить за восприятием преподаваемого. Всё, что вы видите, это скучающие лица. Детей, насильно вогнанных в училище, нетерпеливо ожидающих звонка и вместе с тем со страхом ожидающих вопроса учителя, делаемого для того, чтобы против воли принуждать детей следить за преподаванием. Здесь ничего ни под[т]верждает, ни разрушает ваши сомнения. Вы прибегаете к другому способу — вопросов и задач математических и сочинений. Но ежели вы при этом поручите ведение вопросов учителю, то результаты ваши будут ¹¹

Полностью публикуется впервые. Датируется содержанием: «почти кончаю мое путешествие по школам Европы». Толстой выехал в Россию после своего второго заграничного путешествия 10/22 апреля 1861 г. Этот отрывок, начатый Толстым в форме письма к неизвестному другу, остался недописанным.

¹ Из Франции Толстой поехал в Италию, оттуда обратно во Францию, затем в Англию и Бельгию. За это время он не вел Дневника и лишь под 13 апреля 1861 г. сделал короткую запись (см. т. 48).

Писем Толстого за это время дошло до нас очень малое количество, так что этот период его жизни известен только по отрывочным сведениям.

Во Флоренции Толстой познакомился с декабристом С. Г. Волконским, отбывшим 30 лет каторги и ссылки (см. А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», 1, стр. 126—127). Впечатления об Италии Толстой описал в письмах к П. Д. Голохвастову весной 1876 г., напечатанных в журнале «Русский вестник» за 1904 г., № 11 (см. т. 61).

В Париже Толстой виделся с Чичериным, Боткиным и Тургеневым.

В Лондоне Толстой посещал Кенсингтонский музей, побывал на литературном вечере, где читал Диккенс. О своих впечатлениях об Англии он писал Тургеневу и Чичерину, но письма эти до нас не дошли, и мы знаем о них только по ответным письмам последних (см. список недошедших писем №№ 121 и 122). В Лондоне Толстой познакомился с А. И. Герценом. В Брюсселе, с рекомендацией Герцена, Толстой посетил Прудона, который в изгнании жил в Брюсселе, и Иоахима Лелсвеля, бывшего профессором истории в Виленском и потом Варшавском университетах, а в 1830 г. — членом польского временного правительства.

Из Брюсселя Толстой поехал в Германию — в Тюрингию, в Веймар, где осмотрел школы и детские сады по системе Фребеля. Из Веймара 18 апреля 1861 г. поехал в Дрезден, а оттуда в Берлин, где в первый же день (21 апреля) посетил Бертольда Ауэрбаха, а 22 апреля 1861 г. выехал в Россию и 23 апреля переехал границу (подробнее о втором заграничном путешествии Толстого см. Н. Н. Гусев, «Молодой Толстой», М. 1927, стр. 363—380).

² Нассау — германское герцогство, существовавшее до 1886 г.

³ Дармштадт — главный город великого герцогства Гессен.

⁴ Саксен-Мейнинген — герцогство и союзное государство Германии.

⁵ [Вот он.]

⁶ Франкфурт-на-Майне — старинный торговый город в центральной Германии, на реке Майне.

⁷ [Звуковой метод обучения грамоте]

⁸ На полях против этой фразы Толстым написано: «Науке дела нет до традиции, что и доказывает, чт[о] это не ее дел[о]».

⁹ [критика легка, но искусство трудно.]

¹⁰ *Зачеркнуто*: (видит) ничего не увидите.

¹¹ Разочарование Толстого в европейских школах отразилось в его Дневнике (см. т. 48) и в его педагогических статьях: «О народном образовании», «Прогресс и определение образования» и др. См. т. 8.

203. Гр. А. А. Толстой.

1861 г. Апреля 17—20? Петербург.

Какой-то злой дух преследует меня и лишает тех коротких часов, которые бы я мог провести с вами. Не только зубы, но голова и лихорадка совсем свалили меня вчера, и нынче, боюсь, не выпустят меня. Я еще не знаю, буду ли в состоянии нынче приехать к вам, потому не ждите меня. Ежели я выеду, то приеду к вам и буду сидеть целый день, пользуясь теми минутами, которые вам можно будет дать мнѣ.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 32. Дата определяется записями в Дневнике (см. т. 48, записи под 14, 15, 16, 17—20 и 21 апреля 1861 г.).

204. Гр. А. А. и Е. А. Толстым.

1861 г. Апреля 23. Москва.

23 Апреля.

Христос воскрес! Милые бабушки. Хорошо ли встретили праздник вы, и Пр[асковья] Вас[ильевна],¹ и С[офья] А[ндреевна]?² — перед которыми заступитесь за меня. Теперь это прошло, и две мечты занимают меня относительно вас. Первая то, что Пр[асковья] Вас[ильевна] заедет в Ясную, ехавши к Вадбольским,³ вторая, что вы поедете в Глубокое,⁴ и я приеду к вам и поеду с вами. Пожалуйста, сделайте, чтобы это сбылось. Я торопился ужасно, уезжая, и Василий мне много помог, но случилась еще следующая путаница: когда я заплатил счет, мне показалось мало денег, и я послал его к Волконским⁵ за деньгами, которые он привез или нет — не знаю, ибо больше его не видал. Ежели он привез деньги, то велите ему отвезти их назад. По той же причине я не рискнул заезжать к отвлеченной М-ме Ауербах⁶ и встретил вчера праздник на рауте, в церкви Вдовьего дома.⁷ — Не только я, но, я уверен, никто в этом заведении не испытал и искры религиозного чувства, и вовсе не затем ехал туда; а как раут, тоже стеснительно, потому что в середине приятного разговора вдруг выходит священник и притворяется, что что-то служит. — Платок посылаю по почте. Целую ваши руки и до свиданья, милые бабушки.

Скоблицов, профессор химии петерб[ургского] университета,⁸ желает быть переведен на юг, или хоть в Москву цензором. Семейство и чухотка. Адрес: в Москву, на Театральной площади, дом Челышева, отделение 3-е.⁹

Л. Толстой.

Может быть, что я пробуду всю Святую.

Впервые опубликовано в ПТ, № 33. См. Дневник Толстого от 23 апреля 1861 г., т. 48.

¹ П. В. Толстая — мать А. А. Толстой.

² С. А. Толстая (1824—1895) — сестра А. А. Толстой.

³ Екатерина Васильевна Вадбольская, сестра гр. П. В. Толстой, рожд. Барыкова.

⁴ Глубокое — имение М. А. Дондукова-Корсакова в Опочечком уезде Псковской губ. Толстой обещал Дондукову-Корсакову, будучи за границей, приехать погостить к нему в Глубокое. Намерение его выполнено не было.

⁵ А. А. и Л. И. Волконские.

⁶ Ю. Ф. Ауэрбах.

⁷ Церковь Вдовьего дома па Садово-Кудрипской в Москве, дом № 1. Принадлежала к церквам, особенно посещавшимся аристократией.

⁸ Михаил Васильевич Скобликов (1825—1861) — химик и технолог, профессор Петербургского университета (с 1857 г.). Умер от чахотки в Гиере в декабре 1861 г. Толстой, повидимому, познакомился с ним в Гиере. М. Н. Толстая писала 26 апреля (8 мая) Толстому из Женевы: «Скобликов еще в Гиере; он всё плох, но и не хуже».

⁹ Шыне гостиница «Метрополь», площадь Свердлова.

* 205. Гр. М. Н. Толстой. *Черновое.*

1861 г. Мая 10—11? Я. П.

Comtesse Marie Tolstoy.

Suisse, Vex, Union.

1500 roubles enverrai la fin du mois. Serge absent. Valérien rien envoyé. Tante bien portante.

Léon.

Графине Марии Толстой. Швейцария. Бе.

1500 рублей вышло в конце месяца. Сережи нет. Валериан ничего не присылал. Тетенька хорошо себя чувствует.

Лев.

Телеграмма печатается по автографу. Текст телеграммы написан на полулисте почтовой бумаги рукой Толстого. Датируется предположительно содержанием.

* 206. П. Е. Воробьеву.

1861 г. Мая 11? Я. П.

Петр Евстратов!

Прошу тебя принять Германа Андреевича Ауэрбаха как меня и главное покажи ему все планы земли и т. д. И приказания его все исполни.

Граф Лев Толстой.

Датируется ответным письмом П. Е. Воробьева от 13 мая 1861 г., где сказано, что письмо Толстого было получено им через Г. А. Ауэрбаха 12 мая.

207. А. А. Фету.

1861 г. Мая 12. Я. П.

Обнимаю вас от души, любезный друг Аф. Аф., за ваше письмо¹ и за вашу дружбу и за то, что вы есть Фет. Ив[ана] Сер[геевича] мне хочется видеть, а вас в десять раз больше. Так давно мы не видались, и так много с нами обоими случилось с тех пор. Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содействовал ей. Не мне бы говорить, не вам бы слушать — друг — хорошо; но он умрет, он уйдет как-нибудь, не успеешь как-нибудь за ним; а природа, на которой женился посредством купчей крепости, или от кот[орой] родился по наследству, еще лучше. Своя собственная природа. И холодная она, и неразговорчивая, и важная, и требовательная, да зато уж это такой друг, которого не потеряешь до смерти, а и умрешь, всё в нее же уйдешь. Я впрочем теперь меньше предаюсь этому другу — у меня другие дела, втянувшие меня; но всё без этого сознания, что она тут, как повихнулся — есть за кого ухватиться, — плохо бы было жить. Дай вам Бог успеха, успеха, чтобы радовала вас ваша Степановка. Что вы пишете и будете писать, в этом я не сомневаюсь. М[арье] П[етровне] жму руку и прошу меня не забывать. Особенно будет несчастье, ежели я не побываю у вас нынче летом, а когда, не знаю.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 66, и затем им же в «Моих воспоминаниях», I, стр. 368—369. Датируется по записи в Дневнике под 12 мая (т. 48).

Письмо это было послано А. А. Фету Толстым с Тургеневым вместе с письмом к последнему (несохранившимся). Через день после своего возвращения из-за границы Тургенев писал Толстому 2 мая 1861 г. из Петербурга (см. ТТП, стр. 61).

Письмо к Тургеневу не сохранилось. Тургеневым настоящая записка была отослана Фету 19 мая (см. А. Фет, «Моя воспоминания», I, стр. 368).

¹ Письмо А. А. Фета не сохранилось.

1861 г. Мая 12—14. Я. П.

14 Мая. Ясная Поляна.

Я ужасно виноват перед вами, любезной друг Alexandrine, за то, что не отвечал вам давно и на такое славное, славное письмо. ¹ В Москве я был болен, а здесь в деревне я был так счастлив и так занят, что только теперь начинаю опоминаться. — Счастлив я был от того, что, напуганный несчастьем, ² я с трепетом подъезжал к дому, — мне всё казалось, что меня еще ждет какое-нибудь горе. И вышло напротив: и тетка, и брат здоровы, особенно брат — он даже поправился. И все меня любят, и мои друзья Тульской гимназии, и мои школьники, и даже мои мужики так хорошо притворились, что обрадовались, что я было поверил. Не говоря уж об этой толпе воспоминаний, которые, как и всегда, обхватили меня при возвращении. Занят же я был, во-первых, делами, во-вторых, школой, которую надо было с самого начала поставить на новую, лучшую ногу, в 3-х, меня назначили мировым посредником, и я не почел себя вправе отказаться. Так что теперь я, после годовой свободы, не без удовольствия чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьной, 3) журнальный и 4) посреднической хомуты, которые, не знаю хорошо или дурно, но усердно и упорно я намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы. Так что надевать пятый хомут — брачный, я надеюсь, и не почувствую необходимость. Москву я в этом отношении проехал благополучно. Прекрасная девушка К. ³ — слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла печь моральные конфетки, а я вожусь с землей, с навозом. Ей это грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали моральные конфетки. — А за что вы хотите, чтоб когда-нибудь я для вас стал отрезанный ломоть, это я не знаю. Во-первых, внутренний секретарь мой, кажется, засох или разучился говорить, не имея практики, а во-вторых, потому что мне трудно себе представить приятную жизнь без сознания, что есть вон там в гадком Петербурге, в еще более гадком дворце, существо, которое верно меня любит, которое я люблю, и мне веселей идти, как легче идти через перекладинку, когда знаешь, что есть рука, за которую можно ухва-

тяться. Одно я бы желал более чувствовать, что моя протянутая рука вам так же нужна, как мне ваша. Для этого мне больше и больше и нужно знать вас. И я всё узнаю, и всё хорошо и еще лучше. И надеюсь, будет так до тех пор, пока мы не превратимся в азот и кислород, как говорят умные люди. — Прощайте, целую вашу руку и Лиз[аветы] Андреевны. ⁴

Я очень обрадовал тетеньку обещанием вашей матушки заехать к нам. Попросите ее от всех нас, чтобы она нас не огорчила, проехавши мимо. ⁵ Не знаете ли что про мой журнал и нельзя ли попросить через гр. Блудову, ⁶ поторопить? Борису Алексеевичу ⁷ пожмите руку за меня. Я не могу себе представить вас и не видеть его славное лицо. Не забудьте карточку его. Что ваше заведение? ⁸ Моя школа идет отлично, и, ежели вам интересно, я вам напишу в следующем письме подробно. А главное, что наша поездка в Лубянки? ⁹ Теперь мне чем позже летом, тем лучше.

Письмо это было написано, когда я получил ваши два из Москвы. ¹⁰ Грустно, что я не дождался вас в Москве — но, видно, до Лубянок. Карточки обе прелесть, и я вчера не мог нарадоваться на них. ¹¹

До свидания.

Печатается по автографу, за исключением трех последних абзацев, печатающихся по печатному тексту, впервые опубликованному в ПТ, № 35. См. запись в Дневнике под 12 мая (т. 48).

¹ Ответ на письмо А. А. Толстой от 8 мая 1861 г. См. ПТ, № 34.

² Подразумевается смерть Н. Н. Толстого.

³ Екатерина Федоровна Тютчева.

⁴ Е. А. Толстая — сестра А. А. Толстой.

⁵ П. В. Толстая предполагала заехать в Ясную Поляну. В ответном письме от июня 1861 г. А. А. Толстая писала, что планы ее матери на этот год изменились и она не может приехать в Ясную Поляну, так как поджидает на июнь месяц сына И. А. Толстого (см. ПТ, стр. 151—152).

⁶ А. Д. Блудова, которая была знакома с братьями Ковалевскими.

⁷ Б. А. Перовский.

⁸ «Заведение» — вероятно, убежище для уличных женщин во имя Марии Магдалины, в котором А. А. Толстая была попечительницей. См. письмо к ней Л. Н. Толстого от 23 января 1865 г. (ПТ, стр. 199).

⁹ Лубянки — имение А. А. Толстой и ее матери.

¹⁰ Эти письма А. А. Толстой не сохранились.

¹¹ В письме от 8 мая 1861 г. А. А. Толстая сообщала, что посылает две свои фотографии.

* 209. П. Е. Воробьеву.

1861 г. Мая 16—18? Я. П.

Петр Евстратьевич!

Алексей Ляхин,¹ ежели желает служить у меня, то пусть приедет в Ясную. Ежели же нет, то может взять вольную, билет и избрать, какой хочет, род жизни. Прилагаемое письмо отправь нынче же в Спасское. Во всем остальном поступай так, как мы переговорили.

Гр. Л. Толстой.

На четвертой странице:

Петру Евстратовичу Воробьеву.

Судя по тому, что Толстой видался с Воробьевым в Никольском, как это видно из Дневника (т. 48), 15 мая, данное письмо могло быть написано в один из ближайших трех дней после этого.

¹ Алексей Ляхин — слуга Н. Н. Толстого.

210. И. С. Тургеневу.

1861 г. Мая 27. Новоселки.

Надеюсь, что ваша совесть вам уже сказала, как вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же вы находите, что требование мое несправедливо, то известите меня. Я буду ждать в Богуславе.¹

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ТТП, № 20. Письмо написано из Новоселок, куда Толстой приехал в день ссоры с Тургеневым, 27 мая 1861 г.

26 мая к Фету в Степаповку приехали из Спасского Тургенев и Толстой. На другой день за утренним кофе между ними произошло резкое столкновение, о чем рассказывает Фет в своих воспоминаниях: «Утром в наше обычное время, т. е. в 8 часов, гости вышли в столовую, в которой жена моя занимала верхний конец стола за самоваром, а я, в ожидании кофея, поместился на другом конце, Тургенев сел по правую руку хозяйки, а Толстой по левую. Зная важность, которую в это время Тургенев придавал воспитанию своей дочери, жена моя спросила его, доволен ли он своей английской гувернанткой. Тургенев стал изливаться в похвалу гувернантке и между прочим рассказал ей, как гувернантка с английскою пунктуальностью просила Тургенева определить сумму, которую дочь

его может располагать для благотворительных целей. — Теперь, — сказал Тургенев, — англичанка требует, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бедняка и, собственноручно вычистив оную, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошим? — спросил Толстой.

— Конечно; это сближает благотворительницу с насущною нуждой.

— А я считаю, что разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю, театральную сцену.

— Я вас прошу этого не говорить! — воскликнул Тургенев с раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мне не говорить того, в чем я убежден, — отвечал Толстой.

Не успев я крикнуть Тургеневу: «перестаньте!», как, бледный от злобы, он сказал: «Так я вас заставляю молчать оскорблением». Так передает Фет. С. А. Толстая, со слов мужа, в своем дневнике 23 января 1877 г., сообщает следующую фразу Тургенева: «А если вы будете так говорить, я вам дам в рожу» («Дневник Софьи Андреевны Толстой», М. 1928, стр. 45). «С этими словами, — рассказывает далее Фет, — он вскочил из-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагал в другую комнату. Через секунду он вернулся к нам и сказал, обращаясь к жене моей: «Ради бога извините мой безобразный поступок, в котором я глубоко раскаиваюсь». С этим вместе он снова ушел.

Поняв полную невозможность двум бывшим приятелям оставаться вместе, я распорядился, чтобы Тургеневу запрягли его коляску, а графа обещал доставить до половины дороги к вольному ямщику» (см. А. Фет, «Мои воспоминания», I, М. 1890, стр. 370—371).

Тургенев поехал к себе в Спасское, Толстой — в Новоселки к И. П. Борису, откуда и было написано Толстым настоящее письмо Тургеневу.

¹ Богослов — почтовая станция на полпути по большой дороге между Мценском и Чернью и между имениями Толстого Никольское-Виземское и Спасское Тургенева.

На это письмо Толстого Тургенев ответил сейчас же, то есть 28 мая: «Милостивый государь, Лев Николаевич! В ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почел своей обязанностью объявить Вам у Фета: увлеченный чувством невольной неприязни, в причины которой теперь входить не место, я оскорбил Вас безо всякого положительного повода с Вашей стороны и попросил у Вас извинения. — Это же самое я готов повторить теперь письменно — и вторично прошу у Вас извинения. — Прошедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противоположными натурами, каковы Ваша и моя, не могут повести ни к чему хорошему; а потому я тем охотнее исполняю мой долг перед Вами, что настоящее письмо есть, вероятно, последнее проявление каких бы то ни было отношений между нами. От души желаю, чтоб оно Вас удовлетворило, и заранее объявляю свое согласие на всякое употребление, которое Вам заблагорассудится сделать из него.

С совершенным уважением, имею честь остаться, Милостивый Государь!
Ваш покорнейший слуга

Ив. Тургенев.

С. Спасское. 27 мая 1861. 10¹/₂ ч. ночи».

Иван Петрович сейчас привез мое письмо, которое мой человек по глупости отправил в *Новоселки*, вместо того, чтобы отослать его в *Богослов*.

Покорнейше прошу Вас извинить эту невольную неприятную оплошность. — Надеюсь, что мой посланный застанет Вас еще в Богослове».

Как видно из приписки, письмо это из Спасского пошло ошибочно в Новоселки, откуда его привез обратно в Спасское И. П. Борисов, а затем было отправлено Тургеневым в Богослов. Пока все это происходило, Толстой в Богослове, как он писал Фету 28 мая, «по промедлению... послал другое письмо довольно жестокое, с вызовом» (см. п. № 211). Письмо это до нас не дошло, но в записи С. А. Толстой об этом рассказано так: «Оттуда [т. е. из Богослова] Лев Николаевич послал за ружьями и пулями, а к Тургеневу — письмо с вызовом за оскорбление. В письме этом он писал Тургеневу, что не желает стреляться пошлым образом, т. е. чтобы два литератора приехали с третьим литератором, с пистолетами, и дуэль бы кончилась шампанским, а желает стреляться по-настоящему и просит Тургенева приехать в Богослов к опушке леса с ружьями».

«Всю ночь Лев Николаевич не спал и ждал, — записывает С. А. Толстая. — К утру только пришло письмо от Тургенева». Это был ответ на первое письмо Толстого из Новоселок, которое задержалось по вине слуги Тургенева. На обороте этого же письма и, повидимому, в день его получения, то есть 28 мая, Толстой написал А. А. Фету, следующее письмо.

211. А. А. Фету.

1861 г. Мая 28. Богослов.

Я не удержался, распечатал еще письмо от Г. Т[ургенева] в ответ на мое.

Желаю вам всего лучшего в отношении с этим человеком, но я его презираю, что я ему написал, и тем прекратил все сношения, исключая, ежели он захочет, удовлетворения. Несмотря на всё мое видимое спокойствие, в душе у меня было не ладно; и я чувствовал, что мне нужно было потребовать более положительного извинения от Г-на Тургенева, что я и сделал в письме из Новоселок. Вот его ответ, которым я удовлетворился, ответив только, что причины, по кот[орым] я извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять. Кроме того, по промедлению, я послал другое письмо довольно жестокое, с вызовом, на которое еще не

получил ответа, но ежели и получу, то не распечатав возвращу назад.¹ И так, вот конец грустной истории, которая ежели перейдет порог вашего дома, то пусть перейдет и с этим дополнением.

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 70, а затем им же в «Мои воспоминания», I, стр. 373. Дата определяется письмом Тургенева к Толстому, полученным последним на другой день после ссоры, то есть 28 мая. На обороте письма Тургенева Толстой, повидимому, в тот же день написал настоящее письмо и отправил его А. А. Фету.

¹ Письмо Толстого Тургеневу, в ответ на первое письмо Тургенева, до нас не дошло. Не получая ответа на свое письмо, Толстой отправил в Спасское нарочного с требованием ответа. Тургенев отвечал ему следующим письмом от 28 мая: «Ваш человек говорит, что вы желаете получить ответ на ваше письмо; — но я не вижу, что бы я мог прибавить к тому, что я написал. Разве то, что я признаю совершенно за вами право потребовать от меня удовлетворение вооруженной рукой. Вы предпочли удовлетвориться высказанным и повторенным моим извинением — это было в вашей воле. — Скажу без фразы, что охотно бы выдержал ваш огонь, чтобы тем загладить мое действительно безумное слово. То, что я его высказал, так далеко от привычек всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, как раздражению, вызванному крайним и постоянным антагонизмом наших воззрений. — Это не извинение, я хочу сказать — не оправдание, а объяснение. — И потому, расставаясь с вами навсегда, — подобные происшествия неизгладимы и невозвратимы, — считаю долгом повторить еще раз, что в этом деле правы были вы, а виноват я. Прибавлю, что тут вопрос не в храбрости, которую я хочу или не хочу показать, а в признании за вами права привести меня на поединок, разместясь, в принятых формах (с секундантами), как и права меня извинить. Вы избрали, что вам было угодно, и мне остается покориться вашему решению.

Снова прошу вас принять уверение в моем совершенном уважении. Ив. Тургенев» (ТТП, № 22).

По словам С. А. Толстой, Лев Николаевич на это письмо отвечал Тургеневу: «Вы меня боитесь, а я вас презираю и никакого дела с вами иметь не хочу». Письмо Тургенева Толстой отослал Фету.

5 июня 1861 г. Тургенев писал Фету: «Любезнейший Афанасий Афанасьевич. Позвольте вам написать — надеюсь окончательное слово в известном вам неприятном деле. Оказывается, что граф Толстой оскорбился формализмом моих извинений. — Быть может, он прав; но, желая, прежде всего, быть искренним — я не мог извиниться иначе. Моя обязанность состояла в том, чтобы сделать эти формальные извинения как можно более полными, несомненными и гласными — и я так и сделал. Граф Толстой мог не принять такого рода извинения; по требованию другие — или, приняв их, оскорблять меня — уже выходило из черты того, что я признаю его правом. — Однако, так как вызвать его было бы с моей

стороны и смешно и странно, притом же я чувствую, что в его раздражении есть сторона законная, — то мне не остается ничего более, как предать это дело забвению — и предоставить графу Толстому судить обо мне как ему угодно. Остаюсь любящий вас Ив. Тургенев». См. Дневник 1861 г. (записи от 13 мая, 25 июня, 22 и 23 сентября, т. 48).

212. М. Н. Каткову.

1861 г. Июня 29. Я. П.

29 Июня. Ясн[ая] Поляна].

Любезный М[ихаил] Н[икифорович]!

Посылаю вам программу моего журнала ¹ и прошу вас ее велеть напечатать и разослать. ² Т. е. поручить это дело кому-нибудь и кому-нибудь прислать мне отчет издержек, по которому я тотчас вышлю деньги. — Вы мне, кажется, обещали, и очень меня одолжили, во всяком случае, [прошу] тотчас мне ответить. Разрешение журнала предписано о... ³ Московскому цензурному Комитету, дано 16 мая. ⁴ О числе оттисков и объявлений я решительно не знаю и опять вас прошу распорядиться как лучше. —

Повесть, которую я вам обещал, ⁵ до сих пор лежит нетронутою за кучею дел, заваливших меня со дня приезда, — ⁶ хозяйство, школы, будущий журнал и Мир[овое] Посредничество. Теперь я сдал должность кандидату, по болезни. ⁷ Пользуясь болезнью, принимаюсь за кабинетные работы. — Обещать не люблю положительно, но самому хочется спихнуть с шеи неоконченную работу, а что печатать негде, кроме в Русском Вестнике, в этом вы сами виноваты. — Ежели бы возможно всё печатать, что здесь делается моими милыми товарищами М[ировыми] Поср[едниками], волос бы стал дыбом у всей публики, а [вместе] ⁸ с тем, благодаря здравому смыслу народа, [дело] ⁸ идет и в других участках хорошо. —

Прощайте, жму вашу руку и ожидаю ответа. —

Ваш Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива Каткова (тетрадь № 21), хранящейся в БЛ. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», М. 1939, № 37/38, стр. 194.

Год определяется содержанием: упоминанием о «программе» журнала «Ясная Поляна» и о службе Толстого мировым посредником.

¹ «Ясная Поляна». «Программу» эту см. в т. 8, стр. 370—372.

² Объявление об «Ясной Поляне» было напечатано в № 31 (август) «Современной летописи» «Русского вестника». См. ниже ответ Каткова на письмо Толстого.

³ Пропуски в копии.

⁴ Прошение Толстого министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому о разрешении ему издания журнала «Ясная Поляна», поданное 20 апреля 1861 г., рассматривалось Главным управлением цензуры 6 мая, постановившим: «Разрешить, если не будет препятствия от 3-го отделения, с цензурованием в московском цензурном комитете». 8 мая Главное управление по делам цензуры запросило начальника III отделения, «не встречается ли он препятствий к разрешению отставному поручику артиллерии гр. Л. Н. Толстому издавать журнал «Ясная Поляна». 11 мая начальник III отделения кн. Долгоруков уведомил Главное управление цензуры: «К разрешению отставному поручику графу Льву Толстому быть редактором предполагаемого им к изданию журнала «Ясная Поляна» по делам вверенного мне управления препятствий нет». 16 мая Главным управлением цензуры были отправлены два отношения: одно в Московский цензурный комитет и другое — Толстому с сообщением о разрешении журнала. См. Дело Главного управления цензуры 1861 г. № 176 (Ленинград, Архив Главного управления цензуры Министерства народного просвещения).

⁵ «Казак».

⁶ Толстой вернулся в Ясную Поляну из заграничного путешествия в первых числах мая 1861 г.

⁷ Болезнь Толстого, повидимому, была кратковременна. Как видно из следующего письма, 30 июня он уже занимался посредническими делами, и других материалов о замещении его в должности мирового посредника летом 1861 г. пока не найдено.

⁸ Пропущенные в копии слова условно восстанавливаем по смыслу.

На письмо Толстого Катков ответил письмом от 30 июля 1861 г. Письмо Каткова напечатано в № 37/38 «Литературного наследства», стр. 195.

213. Н. А. Костомарову.

1861 г. Июня 30. Я. П.

Милостивый Государь, Николай Андреевич! ваши люди Алексей Филиппов и Никита Моисеев объявили мне сегодня, что вы хотите, отобрав у них землю, которою они пользовались, взять их на барский двор. Поэтому уведомляю вас, что, согласно Положению об устройстве дворовых людей § 6, они имеют право на надел земли наравне с крестьянами, и, следовательно, вы не можете взять их к себе.¹ Примите уверение в моем к вам уважении. Гр. Лев Толстой.

Р. С. Крестьянин ваш Николай Семенов просил меня о даровании ему льготы для перенесения оставшихся его строений на прежнем месте. Ежели справедливо его показание, что оно перенесено нынешнею весною, то я бы покорнейше просил вас, милостивый государь, исполнить его желание; в противном случае удостоить меня уведомлением о сущности этого дела. С совершенным почтением имею честь быть, ваше превосходительство, покорный слуга гр. Л. Толстой.

Печатается по тексту, опубликованному в статье Д. Успенского «Архивные материалы для биографии Л. Н. Толстого», «Русская мысль», кн. IX, М. 1903, стр. 97, по материалам, хранившимся в Тульском архивном бюро (дело это погибло). Дата указана в статье Успенского, очевидно, по датировке настоящего письма самим Толстым.

Николай Андреевич Костомаров (ум. в 1863 г.) — генерал-майор, владелец деревни Харинки, Крапивенского уезда Тульской губернии.

¹ По этому делу, вследствие ходатайства Н. А. Костомарова, мировым съездом было постановлено поручить мировому посреднику 3-го участка Фере произвести «дознание на месте о мере справедливости изложенных в письме г. Костомарова обстоятельств». Оказалось, что крестьяне Моисеев и Алексеев по последней ревизии значились дворовыми людьми, а следовательно, надела земли не имеют. Женившись (Моисеев весной 1860 г., Алексеев в январе 1861 г.), они поступили в дом своих тестей и по слабости здоровья последних, с разрешения помещика, обрабатывали за них полевую барщину. Мировой съезд в заседании 3 сентября 1861 г. постановил: «Филипп Алексеев и Никита Моисеев, как дворовые люди, должны быть возвращены к прежним их занятиям с предоставлением помещику их г. Костомарову права, буде он пожелает, перевести их на жительство в другое имение; убытки же, понесенные г. Костомаровым, представить ему отыскивать порядком, изложенным в гражданских законах». Настоящее постановление 8 сентября было сообщено крапивенскому исправнику для приведения в исполнение. Но вследствие представления Толстого от 28 октября 1861 г. за № 343 на имя начальника губернии и уездного съезда от 10 января 1861 г. за № 6 настоящее дело перешло на рассмотрение в губернское присутствие.

214. А. П. Артюховой.

1861 г. Июнь. Я. П.

Милостивая государыня Александра Павловна! Статья 232 мне давно известна; она говорит о тягольных, — заглавие ее: О особых видах издельной повинности (барщины), и потому не относится к Марке. ¹ К Марке же и его жене ² относится

следующее: Марк немедленно, по моему приказанию, уйдет с женою, куда ему угодно. Вас же я покорнейше прошу: 1) удовлетворить его за прослуженные у вас протривозаконно со времени объявления Положения три месяца с половиной и 2) за побои, нанесенные его жене, еще более протривозаконно. Ежели вам не нравится мое решение, то вы имеете право жаловаться на мировой съезд и в губернское присутствие.³ Я же по этому предмету более объясняться не буду.

С совершенным почтением имею честь быть ваш покорный слуга гр. Л. Толстой.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 77. Автограф хранился в Тульском архиве (дело это погибло). Дата определяется содержанием и состоявшимся постановлением по этому делу мирового съезда на заседании от 3 июля 1861 г.

Александра Павловна Артюхова — помещица Крапивенского уезда Тульской губернии.

¹ Марк Григорьев — крестьянин, садовник в имении Артюховой.

² Григорьева — жена Марка, ключница помещицы Артюховой.

³ В ответ на распоряжение Толстого Артюхова подала в Крапивенский уездный мировой съезд прошение, в котором заявляла об уходе от нее, «по внушению и приказанию гр. Толстого», садовника Марка Григорьева, утверждавшего, что теперь он «совершенно свободный», ссылаясь на ст. 8 Местного положения, а затем на письменное ее указание на ст. 232 того же Положения. По заявлению жалобщицы, Толстой, толкуя по-своему и непонятно для нее статью эту, берет уже самовольно роль судьи над нею, штрафует и присуждает ее. Артюхова отрицает факт нанесения побоев жене Марка, а также указывает на неприменимость к Марку Григорьеву ст. 8 и нарушение Толстым ст. 58 Правил о порядке приведения в действие Положения о крестьянах, так как он «мерами своими произвел волнение и между прочими дворовыми людьми ее и людьми опекаемого ею имения г-жи Лопатиной», просит «рассмотреть дело и права Марки Григорьевой и сделать распоряжение, чтобы впредь по всем делам, до мирового посредника касающимся, она подлежала бы не гр. Толстому, а кому-либо из других посредников Крапивенского уезда», так как она убеждена, что все действия гр. Толстого, до нее касающиеся, будут враждебны.

Мировой съезд, рассмотрев жалобу Артюховой, не одобрил действия посредника. Толстой же объявил, что, несмотря на несогласие мирового съезда, решение свое приведет в исполнение. В заседании от 3 июля 1861 г. мировой съезд постановил: «Представить об изложенном губернскому по крестьянским делам присутствию и просить оное войти в рассмотрение действий мирового посредника гр. Толстого и принять во внимание, что подобные действия должны иметь весьма вредные последствия, ослабили доверенность крестьян к прочим мировым посредникам, не решающимся действовать самопроизвольно, а поступающим — выслушав обе стороны,

примирительно и во всем согласно с высочайше утвержденным Положением о крестьянах».

Губернское присутствие определило: «Решение мирового посредника, по которому крестьянин Марк Григорьев и жена его уволены от исполнения прежних обязанностей, утвердить; заключение же мирового съезда, как последовавшее по делу, не подлежащему его ведомству, отменить со всеми его последствиями. Относительно же вопроса об удовлетворении Марка Григорьева за прослуженные со времени обнародования Положения 3½ месяца и за побои, будто бы нанесенные его жене, губернское присутствие заявило, что такого рода вопросы не подлежат его рассмотрению, а относятся к тому разряду дел, которые представлены ведомству мировых посредников, под названием дел «по спорам, жалобам и недоразумениям» (ст. 24). По этим делам решения мировых посредников или приводятся в исполнение (ст. 77), или поступают на рассмотрение мировых съездов (ст. 73 и 106)». Вопрос о причислении имени Артюховой к другому ближайшему мировому посреднику губернское присутствие нашло неосновательным.

* 215. Т. А. Ергольской.

1861 г. Июнь. Я. П.

Chère tante!

Я ошибся, вложив в письмо 37 рублей, нужно только 30, и адрес я надписал Михаилу (Александр) *Николаевичу*, а нужно *Александровичу*.¹ Выньте пожалуйста 7 рублей и велите переписать адрес. А еще пришлите мне письма и газеты, которые привезут из Тулы. Je vous baise les mains.²

Л. Толстой.

Дата определяется предположительно по счету, сделанному на обороте письма рукой Ергольской с датой: «1 июля 1861 г.».

¹ Кто такой «Михаил Александрович», не установлено.

² [Целую ваши ручки.]

216. В. И. Михаловскому.

1861 г. Июль 12. Я. П.

Г. Валериану Ильичу Михаловскому от мирового посредника 4 участка гр. Толстого. 1) До назначения и смены волостного старшины помещикам нет никакого дела.¹ 2) Крестьянин Анисим,² со дня обнародования Положения, имеет право избрать род жизни и ни к каким повинностям помещику не обя-

зан. 3) Ежели помещик не согласен простить крестьянам взыскание за потраву лугов, то и крестьяне не обязаны простить помещику штрафы за взятые с них, противно Положению, двуконные дни и караулы со дня обнародования положения. 4) Назначать цену за потраву имеет право посредник с помощью добросовестных, но никак не помещик.³ 5) Назначение количества денег, следуемых увольняемым дворовым людям, делается не помещиком, а посредником, а потому вторичное представление актов, не утвержденных посредником, бесполезно. Расчет, во второй раз сделанный, теперь уже письменно, при сем прилагается. 6) О выдаче старшиною билетов существуют узаконения, утвержденные высшею властью, а потому новые правила, изобретаемые помещиками, остаются без всякого внимания. 7) Все лица, имеющие дело с мировым посредником, обязаны ему уважением, а потому не должны ни говорить в его присутствии неприличных вещей, ни, еще менее, по делам писать ему неприличные письма. В противном случае виновные подвергаются штрафу.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 87—88 (пятый пункт настоящей бумаги кроме того был выделен на стр. 81, а 3 и 4 пункты на стр. 86). Впервые было опубликовано в «Неделе», 1901, 20, отд. V, столб. 679. Текст этого документа, в копии В. И. Михаловского, хранился в Тульском архиве (дело это погибло). Местонахождение автографа Толстого неизвестно. Дата определяется содержанием и прошением Михаловского на имя губернского по крестьянским делам присутствия, где он упоминал, что документ, вместе с которым была получена настоящая бумага Толстого, относится к 12 июля 1861 г.

Валерьян Ильич Михаловский, помещик Крапивенского уезда, штабс-капитан, вел дела с мировым посредником Толстым по доверенности своей жены Марии Александровны Михаловской.

¹ Распоряжение Толстого о смене старшины с. Панина см. список недошедших писем № 151.

² Анисим — крестьянин с. Панина (Крапивенского уезда Тульской губернии).

³ Эти два пункта (3 и 4) являются ответом на жалобу В. И. Михаловского от 8 августа 1861 г., на имя Крапивенского мирового съезда о потраве крестьянами с. Панина лугов в имении его жены, в которой он сообщал, что Толстой «действие свое по жалобе моей на первый раз ограничил тем, что просил управляющего имением простить крестьянам следуемое с них денежное взыскание за потраву луга», на что управляющий «объявил гр. Толстому, что согласиться на его просьбу не может по неимению на то права. Гр. Толстой, недовольный этим отказом, уехал из имения, но

постановив на сей раз никакого заключения по делу о набеге крестьян на господские луга». В своем вторичном обращении к Толстому Михаловский известил его, что лугов потравлено четыре десятины и что цену за каждую потравленную десятину он назначает в 20 руб. Толстой вторично «прибыл в село Панино, собрал трех крестьян ближайшего села Бородина в качестве добросовестных и с ними отправился на место потравленного луга. Добросовестные, коим гр. Толстой предложил оценить луг, объявили, что потравленного луга должно быть десятины 3 и что цену потравы они полагают назначить за каждую десятину по 10 руб. серебром. Гр. Толстой с оценкою этого не согласился и предложил добросовестным ценить десятину в 5 р., не более. Добросовестные гр. Толстому не противоречили в этом». Признавая действия Толстого незаконными, Михаловский говорит: «Смело уверен в том, что правосудное правительство, озабоченное улучшением быта крестьян, не потерпит, чтобы улучшение это, обогащение крестьян, шло путем, указываемым мировым посредником гр. Толстым».

Уездный мировой съезд по прошению Михаловского потребовал от Толстого сведения, но Толстой, от 16 сентября 1861 г., ответил съезду, что на основании ст. 29, 31 и 32 Положения, не считает нужным давать никаких сведений (см. список недошедших писем № 152). Последовавшее после этого представление уездного съезда в губернское присутствие без всякого письменного доклада было помечено: «к делу».

217. В. И. Михаловскому.

1861 г. Июля 12. Я. П.

1) Прохору Леонову по болезни следует 75 коп. в месяц; Марье и Анне 1 руб. 20 коп. в месяц; 2) Ивану Ефимову следует 3 руб. в месяц, и он может быть отпущен только один. Рассчеты Александра Иванова и Алексея Андреева¹ верны, и увольнительные акты их могут быть утверждены при представлении денег и самих увольняемых людей.

Опубликовано в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 81. Текст этого расчета приведен в жалобе В. И. Михаловского, хранящейся в Тульском архиве. Местонахождение автографа Толстого неизвестно. Датируется содержанием в жалобой В. И. Михаловского, в которой этот расчет помечен 12 июля 1861 г.

¹ Все упоминаемые здесь лица являются крепостными дворовыми людьми помещицы М. А. Михаловской.

В. И. Михаловский в прошении на имя губернского присутствия писал, что гр. Толстой возвратил ему четыре увольнительных акта, составленных на дворовых людей его жены, причем оказалось, что «один акт, на Александра Иванова, оставлен без всяких отметок, а остальные три акта на другие семейства дворовых людей возвращены были с своеручными

гр. Толстого отметками карандашом. Так, акт Прохора Леонова заключает в себе следующие отметки: $75 - 1 - 20 + 150 - 85$; акт Ивана Ефимова с отметкой $- 3$; $- 75 + 3 = 75$ и, наконец, акт Алексея Андреева Варварина с 75 или 3 руб.». Столь странный способ письмоводства карандашом и формулами, говорит Михаловский, поставил его в необходимость снова представить эти акты на утверждение Толстого. «В ответ на это гр. Толстой вторично возвратил мне акты при письменном отзыве, в 5 пункте коего объясняет...» Далее Михаловский приводит текст 5 пункта — см. № 216.

28 июля 1861 г. Толстым был сделан другой расчет (см. список недосланных писем и документов № 145), где он просил прислать деньги и за сына Андрея Андреева Варварина и указывал на то, что Александр Иванов объявил ему о совершенной неспособности к работе и о болезненности жены его, почему акт не может быть утвержден впредь до удостоверения справедливости его показания. Этот второй перерасчет вызвал неудовольствие и недоверие со стороны Михаловского. В своей жалобе на посредника Толстого, поданной на имя губернского присутствия, Михаловский говорит, что, «видя непостоянство и разноречие заключений гр. Толстого об одном и том же предмете, считаю себя в праве в изложенном деле не полагаться более на медицинские показания его сиятельства для определения степени болезненности дворовых людей, вымогающих способом притворства и вымышленными болезнями не следуемые им на содержание деньги».

Губернское присутствие, выслушав прошение Михаловского, постановило: «Для прекращения недоразумений, возникших при засвидетельствовании актов, выдаваемых г. Михаловским дворовым людям, увольняемым от обязательных отношений, поручить гр. Толстому постановить вновь решение о суммах вспомоществования, следуемых увольняемым дворовым людям, и объявить это решение г. Михаловскому; затем, буде г. Михаловский изъявит на решение неудовольствие, то представить как решение, так и возражение на оное в губернское присутствие для дальнейших распоряжений. При сем пояснить г. мировому посреднику, что сумма вспомоществования на детей моложе 12 лет должна назначаться только до полного 12-летнего возраста».

* 218. П. Е. Воробьеву.

1861 г. Июль. Я. П.

Петр Евстратьевич!

Ежели я плачу деньги управляющему, то желаю, чтобы управляющий исполнял мои требования, а не делал мне наперекор. Я два месяца уже исполняю должность Посредника и утвердил более 50 увольнительных актов. Формы никакой не требуется, ни примет, ни подписи свидетелей. Поэтому возвращая акты с припиской примет и пожалуй с припиской сви-

детелей, которых ты можешь найти у Борисова и Дьякова, я прошу тебя, немедленно отвезя к Посреднику, передать ему деньги на прокормление детей и старых, сколько он назначит по правилам Губернского Присутствия, и просить его утвердить; в противном же случае письменно объяснить причину своего отказа. С тем вместе проси его объяснить дворовым, что сроку пребывания на старых местах я им даю на один месяц. Прошу тебя очень, не вводя меня в неприятности, всё это исполнить.

Гр. Л. Толстой.

При сем прилагаю письмо г-ну Посреднику.¹

Дата определяется словами в письме: «Я два месяца уже исполняю должность Посредника». Толстой вступил в должность мирового посредника в начале мая 1861 г.

¹ Письмо это не сохранилось.

*** 219. П. Е. Воробьеву.**

1861 г. Июль — август до 5. Я. П.

Любезный Петр Евстратов.

Увольнительные акты вновь посылаю тебе и прошу настоять у Посредника, чтобы он их утвердил, с приплатою того количества денег, которое назначит Посредник. Что же касается до твоего замечания насчет необходимости людей, то увольнительные акты не мешают нанять тех же или других людей, ежели они необходимы. Дома же прошу продать тому, кто даст больше и — на своз. —

Желание Андреевича¹ исполняй, по возможности. В случае увольнения людей тотчас же меня уведомя. —

В остальном поступай по своему усмотрению. —

Гр. Л. Толстой.

На четвертой странице:

Милост[ивому] Госу[дарю] Петру Евстратиевичу Воробьеву.

Дата определяется соотношением с письмом № 218. Ответ на неизвестное письмо Воробьева, в котором он, очевидно, возвращал Толстому не утвержденные черским мировым посредником увольнительные акты на крестьян села Никольского-Вяземского.

¹ Герман Андреевич Ауэрбах.

* 220. П. Е. Воробьеву.

1861 г. Августа 5. Я. П.

Петр Евстратыч!

Прошу тебя в наискорейшем времени выслать мне сколько можешь денег. Я, слава Богу, жив и здоров и в конце Августа приеду к тебе распорядиться и пожить. —

Что дворовые? —

Деньги, что есть, можешь поручить сему подателю.

Гр. Л. Толстой.

5 Августа.

На четвертой странице:

В Никольское. Петру Евстратовичу Воробьеву.

Дата определяется сопоставлением с письмом № 219.

221. Гр. А. А. Толстой.

1861 г. Августа начало. Я. П.

Ослица Валаама ¹ и копна заговорили. ² Нет, вы не сердитесь на меня — никогда не сердитесь. Разве не всё равно, что я всякий раз, как получаю от вас строчку, томы ответов записываю в своем сердце? Это вы должны знать. Да и зачем вам от меня письма? У вас есть Мальцева, ³ у вас есть Перовский, ⁴ у вас Вяземская ⁵ — всё у вас есть. Зачем вам мою каплю в вашем море? Вот я, так другое дело. Я приеду из участка, после толкования крестьянам о том, что не только в кровь не надо друга друга бить, но не надобно и просто драться, — или о том, что помещикам не следует уже насильно выдавать замуж девиц и т. п., — и получу ваше письмо. Впрочем, не должен и я жаловаться. Есть и у меня поэтическое, прелестное дело, от которого нельзя оторваться — это школа. Вырвавшись из канцелярии и от мужиков, преследующих меня со всех крылец дома, я иду в школу, но так как она переделывается, ⁶ то классы рядом в саду под яблонями, куда можно пройти только нагнувшись, так всё заросло. И там сидит учитель, а кругом школьники, покусывая травки и пощелкивая в липовые и кленовые листья. Учитель учит по моим советам,

но все-таки не совсем хорошо, что и дети чувствуют. Они меня больше любят. И мы начинаем беседовать часа 3—4, и никому не скучно. Нельзя рассказать, что это за дети — надо их видеть. Из нашего милого сословия детей я ничего подобного не видал. Подумайте только, что в [продолжение] двух лет, при совершенном отсутствии дисциплины ни один и ни одна не была наказана. Никогда лени, грубости, глупой шутки, неприличного слова. Дом школы теперь почти отделан. Три большие комнаты — одна розовая, две голубые заняты школой. В самой комнате кроме того музей. По полкам, кругом стен разложены камни, бабочки, скелеты, травы, цветы, физические инструменты и т. д. По воскресениям музей открывается для всех, и немец из Иены (который вышел славный юноша) делает эксперименты. ⁷ Раз в неделю класс ботаники, и мы все ходим в лес за цветами, травами и грибами. Пения четыре класса в неделю. Рисования шесть (опять немец), и очень хорошо. Землемерство идет так хорошо, что мальчиков уже приглашают мужики. Учителей всех, кроме меня, три. ⁸ И еще священник два раза в неделю. ⁹ А вы всё думаете, что я безбожник. И я еще учу священника, как учить. Мы вот как учим: Петров день — мы рассказываем историю Петра и Павла и всю службу. Потом умер Феофан ¹⁰ на деревне — мы рассказываем, что такое соборование и т. д. И так, без видимой связи, проходим все таинства, литургию и все ново и ветхозаветные праздники. Классы положены с 8-ми до 12-ти часов и с 3-х до 6-ти, но всегда идут до двух, потому что нельзя выгнать детей из школы — просят еще. Вечером же часто больше половины останется ночевать в саду, в шалаше. За обедом и ужином и после ужина мы — учителя — совещаемся. По субботам же читаем друг другу наши заметки и готовим к будущей неделе.

Журнал я думаю начать в сентябре. Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что всё дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне *des batons dans les roues* ¹¹ со всех сторон.

Прощайте, дорогой друг, — пишите, пишите мне, а я всегда буду неакуратен.

Л. Толстой.

Печатается по печатному тексту, впервые опубликованному в ПТ, № 37. Местонахождение автографа неизвестно. Дата определяется ответным письмом А. А. Толстой от 22 августа 1861 г. См. ПТ, № 38.

¹ Ослица Валаама, по библейскому сказанию, заговорила человеческим голосом, предостерегая месопотамского волхва Валаама от проклятия израильтян.

² А. А. Толстая в своем последнем письме, датированном июнем 1861 г., писала Толстому: «Переписываться с вами всё равно, что играть в мячик, бросая его в копну сена», и кончала письмо словами: «До свиданья, копна» (оригинал по-французски, см. ПТ, № 36).

³ А. Н. Мальцева.

⁴ Б. А. Перовский.

⁵ Кн. Мария Аркадьевна Вяземская, рожд. Столыпина (1819—1889), двоюродная сестра севастопольского товарища Толстого А. Д. Столыпина.

⁶ Для школы был отведен второй флигель большого дома, существующий поныне.

⁷ Г. Ф. Келер.

⁸ Учителями в Яснополянской школе в это время были П. В. Морозов, Г. Ф. Келер и Владимир Александрович, отставной солдат, фамилия которого неизвестна.

⁹ Константин Иванович Пашковский, священник села Кочаки.

¹⁰ Феофан Титович Пелагеюшкин (1813—1861) — яснополянский крестьянин.

¹¹ [палки в колеса]

222. И. С. Тургеневу.

1861 г. Октября 8. Я. П.

Милостивый Государь,

Вы называете в письме своем мой поступок *бесчестным*, кроме того, вы лично сказали мне, что вы *«дадите мне в рожу»*, а я прошу у вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь.

Гр. Л. Толстой.

8 Октября 1861.

Ясная Поляна.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, 406. В «Огоньке», 1926, № 9, дан факсимильный снимок.

Письмо Толстого является ответом на следующее письмо Тургенева от сентября 1861 г. из Парижа: «М. Г. Перед самым моим отъездом из Петербурга, я узнал, что вы распространили в Москве копию с последнего вашего письма ко мне, причем называете меня трусом, не желавшим драться с вами и т. д. Вернуться в Тульскую губ. было невозможно, и я продолжал свое путешествие. Но, так как я считаю подобный ваш поступок после всего того, что я сделал, чтобы загладить сорвавшееся у меня

слово — и оскорбительным и бесчестным, то предварю вас, что я на этот раз не оставлю его без внимания, и, возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от вас удовлетворения. Считаю нужным уведомить вас, что я известил о моем намерении моих друзей в Москве для того, чтобы они противодействовали распущенным вами слухам. И. Т.» (ГТП, № 23). См. запись в Дневнике Толстого от 9 октября 1861 г. (т. 48); «Дневники С. А. Толстой», 1, М. 1928, стр. 46; А. Фет, «Мои воспоминания», I, М. 1890, стр. 381.

223. Б. Н. Чичерину.

1861 г. Октября 28. Я. П.

Дело, о котором я прошу тебя, первой важности для меня. Я желаю это внушить тебе прежде объяснения самого дела; для того, чтобы ежели только ты расположен что-нибудь сделать для меня и для общей пользы, употребил бы всё, [что] от тебя зависит, для того, чтобы исполнить мою просьбу.

В участке, где я посредником, весьма быстро приняли устав для школ, предложенный мною.¹ Устав основан на откупе, на который я беру школы, и на плате 50 к. в мес[яц] с ученика без различия волости, сословия и уезда. — Три школы² открыты, потому что у меня были 3 образованных и честных человека, из к[оторых] двух я привез из Москвы. Еще школ 10 должны быть открыты. — 3 уже готовы, и мне нечем заместить их.³ Положение учителей следующее: я отвечаю за minimum 150 р. с жалов[ания], ежели же учитель хочет взять содержание школы на себя, тогда условия выгоднее, это зависит от него. Тем более, что успех зависит от него, и самый успех, популярность, может быть порядочное вознаграждение, пот[ому] ч[то] в каждом округе, где бывает до 30 учен[иков], может быть 50 и более, что составит 25 руб. в месяц. Притом могут быть еще другие выгодные усл[овия]. Вчера я поместил учителя, кот[орый] будет жить на всем готовом, получать за кондицию 100 р. и 220 от школы. Кроме того, по воскресеньям все учителя собираются в Ясн[ую] Пол[яну] для совещания по общему делу школ и журнала.⁴ Само собой разумеется, что почти все журналы и библиотека моя к их услугам. Главное же — ежели ты пробежал мою программу, деятельность всякого учителя, порядочн[ого] человека, даст непременно материал для статей в журнале Я[сна]я П[оляна]. — А статьи дают minimum 50 р. за лист. — Ради Бога, ради Бога, похлопочи об этом, пого-

вори сам, ежели знаешь таких, сообщи Рачинским⁵ и Дмитриеву,⁶ кот[орые] мне обещались. Совершенство не бывает, и я не требователен. Полуобразованный студент 2—3 курса, не годящийся, вот всё что я желаю. Я знаю, что из 10 выйдет 2 дельных, но для этого начать с 10. Ежели не будет студентов, я точно так же должен буду на риск брать из семинаристов, и тогда риск будет в 10 раз больше. Ежели найдутся такие, то посылай их ко мне. Проезд стоит 10 р. Я плачу за него. А ты дай эти деньги; ежели у тебя нет, то напиши, я вышлю. Душа моя, пожалуйста пожелай это сделать, и я уверен, что ты успеешь.

О Тургенева,.....⁷ что мне от ду[ши жалко?] ⁷ его и что я всё возможное сделал, чтобы его успокоить. *Драться* же с кем-нибудь, и особенно с ним, через год, за 2000 верст столько же для меня возможно, как, нарядившись диким, плясать на Тверской улице. Прощай, обнимаю тебя и жду ответа. — Что студенческие⁸ и Михайловская история?⁹ Хоть вкратце напиши последние факты. Я ничего не знаю, а тульским слухам не верю.

Л. Толстой.

28 Октября.

Пожалуйста сообщи мою просьбу Рачинскому⁷... и Дмитриеву.

Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 23—24. Год определяется содержанием и записью в Дневнике под 28 октября 1861 г. (т. 48).

¹ Об этом уставе ничего неизвестно, кроме того приложения, которое дается при отношении Толстого в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие от 12 ноября 1861 г. за № 373 (см. № 297).

² Толстой подразумевает следующие три школы: Головеньковская, Житовская и Ломинцевская (см. статью Толстого «О свободном возникновении и развитии школ в народе» («Я. П.», февраль, стр. 34—43. См. журнал «Ясная Поляна», 1862).

³ Имеются в виду учителя: А. П. Сердобольский (в Головеньковской школе), И. И. Авксентьев (в Житовской школе) и А. Ив. Шумилин (в Ломинцевской школе).

⁴ Журнал «Ясная Поляна».

⁵ Толстой имеет в виду С. А. и К. А. Рачинских.

Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) — профессор Московского университета по кафедре физиологии растений, в 1867 г., вместе с Чичериным и другими профессорами-единомышленниками, демонстративно покинувший университет.

Константин Александрович Рачинский (1838—1909) — брат предыдущего; в 1860—1861 гг. адъюнкт и затем доцент Московского университета по кафедре физики и физической географии; в 1864—1877 гг. земский деятель и в 1894—1904 гг. директор Петровского сельскохозяйственного института.

⁶ Федор Михайлович Дмитриев (1829—1894) — историк права, профессор Московского университета.

⁷ Письмо оборвано — истлело.

⁸ Речь идет о студенческих беспорядках в Москве, явившихся отголоском студенческих волнений в Петербурге, вызванных деятельностью министра народного просвещения Е. В. Путьятина.

⁹ Михаил Илларионович Михайлов (1826—1865) — поэт и переводчик, был арестован за распространение прокламаций «К молодому поколению». Приговоренный к каторжным работам, был сослан в Сибирь, где и умер.

На это письмо Толстого Б. Н. Чичерин ответил письмом от 14 ноября 1861 г. См. ПТТ, стр. 292—293.

224. Харинскому сельскому старосте.

1861 г. Октября 30. Я. П.

На вопрос твой о дворовых людях г. Костомарова Никите Моисееву и Филиппе Алексееву сим даю тебе знать, что они должны находиться в крестьянстве и жить у своих тестей, так как последнего постановления о них крапивинского мирового съезда мне неизвестно. 30 октября 1861 г. Мировой посредник гр. Л. Толстой.

Опубликовано в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 99, по материалам, хранящимся в Тульском архивном бюро (см. вступительные примечания к письму Толстого к Н. А. Костомарову, № 213).

225. Б. Н. Чичерину.

1861 г. Ноября 16—20? Я. П.

Очень тебе благодарен, любезный друг, за студентов. Еще они не приезжали, но я уверен, что из 3-х тобой рекомендованных 2 будут хороши.¹ Посылаю тебе 30 р., кот[орые] ты им дал. — О твоей 1-й лекции скажу, что она — отличная лекция;² о статьях же против Костомарова,³ откровенно скажу, что мало того, что я несогласен с ними — они мне не нравятся. В них есть консерватизм во что бы то ни стало очевидно вызванный крайностями. Вам, живущим в середине движенья, надо обе-

регаться этого увлечения — хвастовства своей независимостью. Причины же несогласия моего с тобой я не могу высказать в письме, но ты их найдешь в 1-м № Ясн[ой] Пол[яны].⁴ Коротко сказать, по моему, ни перестраивать университет, ни оставлять его таким, как есть, нельзя, не спросившись у всей иерархии образования (не административной внешней, а сложившейся само собою в народе), а главное, у низшей ступени и потому у краеугольного камня этой иерархии — народной школы. Поэтому вопрос для меня только в том, соответствует ли университет[итет] этой низшей ступени, или нет? Я отвечаю: нет. Другой вопрос: указывает ли теперь народная школа, каковы должны быть университеты? — Нет. — И потому изменение или оставление их в том же виде для меня и для народа совершенно лишено интереса и значения. — Впрочем, мы успеем еще поспорить об этом, ежели только моя статья покажется тебе стоящей того. Возражай самым жесточайшим образом, и я с радостью помещу твои воз[ражения] в Ясн[ой] Пол[яне]. Прощай, жму тебе руку и кланяюсь всем нашим общим знакомым. Ежели еще попадутся студенты — посылай, мне еще нужно трех.

Гр. Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТТ, стр. 25—26. Дата определяется содержанием: оно является ответом на письмо Б. Н. Чичерина от 14 ноября 1861 г.

¹ Чичерин направил в Ясную Поляну трех рекомендованных им учителей для Яснополянской школы Толстого, — студентов: Митрофана Федоровича Бутовича, Алексея Павловича Соколова и Альфонса Александровича Эрленвейна.

² Вступительная лекция Б. Н. Чичерина в курс государственного права была напечатана в № 238 «Московских ведомостей» за 1861 г., а затем перепечатана в книге «Несколько современных вопросов», изд. Солдатенкова, М. 1862.

³ Речь идет о статьях Чичерина, первоначально напечатанных в «Московских ведомостях» и «Нашем времени» и вошедших потом в книгу «Несколько современных вопросов» (М. 1862, изд. Солдатенкова) под заглавием: «Что нужно для русских университетов?» В своих статьях Чичерин возражал Н. И. Костомарову (1817—1885), профессору Петербургского университета, поместившему две статьи в №№ 237 и 268 «Петербургских ведомостей». Костомаров доказывал, что наши университеты нуждаются в коренном преобразовании: они не должны быть закрытыми школами, а совершенно открытыми учебными заведениями, в которых читаются

лекции для всех желающих; необходимо допустить в университет женщин; никакого корпоративного начала среди слушателей не должно быть; служебные преимущества, связанные с окончанием университета, подлежат отмене.

⁴ Толстой разумеет свою статью «О народном образовании», помещенную в № 1 журнала «Ясная Поляна» 1862 г., вышедшем в свет 5 февраля 1862 г. (см. т. 8).

На это письмо Толстого Чичерин ответил 6 декабря 1861 г. (напечатано в ПТТ, стр. 294—295).

226. М. Н. Каткову.

1861 г. Ноября 23—24? Москва.

Возвращаю Вам «Отцы и Дети»¹ с великою благодарностью. Насчет же объявления² думаю так: напечатать новое объявление³ со слов: «с 1-го Января по общему обычаю» включительно и продолжать прежним объявлением, пропустив первые пять строк, т. е. начиная со слов: «Ежемесячное издание» и т. д.— Очень Вам благодарен за Вашу обязательность и желаю Вам всего лучшего.

Л. Толстой.

Два №-а Совр[еменной]Лет[описи] взяты мною у Фрейданга,⁴ который обещал, но не захал ко мне. —

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива М. Н. Каткова (тетрадь № 21), хранящейся в БЛ.

Опубликовано впервые в «Литературном наследстве», № 37/38, М. 1939, стр. 195.

Письмо в копии не датировано. По содержанию этого письма, имеющего характер записки, и по ответу Каткова от 26 ноября видно, что оно написано в Москве. Толстой был в Москве 23—24 ноября 1861 г. и останавливался в гостинице «Дрезден» на Тверской, угол Космодамианского переулка.

¹ Катков дал Толстому прочесть роман в рукописи.

² Повидимому, вопрос о новом объявлении в журнале «Ясная Поляна» обсуждался Толстым с Катковым при личном свидании.

³ Первое объявление «Об издании нового журнала» было напечатано в № 31 «Современной летописи» (цензурное разрешение 2 августа). Здесь Толстой объявил об издании «Ясной Поляны» с 1 октября 1861 г. Второе объявление появилось в № 39 «Современной летописи»; текст его следующий: «От редакции «Ясной Поляны». Занятия по должности мирового посредника поставили меня, против моего ожидания, в необходимость открыть издание «Ясной Поляны» № с 1-го октября 1861 г., как предпола-

галось, а с 1-го января 1862 г., по общему обычаю. Подписка принимается там же и на тех же условиях, как было объявлено. Граф Л. Толстой.

⁴ Фрейданг — заведующий конторой «Русского вестника».

Катков отвечал Толстому 26 ноября. Ответ его напечатан в «Литературном наследстве», № 37/38, стр. 195—196.

*** 227. П. Е. Воробьеву.**

1861 г. Май — декабрь?

Петр Евстратьевич!

Прошу тебя выдать сему подателю 100 р. сер., ежели у тебя есть деньги, ежели нет, то достань и отдай. При сем посылаю конверт с свидетельством о кончине бр[ата] Ник[олая] Ник[олаевича], который прошу передать в Уездный суд.

Гр. Л. Толстой.

Датируется предположительно временем пребывания Толстого в Ясной Поляне после смерти брата Николая Николаевича.

228. А. А. Фету.

1862 г. Января 10—11? Москва.

Тургенев — *подлец, которого надобно бить*, что я прошу вас передать ему так же аккуратно, как вы передаете мне его милые изречения, несмотря на мои неоднократные просьбы о нем не говорить.

Гр. Л. Толстой.

И прошу вас не писать ко мне больше, ибо я ваших, так же как и Т[ургене]ва, писем распечатывать не буду.

Впервые (с пропусками) опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, I, стр. 71, а затем им же в «Моиx воспоминаниях», I, стр. 374; полностью в книге Н. Н. Гусева «Молодой Толстой», стр. 364. Датируется письмами И. С. Тургенева к Фету из Парижа от 7 и 14 января 1862 г.

Настоящее письмо Толстого, по всей вероятности, является ответом на не дошедшее до нас письмо А. А. Фета, сообщившего Толстому содержание письма И. С. Тургенева от 7 января 1862 г. из Парижа (см. А. Фет, «Мои воспоминания», I, М. 1890, стр. 384). Сношения Толстого с Тургеневым прервались на 17 лет; что же касается отношений Толстого с Фетом, то они очень скоро возобновились. В письме к И. С. Тургеневу 1874 г. Фет рассказывает: «Однажды, делая сначала вид, что не замечает меня, в театральном маскараде, Толстой вдруг подошел ко мне и сказал: «Нет, на вас сердиться нельзя» и протянул мне руку» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под редакцией М. К. Лемке, т. III, Спб. 1912, стр. 479).

* 229. Т. А. Ергольской.

1862 г. Января 18. Москва.

18 Января.

Chère tante! ¹

Дела всё задерживают меня, и я едва ли успею закончить издание раньше половины будущей недели. — Цензура, кажется, много помешает и испортит. Здоровье мое хорошо; но

скучно ужасно, и хочется домой. Скажите пожалуйста, чтобы Воейков дал новым учителям рублей 15 денег. Ал[ексею] П[авлович]у² скажите пожалуйста, что описать я ему всего не успею, а умоляю его и всех приговаривать статьи ко 2-му №-у. Письмо ваше я получил вчера. Что Сережа и посредничество?³ Напишите мне еще пожалуйста. Всем кланяюсь и целую ваши руки.

Л. Толстой.

Год определяется содержанием: Толстой приехал в Москву хлопотать о цензурном разрешении первого номера журнала «Ясная Поляна».

¹ [Дорогая тетенька!]

² А. П. Соколов.

³ В отсутствие Л. Н. Толстого его замещал, в качестве кандидата мирового посредника, его брат Сергей Николаевич.

230. В. П. Боткину.

1862 г. Января 26. Москва.

Вы на клочке пишете, и я на клочке, но вы как будто с злобой на меня, а я с всегдашней симпатией. Оно правда — выходит, как будто я отжиливаю у вас 600 франков, но я тут ни душой, ни телом не виноват. Получил я ваше письмо¹ в то время, как наверное думал, что умру. Это у меня было всё нынешнее ужасное, тяжелое лето. Я ничего не делал, никому не писал; оттого и на ваше письмо ответил только письмом к сестре и к банкиру Марсельскому, которого теперь забыл и адрес.² Я думал, что деньги ваши получены, а оказывается, что банкир их украл. На этой неделе вышло вам эти несчастные 600 фр.³ — Я издаю теперь 1-ю книжку своего журнала и в страшных хлопотах.⁴ Описать вам, до какой степени я люблю и *знаю* свое дело, невозможно — да и рассказать бы я не мог. Надеюсь, что в литературе на меня поднимется гвалт страшный, и надеюсь, что вследствие такого гвалта не перестану думать и чувствовать то же самое. У нас жизнь кипит. В Петербурге, Москве и Туле выборы, что твой парламент;⁵ но меня с моей точки зрения — признаюсь — всё это интересует очень мало. Покуда не будет большого равенства образования — не бывать и лучшему государственному устройству. Я смотрю из своей берлоги и думаю — ну-ка, кто кого! А кто кого, в сущности

совершенно всё равно. Я попал в Мир[овые] Поср[едники] совершенно неожиданно и несмотря на то, что вел дело самым хладнокровным и совестливым образом, заслужил страшное негодование дворян. Меня и бить хотят и под суд подвести, но ни то, ни другое не удастся. Я жду только того, чтобы они поугомонились, и тогда сам выйду в отставку.⁶ Существенное для меня сделано. В моем участке на 9000 душ в нынешнюю осень возникли 21 школа⁷ — и возникли совершенно свободно, устоят, несмотря ни на какие превратности. Прощайте, жму вашу руку и прошу на меня не сердчать. Денег я вам сейчас не высылаю, потому что у меня их нет, но, как сказано, выплю на этой неделе. Напишите, пожалуйста, как адрес того Марсельского банкира и какие он представил отговорки. — Напишите вообще о себе, о вашем здоровьи я знаю от Фета, который, перестав быть поэтом, не перестал быть отличнейшим человеком и огромно умным. Приедешь в Москву, думаешь, отстал — Катков, Лонгинов, Чичерин вам всё расскажут новое; а они знают одни новости и тупы так же, как и год и два тому назад, многие тупеют, а Фет сидит, пашет и живет и загнет такую штуку, что прелесть. — Об общих наших знакомых не могу сказать, я от всего так отстал, прилепившись к своему делу, что другое и на ум нейдет. — Зубы у меня все повываливаются, а жениться, я всё не женился, да, должно быть, так и останусь бобылем. Бобыльство уже мне не страшно. Что то вы поделяваете и когда вас увидишь в России? потому что меня уже заграницей не увидите. —

26 Генваря.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 81—82. Год определяется содержанием. См. далее п. № 304.

¹ Письмо В. П. Боткина из Парижа от 18/30 апреля 1861 г. (ТПТ, стр. 79—80).

² Письма к М. Н. Толстой и марсельскому банкиру не сохранились. Фамилия марсельского банкира Duprat, как это видно из неотправленного письма Толстого к нему. См. № 304.

³ Повидимому, эти деньги были посланы Толстым В. П. Боткину через банкира на покрытие долга, но Боткиным они получены не были. О неполучении этих денег он писал Толстому из Парижа 18/30 апреля 1861 г. (см. ТПТ, стр. 79—80).

⁴ Первая книжка журнала «Ясная Поляна» вышла в свет 5 февраля 1862 г.

⁵ Речь идет о дворянских выборах.

⁶ Бумага об отставке от исполнения должности мирового посредника была подана Толстым 12 февраля 1862 г. Официальная отставка от Сената последовала 26 мая 1862 г. за № 24124.

⁷ Количество школ, открытых к этому времени в участке Толстого, на основании имеющихся документов определяется от двадцати до двадцати трех (точных данных не имеется). См. об этом т. 8, стр. 497—499.

Толстой ответил В. П. Боткину в феврале 1862 г. (см. ТПТ, 4, стр. 84—85).

231. Н. Г. Чернышевскому.

1862 г. Февраля 6. Москва.

Милостивый государь Николай Гаврилович! Вчера вышел 1-й номер моего журнала. Я вас очень прошу внимательно прочесть его и сказать о нем искренно и серьезно ваше мнение в «Современнике». Я имел несчастье писать повести, и публика, не читая, будет говорить: «Да... детство очень мило, но журнал?..»

А журнал и всё дело ¹ составляют для меня всё.

Ответьте мне в Тулу.

Л. Толстой.

6 Февраля.

Публикуется по фотокопии с подлинника, хранящейся в ГТМ. Местонахождение последнего неизвестно. Впервые опубликовано в ПТС, I, № 49, с неверной датой 3 февраля.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889).

С Чернышевским Толстой познакомился, повидимому, вскоре по приезде в Петербург из Севастополя. Отзывы Толстого о Чернышевском противоречивы. При определенном расхождении с Чернышевским группы писателей-дворян, группировавшихся около «Современника» (Дружинин, Тургенев, Григорович, Анненков), Толстой стоял гораздо ближе к ним, чем к Чернышевскому. Так, он резко отзывался о Чернышевском в письме к Некрасову от 2 июля 1856 г. (см. п. № 18). В Дневнике 18 декабря 1856 г. и 11 января 1857 г. он записывает свой благоприятный отзыв о Чернышевском (см. т. 47, стр. 105 и 110). 19 декабря 1888 г. Толстой в Дневнике очень сочувственно отзывається о статье Чернышевского о Дарвине («Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь»), напечатанной в № 12 «Русской мысли» 1888 г. («статья Чернышевского о Дарвине — прекрасно»). В 1910 г., составляя сборник «Путь жизни», в котором он стремился последовательно изложить всё свое мировоззрение, Толстой в отдел этого сборника «Ложная наука» (гл. XIII, 4), включил мысли Чернышевского, высказанные им в письме к сыну.

Чернышевский в «Современнике» писал о произведениях Толстого в шести своих статьях: 1) «Современник», 1856, № 5, отд. IV, стр. 39—40

(рецензия на сборник «Для легкого чтения», где были напечатаны «Записки маркера»); 2) «Современник», 1856, № 8, отд. IV, стр. 38 (вторая рецензия на тот же сборник); 3) «Современник», 1856, № 11, отд. IV, стр. 28 (рецензия на «Детство и отрочество» и «Военные рассказы»); 4) «Современник», 1856, № 12, отд. III, стр. 53—65 (статья о тех же произведениях); 5) «Современник», 1857, № 1, отд. V, стр. 166—185 (статья об «Утре помещика»); 6) «Современник», 1862, № 3, отд. II, стр. 122—138 (о журнале «Ясная Поляна»).

¹ Народные школы. В ответ на просьбу Толстого Н. Г. Чернышевский в мартовской книжке «Современника» дал рецензию (в отделе «Новые книги») на первые два номера журнала «Ясная Поляна» и на две «книжки для детей», выходившие в качестве приложения к журналу. Рецензия эта, отмечая некоторые положительные стороны в деле постановки Яснополянской школы, в первую очередь гуманное отношение к ученикам, в общем резко враждебна идеям, проводимым Толстым в его педагогических статьях. Рецензия Чернышевского вызвала в Толстом раздражение, которое сказалось в его статье «Воспитание и образование», помещенной в № 7 «Ясная Поляна» (подробнее см. т. 8, стр. 559—560).

232. В. П. Боткину.

1862 г. Февраля 7. Москва.

Посылаю вам записку вашего брата, по которой он обещал выслать вам деньги.¹ Пожалуйста, помогите мне разыскать те 600 фр.² Адресуйте, ежели будете писать — в Тулу. — Нынче я получил известие об одном из самых по моему мнению серьезных событий за последнее время; хотя событие это наверно останется незамеченным. Тверское дворянство постановило — отказаться от своих прав — выборов более не производить — и только — и посредникам по выбору дворянства и Правительства не служить. Сила!³

Я здесь — в Москве — отдал всегдашнюю дань своей страсти к игре и проиграл столько, что стеснил себя; вследствие чего, чтобы наказать себя и поправить дело, взял у Каткова 1000 руб. и обещал ему в нынешнем году дать свой роман — Кавказской.⁴ Чему я, подумавши здраво, очень рад, ибо иначе роман бы этот, написанный гораздо более половины, пролежал бы вечно и употребился бы на оклейку окон. Что было бы лучше, вы мне скажете в Апреле. Прощайте, жму вашу руку и желаю вам всего лучшего.

Л. Толстой.

7 Февраля.

Впервые опубликовано в ТПТ, 4, стр. 86.

¹ Записка Д. П. Боткина неизвестна.

² См. ш. №№ 230 и 304.

³ Тринадцать тверских дворян (член губернского присутствия А. А. Бакунин, два уездных предводителя дворянства, несколько мировых посредников) в феврале 1862 г. выступили с протестом, поданным в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие, против Положения 19 февраля. Они были заключены в Петропавловскую крепость и преданы суду Сената. Это так называемое «Тверское дело» произвело в кругу интеллигенции большое впечатление (см. А. В. Никитенко, «Записки и дневник», Спб. 1904, т. II, стр. 69—70).

⁴ Толстой обещал Каткову предоставить ему для «Русского вестника» свой «роман», впоследствии озаглавленный «Казак». Первая часть повести появилась в первой книге «Русского вестника» за 1863 г.

233. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Февраля 10. Москва.

Здравствуйте, дорогой друг. Я всё жив и всё люблю вас. Я давно не писал вам вот отчего: я провел дурное, тяжелое лето. Я кашлял и думал — был уверен, — что скоро умру. Я доживал, но не жил. В октябре я был в Москве и ожил, принялся за работу, неестественно усиленную, и до нового года находился в этом состоянии. На днях вышел 1-й № моего журнала, я сделал дурной поступок ¹ и почти влюбился — всё это вместе заставило меня опомниться и привело в почти нормальное состояние. И я пишу к вам, и хочется вас слышать, видеть и думать. Я был на волоске уехать в Петербург, но не удалось, и нынче еду назад в деревню. Дела у меня пропасть и по посредничеству, и по школе, и по журналу, и по роману, который я обещал напечатать в нынешнем году в Русском Вестнике. — Мне помешали; я еще напишу вам из деревни. Попробуйте прочесть «Ясную Поляну» и скажите ваше мнение. Целую ваши руки, Лиз[аветы] Анд[реевны] ² и всем, кого вы любите.

Л. Толстой.

10 Февраля.

Впервые опубликовано в ПТ, № 39, стр. 159.

¹ Подразумевается проигрыш Толстого в карты.

² Е. А. Толстая.

234. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Февраля 22. Я. П.

Благодарствуйте за ваше письмо¹ — писать мне некогда, а пожалуйста сделайте одно: достаньте *записки из Мертвого дома* и прочтите их. *Это нужно.* —

Целую ваши руки — прощайте. —

Л. Толстой.

23 Февраля.

Опубликовано впервые в «Сборнике Толстовского музея», Гослитиздат. 1937.

Публикуемое письмо является первым отзывом Толстого о «Записках из Мертвого дома» и о Достоевском вообще. Из этого письма видно, что «Записки из Мертвого дома» были высоко оценены Толстым сейчас же по их появлении. Эта высокая оценка сохранилась у Толстого и в дальнейшем. См. письмо Толстого к Н. Н. Страхову в сентябре 1880 г. (т. 63, стр. 24). В трактате «Что такое искусство?» «Записки из Мертвого дома» причислены к образцам высшего искусства. В 1904 г. Толстой включил в свой «Круг чтения» два отрывка из «Записок из Мертвого дома»: «Орел» и «Смерть в госпитале».

¹ Письмо А. А. Толстой неизвестно.

235. А. Е. Берсу.

1862 г. Марта 17. Я. П.

Любезный Андрей Евстафьевич,

В почтовый Департамент я писать не буду и очень, очень Вас благодарю за ваши хлопоты; а будьте благодетель, дайте Г-ну Попову¹, моему комиссионеру, денег до 200 р., которые я вам высылаю с сею же почтою. В случае, ежели он не возьмет у вас всех денег, оставьте их у себя. Как вы поживаете, надеюсь, что хорошо и что С[офья] А[ндреевна]² уж здорова и всё по старому. Всем душевно кланяюсь.³ Я не здоров, журнал идет скверно, хозяйство еще хуже, помещики ненавидят меня всё больше и больше, но я чувствую себя таким довольным и счастливым, как никогда. Вот загадка, M-me Viardo[t].⁴ И только оттого, что работаю с утра до вечера, и работа та самая, которую я люблю. Тетушка благодарит за память и кланяется.

Весь ваш Л. Толстой.

17 Марта.

Год определяется содержанием. Текст письма занимает две первых страницы почтового листа, на четвертой странице рукой Толстого написано:

«1862 года, марта 12. Сим свидетельствую, что Г-н Анатолий Томашевский в настоящее время занимает должность приходского учителя».

Андрей Евстафьевич Берс (1808—1868) — врач дворцового ведомства, жил в Москве, занимал квартиру в Кремле. Подробнее см. т. 83, стр. 23.

¹ В. М. Попов.

² Софья Андреевна Берс (1844—1919) — вторая дочь А. Е. и Л. А. Берсов. Жена Толстого с 23 сентября 1862 г. Подробнее см. т. 83, стр. 4—8.

³ Подразумевается семейство А. Е. Берса.

⁴ Полина Виардо — певица. О ней см. прим. 8 к п. № 66. Ее именем Толстой прозвал младшую сестру Софьи Андреевны — Татьяну Андреевну, которая, обладая хорошим голосом, в это время училась пению.

* 236. В. М. Попову.

1862 г. Март. Я. П.

Вас[илий] Мих[айлович]! Первая статья [*1 неразобр.*] представлено на съедение цензуры, но наберите ее — может и пройдет. ¹ Если очень изуродуют, не печатайте. 2) Я[сно] П[олянская] школа посылается только малая часть. ² 3) Томашевский, ³ 4) Лукашевич ⁴, 5) будет Ив[ан] Ил[ьяич]. ⁵ О статье «разбор» напишите тотчас же. —

Письмо написано чернилами наверху первого листа типографской рукописи статьи «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы (продолжение)», вошедшей в мартовскую книгу журнала «Ясная Поляна», и перечеркнуто Поповым карандашом. Датируется содержанием: мартовский номер журнала «Ясная Поляна» разрешен цензурой 2 апреля 1862 г.

Василий Михайлович Попов — студент Московского университета, живя в Москве, помогал Толстому в деле издания журнала «Ясная Поляна».

¹ Статья Толстого «Проект общего плана устройства народных училищ», вошедшая в мартовскую книжку «Ясной Поляны» (см. т. 8, стр. 178—210).

² Посылаемое продолжение статьи Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» напечатано в мартовской книжке журнала «Ясная Поляна» за 1862 г. (т. 8, стр. 76—109).

³ Статья А. К. Томашевского «К[олпенск]ая школа», в мартовской книжке журнала «Ясная Поляна», т. 8 настоящего издания.

⁴ Статья В. П. Лукашевича в этом номере журнала не появилась, а была напечатана в следующем, апрельском, под заглавием «О необходимости контроля общества над школами».

⁵ Статья И. И. Авксентьева не попала в мартовскую книжку «Ясной Поляны», а появилась только в майской под заглавием «Заметка о народном чтении». А. П. Сердобольский в письме от 12 января 1862 г. писал Толстому в Москву: «Вам отослана статья Шумилина. Иван Ильич занимается тоже этим делом и выражал, говорят, желание писать о книгах, которые читает народ; ему очень была бы полезна статья Шумилина как материал» (письмо не опубликовано). Статья А. И. Шумилина «Книги Ломинцевской волости» была напечатана в январской книжке «Ясной Поляны».

* 237. Гр. С. Н. Толстому.

1862 г. Март — апрель? Я. П.

Посылаю тебе 200 р. из Машенькиных денег. Я их заплачу, а ты вычти, что за книги и Ос. Алекс. и остальное из всего моего тебе долга. —

Отчего ты к нам не едешь? И меня и тетиньку это мучает. Тетинька меня всё посылает к тебе заплатить визит. И я чувствую себя перед тобой как будто виноватым и в неловком положении. А именно теперь это тяжело, потому что мне вообще не то что дурно, а трудно. — Журнал остановился на 200 подписчиках и как будто не существует для публики, а работы по нем всё больше и больше, с студентами¹ тоже возня усложняется, денег ели достанет, хозяйство требует, чтобы чтонибудь предпринять. Уставных грамот 60 неутвержденных, и отказаться от Посредничества нельзя, не окончив их. Я нынче начинаю езду по уст[авным] Грам[отам]. — Тебе, я воображаю, должно быть, тоже не весело в Туле и без денег, так за что же нам как будто обвинять друг друга.

Л. Толстой.

Датируется по содержанию: Толстой подал прошение об увольнении его от должности мирового посредника 30 апреля 1862 г.

¹ Студенты — учителя школ, основанных Толстым.

238. М. Н. Каткову.

1862 г. Апреля 11. Я. П.

11 Апреля.

М. Г. Михаил Никифорович!

Я принялся только на днях за свой запроданный роман¹ и не мог начать раньше. Напишите мне пожалуйста, когда вы желаете иметь его. Для меня самое удобное время — Ноябрь, но я могу и гораздо раньше. Ежели вам это неудобно, напишите прямо, я вам возвращу деньги (я теперь в состоянии это сделать) и все-таки отдам роман только в Русский Вестник. Ежели бы и вовсе раздумали, то я с удовольствием бы и вовсе отказался. Пожалуйста напишите мне обстоятельно и *совершенно откровенно*. Я, главное, желаю сделать так, чтобы вы были довольны. Журнал мой совсем не идет, и до сих пор о нем не было ни одного слова в литературе.² Такими [замалчиваниями]³ не бывает встречена ни одна поваренная книга. Должно быть, вопросы о централизации и децентрализации и о народности в науке и о фельетоне Безрылова⁴ важны. Материалов у меня, особенно на отдел книжки,⁵ готово на 3 №-а вперед, и я вообще предан этому делу больше, чем прежде его начала. Ожидаю ответа.

Ваш Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива М. Н. Каткова (тетрадь № 21), хранящейся в БЛ.

Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», М. 1939, № 37/38, стр. 196—197. Месяц и число проставлены на копии; год определяется содержанием: упоминанием о «запроданном романе» и об издании журнала.

¹ «Казаки».

² Об отношении критики к журналу «Ясная Поляна» см. т. 8, а также: Н. Н. Гусев, «Молодой Толстой», изд. Толстовского музея, М. 1927, стр. 350—358; С. Ашевский, «Ясная Поляна» Льва Толстого в критике 60-х годов», «Русская школа», 1913, 10, 11. Подробную библиографию критических статей об «Ясной Поляне» см. в книге В. С. Спиридонова «Л. Н. Толстой. Библиография», т. I, «Academia», М. — Л. 1933.

³ В копии пропуск. Ставим в скобках слово, соответствующее смыслу фразы.

⁴ Под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов» помещал свои фельетоны в 1861—1862 гг. в редактируемом им журнале

«Библиотека для чтения» А. Ф. Писемский. Фельетоны эти, направленные против движения 60-х гг., в частности против литературных вечеров и воскресных школ, вызвали большое возбуждение в прогрессивной печати того времени, особенно в журнале «Искра». Писемский продолжал полемику, после чего редакторы «Искры» вызвали его на дуэль. «Современник» также вступил в полемику, приняв сторону «Искры».

⁵ «Книжки» выходили ежемесячно в виде приложений к журналу «Ясная Поляна» и содержали материал для детского чтения (см. т. 8).

На письмо Толстого Катков отвечал следующим письмом от 15 апреля 1862 г.:

«Я нисколько не теряю из виду Вашего издания, многоуважаемый Граф Лев Николаевич, и в скором времени буду говорить о нем в «Русском вестнике». В моих статьях найдете Вы, я уверен, чувство самое доброжелательное.

Что же касается до Вашего романа, то как бы ни хотелось мне видеть его поскорее в своих руках, я буду ждать его терпеливо. Вы пишете о взятых Вами из редакции деньгах: Вы бы очень огорчили и обидели меня, если бы задумали предлагать мне их назад...»

239. П. А. Шлетневу.

1862 г. Мая 1. Я. П.

Ради Бога простите меня, многоуважаемый Петр Александрович, что еще не отвечал вам. Я тем более виноват, что мне редко удается получать письма столь приятные, как ваши. Ваше высказываемое сочувствие мне очень дорого. А Робинзона вы похвалили самым лестным для меня образом. ¹ —

Тургеневский роман меня очень занимал и понравился мне гораздо меньше, чем я ожидал. Главный упрек, который я ему делаю — он холоден, холоден, что не годится для Тургеневского дарованья. Всё умно, всё тонко, всё художественно, я соглашусь с вами, многое назидательно и справедливо, но нет ни одной страницы, которая бы была написана одним почерком с замираньем сердца, и потому нет ни одной страницы, которая бы брала за душу. — Я очень жалею, что не согласен с вами и Ф. И. Тютчевым ² — но не согласен. ³ — Между прочим, во избежание недоразумений считаю нужным вам сообщить, что между мной и Г-ном Тургеневым прерваны всякие личные сношения. —

Душевно кланяюсь вашей супруге ⁴ и благодарю за ее обо мне память. Желал бы, чтобы вашему молодому человеку ⁵ по-

нравились повести 4-й книжки *«Ложской кормит, а стеблем глаз колет»*⁶ так же, как Робинзон. Критика его очень мне дорога — ежели он по отцу пошел. —

Истинно уважающий вас

Л. Толстой.

1 Мая.

Впервые опубликовано в сборнике «Л. Н. Толстой и П. А. Плетнев», стр. 27. На письме сделала помета рукой П. А. Плетнева: «Получено] 4 мая 1862».

Ответ на письмо П. А. Плетнева от 20 марта 1862 г. из Петербурга (там же, стр. 25—26).

Петр Александрович Плетнев (1792—1862) — профессор русской литературы и ректор Петербургского университета, критик и журналист. Один из близких людей к Пушкину, ведавший делом его изданий. Пушкин посвятил Плетневу «Евгения Онегина». После смерти Пушкина Плетнев сделался издателем основанного им «Современника», но в 1847 г. продал право издания Некрасову и Панаеву. В 1849 г. Толстой подавал на имя Плетнева, как ректора Петербургского университета, прошение о разрешении держать экстерном экзамены.

С Плетневым Толстой встречался в Париже в феврале 1857 г. (см. Дневник Толстого, т. 47, стр. 114—116). Переписка Толстого с Плетневым охватывает время с февраля по май 1862 г. и состоит из двух писем Плетнева и одного — Толстого. См. Л. Б. Модзалевский, «Л. Н. Толстой и П. А. Плетнев» — «Толстой. 1850—1860. Материалы, статьи», редакция В. И. Срезневского, Л. 1927. В 1910 г. Толстой вспомнил Плетнева, заметив А. Б. Гольденвейзеру: «Он ко мне был очень ласков» (А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», II, М. 1923, стр. 89).

¹ «Робинзон» — рассказ для детей, помещенный в приложении к журналу Толстого «Ясная Поляна» — «Книжка для детей», кн. 2, февраль 1862 г. П. А. Плетнев прислал Толстому восторженный отзыв о Робинзоне, свой и своего восьмилетнего сына Алексея Петровича Плетнева, в письме от 20 марта 1862 г.

² Федор Иванович Тютчев (1803—1873) — поэт. Толстой был лично знаком с Тютчевым и очень высоко ценил его как поэта.

³ Речь идет о романе Тургенева «Отцы и дети», опубликованном во втором (февральском) номере «Русского вестника» 1862 г., стр. 473—663.

⁴ Александра Васильевна Плетнева, рожд. кн. Щетинина (1826—1901) — вторая жена П. А. Плетнева (с 1849 г.).

⁵ См. прим. 1.

⁶ См. историю написания этого рассказа в статье Толстого: «Кому у кого учиться писать — крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят», напечатанной сначала в журнале «Ясная Поляна», книжка для чтения за апрель 1862 г., а затем перепечатанной в сочинениях Толстого (см. т. 8 настоящего издания).

* 240. Т. А. Ергольской.

1862 г. Мая 19. Москва.

Я нынче еду из Москвы, сам не знаю куда — в Бугуруслан¹ или в Елтон,² решу в Самаре.³ Что Сережа? Пожалуйста напишите про него или он сам — в Самару на почту. Никого не видал, кроме Берсов, Каткова и Аксакова. Докончил статьи в 4-й №; ⁴ просите Господа не падать духом, а работать и работать, что я и намерен делать. Письмо Барону Нольде впишите имя, отчество и пошлите.⁵ — Мальчики здоровы, Москва нам не нравится. По журналу слава Богу. — Целую ваши руки.

Л. Толстой.

На конверте:

Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.
В Тулу. Ясные Поляны.

Дата определяется почтовыми штемпелями на конверте.

¹ Бугуруслан — уездный город Самарской губернии.

² Елтон (Элтон), или, собственно, Алтан-нор, то есть Золотое озеро (у татар и калмыков) — соленое озеро в Астраханской губернии.

³ 12 мая 1862 г. Толстой, почувствовав себя переутомленным и физически нездоровым (он сильно кашлял), поехал на кумыс в Самарскую губернию с двумя своими учениками Василием Морозовым и Егором Черновым.

До Москвы Толстой доехал на лошадях, от Москвы по железной дороге до Твери, а из Твери до Самары на пароходе по Волге. См. запись в Дневнике под 20 мая 1862 г. (т. 48).

⁴ В № 4 (апрельском) «Ясной Поляны» была помещена статья Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы (продолжение)». См. т. 8, стр. 110—125.

⁵ Вероятно, бар. Николай Карлович Нольде, заседатель Палаты гражданского суда в 1856—1858 гг. Письмо к нему Толстого неизвестно.

* 241. М. А. Маркович.

1862 г. Мая 19. Москва.

Ваш искренний сочувственный голос очень был мне приятен, от души благодарю вас за то, что вы написали мне. Я еще виноват перед вами. Я всю весну и лето (прошрое) кашлял и думал, что я вот, вот умру. И в это время я получил ваше

письмо, на которое не ответил.¹ Зимой я поправился, но теперь опять кашляю и нынче уезжаю на кумыс. В издании вследствие этого выйдет маленькая неаккуратность, которая наверстается, ежели здоровье поправится.

Как ни плохи первые три книжки Я[сной] П[оляны], вы видите из них, что мы хотим, а вы *можете*.

Присылайте мне пожалуйста и позволяйте быть откровенным.

Л. Толстой.

Письмо написано из Москвы, как и предыдущее письмо Ергольской, в день отъезда на кумыс в Самарскую губернию. См. прим. 3 к п. № 240.

Мария Александровна Маркович, рожд. Велинская (1829—1907) — писательница, известная под псевдонимом Марко Вовчок, писала преимущественно романы и рассказы из крестьянского быта.

¹ Письмо М. А. Маркович к Толстому от 1861 г. неизвестно.

242. Т. А. Ергольской.

1862 г. Мая 24. Казань.

Chère tante!

Я в Казани у Вл[адимира] Ив[ановича].¹ Путешествие до сих пор было наслажденье. — Попросите Ник[олая] Павл[овича]² распорядиться выслать № Ясн[ой] П[оляны] Вл[адимиру] Ив[ановичу] Юшкову в Казань, еще велите выслать бюст³ Nicolas и пришлите Вл[адимиру] Ив[ановичу] и мою карточку. Обнимаю вас.

Л. Толстой.

На конверте:

В Тулу. Ее Высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской. Для доставления в С. Ясную Поляну.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 457. На конверте помета рукой Т. А. Ергольской: «Получила 7-го июня 1862 года. Четверг. Тула».

¹ Владимир Иванович Юшков (1789—1868) — отставной полковник. Женившись в 1817 г. на тетке Толстого гр. П. И. Толстой, поселился в Казани. В 1850-х гг. он разошелся с женой. В его доме в Казани провел Толстой юность. Подробнее см. тт. 46 и 59.

² Н. П. Петерсон.

³ Бюст Н. Н. Толстого работы Гифса.

243. Т. А. Ергольской.

1862 г. Мая 27. Самара.

Chère tante!

Я нынче еду из Самары за 130 верст в Каралык, — Николаевского уезда. Адрес мой — в Самару, Юрию Федоровичу Самарину,¹ для передачи Л. Н. Т. Путешествие я сделал прекрасное, место мне очень нравится, здоровье лучше, т. е. меньше кашляю. Алексей и ребята живы и здоровы, что можете сообщить их родным. Пожалуйста напишите мне о Сереже или он сам. Всем дорогим товарищам² поклон и прошу их писать мне, что и как у них делается и живет. Влад. Ив.³ молодцом еще. С места напишу вам подробнее.

Целую ваши руки. Л. Толстой.

27 Мая.

Разумеется, известия о Машеньке⁴ вы мне сообщите.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 457.

¹ Юрий Федорович Самарин (1819—1876) — общественный деятель и писатель, один из видных представителей славянофильства. В 1858 г. Самарин был назначен от правительства в Самарский комитет по улучшению быта крестьян и принимал деятельное участие в проведении крестьянской реформы в этой губернии. В эпоху создания «Войны и мира» Толстой неоднократно беседовал с Ю. Ф. Самариным о своих исторических воззрениях. Неотправленное письмо Толстого к Ю. Ф. Самарину 1867 г. см. в т. 61.

² Толстой подразумевает студентов-учителей в открытых им школах.

³ В. И. Юшков.

⁴ М. Н. Толстая в это время жила в Швейцарии.

Т. А. Ергольская ответила Толстому письмом от 11 июня 1862 г.

244. Т. А. Ергольской.

1862 г. Июня 28. Каралык.

Chère tante! ¹

Вот уж месяц, как я без всяких известий о вас и из дома, пожалуйста напишите мне о всех, во 1) родных, во 2) студентах и т. д. Вы, верно, получили мои два письма. Мы с Алексеем толстеем, в особенности он, но кашляем немного, тоже в особенности он. Живем мы в кибитке, погода прекрасная. Я нашел приятеля Столыпина Атаманом в Уральске² и ездил к нему и привез оттуда писаря, но диктую и пишу мало.³

Лень одолевает при кумысе.⁴ Через две недели я намерен отсюда выехать, и потому к Ильину дню думаю быть дома. Меня мучает неизвестность в этой глуши и еще мысль о том, что я безобразно отстал в издании журнала. Целую ваши руки. Пожалуйста, пишите подробно о Сереже, Маше, студентах, которым кланяюсь.

Л. Толстой.

28 Июня.

При сем письма ребят родителям.

Впервые опубликовано в Б. I, 1, стр. 457—458.

¹ [Дорогая тетенька!]

² Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821—1899) — приятель и сослуживец Толстого по Севастополю. А. Д. Столыпин после Крымской войны был атаманом Уральского казачьего войска.

³ В Каралыке была написана Толстым статья «Воспитание и образование». См. т. 8, стр. 211—246.

⁴ О пребывании Толстого в Каралыке см. воспоминания его ученика В. С. Морозова, изд. «Посредник», М. 1917.

245. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Июля 22 — 23? Москва.

Я получил ваше письмо,¹ дорогой друг, перед отъездом из Самары, и решил отвечать из Москвы. Благодарствуйте за вашу любовь; я совсем не так болен, даже совсем не болен. А бедный Кутлер!² Я видел его, и мне кажется, что он уж мертвый. Говорят, однако, что ему лучше. Какие это опасения вы имели на мой счет? Это меня интриговало всё время и только теперь, получив известия из Ясной Поляны, я всё понял. Хороши ваши друзья! Ведь все Потаповы,³ Долгорукие⁴ и Аракчеевы⁵ и равелины⁶ — это всё ваши друзья. Мне пишут из Ясной: 1-го Июля приехали 3 тройки с жандармами, не велели никому выходить; должно быть и тетиньке, и стали обыскивать.⁷ — Что они искали — до сих пор неизвестно. Какой-то из ваших друзей, грязный полковник, перечитал все мои письма и дневники, которые я только перед смертью думал поручить тому другу, кот[орый] будет мне тогда ближе всех; перечитал две переписки, за тайну кот[орых] я бы отдал всё на свете, — и уехал, объявив, что он *подозрительного* ничего не нашел. Счастье мое и этого вашего друга, что меня

тут не было, — я бы его убил! Мило! славно! Вот как делает себе друзей правительство. Ежели вы меня помните с моей политической стороны, то вы знаете, что всегда и особенно со времени моей любви к школе, я был совершенно равнодушен к правительству и еще более равнодушен к теперешним либералам, кот[орых] я презираю от души. Теперь я не могу сказать этого, я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милому правительству, кот[орое] обыскивает у меня литографские и типографские станки для перепечатывания прокламаций Герцена, кот[орые] я презираю, кот[орые] я не имею терпения дочесть от скуки. Это факт — у меня раз лежали неделю все эти прелести прокламации и Колокол, и я так и отдал, не прочтя. Мне это скучно, я всё это знаю и презираю не для фразы, а от всей души.

И вдруг меня обыскивают с студентами, всё равно, ежели бы вас стали обыскивать в убитом ребенке. Право, это не так еще оскорбительно. Ежели они знают и заботятся о моем существовании, то им бы можно узнать лучше. Милые ваши друзья! Я еще не видал тетиньки, но воображаю её. — Как то я писал вам о том, что нельзя искать тихого убежища в жизни, а надо трудиться, работать, страдать. Это всё можно, но ежели бы можно было уйти куда-нибудь от этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, кот[орые] приветливо улыбаются. Я, право, уйду, коли еще проживу долго, в монастырь, не Богу молиться — это не нужно по моему, а не видать всю мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах. — Тьфу! — Как вы, отличный человек, живете в Петербурге? Этого я никогда не пойму, или у вас уж катаракты на глазах, что вы не видите ничего.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 41. Дата определяется содержанием: Толстой вернулся в Москву из Самарской губернии 21 июля и пробыл в Москве три дня.

¹ Письмо А. А. Толстой от 14 июня 1862 г. (см. ПТ, стр. 159—160).

² Федор Федорович Кутлер.

³ Толстой имеет в виду Александра Львовича Потапова (1818—1886), бывшего в 1860—1861 гг. московским обер-полицмейстером, в 1861—1864 гг. управляющим III отделением. В 1874—1876 гг. Потапов был начальником III отделения и шефом жандармов.

⁴ Кн. Василий Андреевич Долгоруков (1804—1868). 14 декабря 1825 г., будучи корнетом л.-гв. конного полка, находился в Зимнем дворце с внутренним караулом и с тех пор пользовался благоволением Николая I; в 1841—1856 гг. военный министр, в 1856—1866 гг. начальник III отделения и шеф жандармов.

⁵ Гр. Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834) — временщик при Александре I.

⁶ Равелины Петропавловской крепости в Петербурге служили местом заключения наиболее важных «политических преступников».

⁷ Обыск в Ясной Поляне был сделан по распоряжению шефа жандармов кн. Долгорукова 6 июля 1862 г. по доносу на Толстого и на учителей его школ — «студентов», как их называли, агента III отделения Зимина (он же Шипов). Агент доносил, «что при графе находится более 200 студентов разных университетов и без всяких видов, большая часть из сих студентов проживают в волостных правлениях участка графа Толстого и занимают должности учителей крестьянских мальчиков, а также писарей в волостных правлениях, по воскресным же дням все они собираются к графу... На четвертой неделе минувшего великого поста к графу Толстому привезены были из Москвы литографические камни со шрифтом и какие-то краски; на этих камнях... предположено было печатать какие-то запрещенные сочинения, но это предположение не состоялось потому, что Ясные Поляны, где предполагалось прежде печатать, близки к городу; все эти камни и инструменты для печатания перевезены потом в другое имение графа в Курскую губернию и что печатание на привезенных к графу литографских камнях начнется с августа».

Далее агент Зимин-Шипов доносил: «В имении его сиятельства графа Льва Толстого в числе показанных мною учителей находится еще один курьер, должность его состоит в частых поездках по трактам к Харькову и в Москву, также у его сиятельства часто бывают продавцы разного товара из Стародубенных слобод, которые у него иногда ночуют и живут по 1 и по 2 дня. Также мне известно, что в августе месяце настоящего года предплагается у его сиятельства печатание какого-то манифеста по случаю тысячелетия России и оный манифест был у них на просмотрении и отправлен для чего-то за границу, но куда, мне неизвестно. — К тому же в доме его сиятельства из кабинета и канцелярии устроены потайные двери и лестницы и вообще дом в ночное время всегда оберегается большим караулом». (Дело III отделения собственной его величества канцелярии «О графе Льве Толстом», Спб. 1906, стр. 40, 42.)

Обыск в Ясной Поляне был произведен в составе жандарма Дурново, штаб-ротмистра Кабеляцкого, прибывшего из Крапивны исправника и станового. Обыск продолжался два дня и не ограничился одной Ясной Поляной, но был произведен и в некоторых школах (Кривцово, Колпна) и имении покойного брата Толстого Николая Николаевича — Никольское-Вяземское, Чернского уезда. Осмотру дома и кабинета в рапорте Дурново посвящены следующие строки: «По осмотру кабинета и дома гр. Толстого никаких предосудительных бумаг не оказалось, и только по некоторым частным письмам, писанным в 1858 г. к нему Тургеневым, можно было судить, что он находится в коротких сношениях с Герценом и что пе-

реписка прошлых годов чрезвычайно большая, но писем нынешнего года найдено очень мало». У студентов были отобраны для проверки виды на жительство. Очевидец этого обыска тульский педагог Е. Л. Марков в своей статье «Живая душа в школе» («Вестник Европы», 1900, 2, стр. 584) передает следующие подробности: «Как мировой посредник первого призыва, горячо сочувствовавший делу освобождения крестьян, гр. Л. Толстой действовал, разумеется, в таком духе, который страшно ожесточил против него огромное большинство помещиков. Он получил множество писем с угрозами всякого рода: его собирались и побить и застрелить на дуэли; на него писались доносы...

В отсутствие Льва Николаевича в доме его проживала хозяйкой старушка-тетка, да гостила с детьми родная сестра графа, Мария Николаевна, по мужу тоже графиня Толстая. Я и наш общий приятель Г. А. Ауэрбах проводили это лето с своими семьями верстах в пяти от Ясной Поляны, сняв внаймы дом одного помещика в той же Малиновой Засеке, среди которой была и Ясная Поляна. Вдруг рано утром к нам верховой из Ясной Поляны. Нас просят поскорее приехать по важному делу. Мы с Ауэрбахом садимся в шарабан и катим что есть духу. Въезжаем на двор, смотрим — там целое нашествие! Почтовые тройки с колокольчиками, обывательские подводы, исправник, становые, сотские, понятые и в довершение всего — жандармы. Жандармский полковник во главе этой грозной экспедиции, со звоном, шумом и треском подкатившей вдруг к мирному дому Льва Николаевича, к бесконечному изумлению деревенского люда. Нас едва пропустили в дом. Бедные дамы лежат чуть не в обмороке. Везде кругом стража, всё разрыто, раскрыто, перевернуто, ящики столов, шкапы, комоды, сундуки, шкапулки. В конюшне поднимают ломом полы; в прудках парка стараются выловить сеть преступный типографский станок, вместо которого попадают только одни невинные караси да раки. По-являю, что злополучную школу и подавно вывернули вверх дном, но, не найдя ничего, отправились таким же людным и шумным свадебным поездом, гремя колоколами и гремушками, по всем, кажется, 17-ти школам мирового участка, перевортывая столы и шкапы, забирая тетради и книги, арестовывая учителей и поселяя, конечно, в темной мужицкой толпе, без того не особенно дружелюбной к школе и учению, — самые нелепые предположения...»

Об обыске в Ясной Поляне см. также: воспоминания Д. Д. Оболенского «Наброски и воспоминания» — «Русский архив», 1894, 10; Т. А. Кузминская, «Моя жизнь в доме и в Ясной Поляне. 1846—1862», М. 1925, стр. 123; «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» — «Звенья», 1932, кн. 1, стр. 374—412.

* 246. Гр. С. Н. Толстому.

1862 г. Августа 6. Я. П.

Я приехал недели две после твоего отъезда.¹ Маша же выехала из Вех в тот самый день, как ты выехал из Тулы. Она пробудет здесь до 17 Авг[уста]. Кумыс чудес не делает, как

и всякое лечение, но кашель мой прошел. Главное событие, случившееся у нас во время твоего отсутствия, это посещение Ясн[ой] Пол[яны] жандармами. Это было без меня при Маше. Нарочно присланный из Петербурга Полковн[ик] Жандарм[ский] Дурново с исправником, Становым и каким то частным Приставом подкатили с колоколами на 3-х тройках. Все студенты были в Ясной: их арестовали во флигеле и стали обыскивать, потом пошли в мой кабинет, где жила Маша, перерыли там всё, лазили в фотографию, в судно, в подвал, поднимали камни, ездили в Крыльцово и в Колпну, ездили в Никольское, всё перерыли и, разумеется, ничего не нашли. Искали, главное, типографию, в котор[ой] я должен печатать воззвание. Должно быть какой нибудь Михаловский² так угрожал мне доносом. Я еще ничего не предпринял по этому случаю, но намерен написать письмо Государю. — Студенты, Машинька и тетинька перепугались страшно и прятали разные письма, котор[ые] не нужно было и нечего было прятать. — Жандарм объявил, что ничего не нашел подозрительного; но ежели можно нагрнуть в дом, то завтра можно нагрнуть и сковать меня и тетиньку без всякой причины. Когда я узнал про всё это по письму в Москве, мне это было только смешно, как и тебе, может быть, покажется, но чем дольше проходит времени, тем больше это злит и мучает. — Остальное у нас всё по старому — тетинька, студенты, коростовое хозяйство и т. д. Школы не начинались. Журнал отстал на 2 месяца почти, но идет и подписка и хорошее о нем мнение. У тебя, сколько я могу судить по письму Мещерского³ и словам Михея,⁴ всё идет — т. е. ничего особенно, след[овательно] дурного не случилось.

Машинька на мой взгляд действительно переменялась много к лучшему, стала спокойнее, проще, доверчивее. Нынче был управляющий, молодой немец, который мне очень понравился, я попросил его подождать тебя две недели, как ты хочешь приехать. Мне однако, по правде сказать, не хотелось бы, чтобы ты приезжал так скоро. Мне всё кажется, что тебе бы хорошо было пожить подольше вне милого отечества, кот[орое] на тебя нехорошо действует. В Туле у тебя ничего особенного нет, по слухам, я сам не был. Петерсон⁵ ездит. Машенька без меня была у Маши⁶ и привозила с собой Гришу,⁷ от него все наши пришли в радость, а Наталь[я] Петр[овна]⁸ внушила ему, чтобы он целовал ручки и чувствовал. — Видел я в Казани

Влад[имира] Ив[ановича]⁹ — точно такой же, как был. Ну да об этом всё расскажу на словах. Деньги посылаются с сею же почтою 500 р. Ежели прошла неделя 6 дней с получения твоего письма, то право нельзя было иначе. От Михея только 300 р., остальные Машенькины. Михей еще не получал за землю. — Прощай, Машинька и тетинька тебя целуют. Письма и ведомость Мещерского посылаю, Михей приедет завтра, и я велю ему написать.

Л. Толстой.

6 Августа.

¹ С. Н. Толстой уехал за границу — в Бе (Вех, Швейцария).

² Валерьян Ильич Михаловский — помещик Крапивенского уезда. Его фамилия стоит первой под жалобой на Толстого крапивенских дворян, поданной уездному предводителю дворянства в августе 1861 г. Михаловский был выбран крапивенским дворянством в мировые посредники 4-го участка, но вместо него в посредники тульским губернатором был назначен Толстой. См. письмо к нему № 216.

³ Мещерский — управляющий именем С. Н. Толстого.

⁴ Михей — староста имения С. Н. Толстого.

⁵ Н. П. Петерсон.

⁶ Мария Михайловна Шишкина, жена С. Н. Толстого.

⁷ Григорий Сергеевич Толстой.

⁸ Н. П. Охотницкая.

⁹ В. И. Юшков.

247. С. А. Рачинскому.

1862 г. Августа 7. Я. П.

Письмо ваше, любезнейший Сергей Алексеевич,¹ одно из тех, которые я считаю наградой за свою неблагодарную (в смысле сочувствия публики) деятельность. Я и не рассчитываю на эти награды, но тем приятнее их получать. Вы прочли, поняли и кое с чем согласны; *большинство* же говорит: «Это какой Толстой? не Алексей?»² не Оберпрокурор?³ Ах, да «Детство». Он мило пишет, и успокоиваются. Стдою⁴ я на днях пошлю свои книжки. Я его самого не знаю; но знаю его заведение, и все-таки оно самое интересное и, главное, единственное почти живое заведение из всех немецких школ.⁵ Остальные, вы знаете, как мертвы, совсем мертвы.

Что бы вы или ваша сестра⁶ написали мне в «Я[сную] П[оляну]» о жизни и развитии вашей школы. Оттенок школы под

женской рукой очень интересен; особенно в вашем семействе. Учителя в школах все студенты. Все бывшие семинаристы (их было у меня шесть) не выдерживают больше года, запивают или зафранчиваются. Главное условие, по моему необходимому для сельского учителя, это уважение к той среде, из к[отор]ой его ученики, другое условие — сознание всей важности ответственности, к[отор]ую берет на себя воспитатель. Ни того ни другого не найдешь вне нашего образования (университетского и т. п.). Как ни много недостатков в этом образовании, это выкупает их; ежели же этого нет, то уж лучше всего учитель мужик, дьячек и т. п., тот так тождественен в взгляде на жизнь, в верованиях, привычках с детьми, с кот[орыми] имеет дело, что он невольно не воспитывает, а только учит. Или учитель совершенно свободный и уважающий свободу другого, или машина, посредством к[отор]ой выучивают, чему там нужно. — У меня 11 студентов, и все отличные учителя. — Разумеется, наши совещания и журнал содействуют этому, но, право, сколько я не знал студентов, такая славная молодежь, что во всех студенческих историях обвиняешь невольно не их. Разумеется, всё зависит от направления. Дать известное направление, навести на более серьезный взгляд — есть цель моего журнала. На днях были у нас школьные сельские учителя, студенты не нашего кружка, и эти господа уверяли, что библия есть сброд нелепостей, к[отор]ые нужно передавать ученикам, и что цель школы есть уничтожение суеверий. Меня не было, но все наши спорили против них. Вы говорите — не студентов. А я советую вам студентов, только с руководителем. Студенты на мой взгляд не имеют и не могут иметь направлений; они только люди, способные принять направление. Я рекомендовать не могу, я бы сам взял и поместил еще 10 студентов, к[отор]ых ищу. Советую взять студента, и вы увидите, как вся quasi-либеральная дребедень, яко воск от лица огня, растает от прикосновения с народом.

Душевно кланяюсь всем вашим и жму вашу руку.

Л. Толстой.

7 Августа.

Я переврал ваше отчество, кажется, извините и поправьте. —

Впервые опубликовано в «Русских прощаниях», 1916, II, стр. 264—265.

Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) — ботаник, в 1856 г. уехал за границу для подготовки к профессуре. Был знаком с Лассалем и Листом. Перевел на немецкий язык «Семейную хронику» Аксакова, напечатанную в Лейпциге в 1858 г. По возвращении в Москву занимал кафедру физиологии растений в Московском университете. В это же время стал одним из редакторов «Русского вестника», помещая в нем популярные статьи по ботанике, педагогике, музыке, истории искусства; в эти же годы напечатал ряд переводов. Зимой 1861 г. он по болезни провел в Риме вместе с Листом и В. П. Боткиным. В 1886 г., вследствие университетского конфликта, вместе с М. Н. Капустиним, И. К. Бабстом, Ф. М. Дмитриевым и Б. Н. Чичериним подал в отставку и поселился в имении своего брата, Татеве (Бельского уезда Смоленской губернии), где посвятил себя школьному делу.

¹ Ошибка Толстого: Рачинский Сергей Александрович, а не Алексеевич.

² Гр. Алексей Константинович Толстой (1817—1875) — поэт, троюродный брат Л. Н. Толстого, с которым он познакомился в Петербурге в 1856 г.

³ Гр. Александр Петрович Толстой (1801—1873) — двоюродный дядя Л. Н. Толстого, обер-прокурор Синода в 1856—1862 гг.

⁴ Карл Волькмар Стой (1815—1885) — немецкий педагог, основатель и руководитель нескольких учебных заведений и педагогических семинарий в Иене, профессор Иенского университета. Об учебном заведении Стоя Рачинским напечатан был очерк в «Русском вестнике», 1857, № 9; Толстой осматривал его школу в 1861 г.

⁵ В письме к Толстому от 22 мая из Татевы С. А. Рачинский советовал Толстому послать журнал «Ясная Поляна» Стою. «Само собою разумеется, — пишет Рачинский, — что Стой найдет Ваши мнения дикими, Ваши методы фантастическими. Но он человек умный и внимательно приглаждающийся к детям. Я убежден, что Ваши наблюдения не пройдут для него даром и что в глубине души он согласится с Вами во многом, даже если не захочет самому себе признаться в этом. Дело в том, что во многих из Ваших положений, которые кажутся парадоксами в силу привычки к совсем иному, лежит незотражимая истина...» Письмо Рачинского напечатано в сборнике ПТТ, стр. 210.

⁶ Варвара Александровна Рачинская (1836—1910), о ее школе писал Рачинский в своем письме от 22 мая 1862 г.

248. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Августа 7. Я. П.

Я вам писал из Москвы; я знал всё только по письму; теперь, чем дольше я в Ясной, тем большей и большей становится нанесенное оскорбление и невыносимее становится вся испорченная жизнь. Я пишу это письмо обдуманно, стараясь

ничего не забыть и ничего не прибавить, с тем, чтобы вы показали его разным разбойникам Потаповым и Долгоруким, кот[орые] умышленно сеют ненависть против правительства и роняют Государя во мнении его подданных. Дела этого оставить я никак не хочу и *не могу*. Вся моя деятельность, в кот[орой] я нашел счастье и успокоенье, испорчена. Тетинька больна так, что не встанет. Народ смотрит на меня уж не как на честного человека, мнение, к[отор]ое я заслужил годами, а как на преступника, поджигателя или делателя фальшивой монеты, к[отор]ый только по плутоватости увернулся. «Что, брат? попался! будет тебе толковать нам об честности, справедливости; самого чуть не заковали». О помещиках, что и говорить, это стон восторга. Напишите мне, пожалуйста, поскорее, посоветовавшись с Перовским ¹ или А. Толстым, ² или с кем хотите, как мне написать и как передать письмо Государю? Выхода мне нет другого, как получить такое же гласное удовлетворение, как и оскорбление (поправить дело уже невозможно), или экспатрироваться, на что я твердо решился. К Герцену я не поеду. Герцен сам по себе, я сам по себе. Я и прятаться не стану, я громко объявлю, что продаю именья, чтобы уехать из России, где нельзя знать минутой вперед, что меня, и сестру, и жену, и мать не скуют и не высекут, — я уеду.

Но вот в чем дело и смешно, и гадко, и зло берет. — Вы знаете, что такое была для меня школа, с тех пор, как я открыл ее, это была вся моя жизнь, это был мой монастырь, церковь, в которую я спасался и спасся от всех тревог, сомнений и искушений жизни. Я оторвался от нее для большого брата и, еще более усталый и ищущий труда и любви, вернулся домой и неожиданно получил назначение в Посредники. У меня был журнал, была школа, я не посмел отказаться перед своей совестью и в виду того ужасного, грубого и жестокого дворянства, к[отор]ое обещалось меня съесть, ежели я пойду в Посредники. Вопли против моего посредничества дошли и до вас, ³ но я просил два раза суда и оба раза суд объявил, что я не только прав, но что и судить не в чем; ⁴ но не только перед их судом, перед своей совестью я знаю, особенно последнее время, что я смягчал, слишком смягчал закон в пользу дворян. — В этот же год начались школы в участке. Я выписал студентов и, кроме всех других занятий, возился с ними. Все из 12-ти, кроме одного, оказались отличными людьми; я был так счаст-

лив, что все согласились со мной, подчинились, не столько моему влиянию, сколько влиянию среды и деятельности. Каждый приезжал с рукописями Герцена в чемодане и революционными мыслями в голове и *каждый*, без исключения, через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывал из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам, и раздавал Евангелия читать на дом. Это факты, все 11 человек делали это без исключения и не по предписанию, а по убеждению. Я голову даю на отсечение, что во всей России в 1862 году не найдется такого 12-го студента.

Всё это шло год — посредничество, школа, журнал, студенты и их школы, кроме домашних и семейных дел. И всё это шло не только хорошо, но отлично. Я часто удивлялся себе, своему счастью и благодарил Бога за то, что нашлось мне дело тихое, неслышное и поглощающее меня всего. К весне я ослабел, доктор велел мне ехать на кумыс. Я вышел в отставку и только желал удержать силы на продолжение дела школ и их отраженья — журнала. Студенты всё время [моего] отсутствия вели себя так же хорошо, как и при мне; на рабочую пору они закрыли школы и жили в Ясной с тетинькой. Сестра приехала из за границы повидаться с нами и поместилась в моем кабинете. Меня ждали с дня на день. — 6-го Июля с колокольчиками и вооруженными жандармами подскакали три тройки к Ясенскому дому. Судьи и властелины мои, от кот[орых] зависела моя судьба и судьба 75-летней тетиньки и сестры и 10 молодых людей, состояли из какого-то жандармского Полковника Дурново, Крапивенского Исправника, Станового и частного Пристава — Кобеляцкого, выгнанного из какой то службы за то, что он был бит по лицу, и занимающего в Туле должность Губернаторского Меркурия. Этот самый Господин прочел все те письма, к[отор]ые читал только я и та, к[отор]ая их писала, и мой дневник, к[отор]ый никто не читал. — Они подъехали и тотчас же арестовали всех студентов. Тетинька выскочила мне на встречу — она думала, что это я, и с ней сделалась та болезнь, от к[отор]ой она и теперь страдает. Студентов обыскали везде и ничего не нашли. Ежели бы могло быть что-нибудь забавно, то забавно то, что студенты тут же, в глазах жандармов, прятали в крапиву и жгли те невинные бумаги, кот[орые] им казались опасны. Всё кажется опасным, когда вас наказывают без суда и без возможности оправдания.

Так что ежели бы и было что-нибудь опасного, вредного, то всё бы могло быть спрятано и уничтожено. Так что вся поездка в наших глазах не имеет другой цели, кроме оскорбления и показания того, что дамоклов меч произвола, насилия и несправедливости всегда висит над каждым. Частный Пристав и Жандарм не преминули дать почувствовать это всем в доме: они делали поучения, угрожали тем, что возьмут, требовали себе есть и лошадям корму без платы. Вооруженные жандармы ходили, кричали, ругались под окнами сестры, как в завоеванном крае. Студентам не позволяли перейти из одного дома в другой, чтоб пить чай и обедать. Ходили в подвалы, в ватер-клозет, в фотографию, в кладовые, в школы, в физический кабинет, требовали все ключи, хотели ломать, и не показали никакой бумаги, на основании которой это делалось. Всего этого мало — пошли в мой кабинет, который был в то время спальней сестры, и перерыли всё; частный пристав прочел всё, что мне писано и что я писал с 16 лет. Не знаю, в какой степени он нашел всё это интересным, но он *позволил* сестре выдти в гостиную и *позволил* ей лечь спать, когда пришел вечер, и то только после того, как его об этом попросили. Тут тоже происходили те же глупые, возмутительные сцены. Они читали и откладывали подозрительные письма и бумаги, а сестра и тетинька, вне себя от испуга, старались прятать самые невинные бумаги. Частному приставу показалось подозрительным письмо *старого* князя Дундукова Корсакова, и секретарь мой утащил это письмо из фуражки, куда оно было отложено. Разумеется, и тут ничего не найдено. Я уверен, что подозрительнее всего показалось то, что нет ничего заперщенного. Я твердо уверен, что ни один Петербургский дворец в $\frac{1}{100}$ долю не оказался бы так невинен при обыске, как невинна оказалась Ясная Поляна. Мало этого, они поехали в другую мою Чернскую деревню, почитали бумаги покойного брата, к[отор]ые я, как святыню, беру в руки, и уехали, *совершенно* успокоив нас, что подозрительного ничего не нашли, и прочитав всем поученья и потребовав себе обедать.

Я часто говорю себе, какое огромное счастье, что меня не было. Ежели бы я был, то верно бы уже судился, как убийца.

Теперь представьте себе слухи, которые стали ходить после этого по уезду и губернии между мужиками и дворянами. Тетинька с этого дня стала хворать всё хуже и хуже. Когда

я приехал, она расплакалась и упала; она почти не может стоять теперь. Слухи были такие положительные, что я в крепости или бежал за границу, что люди, знавшие меня, знавшие, что я презираю всякие тайные дела, заговоры, бегства и т. п., начинали верить.

Теперь уехали, позволили нам ходить из дома в дом, однако у студентов отобрали билеты и не выдают; но жизнь наша, и в особенности моя с тетинькой, совсем испорчена. Школы не будет, народ посмеивается, дворяне торжествуют, а мы волея-неволей, при каждом колокольчике думаем, что едут вести куда-нибудь. У меня в комнате заряжены пистолеты и я жду минуты, когда всё это разрешится чем-нибудь. — Г-н Жандарм постарался успокоить нас, что ежели что спрятано, то мы должны знать, что завтра, может быть, он опять явится нашим судьей и властелином вместе с Частным Приставом. Одно — ежели это делается без ведома Государя, то надобно воевать и из последних сил биться против такого порядка вещей. Так жить невозможно. Ежели же всё это так должно быть и Государю представлено, что без этого нельзя, то надо уйти туда, где можно знать, что, ежели я не преступник, я могу прямо носить голову, или стараться разуверить Государя, что без этого невозможно. —

Простите пожалуйста, может быть, я компрометирую вас этими письмами, но я надеюсь, что ваша дружба сильнее таких соображений и что вы во всяком случае скажете мне прямо ваше мнение обо всем этом и совет. Ежели вы со мной несогласны, может быть, я убежусь вашими доводами, а то, по крайней мере, оставлю вас в покое.

Прощайте, жму вашу руку и кланяюсь всем вашим, к[отор]ые, признаюсь, мне все представляются в каком-то нехо-рошем свете; мне кажется, вы все виноваты.

Л. Толстой.

7 Августа.

Ясн. Пол.

Впервые полностью опубликовано в «Русском богатстве», 1910, 8, стр. 238—240.

¹ Б. А. Перовский.

² Гр. Алексей Константинович Толстой.

³ Повидимому, Толстой имеет в виду две жалобы на него крапивенскому уездному предводителю дворянства от дворян Крапивенского

уезда, поданные в августе 1861 г. за подписями 19 дворян, и 12 ноября 1861 г., за подписями всех дворян Крапивенского уезда. Кроме того, 18 декабря 1861 г. крапивенский предводитель Щелин направил тульскому губернатору обширное письмо с обвинениями Толстого в пристрастном отношении к крестьянам в ущерб дворянским интересам (см. «Дворянское сословие Тульской губернии», т. V, часть первая. Составил дворянин Ефремовского уезда Михаил Тихонович Яблочков. Тула. 1903. Статья «Дело графа Л. Н. Толстого»). Статья имеется лишь в корректурных оттысках книги и не попала в печатный текст.

⁴ Документов об этом до сих пор не обнаружено. Весьма вероятно, что они погибли.

А. А. Толстая ответила письмом от 18 августа 1862 г., в котором выражала намерение свое, Б. А. Перовского и А. К. Толстого довести протест Толстого до сведения царя и Долгорукова. Письмо ее напечатано в ПТ, № 43.

249. Александру II.

1862 г. Августа 22. Москва.

Ваше Величество!

6-го Июля Жандармский Штаб-Офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение. В доме моем жили во время вакации мои гости, студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тетка и сестра моя. Жандармский офицер объявил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня; обысканы были: школа, подвалы и кладовые. Ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено.

Кроме оскорбления, нанесенного моим гостям, найдено было нужным нанести то же оскорбление мне, моей тетке и моей сестре. Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер объявил словесно, что он действует по Высочайшему повелению. Присутствие сопровождавших жандармских солдат и чиновников подтверждали его слова. Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанным и, уезжая, объявили моим гостям и семейству, что они свободны и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно они были и наши судьи и от них зависело обвинить нас подозрительными и несвободными. Жандармский офицер

прибавил, однако, что отъезд его еще не должен окончательно успокаивать нас, он сказал: каждый день мы можем опять приехать.

Я считаю недостойным уверять Ваше Величество в незаслуженности нанесенного мне оскорбления. Всё мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию и наконец журнал, в котором выражены все мои задушевные убеждения, могли бы без употребления мер, разрушающих счастье и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем. Кроме оскорбления, подозрения в преступлении, кроме посрамления во мнении общества и того чувства вечной угрозы, под которой я принужден жить и действовать, посещение это совсем уронило меня во мнении народа, которым я дорожил, которого заслуживал годами и которое мне было необходимо по избранной мною деятельности — основанию народных школ.

По свойственному человеку чувству, я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мною. Себя я не могу обвинять: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять: они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по Высочайшему повелению.

Для того чтобы быть всегда столь же правым в отношении моего Правительства и особы Вашего Величества, я не могу и не хочу этому верить. Я думаю, что не может быть волею Вашего Величества, чтобы безвинные были наказываемы и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мною, я решаюсь обратиться прямо к Вашему Величеству. Я прошу только о том, чтобы с имени Вашего Величества была снята возможность укоризны в несправедливости и чтобы были, ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени.

Вашего Величества

верноподданный

Граф Лев Толстой.

22 Августа 1862 г.

Москва.

Публикуется по автографу, хранящемуся в Центральном архиве в «Деле III отделения собственной его императорского величества канцелярии. О графе Льве Толстом». Опубликовано впервые во «Всемирном вестнике», 1906, № 7, особое приложение, стр. 62—63.

Настоящее письмо Толстой передал через флигель-адъютанта С. А. Шереметева в Петровском дворце во время маневров войск на Ходынском поле в Москве 23 августа 1862 г. См. об этом «Дневник Софьи Андреевны Толстой», 1862—1891 гг., М. 1928, стр. 17, Дневник Толстого под 23 августа 1862 г. (т. 48) и Т. А. Кузминская, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», изд. Сабашниковых, I, М. 1925, стр. 127. Александру II письмо Толстого было передано вместе с «всеподданнейшей справкой» шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова от 31 августа 1862 г., где не упоминается ни о литографском камне, ни о манифесте, ни о потайных лестницах и дверях, а причина обыска в Ясной Поляне объясняется лишь тем, что в имении Толстого проживают «молодые люди» без «письменных видов на жительство» (см. «Дело III отделения. О графе Льве Толстом», Спб. 1906, стр. 65—66).

Александр II вполне удовлетворился объяснениями Долгорукова, а письмо Толстого имело своим последствием лишь то, что Долгоруков отправил тульскому губернатору П. М. Дарагану следующее письмо (от 7 сентября 1862 г.): «Государь император изволил получить от помещика Тульской губернии графа Толстого всеподданнейшее письмо, относительно обыска в июле месяце, произведенного в имении его Ясная Поляна. Мера эта была вынуждена разными неблагоприятными сведениями на счет лиц, у него проживающих, близких его с ними сношений и других обстоятельств, возбуждивших сомнения, но хотя некоторые из тех лиц и оказались не имеющими для жительства законных видов, а у одного хранялись запрещенные сочинения, его величеству благоугодно, чтобы упомянутая мера не имела собственно для графа Толстого никаких последствий. Уведомляя Ваше превосходительство о таковой высочайшей воле, к надлежащему исполнению и представляя Вам сообщить оную графу Толстому при личном с ним свидании, прошу Вас вместе с тем передать графу, что если бы он во время пребывания полковника Дурново в Ясной Поляне находился там лично, то он, вероятно, убедился бы, что штаб-офицеры корпуса жандармов при всей затруднительности возлагаемых на них поручений стараются исполнить оные с той осторожностью, которая должна составлять неперемное условие их звания» (там же, стр. 67—68).

* 250. Т. А. Ергольской.

1862 г. Августа 22. Москва.

Chère tante! ¹

Нынче утром я проводил Машу. ² Она, слава Богу, здорова, отдохнула хорошо от дороги. Стояли мы у Берсов. Она не писала вам, я обещал это сделать и исполняю. Тетинька

Paulin³ провела у нас целый день и проводила ее. Tante Paulin имеет план, который я очень одобряю и который меня очень обрадовал. Она хочет переехать в Тульский монастырь. Я ей обещал сделать всё от меня зависящее и теперь прошу вас узнать, есть ли кельи, нанять или купить, и что такая будет стоить. Маша обещала писать мне из Петербурга, и тогда я вам напишу.

Я завтра подаю письмо Государю.

Прощайте, целую ваши руки.

Л. Толстой.

На четвертой странице:

Татьяне Александровне. В Ясную Поляну.

Дата определяется последними словами письма.

¹ [Дорогая тетенька!]

² Л. Н. Толстой проводил сестру, уезжавшую обратно за границу.

³ Пелагея Ильинична Юшкова.

* 251. Т. А. Ергольской.

1862 г. Сентября 5. Москва.

Chère tante!¹

Я пробуду еще около недели. Цензор не пропустил статьи, и я написал другую.² К концу недели выйдут оба номера.³ Письмо Государю я подал чрез Флигель-адъютанта — ни ответа ни привета. Кумыс и кобыл прекратить.⁴ Василья я ждал, так и он может подождать.⁵ — Здоровье мое хорошо, надеюсь, что и ваше лучше, о чем вы не пишете.

Целую ваши руки и всем кланяюсь.

Л. Толстой.

5 Сентября.

Васинька и Полинька⁶ здесь, целуют ваши руки и будут, может быть, в Ясной и возьмут Келлера.

¹ [Дорогая тетенька!]

² Статья Толстого, вызвавшая цензурные трения, — «Воспитание и образование», напечатанная в июльской книжке журнала «Ясная Поляна». См. т. 8, стр. 555—563. Другая педагогическая статья, написанная Толстым, — «Об общественной деятельности на поприще народного образования».

³ Номера журнала «Ясная Поляна» за июль и август имеют одинаковую цензурную дату: 20 сентября 1862 г.

⁴ Очевидно, Толстой привез в Ясную Поляну из Самарской губернии кобыл для изготовления кумыса.

⁵ В. Е. Зябрев. В письме от 28 августа 1862 г. Т. А. Ергольская сообщила Толстому: «Василий Ермил[ович] вернулся дней 8 тому назад, но, бедный, не знает, какую линию ему запясть. Его положение затруднительное».

⁶ В. С. и П. Ф. Перфильевы.

252. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Сентября 7. Москва.

Милый друг Alexandrine.

Какой я счастливый человек, что у меня есть такие друзья, как вы! Ваше письмо ¹ так обрадовало и утешило меня! А на меня все несчастья в последнее время: жандармы, цензура такая на мой журнал, что завтра только я выпускаю Июнь и без моей статьи, которая послана зачем то в Петербург, ² и 3-е главное несчастье или счастье, как хотите, судите. Я, старый, беззубый дурак, влюбился. ³ Да. Я написал это слово и не знаю, правду ли я сказал и так ли я сказал. Не следовало бы этого писать, но вам мне хочется объяснить, почему я ко всему тому, что со мной было, не то, что равнодушен, — но далек от всего, — как будто с тех пор прошло уж много, много времени. Не следовало же вам писать, потому что, должно быть, на днях я так или иначе выйду из того запутанного, тяжелого и вместе с тем счастливого положенья, в котором я нахожусь. Вы сами знаете, что это бывает всегда не так, как пишется и рассказывается, всегда так сложно, запутанно, так много такого, чего рассказать нельзя. Когда-нибудь с радостью или с грустью воспоминанья расскажу вам всё. Однако боюсь, как бы не быть виноватым перед собою. И правил никаких нет и быть не может, а есть одно чувство; и его-то и боишься.

Письмо я подал здесь Государю через флигель адъют[анта], кажется, Шереметева. ⁴ Я просил позаботиться о участи этого письма Крыжановского. ⁵ Я нахожусь в положении человека, которому ⁶ наступили на ногу и который не может выгнать от себя впечатления умышленного оскорбления и непременно хочет узнать, нарочно ли это сделали или нет, и желает или удовлетворенья, или только чтобы ему сказали: pardon. Я в себе теперь уж замечаю все скверные инстинкты, к[отор]ые

мне так противны бывали в других. Цензура испортит мне статью, на почте пропадет письмо, мужики придут жаловаться, что у них отрезали землю, я не так, как прежде, стараюсь, чтоб [статью] пропускали, чтобы письма не пропадали, чтоб мужикам возвратить землю, а думаю: ну, так и есть, разве может быть у нас что бынибудь другое? чорт с ними, надо бежать из такого государства, надо всё бросить и т. п. Всё это глупо, гадко, есть признак слабости и ничтожества, и я это знаю и теперь больше, чем когданибудь, хочу любовно, и, главное, спокойно смотреть на всё и на всех. Я хотел написать только две строчки в ответ на ваше письмо; а напишу всё, когда буду на берегу, на том или на этом.

Прощайте, милый, дорогой друг, дай Бог вам того спокойствия, к[отор]ое я теперь так ясно и всей душой для себя ищю и желаю.

Л. Толстой.

7 Сентября.

Отличному Борису Алексеевичу⁷ пожмите от меня руку и благодарите за участие, к[отор]ое он во мне принимает. —

Впервые полностью опубликовано в ПТ, стр. 174—175.

¹ От 18 августа 1862 г. См. ПТ, № 43.

² О статье Толстого см. прим. 2 к п. № 251.

³ Толстой влюбился в С. А. Берс.

⁴ Сергей Алексеевич Шереметев (1836—1896) — в 1862 г. флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии Конногренадерского полка. Впоследствии генерал-адъютант, главноначальствующий на Кавказе.

⁵ Николай Андреевич Крыжановский (1818—1888). В первый период Восточной войны был начальником штаба артиллерии Южной армии; потом ту же должность занимал в Севастополе. 1 и 2 сентября 1855 г., после взятия Севастополя, Крыжановский поручил Толстому написать общий отчет о действиях русской артиллерии во время последней бомбардировки (см. т. 4, стр. 299—306). Знакомство Толстого с Крыжановским продолжалось и после: в 1876 г., во время поездки в самарские степи, Толстой заезжал в Оренбург для свидания с Крыжановским, который в то время был оренбургским генерал-губернатором.

⁶ В подлиннике: которыми

⁷ Б. А. Перовский, об участии которого в деле подачи прошения Александру II писала в письме от 18 августа А. А. Толстая.

*** 254. Н. Л. фон-Боллю.**

1862 г. Сентября 11. Москва.

Николай Львович!

Я пробуду здесь, должно быть, еще неделю¹; во всяком случае, до получения ответа от вас. Постарайтесь прислать мне в наискорейшем времени триста рублей сер. В случае, ежели бы деньги оброка у вас израсходованы, то продайте что-нибудь из хлеба и напишите в Никольское о высылке денег. Кроме того, попросите тетушку распорядиться о высылке денег брата Сергея Николаевича ко мне для отправления ему. Кланяйтесь тетушке и всем нашим. Ежели я живу здесь, то для того, чтобы подогнать 3 нумера журнала.² Деньги мне нужны тоже для объявлений и расходов по журналу. Благодарю вас за письмо.³ Пишите пожалуйста обо всем, что у нас делается. Адрес в университет на имя Попова.⁴

Петерсона⁵ попросите прислать объявления для подписи.

Ваш Л. Толстой.

11 Сентября.

Письмо написано неизвестной рукой, подпись Толстого.

Николай Львович фон-Болль, бывший студент Московского университета, исключенный из университета за студенческие беспорядки (см. о нем письмо Толстого тульскому губернатору П. М. Дарагану № 259), с 17 апреля 1862 г. был управляющим имением Ясная Поляна.

¹ Толстой пробыл в Москве до 23 сентября и уехал в Ясную Поляну после своей свадьбы.

² «Ясная Поляна», которая печаталась в типографии Каткова.

³ Письмо Болля не сохранилось.

⁴ В. М. Попова. См. п. № 236.

⁵ Н. П. Петерсона. См. прим. 3 к п. № 303.

255. С. А. Бере от 14 сентября 1862 г.

256. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Сентября 17 — 20? Москва.

Помните ли, любезный, дорогой друг Alexandrine, вы мне говорили: когда то вы так же [напишете], как Вл. Иславин¹ написал Кат[ерине] Ник[олаевне],² что вы любите и женитесь?

Теперь я пишу: в воскресенье 23-го сентября я женюсь на Софье Берс, дочери моего друга детства Любочки Исленьевой. Для того, чтобы дать вам понятие о том, что она такое, надо бы было писать томы; я счастлив, как не был с тех пор, как родился. — Разумеется, она вас уже знает и любит. Как я буду счастлив еще, когда привезу ее к вам и с замиранием сердца, хотя и с уверенностью, буду наблюдать за впечатлением, которое она произведет на вас. Пишите мне пожалуйста в Ясную. О письме и жандармах я только желаю одного, чтобы меня забыли все, кроме близких друзей. Целую ваши руки.

Ваш Л. Толстой.

Впервые полностью опубликовано в ПТ, № 45.

Дата определяется предположительно на основании слов письма: «в воскресенье 23-го сентября я женюсь...»

¹ Владимир Александрович Иславин (1810—1895) — брат матери С. А. Толстой.

² Е. Н. Шостаков, приходилась двоюродной сестрой по отцу В. А. Иславину.

А. А. Толстая ответила 23 сентября 1862 г. (см. ПТ, стр. 176—177).

257. Т. А. Берс.

1862 г. Сентября 25. Я. П.

Ежели ты потеряешь когданибудь это письмо, прелесть наша Таничка, то я тебе век не прошу. А сделай милость, прочти это письмо и пришли мне его назад. Ты вникни, как всё это хорошо и трогательно, и мысли о будущем и пудра.¹ Мне жаль, что это кусочек ее, который от меня ушел. Ну да в ней есть большой кусок, не принадлежащий мне — это любовь ко всем вам, и особенно к тебе. И я не ревную, мне самому удивительно. Должно быть, оттого, что я знаю, как мамашу и тебя необходимо нужно любить. Прощай, голубчик, дай Бог тебе такого же счастья, какое я испытываю, больше не бывает. — Она нынче в чепце с малиновыми — ничего. И как она утром играла в большую и в барыню, похоже и отлично. Прощай. По этому письму чувствую, как мне весело и легко тебе писать, я тебе буду писать много. Я тебя очень люблю, очень. Я знаю, что ты, как и С[оня], любишь, чтоб любили, оттого и пишу.

Л. Толстой.

Приписка к письму С. А. Толстой от 25 сентября 1862 г.

Впервые опубликовано Т. А. Кузминской в ее воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», I, М. 1925, стр. 144. На письме рукой Т. А. Кузминской помечено: «25 сентября 1862 г. (1-е письмо после свадьбы)».

Татьяна Андреевна Берс (1846—1925) — младшая сестра С. А. Толстой. В 1867 г. вышла замуж за своего двоюродного брата, впоследствии сенатора, Александра Михайловича Кузминского (1843—1917). Почти ежегодно в течение двадцати пяти лет, сначала девушкой, а потом с мужем и детьми, проводила лето в Ясной Поляне у Толстых. Автор воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», в трех частях, 1846—1868, изд. Сабашниковых, М. 1925—1926. Подробнее см. т. 83, стр. 15—16.

¹ С. А. Толстая писала сестре: «Да пудру я свою забыла, тут негде взять...»

258. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Сентября 28. Я. П.

Любезный дорогой друг и бабушка!

Пищу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым. Когда буду спокойнее, напишу вам длинное письмо — не то, что спокойнее, — я теперь спокоен и ясен, как никогда не бывал в жизни, но когда буду привычнее. Теперь у меня постоянно чувство, как будто я украл незаслуженное, незаконное, не мне назначенное счастье. Вот она идет, я ее слышу и так хорошо. Благодарю вас за последнее письмо. ¹ И за что меня любят такие хорошие люди, как вы, и, что всего удивительнее, как такое существо, как моя жена.

Здоровье тетинычки всё нехорошо. С того испуга у ней сделалась женская болезнь, и она с трудом может ходить и стоять. ² Теперь радость как будто подняла и подкрепила ее. Как жаль, что Лиза ³ не будет у нас, мы уже так было замечтали, и жена начала даже бояться. Ведь вы придворные. Она не понимает еще и описать нельзя, что такое *вы*. Прощайте, целую ваши руки.

Л. Толстой.

28 Сентября.

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 178—179. Письмо написано вскоре после свадьбы.

¹ Письмо А. А. Толстой от 23 сентября 1862 г. См. ПТ, стр. 176—177.

² Т. А. Ергольская заболела от испуга, вызванного обыском в Ясной Поляне.

³ Е. А. Толстая — сестра А. А. Толстой.

*** 259. П. М. Дарагану.**

1862 г. Сентября 30. Я. П.

Милостивый государь, Петр Михайлович,

Становой пристав нашего стана¹ не дает покоя управляющему моим имением г-ну фон Боллю, бывшему студенту Московского университета,² с тем, чтобы он выехал на место жительства, которого нет у г-на Болля. Вообще для этого дела г-ну Боллю необходимо объясниться самому с вашим превосходительством. Вообще рассчитывая на ваше постоянное доброе расположение ко мне³ и общую готовность делать во власти вашей находящееся добро людям, я покорно прошу ваше превосходительство принять г-на фон Болля, помочь ему или хоть научить его, как ему поступать и выдти из того незаслуженного затруднительного положения, в котором он находится.

Вашего превосходительства
покорнейший слуга

граф Л. Толстой.

30 сентября.

Петр Михайлович Дараган (1800—1875) — в 1850—1865 гг. тульский военный и гражданский губернатор.

¹ Приставом 2-го стана Крапивенского уезда был Николай Алексеевич Голоушев, враждебно относившийся к Толстому и его деятельности в качестве мирового посредника и организатора школ (см. Н. Н. Гусев, «Молодой Толстой», стр. 409—410).

² См. п. № 254.

При обыске в Ясной Поляне 6—7 июля 1862 г. у Болля были найдены выписки из «Колокола» Герцена. Об этом см. «Звенья», I, 1932, статья «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.», стр. 374. О Н. Л. фон-Болле см. там же, стр. 391, 392, 400, 404—408.

* П. М. Дараган в 1861 г. назначил Толстого мировым посредником вопреки воле местных дворян. Когда при столкновениях Толстого с дворянами дело доходило до губернского присутствия, П. М. Дараган обычно поддерживал Толстого.

260. Т. А. и Е. А. Берс.

1862 г. Октября 1? Я. П.

Татьяна, милый друг! пожалей меня, у меня жена глупая (глу — выговариваю я так, как ты выговариваешь). [*Рукой С. А. Толстой*: Сам он глупый, Таня. *Рукой Толстого*:] — Эта новость, что мы оба глухие, очень тебя должна огорчать, но после горя бывает и утешенье, мы оба очень довольны, что мы глухие, и другими быть не хотим.

[*Рукой С. А. Толстой*:] — А я хочу, чтобы он был умнее.

[*Рукой Толстого*:] Вот озадачила-то. —

Ты чувствуешь ли, как мы при этом, раскачиваясь, хохочем? Мне жалко, что вырезали из тебя шишку, ¹ пришли мне кусочек. Или уж ее свезли на Ваганьково и поставили крест с надписью:

Прохожий, расстегни манишку,
Чтобы удобнее вздыхать,
Взгляни на Таничкину шишку
И не садись здесь отдыхать.

Соня говорит, что это оскорбительно писать тебе в таком тоне. Это правда. Так слушай же, я скажу серьезно. Место твоего письма, где ты пишешь о том, что тебе в темноте представляются Васинька, Полинька, ² я и Соня без руло ³ в дорожном платье — прелестно. Я так и увидел в этом твою чудную, милую натуру с смехом и с фоном поэтической серьезности. Такой другой Тани, правда, что не скоро потрафишь и такого другого ценителя, как Л. Толстой.

Целую руки мама и обнимаю папа и пандигашек и Сашу. ⁴

Как я вам благодарен, милая Лиза, за присылку Лютера. ⁵ Зачем же я вам пишу *вам*, а не *тебе*? Давай, хоть письменно, начнем, чтобы это было совершенно естественно при свидании. Разумеется, ежели ты согласна и позволяешь. — Еще лучше то, что ты обещаешь еще работать для моего журнальчика.

Теперь не хочу писать об этом, чтоб не испортить бескорыстия просто дружеского чувства, которое диктует мне письмо. — По правде сказать, журналчик мой начинает тяготить меня, особенно необходимые условия его: студенты, корректуры et cetera. А так и тянет теперь к свободной работе de long haleine ⁶ — роман или т. п. Живется мне очень, очень хорошо. Лыщу себя надеждой, что также и Соне. Как складывается ваша жизнь? Вы перед нашим отъездом были en train ⁷ нагружать на себя всевозможные труды и обязанности. Это славно и так идет вам. Дай вам (тебе, ежели ты согласна) успеха. Целую вашу руку. Измените же вашей привычке не писать писем.

Брат ваш Л. Толстой.

Впервые полностью опубликовано Т. А. Кузминской в ее воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846—1862», М. 1925, стр. 148—149.

Дата определяется содержанием и записью в Дневнике: «Писал письма» (т. 48).

Елизавета Андреевна Берс (1843—1919) — старшая сестра С. А. Толстой. В 1862—1863 гг. Е. А. Берс принимала участие в составлении издававшихся Толстым при журнале «Ясная Поляна» популярных книжек. Позднее печатала в «Новом времени» статьи по экономическим вопросам.

¹ Операция Т. А. Берс (удаление гланд).

² В. С. и П. Ф. Перфильевы.

³ Бархатное руло носили на голове; на него начесывали волосы.

⁴ Старший брат С. А. Толстой, Александр Андреевич Берс.

⁵ Компилятивная статья «Лютер» работы Е. А. Берс, была напечатана в книжке для чтения журнала «Ясная Поляна» за сентябрь 1862 г.

⁶ [на продолжительное время]

⁷ [расположены]

261. Гр. А. А. Толстой.

1862 г. Октября 8. Я. П.

Рукой С. А. Толстой — подлинник по-французски:

Ваше милое письмо, ¹ моя дорогая новая тетушка, было для меня приятной неожиданностью. Я еще не могла заслужить вашего расположения и знаю, что вы так добры и милы ко мне только благодаря Léon. Он мне столько говорил о вас, что я уже привыкла вас любить и ценить вашу любовь к моему мужу. Я уже вас знаю немного по вашим письмам к нему, которые он мне показал, и также по вашему портрету, который я у него похитила. Я сделаю всё возможное, чтобы он был счастлив, и

знаю, что только этим могу заслужить вашу любовь. В моем же счастье я никогда не сомневалась. Я знаю Léon с детства и всегда любила его всем сердцем.

Надеюсь, что мы скоро поедem в Петербург и тогда, наконец, я буду иметь счастье познакомиться с вами. А если когда-нибудь вам случится быть в Москве, татап² будет очень рада повидаться с вами: ведь она также знакома с вами по рассказам Léon. Прошу вас передать мое почтенье вашей матушке³ и двум другим моим тетушкам.⁴

Ваша почтительная племянница гр. София Толстая.

8 октября 1862 г.

Рукой Толстого:

Мне досадно за это письмо к вам от Сони, дорогой друг Alexandrine, я чувствую, что ваши прямые отношения будут совсем другие, — а между прочим, должно быть, так надо. Вы понимаете, что я про нее теперь не могу говорить правды — я сам себя боюсь и боюсь недоверия других. Одно — сразу она поражает тем, что она честный человек, именно *честный* и именно *человек*. Вот вы ее увидите, Бог даст.

Какое прелестное, дорогое мне ваше письмо; как оно приходится в тон того счастливого, нового счастливого положения, в котором я живу теперь два месяца. Куда это идет? — не знаю, только с каждым днем мне спокойнее и лучше. Я было уж устал делать счеты с собою, начинать новые жизни (помните), было примирился с своей гадостью, стал себя считать, хоть не положительно, но сравнительно хорошим; теперь же я отрекся от своего прошедшего, как никогда не отрекался, чувствую всю свою мерзость всякую секунду, примериваясь к ней, к Соне, *«но строк печальных не смываю»*.⁵ Вот 2 недели и я как будто чувствую себя чистым еще и всякую секунду дрожу за себя: вот-вот спотыкнешься. Так страшно ответственно жить вдвоем. Я вам это всё пишу от того, что я вас всей душой люблю. Это святая правда. Ужасно страшно мне жить теперь, так чувствуешь жизнь, чувствуешь, что всякая секунда жизни в правду, а не такая, как прежде была — так покаместа. —

Главный вопрос, интересующий вас во мне, еще не тронут, но я чувствую себя мягким, восприимчивым на всё. Пишите мне, пожалуйста, по старому. Прощайте. —

Она читает это письмо и ничего не понимает и не хочет понимать, и не нужно ей понимать; то самое, до чего наш брат доходит целым трудовым болезненным кругом сомнений, страданий, для этих счастливых иначе не может быть.

Рукой С. А. Толстой:

Я не могу, милая тетенька, оставить всё это так. Он ошибается, я всё понимаю, всё решительно, что до него касается, а письмо его так мрачно оттого, что у него болит голова и он не в духе.

Рукой Толстого:

Ну, вот видите!

Впервые опубликовано в ПТ, стр. 179—181.

¹ Письмо А. А. Толстой не сохранилось.

² Л. А. Берс.

³ П. В. Толстая.

⁴ Елизавета Андреевна и Софья Андреевна Толстые.

⁵ Из стихотворения Пушкина «Воспоминание». Первые четыре строфы этого стихотворения приводит Толстой в своих «Воспоминаниях». См. также В. Чертков, «От главного редактора», т. 46, стр. VIII.

А. А. Толстая ответила на это письмо 10 ноября 1862 г. См. ПТ, стр. 281—282.

262. М. Н. Каткову.

1862 г. Октября 9. Я. П.

9 Октября.

М. Г. Михаил Никифорович!

Вы, может быть, слышали уже о том, что я женился, и потому, верно, понимаете, как на это время изменились мои занятия и предположения. Романа своего ¹ я в этом году кончить не могу. Могу, однако, напечатать его первую часть, составляющую больше 5 листов, но это мне было бы неприятно. Желал бы я вот чего. Позвольте мне возвратить вам 1000 р. в Ноябре и прислать вам повесть листа в 3, написанную мною года полтора тому назад, ² и которую, ежели она вам понравится, я бы просил вас напечатать, когда вы хотите, без всяких условий. А меня бы я просил бы вас освободить от своего обещания, что не мешало бы мне напечатать мой роман, когда он будет кончен, опять таки в вашем журнале, ³ ежели бы мне захотелось печатать его в какомнибудь журнале. — Одним словом, я бы желал, чтобы вы освободили меня от данного слова и *главное*, чтобы притом мы остались в хороших отношениях друг к другу. Я ими особенно дорожу теперь. —

Согласившись на мое предложение, вы меня очень обяжете. Во всяком случае очень прошу вас откровенно высказать мне ваши желания и сделаю всё от меня зависящее, что[бы] удовлетворить им, и тем отплатить за оказанную мне услугу. Приятнее бы всего было, ежели бы вы согласились на мою просьбу. Буду ожидать ответа, чтобы скорей решить, что мне делать.

Ваш покорный слуга Гр. Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива М. Н. Каткова (тетрадь № 21), хранящейся в БЛ.

Впервые опубликовано в № 37/38 «Литературного наследства», стр. 197—198. Месяц и число проставлены на копии; год определяется содержанием.

¹ «Казак».

² «Поликушка».

³ «Русский вестник».

Ответ Каткова на это письмо неизвестен. Но, судя по тому, что Толстой, как это видно из следующего его письма к Каткову, принялся за работу над «Казачками», Катков в своем ответе не соглашался получить с Толстого долг деньгами, а настаивал на присылке романа.

263. А. А. Фету.

1862 г. Октября 9. Я. П.

Фетушка, дядинька и просто милый друг Афанасий Афанасьевич. — Я две недели женат и счастлив и новый, совсем новый человек. — Хотел я сам быть у вас, но не удастся. Когда я вас увижу? Опомнившись, я дорожу вами очень и очень,¹ и между нами слишком много близкого, незабываемого — Николенька,² да и кроме того. Заезжайте познакомиться со мной. Целую руку М[арьи] П[етровны]. — Прощайте, милый друг. Обнимаю вас от всей души.

Л. Толстой.

9 Октября. —

Впервые опубликовано А. А. Фетом в «Русском обозрении», 1890, II, стр. 490, и затем им же в «Мои воспоминания», I, стр. 405.

¹ Фраза объясняется тем, что настоящее письмо является первым после разрыва Толстого с Фетом в январе 1862 г. Хотя Толстой личное знаком-

ство с Фетом возобновил в том же месяце, переписка их не возобновлялась вплоть до настоящего письма.

² Н. Н. Толстой.

* 264. Гр. С. Н. Толстому.

1862 г. Октября 18. Я. П.

Нынче мы с женой, гуляя, делали планы, как взять да из Никольского приехать к тебе. Планы эти мы делали оттого, что погода хороша, и я тебе завидую, и планы эти, разумеется, остались и останутся планами, тем более, что мы не знаем, поедем ли в Никольское. ¹ П. Е. ² был у нас, привез денег и повез туда к Посреднику мое объявление об отдаче на выкуп. Жду ответа, возьмется ли посредник сделать разверстание нынче осенью или нет. Михай ³ нынче привез в тетинькин ⁴ банк от тебя 900 р. и говорил, что он может получить еще 300. — О нас тебе скажу, что мы решили, что со вчерашнего дня у нас начался только медовый месяц и нам так хорошо жить, что ни Федор Филипыч, ⁵ ни Алеша ⁶ не могут расстроить нашей жизни. Ездили мы к Исленьеву, ⁷ и было у него невыносимо скучно, и был у нас и был очень мил. Был я у Маши, ⁸ и всё там благополучно, и Гришу ⁹ я привозил в Ясную, за что ты пожалуйста не сердись, потому что от этого всем, как кажется, было только приятно, и ему, потому что мы с ним верхом ездили. Он очень переменялся к своему авантажу, что я сразу заметил и чем Николинъка ¹⁰ был очень польщен, приписывая это себе. Не знаю, насколько это справедливо. М-ме Ауэрбах ¹¹ пицала у нас уж раз и покровительствует по доброте своей Соню с высоты своего визга. Соня и не думала еще скучать, а всё больше и больше обживается и начинает ненавидеть студентов; и я начинаю понимать, что без них было бы лучше. На журнал чуть-чуть тянется подписка, но, по общему счету, к[отор]ый я сделал на днях, журнал принесет мне 3000 р. убытку. К счастью, получил я на днях две статьи недурные; к[отор]ые можно напечатать, ¹² так что с небольшим трудом я дотяну до 63 года, но подписки на будущий год не делаю и продолжать не буду журналом, а ежели будут набираться матерьялы, то буду издавать сборником, просто книжками, без всякого обязательства. ¹³ Вообще дела свои я, сам не замечая того, привожу, ежели не в порядок, то в ясность. От Машиньки получили

милое очень и радостное письмо. Перфильевы¹⁴ пишут, но не обстоятельно о Келере,¹⁵ к[отор]ого они, однако, приглашают. Сам я не пришел еще в столь нормальное положение, чтобы писать, но статьи приготовил на 8-й и 9-й №-а.¹⁶ Вышел же теперь только 7-й.¹⁷ Писать мне хочется роман,¹⁸ но от Каткова, кот[орому] я писал, не получал ответа. А ответ должен решить дело. Соня спит в кабинете и таким неестественным сном целый вечер (и это уж другой раз), что я подумываю, уж не беременна ли она. Мне и тетиньке это так кажется. Но решит всё дело 29, которого я и жду с нетерпением. Она будет сердиться, что я ее не разбудил тебе написать, но ты мне поверишь лучше, что она тебя очень полюбила, и не по должности, и что когда ты ее узнаешь, ты ее верно полюбишь. Кланяюсь Келеру. Натрави-ка нам на солоп лисиц.

Прощай, напиши и ты пожалуйста.

¹ Поездка в Никольско-Вяземское (имение покойного брата Толстого — Николая Николаевича) описана в письме С. А. Толстой к Т. А. Ергольской от 4 ноября 1862 г.

² П. Е. Воробьев.

³ Михай — староста в имении С. Н. Толстого.

⁴ Т. А. Ергольская.

⁵ Федор Филиппович — управляющий в Ясной Поляне.

⁶ Алексей Степанович Орехов.

⁷ Александр Михайлович Исленьев.

⁸ У М. М. Шишкиной — жены С. Н. Толстого (в Туле).

⁹ Григорий Сергеевич Толстой.

¹⁰ Николай Валерьянович Толстой, сын В. П. и М. Н. Толстых.

¹¹ Юлия Федоровна Ауэрбах, жена Г. А. Ауэрбаха.

¹² В ближайшем номере (сентябрьской книжке) «Ясной Поляны», дозволенной цензурой 5 ноября 1862 г., были напечатаны две статьи, принадлежавшие не учителям толстовских школ: «Свобода школы» Скворцова и «С успехом употребленный метод обучения грамоте в одной сельской школе» (без подписи).

¹³ Такие сборники не были выпущены Толстым.

¹⁴ В. С. и П. Ф. Перфильевы.

¹⁵ Густав Келер (см. № 282) в 1862 г. служил воспитателем у Г. А. Ауэрбаха.

¹⁶ В № 8 журнала «Ясная Поляна» была помещена статья Толстого «Об общественной деятельности на поприще народного образования», в № 9 — «Кому у кого учиться писать — крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят» (см. т. 8, стр. 247—300).

¹⁷ № 7 журнала «Ясная Поляна» имеет цензурную помету 20 сентября 1862 г.

¹⁸ Речь идет о романе «Казани», проданном для издания М. Н. Каткову.

* 265. А. А. Берсу.

1862 г. Октября 19. Я. П.

Здравствуй, милый Саша. Часто, особенно гуляя — когда мы в поле, я почему-то живо вспоминаю о тебе; и так мне хочется, чтоб ты был с нами. А в ось, Бог даст, летом это сбудется, то что мы с тобой верхом будем отмахивать верст по 30. — Напрасно ты в стихах пишешь. Пиши в прозе да побольше. Мы с Соней во всем сошлись и в особенной симпатии к тебе. Прощай, милый брат, обнимаю тебя. А коротко пишу, потому что спать хочется и поздно.

Л. Толстой.

Приписка к письму С. А. Толстой от 19 октября 1862 г.

Отрывок из части письма, написанной С. А. Толстой, опубликован Т. А. Кузминской в ее воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846—1862», М. 1925, стр. 150.

Александр Андреевич Берс (1845—1918) — старший брат С. А. Толстой, в 1890-х гг. орловский вице-губернатор.

* 266. Т. А. Берсу.

1862 г. Октября 21. Я. П.

Вижу, милая Татьяна, что вся ты погрузилась в Лаборд,¹ в а... а... и проч. Дай Бог тебе успеха, а все-таки спасибо, что написала мне. Письмо твое немножко натянуто, немножко неискренно. Правда. Знаю я, что ты сказать всё можешь, а написать — нет не напишешь.

Ты распишись — особенно по вечерам. Хотя бы ты черкнула мне что-нибудь, что делается в девичьем вашем *si devant*² и моем кружке, где Зайковские³ играют главную роль, что Лиза⁴ поделывает, черкни и про это. Она что-то помалкивает, нам не хочет отвечать. Или с пеньем ты отрешилась от всего мира и ни во что не входишь? Входи хоть к нам. Что Зенгер? и главное Анеточка. Главное Анеточка.⁵ Очень нужно ей Анеточка, чорт ее возьми. Это она сама думает. Я знаю. Видели ли вы их? Левочка тебе не пишет, потому что некогда, писать надо, да и ты плохо ему пишешь. Вот поездишь у него на спине — это гораздо лучше. А вот нашел же время. Коли она пишет, значит и я тут. Вот он я. А я постараюсь потолстеть, чтоб спина мягче была. А то за глаза я вижу ты его немножко дичишься, глупая девочка. Я с Левочкой всякий день шестую верст по 5 или 6. Он на кранолии злится. Купил мне коричневое суконное платье, чтоб сшить его коротеньким, без кринолина, потом шубу на лисьем меху с мерлушкой — воротни-

ком, черного драпа и шапку меховую, такую, какая у меня была летняя Гарибальдинка. Костюм славный, удобный и красивый. Я еще не надевала, ничего не готово. Тебе бы очень шла меховая шапочка. Ему я не говорю, что мне нравится, отчасти par esprit de contradiction,⁶ отчасти оттого, что он пожалуй заладит всегда водить меня в коротеньких платьях.

Вот дурака нашла! С кем ты, Татьяна, кокетничаешь теперь? Где Дубровин, за что с Сашей в ссоре? Я ужасно хочу знать за что? Если будешь ему писать, скажи, что я ему кланяюсь и что он был мне особенно мил последнее время. Дрянь ты Татьяна, что мало пишешь. Милая, прелестная дрянь.

Пиши, дурочка, милая, больше, да попроче, откровеннее; Татьянин чтоб так и залил всё письмо. Прощай, голубчик, нам слишком хорошо. Целуем тебя оба. Няне кланяйся, да и я ей сама черкну. И черкает. Твой друг Соня.

Совместное письмо С. А. и Л. Н. Толстых. Корпусом печатаются слова Толстого.

Датируется письмом А. Е. Берса от 2 ноября 1862 г.

¹ Лаборд — учительница пения Т. А. Берс.

² [бывшем раньше]

³ Ольга Дмитриевна Зайковская (1844—1919) — дочь штаб-лекаря, инспектора студентов Московского университета Дмитрия Ефимовича Зайковского (1807—1885).

⁴ Е. А. Берс.

⁵ Анна Карловна Зенгер — дочь содержателя Старополянской аптеки.

⁶ [из духа противоречия.]

* 267. Е. П. Ковалевскому.

1862 г. Октября 24. Я. П.

Ясная Поляна. 24 октября.

Многоуважаемый Егор Петрович! Давно вы потеряли меня из виду и, пожалуй, забыли о моем существовании, а я вас помню и люблю и, по правде, особенно вспоминаю, когда есть просьба. Вот в чем. Сын моего старого дядьки,¹ сын отличного семейства *Митрофан Николаев Банников*,² крапивенской мещанин, попал под суд за утайку найденных денег и промен лошади своего хозяина и присужден за то Петербургской уголовной палатой к наказанию розгами, к заключению в арестанскую роту и к уплате 104 р. И ничего не знаю о справедливости

или несправедливости поступка и наказания, знаю только, что наказание за недоказанное преступление и без сознания подсудимого невероятно строго, и знаю еще, что целое прекрасное и близкое мне семейство в страшном горе. Дело это переносится подсудимым в 5-й Департамент Сената, прошением в нынешнем месяце (в конце). Ради Бога и наших хороших отношений, помогите этому несчастному, всему семейству и мне. Я всей душой вам буду благодарен за эту важную услугу. Отвечайте мне словечко всё в Тулу. —

Вы любите меня, и потому должен вам сказать, что вот месяц, как я женат и счастлив так, как никогда бы не поверил, что могут быть люди. —

Прощайте, желаю вам всего прекрасного. Как ваше здоровье? От всей души любящий и уважающий вас

Гр. Л. Толстой.

Год определяется содержанием. Над текстом письма помета, сделанная, очевидно, Ег. П. Ковалевским: «Во 2-м Отд. Д-та в Москве».

¹ Николай Дмитриевич Банников (р. в 1778 г.) — бывший дядька малолетних Толстых, выведенный в «Детстве» в лице Николая.

² Митрофан Николаевич Банников — сын дядьки Толстого Н. Д. Банникова. Служил сначала объездчиком в Ясной Поляне, потом старостой и управляющим. По его имени названа «Митрофановская посадка» в окрестностях Ясной Поляны.

* 269. Т. А. Берс.

1862 г. Октября 28. Я. П.

Это не письмо, а так рассуждение о учительницах музыки и о *такте* и о том, как барышни учатся и играют. Например Соня считается умеющей играть, а она

Утка
Грыб.
Пупок.
Что за глупости.
Татьяне
Фухф

Поздравляю вас с тем, что вы в один прекрасный день узрели свет Божий, желаю вам смотреть на него всегда теми глазами, какими смотрели до сих пор. А я глуп. —

Вот что значит заставить писать, когда не хочется. Официальное письмо можно написать, а душевному человеку как наша Татьяна — нельзя. Притом же я тебя люблю и желаю тебе всего хорошего, ровно столько же 28, сколько 29 и 39-го. Ради Бога, наблюдай за тактом в пеньи и музыке. Для Сони такта не существует. (Впрочем она уже много исправилась.) Ей только досадно, что я ее поправляю. — Всё бы было в ней хорошо, кабы не такт подкузьмил. По моему Г-жу Ленгарт ¹ надо бить сальной свечкой по голове долго, а не платить ей деньги за то, что она портит учениц. Это без всяких шуток. Соня — моя жена (ты знаешь у меня есть жена Софья) нынче не в духе целый день, нервна, и потому письмо ее кисло. ² Не правда ли? А ты знаешь, милый друг, что со мной случилось? Меня тошнит, у меня голова кружится, и еще другие признаки, и тетинька и Нат. Петр. решили, что я беременна. Они говорят — это бывает.

Дата определяется содержанием. Письмо написано ко дню рождения Т. А. Берс, то есть к 29 октября.

¹ Учительница музыки дочерей А. Е. Берса.

² Письмо С. А. Толстой к сестре от того же числа не сохранилось.

269. М. Н. Каткову.

1862 г. Ноября 28. Я. П.

28 Ноября.

Посылаю вам начало повести, ¹ любезный Михаил Никифорович. Первая часть ² у меня вся готова, и дело только за переписыванием. Первая часть составляет как бы отдельное целое. По моим расчетам она составит листов 7. Чем скорее вы напечатаете, тем для меня лучше. Следующую половину первой части я вышлю в понедельник. ³ Корректуры я прошу прислать мне. — Я, как всегда, чрезвычайно недоволен этой повестью и поправлял и переправлял ее до тех пор, что не чувствую возможность над ней более работать. Другая повесть ⁴ у меня готова, и я пришлю ее вам тотчас же после этой. — Орфографических ошибок переписчика — бездна. Вы поручите корректору обратить на это внимание. Местных непонятных

выражений, к которым нужны выноски, ⁵ тоже много. Я бы попросил вас тоже отметить их в корректурах. Мне всё так знакомо, что я сам не замечаю. — Очень желаю, чтобы вам понравилось, и с нетерпением жду вашего мнения; но я просил бы вас до печати никому не давать читать ее.

Уважающий и преданный

Гр. Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива М. Н. Каткова (тетрадь № 21), хранящейся в БЛ.

Опубликовано впервые в № 37/38 «Литературного наследства», стр. 198. Год определяется работой Толстого над повестью «Казак».

¹ «Казак».

² Повесть в печатном виде делений на части не имеет. Очевидно, Толстой под словами «первая часть» разумеет просто первую партию посылаемых глав.

³ Ближайший понедельник приходился на 2 декабря 1862 г.

⁴ «Поликушка».

⁵ В копии: выписки.

270. М. Н. Каткову.

1862 г. Декабря 8. Я. П.

8 декабря.

Уважаемый М[ихаил] Н[икифорович]!

Посылаю вам 2-ю половину 1-й части. ¹ Я не послал ее в понедельник, ² потому что увлекся новыми поправками и дополнениями. Она много выиграла от этого замедления. Этой половиной я гораздо менее недоволен, чем первой. Пожалуйста поскорее отвечайте мне. Когда будет напечатано, пришлите мне корректуры, и как вам нравится? Я буду в Москве перед праздниками и тогда увижусь тотчас же с вами и продержу 2-е корректуры.

Преданный вам

Гр. Л. Толстой.

Рукопись не чиста, испещрена сносками и орфографическими ошибками, но набирать удобно.

Печатается по рукописной копии писарской рукой из архива М. Н. Каткова (тетрадь № 21), хранящейся в БЛ.

Впервые опубликовано в № 37/38 «Литературного наследства», стр. 198.

¹ Повесть «Назаки».

² См. предыдущее письмо.

* 271. П. Е. Воробьеву.

1862 г. Декабря 21. Тула.

Петр Евстратов!

Прошу тебя в наискорейшем времени прислать мне денег от 500 до 1000 р. в Москву.¹ В Кремле в Комендантской. Андрею Евстафьевичу Берс.

Гр. Л. Толстой.

21 Декабря.

На четвертой странице:

В г. Чернь. В село Никольское. Петру Евстратовичу Воробьеву.

Год определяется почтовым штемпелем «Тула, 22 декабря 1862».

¹ Судя по письму С. А. Толстой к Т. А. Ергольской от конца декабря 1862 г., Толстые приехали в Москву в Кремль к Берсам 23 декабря 1862 г.

*ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ
И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ*

272. Товарищу министра внутренних дел А. И. Левшину.
Черновое.

1856 г. Мая 10. Петербург.

Г-ну Товарищу Министра Внутренних дел Левшину.¹
От помещика Тульской губернии
Поручика Артиллерии,
Графа Толстого.

Докладная записка.

Имея желание уволить в свободные хлебопашцы крестьян, полученных мною по наследству от отца, в имении моем Тульской губернии Крапивенского уезда, сельце Ясной Поляне, имею честь представить на рассмотрение Вашего Превосходительства следующий проект контракта, основанный на статьях 760, 761, 762 и 763 из Свода законов о состояниях.

«Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне и помещик, заключаем сие условие в том, что, 1) я, помещик, со дня совершения условия, освобождаю крестьян и дворовых от всех ко мне повинностей: сборов, оброков, барщины и т. д.; 2) отдаю крестьянам и дворовым по полдесятины на душу в полную и вечную собственность всей общины; 3) отдаю в полную собственность общины всю ту землю в пахатных полях и лугах находящуюся, которой в настоящее время пользуются крестьяне.

Мы, крестьяне, обязываемся: 1) платить помещику с той земли пахотной и сенокосной, которой мы пользуемся в настоящее время, ежегодно по 4 рубля серебром наемной платы с де-

сятины, что по ценности земель составляет 10 процентов с капитала. —

2) Крестьянская община обязана выкупить землю.

3) <Выкуп сей зависит от воли крестьян. Они могут выкупить ее единовременно или на года, с соблюдением того расчета, что, какая бы ни была сумма и через сколько бы то ни было времени внесена помещику сверх 10-процентной платы, сумма эта вычитается из суммы капитала земли, рассчитывая по 40 р. за десятину, а на остаток продолжается 10-процентная плата. Так что ежели бы крестьяне вносили по 5 р. с десятины ежегодно, то в первый год они бы уплатили по 1 с капитала, в 2-й—110, в 3—121, 4—132, 5—147, 6—162, 7—178, 8—195, 9—215, 10—236, 11—260, 12—286, 13—315, 14—346, 15—381, 16—419 и наконец в 17 год они бы заплатили всего 397, из которых 358 на погашение остального капитала, и получили бы в полную собственность землю.

(Прим. Процент выкупа должен быть больше процента залога. 10 проц. есть средний потребительный в гражданских сделках процент.)²

4) Выход с земли разрешается помещиком. —

5) В случае недоплаты процентов крестьянской общиной, она обязана по справочной цене выставлять для заработков означенной суммы работников по требованию помещика.

6) Крестьянская община сама принимает меры для прокормления старых и бездомных.

7) Повинности правительству: подати, рекрутчина справляются общиной.

8) К[рестьяне] поступают в ведение М[инистерства] В[нутренних] Д[ел].³

Так как имение мое состоит в залоге [в] М[осковском] О[пекунском] С[овете] — то осмеливаюсь просить В[аше] П[ревосходительство] о исхода[тай]ствовании посредничества Правительства М[инистерства] В[нутренних] Д[ел] между мной и Кредитным установлением. —

Долг состоящий на имении пусть по числу земли будет разделен на крестьянскую и мою землю. — Плату, как наемную, так и выкупную, с крестьян я предоставляю всю сполна, ежели она не будет превышать долга, получать прямо Правительству. —

Впервые опубликовано в т. 5 настоящего издания, стр. 247—248. Дата определяется записью в Дневнике под 11 мая 1856 г. См. т. 48 и прим. 1 к п. № 14.

Алексей Ираклиевич Левшин (1798—1879). В 1823—1826 гг. служил в Одессе (одно время вместе с Пушкиным) секретарем генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова. В январе 1856 г. вступил в должность товарища министра внутренних дел, в которой находился до 1859 г. По мысли Левшина в 1857 г. был образован особый секретный комитет, названный потом Главным комитетом по крестьянскому делу. Им же был составлен для Александра II исторический обзор крепостного права в России. Историю своего участия в деле крестьянской реформы Левшин изложил в записке «Достопамятные минуты в моей жизни» («Русский архив», 1885, № 8).

¹ В подлиннике: Левшина,

² Пункт 3 зачеркнут, кончая словами: «Сумма эта вычитается», которыми заканчивается первая страница, продолжение же фразы, перенесенное на оборот листа, очевидно, ошибочно осталось незачеркнутым.

³ Пункт 8 вписан между строк, причем вся фраза осталась незаконченной.

Повидимому, записка эта в перебеленном виде была вручена Толстым А. И. Левшину при его посещении Министерства внутренних дел 11 мая 1856 г.

* 273. Отпускная на волю.

1856 г. Июнь. Я. П.

1856 года июня ¹ дня я, нижеподписавшийся, поручик и кавалер граф Лев Николаев сын Толстой, отпустил крепостную свою крестьянскую женщину вдову Василису Федоровну, положенную за мною по сказкам 9 ревизии Тульской губернии Крапивенского уезда по сельцу Ясной Поляны вечно на волю, которая по получении сей отпускной вольна она, где пожелает, иметь жительство или избрать род жизни, какой пожелает, до которой мне, так и наследникам моим дела нет и не почему не вступаться, в чем ей — Федоровой, сию отпускную за подписом моим и благородных свидетелей выдал. Приметами она, Федорова, от роду сорок один год, росту два аршина три с половиною вершка, волосы на голове и бровях русые, глаза карие, нос и рот посредственный, подбородок круглый, лицо чистое, особых примет не имеет. К сей отпускной граф Лев Николаев сын Толстой руку приложил, у сей отпускной свидетелем был в том и руку приложил коллежский регистратор Иван Нико-

лаев Рожнов, в том же свидетелем и руку приложил губернский Секретарь Евграф Кириллов Спасский.

1856 года июня 10 дня по указу его императорского величества при прошении крестьянской женки вдовы Василисы Федоровой представлена в Тульскую палату гражданского суда к утверждению отпускная, выданная ей помещиком ее графом Львом Николаевым Толстым из имения его Тульской губернии Крапивенского у. с. Ясной Поляны, вследствие чего по собрании об имении графа Толстого и других нужных сведений сею палатою 14 ноября 1856 года определено: представленную от женки Василисы Федоровой отпускную утвердить и по записке в книгу выдать ей с распискою, о чем уведомить Московский опекунский совет и Тульскую казенную палату. Мая 17 дня 1857 года подписом заседатель Курдянов, секретарь Матвеев, за повытчика Дмитриевский и печать палаты. Отпускная писана на листе девяносто копеек серебром. Подлинную отпускную получила вольноотпущенная от графа Толстова Василиса Федорова, по безграмотству ее и личной просьбе Тульский мещанин Яков Федоров Лебедев расписался.

Печатается по копии, хранящейся в Тульском архивном бюро в «Крепостной книге Тульской палаты гражданского суда на записку отпускных (1 половина 1857 года)». Первый абзац публикуемого крепостного акта, напечатанный корпусом, представляет собою засвидетельствованную крепостным порядком копию с подлинной отпускной, подписанной Толстым в июне 1856 г. и врученной им яснополянской крестьянке Василисе Федоровой, которая, как видно из акта, 10 июля того же года представила эту отпускную при прошении в Тульскую гражданскую палату для утверждения. После внесения текста отпускной в крепостную книгу и утверждения ее, подлинник отпускной был выдан под расписку обратно Василисе Федоровой 17 мая 1857 г.

¹ После слова июня оставлено место для даты.

* 274. Отпускная на волю.

1856 г. Июня 30. Я. П.

1856 года июня 30 дня я, нижеподписавшийся, поручик и кавалер граф Лев Николаев сын Толстой, отпустил крепостных дворовых девок Анну и Авдотью Ивановых Банниковых,¹ положенных за мною по сказкам 9 ревизии Тульской губ., Крапивенского уезда по Сельцу Ясной Поляне вечно на волю, которые по получении сей отпускной вольны они, где пожелают, иметь жительство, избирать род жизни, какой пожелают, до которых как мне, так и наследникам нашим дела нет и не по чему не вступаться, в чем им, Банниковым, сию отпускную за подписом моим, свидетелей и выдан.

Приметами она, Анна Иванова, росту небольшого, от роду четырнадцати лет, волосы на голове и бровях русые, глаза серые, нос прям, рот средний, подбородок круглый, лицо чистое, особых примет не имеет. Приметы Авдотьи Ивановой: от роду пяти лет, росту малого, волосы на голове и бровях русые, глаза серые, нос прям, рот средний, подбородок круглый. Лицо чистое, особых примет не имеет. К сей отпускной граф Лев Николаев сын Толстой руку приложил. У сей отпускной свидетелем был и руку приложил Губернский секретарь Николай Тихомиров, Губернский секретарь Михаил Иванов Рудаков свидетелем был и руку приложил, Губернский секретарь Павел Иванов Ненарокомов свидетелем был и руку приложил. Что сия отпускная действительно подписана рукою графа Льва Николаева Толстого, в чем и удостоверяю подписом и приложением казенной печати 1856 года июня 14 дня. Подписал пристав Голоушев. ²

1856 года ноября 8 дня при прошении дворовой женки графа Льва Николаева Толстого Анны Петровой Банниковой представлена в Тульскую палату гражданского суда к явке отпускных, данная графом Толстым родным дочерям ее, дворовым, дочерям ее Анне и Авдотье Ивановым Банниковым о предоставлении им свободы из имения его Тульской губернии Крапивенского у. сельца Ясной Поляны. Вследствие чего по собрании сею палатою нужных сведений 12 декабря 1856 года заключено: представленную дворовую женкою Анною Банниковою отпускную, данную графом Львом Толстым малолетним дочерям ее Анне и Авдотье Банниковым, согласно 1059 ст. IV прод. к 14 т. утвердить, на которой сделать о явке надпись, записав в книгу, и на основании 1064 ст. XV прод. I части к 14 т. отослать оную для хранения в Тульский приказ общественного Призрения впредь до достижения ими узаконенных лет. Февраля 1 дня 1857 г. подписали: Заседатель Курдюков, секретарь Сахаров, за повытчика Дмитриевский и печать палаты. Отпускная писана на листе девяносто копеек серебром и отослана в Тульский приказ 5 февраля.

Печатается по копии, хранящейся в Тульском архивном бюро в «Крепостной книге Тульской палаты гражданского суда на записку отпускных (1 половина 1857 года)», под № 9. Первый абзац публикуемого крепостного акта представляет собою засвидетельствованную копию с подлинной отпускной, подписанной Толстым.

Отпускная была выдана двум дворовым малолетним крепостным, Анне и Евдокии, по просьбе их матери, Анны Петровны Банниковой, которая, получив подлинник отпускной, направила его при своем прошении в Тульскую гражданскую палату, откуда по утверждении отпускной акт был передан 5 февраля 1857 г. в Тульский приказ общественного призрения на хранение, а после достижения совершеннолетия выдан на руки Анне и Евдокии Банниковым.

¹ Анна и Евдокия Ивановны Банниковы — дочери Ивана Филипповича и Анны Петровны Банниковых. А. П. Банникова служила продолжительное время скотницей в Ясной Поляне, а ее дочь Евдокия (Душка) впоследствии была помощницей горничной С. А. Толстой — Евдокии Николаевны Банниковой (Дуняши).

² Николай Алексеевич Голоушев — пристав 2 стана Крапивенского уезда.

* 275. Командиру ракетного заведения К. И. Константинову
1856 г. Октября 19. Тула.

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилоостивейший!

Просит прикомандированный к С.Петербуржскому Ракетному Заведению Поручик 12-й Артиллерийской бригады Лев Николаев сын Граф Толстой о нижеследующем:

В службу Вашего Императорского Величества вступил в 1852-м году и продолжая оную и находясь в делах противу неприятеля на Кавказе и под Севастополем ¹ расстроил свое здоровье до того, что при всем желании продолжать далее не могу, а потому, представляя при сем реверс ² и медицинское свидетельство, ³ всеподданнейше прошу к сему.

Дабы повелено было сие мое прошение принять и меня именованного по болезни от службы уволить. Г. Тула. Октябрь 19 дня ⁴ 1856 года. К поданию надлежит Командиру Ракетного Заведения Генерал Маиору Константинову в С.Петербурге. Прошение сие с чернового на бело переписывал Коллежский Регистратор Иван Иванович Сахаров, прошение мною сочиненному Поручик 12-й артиллерийской бригады Лев Николаев сын Граф Толстой руку приложил. ⁵

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Военно-историческом архиве (в Москве). Публикуется впервые. Рапорт написан рукою коллежского регистратора И. И. Сахарова на специальном бланке с печатным заголовком: «Всепресветлейший, державнейший великий государь...» и т. д. В левом углу рукой неизвестного помечено: «По отношению его императорского высочества генерал-фельдцейхмстера об увольнении от службы поручика графа Толстого, штабс-капитана Бриммера и поручика Яковлева 2-го».

Константин Иванович Константинов (1819—1871) — артиллерийский генерал. См. т. 47, прим. 674.

¹ Толстой был зачислен на военную службу на Кавказе, согласно формулярному списку, 13 февраля 1852 г. фейерверкером 4-го класса с старшинством с 14 января. С конца февраля до 3 сентября 1854 г. Толстой находился на службе в Дунайской армии; с конца сентября 1854 г. — в Крыму. С 27 декабря 1855 г. прикомандирован к С.-Петербургскому ракетному заведению.

² См. следующий документ, № 276.

³ К настоящему рапорту приложено следующее медицинское свидетельство тульского врача А. Троицкого:

«Дано сие прикомандированному к С.-Петербургскому Ракетному заведению г. поручику 12-й артиллерийской бригады графу Льву Николаевичу Толстому в том, что от роду ему 27 лет, телосложения среднего, сухощав, — находясь во время военных действий против неприятеля на Кавказе и под Севастополем при бивачной жизни, подвергаясь влиянию сырой и холодной погоды, несколько раз был болен воспалением легких с ревматическим страданием в руках и ногах, при врачебном пособии и обильными кровопусканиями болезнь уничтожалась; кроме сего был одержим крымскою лихорадкою, после коей осталась отверделость печени, обнаруживающаяся тупою болью в правом боку с расстройством пищеварения. В сентябре месяце текущего года возобновилось жестокое воспаление в легких с поражением сердечной сумки (*pleuropneumonia cum pericarditite rheumatica*), каковое болезненное состояние обнаруживалось сильным жаром в теле, тяжким дыханием с стреляющею болью по преимуществу в левом боку груди, кашлем, беспокойством, тоскою, обмороками и сухим треском маскирующим дыхание; при предпринятом мною деятельном медицинском пособии, как то: обильном кровопусканием, пиявками и врачебными внутренними и наружными средствами, скоротечная его болезнь была побеждена; но осталось биение сердца, сопровождаемое одышкою, особенно ожесточающееся при возмущении и движении; сверх сего вследствие отверделости печени, оставшейся после крымской лихорадки — аппетит его слабый, пищеварение неправильное с упорными запорами, сопровождаемыми приливами крови к голове и кружением в оной; при сырой же погоде появляются летучие ревматические боли в конечностях. Для поправления расстроенного здоровья необходимо продолжительное лечение при покойном образе жизни и употребление натуральных минеральных вод; почему он по настоящему болезненному состоянию не может продолжать службы. — В чем сим удостоверяю моим подписом с приложением печати. Город Тула, Октября 19 дня 1856 г.

Тульский губернский врач ведомства государственных имуществ коллежский советник и кавалер А. Троицкий».

Рукой Троицкого написана только подпись.

⁴ Число месяца вписано рукой Толстого.

⁵ Со слов: «прошение мною сочиненному» написано рукой Толстого. Это второй рапорт Толстого об отставке от военной службы; первый не сохранился. Он был написан 30 сентября 1856 г., о чем отмечено в Дневнике 1 октября 1856 г. (т. 47, стр. 93). См. п. № 26.

18 октября в Дневнике отмечено: «Отставку воротили» (т. 47, стр. 95).

Получив отказ, Толстой на другой же день поехал в Тулу и отправил вторичный рапорт об отставке от военной службы с приложением медицинского свидетельства о болезни. В Дневнике 28 ноября Толстой отметил: «Отставка вышла» (т. 47, стр. 102). По формулярному списку отставка Толстому была дана 26 ноября 1856 г.

*** 276. Командиру ракетного заведения
К. И. Константинову.**

1856 г. Октября 19. Тула.

Р е в е р с.

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что если по всеподданнейшей моей просьбе разрешите мне увольнение от службы по расстроенному здоровью, то о казенном пропитании просить нигде не буду. Жительство по отставке буду иметь в С.Петербурге. — Октября 19 дня 1856 года г. Тула.

Прикомандированный к С.Петербургскому ракетному заведению Поручик 12-й артиллерийской бригады Лев Николаев сын Толстой.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Военно-историческом архиве (в Москве).

Настоящий реверс был отправлен Толстым К. И. Константинову вместе с рапортом 19 октября (см. № 275), написан рукою переписчика и только со слова: «Прикомандированный» — рукой Толстого.

**277. Начальнику С.-Петербургского ракетного заведения
К. И. Константинову.**

1856 г. Декабря 29. Петербург.

Его Превосходительству г. начальнику С.-Петербургского ракетного заведения, генерал майору и кавалеру Константинову.

Уволенного от службы
поручика графа Толстого.

Р а п о р т.

Имею честь довести, что свидетельство, присланное при подписании вашего превосходительства от 28 сего декабря за № 2569 для свободного жительства в России и заграницей,

впредь до получения указа об отставке, мною 29 числа сего же декабря получено.

Поручик граф Толстой.

№ 59.

29 декабря 1856 г.

Печатается по тексту, опубликованному Н. С. в «Одесском листке» в номере от 30 марта 1913 г. Автограф Толстого, по словам газеты, был найден в начале 1913 г. в г. Николаеве при ликвидации ракетного завода и передан в городской музей. Настоящий рапорт Толстого написан из Петербурга на другой день после получения свидетельства об отставке от военной службы, а не в тот же день, как указано в тексте. В Дневнике Толстого 28 декабря 1856 г. отмечено: «Получил свидетельство» (т. 47, стр. 107).

*** 278. Проект устройства в Москве музыкального общества.**

1858 г. Январь до 5. Москва.

Подписной лист для желающих участвовать в квартетном обществе.

⟨Условия участия:⟩

- 1) Взнос в зиму от 30 до 50 р. сер.
- 2) Члены избираются по балотированию первых подписавшихся 10 членом.
- 3) Квартеты, трио и квинтеты, септкюоры, ежели средства позволят, исполняются только артистами за плату.
- 4) Исполнение сочинений любителей и любителями воспрещается.
- 5) Помещение для музыкальных вечеров не в частном доме, или в частном доме на основании публичном.
- 6) Выбор пьес зависит от общего согласия членом, производится с выбора комитета из 8 и директора.
- 7) Два ⟨и три⟩ лица ⟨однако семейства платят как за одного⟩ платят за полтора, 3 лица за два, 4 лица за 2 с половиной.
- 7)¹ Устройство чая и ужина на музыкальном вечере зависят от желания и общего согласия членом.
- 8) Курить дозволяется.
- 9) Правила могут быть изменены и пополнены собранием членом.

10) Гости <изби> допускаются с общего согласия.

20)¹ Рояль Эрар.

Публикуемый текст является черновиком проекта, написанного собственноручно Толстым. Полностью публикуется впервые; пункты 3) и 4) были опубликованы в «Литературном наследстве», М. 1939, № 37/38, стр. 412, и пункты 1) — 6) в книге Н. Родионова «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого», изд. «Московский рабочий», М. 1948, стр. 24—25. Дата определяется записью Толстого в Дневнике под 5 января 1858 г. («хлопоты о муз[ыкальном] обществе», т. 48) и письмом к В. П. Боткину от 4 января 1858 г., см. № 102.

Профессор Московской консерватории и музыкальной критик Н. Д. Кашкин рассказывает, что «Лев Николаевич всегда был очень большим любителем серьезной музыки, но в Москве ее приходилось слушать сравнительно редко». Поэтому он совместно с кн. Ю. А. Оболенским, также большим любителем музыки, в самом конце 50-х годов решил «основать музыкальный кружок с определенными членскими взносами, чтобы устраивать на эти деньги хорошие музыкальные вечера». Они обратились к «Л. Оноре, пользовавшемуся особенными симпатиями и уважением в артистическом обществе в Москве», и пригласили его быть музыкальным руководителем будущего общества, но Оноре им указал на Н. Г. Рубинштейна (Н. Д. Кашкин, «Русское музыкальное общество по личным воспоминаниям» — «Московский еженедельник», 1908, № 16, стр. 63—64). Из письма Толстого к Боткину от 4 января 1858 г. видно, что согласился взять на себя руководство музыкальным обществом московский музыкант Мортзе (см. прим. 7 к п. № 19).

С. Л. Толстой в своей статье «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» (юбилейный сборник «Лев Николаевич Толстой», Госиздат, М. — Л. 1928, стр. 303), пишет, что «к этому же времени относится знакомство Л. Н. с Н. Г. Рубинштейном, которого он высоко ценил как музыканта и вместе с которым он обсуждал учреждение музыкального общества в Москве. Эта мысль впоследствии была осуществлена братьями Рубинштейнами, основавшими императорское Музыкальное общество».

¹ Так в автографе.

* 279. Н. Н. Толстому.

1858 г. Август до 5. Я. П.

Любозный брат
Николай Николаевич,

Состоит за мною вообще с тобой и Братом нашим Графом Штабс Капитаном Сергеем Николаевичем Толстым недвижимое имение Курской губернии Суджанского уезда в сельце Ржаве, Щербаковке тож, всего по 9-ой ревизии 333 души мужеска пола, или сколько оказаться может, с принадлежащею к ним

землю, доставшееся нам по наследству от Брата нашего Графа Дмитрия Николаевича Толстого, но как оным имением мы во владение еще не введены, а потому и прошу тебя: просить, где следует, о вводе нас означенным имением во владение, вводный лист получить и по вводе примите то имение в свое управление и распоряжение, собирайте с оного доход и следующие на мою часть доставляйте ко мне, за крестьянами и дворовыми людьми иметь неослабный надзор, ленивых и нерадивых исправляйте законными мерами через полицейские места, а вовсе не повинующихся власти отдавать в смиренные рабочие дома на сроки, законом дозволенные, если кто из крестьян или дворовых людей обоего пола пожелают куда либо отбыть для работы, то выдавайте им письменные виды для получения из местного уездного Казначейства полугодовых и годовых паспортов и билетов. Мальчиков и девочек можете отдавать в ученье различным мастерствам и на сей предмет совершайте, с кем следовать будет, законные контракты и условия, девкам и вдовам давать выводные для выхода в замужество в имения других помещиков и к себе таковых принимать, за хорошие заслуги можете крестьян и дворовых людей обоего пола отпускать на волю и выдавать им за своим подписом отпускные; равно, если встретится надобность, можете имение наше перезаложить в С.Петербургском Опекунском Совете, для чего испросить из местной Гражданской Палаты узаконенное свидетельство, которое получите и представьте в оный совет, и просите о выдаче нам по 9-ой или 10-ой ревизии на каждую душу по достаточному количеству земли, на 33-х летний срок, по 60 или 70 руб. серебром или сколько по правилам точно совета назначено нам будет в выдачу, таковые получите и следующие на мою часть доставьте ко мне, в исправном же платеже капитала и процентов дайте тому совету от имени моего и твоего за твоим вместо меня подписом обязательство. Если же встретятся выгодные покупатели, то можете имение наше продать всё в полном составе или по частям с переводом на покупателя долга совета за цену тебе известную. Купчую, где следовать будет, совершить, деньги с покупателя получить и мою часть доставить ко мне, а купчую ему выдать с распискою и в последнем случае, если какие могут возникнуть дела, до имения нашего относящиеся, то к ограждению прав собственности нашей, вместо меня ходатайства имейте, подавайте во

все присутственные места и к начальствующим лицам прошения, объявления и другие бумаги от имени моего за твоим вместо меня рукоприкладством, выслушайте решения, подписывайте под оным удовольствие или неудовольствие, подавайте частные и апелляционные жалобы и дела переносите из низших в высшие инстанции, даже и в правительствующий Сенат, с соблюдением всего апелляционного обряда, в чем я тебе или ты кому от себя поверишь верю, и что ты или твой поверенный законно по сему учините, спорить и прекословить не буду.

Остаюсь любящий тебя брат Лев Николаев Граф Толстой, Поручик Артиллерии.

Августа дня 1858 года.

Эта доверенность принадлежит Брату моему Штабс-Капитану Графу Толстому.

1858 года августа 5 дня Тульская палата гражданского суда на основ. св. зак. гр. X т. изд. 1842, 1998 ст. свидетельствует, что сия доверенность действительно подписана рукою поручика артиллерии Льва Николаева графа Толстого и дана брату его штабс-капитану Николаю Николаеву графу Толстому, — а что в сей явно исправлено Льва, то верно.

Заседатель Казаринов.

Заседатель (подпись).

Заседатель Кундсков.

Секретарь Мирон Сахаров.

Регистратор Лазарев.

·Вся доверенность написана писарской рукой; Толстому принадлежит только подпись. Число месяца в подлиннике не проставлено.

* 280. Отношение в тульскую посредническую комиссию.

1858 г. *Сентября 10. Я. П.*

1858 года сентября 10 дня на предъявленные мне отношения посредника полюбовного размежевания земель по здешнему уезду от 30-го августа за № 144 начальника землемерной партии межевого корпуса помощника Никольского 2-го за № 77 объяснить честь имею, что я, как один из владельцев дачи сельца Ясной Поляны, имея на свою землю полюбовные сказки и владея оной в действительности, не вижу необходимости размежеванья и желаю по прежнему оставаться в общем владении.

Поручик граф Лев Толстой.

Печатается по подлиннику, находящемуся в «Деле по отношению Тульской посреднической комиссии по специальному размежеванию дачи Крапивенского уезда села Ясной Поляны и с-да Ягодное и Бунарева. Начало 2—II—1859 г., решено 9—IX—1859 г. На 22 листах». Дело хранится в фонде Центрального межевого архива в Москве. Текст написан писарской рукой, подпись Толстого собственноручная.

Межевое ведомство потребовало с Толстого деньги за размежевание Ясной Поляны и Ягодной. Это размежевание было сделано еще во времена опеки. При обмене земель по полюбовной сказке между кн. Еникеевыми и Толстыми Еникеевы отдали Толстым свои земли в Ясной Поляне, а Толстые им свои в Ягодной. Толстой, повидимому, не знал об этом и деньги за размежевание платить отказался.

* 281. Отпускная на волю.

1860 г. Февраля 22. Я. П.

1860 года февраля... дня Крапивенский помещик, артиллерии поручик граф Лев Николаев сын Толстой отпустил я крепостного своего, доставшегося мне по наследству после смерти родителей моих, подполковника графа Николая Ильича и графини Марии Николаевны Толстых и по раздельному акту с братьями и сестрою моими, утвержденного в Тульской палате Гражданского Суда, написанного за мною по нынешней 10-ой ревизии Тульской губернии, Крапивенского уезда в сельце Ясной Поляне, крестьянин Петр Минаев с женой его Прасковьею Сергеевою и родившейся после ревизии дочерью его Ариною, лет ему (Минаеву) 28, жене его 27, дочери 1 год 9 месяцев, вечно на волю, с тем что он, Минаев, обязан по получении сей отпускной избрать род жизни, какой он пожелает, до которого мне, так и наследникам моим дела нет и не почему не вступаться.

Приметами он, Минаев, от роду 28 лет, росту 2 аршина 5 вершков, волосы и брови темнорусые, глаза серые, нос и рот посредственные, лицо несколько рябоватое, подбородок круглый, особых примет не имеет. В удостоверение чего за подписом моим и благородных свидетелей сия отпускная и дана. К сей отпускной граф Лев Николаев сын Толстой, поручик артиллерии, руку приложил.

Сия отпускная подписана рукою графа Льва Толстого, в том свидетельствую корпуса лесничих поручик Викентий Яцинский. Сия отпускная рукою графа Льва Толстого подписана, в том свидетельствую коллежский ассесор и кавалер Николай Харламов Марсочников.

1861 г. февраля 22 дня отпуская эта Тульской губернии в Крапивенском уездном суде явлена в подлинности и утверждена и в книгу подлинником под № 12 записана, по явке его, Минаева, в уездный суд она, отпуская, ему и выдана мая 4 дня 1861 г.

Печатается по копии, находящейся в книге Крапивенского уездного суда для записи отпусковых 1861 г., хранящейся в Тульском архивном бюро. В этой книге данная отпуская записана под № 12.

* 282. Г. Ф. Келеру.

1861 г. Апреля 4/16. Веймар.

[Договор]

Zwischen Sr. Excellenz dem Herrn Grafen Tolstoi und dem zeitherigen Studenten und Polytechniker Gustav Kaehler ist nachstehender Kontrakt vom heutigen Tage verabredet und beschlossen worden.

Es verspricht d. g. Kaehler dem Herrn Grafen Tolstoi bei Ausführung der physikalischen und chemischen Experimente behülflich und überhaupt in Angelegenheit der Schule tätig zu sein, wogegen sich S. Excellenz der Herr Graf Tolstoi verbindlich macht, dem G. Kaehler freie Station (nebst Wohnung, Kost usw) und in Voraussicht eines höheren Honorars eine Summe von jährlich dreihundert Talern vom Tage der Ankunft in Toula gerechnet; sowie freie Preise von Weimar bis Toula zu gewahren.

Graf Leo Tolstoy.

Weimar den 16. April 1861.

Am 14-ten dieses Monats vergaß ich meine Zeugnisse zurückzunehmen, ich bitte deshalb dieselben gefälligst mit heizulegen. Sollte S. Excellenz etwas zu ergänzen und zu verbessern haben, so bitte das zu bemerken, sowie mir gefälligst den Namen des Hotels in Dresden zu notieren.

In ausgezeichnetester Hochachtung

Gustav Kaehler.

Между его сиятельством графом Толстым и бывшим студентом — слушателем политехникума Густавом Келером с сего дня заключен ниже следующий договор.

Г. Келер обязуется помогать г-ну графу Толстому при проведении физических и химических опытов и вообще в его работе в школе, на что его сиятельство граф Толстой обязуется предоставить г. Келеру готовый стол и квартиру, оплатить путевые расходы по переезду

из Веймара в Тулу, а также выплачивать ему ежегодно гонорар в сумме 300 талеров, считая со дня прибытия в Тулу — с сохранением возможности повышения гонорара в дальнейшем.

Граф Лев Толстой.

Веймар, 16 апреля 1861.

14-го сего месяца я забыл взять мой аттестат и потому прошу Вас оказать мне любезность и принять таковой.

Если В. сиятельство сочтет необходимым что-либо дополнить или исправить, прошу это здесь указать, а также будьте столь любезны сообщите название отеля в Дрездене.

С глубочайшим почтением
Густав Келер.

Договор написан на немецком языке готическим шрифтом и подписан собственноручно Толстым.

Густав Федорович Келер (Gustaw Kaehler, 1839—1904). Учился в Йенском университете на математическом факультете и затем в Политехническом институте в Карлсруэ. Толстой, познакомившись с ним в Веймаре, пригласил его преподавателем в свою Яснополянскую школу. В «Дневнике Яснополянской школы за 1862 год» рукою Келера сделан ряд записей и чертежных рисунков (см. т. 8, стр. 455—486 и 622). Им же написан отчет о преподавании рисования, включенный Толстым в третью статью «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» (т. 8, стр. 116—119 и 509). Кроме того, Келер помогал в написании статьи «О народном образовании» — писал под диктовку Толстого. См. т. 8, стр. 526.

В Яснополянской школе Толстого Келер занимался до ноября 1862 г., затем был воспитателем сына С. Н. Толстого, Григория, а весной 1865 г. поступил в Тульскую мужскую гимназию, где в течение 39 лет (до своей смерти) преподавал немецкий язык. О нем см. также воспоминания В. В. Вересаева «В юные годы», М. 1930, стр. 166.

283. Министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому.
1861 г. Апреля 20. Петербург.

Его высокопревосходительству г. министру народного просвещения, Евграфу Петровичу Ковалевскому
Отставного Артиллерии Поручика Графа Льва Николаевича
Толстого

П р о ш е н и е.

Прилагая при сем программу журнала Ясная Поляна, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о разрешении мне означенного издания.

Гр. Лев Николаев Толстой.

20-го апреля 1861 г.

Жительство имею Крапивенского уезда Тульской губернии в сельце Ясной Поляне.

Программа журнала
«Ясная Поляна».

Журнал «Ясная Поляна» будет выходить с 1 июля 1861 года, в сельце Ясной Поляне, Тульской Губернии, Крапивенского уезда, *ежемесячно двумя отдельными выпусками*:

Журнал выходит не в столице и не в губернском городе, а в сельце Ясной Поляне, потому, что всё значение его и содержание должна составлять частная школа для детей и для взрослых обоих полов, основанная в 1859 году в сельце Ясной Поляне.

Цель журнала — педагогическая; но с тою особенностью, что для того чтобы сделаться наукой, и плодотворной наукой, педагогике, по нашему убеждению, нужно перестать основываться на абстрактных теориях, а принять за основание путь опыта и выводить свои положения от частных к общим, а не наоборот. Поэтому-то журнал наш, чтобы не впасть в отрешенность от жизни и от потребностей народа и в неприложимые отвлеченные педагогические теории, должен постоянно руководиться живою действительностью, не терять из вида тех, с кем он имеет дело, и для этого должен издаваться в деревне и при деревенской школе. Собственно же школа Ясной Поляны избрана нами потому, что по свойствам народонаселения этой местности и по материальным средствам, которыми владеет школа, школа эта одна из таких, в которых результаты опытов могут быть применимы к большинству числу местностей.

Один отдел журнала будет называться *школа Ясной Поляны*, другой — *Книжка Ясной Поляны*.

Ежемесячный отдел *Школы* будет заключать в себе:

1) Отчет о ходе Яснополянской школы: описание опытов, неудач и удач приемов преподавания и замечательнейших явлений между учителями, родителями учеников и самими учениками.

2) Отчет и мнения наши, поверенные опытами учеников о всех книгах и журналах, назначаемых для народа.

3) Педагогические статьи, как отечественные, так и иностранные, но только такие, которые будут вносить в науку новые факты, взятые из опыта, а не новые воззрения, взятые из отвлеченного мышления.

Ежемесячный отдел Книжки будет заключать в себе статьи оригинальные, переделанные и переводные по всем частям литературы, ученой и изящной, начиная от пословицы и сказки до популярной химии и механики, но только такие статьи, которые с одной стороны будут удовлетворять нашим требованиям от народной литературы нравственного или научного содержания; с другой стороны — и главное условие — только такие, которые еще в рукописи пройдут через испытания наших учеников, т. е. такие, которые без учителя и толкователя в состоянии будет понимать и читать с интересом человек или ребенок, стоящий на первой степени образования.

Цена всему изданию будет 9 рублей. *Книжкам* отдельно по 25 коп. за выпуск.

Сотрудники Господа: Гаярин,¹ Марков,² Ауэрбах,³ Скопин⁴ и Головачев.⁵

Объем издания, в обоих выпусках, будет от 15 до 20 листов, ежемесячно.

Редактор: Граф Лев Николаевич Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в Ленинграде в Деле главного управления цензуры 1861 г. № 176 «по прошению отставного артиллерии поручика, графа Толстого, о разрешении ему издавать журнал Ясная Поляна (нач. апр. 21 1861 г. — оконч. мая 16 1861 г.)». Впервые опубликовано В. Евгеньевым в статье «Новые данные об «Ясной Поляне» Л. Н. Толстого» — «Биржевые ведомости», 3 февраля 1917, № 16078, стр. 5. Текст написан рукою неизвестного, а Толстому принадлежит подпись: «Гр. Лев Николаевич Толстой» и приписка, начиная со слов: «Жительство имею». На подлиннике неизвестной рукою надпись: «Главное Управление Цензуры постановило: Разрешить, если не будет препятствия от III Отделения — с цензурованием в Московском цензурном комитете. 6 мая 1861».

Программа переписана писарской рукою и только подписана Толстым. Была впервые напечатана в «Деле (1862 года. 1-й экспедиции. № 230) III-го отделения собственной его императорского величества канцелярии. О графе Льве Толстом». Отдельный оттиск июньской книжки журнала «Всемирный вестник», Спб. 1906, стр. 14—15. Кроме того, повторена В. Евгеньевым в «Биржевых ведомостях».

¹ Иван Федорович Гаярин — педагог, директор тульской гимназии.

² Евгений Львович Марков (1835—1903) — педагог и писатель, в то время учитель тульской гимназии.

³ Герман Андреевич Ауэрбах.

⁴ Владимир Петрович Скопин — учитель русского языка и словесности в тульской гимназии.

⁵ Григорий Филиппович Головачев (1818—1880) — сотрудник «Русского вестника» и «Детского чтения».

*** 284. Доверенность В. И. Трубецкому.**

1861 г. Июля 2. Я. П.

Василий Иванович,

Так как мы по делам нашим не можем сами лично подать уставную грамоту, по имению нашему, Курской губернии, Суджанского уезда Сельцу Щербачевке, а время окончательного представления грамот должно скоро окончиться, то на основании 24 статьи правил о порядке приведения в действие Положения о крестьянах, сим верующим письмом доверяем тебе уставную грамоту по вышеписанному имению нашему за нас составить, куда следует представить и вообще иметь хождение по этому делу, почему и подавать за нас от себя, куда следовать будет, все какие потребуются, бумаги и отзвывы, и всё, что ты по этому делу законно учинишь, мы в том спорить и прекословить не будем; верующее письмо сие удостоверяем подписом нашим при удостовереньи двух свидетелей.

1861 года, июля 2 дня.

Штабс-капитан граф Сергей Николаев сын Толстой. Поручик граф Лев Николаевич Толстой, коллежский регистратор Иосиф Александров Воейков. При даче сего верующего письма свидетелем был и руку приложил Суджанский помещик поручик Петр Матвеев сын Самойлов.

Доверенность сия принадлежит временно обязанному дворовому человеку Тульской губернии Крапивенского уезда села Пирогова штабс-капитана графа Сергея Николаевича Толстого Василию Иванову Трубецкому.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Курском архивном бюро, в фонде № 68, дело Курского губернского по крестьянским делам присутствия за № 45 «Уставная грамота по имению Курской губернии Суджанского уезда сельца Щербачевки, Ржава тож, помещиков графов Толстых». Доверенность написана писарской рукой; подпись Толстого собственноручная.

Василий Иванович Трубецкой — дворовый отца Толстого. Был буфетчиком в Ясной Поляне; еще во времена раннего детства Толстого переведен приказчиком в Щербачевку. Толстой рассказывает о нем в своих «Воспоминаниях» (см. т. 34). Письмо Трубецкого к Н. Н. Толстому от 4 февраля 1850 г. сохранилось.

285. Тульскому губернатору.¹
Губернскому присутствию.
Генерал-майору графу Ламберту.²

1861 г. Июля середина. Я. П.

Участка моего Долговской волости, сельца Хомяковки, мелкопоместный помещик, Василий Николаевич Осипович, просил меня о ходатайстве за его крестьян, потому что они сгорели, а он не может дать им не только какой-либо помощи, но даже уступить им те три дня, которые они должны отрабатывать по Положению. Я сам ездил туда и, действительно, нашел как мужиков, так и барина в самом бедственном положении. Представляя об этом, имею честь просить: не благоугодно ли будет оказать пособие крестьянам г. Осиповича в той мере, в которой это делается для крестьян государственных имуществ, потому что без этого я не вижу возможности для означенных крестьян отбывать казенные и помещичьи повинности.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, кн. IX, стр. 90, по делу губернского по крестьянским делам присутствия, хранившемуся в Тульском архиве (дело это погубило). Датируется содержанием и отношением Крапивенского мирового съезда крапивенскому исправнику (см. № 287), в котором указывается, что пожар в Хомяковке произошел 23 мая 1861 г., а 28 июля Толстым была написана бумага в губернное присутствие по вопросу о перенесении усадеб погоревших крестьян в имени Осиповича (см. № 287). Кроме того, в постановлении губернского присутствия от 10 марта 1862 г. говорится о настоящем отношении Толстого, как написанном в июле 1861 г.

¹ Петр Михайлович Дараган.

² Гр. Карл Карлович Ламберт (1815—1865).

Губернское присутствие, заслушав это представление Толстого, не нашло возможным ходатайствовать о просимом Толстым вспомоществовании «по неимению в виду источников, из которых оное может быть сделано», так как «государственным крестьянам оказывается вспомоществование из сумм, собираемых на основании правил взаимного застрахования, которого между временно обязанными крестьянами еще не существует», но присутствие нашло «вполне уместным обратиться к местному уездному дворянству, пригласив оное к добровольному пожертвованию по подписке».

*** 286. В Тульское губернское по крестьянским делам
присутствие.**

1861 г. Июля 25. Я. П.

В Тульское Губернское по Крестьянским делам Присутствие
Мирового Посредника 4-го уча-
стка Крапивенского Уезда

П р е д с т а в л е н и е.

Имею честь представить при сем в оное Присутствие выкупной договор, мирской приговор и обязательство, подписанные обществом временно обязанным крестьянам Ясенковской волости Сельца Телятинок имения Коллежской Ассесорши Прасковьи Матвеевны Марсочниковой, — к представленной мною 10-го числа сего июля уставной грамоте, и покорнейше просить сделать надлежащее распоряжение о выдаче выкупной ссуды Г. Марсочниковой.

Гр. Л. Толстой.

№ 87.

Июля 25 дня

1861 г.

Печатается по подлиннику, находящемуся в деле Тульского архивного бюро в фонде Тульского губернского по крестьянским делам присутствия. Дело без обложки, на 47 листах. Написано писарской рукой; Толстому принадлежит только подпись.

**287. В Тульское губернское по крестьянским делам
присутствие.**

1861 г. Июль. Я. П.

№ 83.

Пристав 2 стана, Крапивенского уезда, ¹ лично объяснил мне, что 18 числа сего июля месяца, по предписанию г. исправника, он во вверенном мне участке сделал распоряжение противное тому, которое сделано мною 17 числа сего июля месяца.

В объяснение сего поступка он, г. пристав, предъявил мне следующее отношение крапивенского уездного мирового съезда крапивенскому исправнику.²

«Г. мировой посредник 4 участка, граф Толстой, передал 3 июля сего месяца крапивенскому мировому съезду объявление коллежского секретаря Василия Николаевича Осипович, в коем помещик объяснил: дворы временно обязанного крестьянина его сельца Хомяковки Наума Семенова и временно обязанных крестьян жены его Александры Осиповичевой³ Евсея Казьмина, Ивана Иевлева, Лаврентия Корнеева, Феодора Пименова, Ивана Родионова и Кирилла Осипова — 23 числа мая месяца сего года сгорели. Из числа погоревших домов усадьбы Евсея Казьмина, Ивана Иевлева и Лаврентия Корнеева находятся рядом с господскою усадьбою. При убеждении его означенных крестьян Казьмина, Корнеева и Иевлева для безопасности от пожаров переселиться на пустопорожние усадьбы, находящиеся между дворами крестьянскими, они добровольного своего согласия на предположенное им г. Осиповичем пособие, по 50 р. сер. на каждый двор, не изъявили, а просят 500 руб. на 3 двора и 200 крней лесу, которого в имени г. Осиповича и жены его нет. Усадьбы этих крестьян, по близости к господским строениям, расстоянием менее 50 сажень, г. Осипович находит необходимым перенести на новые места пустопорожние между прочими крестьянскими дворами, потому что соседство их, в случае пожара, угрожает его постройкам, так что в пожаре 23 мая сгорели все господские службы, а в хозяйстве служит к неудовольствиям и будет препятствовать удобному разделу господских полей от крестьянских. Почему заявив г. посреднику гр. Толстому о необходимости постройки означенных трех дворов на новых усадьбах, г. Осипович просит его, на основании 75 и 76 ст. Общ. Полож., представить требование его об обязательной перемене этих усадеб на разрешение крапивенского уездного мирового съезда в самом непродолжительном времени, так как крестьяне эти приступают самовольно к постройке на старых усадьбах, причем присовокупил: ему кажется, не излишне было бы со стороны посредника сделать распоряжение и указать и прочим погоревшим крестьянам места для постройки, для избежания пожаров в прямой линии. При слушании этого объявления г. Осипович лично объяснил мировому съезду, что он согла-

сен, при обязательной перемене усадеб на другие в том же селении, выдать им пособие на каждый двор по 50 р. сер., отрезать им земли в замен отходящих усадеб к их наделу на другом конце усадеб крестьянских в количестве 1 десятины 600 саж., по размеру прежней усадьбы, и предоставить им в пользование настоящие усадьбы на три года. Г. посредник гр. Толстой объявил, что он признает требование крестьян 500 р. сер. и 200 корней лесу на три двора неумеренным, причем объявил свое заключение по этому поводу следующего содержания: «Сверх 50 р. на двор вознаградить крестьян за отходящую по случаю переселения землю, — землю одинакового качества, а крестьянам, ежели они, несмотря на это вознаграждение, не захотят переселиться, разрешить строиться на старых местах, с предоставлением помещице права перенести их строения после постройки, на основании 75 ст., 1 п. местн. велик. Пол.» Крапивенский мировой съезд 3 июля постановил: «в 1 п. 75 ст. местн. велик. Пол. предоставляется помещику право требовать обязательного для крестьян переселения усадеб без согласия на то их, если усадебное строение находится ближе 50 сажен от существующих помещичьих строений, которые возведены до обнародования положения по 76 ст. того же Положения; решение мирового съезда в этом случае считается окончательным. Г. Осипович объявил мировому посреднику гр. Толстому требование о перемене старых усадеб трех погоревших домов крестьян жены его сельца Хомяковки Евсея Казьмина, Ивана Иевлева и Лаврентия Корнеева на новые усадьбы в том же селении, подле земли, находящейся в пользовании крестьян на другом конце деревни, с вознаграждением на каждый двор по 50 р. серебром, с отрезкою им земли в замен усадьбы, в количестве одной десятины и 600 саж., по размеру прежней усадьбы, и с предоставлением переселяемым крестьянам пользоваться прежними усадьбами в течение трех лет. Г. Осипович требует обязательной перемены означенных крестьян по тому случаю, что настоящие усадьбы их находятся ближе 50 саж. от господских строений жены его. Требуемое крестьянами вознаграждение в 500 р. серебром и 200 корней лесу признает мировой посредник гр. Толстой неумеренным. В 85 и 86 ст. возложена на помещика обязанность делать переселяемым крестьянам новые постройки и воспользоваться старыми их строениями или перенести крестьянские строения с добавкою нового

материала взамен негодного. У крестьян же г. Осиповича всё старое строение сгорело. Г. Осипович не может воспользоваться им или добавить новый материал к старому годному, и крестьяне должны принять делаемое им г. Осиповичем, с его стороны необязательное, пособие, по 50 руб. сер. на двор, с благодарностью, как милость; почему мировой съезд полагает перенести усадьбы погоревших крестьян г-жи Осипович Евсея Казьмина, Ивана Иевлева и Лаврентия Корнеева на новые места, назначаемые им г. Осипович, с тем, чтобы он выдал им пособие по 50 р. сер. на каждый двор, — взамен усадеб нарезать землю крестьянам к их наделу на другом конце той же деревни, то же количество, какое теперь у них находится — 1 дес. 600 саж., — предоставить им пользование, в продолжение трех лет со времени перемены усадеб, старыми усадьбами. Таковое решение мирового съезда объявить г. Осипович и переселяемым крестьянам и поручить вам привести в исполнение, на основании 113 ст. Полож. о губ. и уездн. учр., причем просить вас, при постройке погоревших крестьян г-жи Осипович, надблести, чтобы строения были произведены согласно строительного устава в порядке и с интервалами. О таком постановлении мирового съезда честь имею сообщить вам для надлежащего с вашей стороны исполнения. Предводитель дворянства Д. Щелин».

Постановление это совершенно несправедливо, во-первых, потому, что, по толкованию мирового съезда 85 и 86 ст., помещик обязан перенести только погорелые столбы и вследствие пожара освобождается от обязанности вознаградить крестьян за переселение и, как милость, дает им по 50 р. на двор; по смыслу же закона помещик обязан не только вознаградить крестьян деньгами за переселение, но и дать сверх того три льготных месяца, и мера вознаграждения за теряемые усадьбы необходима для всех вообще крестьян; тем более необходима для крестьян, сгоревших и почти всё потерявших при пожаре. Во-вторых, — потому, что сгоревшие надворные строения, от пепелища которых считает г. Осипович 50 саж., были построены не помещиком, а перешли в его собственность от крестьян, переведенных в дворовые.

Постановление это незаконно, во-первых, потому, что в заседании мирового съезда, на основании ст. 119 Полож. о губ. и уездн. по крестьянским делам учрежден., оно не было состав-

влено и не сообщено ни мне, ни помещику, ни крестьянам, что доказывается уже тем, что после 3 июля, дня сбора крапивенского мирового съезда, г. Осипович подавал прошение о том же деле в губернское по крестьянским делам присутствие. Во-вторых, потому, что в заседании 3 июля, на котором я присутствовал, словесно было сделано о деле г. Осиповича совершенно другое постановление; но в журнал во время заседания записано не было и никакого другого постановления, кроме постановлений о приеме землемера Антонова и мною не подписанного о том, что исправник без суда имеет право наказывать присылаемых к нему дворовых людей. На квартире же г. предводителя в числе подписанных мною и г. посредником Игнатьевым, ⁴ перед отъездом нашим, журналов — журнала о деле г. Осиповича не было, почему я и не могу предположить, чтобы состоялось новое заседание 3 числа. В-третьих, потому, что, для разрешения вопроса об обязательном переселении крестьян г. Осиповича нужно было предварительно решить сделанный мною вопрос о том, считать ли 50 саж. от господского дома, или от надворных строений, — на что не положено никакого решения.

Постановление это не имеет смысла и не может быть приведено в исполнение, во-первых, потому, что г. Осипович просит о помещении сселяемых дворов в проулках деревни, а постановление мирового съезда, исполняя его желание, предписывает отвести места для построек всем погоревшим по строительному уставу. Во-вторых, потому, что земля по другой бок деревни, которую, взамен отходящей в его пользу усадебной земли, по смыслу постановления, должен отрезать крестьянам помещик, и без того принадлежит крестьянам и засеяна их хлебом. В-третьих, потому, что, зная положение крестьян г. Осиповича, я не предвижу возможности этим крестьянам построиться на новых местах и перенести их оставшиеся риги без пособия свыше 50 р. и трех льготных месяцев.

Почему покорнейше прошу губернское по крестьянским делам присутствие произвести дознание: во-первых, каким образом составилось вышеописанное постановление мирового съезда 3 числа июля, в заседании которого я присутствовал, и в котором находился лично г. Осипович, и почему ни мне, ни г. Осиповичу постановление это не было сообщено, по смыслу 119 ст.; во-вторых, сделать распоряжение, чтобы на будущее время

чиновник от правительства присутствовал на мировом съезде Крапивенского уезда и следил бы за порядком действий на оном. В-третьих, принять меры, чтобы земская полиция не могла без моего ведома делать противные моим распоряжения во вверенном мне участке по делам, относящимся исключительно до мировых учреждений. В-четвертых, сделать окончательное заключение по делу г. Осиповича, нетерпящему отложения, в которое я, равно как и в другие споры дела, впредь до разрешения мне вышеозначенных недоразумений, вступаться не буду из опасения, что сделанное мною постановление будет опровергнуто без моего ведома состоявшимся заседанием мирового съезда.

Печатается по тексту, опубликованному Д. Успенским в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 91—94, по делу губернского по крестьянским делам присутствия (см. вступ. прим. к п. № 285) (дело это погребло). Дата и номер (83) указаны Успенским; повидимому, настоящее отношение было датировано самим Толстым.

¹ Н. А. Голоушев.

² Штабс-капитан Михаил Иванович Чернов (1805—1886).

³ Александра Осипович — жена помещика В. Н. Осиповича. Ей принадлежала часть имения при селце Хомяковка, Крапивенского уезда Тульской губернии.

⁴ Николай Григорьевич Пгнатъев (1817—1870) — штаб-ротмистр, мировой посредник 1-го участка Крапивенского уезда.

Выслушав сообщение Толстого и приведя на справку свое отношение от 12 июля 1861 г., в котором разъяснялось Толстому, что «расстояние 50 саж. следует считать от погоревших надворных строений г. Осиповича, а не от частокола, находящегося при доме помещика», губернский присутствие нашло, что постановление Крапивенского мирового съезда о переселении погоревших крестьян Осиповича, состоявшееся по большинству голосов, должно считать окончательным.

На заседании же мирового съезда 3 августа 1861 г. Толстой заявил, что постановления по делу о переселении погоревших крестьян Осиповича 3 июля 1861 г. заслушано не было, и, когда председатель мирового съезда, Д. М. Щелин, и мировые посредники 1-го, 2-го и 3-го участков отвечали ему, что то самое постановление, копию с которого он получил от станového пристава, по большинству голосов состоялось 3 июля, и напомнили ему о всех, бывших по сему делу, рассуждениях, Толстой самовольно оставил присутствие, не подписав постановления по делам, слушанным 3 августа.

Мировой съезд обжаловал поступок Толстого в губернское присутствие, которое представление это пометило: «к делу» и оставило без последствий.

288. Постановление по делу о смене сельского старосты села Панина по жалобе В. И. Михаловского.

1861 г. Июля конец — августа начало. Я. П.

Имения помещицы Михаловской, с сельского старосты с. Панина, Ивана Иванова,¹ вследствие принесенных на него жалоб доверителем помещицы Марьи Александровны Михаловской, заключено: старосту Иванова за беспорядки, допущенные им в обществе, именно: за неотбывание работ как следует, несвоевременное взыскание с крестьян за подмен муки землею и за побитый луг, — взыскать в общественные суммы штраф три рубля серебром с тем, чтобы упущенные им работы были исполнены и исправлены. К смене же его достаточных причин не найдено тем более, что из этого сельского общества кандидата в виду не имелось.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 84. Настоящее постановление Толстого хранилось в Тульском архиве (дело это погребло). Датируется содержанием и постановлением по этому делу губернского присутствия от 17 августа 1861 г.

¹ Иван Иванов — крестьянин, сельский староста села Панина, Крапивенского уезда Тульской губернии, впоследствии волостной старшина, уволенный с этой должности по жалобе В. И. Михаловского в августе 1861 г.

Михаловский остался недоволен постановлением мирового посредника Толстого, так как Иван Иванов вскоре был избран в волостные старшины, т. е., вместо наказания в виде отстранения от занимаемой им должности, он получил повышение. На просьбу Михаловского не утверждать крестьянина Иванова в волостные старшины как человека недостойного, Толстой, по словам Михаловского, ответил: «До назначения и смены волостного старшины помещикам нет никакого дела». Выбранный же на его место новый сельский староста, «видя в предместнике своем пример награждения противозаконных действий — служение свое повел тем же путем разорительных для помещика беззаконий, коим следовал крестьянин Иван Иванов». В своей жалобе Михаловский писал губернскому присутствию, что гр. Толстой своими действиями окончательно разрушил «патриархальные отношения» помещицы Михаловской «с ее крестьянами» и «поселил в крестьянах уверенность в поощрении всяких отступлений с их стороны от требований закона», просил губернское присутствие как сельского старосту, так и волостного старшину Ивана Иванова от занимаемых ими должностей удалить. При слушании настоящего дела губернским присутствием, в заседании от 17 августа 1861 г., Толстой объявил, что «о сменении Иванова по новой жалобе г. Михаловского им представлено уже крапивенскому мировому съезду». Губернское присутствие постановило: «О сем объявить г. Михаловскому, а дело почитать конченным» (см. там же, стр. 84—85).

289. В Крапивенский уездный мировой съезд.

1861 г. Августа 15. Я. П.

№ 44

Мирового Посредника

4-го участка

Крапивенского уезда

№ 183

15 августа 1861 г.

18 августа 1861 г.

В Крапивенский Уездный Мировой Съезд.

Отношение Мирового Съезда за № 52-м от 5-го Августа ¹ писано столь непонятным и неприличным образом, что я на оное не нахожу нужным отвечать и покорно прошу Господина Крапивенского Предводителя Дворянства ² отнестись ко мне о деле Г-жи Заслоновой, ³ ежели он найдет в том надобность, другим более приличным образом.

Мировой Посредник Граф Л. Толстой.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Тульском архивном бюро. Впервые опубликовано в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 89. Текст написан канцелярским почерком и подписан Толстым. С левой стороны на полях карандашом рукою предводителя дворянства Д. Щелина наложена следующая резолюция: «Со справкой уведомить и просить посредника возвратить постановление Мирового съезда для рассмотрения его, посланное 5 августа за № 52».

¹ Отношение на имя посредника Толстого от 5 августа 1861 г. за № 52 в делах Тульского архивного бюро нет.

² Дмитрий Матвеевич Щелин — крапивенский уездный предводитель дворянства.

³ Надежда Васильевна Заслонова — помещица Тульской губернии, Крапивенского уезда. Ее имение, состоявшее из 18 ревизских душ, находилось при селце Кривцове (или Крыльдове, в 5 верстах от Ясной Поляны). Муж ее, Гавриил Васильевич Заслонов — титулярный советник, помещик, которому принадлежала 21 душа при том же селце Кривцове.

Дело Заслоновых состояло в неправильной выдаче Толстым паспорта бывшему крепостному крестьянину Евграфу Васильеву, принадлежавшему Н. В. Заслоновой. Воспользовавшись выданным документом, Васильев отказался платить оброк и ушел от Заслоновой неизвестно куда. Его примеру последовали и два других временно обязанных крестьянина. Заслонов обжаловал действия Толстого письмом от 20 июля 1861 г. на имя крапивенского предводителя дворянства Д. М. Щелина и через последнего в крапивенский мировой съезд. В дальнейшем смысл жалобы сводится к тому, что имение Н. В. Заслоновой «состоит из 18 ревизских

душ», а потому, по правилам об именах мелких владельцев, Евграф Васильев и другие крестьяне не подлежат наделению землей и должны приравняться к дворовым, которые, пишет Заслонин, «во время обнародования положения, состоящие во услужении у владельцев, переходят на оброк и получают паспорт в течение срока обязательных отношений не иначе, как с согласия помещика, и обязаны платить оброк по договору с владельцем». «Во всех положениях о крестьянах, — продолжает Заслонин, — мировым посредникам не предоставлено права выдавать паспорта крестьянам». Таким образом Толстой «действовал в этом случае по своему произволу и самоуправно». Далее жалобщик просит устранить Толстого от разрешения всех других дел по именьям Заслонинных, так как из действий Толстого он усматривает, «что и будущие действия его будут также враждебны».

Это письмо Заслонина было заслушано в заседании крапивенского уездного съезда 3 августа 1861 г., причем в журнале заседания говорится: «При слушании сего граф Толстой объявил, что это сделано им по ошибке, так как в сельце Кривцове состоит за г. Заслонинной 17 душ, а за мужем ее 21 душа, то он, граф Толстой, считал г-жу Заслонину не мелкопоместной, почему он удовлетворит справедливое требование г-жи Заслонинной». Дело же об устранении Толстого по делам именья Заслонинных было поставлено представителю на рассмотрение Тульскому губернскому по крестьянским делам присутствию, которое в уведомлении от 1 сентября 1861 г. на имя крапивенского мирового съезда сообщило, «что, не находя законных оснований, на устранение графа Толстого по делам именья г. Заслонина согласиться не может».

Печатаемая бумага является ответом на отношение мирового съезда от 5 августа 1861 г. за № 52, которое не сохранилось.

Мировой съезд ответил 6 сентября 1861 г. бумагой за № 62, в которой говорится, что, заслушав обращение Толстого от 15 августа, съезд постановил: «Просить вас объяснить, в чем именно, по мнению вашему, непонятно и неиррично постановление мирового съезда по делу г-жи Заслонинной, состоявшееся 3 августа, доставив в мировой съезд подлинное отношение его от 5 августа за № 52, также просит вас уведомить мировой съезд, удовлетворены ли вами убытки г. Заслонинной».

290. Крапивенскому уездному мировому съезду.

1861 г. Сентября 16. Я. П.

Крапивенскому Уездному Мировому Съезду.

Посредника

Графа Толстого.

4-го Мирового участка.

16 сентября 1861 года.

№ 326-й.

На отношение Крапивенского Мирового съезда от 6 сентября за № 62 имею честь уведомить, что объяснить в чем именно,

по мнению моему, неприлично и непонятно (не постановление Мирового съезда, как значится в отношении за № 62), а отношение Крапивенского Предводителя Дворянства за № 52 не считаю нужным, равно как — и доставлять в Мировой Съезд означенное отношение. Потому, что копия с отношения, или журнал, на основании которого оно составлено, должен находиться в канцелярии Мирового съезда. По делу же Г-жи Заслоновой имею честь уведомить, что требования Г-жи Заслоновой тогда же были мною удовлетворены.

Гр. Л. Толстой.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Тульском архивном бюро. Впервые опубликовано Д. Успенским в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 89, по копии. По подлиннику (сохранившемуся в деле мирового съезда) печатается впервые. Текст написан канцелярским почерком и подписан Толстым. На первой странице на полях с левой стороны рукою Щелина карандашом помечено: «Предложить мировому съезду».

Настоящее отношение Толстого является ответом на бумагу мирового съезда от 6 сентября 1861 г. за № 62.

Данное обращение Толстого к мировому съезду обсуждалось 3 октября, когда было постановлено оба его обращения «представить в губернское по крестьянским делам присутствие на рассмотрение». Это было исполнено при отношении от 6 октября 1861 г. за № 7 (в первой публикации, очевидно, ошибочно указано: «16 октября за № 7») с приложением копии постановления мирового съезда от 3 августа 1861 г.

Как реагировало на это представление губернское присутствие, в деле сведений не имеется, но из статьи Д. Успенского можно заключить, что оно было помечено «к делу», то есть вовсе не рассматривалось.

291. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1861 г. Октября 21. Я. П.

№ 329.

При разборе поступивших ко мне претензий и жалоб, в особенности по именам гг. Перцева и Михаловского, встречается вопрос, как решать жалобы крестьян о нанесении им побоев или самими владельцами, или их управляющими, а также посторонними должностными лицами, в случае отказа сих последних от окончания дел тех миролюбиво. Вопрос этот представляя тульскому губернскому присутствию покорно прошу оное о постановлении своем по этому предмету меня уведомить.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 96.

Губернское присутствие запросило Толстого от 30 октября 1861 г. за № 1978 об обстоятельствах, послуживших поводом к возбуждению предложенного вопроса, на что Толстой ответил представлением от 14 ноября 1861 г.

*** 292. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.**

1861 г. Октября 21. Я. П.

В Тульское Губернское по Крестьянским делам Присутствие.

М. В. Д.

Мирового Посредника IV
участка Крапивенского
Уезда Октября 21 дня
1861 года № 331.

Возвращая присланные при отношении одного Присутствия от 12 Сентября за № 1514, для дополнения, выкупной договор сельского Телятинского общества и коллежской Ассесорши Марсочниковой, мирской и обязательство, уведомить честь имею, что в действительности количества представляемой крестьянам сельца Телятинок на выкуп земли я удостоверился по прилагаемой при сем копии с уставной грамоты, по имеющемуся у Г. Марсочниковой плану и по признанию обществом крестьян сельца Телятинок действительности количества земли, показанного в уставной грамоте.

Мировой Посредник Гр. Л. Толстой.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в том же деле как № 281. Подпись Толстого собственноручная. Остальное написано писарской рукой.

Далее в деле имеется выкупной договор Марсочниковой телятинскими крестьянами в количестве шестидесяти человек от 25 июля 1861 г. на 180 десятин удобной земли 60 крестьянам. Договор составлен по обычной форме. В конце его следующий автограф Толстого:

Что договор сей составлен по добровольному согласию крестьян сельца Телятинок и Г-жи Марсочниковой, в том свидетельствую.

Мировой посредник Гр. Л. Толстой.

Губернское по крестьянским делам присутствие 22 августа вернуло выкупной договор Толстому, так как не были засвидетельствованы подписи владелицы и крестьян.

293. Тульскому губернатору. ¹

1861 г. Октября 28. Я. П.

№ 343.

По жалобе дворовых людей г. Костомарова Филиппа Алексеева и Никиты Моисеева на требование помещика обязательной от них службы — мною письмом сообщено г. Костомарову ² 18 прошлого июня, ³ что, на основании ст. Полож[ения] о дворовых людях, Алексеев и Моисеев не обязаны служить во дворе помещику и должны получить надел. Письмо и решение мое г. Костомаровым представлено было с жалобой в мировой съезд, а оным постановлено поручить г. Фере ⁴ переследовать это дело и донести мировому съезду. Так как мировой съезд, несмотря на постановление тульского губернского по крестьянским делам присутствия от 3 октября, за № 1728, коим постановлено просить крапивенский мировой съезд уведомлять мировых посредников о своих постановлениях, которые будут исполнены помимо посредника, — не считает нужным извещать о своих решениях, то мне только частным образом известно, что г. Фере мое решение нашел справедливым и вновь приказал этим дворовым людям оставаться в крестьянстве. 14 числа сего октября сельский Харинский староста донес мне, что люди эти становым приставом взяты в Крапивну, но для чего или за что — на требование сельского старосты ему, а равно и тем дворовым людям не объяснено никем. Тогда же о причинах арестования сказанных людей мною посланы два отношения приставу 2 стана Крапивенского уезда, за № 303, и в крапивенский земский суд, за № 308; но на оба отношения ответа не получено. ⁵

28 числа сельский староста, явившись ко мне с одним из дворовых людей, показали следующее: «спустя месяца три после приезда в село Харинское посредника 2 мирового участка г. Фере, которым после исследования этого дела в то же время нам приказано оставаться в крестьянах, — прибыл г. пристав 2 стана Крапивенского уезда и приказывал нам опять идти к помещику в дворовые, но они отвечали, что «пойдем в дво-

ровые тогда только, когда нам прикажет это наш мировой посредник». После этого становой пристав передал нас ближайшему сотскому, а сей препроводил в крапивенский земский суд, где мы содержались три недели, не получая ни куска хлеба, и для прокормления себя должны были продать имевшееся на нас платье; по прошествии трех недель нас привели в суд и по снятии с нас допроса, отпустили к тестям нашим, которые состоят крестьянами; но помещик по возвращении опять нас требует к себе в услужение, потому мы находимся вынужденными искать защиты прав наших у начальства».

Находясь в недоумении, что всё это значит: законное ли преследование виновных, или произвольное насилие подкупленной полиции, представляю при сем самых людей и всё дело это на рассмотрение Вашего превосходительства и покорно прошу в обоих случаях меня уведомить.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 98—99.

¹ Губернатором был П. М. Дараган.

² О Н. А. Костомарове см. п. № 243.

³ Толстой ошибся: письмо к Костомарову было не от 18 июня, а от 30 июня 1861 г. (см. № 213).

⁴ Юлий Егорович Фере — мировой посредник 2-го участка Крапивенского уезда Тульской губернии.

⁵ Оба эти отношения Толстого (приставу 2-го стана Крапивенского уезда и в Крапивенский земский суд) не сохранились.

Кроме этого отношения Толстого в губернское присутствие были направлены мировым съездом: записка по делу сына Костомарова — полковника А. Н. Костомарова, и приказ Толстого харинскому старосте. Костомаров сообщал, что член полиции, прибыв на место для приведения крестьян Моисеева и Алексеева в повиновение, встретил с их стороны явное сопротивление, за что они и были «препровождены в земский суд и отданы уголовному суду», просит «положить конец произволу мирового посредника 4 участка, который, как видно из настоящего дела, не признает никакой законности, не обращает никакого внимания на решения мирового съезда и приказами своими только поощряет людей, отданных уже под суд уголовный заслушание земской полиции, к новым, большим еще, противлениям, и ведет себя до того произвольно, что помещикам невозможно иметь никаких сношений по мировым учреждениям». Приказ Толстого харинскому старосте см. № 224.

На деле этом сделана помета карандашом: «Оставить без последствий по приказанию губернатора».

*** 294. Тульскому губернатору.**

1861 г. Ноября 4. Я. П.

Его Превосходительству, Господину Начальнику Тульской Губернии.

М. В. Д.

Мирового посредника IV участка

Крапивенского уезда.

Ноября 4 дня 1861 года.

№ 349.

В прошедшем октября месяце мною сообщено было приставу 2 стана Крапивенского уезда об исполнении постановления моего касательно отдачи Крапивенским купцом Борхуновым долга крестьянину д. Воробьевки Мирону Никитину, но постановление это до сего времени не исполнено.

Считаю долгом о такой ежемесячно повторяющейся неисполнительности местной полиции довести до сведения Вашего Превосходительства.

Мировой Посредник Гр. Л. Толстой.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Тульском архивном бюро. Началось 6 ноября 1861 г. Окончено 14 ноября 1861 г. На 7 листах.

Написано писарской рукой; подпись Толстого собственноручная.

Канцелярия губернатора в тот же день запросила пристава о причинах невыполнения им требований мирового посредника гр. Толстого. Пристав 8 ноября доложил, что всё исполнено, 15 ноября от начальника Тульской губернии последовал циркуляр градским и земским полициям и градским думам в том, чтобы все законные требования мировых посредников выполнять неупустительно и с особым вниманием, как к предмету первой важности в настоящее время.

*** 295. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие. Непосланное.**

1861 г. Ноября 8. Я. П.

М. В. Д.

Мирового посредника

IV участка

Крапивенского уезда.

Ноября 8 дня 1861 года.

№ 354.

В Тульское Губернское

по крестьянским делам

Присутствие.

В прошедшем Августе месяце 16 числа лично объяснено мною Губернскому по крестьянским делам Присутствию, что

я не считаю возможным участвовать в Крапивенском Мировом Съезде, и предложен вопрос, имеет ли Посредник право никогда не бывать на Мировом Съезде? Мне было отвечено, что хотя Посредник и не обязан постоянно посещать Мировой Съезд, но официально заявлять этого не имеет права.

Так как мое непосещение Мирового съезда не случайно и не временно, а имеет основанием убеждение мое в бесполезности моего участия в Мировом Съезде, то я вновь то же заявляю и предлагаю тот же вопрос Тульскому Губернскому по крестьянским делам Присутствию с объяснением причин, по которым я уклоняюсь от сей обязанности. В прошлом июле месяце, в присутствии Крапивенского Мирового съезда, о деле Г-на Осипович, состоялось одно постановление, или вовсе никакого, так как мнения всех членов не были ясно формулированы, в отсутствие же мое состоялось другое постановление, совершенно различное от первого, или от тех суждений, которые были выражены Г.г. членами в моем присутствии. Второе постановление записано в журнале неизвестно когда и приведено в исполнение через Земскую Полицию без моего ведома. Об этом случае было мною тогда представлено в Губернское по крестьянским делам Присутствие, с требованием назначения следствия об этом деле; но на представление мое получен ответ только о том, что Мировой Съезд должен уведомлять Мировых Посредников о приведении в исполнение тех постановлений, которые состоялись в их отсутствие. Так как нет основания предполагать, чтобы и во всех будущих совещаниях Мирового Съезда, в случае несогласия одного из членов, постановления большинства не могло бы состояться тем же путем, так как я до сих пор на Крапивенском Мировом Съезде один всегда был мнения противоположного мнениям всех других членов и так как представление мое в Тульское Губернское по крестьянским делам Присутствие осталось без последствий, то и участие мое на Мировом Съезде оказывается совершенно бесполезным и только опасным для моей чести. Вот причины, по которым я не езжу и не намерен ездить на Мировой Съезд.

Просьба же моя в Губернское по крестьянским делам Присутствие состоит в следующем: 1, или на основании моего заявления о намеренном уклонении от обязанностей члена Мирового Съезда, представить высшим властям об увольнении

меня от должности; 2, или разрешить мне не участвовать на Мировом Съезде; 3, или произвести следствие о справедливости представляемых мною причин невозможности участвовать в Мировом Съезде и о виновных мне или членам Мирового Съезда представить в Сенат для предания суду; 4, или уведомить меня, на каком основании настоящее представление мое будет оставлено без последствий.

Мировой Посредник Гр. Л. Толстой.

Настоящая бумага написана писарской рукой на бланке и только подпись: «Гр. Л. Толстой» сделана рукой Толстого. Судя по тому, что бумага эта сохранилась в архиве Толстого, видно, что она не была отправлена по назначению.

*** 296. Приставу 2 стана Крапивенского уезда.**

1861 г. Ноября 10. Я. П.

Приставу 2 стана Крапивенского уезда.

Артиллерии Поручика
графа Льва Николаевича
Толстого.

С в е д е н и е.

На предъявленное мне отношение Тульского Губернского Присутствия от 10 октября за № 1801 имею честь объяснить, что увольнительные акты мною выданы дворовым людям села Никольского не в зимнее время, но еще в июле месяце, но за отсутствием подписи свидетелей возвращены мне. Вторично посланы 30 августа, но почему не переданы дворовым людям, мне неизвестно. Что же касается до мнимого оставления мною без крова и средств к жизни дворовых людей, то хотя Сведение это и несправедливо, я имею честь уведомить, что не считаю нужным давать в отношении помещения дворовых людей никакого обязательства, предоставляя это дело, как зависящее от частной благотворительности и потому подлежащее суждению мировых учреждений, своему личному усмотрению. Вместе с тем покорно прошу Губернское Присутствие принять необходимые меры для выдачи увольнительных актов, ибо ежели в продолжении трех месяцев увольнительные акты могли быть не выданы дворовым людям, нет причины

предполагать, чтобы выдача эта не оттянулась и до будущей зимы.

10 ноября 1861 г.

Гр. Л. Толстой.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Тульском архивном бюро, в фонде Тульского губернского по крестьянским делам присутствия. Дело на 9 страницах. «Сведение» написано чужой рукой; Толстому принадлежит только подпись.

Дело началось рапортом чернского исправника начальнику губернии от 28 сентября 1861 г. за № 625, в котором он просил указаний относительно того, как поступить с бывшими дворовыми гр. Л. Н. Толстого по селу Никольскому-Вяземскому, упорно отказывающимися принять от помещика увольнительные акты. (Всего двадцать пять семейств, в количестве ста девятнадцати человек.) Губернатор направил рапорт в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие для получения отзыва Толстого и принятия законных мер. В ответ на этот запрос Толстой дал печатаемое «сведение». Тульское губернское по крестьянским делам присутствие в заседании 30 декабря 1861 г. установило, что помещики имеют право увольнять своих дворовых до истечения двухгодичного срока после их освобождения от крепостной зависимости и что Толстой выполнил все требования, связанные с этим досрочным увольнением, и постановлено выдать дворовым людям увольнительные акты через Чернский земский суд.

297. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1861 г. Ноября 12. Я. П.

№ 373.

Некоторые сельские общества крестьян ¹ заведываемого мною участка изъявили желание открыть сельские школы по прилагаемому уставу, а так как по 8 пункту 51 статьи Общего Положения им, хотя и предоставляется право на совещание об обучении грамоте, но могут ли они основывать такие школы — из Положения не видно; а потому, представляя вопрос этот на разрешение Тульского губернского по крестьянским делам присутствия, покорно прошу о постановлении своем меня уведомить.

Настоящее отношение и приводимый в примечании устав сельских школ печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 99—100. Местонахождение автографов не установлено. Дата первой публикации.

¹ Эти общества перечислены Толстым в отношении на имя губернского присутствия от 29 ноября 1861 г.

При отношении Толстым был приложен следующий школьный устав:

У с т а в с е л ь с к и х ш к о л .

1. Для первоначального устройства школы общество делает сбор от 10 до 15 коп. сереб. с тягла.

2. За право учения каждого мальчика или девочки назначается плата 80 коп. сер. в месяц.

3. Плата за учение вносится в первую половину месяца.

4. Родители могут отдавать детей на месяц и более, но никак не менее одного месяца.

5. Родители, желающие отдать детей на год, платят в год 4¹/₂ р. серебром или 1¹/₂ руб. в треть.

6. Дети учатся Закону Божию, правильно писать и читать гражданскую и церковную печать, считать на цифрах и на счетах, линейному рисованию и церковному пению — там, где учитель будет иметь необходимые для того познания или священнослужители пожелают принять на себя эту обязанность.

7. Преподавание Закона Божия поручается местному священнику бесплатно, по распоряжению епархиального начальства, или за вознаграждение, какое назначит само общество.

8. Ежели в обществе 10 человек взрослых изъявят желание учиться, то два раза в неделю по вечерам в школе будет преподавание Закона Божия, объяснение вопросов, которые будут делать учащиеся, и вообще чтение.

9. Плата, как общественного сбора, так и учеников, вносится учителю.

10. Учитель все расходы по содержанию школы принимает на себя, исключая постройки и отопления.

По постановлению от 20 ноября 1861 г. Тульское губернское присутствие уведомило Толстого: «Порядок открытия училищ для образования детей временно обязанных крестьян указан в общем циркуляре Министерства внутренних дел от 4 ноября сего года, за № 11, расходы же по учреждению обществами или волостями должны быть произведены, согласно п. 10 и 11 ст. 51 и п. 3—5 ст. 78 Общего положения».

29 ноября Толстой вновь обратился по этому же делу в губернское присутствие.

298. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1861 г. Ноября 14. Я. П.

№ 375.

Вследствие отношения губернского по крестьянским делам присутствия 30 октября, № 1978, ¹ имею честь уведомить, что предложенный мною вопрос на разрешение тульскому губернскому присутствию 21 прошлого октября, за № 329, вопрос возник из следующих случаев:

1. На управляющего именем г. Михаловского принесена жалоба крестьянами, что он, во время нахождения с ними на работах, некоторых из них бил. При разбирательстве дела справедливость показания крестьян подтвердилась, и я, убедившись в виновности управляющего, просил его окончить дело миром, т. е. заплатить крестьянам, подвергнувшимся побоям, денежное удовлетворение, на что г. управляющий согласия не изъявил, а крестьяне остались без удовлетворения.

2. На г. Перцева принесена кандидату ² моему жалоба дворовою г. Перцева женщиною в нанесении им побоев ей. По разборе дела моим кандидатом, г. Перцев признан виновным, и ему предложено дать дворовой своей женщине хотя малое денежное удовлетворение; но он не согласился. При вступлении моем в должность дело это принято мною неоконченным, а потому, при дальнейшем производстве оно, я приглашал г. Перцева, для принесения оправдания против поданной на него жалобы; но г. Перцев уведомил меня, что лично быть у меня не может, а письменное объяснение считает неудобным, — и затем до сего времени дворовая его женщина остается неудовлетворенною.

3. На землемерного помощника Селезневского крестьянином Ивановым принесена жалоба, что г. Селезневский, во время нахождения Иванова с ним в поле в качестве рабочего, неизвестно на каком основании избил его очень больно, и хотя на предложение мое об удовлетворении Иванова за побои г. Селезневский согласился, но, сколько мне известно, до настоящего времени не удовлетворил его.

Кроме этого были еще некоторые случаи, не говоря о деле г-жи Артюховой, ³ известном губернскому присутствию, оставшиеся точно так же без последствий, как и вышеописанные.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 96—97, по архивным материалам того же дела, как и отношение Толстого от 21 октября 1861 г. Дата и номер отношения первой публикации.

На этом представлении Толстого неизвестно кем сделана надпись карандашом: «Вопрос этот разрешен был дополнительными указаниями. Посему по приказ. нач. губер. дело это оставить без дальнейшего производства».

¹ Отношение это неизвестно.

² С 12 мая по 20-е числа июля 1861 г. вследствие отъезда Толстого в самарские степи должность мирового посредника исполнял кандидат С. Н. Толстой.

³ А. П. Артюхова обвинялась в нанесении побоев ключнице Григорьевой.

299. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1861 г. Ноября 29. Я. П.

№ 392.

Во вверенном мне участке волостные общества крестьян волостей: Головлинской, Ламинцовской, Трасненской, Богучаровской и Головеньковской и сельские общества: Ясеньковское, Колпенское, Бабуриновское, Подосинковское, Плехановское, Кочанское и Сатинское изъявили желание открыть училища.¹ Основания, на которых открываются эти училища, известны губернскому присутствию по представленному мною уставу при отношении 12 сего ноября, за № 373. Во исполнение циркуляра г. министра внутренних дел, я имею честь уведомить губернское по крестьянским делам присутствие об открытии означенных училищ и вместе с тем предложить на разрешение следующий вопрос: от кого зависит назначение в должность учителя,² удаление его от должности и вообще наблюдение за его деятельностью. Вновь открытые училища подлежат ведомству министерства народного просвещения, как значится по циркуляру г. министра внутренних дел, и потому наблюдению директора гимназии и штатных смотрителей уездных училищ. Полагая, что штатные смотрители уездных училищ, едва успевавшие следить за прежними училищами, не будут в состоянии внимательно наблюдать за вновь открытыми училищами, и что это только номинальное наблюдение может вести

к злоупотреблениям и препятствиям к распространению школ, — мне кажется, необходимо было бы учредить более действительный надзор над, в столь большом количестве, вновь учрежденными школами временно-обязанных крестьян. Представляя этот вопрос на разрешение или ходатайство губернского по крестьянским делам присутствия, я считаю долгом присовокупить, что, по моему убеждению, для того, чтобы образ и дух преподавания был соответственен видам правительства и удовлетворял бы требованиям народа, необходимо существенное право назначения и смены учителей предоставить самим обществам, т. е. чтобы общества имели право приговорами назначать и сменять учителей. О постановлении по этому поводу имею честь покорно просить меня уведомить.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 100—101. См. вступ. прим. к п. № 297. Дата первой публикации.

¹ Об открытии этих школ см. т. 8, стр. 147—177.

² Учителей вновь открывшихся училищ Толстой указывает в отношении от 12 декабря 1861 г. и 21 февраля 1862 г.

На это отношение Толстого в деле ни ответа, ни отметки о посылке такового не имеется.

300. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1861 г. Декабря 12. Я. П.

№ 399.

Участка моего крестьянские общества волостные: Головеньковское, Трасненское, Ламинцовское, ¹ Богучаровское и Кобелевское, ² и сельские: Ясенковское и Бабуринское, изъявивши желание обучать грамоте своих детей, открыли училища, в которые учителями поступили воспитанники разных учебных заведений, а именно: в Головеньковское — воспитанник казанской гимназии Александр Сердобольский, ³ в Трасненское — воспитанник пензенской гимназии Иван Авксентьев, ⁴ в Ломинцовское — воспитанник калужской гимназии Алексей Шумилин, ⁵ в Богучаровское — воспитанник тульской духовной семинарии Петр Морозов, ⁶ в Кобелевское — воспитанник тульской духовной семинарии Борис Головин, ⁷ в Бабуринское — вос-

питанник кишиневской гимназии Альфонс Эрленвейн⁸ и в Ясенское — воспитанник кишиневской гимназии Митрофан Бутович.⁹ О чем долгом считаю уведомить Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 101. См. вступ. прим. к п. № 297. Дата дана Успенским.

¹ В тексте, опубликованном Успенским, опечатка: Ласнинцовское.

² Кобелево в 22 км. от Ясной Поляны.

³ Александр Павлович Сердобольский (ум. в 1890 г.) — воспитанник казанской гимназии, был преподавателем в Головеньковской волостной школе в селе Кривцово, открытой 17 октября 1861 г. Толстой считал его даровитым учителем («Ясная Поляна», II, стр. 39). А. П. Сердобольским помещены две статьи в журнале «Ясная Поляна»: «Головеньковская волостная школа» («Ясная Поляна», V, стр. 34—51, и VI, стр. 5—21). В 1870-х гг. был учителем в Казанской учительской семинарии.

⁴ Иван Ильич Авксентьев — воспитанник пензенской гимназии; был преподавателем в Тросненской (в 8 км. от Ясной Поляны) и Житовской (в 21 км. от Ясной Поляны, открыта в ноябре 1861 г.) школах. Им написаны две статьи для журнала «Ясная Поляна»: «Житовская школа за два месяца» («Ясная Поляна», I, стр. 43—100) и «Заметки о народном чтении» (V, стр. 5—16). О Житовской школе см. также журнал «Ясная Поляна», II, стр. 40. К Авксентьеву относится следующая запись в Дневнике Толстого под 5 ноября 1862 г.: «Учителя плохи... Иван Ильич надежнее всех» (т. 48).

⁵ Алексей Иванович Шумилин — воспитанник калужской гимназии; был преподавателем в Ломинцевской школе. Им написана статья для журнала «Ясная Поляна»: «Книги Ломинцевской волости» («Ясная Поляна», I, стр. 101—103). Его же имел в виду Толстой в следующем месте своей статьи «О свободном возникновении и развитии школ в народе»: «В Л-ой школе ропот народа был сильнее, чем в прочих. Слабость и необщительность учителя, не пытавшегося объяснить крестьянам преимущества своих приемов, и, главное, уступки их требованиям еще более испортили дело» (т. 8, стр. 172).

⁶ Петр Васильевич Морозов.

⁷ Борис Николаевич Головин — воспитанник Тульской духовной семинарии, был преподавателем в Кобелевской волостной школе (Кобелево в 22 км. от Ясной Поляны), а затем в Ясенках (в 6 км. от Ясной Поляны, открыта 1 декабря 1861 г.), сменив учителя М. Ф. Бутовича. В письме к С. А. Рачинскому Толстой писал, что бывшие семинаристы обычно «не выдерживают больше года, запивают или зафранчиваются». Несомненно в число этих семинаристов входил и Головин. Отрицательное отношение к нему проявлялось и со стороны его товарищей. В письме к Толстому от 12 января 1862 г. Сердобольский писал: «Не знаем, что нам делать с Борис Николаевичем (он, как я узнал, плохой учитель)». То же говорит в своей статье «Я[сенков]ская школа» М. Бутович («Ясная Поляна», февраль, стр. 63, 64, 69).

* Альфонс Александрович Эрленвейн (1840—1910) — воспитанник киевской гимназии, студент Московского университета (1861), учитель в школе, основанной Толстым в Бабурине (1 декабря 1861 г.).

* Митрофан Федорович Бутович — сын лишенного прав состояния и сосланного в Сибирь, студент Московского университета, учитель учрежденной Толстым школы в Ясенках (с конца октября 1861 г.), а впоследствии в Житовской. Был рекомендован Б. Н. Чичериным. Им написаны следующие статьи в журнале «Ясная Поляна»: «Попытка учительства в Я[сенков]ской школе» («Ясная Поляна», I, стр. 86—92); «Я[сенков]ская школа» (II, стр. 63—76); «Попытка учительства в Житовской школе» (V, стр. 17—33); «О Хмелевцевской школе временно обязанного крестьян. Никифора Лункова» (V, стр. 53—68); «Два месяца в Алябьевской школе» (XI, стр. 5—25).

В ответ на это отношение Толстого, а также на отношение от 21 февраля 1862 г. последовало разрешение губернского присутствия открыть означенные училища, «с тем, чтобы преподавание закона божия и главное попечение в этих училищах, на основании 11 и 14 № общих циркуляров Министерства внутренних дел, непременно было вверено священникам, наблюдение за тем возложить на г. мирового посредника».

Весь текст доверенности написан писарской рукой; подпись Толстого собственноручная.

301. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1861 г. Декабря 30. Я. П.

1861 г. Декабря 30.

На предъявленное мне отношение Губернского Присутствия от 10 октября, за № 1801, имею честь объяснить, что увольнительные акты мною выданы дворовым людям с. Никольского не в зимнее время, но еще в июле месяце, — но за отсутствием подписи свидетелей возвращены мне. Вторично посланы тридцатого августа, но почему не переданы дворовым людям, мне неизвестно. Что же касается до мнимого оставления мною без крова и средств к жизни дворовых людей, то хотя сведение это и несправедливо, я имею честь уведомить, что не считаю нужным давать в отношении помещения дворовых людей никакого обязательства, предоставляя это дело, как зависящее от частной благотворительности и потому не подлежащее суждению мировых учреждений, — своему личному усмотрению. Вместе с тем покорно прошу губернское присутствие принять необходимые меры для выдачи увольнительных актов, ибо ежели в продолжение трех месяцев увольнительные акты могли быть не вы-

даны дворовым людям, нет причины предполагать, чтобы выдача эта не оттянулась и до будущей зимы.

Гр. Л. Толстой.

Печатается по тексту, впервые опубликованному в новом сборнике писем Л. Н. Толстого, изд. «Окто», М. 1912, стр. 5—6.

302. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1862 г. Февраля 12. Я. П.

№ 34.

Так как представленные на меня в губернское присутствие жалобы: г. Костомарова о перечислении его людей в крестьяне, г. Заслонина о невведении в действие его уставных грамот, г. Банд и г-жи Артюховой о магазинном хлебе¹ и купца Борхунова о проданном быке² и другие — не имеют никакого законного основания, а вместе с тем дела эти и многие другие продолжают быть решенными противно моим постановлениям, так что почти каждое постановление во вверенном мне участке отменяется, и даже старшины сменяются мировым съездом,³ и так как, при таких условиях, возбуждающих недоверие к мировому посреднику, как крестьян, так и помещиков, деятельность мирового посредника не только не может быть успешна, но становится невозможна, я покорно прошу губернское присутствие поспешить произведением дознания через одного из своих членов о вышеупомянутых жалобах и вместе с тем считаю нужным уведомить губернское присутствие, что до произведения такового дознания я не считаю удобным вступать в исправление сданной старшему кандидату должности.⁴

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 105—106. Дата первой публикации.

¹ Дело это не сохранилось.

² Дело это не сохранилось.

³ Толстой имеет в виду дело о смене старшины села Панина Ивана Иванова.

⁴ Старшим кандидатом мирового посредника по 4-му участку был С. Н. Толстой. Хотя Толстой 9 марта снова вступил в исправление должности мирового посредника, но исправлял такую только до 30 апреля 1862 г., передав исправление своей должности, под предлогом болезни,

старшему кандидату. 26 мая, за № 24124, Правительствующий сенат дал знать тульскому губернатору, что «он определил артиллерии поручика графа Льва Толстого по болезни уволить от представленной ему по утверждению Правительствующего сената должности мирового посредника Крапивенского уезда».

303. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

1862 г. Февраля 21. Я. П.

№ 36.

Участка моего сельские общества: Колпенское, Городненское и Плехановское открыли училища, в которые учителями поступили: в Колпенское — окончивший курс в саратовской гимназии Анатолий Томашевский,¹ в Городненское — окончивший курс в пензенской гимназии Владимир Токашевич,² в Плехановское — окончивший курс в пензенском дворянском институте Николай Петерсон;³ Богучаровское же сельское общество в свое училище, вместо прежнего учителя Морозова,⁴ приняло бывшего студента Казанского университета Сергея Гудима.⁵ О чем долгом считаю уведомить Тульское губернское по крестьянским делам присутствие.

Печатается по тексту, опубликованному в «Русской мысли», 1903, IX, стр. 101—102.

¹ Анатолий Константинович Томашевский (1842—1907) — сын землевладельца Саратовской губернии. В 1859 г. окончил гимназию в Саратове и поступил в Московский университет. За участие в московских студенческих беспорядках в 1861 г. 6 февраля 1862 г. был обязан подпискою подчиниться всем университетским правилам, в противном случае подлежал высылке из Москвы. Жил в Ясной Поляне, где был учителем в Бабуринской (с осени 1861 г.) и в Колпенской (с 2 января 1862 г. и до 1863 г.) школах. В журнале «Ясная Поляна», за подписью «А. Т.», напечатаны две статьи Томашевского: «Колпенская школа» (март) и «Колпенская школа» (декабрь). В 1863 г., когда школьная деятельность Толстого прекратилась, Томашевский остался в Ясной Поляне в качестве управляющего, но на очень недолгое время. По просьбе Толстого, А. Е. Берс, будучи в Петербурге в мае 1863 г., взял на себя хлопоты о предоставлении Томашевскому свободного жительства.

В 1865 г. Томашевский снова был принят в Московский университет. В 1866 г. был арестован в связи с каракозовским делом. В январе 1867 г. получил разрешение выехать в Курск, где состоял под негласным надзором. В 1896 г. им была издана книга М. А. Антоновича «Чарльз Дарвин

и его теория». Об А. К. Томашевском см. «Деятели революционного движения в России. Словарь», т. I; записки С. М. Сухотина — «Русский архив», 1894, 1, стр. 432; Т. А. Кузминская, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», II, М. 1927, стр. 43—44, 48, 55.

² Владимира Токашевича среди учителей толстовских школ не было. Возможно, что в статье Успенского опечатка и следует читать: «Лукашевич».

Владимир Павлович Лукашевич — учитель Городненской школы. Ему принадлежит статья «О необходимости контроля общества над школами» («Ясная Поляна», апрель), подписанная «В. Л.».

³ Николай Павлович Петерсон (1844—1919) — окончил Пензенский дворянский институт (1862), был учителем в открытых Толстым школах Грецовской, затем Плехановской, а с января 1862 г. в Головине. Позднее был библиотекарем Чертковской библиотеки в Москве и доставлял Толстому материалы по «Воине и миру». Последние годы жизни служил по судебному ведомству. О Толстом вспоминал в статьях: «Из записок бывшего учителя» — «Международный толстовский альманах», составленный П. А. Сергеевко, изд. «Книга», М. 1909; «Мои сношения с великим писателем земли русской графом Л. Н. Толстым и мое к нему отношение» — «Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела», Верный 1912, стр. 83—93. Подробнее о нем см. тт. 8, 61 и 78.

⁴ П. В. Морозов.

⁵ Сергей Леонтьевич Гудима — студент Казанского университета, был преподавателем у Толстого в Богучаровской и Широковской (?) школах. Ему принадлежит статья: «Богучаровская школа за февраль и март» («Ясная Поляна», июнь).

* 304. Duprat. Неотправленное.

1862 г. Январь — февраль. Москва.

Monsieur!

En 1861, 1,600 francs ont été versés dans la maison Pascal fils et Cie pour être transmis par la maison Fenzy de Florence au Comte Leon Tolstoy. — La somme n'étant pas remise au C. Tolstoy Fenzy annula le crédit et la somme resta dans la maison Pascal ce dont j'ai été informé par Fenzy. Si la maison Pascal n'a pas fait banqueroute je prie de m'envoyer cet argent, c'e ad. de le passer au nom de quelque banquier de Moscou ou de Petersbourg.

Милостивый государь!

В 1861 г. 1,600 франков были переведены в контору Паскаль сын и К^о для передачи через контору Фенси во Флоренции графу Льву Толстому. — Сумма не была вручена гр. Толстому. Фенси аннулировал кредит, и деньги остались в конторе Паскаля, о чем я был извещен Фенси.

Если контора Паскаля не обанкротилась, прошу эти деньги мне прислать, т. е. перевести их на имя кого-либо из банкиров Москвы или Петербурга.

Дата определяется предположительно сопоставлением писем В. П. Боткина к Толстому от 18/30 апреля 1861 г. и Толстого к Боткину от 26 января 1862 г. (см. п. № 230).

Это вторичное письмо банкиру Толстой оставил неотправленным. На это указывает отсутствие подписи и то, что оно осталось в архиве Толстого.

*** 305. Доверенность П. Е. Воробьеву.**

1862 г. Декабрь до 17. Я. П.

Петр Евстратов!

Брат мой Штабс-Капитан Граф Сергей Николаевич Толстой уполномочил меня двумя доверенностями, засвидетельствованными в Тульской Гражданской Палате — 1-ая 1861 года, 18 июля, записанной в книгу под № 54, 2-я того ж года Июля 19-го, записанная в книгу под № 58, с правом передоверия другому лицу на управление и распоряжением имением общим нашим Тульской Губернии, Чернского уезда, в селе Никольском с деревнями, доставшееся нам по наследству после покойного родного брата нашего, Штабс-Капитана Графа Николая Николаевича Толстого, заложенное в Московском Опекунском Совете; а потому доверяю тебе наше имение принять в твое управление и распоряжение, собирать с имения оброк и прочие доходы доставлять ко мне и во всем руководствоваться вновь изданными Высочайше утвержденными правилами о даровании прав крестьянам и дворовым людям, вышедшим из крепостной зависимости, заключать с лицами всех сословий и крестьянами, как ныне живущими на нашей земле, так и сторонними, всякого рода в отношении выкупа, найма и обработки земли условия, письменные обязательства; иметь письменные и словесные сношения с мировыми посредниками и другими учреждениями, по случаю изменения прав крестьян установленными или могущими образоваться; вообще заключать и совершать по имению нашему всякие требуемые сими правилами сделки или обязательства. Одним словом, вступая во все права и исполняя все обязанности, из новых правил истекающие, действовать так, как бы я сам и доверитель мой, а равно доверяю тебе по вышеозначенному имению нашему учинить разверстание земель крестьянских, следующих им в надел, а также и

господских, оставшихся излишними за наделом, в случае надобности переселить крестьян в другие места, как это признаешь за лучшее. Сверх сего, составить выкупной договор о выкупе крестьянами их усадебной оседлости и всего надела земли, договоры вместо нас подписать и представить на утверждение к Мировому Посреднику, а также доверяю тебе представленные уставные грамоты по нашему имени дополнять и исправлять оные, не упуская пользы и выгод наших, и какие по нашему имени могут встретиться дела может во все присутственные места и к начальствующим лицам всякого рода прошения, объяснения, частные и апелляционные жалобы подавать, решения по оным выслушивать, подписывать удовольствия и неудовольствия, с соблюдением апелляционного порядка, и дела переносить из низших в высшие инстанции и в Правительствующий Сенат. В чем я тебе верю, и что ты по сему законно учинишь, я и доверитель мой спорить и прекословить не будем.

Поручик Граф Лев Николаев Толстой.

Декабря 1862 г.

Сия доверенность принадлежит временно обязанному дворовому человеку Воробьеву.

1862 года Декабря 17 дня Тульская Палата Гражданского Суда на основании св. зак. Гражд. X т. изд. 1857 г. 2308 ст. свидетельствует, что сия доверенность действительно подписана рукою Поручика Графа Льва Николаева Толстого и дана временно обязанному дворовому человеку Петру Евстратову Воробьеву.

Председатель П. Маслов.

Заседатель Минин.

Заседатель (подпись).

Секретарь (подпись).

Регистратор Лазарев.

Весь текст доверенности написан писарской рукою; подпись Толстого собственноручная.

*** 306. Военному губернатору г. Тулы и тульскому гражданскому губернатору П. М. Дарагану.**

1862 г. Декабря 24? Я. П.

№ 407.

24 декабря.

Д о к л а д н а я з а п и с к а .

Его превосходительству господину Военному Губернатору г. Тулы и Тульскому Гражданскому Губернатору и кавалеру

Артиллерии Поручика Графа Льва Николаевича Толстого. Декабря дня 1862 года. С. Ясная Поляна Крапивенского уезда.

На земле моей 7-мь лет тому назад, в мое отсутствие построен был питейный дом. И несмотря на неоднократное ходатайство мое о снятии питейного дома и на подаваемые прошения в Крапивенский Уездный Суд и Тульскую Гражданскую Палату, питейный дом оставался на моей земле, не платя мне никакого вознаграждения за пользование ею.

В настоящее время я вновь просил Крапивенский Земский Суд о сношении с моей земли, без всякого законного основания построенного на ней питейного дома. Земский Суд, вместо распоряжения по моему прошению, сообщил мне справку о том, что питейный дом числится казенным. На каком же основании числится дом казенный, построенный на моей земле и не отчужденный от меня никаким актом, Земский Суд не уведомил меня. Ежели дом зачислен казенным, то это очевидно или злоупотребление или ошибка.

При новом положении о акцизном сборе злоупотребление или ошибка эта еще более ощутительнее, так как в доме, построенном на моей земле, никто кроме меня не имеет права брать патента на торговлю; а дом этот, как казенный, сдается с торгов частным лицам, а потому покорно прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение об остановке торгов на означенный дом и о исключении его из списка казенных питейных домов Тульской губернии.¹

Граф Лев Николаевич Толстой, Поручик Артиллерии.

Печатается по автографу, хранящемуся в Тульском архивном бюро, в деле начальника Тульской губернии. «Началось 24 декабря 1862 года, окончено 28 февраля 1863 года». Датируется предположительно.

¹ Как видно из дальнейших документов, хранящихся в Тульском архивном бюро, начальник губернии П. М. Дараган 28 декабря 1862 г. препроводил записку Толстого управляющему питейно-акцизными сборами в Тульской губернии, предложив «доставить по содержанию сведения и заключение». В ответном отношении от 31 декабря 1862 г. управляющий питейно-акцизными сборами М. Языков писал: «Из имеющихся во вверенном мне Акцизном управлении сведений видно: «1. На 6 верст по Тульскому Орловскому шоссе от Ясенковской станции находится строение казенного питейного дома, под названием Яснопольского». В трех следующих затем пунктах отношения делаются ссылки на соответствующие узаконения по вопросу о питейных домах. Смысл этих указаний сводится к тому, что казне предоставлено право строить и откры-

вать кабаки на любой земле, казенной, удельной или помещичьей, «а владельцы оной никакого притязания или препятствия в том делать не должны».

Отношение заканчивается следующим заключением: «На основании вышеприведенных узаконений строение казенного питейного дома, под названием *Яснопольского* [курсив подлинника], должно поступить в ведение акцизного управления, без всякого платежа владельцу за землю, на которой построен этот дом».

В записках С. А. Толстой есть указание, что в 1866 г. Толстой сделал первую пристройку к яснополянскому дому из «упраздненного кабака». В 1889 г., когда Толстой уж не имел отношения к хозяйству, С. А. Толстая заменила ее новой, а часть строительных материалов бывшего кабака употребила на одноэтажную небольшую пристройку нового входа в дом. Эта пристройка к дому существует и теперь.

На основании этих данных можно заключить, что кабак просуществовал с 1855 по 1866 г., оставив по себе настолько крепкую память в потомстве, что гора, на которой он стоял, долго называлась «Кабацкой».

В 1928 г. ко дню столетия Л. Н. Толстого на этом месте была открыта школа-десятилетка имени Толстого, разгромленная в декабре 1941 г. немецкими фашистами при бегстве их из Ясной Поляны и восстановленная в 1948 г.

307. В Тульскую казенную палату.

1862 г. Декабрь. Я. П.

В Тульскую Казен. Палату.

Просит поручик граф Лев Николаевич Толстой о нижеследующем: нужно мне иметь свидетельство из Тульской Казенной Палаты о числе душ, состоящих за мною по 10-й ревизии Крапивенского уезда в сельце Ясной Поляне и деревнях: пустоши Мостовая и хуторе Грецове, для представления в Московскую Сохранную Казну на перезалог означенных имений; о чем, объяснив Всеподданнейше, прошу: дабы повелено было о выдаче означенного свидетельства сделать должное распоряжение.

Декабря дня 1862 г.

К поданию надлежит в Тульскую Казенную Палату. —

Прошение сие со слов просителя писал писец 2 разряда Андрей Иванович сын Соколов.

К сему прошению поручик граф Лев Николаев сын Толстой руку приложил.

Печатается по тексту, опубликованному в «Известиях Калужской архивной комиссии», 1910, вып. XX, стр. 3.

СПИСОК ПИСЕМ ТОЛСТОГО, НЕ ИМЕЮЩИХСЯ В РАСПОРЯЖЕНИИ РЕДАКЦИИ

1856

1. В. Е. Зябрену. *Февраля 2. Петербург*. Упомянуется в Дневнике под 2 февраля (т. 47, стр. 65).
2. Л. В. Михальскому. *Март 3. Петербург*. Упомянуется в неопубликованном письме Михальского к Толстому от 29 марта 1856 г.
3. В. Е. Зябрену. *Марта 16. Петербург*. Упомянуется в письме Толстого к Т. А. Ергольской от 16 марта 1856 г., № 4.
4. М. Н. Лонгинову. *Марта 19. Петербург*. Письмо с вызовом на дуэль. См. Дневник от 21 марта (т. 47, стр. 68).
5. В Ракетное заведение рапорт об отпуске. *Марта середина. Петербург*. Упомянуется в письме к Т. А. Ергольской от 10 мая, № 10.
6. Гр. Н. Н. Толстому. *Январь — март 25*. Упом. в п. к С. Н. Толстому от 25 марта. См. № 5.
7. В. Е. Зябрену. *Апреля 12. Петербург*. Упом. в п. к Т. А. Ергольской от 12 апреля. См. № 7.
8. В Ракетное заведение вторичный рапорт об отпуске с военной службы. *Мая 9. Петербург*. Упом. в письме к Т. А. Ергольской от 10 мая, № 10.
9. В. С. Перфильеву. *Мая 13. Петербург*. Упом. в Дп. под 14 мая (т. 47, стр. 71).
10. М. Ф. Каменской. *Мая 26. Петербург*. Упом. в Дп. под 27 мая (т. 47, стр. 76).
11. Гр. Н. Н. Толстому. *Мая 29. Я. П.* Упом. в Дп. под 29 мая (т. 47, стр. 77).
12. В. С. Перфильеву (Москва). *Мая 29. Я. П.* Упом. в Дп. под тем же числом.
13. И. С. Тургеневу. *Мая 30. Покровское*. Упом. в Дп. под тем же числом (т. 47, стр. 77).
14. Дуровой (?). *Июня 10. Я. П. Неотправленное*. Упом. в Дп. под 10 июня (т. 47, стр. 80).
15. И. С. Тургеневу. *Июня 12 — 16. Я. П.* Упом. в п. И. С. Тургенева от 18 июня 1856 г. из Покровского: «Я Ваше письмо получил только вчера, любезный Л[ев] Н[иколаевич]... Чрезвычайно заинтересовали Вы меня

тем, что Вы мне говорите о записках Вашего брата». Записки Н. Н. Толстого («Охота на Кавказе») были получены Толстым 12 июня (отмечено в Дн., т. 47, стр. 81).

16. Н. С. Римскому-Корсакову. *Июня первая половина. Я. П.* Упом. в неопубликованном письме В. С. Перфильева к Толстому от 21 июня из Москвы.

17. Д. Я. Колбасину (Петербург). *Июля 28. Я. П.* Упом. в Дн. под 28 июля (т. 47, стр. 88).

18. Командиру Петербургского Ракетного заведения К. И. Константинову. *Рапорт. Июля 28. Я. П.* Упом. в Дн. под тем же числом.

19. Л. В. Михальскому. *Июля 28. Я. П.* Упом. в Дн. под тем же числом. Письмо это было, повидимому, ответом на письмо Михальского от 10 июня.

20. Н. А. Некрасову. *Августа начало. Я. П.* Упом. в п. Некрасова к Толстому от 3 сентября.

21. Д. Я. Колбасину. *Августа 19. Я. П.* Упом. в Дн. (т. 47, стр. 89).

22. И. И. Панаеву. *Августа конец. Я. П.* Упом. в п. Толстого от 6 октября. См. п. № 27.

23. Кн. С. С. Урусову. *Август. Я. П.* Упом. в ответном письме С. С. Урусова от 19 сентября.

24. И. С. Тургеневу. *Августа вторая половина — сентября начало. Я. П.* Упом. в ответном письме Тургенева от 13/25 сентября (ТТП, стр. 16—18). И. И. Панаев писал Толстому 25 сентября: «Письмо Ваше к Тургеневу послано ему» («Красная новь», 1928, 9, стр. 227). Повидимому, речь идет об этом письме Толстого.

25. Командиру Петербургского Ракетного заведения К. И. Константинову. *Рапорт. Сентября 30. Я. П.* Упом. в Дн. под 1 октября (т. 47, стр. 93).

26. Н. А. Некрасову. *Сентябрь. Я. П.* Упом. в п. Н. А. Некрасова от 31 марта — 1 апреля.

27. Ж. Вергани. *Октябрь 2. Я. П.* Упом. в Дн. под 2 октября (т. 47, стр. 93).

28. Н. А. Некрасову. *Октябрь 6. Я. П.* Упом. в Дн. под 6 октября: «Написал ответ Некрасову и Панаеву» (т. 47, стр. 94). Письмо Панаеву см. № 27; письмо Некрасова и ответное письмо Толстого не сохранились.

29. И. С. Тургеневу. *Октябрь 15. Покровское. Упом.* в Дн. под 15 октября (т. 47, стр. 95). Настоящее письмо, повидимому, является ответом на то письмо Тургенева, получение которого Толстой отметил в Дн. под 14 октября (т. 47, стр. 95).

30. Гр. М. Н. Толстой. *Ноября 10. Спб.* Упом. в Дн. под 10 ноября (т. 47, стр. 99).

31. К. И. Константинову. *Ноября 10. Спб.* Упом. в Дн. под 10 ноября (т. 47, стр. 99).

32. В. В. Арсеньевой. *Ноября 11. Спб.* Упом. в Дн. под 11 ноября (т. 47, стр. 99).

33. В. В. Арсеньевой. *Ноября 20. Спб.* Упом. в Дн. под 20 ноября (т. 47, стр. 101).

34. В. В. Арсеньевой. *Ноября 22. Спб.* Упом. в Дн. под 22 ноября (т. 47, стр. 104).

35. И. С. Тургеневу. *Декабря 1. Спб.* Упом. в п. Тургенева к Толстому от 8/20 декабря 1856 г.: «Милый Толстой, вчера мой добрый гений провел меня мимо почты, и я вздумал зайти, справиться, нет ли мне писем *poste restante* — хотя по моему расчету все мои друзья уже давно должны знать мой парижский адрес — и нашел ваше письмо, где вы мне говорите о моем «Фаусте» (ТТП, стр. 23—25). См. запись в Дн. под 1 декабря (т. 47, стр. 103).

36. Л. Д. Шевич. *Декабря 2. Спб.* Упом. в Дн. под 2 декабря (т. 47, стр. 103).

37. И. С. Тургеневу. *Декабря первая половина. Спб.* Упом. в п. Тургенева к Толстому от 16/28 декабря — 23 декабря/4 января: «Получил я, любезный Толстой, Ваше письмо, в котором Вы пеняете мне, что я Вам не отвечаю; но Вы уже с тех пор, вероятно, получили мои два письма — и убедились, что я у Вас не в долгу» (ТТП, стр. 27—29). На письмо Толстого от 1 декабря 1856 г. (неизвестное) Тургенев отвечал 8/20 декабря. Судя по содержанию письма Тургенева от 16—23 декабря (ст. ст.), Толстым было написано еще одно письмо Тургеневу в первых числах декабря, в котором он писал о Чернышевском.

38. И. С. Тургеневу. *Декабря 21. Спб.* Упом. в Дн. под 21 декабря (т. 47, стр. 106).

39. Гр. Н. Н. Толстому. *Декабря 21. Спб.* Упом. в Дн. под 21 декабря: «Написал письма Тургеневу и по два слова Ник[оленке], тет[еньке] и Маше» (т. 47, стр. 106).

40. Гр. М. Н. Толстой. *Декабря 21. Спб.* Упом. в Дн. под 21 декабря. См. предыдущий номер.

1857

41. Н. А. Некрасову. *Января 1. Спб. Неотправленное.* Упом. в Дн. под 1 января (т. 47, стр. 108).

42. Проект положения о Литературном фонде. *Января 2. Спб.* Упом. в Дн. под 2 января (т. 47, стр. 108).

43. И. С. Тургеневу. *Января 4. Спб.* Упом. в Дн. под 4 января (т. 47, стр. 109).

44. Т. А. Ергольской. *Января 30 — февраля 9/21.* С дороги в Париж. Упом. в п. к Т. А. Ергольской от 30 марта/11 апреля 1857 г.

45. Д. А. Дьякову. *Февраля 10/29. Париж.* Упом. в п. Н. А. Некрасова к Толстому от 26 февраля/10 марта из Рима (т. 47, стр. 114).

46. И. С. Тургеневу. *Марта 30/апреля 11. Женева.* Упом. в Дн. под 30 марта (11 апреля) (т. 47, стр. 123).

47—48. Неизвестным. *Марта 30/апреля 11. Женева.* См. предыдущий номер.

49. Н. А. Некрасову. *Марта 30/апреля 11. Женева.* Упом. в п. Н. А. Некрасова к Толстому от 5/17 мая из Парижа.

50. В. Е. Зябрену. *Апреля 27/мая 9. Кларан.* Упом. в п. Толстого к Т. А. Ергольской от того же числа.

51. И. С. Тургеневу. *Апреля 4/16. Женева.* Упом. в Дн. под 4/16 апреля 1857 г.: «Написал письмецо Тургеневу в ответ на милое, полученное

от него» (т. 47, стр. 123). Ни письмо Тургенева, ни ответное письмо Толстого неизвестны.

52. **Гр. М. Н. Толстой.** *Январь — апрель до 20.* Упом. в п. к М. Н. Толстой от 20 апреля/2 мая (№ 69).

53. **И. С. Тургеневу.** *Апрель 23/мая 5. Женева.* Упом. в Дн. под 23 апреля/5 мая.

54. **Гр. М. Н. Толстой.** *Апреля 27/мая 9. Женева.* Упом. в Дн. под 27 апреля/9 мая.

55. **Д. Я. Колбасину.** *Апреля 29/мая 9. Женева.* См. предыдущий номер.

56. **В. Е. Зяброву.** *Апреля 27/мая 9. Женева.* См. там же.

57. **Н. А. Некрасову.** *Мая 9/21. Кларан.* Упом. в Дн. под 9/21 мая (т. 47, стр. 129). Письмо от Некрасова от 5/17 мая из Парижа. См. в альманахе «Круг», кн. 6, М. 1927, стр. 208—211.

58—59. **Неизвестным.** *Мая 10/22. Кларан.* Упом. в Дн. под 10/22 мая (т. 47, стр. 129).

60. **М. И. Пущину.** *Мая 28/июня 9. Кларан.* Упом. в Дн. под 28 мая/9 июня (т. 47, стр. 133).

61. **И. С. Тургеневу.** *Июля 4/16. Люцерн. Неотправленное.* Упом. в Дн. под 4/16 июля.

62. **В. П. Боткину.** *Июля 4/16. Неотправленное. Люцерн.* См. предыдущий номер.

63. **И. С. Тургеневу.** *Июля 15/27. Баден-Баден.* Упом. в п. Тургенева к В. П. Боткину от 17/29 июля (т. 47, стр. 485, прим. 2010).

64. **Н. А. Некрасову.** *Телеграмма. Июля 15/27. Баден-Баден.* Упом. в п. Некрасова к Толстому от 27 июля. См. предыдущий номер.

65. **В. П. Боткину.** *Июля 15/27. Баден-Баден.* См. там же.

66. **В. Е. Зяброву.** *Июля 15/27. Баден-Баден.* Упом. в п. к С. Н. Толстому от 15/27 июля. См. № 85.

67. **И. С. Тургеневу.** *Июля 24—26/августа 5—7. Дреден.* Упом. в п. Тургенева к Толстому от 26 августа из Куртавнели (ТТП, стр. 37—38).

68. **Н. А. Некрасову.** *Августа 12. Я. П.* Упом. в Дн. под 12 августа. (т. 47, стр. 150).

69. **Д. Я. Колбасину.** *Августа 12. Я. П.* См. предыдущий номер.

70. **Régot Ogier.** *Августа 12. Я. П.* См. № 86.

71. **И. С. Тургеневу.** *Августа 13. Я. П.* Упом. в Дн. под 13 августа (т. 47, стр. 152).

72. **М. А. Рябиницу.** *Августа 15. Я. П.* Упом. в Дн. под 15 августа (т. 47, стр. 152).

73. **Т. А. Ергольской.** *Августа 16. Я. П.* Упом. в Дн. под 16 августа (т. 47, стр. 152).

74. **Гр. Н. Н. и С. Н. Толстым.** *Сентября 22. Пирогово.* Упом. в Дн. под 2 сентября (т. 47, стр. 155).

75. **Гр. В. П. Толстому.** *Сентября 3. Пирогово.* Упом. в Дн. под 3 сентября (т. 47, стр. 155).

76. **Неизвестному.** *Сентября 3. Пирогово.* Упом. в Дн. См. предыдущий номер.

77. Д. Я. Колбасину. *Сентября 8. Я. П.* Упом. в Дн. под 8 сентября (т. 47, стр. 156).

78. Pégot Ogier. *Сентября 14—23?* Упом. в Зап. кн. за 1857 г. между 14 и 23 сентября (т. 47, стр. 217).

79. А. И. Давыдову. *14—23? сентября.* См. предыдущий номер.

80. В. С. Перфильеву. *Сентябрь. Я. П.* Упом. в п. В. С. Перфильева от сентября 1857 г.

81. Гр. А. А. Толстой. *Сентябрь. Я. П.* Упом. в п. А. А. Толстой к Толстому от 7 октября 1857 г.

82. Д. Я. Колбасину. *Октября 10. Я. П.* Упом. в п. Толстого к Н. А. Некрасову от 11 октября (п. № 90).

83. И. С. Тургеневу. *Октябрь.* Упом. в п. Толстого к В. П. Боткину и И. С. Тургеневу. См. п. № 94, прим. 22.

84. В. В. Арсеньевой. *Ноября 8. Москва.* Упом. в Дн. под 8 ноября (т. 47, стр. 162).

85. Н. А. Некрасову. *Ноября 30. Москва.* Упом. в Дн. под 30 ноября (т. 47, стр. 165).

86. Pégot Ogier. *Ноября 30. Москва.* Упом. в Дн. под 30 ноября (т. 47, стр. 165).

87. Д. Я. Колбасину. *Ноября 30. Москва.* См. предыдущий номер.

88. В. Е. Зяброву. *Ноября 30. Москва.* См. там же.

89. В. С. Перфильеву. *Ноября 30. Москва.* См. там же.

90. Д. В. Григоровичу. *Ноября 30. Москва.* См. там же.

1858

91. И. С. Тургеневу. *Января 4? Москва.* Упом. в ответном п. Тургенева от 17/29 января 1858 г.: «Спасибо за ваше письмо, милый Толстой. Вы совершенно правы, предполагая, что известия из России заставят меня вернуться» (ТТП, стр. 43—45). В не дошедшем до нас письме Толстого, судя по содержанию письма Тургенева, было изложено то же, о чем писал Толстой Боткину 4 января 1858 г. Дата ответного письма Тургенева дает возможность предположить, что эти письма Боткину и Тургеневу были написаны Толстым в один день, т. е. 4 января 1858 г.

92. *Неизвестным.* *Января 19 Москва.* Упом. в Дн. под 19 января.

93. В. Е. Зяброву. *Января 21. Москва.* Упом. в Дн. под 21 января.

94. Александре Петровне. *Января 26. Москва.* Упом. в Дн. под 26 января.

95. Н. П. Алексееву. *Февраля 26.* Упом. в Дн. под 26 февраля.

96. И. С. Тургеневу. *21 марта.* Упом. в Дн. под 21 марта.

97. Б. Н. Чичерину. *Апреля 11. Я. П.* Упом. в Дн. под 11 апреля.

98. Н. Н. Толстому. *Апреля 11. Я. П.* Упом. в Дн. под 21 марта.

99. В. А. или М. А. Иславину. *Апреля 11. Я. П.* См. там же.

100. Меринскому. *Апреля 11. Я. П.* См. там же.

101. Н. Н. Толстому. *Апреля 13. Я. П.* Упом. в Дн. под 13 апреля.

102. Н. Н. Толстому. *Мая 1. Я. П.* Упом. в Дн. под 1 мая.

103. Н. П. Алексееву. *Мая 1. Я. П.* См. предыдущий номер.

104. Д. Я. Колбасину. *Мая 1. Я. П.* См. там же.

105. **Гр. С. Н. Толстому.** *Декабря середина. Москва.* Упом. в п. к Т. А. Ергольской, № 122.

106. **Якову Цветкову.** *Декабря середина. Москва.* См. предыдущий номер. Я. В. Цветков — охотник, с которым ездил Толстой.

1859

107. **Б. Н. Чичерину.** *1858 г. Декабря конец — 1859 г. январь. Москва.* Упом. в ответном п. Чичерина от 5/17 февраля 1859 г.

108. **Д. Я. Колбасину.** *Январь? Москва.* Упом. в ответном п. Колбасина от 13 февраля.

109. **И. С. Тургеневу.** *Февраля начало. Москва.* Упом. в ответном п. Тургенева от 11 февраля 1859 г.: «Получил я Ваше любезное письмо, Лев Николаевич, с географическими рисунками и очень верными, хотя смутно выраженными мыслями. Это письмо возбудило во мне желание видеть Вас, как Вы говорите, едящего у меня за столом толстые пирожки под задумчивым взором Захара» (ТТП, стр. 53—54).

110. **Е. Н. Шостаков.** *Октября 12. Я. П.* Упом. в Дн. под 10 октября.

111. **А. И. Давыдову.** *Ноябрь — декабрь.* Упом. в п. к Дружинину от 20 декабря. См. № 158.

1860

112. **А. В. Дружинину.** *Января начало. Я. П. Неотправленное.* Упом. в п. к Дружинину от 14 апреля 1860 г. См. № 170.

113. **Гр. Н. Н. и С. Н. Толстым.** *Февраля 16. Я. П.* Упом. в Дн. под 16 февраля.

114. **А. В. Дружинину.** *Февраля 16. Я. П.* См. предыдущий номер.

115. **Л. Н. Подчасскому.** *Февраля 16. Я. П.* См. там же.

116. **Гр. М. Н. Толстой.** *Мая 26. Я. П.* Упом. в Дн. под 26 мая.

117. **В. Е. Зябрену.** *Ноября середина. Гиер.* Упом. в п. Толстого к Т. А. Ергольской от того же числа. См. № 185.

118. **Гр. В. П. Толстому.** *Август — ноябрь. Гиер.* Упом. в п. к Т. А. Ергольской от 27 ноября/9 декабря. См. № 188.

119. **В. Е. Зябрену.** *Ноября 28/декабря 10. Гиер.* Упом. в п. к Т. А. Ергольской от 28 ноября/11 декабря. См. № 189.

120. **П. И. Юшковой.** *Ноябрь. Гиер.* Упом. в п. П. И. Юшковой к Толстому от 30 ноября.

1861

121. **И. С. Тургеневу.** *Марта 5/17—9/21. Брюссель.* Упом. в п. Тургенева от 10/22 марта: «Скажу Вам без обиняков, любезный Толстой, что Ваше письмо меня очень обрадовало, в нем выразилось окончание тех, если не неприязненных, то по крайней мере холодных отношений, которые существовали между нами» (ТТП, стр. 55—56).

122. **Б. Н. Чичерину.** *Марта 5/17—9/21. Брюссель.* Упом. в п. Чичерина к Толстому от 22 марта из Парижа.

123. **Б. Н. Чичерину (Париж).** *Марта середина. Брюссель.* Упом. в ответном п. Чичерина от 13/25 марта из Парижа.

124. **И. С. Тургеневу.** *Марта середина. Брюссель.* Упом. в ответном п. Тургенева от 14/26 марта из Парижа: «Милый Лев Николае-

внч, хочу отозваться двумя словами на Ваше дружеское письмо — пока Вы еще не уехали из Брюсселя. В особенности меня порадовало известие, что Вы возвращаетесь к искусству: каждый человек так создан, что ему одно дело приходится делать; специальность есть признак всякого живого организма, — а Ваша специальность всё-таки искусство, — это, разумеется, не исключает возможности заниматься и педагогией, особенно в том первобытном виде, какой возможен и нужен у нас на Русь» (ТТП, стр. 58—59).

125. Кн. М. А. Дондукову-Корсакову. *Марта 23/апреля 4. Брюссель.* Упом. в ответном п. кн. М. А. Дондукова-Корсакова от 23 марта/4 апреля 1861 г.

126. Б. Н. Чичерину. *Марта вторая половина. Брюссель.* Упом. в ответном п. Чичерина от 16/28 марта 1861 г. из Парижа.

127. Б. Н. Чичерину. *Марта 5?/17?—27?/апреля 8? Брюссель.* В своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин рассказывает: «Он [Толстой] поехал на несколько дней в Брюссель... Оттуда он писал мне всякий день, и я отвечал ему из Парижа. В одном из его писем было буквально следующее: «Когда Рафаель с картофельно-пищковатыми формами, а картинки Гренье приводят меня в умиление, я ни единой минуты не сомневаюсь, что Гренье выше Рафаэля» («Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов», изд. Сабашниковых, М. 1929, стр. 217).

128. Кн. Е. А. Голицыной. *Март. Брюссель.* Судя по письму Е. А. Голицыной от конца марта 1861 г., Толстым были написаны, кроме письма к М. Н. Толстой, два письма к Е. А. Голицыной, в марте из Брюсселя. В Дневнике Толстого отмечено под 6/18 апреля.

129. Е. А. Голицыной. *Март. Брюссель.* См. предыдущий номер.

130. Гр. М. Н. Толстой. *Март. Брюссель.* См. там же.

131. Кн. Е. А. Голицыной. *Неотправленное. Апрель 6/18. Дрезден.* Упом. в Дн. под 6/18 апреля.

132. Гр. М. Н. Толстой. *Апреля 6/18. Дрезден.* Упом. в Дн. под 6/18 апреля.

133. Еватерине А. Н. *Апреля 6/18. Дрезден.* Упом. в Дн. под 6/18 апреля.

134. Кн. Е. А. Голицыной. *Апреля 6/18. Дрезден.* Упом. в Дн. под 6/18 апреля.

135. Кн. М. А. Дондукову-Корсакову. *Апреля начало. Германия.* Упом. в ответном письме М. А. Дондукова-Корсакова от 11/23 апреля 1861 г. из Брюсселя: «Я любил всегда литературные произведения графа Толстого, но сознаюсь, что простое, приятное письмо ваше еще более для меня приятнее... Но признаюсь, стал я немного в тупик от противоречия, которое нашел в словах ваших. Вы говорите, что Эйзенах, Веймар суть милейшие городки в мире — но что цивилизации нет никакой, хотя школ пропасть и очень хороших — и я прошу не только любимого моего соотечественника, но и литератора графа Толстого объяснить мне, что разумеет он под словом цивилизация... В ожидании моего по этой статье просвещения я спешу ответить на поручение, мне сделанное. По справкам, мною сделанным, оказывается, что никакого предписания циркуляра министра просвещения для народных школ в Бельгии не су-

целстает. Здесь преподавание свободно, и потому каждый, как говорится, *во что горазд*, т. е. каждый преподает по-своему. Но дабы дать Вам об этом предмете понятие, я поручил книгопродавцу Классену доставить мне на рассмотрение все первоначальные азбуки и сведения в разных и особенно *противоречащихся* системах (орфографии)... и тогда выберу и пошлю Вам то, что покажется мне интересным для Вас.

136. Гр. М. Н. Толстой. *Апреля конец — мая начало. Москва — Я. П.* Упом. в п. Толстого к В. П. Боткину от 26 января 1862 г. Датируется письмом В. П. Боткина от 18/30 апреля 1861 г., на которое Толстой отвечал указанным письмом.

137. Банкиру Duprat (Марсель). *Апреля конец — мая начало. Москва.* Упом. в п. Толстого к В. П. Боткину от 26 января 1862 г. См. № 230.

138. И. С. Тургеневу. *Мая 12. Я. П.* Упом. в Дн. под 12 мая.

139. Дейбнеру. *Мая 12. Я. П.* См. предыдущий номер. Дейбнер — владелец магазина немецких книг в Москве на Кузнецком мосту.

140. Учителю. *Мая 12. Я. П.* См. там же. Адресат неизвестен.

141. В. И. Трубецкому. *Мая 12. Я. П.* См. там же.

142. Кн. Ал. Ник. Дондуковой-Корсаковой. *Мая середина. Я. П.* Упом. в п. А. Н. Дондуковой-Корсаковой от 25 мая 1861 г.

143. И. С. Тургеневу. *Мая 26. Богослов.* Упом. в п. Толстого к А. А. Фету от 28 мая 1861 г. Письмо это содержало вызов Тургенева на дуэль. См. п. № 211.

144. И. С. Тургеневу. *Мая 28. Богослов.* Упом. в п. Толстого к А. А. Фету. См. п. № 211.

145. В. И. Михаловскому. *Июля 28. Я. П.* Упом. в жалобе В. И. Михаловского на имя Тульского губернского присутствия («Русская мысль», 1903, IX, стр. 82—83).

146. Мировому посреднику Чернского уезда Тульской губернии. *Июль. Я. П.* Упом. в п. к П. Е. Воробьеву от июля 1861 г. См. № 218.

147. Крапивенскому становому приставу. *Июль. Я. П.* Упом. в представлении крапивенского мирового съезда Тульскому губернскому присутствию от 5 августа 1861 г. за № 55.

148. Крапивенскому уездному предводителю дворянства. *Августа 15. Я. П.* Упом. в отношении крапивенского предводителя дворянства от 8 января 1862 г. за № 12 на имя Тульского губернского присутствия («Русская мысль», 1903, IX, стр. 102—103).

149. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие. *Августа 16. Я. П.* Упом. в отношении Толстого в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие от 8 ноября 1861 г. См. № 295.

150. А. П. Кологривовой. *Июль. Я. П.* Упом. в письме помещицы Кологривовой к крапивенскому уездному предводителю дворянства с жалобой на Толстого и в представлении уездного съезда по этому делу («Русская мысль», 1903, IX, стр. 89—90).

151. Крапивенскому уездному мировому съезду. *Август. Я. П.* О смене старшины села Панина. Упом. в постановлении Тульского губернского присутствия. См. № 288.

152. Крапивенскому уездному мировому съезду. *Сентября 16. Я. П.* «Уездный мировой съезд по прошению Михаловского потребовал было

от гр. Толстого сведения, но Толстой от 16 сентября 1861 года, за № 323, ответил съезду, что «не считает нужным давать никаких сведений по жалобе г. Михаловского на основании ст. 29, 31 и 32 Положения о губернских и уездных по крестьянским делам присутствиях» (Д. Успенский, «Архивные материалы для биографии Л. Н. Толстого» — «Русская мысль», 1903, IX, стр. 88).

153. И. С. Тургеневу. *Сентября 23. Москва.* Упом. в Дн. под 23 сентября.

154. И. С. Тургеневу. *Октября 8. Москва.* Упом. в Дн. под 9 октября.

155. Приставу 2 стана Крапивенского уезда. *Октября 14? Я. П.* Упом. в отношении Толстого тульскому губернатору от 28 октября 1861 г. См. № 293.

156. В Крапивенский земский суд. *Октября 14? Я. П.* См. предыдущий номер.

157. Г. В. и Н. В. Заслоныным. *Ноября 24. Я. П.* Упом. в жалобе Заслоныных в Тульское губернское присутствие («Русская мысль», 1903, IX, стр. 103).

158. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие. *Декабря 6. Я. П.* Ответ на жалобу Г. В. и Н. В. Заслоныных в Тульское губернское присутствие. См. предыдущий номер.

1862

159. П. И. Юшковой. *Января 24. Москва.* Упом. в п. П. И. Юшковой от 6 февраля 1862 г.

160. А. П. Сердобольскому. *Января 25.* Настоящее письмо Толстого к Сердобольскому было отобрано при обыске в Ясной Поляне и местонахождение его в настоящее время неизвестно, но содержание его пересказано в «Деле (1862 г.) 1-й экспедиции № 230 III отделения. О графе Льве Толстом», изд. «Всемирный вестник», *Спб.* 1906, стр. 53.

161. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие. *Марта 10. Я. П.* Упом. в деле «по представлению гр. Толстого об освобождении крестьян сельца Хомяковки в течение трех месяцев от работ г. Осипович» («Русская мысль», 1903, IX, стр. 103—104).

162. В Тульское губернское по крестьянским делам присутствие. *Апрель. Я. П.* Упом. в деле «по жалобе крестьянина М. Г. Фетисова на присуждение его Толстым к 7-дневному аресту и 5-рублевому штрафу» («Русская мысль», 1903, IX, стр. 104).

163. А. Е. Берсу. *Мая 1? Я. П.* Упом. в ответном п. А. Е. Берса от 3 мая из Москвы.

164. Бар. (Н. К.?) Нольде. *Мая 19. Москва.* Упом. в п. Толстого к Т. А. Ергольской от 19 мая из Москвы: «Письмо Барону Нольде выпишите имя, отчество и пошлите».

165. Кж. М. М. Дондуковой-Корсаковой. *Мая 18. Москва.* Упом. в п. кн. М. А. Дондукова-Корсакова от 29 мая из Глубокого: «По возвращении моем на родину дочь моя Мари, а по-вашему Марья Михайловна, сообщила мне письмо ваше от 18-го мая. В нем вы сами называете себя преступным, а по-моему были вы, любезный Лев Николаевич, несколько виноватым, что прервали без всякой причины ваши отношения со мной, которые были столь недеремонными и, смею сказать, самые дружеские».

И вот в доказательство, как я ценю или как я придираюсь к словам вашим о *дефицитах*, я принимаюсь опять за перо, чтобы поговорить с вами и отвечать на сделанные вами вопросы».

166. П. И. Юшковой. *Сентября конец.* Я. П. Упом. в ответном п. П. И. Юшковой от 2 октября из Москвы.

167. Е. Н. Ахматовой. *Сентября конец.* Упом. в ответном письме Е. Н. Ахматовой от 4 октября 1862 г. из Петербурга по поводу намерения Толстого опубликовать ее первое письмо от 19 июля—6 августа 1862 г.

Елизавета Николаевна Ахматова (1820—1904) — писательница и переводчица, друг Н. И. Пирогова, сотрудница «Библиотеки для чтения». С 1868 г. в течение тридцати лет издавала «Собрание иностранных романов». В 1864—1866 гг. издавала детский журнал «Досуг и дело».

168. А. Е. Берсу. *Октября 12.* Упом. в ответном п. А. Е. Берса от 16 октября.

169. П. Ф. Перфильевой. *Октября первая половина.* Я. П. Упом. в ответном п. П. Ф. Перфильевой от 25 октября.

170. К. А. Иславину. *Октября конец.* Я. П. Упом. в ответном п. К. А. Иславина от 9 ноября из Киева.

171. А. Е. Берсу. *Ноября начало.* Я. П. Упом. в ответном п. А. Е. Берса от 18 ноября.

172. А. Е. и Л. А. Берсам. *Ноября конец.* Я. П. Упом. в ответном п. А. Е. и Л. А. Берсов от 16 декабря.

ДОПОЛНЕНИЯ

308. М. П. Погодину

1862 г. Октября 1. Я. П.

Посылаю Вам, многоуважаемый Михаил Петрович, нечаянно завезенную мною сюда Вашу статью.¹ Извините, что не отослал ее в Москве и не заехал поблагодарить Вас. Были обстоятельства весьма счастливые для меня,² которые помешали мне это сделать. —

Я не забываю Вашего обещания о «Сильвестре» в Яс[ную] Пол[яну]³ и позволяю себе Вам напомнить о нем. Пожалуйста. Желаю Вам всего лучшего — успеха в вашем труде, здоровья и еще долгой жизни.

Вечер, проведенный у Вас,⁴ оставил во мне самые хорошие воспоминания; желал бы, чтоб они были такие же для вас.

Л. Толстой.

1 Октября.

Впервые опубликовано в журнале «На литературном посту» 1929, 40, стр. 34. Год определяется содержанием.

Профессор Михаил Петрович Погодин. См. прим. 31 к письму № 102. Толстой относился резко отрицательно к славянофильству Погодина, о чем записал в своем Дневнике 1856 г. (см. т. 47, стр. 71). Позднее, в 1860-х гг., Толстой не раз встречался с Погодиным, вел с ним беседы на исторические темы, пользовался его материалами для работы над «Войною и миром» и переписывался с ним (см. т. 61).

¹ О какой статье Погодина идет речь, не установлено.

² Толстой имеет в виду свою женитьбу.

³ Статья Погодина для журнала «Ясная Поляна» о Сильвестре (священник Благовещенского собора в Москве, имевший влияние на Иоанна Грозного в его молодости) написана не была.

⁴ 25 августа 1862 г. (см. т. 48).

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий (войн, революций и т. п.), заглавия книг, названия статей, произведений слова, живописи, скульптуры, музыки. Кроме того, в указатель введены названия журналов и газет, если они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные. Указанные при географических именах уезды и волости в указатель не вошли. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого. Курсивом напечатаны страницы, на которых имеется основное примечание о данном лице.

А в к с е н т ь е в Иван Ильич — 502, || 408, 503.

— «Житовская школа за два месяца» — || 503.

— «Заметки о народном чтении» — 420, || 421, 503.

А к с а к о в Иван Сергеевич — || 154, 173.

А к с а к о в Константин Сергеевич — 234, || 8, 154, 292.

А к с а к о в Сергей Тимофеевич — 153, 156, 243, 244, 292, 425, || 53, 154, 173, 245, 292.

— «Детские годы Багрова внука» — 156, || 157.

— «Семейная хроника» — 156, || 157, 435.

А к с а к о в ы — || 7.

А л е к с а н д р I — || 430.

А л е к с а н д р II — 69, 89, 137, 442, || 6, 10, 41, 55, 68, 91, 138, 155, 173, 250, 251, 445, 465.

А л е к с а н д р Гессенский, принц — || 223.

А л е к с а н д р Петрович — 84, || 84.

А л е к с а н д р а Федоровна, императрица — 184, 345, || 185, 346.

А л е к с а н д р о в к а, Тульской губ. — 324.

А л е к с о в Фелипп — 493, || 494.

«А л ь б о м с е л а Ш а б л ы к и н а» — || 80.

А л ь п ы — || 213.

А м ф и о н (Швейцария) — 188, || 188.

А н г л и я — 89, 198, 217, 329, 330, 345, 369, 382, || 384, 385.

А н г л и й с к и й к л у б в М о с к в е — 329, || 332.

А н д а л у з и я — 138.

А н д е р н а х — 217.

А н д е р с е н Ганс-Христиан — 257, || 258.

А н и с и м — 399, || 400.

А н и ч к о в Виктор Михайлович — 254, || 255.

А н н е н к о в Павел Васильевич — 135, 147, 152, 153, 196, 226, 233, || 12, 15, 25, 30, 64, 106, 154, 164, 165, 172, 196, 236, 244, 368, 416.

— «Литературные воспоминания» — || 236, 368.

— «Николай Владимирович Станкевич» — || 273.

А н т в е р п е н — 196.

А п т о н о в — 486.

А н т о н о в и ч М. А., «Чарльз Дарвин и его теория» || 506, 507.

А о с т а (Швейцария) — || 195.

А о с т с к а я д о л и н а (Швейцария) — || 195.

А п р е я н и н о в Сергей Александрович («Авсрянов») — 78, 101, 102, || 79, 103.

Апреянинова Евгения Дми-
триевна — 101, 102, || 79, 101, 103.

Аракчеев гр. Алексей Ан-
дреевич («Аракчеевы») — 428, || 40,
430.

Аргови, кантон (Швейцария) —
203, 206.

Аристотель — 223.

Арсеньев Владимир Михай-
лович — || 79.

Арсеньев Николай Владими-
рович («Шмигаро») — 104, 106, 110,
120, 243, || 79, 84, 102, 107, 121, 243.

Арсеньева Валерия Влади-
мировна — 33, 135, 136, 137, 143,
146, 149, 160, 161, 177, 178, 179,
|| 33, 37, 79, 82, 84, 88, 99, 102, 103,
106, 107, 110, 111, 113, 114, 120,
121, 125, 132, 136, 138, 146, 147,
161, 243.

Арсеньева Евгения Влади-
мировна («Журжинька») — 111,
116, 120, || 79, 84, 107, 113, 120.

Арсеньева Ольга Владими-
ровна — 106, 120, 123, 124, 141,
145, 177, 179, || 107, 121, 125.

Артюхова Александра Пав-
ловна — 500, 505, || 398, 399, 501.

«Архив села Карабихи.
Письма Н. А. Некрасова к Не-
красову» — || 238, 241, 242, 244,
253, 255, 256.

Астрахань — 260.

Ауэрбах Бертольд — || 385.

Ауэрбах Герман Андреевич —
346, 367, 368, 387, 403, 479, || 338,
348, 367, 368, 379, 388, 403, 431,
456, 479.

Ауэрбах Юлия Федоровна —
346, 364, 365, 386, || 338, 348, 365,
387, 456.

Ауэрбахи — 337.

Ахматова Елизавета Нико-
лаевна — || 521.

Ашевский С., «Ясная Поля-
на» Льва Толстого в критике 60-х
годов» — || 422.

Бабст Иван Кондратьевич —
249, || 251, 435.

Бабурино, Тульской губ. —
506, || 504.

Бавария — 346, || 348.

Баден-Баден — 218, 219,
220, 232, || 218, 219, 515.

Бавкида — 221, || 223.

Базель — 206.

Бакунин А. А. — || 418.

Бакунин Михаил Александр-
ович — || 134.

Банд — 505.

Банников Иван Филиппо-
вич — || 468.

Банников Митрофан Нико-
лаевич — 458, || 459.

Банников Николай Дми-
триевич — 458, || 348, 459.

Банникова Анна Иванов-
на — 466, 467, || 467, 468.

Банникова Анна Петров-
на — || 467, 468.

Банникова Варвара Ни-
колаевна — 345, 347, || 348.

Барсуков Н. П., «Жизнь и
труды М. П. Погодина» — || 155.

Барятинский кв. Алек-
сандр Иванович — || 303.

Башкирия — || 40.

Бе (Вех) — 387, 431, || 433.

Белинский Виссарион Гри-
горьевич — 14, 75, || 14, 15, 16, 18,
19, 20, 38, 77, 134, 157, 165,
270.

— «Литературные мечтания» —
|| 38.

— Статья о Пушкине — || 77.

Бельгия — 382, || 384.

Беранже Пьер-Жан — 196,
238, || 196, 238, 253.

— «О Франция! мой час настал,
я умираю» — 238, || 238, 253.

Берви Василий Васильевич
(Н. Флеровский, С. Навалихин) —
74, || 76.

— «Азбука социальных наук» —
|| 76.

— «В глуши» — 74, || 76.

— «Изыщный романист и его
изыщные критики» — || 76.

— «Исследования по текущим
вопросам» — || 76.

— «Положение рабочего класса
в России» — || 76.

Берлин — 178, 345, 346, 381,
382, || 197, 347, 385.

Берн (Швейцария) — 195, || 193,
196.

Бернский Оберланд — || 193.

Берс Александр Александро-
вич — 457, || 457.

Берс Александр Андреевич —
450, || 451.

Берс Андрей Евстафьевич —
462, || 346, 420, 458, 506.

Берс Елизавета Андреевна —
450, 457 || 451, 458.

— «Лютер» — 450, || 541.

Берс Любовь Александровна
— 447, || 346, 420, 452, 453, 521.

- Б е р с Татьяна Андреевна 450, («Viardot») — 419, || 420, 448, 451, 458.
- Б е р с ы — 345, 425, 442, || 462.
- В е т х о в е н Людвиг — 63, 162, 222.
- Трио, ор. 70—126, 145, || 129, 146.
- Б и б и к о в Александр Николаевич — 324, || 326.
- Б и б и к о в а Наталья Николаевна — 326.
- «Библиотека для чтения» — 113, 135, 137, 148, 267, 281, 317, || 13, 14, 25, 77, 87, 88, 94, 114, 125, 146, 149, 165, 251, 254, 268, 289, 291, 309, 318, 326, 423, 521.
- Б и р ю к о в Павел Иванович — || 33.
- «Лев Николаевич Толстой». Биография — || 55, 61, 63, 80, 82, 85, 86, 99, 101, 103, 106, 107, 110, 113, 125, 129, 142, 146, 152, 162, 243, 332, 347, 351, 353, 355, 361, 379, 406, 426, 427, 428.
- Б и ч е р - С т о у, «Хижина дяди Тома» — 252, || 254.
- Б л у д о в гр. Дмитрий Николаевич — || 8, 67, 91.
- Б л у д о в а Антонина Дмитриевна — 90, 390, || 91, 390.
- «Воспоминания» — || 91.
- Б о б о р ы к и н Петр Дмитриевич — || 282.
- Б о б р и н с к и й гр. Владимир Алексеевич — 153, || 155.
- Б о г о с л о в, Орловской губ. (Богуслав) — 391, || 392, 393, 519.
- Б о г у ч а р о в о, Тульской губ. — || 507.
- Б о к а ж (Vosage, Швейцария) — 283, || 284.
- Ф о н - Б о л л ь Николай Львович — 449, || 446, 449.
- Б а р а т ы н с к и й Е. А., «Не искушай меня без нужды» — || 323.
- Б о р и с о в Иван Петрович — 271, 299, 304, 305, 306, 311, 312, 321, 326, 343, 344, 403, || 271, 299, 302, 305, 306, 313, 319, 323, 326, 335, 392, 393.
- Б о р и с о в Петр Иванович — 305, 311, 312, 335, || 305, 311, 335.
- Б о р и с о в а Надежда Афанасьевна — 271, 308, 311, 312, || 271, 302, 305, 309, 310.
- Б о р х у н о в — 495, 504.
- Б о т к и н Василий Петрович — 59, 135, 147, 153, 190, 191, 193, 194, 291, 344, || 5, 12, 13, 15, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 34, 35, 37, 39, 40, 52, 57, 59, 94, 107, 154, 159, 188, 195, 212, 225, 235, 245, 250, 268, 281, 296, 297, 299, 344, 385, 415, 435, 472, 508, 516, 519.
- «О стихотворениях А. А. Фета» — 153, || 154.
- Б о т к и н Владимир Петрович — || 195, 196.
- Б о т к и н Дмитрий Петрович — 417, || 418.
- Б о т к и н Михаил Петрович — || 281.
- Б о т к и н Петр Петрович — 344, || 344.
- Б о т к и н ы — 238.
- Б р а н д е н б у р г Франц Михайлович — 190, || 191.
- Б р а н д т Фома Иванович — 95, || 95.
- Б р и м м е р — || 468.
- Б р о н т е Шарлотта — 218, || 218.
- Б р ю с с е л ь — 366, 368, 371, 372, 375, 376, || 370, 371, 373, 375, 385, 517, 518.
- Б р ю э р Гастон — || 176.
- Б у г у р у с л а н, Самарской губ. — 425, || 425.
- Б у л г а р и н Фаддей Венедиктович — 325, || 326.
- Б у н а р е в о, Тульской губ. — || 475.
- Б у т е н о п Иоганн — 299, || 300.
- Б у т е н о п Николай — 299, || 300.
- Б у т о в и ч Митрофан Федорович — 503, || 410, 504.
- «Два месяца в Алябьевской школе» — || 504.
- «Попытка учительства в Я[сенков]ской школе» — || 504.
- «Я[сенков]ская школа» — || 504.
- «Попытка учительства в Житовской школе» — || 504.
- «О Хмелевцовской школе» — || 504.
- Б у х а р е с т — || 64.
- Б ю с с о н (Швейцария) — || 195.
- В а г а н ь к о в с к о е кладбище (Москва) — 450.
- В а д б о л ь с к а я Екатерина Васильевна — || 387.
- В а д б о л ь с к и е — 386.
- В а к с е л ь Л. Н. — || 171.
- В а л а а м — 404, || 406.

- Варварин Алексей Андреевич — 401, || 402.
 Варгина дом (Москва) — 237, 238, 249, 256, || 228.
 Варшава — 149, 157, 376, 377, 378, 379, || 152, 158.
 Васиков — 414.
 Василий Матвеевич — 69, || 70.
 Василия Блаженного церковь (Москва) — 333.
 Васильев Евграф — || 489, 490.
 Вдовий дом (Москва) — 386, || 387.
 Ве́ве (Швейцария) — || 188.
 Веймар — 476, 477, || 382, 385, 477, 518.
 Вена — 238.
 Веневский у., Тульской губ. — 302.
 «Венецианский карнавал» — 239.
 Венеция — 193.
 Вергани Женни — 78, 82, 83, 95, 97, 98, 105, 106, 113, 115, 116, 120, 124, 126, 127, 140, 141, 145, 151, 160, 161, 162, 177, 179, 242, 243, 271, || 79, 84, 95, 106, 114, 120, 144, 161, 243.
 Вересаев В. В., «В юные годы» — || 477.
 Версаль — 167, || 169.
 Виардо Луи — || 163, 165, 176.
 Виардо Полина — 174, 175, || 165, 176, 420.
 Виллафранка — || 332.
 Виллафранкский мир — 329, || 332.
 Вильнев (Швейцария) — 195.
 Вильсон Христофор — 299, 325, || 300.
 Висбаден — 340, || 341.
 Во, кантон (Canton de Vaud, Швейцария) — 180, 181, 187, || 185.
 Водова дом (Москва) — 338.
 Воейков Иосиф Александрович — 480.
 Воейков Николай Сергеевич («Монах») — 95, 178, 224, 334, 340, 345, 350, || 95, 179, 225, 334, 341, 346, 352, 414.
 Воейкова Александра Александровна — 221, || 223.
 Военно-исторический архив — || 468, 470.
 Воины, Орловской губ. — 71, || 73.
 Волга — || 425.
 Волков Николай Николаевич — 33.
 Волконская Луиза Ивановна — 80, || 81, 387.
 Волконский кн. Александр Алексеевич — 54, 80, 99, || 55, 81, 101, 387.
 Волконский кн. Сергей Григорьевич — || 375, 384.
 Волконские — 386.
 Воробьев Петр Евстратович 340, 455, || 320, 388, 391, 403, 456, 509, 519.
 Воробьевка, Тульской губ. — 495.
 Воронина дом (Петербург) — 280.
 Воронцов Михаил Семенович — || 465.
 Восстание декабристов 1825 г. — 191, 374, || 326.
 Восточная война 1853—1856 гг. (Крымская война) — || 6, 55, 428, 445.
 «Временник Пушкинского дома, 1914» — || 152.
 Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина (БЛ) — || 395, 411, 422, 454, 461.
 Вульф — 234.
 Вяземская кн. Мария Аркадьевна — 404, || 406.
 Вяземский кн. Петр Алексеевич — || 53.
 Гаага — 196, 197, 198.
 Гайдн Иосиф — 264, || 266. ✓
 Гарденберг (Hardenberg) — 348.
 Гасман А. Л. — || 213.
 Гафиз Шели-Элдин-Мухаммед — 307, 314, 317, || 307, 318, 323.
 Гаярин Иван Федорович — 331, 479, || 332, 479.
 Германия — 159, 262, 347, 366, 382, 383, || 385.
 Герцен Александр Иванович — 377, 429, 436, 437, || 5, 39, 270, 371, 375, 377, 385, 430, 449. ✓
 — «Былое и думы» («Роберт Оуэн») — 373, || 375.
 Герцен Наталья Александровна — 377, || 377.
 Гете Иоганн-Вольфганг — 234, 249, || 37, 252.
 — «Вертер» — 127.
 — «Ифигения в Тавриде» — 124, || 125.
 — «Страдания молодого Вертера» — 100, || 101.

Г и е р — 349, 350, 351, 352, 357, 359, 361, 362, 363, || 349, 352, 356, 361, 362, 363, 387, 517.
Г и м б у т Карл Федорович — 78, 112, 224, || 79, 113, 225.
Г и м е н е й — 372.
Г и ф с Виллем — 375, || 376, 426.
— Бюст Н. Н. Толстого — 375, 426, || 376, 426.
Г л у б о к о е, Псковской губ. — 386, || 387.
Г н е д и ч Николай Иванович — || 223.
Г о г о л ь Николай Васильевич — 14, 16, 75, 224, 325, || 16, 17, 164, 165, 174, 225, 313.
— «Записки сумасшедшего» — 334 (цит.), || 334.
— «Мертвые души» — 17, || 165.
— Собрание сочинений, изд. Кулиша, 6 тт., 1857 — 224, || 225.
Г о л и ц ы н кн. Владимир Николаевич — || 352.
Г о л и ц ы н а кн. Елена Александровна — 350, 351, 353, 359, 364, 365, 372, || 352, 365.
Г о л л а н д и я — 196, 197, 198, 215.
Г о л о в а ч е в Григорий Филиппович — 479, || 479.
Г о л о в и н Борис Николаевич — 502, || 503.
Г о л о в и н о, Тульской губ. — || 507.
«Г о л о с» — || 144.
Г о л о у ш е в Николай Алексеевич — 449, 467, 482, || 449, 468, 487.
Г о л ь д а у, деревня (Швейцария) — || 216.
Г о л ь д е н в е й з е р А. Б., «Вблизи Толстого» — || 375, 384, 424.
Г о м е р — 234, || 21, 22.
— «Илиада» — 21, 222, || 223.
— «Одиссея» — || 21.
Г о н ч а р о в Иван Александрович — 234, 290, 308, || 59, 106, 236, 291.
— «Обломов» — 37, 234, 290, 292, || 37, 38, 236, 291.
— «Обыкновенная история» — 140, || 37, 141.
Г о р б у н о в Иван Федорович — 61, 144, || 62, 69, 144.
Г о р е л к и — 274, || 275.
Г о р о х о в Павел Митрофанович — 339, || 341.
Г о р ч а к о в кн. Александр Михайлович — || 91.

Г о р ч а к о в кн. Василий Сергеевич — 339, || 341.
Г о р ч а к о в кн. Михаил Дмитриевич — || 91.
Г о р ч а к о в Сергей Дмитриевич — || 8.
Г о р я н о в Александр Александрович — || 164, 165.
Г о с т и н ы й двор в Москве — 123, 139, || 125.
Г о с у д а р с т в е н н ы й музей Л. Н. Толстого (Москва) (ГТМ) — || 193, 275, 341, 416.
Г о т о р н Н., «Красная буква» — 92, || 92.
Г р а н о в с к и й Тимофей Николаевич — 153, || 155, 270.
Г р е н ь е (Grenier de Saint-Martin) — || 518.
Г р е с с о н а (Швейцария) — || 195.
Г р е ц о в к а — 174, 286, 511, || 507.
Г р е ч Николай Иванович — || 326.
Г р и б о е д о в А. С., «Горе от ума» — 156.
Г р и г о р о в и ч Дмитрий Васильевич — 93, 156, 187, 249, 253, || 5, 18, 59, 77, 92, 94, 157, 251, 254, 255, 282, 341, 416.
— «Корабль Ретвизан» — 251.
— «Кошка и мышка» — 249, || 251.
— «Петербургские воспоминания» — || 59.
— «Очерки современных нравов» («Отражения (сверху вниз)», «Суета», «Отражения (окопные занавесы и портьеры)» — 156, || 157.
— «Пахарь» — 59, || 59.
— «Переселенцы» — 59, || 59.
— «Проселочные дороги» — || 341.
— «Столичные родственники» (Фуфлыгин) — 153, || 155.
Г р и г о р ь е в Аполлон Александрович — 148, 153, || 13, 149.
— Статья о Т. Н. Грановском — 153.
Г р и г о р ь е в Марк — 397, || 398, 399.
Г р и г о р ь е в а (жена М. Григорьева) — 397, || 398.
Г р и г о р ь е в а — || 501.
Г р и н е в к а, Тульской губ. — 306, || 306.
Г р о м е к а Степан Степанович — || 280.
Г р о м о в Федор Васильевич — 120, || 121.

Гудима Сергей Леонтьевич — 506, || 507.

— «Богучарская школа за февраль и март» — || 507.

Гуно Ш.-Ф., «Фауст», опера — 370.

Гусев Николай Николаевич — || 120, 358.

— «Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой», М. 1927 — || 120, 132, 385, 413, 422, 449.

— «Толстой в расвете художественного гения» — || 51.

— «Толстой и Герцен» — || 371.

Гутьяр, И. С. Тургенев и его великитературные друзья» — || 302.

Давыдов Алексей Иванович — 137, 253, 290, 317, 337, 372, 378, 379, 381, || 138, 254, 291, 318, 338, 373.

Дараган Петр Михайлович — 442, 446, 449, 450, 481, 494, 510.

Дармштадт — 382, || 385.

«Дворянское сословие Тульской губернии», т. V, ч. 1. Составил М. Т. Яблочков. Тула 1903 — || 440.

Дейбнер («ibraige» — книгопродавец) — 325, 326, || 519.

«Дело III отделения собств. его величества канцелярии. О графе Льве Толстом», Спб. 1906 — || 430, 442, 479.

Дельвиг Александр Антонович — 345, || 73, 304, 346.

Дельвиг Антон Антонович — || 73, 304.

Дельвиг Любовь Антоновна — 71, || 73.

«День», газета — || 154.

Де-Тейльс Николай Никитич — 72, || 73.

Джордж Эллиот, «Scenes of clerical life» («Сцены из жизни духовенства») — 300, || 301.

Джон (Франция) — || 163, 164, 165.

Диккенс Чарльз — 140, || 77, 385.

— «Замогильные записки Пиквикского клуба» (Пиквик) — 82, || 82.

— «Жизнь и приключения Николая Никльби» — 120, || 121.

— «Крошка Доррит» — 76, || 77.

Дмитриев Федор Михайлович — 408, || 409, 435.

Дмитриевский — || 466, 467.

«Дневник Яснополянской школы за 1862 год». || 477.

Добролюбов Николай Александрович — || 154.

— «Жизнь помещика в старые годы» — || 154.

Долгоруков кн. Василий Андреевич («Долгоруковы») — 428, 436, || 40, 396, 430, 440, 442.

Долгоруков кн. Дмитрий Иванович — || 79.

Долгоруков кн. Н. А. — || 375.

Дондуков - Корсаков кн. Алексей Михайлович — 365, || 365.

Дондуков - Корсаков кн. Михаил Александрович — 365, 370, 372, 377, 438, || 352, 365, 371, 373, 376, 378, 387.

Дондуков - Корсаков кн. Никита Михайлович — || 378.

Дондукова - Корсакова Аделаида Николаевна — || 378.

Дондукова - Корсакова Мария Михайловна — || 373, 520.

Дондукова - Корсакова Мария Никитична — 372, || 373.

Дондукова - Корсакова Надежда Михайловна — 365, 372, || 365, 373.

Дондукова - Корсакова Ольга Михайловна — 362, 365, 372, || 362, 365, 373.

Дондукова - Корсакова Софья Михайловна — 372, || 373.

Достоевский Федор Михайлович — || 419.

— «Записки из Мертвого дома» — 419, || 419.

— «Орел» — || 419.

— «Смерть в госпитале» — || 419.

«Досуги дел», журнал — || 521.

Дрезден — 193, 221, 372, 373, 376, 377, 379, 380, 381, 382, || 197, 220, 223, 378, 380, 381, 385, 515, 518.

«Дрезден», гостиница (Москва) — || 411.

Дройзен Иоганн-Густав — || 348.

Дружинин Александр Васильевич — 59, 74, 76, 89, 121, 135, 147, 153, 166, 190, 191, 193, 194, 196, 226, 233, 234, 280, 298, 299, 314, 323, || 12, 13, 14, 15, 16, 18, 20,

24, 25, 26, 28, 30, 35, 38, 59, 76, 87, 88, 91, 92, 93, 94, 106, 114, 125, 146, 159, 163, 188, 195, 251, 268, 282, 289, 291, 299, 309, 318, 323, 338, 416, 517.

— «Очерки из крестьянского быта А. Ф. Писемского» — 153, || 154.

Дружинина Мария Павловна — 291, || 291, 318.

Дубровин — 458.

Дудышкин С. С., Статья о «военных рассказах Толстого» — || 107.

Дунай — || 121.

Дурново Михаил Аполлонович — 437, || 430, 442.

Дьяков Дмитрий Алексеевич — 71, 303, 319, 366, 372, 403, || 63, 73, 302, 304, 320, 361, 367.

Дьякова Дарья Александровна — 360, || 361.

Дьяковы — 301.

Дюбуа-Реймон Эмиль — || 348.

Дюпра (Duprat) — 414, 415, || 415.

Дюссо, ресторан (Петербург) — 280, || 280.

Евгеньев В., «Новые данные об «Ясной Поляне». Л. Н. Толстой» — || 479.

Европа — 66, 117, 234, 348, 378, 379, 382, || 384.

Егор Михайлович — 339, || 341.

Ейзнах — 376, 378, || 518.

Екатерина Васильевна — 83, || 83.

Екатерина I — || 165.

Екатерина II — 10, || 332.

Елагин Николай Павлович — 339, || 341.

Елизавета Петровна, имп. — || 223.

Елтон, Астраханской губ. — 425, || 425.

Еникеевы — || 475.

Ергольская Татьяна Александровна («тетянька») — 62, 63, 71, 78, 80, 81, 98, 107, 112, 219, 227, 233, 257, 266, 268, 271, 292, 294, 298, 307, 310, 315, 323, 326, 328, 334, 336, 341, 357, 367, 389, 419, 421, 428, 429, 433, 436, 437, 438, 446, 448, 455, 456, 460, || 54, 57, 64, 73, 80, 82, 113, 125, 171, 179, 187, 190, 192, 193, 194, 199, 223, 227, 236, 271, 278, 341, 365, 367, 399,

426, 427, 431, 449, 456, 462, 512, 514, 517, 520.

Ефимов Иван — 401, || 402.

Ефремов, Тульской губ. — || 225.

«Жандармский обыск в Ясной Поляне» — || 431, 449.

Женева — 170, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 190, 191, 219, || 169, 173, 175, 176, 177, 181, 184, 188, 195, 196, 220, 283, 284, 514, 515.

Женевское озеро — 186, 187, 188, 191, 192, 193, || 188.

Жуковский Василий Андреевич — || 107.

Зайковские — 457.

Зайковский Дмитрий Ефимович — || 458.

Закревский Арсений Андреевич — 155.

Заслонин Гавриил Васильевич — 505, || 489, 490, 520.

Заслонина Надежда Васильевна — 489, 491, || 489, 490, 520.

Зейде Марья Ивановна — 275, 321, || 276, 322.

Зеленой Александр Алексеевич — 21, 263.

Зенгер Анна Карловна — 457, || 458.

Зимин (Шипов) — || 430.

Зинциг — 217, 218, 267, 269, || 250.

Зябров Василий Ефимович — 53, 54, 443, || 54, 444.

Иванов — 500.

Иванов Александр — 401, || 401, 402.

Иванов Иван — 488, || 488, 405.

Иванова Авдотья Ермолаевна — || 176.

Ивре (Швейцария) — || 195.

Игнатьев Николай Григорьевич — 486, || 487.

Иевлев Иван — 483, 484, 485.

Иена — 376, 405.

Иерские острова — 345.

«Известия Калужской архивной комиссии» — || 511.

Индия — 212.

Интерлакен (Швейцария) — 191, 192, || 191, 193.

Иоани Грозный — || 522.

Исаакиевский собор (Петербург) — 345, || 346.

Исаков Николай Васильевич — 288, || 289.

«Искра», журнал — || 423.

Иславин Владимир Александрович — 231, 446, || 231, 447.

Иславин Константин Александрович — 78, 99, 104, 127, || 51, 79, 101, 106, 129, 521.

Иславин Михаил Александрович — 68, || 61, 62.

Иславина Юлия Михайловна — 231, || 231.

Исленьев Александр Михайлович — 61, 317, 455, || 51, 62, 456.

Исленьева Софья Александровна — 61, || 62.

Италия — 159, 160, 162, 197, 198, 206, 207, 213, 235, 253, 327, 362, 366, 382, || 317, 384.

Кабеляцкий (штаб-ротмистр) — 437, || 430.

Кабелия — 210, || 214.

Кавелин Константин Дмитриевич — 7, 249, || 7, 9, 251.

— «Записка об освобождении крестьян в России» — || 7.

Кавеньяк Эжен-Луи — 252, || 253.

Кавказ — 63, 137, 143, 167, 178, 191, 293, 302, 311, 468, || 121, 171, 303, 322, 469.

Казанский университет — || 51, 76.

Казань — 426, 432, || 51, 426.

Казарилов — || 474.

Казьмин Евсей — 483, 484, 485.

Калам — 189, || 189.

Каменская Мария Федоровна — || 91.

Каменский П. П. — || 91.

Капуа — 288, || 289.

Капустин Михаил Николаевич — || 435.

Каралык, Самарской губ. — 427, || 427, 428.

Крамзина Екатерина Николаевна — 191, || 181.

Крамзина Елизавета Николаевна — 191, || 192.

Крамзины — 190.

Караул, Тамбовской губ. — 336, || 336.

Катков Мефодий Никифорович — 133, || 134.

Катков Михаил Никифорович — 153, 242, 284, 285, 296, 417,

425, 456, || 134, 155, 251, 256, 285, 396, 411, 412, 418, 422, 423, 454, 456, 461.

Каширский у., Московской губ. — 302.

Кашкин Николай Дмитриевич — || 472.

— «Русское музыкальное общество по личным воспоминаниям» — || 472.

Келер Густав Федорович — 479, 405, 443, 456, || 379, 382, 406, 456, 477.

Кенигсберг — 381, 382.

Кенсингтонский музей (Лондон) — || 385.

Кетерер — 184, || 185.

Кивассо (Швейцария) — || 195.

Кизляр — 157.

Киреева Александра Васильевна — || 251, 342.

Киреевские — || 7.

Киреевский Николай Васильевич («дядя») — 79, 97, 114, 131, || 80, 99, 120, 132.

— «Сорок лет постоянной псовой и ружейной охоты», М. 1856 — || 80.

Кирьякова Юлия Михайловна. См. Иславина Ю. М.

Киснен — 377.

Киссинген — 346, 349, || 346, 347, 348, 351, 352, 369.

Китай — || 213.

Кишинев — || 172.

Кларан (Швейцария) — 180, 181, 185, 189, 190, 192, 194, 195, 198, 288, || 180, 181, 182, 185, 187, 188, 193, 194, 195, 284, 289, 514, 515.

Классен — || 519.

Кобелево, Тульской губ. — || 503.

Ковалевский Евграф Петрович — 331, || 332, 349, 396.

Ковалевский Егор Петрович («генерал») — 87, 233, || 6, 9, 38, 88, 90, 91, 106, 236, 332, 349, 459.

Козюлькино. См. Новоселки.

Кокорев Василий Александрович — 249, 250, || 252.

Колбасин Дмитрий Яковлевич — 70, 92, 226, 267, || 6, 55, 70, 101, 166, 226, 264, 268.

Колбасин Елисей Яковлевич — || 12, 15, 16, 18, 70, 101, 171, 256.

College de France — 167, || 169.

Кологривова А. П. — || 519.
«Колокол» — 376, 429, || 371, 449.
Колошин Иван Петрович — || 369.
Колпна, Тульской губ. — 432, 506, || 430.
Константин Павлович, вел. кн. — 184, || 185.
Константинов Константин Иванович — 88, 107, || 90, 93, 107, 468, 470.
Константинополь — 198.
Копылов — 368, || 368.
Корнеев Лаврентий — 483, 484, 485.
Корш Евгений Федорович — 433, 258, || 434, 259, 270.
Костомаров Андрей Николаевич — || 494.
Костомаров Николай Андреевич — 409, 493, 505, || 397, 409, 494.
Костомаров Николай Иванович — 409, || 410.
Кохановская, «Из провинциальной галереи» — 291, || 291.
Краевский Андрей Александрович — 86, 121, 238, 291, || 57, 106, 125, 143, 144, 238.
Крапивна, Тульской губ. — 493.
«Красная новь» — || 94.
Кривцово, Тульской губ. (Крыльцово) — 432, || 430, 489, 503.
Крыжановский Николай Андреевич — 444, || 108, 445.
Крым — 63, || 64, 87, 469.
Кузен Виктор — || 369.
Кузминская Т. А., «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 1846—1862». — || 121, 431, 442, 448, 451, 457, 507.
Кузминский Александр Михайлович — 458, || 448.
Кундсков — || 474.
Кунцево, Московской губ. — 267, || 59, 268.
Курдяков — || 466, 467.
Курск — 62, 85, 232, 355.
Кутлер Федор Федорович — 274, 428, || 275, 429.
Кутузов Михаил Илларионович — || 152.
Кушелев-Безбородко гр. Григорий Александрович — || 282.
Кюхельбекер Вильгельм — || 326.

Лаборд — 457, || 458.
Лажечников Иван Иванович — || 147.
Лазарев — || 474.
Лазаревич Екатерина Сергеевна — 104, || 106.
Лазаревич — 109, || 110.
Ламберт гр. Е. Е. — || 368.
Ламберт гр. Карл Карлович — || 481.
Ланской гр. Сергей Степанович — 65, || 7, 53, 67.
Лассаль Фердинанд — || 435.
Лебассе (Швейцария) — || 185.
Лебедев Яков Федорович — || 466.
«Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Гиз, 1929, — || 64.
Левшин Алексей Ираклиевич — 65, || 67, 465.
— «Достопамятные минуты в моей жизни» — || 465.
Лейпциг — || 347.
Лелевель Иоахим — 376, || 385.
Ленгарт — 460, || 460.
Леонов Прохор — 401, || 402.
Ле-Плэ Фридерик — || 370.
«Les ouvriers européens» («Европейские рабочие») — || 370.
— «Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée» («Путешествие в южную Россию и в Крым») — || 370.
«Летописи» Государственного литературного музея — || 342.
Лист Франц — || 79, 435.
«Литературная газета» — || 166.
«Литературное наследство» — || 134, 256, 375, 395, 396, 411, 422, 454, 461, 462, 472.
«Литературный вестник» — || 90.
Литературный фонд — 328, || 318, 332, 336.
«Л. Н. Толстой и П. А. Плетнев», сборник — || 424.
«Ложкой кормит, а стеблем глазоколет», рассказ — 424, || 424.
Лозанна (Швейцария) — 184, 196, || 185, 196, 197.
Лонгинов Михаил Николаевич — 75, 76, 415, || 77.
Лондон — 182, 186, 187, 193, 196, 218, 359, 360, 366, 367, 378,

369, 370, 372, || 183, 367, 369, 371, 385.

Лопатина — || 398.

Лубянки — 390, || 390.

Лувр (Париж) — 167, || 169.

Лукашевич Владимир Павлович — || 507.

— «О необходимости контроля общества над школами» — 420, || 421, 507.

Львов кн. Владимир Владимирович — || 173.

Львов кн. Георгий Владимирович — || 173.

Львова кн. Александра Владимировна — 170, 221, || 173, 223.

Людвик XVI — 168, || 169.

Люти Иоанн, «Песенка Риги» — 204, 207, || 212, 213.

Люцерн — 195, 197, 199, 210, 214, 215, 217, || 196, 197, 198, 199, 214, 515.

Ляхин Алексей — 391, || 391.

Мавра Андреевна — 72, 347, 350, || 73, 348.

Майков Аполлон Николаевич — 234, 244, || 25, 236, 282.

Максимилиан Лейхтенбергский — || 176.

Маковицкий Д. П., «Яснополяские записки» — || 19.

Мальцов Сергей Иванович — || 289.

Мальцова Анастасия Николаевна — 287, 404, || 289, 406.

Мансурова Анастасия Павловна — || 176.

Мансурова Софья Павловна — || 176.

Мансуровы — 174, 175.

Маобитская тюрьма — || 348.

Мария Александровна, жена Александра II — 137, || 138.

Мария Николаевна, вел. кн. — 174, 175, 180, || 176, 184, 185, 223.

Марков Евгений Львович — 479, || 479.

— «Живая душа в школе» — || 431.

Маркович Мария Александровна (Марко Вовчок) — || 426.

Мармье Ксавье — || 164, 165.

— «Письма о России, Финляндии и Польше» — || 165.

«Nouvelles du Nord» («Северные новеллы») — || 165.

Марсель — 345, || 519.

Марсочников Николай Харлампиевич. См. Морсочников Н. Х.

Марсочникова Прасковья Матвеевна — См. Морсочникова П. М.

Мартиньи (Швейцария) — || 195.

Мартынов Александр Евстафьевич — 280, || 280.

Марья Герасимовна — 72, || 73.

Матвеев — || 466.

Маша (племянница А. В. Дружинина) — 290, || 291.

Мей Лев Александрович — || 282.

Мейер — 325, 333, || 326.

Мейербер, Д., «Гугеноты», опера — 120, 129, || 121.

— «Северная звезда», опера — || 164, 165.

Мейери (Швейцария) — || 188.

Мельников Павел Иванович (Печерский) — 234, || 236.

Менгден бар. Елизавета Ивановна — 159, || 159.

Меншиков Николай С. — || 298.

Мериме Проспер — || 164, 165.

Меринский Александр Матвеевич — 279, || 279.

«Метрополь», гостиница (Москва) — || 387.

Мещерская Александра Ивановна — || 176.

Мещерская Екатерина Николаевна — || 185.

Мещерская Екатерина Петровна — 191, || 192.

Мещерские — 174, 175, 190, 191, 193, || 181, 184.

Мещерский — 432, 433, || 433.

Мещерский Николай Иванович — || 176.

Мещерский кн. Петр Иванович — || 185.

Микула Селянинович — || 344.

Милютин Николай Алексеевич — || 7, 9.

Милютин дом (Москва) — || 289.

Минаев Петр — 475, || 476.

Минаева Арина Петровна — 475.

Минаева Прасковья Сергеевна — 475.

Миницкий И. Ф. — || 171, 172.

Михайл Николаевич, вел. кн. 107, || 107.

Михайлов Михаил Илларионович — 408, || 409.

— «К молодому поколению» — || 409.

Михаловская Мария Александровна — 488, || 400, 401, 488.

Михаловский Валерьян Ильич — 432, 491, 500, || 400, 401, 402, 433, 488, 519.

Михей — 432, 433, 455, || 433, 456.

Мицкевич Адам — 279, || 279, 368.

«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под ред. М. К. Лемке, т. III, Спб. 1912 — || 413.

Модзалевский Л. Б., «Л. Н. Толстой и П. А. Плетнев» — || 424.

Мойсеев Никита — 396, 409, 493, || 397, 494.

«Молодой Толстой», статья — || 87, 93, 268, 281, 291, 309, 318, 338.

Монсенинский перевал (Mont Cénis) — 193, || 195.

Монте-Роза — || 195.

Монферан — || 346.

Моод Эльмер Францевич — || 270.

Морель (Mogel) — 321, 339, || 322, 341, 359.

Морозов Василий Степанович — || 425, 428.

— «Воспоминания» — || 428.

Морозов Петр Васильевич («учитель») — 347, 350, 502, 506, || 348, 352, 406, 503, 507.

Морсочников Николай Харлампиевич — || 475.

Морсочников Семен Николаевич — 324, || 326.

Морсочникова Прасковья Матвеевна — 482, 492, || 492.

Мортъеде Фонтен Луи-Анри-Стапислав — 78, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 124, 125, 126, 127, 128, 249, || 79, 99, 129, 472.

Москва — 9, 49, 50, 59, 60, 61, 62, 66, 69, 76, 78, 80, 82, 84, 85, 89, 95, 99, 101, 102, 109, 113, 115, 120, 124, 131, 143, 146, 147, 148, 150, 159, 160, 161, 166, 190, 220, 222, 224, 227, 228, 230, 232, 233, 241, 242, 249, 250, 253, 254, 256, 275, 276, 277, 279, 280, 281, 285, 286, 287, 288, 292, 297, 298, 307, 308, 312, 313, 333, 334, 340, 345, 386, 389, 390, 407, 414, 415, 417, 418, 421, 425, 428, 432, 435, 441, 461, 462, 507, 508, 522, || 7, 8,

37, 54, 59, 61, 69, 86, 93, 99, 101, 106, 121, 147, 149, 150, 151, 152, 154, 158, 226, 227, 228, 231, 235, 237, 239, 241, 242, 243, 246, 251, 252, 255, 260, 276, 279, 281, 282, 283, 284, 287, 289, 291, 292, 298, 299, 307, 310, 319, 335, 344, 346, 386, 406, 407, 411, 413, 414, 416, 417, 425, 426, 428, 429, 430, 440, 442, 443, 446, 468, 471, 472, 507, 516, 517, 519, 520, 521.

«Москва», газета — || 154.

«Московские ведомости» — 134, || 77, 134.

Мостовая, Тульской губ. — 511.

Моцарт Вольфганг — 63.

— «Дон-Жуан» — 63, || 64.

Мценск, Орловской губ. — 71, 324, || 73.

Мценский у., Орловской губ. — || 303, 304.

«На литературном посту» — || 522.

Нассау — 382, || 385.

Наполеон I — || 169.

Наполеон III — 168, 210, 329, || 169, 332.

«Наша старина», журнал — || 164.

Неаполь — 197, 198, 210.

«Неизданные письма к А. Н. Островскому», «Academia», М. — Л. 1932 — || 148, 158.

Некрасов Николай Алексеевич — 68, 69, 72, 147, 158, 159, 160, 180, 182, 186, 187, 225, 233, 234, 237, || 5, 9, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 23, 27, 28, 32, 37, 52, 57, 59, 69, 70, 76, 77, 94, 108, 147, 171, 181, 226, 236, 241, 245, 255, 424, 516. — «Тишина» — 225, || 37, 226.

Непарокомов Павел Иванович — 467.

Никитенко Александр Васильевич — || 53.

— «Записки и дневник», Спб. 1904 — || 418.

— «Моя повесть о самом себе» — 280.

Никитин Мирон — 495.

Николаев, Херсонской губ. — || 471.

Николай I — 10, 87, 107, 176, 185, 326, 346, 430.

Никольский 2-й — 474.

Никольское-Вяземское, Тульской губ. — 268, 302, 303, 306, 319, 340, 404, 432, 446, 455, 462,

497, 504, 508, || 225, 269, 302, 303, 306, 320, 326, 391, 392, 403, 430, 456, 498.

Ницца — 345, 362.

Новоселки, Орловской губ. (Козюлькино) — 271, 302, 319, 322, 333, 335, 393, || 269, 271, 303, 304, 319, 335, 391, 392, 393.

Новосильский у., Тульской губ. — || 303, 304.

Новосильцев Петр Петрович — 311, || 313.

«Новый сборник писем Л. Н. Толстого», изд. «Окто», М. 1912 — || 505.

Нольде бар. Николай Карлович — 425, || 425, 520.

Норов Авраам Сергеевич — 365, || 365.

Норовой дом (Петербург) — 238.

Нью-Йорк — 369.

Оболенская кн. Александра Алексеевна — 62, || 63.

Оболенская Е. П. — || 73.

Оболенский Д. Д., «Наброски и воспоминания» — 431.

Оболенский кн. Ю. А. — || 472.

Оболенский Юрий Васильевич — 250, || 252.

«О военном журнале Л. Н. Толстого и его со товарищей по армии» — || 314.

Огарев Николай Платонович — 370, 374, 376, 377, || 375, 377.

— «Кавказские воды» — 376, || 377.

Одесса — 197, 198, 345.

«Одесский листок» — || 471.

Одоев, Тульской губ. — 317.

Ока — 233, || 236.

Оноре Л. — || 472.

Опекунский совет — 57, 58, || 59.

Орел — || 355.

Оренбург — || 445.

Орехов Алексей Степанович — 120, 427, 455, || 121, 456.

Орехова Евдокия Николаевна — 345, 347, || 346, 348.

Орлов кн. Алексей Федорович — || 173.

Орлов кн. Николай Алексеевич — 170, || 173.

Орсьер (Швейцария) — || 195.

Осипов Кирилл — 483.

Осипович Александра — 483, 484, 485, || 487.

Осипович Василий Николаевич — 481, 483, 484, 485, 486, 487, 496, || 481, 487, 520.

Осиповский Дмитрий Тимофеевич — 227, 228, 345, || 228, 346.

Остенде — 215, 218, 221, 228, || 216, 224.

Остен-Сакен бар. Александра Ильинична — || 51.

Островский Александр Николаевич — 76, 115, 153, 156, 252, 325, || 5, 19, 28, 37, 77, 92, 144, 148, 149, 154, 155, 157, 158, 253, 255, 326.

— «Гроза» — 325, || 326.

— «Доходное место» — 148, 153, 156, 158, || 37, 147, 149, 154, 158.

— «Не сошлись характерами» — 252, || 253.

— «Праздничный сон — до обеда» — 153, || 154, 155.

— «Свои люди — сочтемся» («Банкрот») — 156, || 157.

«Отечественные записки» — 56, 107, 113, 121, 135, 137, 143, 147, 281, 291, || 57, 82, 87, 107, 125, 143, 144, 164, 238, 280, 291.

Офросимов Павел Александрович — 80, || 80.

Охотницкая Наталья Петровна — 62, 71, 80, 83, 106, 112, 120, 174, 175, 178, 198, 275, 310, 345, 347, 350, 432, 460, || 63, 73, 80, 114, 121, 269, 433.

Павлов Николай Филиппович — 249, || 251, 252.

«Памятники старинной русской литературы под ред. Н. Костомарова» (1861—1862) — || 282.

Панаев Иван Иванович — 87, 148, 153, 217, 226, 234, 238, 244, 269, || 5, 12, 18, 19, 20, 23, 59, 76, 77, 92, 94, 106, 147, 148, 149, 155, 172, 226, 424.

— «Заметки нового поэта» («О деревне и городе») — 92, || 92.

Панаева Авдотья Яковлевна («Н. Ставицкий») — 225, || 226.

— «Домашний ад» — 225, || 226.

Панино, Тульской губ. — || 400, 488, 505.

Париж — 33, 149, 151, 158, 159, 160, 161, 162, 165, 166, 167, 173, 174, 175, 177, 179, 180, 182, 187, 190, 191, 196, 197, 198, 201,

217, 219, 260, 359, 360, 361, 368, 370, 372, || 21, 152, 158, 159, 160, 161, 165, 167, 169, 173, 188, 196, 361, 364, 366, 368, 377, 385, 406, 413, 415, 424, 514, 515, 518.

П а р и ж с к и й м и р н ы й д о г о в о р 1856 г. — 54, || 55, 68.

П а р у с, газета — || 154.

П а ш к о в с к и й К о н с т а н т и н И в а н о в и ч — || 406.

П. Б., «Русская литература, журнал» — 226, || 226.

Р e g o t - O g i e r — 219.

П е к и н — || 213.

П е л а г е ю ш к и н Ф е о ф а н Т и т о в и ч — 405, || 406.

П е р ф и л ь е в В а с и л и й С т е п а н о в и ч — 54, 443, 450, || 55, 444, 451, 456.

П е р ф и л ь е в а П е л а г е я Ф е д о р о в н а — 94, 95, 443, 450, || 95, 444, 451, 456, 521.

П а с к а л ь, с ы н и К^о — 507, 508.

П е р о в с к и й г р. Б о р и с А л е к с е в и ч — 287, 288, 390, 404, 436, 445, || 289, 390, 406, 439, 440, 445.

П е р э н (P e r i n H e n r i - A l p h o n s e) — || 376.

П е р ф и л ь е в ы — 456, || 342.

П е р ц е в — 491, 500.

П е т е р б у р г — 9, 55, 64, 87, 89, 90, 93, 94, 99, 109, 112, 115, 117, 119, 126, 131, 146, 149, 158, 162, 166, 169, 175, 178, 190, 192, 221, 222, 223, 226, 228, 230, 233, 238, 241, 242, 249, 254, 256, 257, 263, 280, 285, 286, 308, 332, 336, 337, 345, 349, 353, 362, 366, 372, 378, 379, 381, 389, 414, 418, 429, 432, 443, 444, 468, 470, 507, 508, || 6, 8, 11, 49, 50, 52, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 64, 91, 93, 99, 101, 102, 107, 108, 111, 114, 120, 121, 125, 129, 132, 136, 138, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 152, 154, 172, 197, 223, 226, 231, 235, 236, 251, 255, 256, 258, 264, 280, 281, 282, 283, 345, 346, 349, 355, 369, 385, 409, 416, 424, 435, 463, 471, 477, 506, 512, 513, 514, 521.

«П е т е р б у р г с к и е в е д о м о с т и» — 74, 226, || 226, 280.

П е т е р с о н Н и к о л а й П а в л о в и ч — 426, 432, 446, 506, || 426, 433, 446, 507.

— «Из записок бывшего учителя» — || 507.

— «Мои сношения с великим писателем земли русской графом Л. Н. Толстым» — || 507.

П е т р I — || 38, 165.

П е т р о в А. — 491, 219, || 193, 220.

П е т р о в М. — 288, 290, 309, || 289, 290, 291, 309,

— «Выборы» — 308, || 309.

— «Саргина могила» — 290, || 290, 291.

П е т р о п а в л о в с к а я к р е п о с т ь в П е т е р б у р г е («Равелины») — 428, || 430.

«П е ч а т ь и р е в о л ю ц и я» — || 307, 323, 358.

П и к у л и н П а в е л Л у к и ч — 325, || 326.

П и м е н о в Ф е д о р — 483.

П и р о г о в Н и к о л а й И в а н о в и ч — || 521.

П и р о г о в о, Тульской губ. — 95, 138, 150, 224, 301, 305, 334, 335, 339, 340, 341, 342, || 225, 271, 302, 328, 335, 341, 480, 507, 515.

П и р о н А., «La Métromanie» — || 297.

П и с е м с к и й А л е к с е й Ф е о ф и л а к т о в и ч («Старая фельетонная кляча Никита Безрылов») — 148, 234, 308, 317, 422, || 19, 149, 236, 318, 423.

— «Горькая судьбина» — 317, || 318.

— «Старая барыня» — 148, || 149.

П л а т о н — 222, || 223.

П л е т н е в А л е к с е й П е т р о в и ч — 423, || 424.

П л е т н е в П е т р А л е к с а н д р о в и ч — || 424.

П л е т н е в а А л е к с а н д р а В а с и л ь е в н а — 423, || 424.

П л е х а н о в о, Тульской губ. — || 507.

П о г о д и н М и х а и л П е т р о в и ч — 249, || 251, 522.

П о д ч а с с к а я Е л и з а в е т а П е т р о в н а — 297, || 298.

П о д ч а с с к и й И ш п о л и т И в а н о в и ч — || 298.

П о д ч а с с к и й Л е в Н и к о л а е в и ч — 297, || 298.

П о к р о в с к о е, Тульской губ. — 181, 197, 198, || 63, 64, 171, 513.

П о л е в о й П. Н., «История русской словесности» — || 92.

П о л и в а н о в А л е к с а н д р К о н с т а н т и н о в и ч — 192, || 193.

П о л о н с к и й Я к о в П е т р о в и ч — 308, || 219, 282, 309.

П о л т о р а ц к и й В. А., «Воспоминания» — || 302.

«Полярная звезда», журнал — 373, 374, || 375, 377.
Понте-Сан-Мартино (Швейцария) — || 195.
Попов Василий Михайлович — 419, 446, || 420, 446.
Потапов Александр Львович («Потаповы») — 428, 436, || 40, 429.
Прудон Пьер-Жозеф — 370, || 369, 371, 385.
Пруссия — 66.
П. С., «Деревенские письма» — 291, || 291.
Путятин Евфимий Васильевич — || 409.
Пушкин Александр Сергеевич — 14, 16, 75, 102, 181, 260, 377, || 16, 17, 73, 165, 182, 185, 260, 273, 298, 304, 313, 375, 378, 424, 465.
— «Борис Годунов» — 273 (цит.), || 273.
— «Воевода» — 303, (цит.) || 303.
— «Воспоминание» — 452 (цит.), || 453.
— «Демон» — 273 (цит.), || 273.
— «Евгений Онегин» — 17, || 424.
— «Каменный гость» («Дон-Жуан») — 16, 63, || 64.
— «Князю Дондукову-Корсакову» — 377, || 378.
— «Когда Потемкину в потемках» — || 298.
— «Мадонна» — 260, || 260, 261 (цит.).
— «Цыгань» — 17, 102 (цит.), || 103.
Пушкин Иван Иванович — || 182, 184, 185.
Пушкин Михаил Иванович — 181, 184, 188, 189, 191, 221, || 181, 182, 183, 184, 188, 189, 223.
Пушкина Мария Яковлевна — 221, || 223.
Пушкины — 183, 186, 190, 193, || 181.
Пыпин Александр Николаевич — || 19.
Пьемонт — 193, 194, || 195.
Раевский Иван Иванович — 321, || 321, 328.
Разумовский гр. Алексей Кириллович — || 289.
Раиса Львовна — 71, || 73.
Рандону — || 214.
Рафаель Санти — || 518.
— Сикстинская мадонна — 201, 260, || 260.
Рачинская Варвара Александровна — 433, || 435.

Рачинские — 408.
Рачинский Константин Александрович — || 409.
Рачинский Сергей Александрович — 269, || 270, 408, 435, 503.
Ребиндер Константин Григорьевич — 223, || 223.
«Revue des deux mondes» — 317, || 318.
Рекекампф Н. Т. — || 362.
Рейн — 196, 197, 198, 215, 217, Ремаген — 217.
Риги, гора — 199, 204, 206, 207, 216, || 216.
Рим — 159, 197, 198, 232, 234, 235, 249, 250, 371, || 245.
«Робинзон» — 423, 424, || 424, Родионов Иван — 483.
Родионов Н., «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого» — || 235, 472.
Рожднов Иван Николаевич — 466.
Рона, река — || 195.
Россия — 16, 66, 89, 90, 123, 150, 151, 166, 167, 175, 178, 179, 186, 187, 190, 192, 198, 199, 222, 230, 232, 234, 246, 262, 267, 300, 328, 329, 348, 354, 356, 363, 364, 365, 367, 368, 370, 373, 374, 377, 378, 379, 415, 437, 470, || 22, 31, 39, 199, 371, 384, 407, 430.
Ростовцев гр. Николай Яковлевич — 313, || 313.
Ростовцев гр. Яков Петрович — || 313.
Рубинштейн Николай Григорьевич — || 472.
Рудаков Михаил Иванович — 467.
«Русская беседа» — 74, 75, 148, || 76, 147, 148, 149, 154, 157.
«Русская мысль» — || 398, 400, 401, 409, 481, 487, 488, 489, 491, 496, 498, 501, 502, 503, 505, 506, 519.
«Русская поэтажная литература XIX столетия», с предисловием Н. Огарева, Лондон 1861 — 377, || 378.
«Русские пропилеи» — || 434.
«Русский архив» — || 155, 302.
«Русский вестник» — 132, 133, 252, 317, 395, 418, 422, 453, || 33, 134, 252, 284, 285, 291, 396, 412, 418, 423, 435, 454.

«Русское богатство» — || 439.
«Русское обозрение» — || 326, 334, 344, 358, 388, 394, 413, 454.
«Русское слово», газета — || 181, 301.
«Русское слово», журнал — || 282, 309.
Руссо Жан-Жак — 211.
— «Новая Элоиза» (Юлия) — 189, 190, || 190.
Рушук — 303, || 303.
Рылеев Кондратий Федорович — 374, || 375.
Рябинин Алексей Андреевич — 190, || 191.
Рябинин Михаил Андреевич — 180, 184, 191, || 181, 184, 185, 191.
Рябинины — || 181.

Савойя — 187, 188, 193, 329, || 332.
Саксен-Майнинген — 382, || 385.
Салтыков Михаил Евграфович (Щедрин) — 156, 234, 256, || 20, 24, 26, 157, 236, 256.
— «Два отрывка из книги об умирающих» — || 256.
Самара — 425, 427, 428, || 427.
Самарин Юрий Федорович — 427, || 427.
Самарская губерния — || 425, 426, 429, 444.
Сан-Бернард — 206, || 195, 213.
Сан-Готард — 206, || 213.
Сарчевский А. В. — || 114.
Сатурн — 373.
Сахаров — || 467.
Сахаров Иван Иванович — 468, || 468.
Сахаров Иван Иванович (переписчик) — 104, 113, 120, 124, 363, || 106, 114, 121, 125, 363.
Сахаров Мирон — || 474.
«Сборник Пушкинского дома на 1923 год» — || 155.
«Сборник Толстовского музея», Гослитиздат, М. 1937, — || 419.
Свешников — 263.
Севастополь — 208, 468, || 6, 91, 121, 172, 289, 416, 428, 445, 469.
«Северная пчела» — || 326,

Северо-Американские Соединенные Штаты — 348, || 349.
Селезневский — 500.
Семенов Наум — 483.
Семенов Никита — 397.
Сен-Винцент (Швейцария) — 195.
Сен-Реми (Швейцария) — || 195, Сенекье — 350, 351.
Сенковский Осип Иванович — || 114.
Сердобинская — 344, || 344.
Сердобольский Александр Павлович — 502, || 408, 503, 520.
— «Головеньковская волостная школа» — || 503.
Серпухов, Московской губ. — 227, 228, 334, 335, || 334.
Сильвестр — 522.
Симбирск — 196.
Сиркур гр. Адольф — 368, || 368.
Сиркур гр. Анастасия Семёновна — || 176.
Скворцов, «Свобода школы» — || 456.
Скобликов Михаил Васильевич — 386, || 387.
Скопин Владимир Петрович — 339, 479, || 341, 479.
Скотт Вальтер — 25, 234.
Смирдин Александр Филиппович — || 114.
Смолиной дом (Москва) — 283.
Смольный институт (Петербург) — 221, || 223.
«Современная летопись» — 411, || 411.
«Современник» — 17, 74, 86, 94, 121, 133, 145, 148, 153, 225, 236, 252, 254, 281, 317, 416, || 11, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 40, 57, 71, 76, 77, 92, 94, 134, 146, 147, 148, 149, 154, 157, 171, 226, 236, 237, 238, 244, 245, 251, 253, 254, 255, 270, 280, 326, 416, 417, 423, 424.
«Современник», журнал 1913 г. — || 52, 56, 69, 70, 76.
Соден — 340, 344, 345, 346, 350, 351, || 341, 347, 352.
Соколов Алексей Павлович — 414, || 410, 414.
Соколов Андрей Иванович — 511.
Соколов Иоанн — || 146.

Солдатенков Козьма Терентьевич — || 270.

Соллогу бгр. Владимир Александрович — 156, || 157.

— «Тарантас» — || 157.

Сорбонна (Париж) — 167, || 169.

Спасский Евграф Кириллович — 466.

Спасское-Лутовиново, Орловской губ. — 93, 391, || 64, 73, 94, 171, 172, 291, 313, 392, 393, 394.

Спиридонов В. С., «Л. Н. Толстой. Биобиблиография», т. I, «Academia», М. — Л. 1933 — || 422.

Спиро Сергей Петрович — || 181.

Средиземное море — 197, 198.

Станкевич Александр Владимирович — 249, || 134, 251.

Станкевич Николай Владимирович — 272, 274, || 251, 270, 273.

Старогладовская станция — 157.

Стахович А. А., «Клочки воспоминаний» — 280.

Степановка — 388, || 391.

Стой Карл Вольмар — 433, || 435.

Столыпин Аркадий Дмитриевич — 427, || 406, 428.

Страхов Николай Николаевич — || 38.

Строганов гр. Григорий Александрович — 174, 175, || 176.

Судаково, Тульской губ. — 83, 95, 119, 124, 126, 149, 159, 161, 162, || 79, 83.

«С успехом употребленный метод обучения грамоте в одной сельской школе» — || 456.

Сухотин Сергей Михайлович — 302, 303, || 302, 303.

— «Записки» — || 507.

Сухотина Варвара Сергеевна — 304, || 304.

Сухотина Марья Алексеевна — || 302.

Сушков Николай Васильевич — || 289.

Сушкова Дарья Ивановна — || 289.

Сушковы — 288.

Сызрань — 303, || 303.

«Сын отечества» — 166, || 166.

Сытин Владимир Аполлонович — || 342.

Сытина Екатерина Ильинична — 291, || 342.

— «Воспоминания Е. И. Сытиной» — || 342.

Талызин Анатолий Александрович — 242, || 243.

Тамбов — 335.

Татьяна Филипповна — 71, || 73.

Тверь — || 425.

«Творчество», журнал — || 270.

Теккерей Вильям — 440, || 47.

— «Ньюкомы» — 76, || 77.

— «Ярмарка тщеславия» — 120, || 121.

Телятинки, Тульской губ. — 324, 482, 492, || 492.

Темешвар — 303, || 303.

Тесье дю Мотте Мари Эдмонд — 370, 374, || 371.

Тимашев Александр Егорович — 370, || 371.

«Тиме» — 317, || 318.

Тихомиров Николай — 467.

Тихон «шестипалый» — 345, || 346.

Токашевич Владимир — 506.

Толстая гр. Александра Андреевна — 80, 170, 174, 175, 178, 180, 191, 217, 218, 220, || 22, 35, 39, 40, 81, 173, 176, 179, 181, 184, 185, 192, 218, 220, 223, 224, 231, 275, 283, 284, 289, 290, 295, 309, 313, 357, 386, 390, 406, 440, 449.

Толстая гр. Анастасия Ивановна — || 52.

Толстая Варвара Валерьяновна — 345, 346, || 227, 347.

Толстая гр. Екатерина Дмитриевна — || 352.

Толстая Елизавета Андреевна — 80, 170, 174, 175, 178, 180, 191, 217, 218, 220, 223, 288, 390, 418, 448, || 81, 173, 176, 179, 184, 185, 192, 218, 220, 283, 390, 418, 449, 452, 453.

Толстая Елизавета Валерьяновна — || 227.

Толстая гр. Мария Николаевна (мать Толстого) — 475, || 176, 341.

Толстая гр. Мария Николаевна (сестра Толстого) — 60, 61, 68, 71, 93, 99, 149, 194, 197, 198, 224, 227, 228, 230, 232, 233, 234, 235, 242, 257, 266, 274, 275, 276, 283, 285, 286, 292, 294, 298, 304,

- 315, 328, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 345, 346, 350, 351, 352, 354, 355, 356, 359, 360, 363, 364, 365, 367, 372, 421, 427, 428, 431, 432, 433, 437, 438, 442, 443, 455, || 63, 64, 69, 73, 94, 101, 125, 150, 171, 172, 181, 194, 199, 220, 225, 226, 228, 235, 236, 271, 276, 284, 302, 304, 336, 341, 347, 352, 365, 387, 427, 431, 443, 456, 514, 518.
- Толстая гр. Прасковья Васильевна — 312, 313, 386, || 184, 275, 386, 387, 452, 453.
- Толстая Прасковья Ильинична — 283, 287, 313, || 275, 284, 313.
- Толстая Прасковья Михайловна — || 152.
- Толстая Софья Андреевна — 419, 447, 448, 450, 451, 452, 455, 456, 457, 458, 459, 460, || 41, 62, 101, 392, 420, 445, 447, 448, 450, 451, 453, 456, 457, 458, 460, 462, 468, 511.
- «Дневники С. А. Толстой» — || 392, 407, 442.
- Толстая гр. Софья Андреевна (сестра А. А. Толстой) — 386, || 386, 452, 453.
- Толстой гр. Александр Петрович — 433, || 435.
- Толстой гр. Алексей Константинович — 433, 436, || 90, 435, 439, 440.
- Толстой гр. Андрей Андреевич — || 184.
- Толстой гр. Валерьян Петрович — 80, 100, 180, 181, 190, 193, 327, 257, 363, 387, || 63, 64, 73, 80, 101, 171, 199, 220, 341, 363, 456.
- Толстой Григорий Сергеевич — 354, 355, 432, 455, || 355, 433, 456, 477.
- Толстой гр. Дмитрий Николаевич — 49, 51, 53, 337, 353, 366, 473, || 51, 54, 338, 355.
- Толстой гр. Дмитрий Януарьевич — 350, 351, || 352.
- Толстой гр. Илья Андреевич, (дед Толстого) — || 184.
- Толстой Илья Андреевич — || 275, 284, 390.
- Толстой Илья Львович — || 306.
- «Мои воспоминания» — || 361.
- «Толстой и о Толстом» (ТТ) — || 132.
- «Толстой и Тургенев, переписка», изд. Сабашниковых, М. 1928 (ТТII) — || 71, 154, 171, 236, 238, 245, 251, 391, 394, 407, 513, 514, 515, 516, 517, 518.
- Толстой Лев Николаевич — «Альберт» («Кизеветер», «Музыкант», «Погибший») — 159, 164, 167, 237, 239, 241, 242, 243, 253, 254, 255, 281, || 5, 23, 32, 159, 163, 165, 237, 241, 244, 245, 254, 255, 256.
- «Анна Каренина» — || 51, 134, 332, 352.
- «Военные рассказы» — 107, 137, 147, 269, || 19, 101, 138, 270, 291, 318, 417.
- «Военный журнал» (проект Толстого) — 86, || 87, 88.
- «Война и мир» («Тысяча восемьсот пятый год») — || 22 (кн. Андрей, Пьер), 41, 81, 134, 332, 427, 507, 522.
- «Воскресение» — || 22 (Нехлюдов).
- «Воспитание и образование» — 443, 444, || 417, 428, 443.
- «Воспоминания» — || 54, 73, 80, 480.
- «Два гусара» («Отец и сын») — 56, 60, 62, 281, || 27, 57, 244.
- «Дворянское семейство» — 129, || 132.
- «Декабристы» — 374, 376, || 5, 39, 332, 375, 377.
- «Детство» — 87, 92, 137, 147, 416, 433, || 19, 27, 62, 171, 348, 459.
- «Детство и отрочество» — 54, 70, 137, || 55, 59, 101, 166, 264, 291, 318, 417.
- «Дневник» — 437, || 5, 6, 7, 8, 10, 16, 17, 19, 20, 21, 25, 28, 32, 33, 51, 57, 59, 64, 67, 70, 73, 76, 77, 79, 80, 85, 87, 90, 91, 92, 93, 99, 101, 106, 108, 110, 120, 121, 125, 129, 132, 138, 141, 142, 143, 146, 150, 152, 154, 159, 163, 169, 171, 172, 173, 179, 182, 184, 185, 188, 193, 195, 199, 214, 216, 218, 219, 223, 225, 228, 235, 236, 237, 238, 245, 250, 252, 258, 259, 260, 263, 266, 268, 276, 277, 281, 284, 289, 295, 301, 313, 318, 347, 348, 351, 352, 381, 382, 384, 385, 386, 388, 391, 395, 408, 416, 424, 425, 442, 465, 469, 470, 471, 472, 503, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520.
- «Дневник помещика» — 91, || 54, 67, 70, 91.
- «Записка о дворянском вопросе» — || 10, 11.
- «Записки маркера» — || 417.

— «Записная книжка» — || 111, 223, 279, 323, 516.
 — «История вчерашнего дня» — || 55.
 — «Казак» («казачий роман») — 182, 249, 253, 267, 322, 363, 395, 417, 418, 422, 453, 456, 460, 461, || 22 (Оленив), 32, 134, 183, 244, 251, 254, 268, 323, 363, 396, 418, 422, 423, 454, 456, 461, 462.
 — «Как четвертого числа» — 107, 137, || 101, 108.
 — «Книги для чтения» — || 278.
 — «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» — || 424, 456.
 — «Круг чтения» — || 419.
 — «Лето в деревне» — || 54.
 — «Люцерн» — 225, 226, 281, || 5, 21, 30, 31, 32, 212, 216, 226.
 — «Медвежья охота» — || 278.
 — «Метель» — 52, 55, 56, 281, || 52, 53, 56.
 — «Набег» — || 55.
 — «Об общественной деятельности на поприще народного образования» — 443, || 443, 456.
 — «О значении народного образования» — || 371.
 — «О народном образовании» — 385, || 411, 477.
 — «О свободном возникновении и развитии школ в народе» — || 408, 503.
 — «Отрочество» — || 19, 28, 171, 172.
 — «Отрывок из дневника 1857 года» (Путевые записки по Швейцарии) — || 193.
 — «Охота пуще неволи» — || 278.
 — «Памяти Ив. Ив. Раевского» — || 321.
 — «Педагогические заметки» — 347, || 348.
 — «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», Спб. 1911, (ПТ) — || 181, 184, 185, 189, 216, 220, 223, 224, 231, 258, 260, 266, 274, 275, 281, 283, 284, 289, 290, 295, 298, 299, 301, 313, 314, 357, 362, 386, 390, 405, 418, 429, 445, 447, 449, 453.
 — «Письма Толстого и к Толстому», юбилейный сборник, М.—Л. 1928 (ПТТ) — || 236, 259, 270, 316, 317, 328, 336, 369, 370, 376, 381, 408, 409, 410, 411, 435.
 — «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А.

Сергеенко», изд. «Книга», 1, 1910 (ПТС I) — || 63, 86, 107, 150, 416.
 — Письма Толстого к:
 Голохвастову П. Д. — || 384.
 Мооду Э. Ф. — || 270.
 Самарину Ю. Ф. — || 427.
 Страхову Н. Н. — || 419.
 — Письма к Толстому:
 Анненкова П. В. — 196, || 197.
 Арсеньевой В. В. — 114, 121, 125, 129, 151, 161, 242, || 120, 132, 145, 163, 243.
 Берса А. Е. — || 520, 521.
 Берсов А. Е. и Л. А. — || 521.
 Фон-Болля Н. Я. — 446, || 446.
 Борисова И. П. — 310, || 310, 319, 323, 326.
 Боткина В. П. — 156, 187, 217, 246, 298, 414, || 188, 218, 236, 250, 296, 297, 299, 415, 508, 519.
 Вергани Ж. — 160, 161, 162, || 161.
 Герцена А. И. — 373, || 375.
 Гимбута К. Ф. — || 79.
 Голицыной Е. И. — || 518.
 Гончарова И. А. — || 291.
 Горохова П. М. — 331, || 341.
 Давыдова А. И. — || 138.
 Дондукова-Корсакова М. А. — || 518, 520.
 Дондуковой-Корсаковой А. Н. — || 519.
 Дружинина А. В. — 323, || 87, 88, 146, 268, 282, 291, 318, 323, 338.
 Дьякова Д. А. — 360, || 361.
 Ергольской Т. А. — 135, 192, 159, 161, 177, 179, 189, 190, 271, 378, 379, || 136, 143, 161, 179, 190, 199, 271, 278, 286, 348, 352, 355, 359, 379, 427.
 Иславина К. А. — || 521.
 Каткова М. Н. — || 396, 411, 412, 423.
 Ковалевского Евгр. П. — || 349, 369.
 Колбасина Д. Я. — 166, 267, || 166, 268, 517.
 Корша Е. Ф. — || 270.
 Маркович М. А. — 426, || 426.
 Михальского Л. В. — || 513.
 Некрасова Н. А. — 226, || 77, 226, 241, 244, 253, 255, 256, 515, 515.
 Панаева И. И. — 91, || 92, 94, 513.
 Перфильева В. С. — || 513.
 Перфильевой П. Ф. — || 521.
 Петрова И. — 309, || 309.
 Плетнева П. А. — || 424.
 Подчасского Л. Н. — || 298.
 Рачинского С. А. — 433, || 435.

Сердобольского А. П. — || 421, 503.

Толстого В. П. — 80, || 80.

Толстого Н. Н. — 346, || 340.

Толстого С. Н. — 146, 220, 224, 354, 366, || 147, 220, 225, 340, 341, 355, 367, 373, 377.

Толстой А. А. — 228, 230, 231, 264, 284, 288, 294, 300, 390, 419, 428, 444, 448, 451, || 220, 258, 266, 275, 284, 289, 290, 295, 301, 314, 357, 390, 405, 419, 429, 440, 445, 447, 449, 452.

Толстой М. Н. — || 387.

Толстых М. Н. и В. П. — || 73.

Тургенева И. С. — 187, 376, || 236, 251, 377, 388, 392, 393, 394, 395, 512, 513, 514, 515, 516, 517.

Урусова С. С. — || 513.

Фета А. А. — 268, 307, 312, 315, 388, || 269, 307, 310, 313, 315, 326, 388, 415.

Чичерина Б. Н. — 315, 380, || 259, 316, 317, 328, 336, 369, 370, 376, 381, 409, 410, 411, 517.

Шостаков Е. Н. — 311, || 311.

Юшковой П. И. — || 517, 520, 521.

— «Поездка в Мамакай Юрт» — 86, || 88.

— «Поликушка» — 453, 460, || 106, 134, 341, 454, 461.

— «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого», тт. I—XXII, под ред. и с примечаниями П. И. Вирюкова, изд. Сытина, М. 1912—1913 (Бир. 1912) — || 86, 161, 179, 190, 199.

— «Полное собрание сочинений», юбилейное издание:

— т. 1 — || 55.

— т. 2 — || 28, 88, 146.

— т. 3 — || 57, 88.

— т. 4 — || 88, 108, 270, 445.

— т. 5 — || 8, 10, 23, 31, 34, 54, 58, 59, 67, 70, 91, 181, 193, 212, 213, 216, 235, 241, 254, 263, 465.

— т. 6 — || 183, 363.

— т. 7 — || 250.

— т. 8 — || 322, 333, 348, 362, 371, 379, 385, 396, 417, 421, 423, 425, 428, 443, 456, 477, 502, 503, 507.

— т. 34 — || 480.

— т. 46 — || 91, 295, 302, 426, 453.

— т. 47 — || 6, 7, 8, 10, 16, 17, 19, 32, 58, 59, 64, 67, 70, 71, 73, 77, 79, 80, 87, 90, 92, 99, 101, 108, 110, 111, 120, 121, 125, 129, 132,

134, 138, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 152, 154, 157, 159, 163, 165, 169, 171, 172, 173, 176, 181, 182, 184, 185, 188, 193, 195, 199, 214, 216, 218, 219, 220, 223, 225, 228, 235, 236, 237, 238, 243, 245, 250, 252, 258, 259, 263, 268, 269, 292, 416, 424, 468, 469, 470, 471, 512, 513, 514, 515, 516, 522.

— т. 48 — || 51, 284, 313, 326, 352, 381, 382, 384, 385, 386, 522.

— т. 51 — || 318.

— т. 59 — || 51, 54, 55, 57, 62, 64, 92, 95, 231, 292, 314, 426.

— т. 61 — || 81, 384, 427, 507, 522.

— т. 63 — || 419.

— т. 78 — || 507.

— т. 83 — || 420.

— «Практический человек» — 129, || 132.

— «Прогресс и определение образования» — || 385.

— «Проект общего плана устройства народных училищ» — 420, || 420.

— «Путевые заметки» — || 181.

— «Путь жизни» — || 416.

— «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым») — 121, 135, 146, 166, 381, || 88, 125, 136, 146, 147.

— «Рубка леса» — 86, || 55, 88, 172.

— «Севастополь в мае» — 269, || 91, 270.

— «Севастопольские рассказы» — || 27.

— «Семейное счастье» — 283 («Анна»), 284, 285, 286, 291, 292, 295, 296, 298, 308, || 5, 27, 33, 34, 35, 79, 134, 284, 285, 286, 291, 292, 299.

— «Сон» — 247, 248, 257, || 250, 258.

— «Три смерти» — 253, 254, 257, 265, 281, || 5, 33, 254, 255, 258, 266.

— «Утро помещика» — 86, 121, 135, 143, 166, 281, || 27, 87, 125, 136, 143, 147, 417.

— «Хаджи Мурат» — || 275.

— «Что такое искусство?» — || 419.

— «Юность» — 70, 75, 80, 86, 87, 89, 92, 93, 94, 124, 130, 135, 142, 147, 152, 281, || 5, 12, 27, 28, 29, 30, 31, 71, 77, 88, 93, 146, 166, 172, 361.

— «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — 420, || 421, 425, 477.

«Толстой. Материалы, статьи 1850—1860», Л. 1927 — || 73, 321.

«Толстой. Памятники творчества и жизни», Пгр. 1917 (ТШТ) — || 157, 159, 169, 172, 188, 216, 218, 235, 250, 285, 296, 297, 299, 415, 416, 418.

Толстой Матвей Федорович — || 152.

Толстой Николай Валерьянович — 372, 455, || 227, 373, 456.

Толстой гр. Николай Ильич (отец Толстого) — || 302.

Толстой гр. Николай Ильич — || 475.

Толстой гр. Николай Николаевич («Фирдус») — 55, 63, 70, 80, 85, 156, 157, 164, 178, 186, 187, 193, 198, 232, 250, 268, 270, 275, 276, 277, 283, 291, 319, 321, 324, 328, 333, 334, 335, 336, 338, 343, 344, 346, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 366, 372, 375, 412, 426, 438, 454, 508, || 55, 63, 71, 86, 157, 165, 171, 172, 194, 225, 243, 250, 271, 276, 284, 292, 304, 305, 319, 320, 323, 334, 335, 336, 344, 347, 351, 352, 353, 373, 375, 376, 391, 412, 426, 430, 455, 456, 474, 480, 512, 513, 514.

— «Охота на Кавказе» — 70, 156, 164, 354, || 71, 157, 165, 513.

Толстой гр. Николай Сергеевич — 234, 238, || 236, 238.

— «Заволжские очерки» — || 236.

— «Очерки Макарьевска» — || 238.

Толстой С. Л., «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» — || 472.

Толстой гр. Сергей Николаевич — 71, 97, 136, 143, 159, 160, 161, 173, 175, 178, 180, 186, 187, 191, 192, 194, 195, 198, 275, 276, 290, 292, 306, 307, 310, 321, 322, 325, 336, 338, 344, 347, 350, 351, 355, 356, 359, 363, 364, 365, 372, 373, 379, 387, 389, 414, 425, 427, 428, 446, 472, 480, 508, || 55, 63, 73, 80, 99, 147, 150, 176, 199, 225, 243, 271, 302, 304, 305, 323, 336, 341, 344, 347, 355, 356, 373, 377, 379, 414, 433, 477, 480, 501, 505, 512.

Толстой гр. Федор Иванович («американец») — || 176, 368.

Толстой гр. Федор Петрович — || 52, 91.

Толстой Феофил Матвеевич — 152, || 152.

Толстой гр. Януарий Иванович — || 352.

Томашевский Анатолий Константинович — 420, 506, || 506.

— «К[олпенск]ая школа» (2 статьи) — 420, || 421, 506.

Тонон (Швейцария) — || 188.

Тотлебен Эдуард Иванович — 184, || 184, 185.

Трамбле (Tremblai) — 99, || 101.

Траубе Людвиг — 346, || 347.

Трините (Швейцария) — || 195.

Троице-Сергиевская лавра (Сергиев посад) — 49, 50, 60, 288, 297, 300, || 51, 61.

Троицкий А. — 197, 199, || 469.

Трофим — 340, || 341.

Трубецкая Агафья Михайловна — 337, || 338.

Трубецкая кн. Анна Андреевна — || 176.

Трубецкая кн. Екатерина Николаевна — || 176.

Трубецкие — 174, 175.

Трубецкой Василий Иванович — || 480.

Трубецкой кн. Николай Иванович — || 176.

Трубецкой Сергей Петрович — || 298.

Трузсон Федор Иванович — 80, || 81.

Тула — 53, 60, 68, 69, 80, 87, 93, 122, 126, 138, 143, 150, 160, 161, 178, 186, 190, 192, 219, 220, 223, 276, 277, 286, 307, 317, 324, 331, 332, 337, 339, 341, 342, 347, 353, 356, 364, 367, 368, 373, 381, 414, 416, 417, 421, 425, 431, 432, 437, 459, 468, 470, 476, 477, 509, || 93, 114, 255, 256, 285, 345, 426, 456, 462, 468, 469, 470.

Тулон — 349, 351.

Тулский оружейный завод — 123.

Тун (Швейцария) — || 193.

Тургенев Александр Михайлович — || 107.

Тургенев Иван Сергеевич — 25, 59, 60, 63, 69, 104, 120, 129, 132, 133, 153, 158, 159, 160, 164, 166, 167, 168, 174, 175, 178, 180, 182, 187, 193, 217, 218, 232, 234, 238, 244, 248, 249, 252, 269, 271, 280, 289, 291, 309, 312, 317, 325, 366, 372, 374, 376, 388, 393, 408, 413, 423, || 5, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 25, 27, 29, 32, 38, 53, 59, 61, 64, 69, 71, 73, 77,

92, 94, 101, 106, 121, 148, 155, 163, 164, 165, 166, 171, 172, 173, 176, 179, 183, 184, 194, 218, 225, 236, 238, 245, 250, 251, 253, 255, 256, 271, 290, 291, 313, 318, 326, 375, 377, 385, 388, 391, 392, 393, 394, 395, 406, 407, 413, 416, 424, 430, 512, 514, 515, 516, 517.

— «Андрей Колосов» — 120.
— «Ася» — 244, 252, || 37, 245, 253.
— «Два приятеля» — 120.
— «Дворянское гнездо» — 325, || 326.

— «Жид» — 120.
— «Записки охотника» — || 171, 473.

— «Затишье» — 120.
— «Накануне» — 324, 325, || 326.
— «Отцы и дети» — 411, 423, || 37, 424.

— «Петушков» — 120.
— «Повести и рассказы», 3 ч., изд. П. В. Анненкова — 104, || 106.

— «Поездка в Полесье» («Второй день») — || 163, 165.

— «Призраки» — || 155.
— «Разговор на большой дороге» — 129.

Тургенева Ольга Александровна — 106, 116, 126, || 107, 421.

Тургенева Полина Ивановна — 174, 175, || 176, 392.

«Тургенев и круг «Современника», «Academia» — || 101, 166, 256.

«Тургенев и Толстой. Переписка», изд. Сабашниковых, М. 1928 — || 377.

Туриц — 193, || 195.

Турция — 211.

Тучкова-Огарева Наталья Александровна — 377, || 377.

Тюрингия — || 385.

Тютчев Федор Иванович — 265, 423, || 266, 424.

— «Весна» 265 (цит.), || 266.

Тютчева Екатерина Федоровна (К.) — 283, 389, || 284, 390.

Уральск — 427.

Успенский Д., «Архивные материалы для биографии Л. Н. Толстого» — || 397, 487, 491, 503, 520.

Фальконэ Мориз — «Петр I», памятник — 345.

Федор Филиппович — 455, || 456.

Федорова Василиса — 465, || 466.

Фейк — 264.

Фекан (Fécamps) — 231, 235, || 235, 236.

Фенси — 507.

Фере Юлий Егорович — 493, || 397, 494.

Фет Афанасий Афанасьевич («дядинька») — 217, 232, 237, 238, 248, 249, 252, 299, 302, 303, 308, 311, 312, 317, 319, 335, 337, 391, 415, || 6, 24, 25, 35, 36, 37, 218, 235, 237, 238, 253, 269, 277, 282, 302, 305, 307, 310, 313, 315, 318, 319, 323, 326, 334, 335, 344, 391, 392, 393, 394, 413, 454, 455, 519.

— «Еще майская ночь» — 217, || 218.

— «Мои воспоминания» — || 269, 271, 277, 302, 313, 315, 326, 334, 335, 344, 358, 388, 392, 394, 407, 413, 454.

— Предсмертное стихотворение Беранже, перевод Фета — 237, 238, 252, || 237, 238, 253.

Фет Марья Петровна — 249, 268, 271, 307, 319, 326, 333, 334, 335, 343, 344, 388, 454, || 251, 269, 305, 315, 319, 335.

Фетисов М. Г. — || 520.

Филемон — 221, || 223.

Филиппов Алексей — 396, 409, || 397.

Филиппов Третий Иванович — 74, || 76.

— «Не так живи, как хочется» — || 76.

Фиттельман Федор Васильевич — 333, || 333.

Фирвальдштетское озеро (Швейцария) — 216, || 216.

Фирдоуси (Абиль Касим Тусский) — 323, || 323.

Флоренция — 187, 190, 191, 507, || 375, 384.

Франкфурт-на-Майне — 345, 348, 377, 378, 383, || 197, 223, 352, 376, 377, 385.

Франция — 89, 161, 349, 351, 357, 369, 382, || 384.

Фрейбург (Швейцария) — || 193.

Фрейдиг — 411, || 412.

Френкель — || 348.

Фролов Яков Андреевич — 277, || 278.

Харьков — || 430.

Хитрово Елизавета Михайловна — || 313.

Хлюстина Анастасия Семёновна — 368, || 368.

Хлюстина Вера Ивановна — || 176.

Хлюстины — 174, 175.

Хомутово, Тульской губ. — 305, || 306.

Хомяковка, Тульской губ. — 481, 483, 484, || 481, 487, 520.

Хомяковы — 7.

Цветков Я. В. — || 517.

Цюрих — 217, || 217, 218.

Челышева гостиница (Москва) — 227, 228, || 228.

Челышевадом (Москва) — 386.

Черемшня, Тульской губ. — || 73, 304.

Чернов Егор — || 425.

Чернов Михаил Иванович — 483, || 487.

Черное море — 197, 198.

Чернышевский Николай Гаврилович — 19, 75, 93, || 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 27, 29, 30, 40, 76, 77, 93, 154, 416, 514.

— «Заметки о журналах. Май 1856. «Русская беседа» и ее направление» — 74, 75, || 30, 76.

— «Кавеньяк» — 252, || 253.

— «Очерки гоголевского периода русской литературы» — || 15, 16, 18, 19, 93.

— «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» — || 416.

— Рецензия (2) на «Детство и отрочество» и «Военные рассказы» — || 417.

— Рецензии (2) на сборник «Для легкого чтения» — || 417.

— Статья об «Утре помещика» — || 417.

— Статья о журнале «Ясная Поляна» — || 417.

— «Эстетические отношения искусства к действительности» — || 13.

Чернь, Тульской губ. — 301, 304, 462, || 301.

Чертков Александр Дмитриевич — 153, || 153.

Чертков Владимир Григорьевич — || 453.

— «От главного редактора» — || 453.

Чертков Григорий Александрович — || 155.

Чистякова М. М., «Л. Н. Толстой и Салтыков» — || 256.

Чичерин Борис Николаевич — 156, 274, 328, 336, 366, 415, || 6, 157, 259, 316, 317, 369, 376, 381, 385, 410, 411, 435, 504.

— «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов», М. 1929, — || 518.

— «Несколько современных вопросов», изд. Солдатенкова, М. 1862. — || 410.

— «Что нужно для русских университетов» — || 410.

«L'abolition du servage en Russie» («Отмена крепостной зависимости в России») — || 381.

Чуковский К., «Люди и книги шестидесятых годов» — || 87, 93.

Шамбава (Швейцария) — || 195.

Шамбери (Швейцария) — || 195.

Шамиль — || 303.

Шатод'Интерлакен — || 193.

Шафгаузен — 195, || 196.

«Шахматный листок» — || 282.

Швейцария — 170, 174, 175, 176, 177, 180, 181, 182, 191, 192, 193, 197, 198, 200, 206, 345, 354, 387, || 31, 181, 193, 195, 213, 219, 427.

Швейцаргоф, гостиница в Люцерне — 200, 205, 207, 209, || 212, 216.

Шевалье Ипполит — 315, || 316.

Шевырев Степан Петрович — 153, || 155.

Шейдек (Швейцария) — || 193.

Шеншин Афанасий Неофитович — 311, || 313.

Шенье Андре-Мари — 168, || 169.

Шереметев Сергей Алкссеевич — 444, || 442, 445.

Шиллер Фридрих — 104, || 106.

— «Тэкла» — 104 (цит.), || 106.

Шипулинский Павел Дмитриевич — 107, 135, || 108, 136.

Шипкина Мария Михайловна — 80, 340, 354, 355, 432, 455, || 81, 341, 355, 433, 456.

Шмигаро — 345, || 121, 346.

Шостаки Екатерина Никола-

на—222, 231, 311, 446, || 223, 231, 313, 447.

Штакеншнейдер М. Ф.— || 219.

Штетин — 336, 345, || 197, 347.

Штраус Иоганн («Страус») — 118, || 121.

Штутгартен — || 197.

Шумилин Алексей Иванович — 502, || 408, 421, 503.

— «Книги Ломинцевской волости» — || 421, 503.

Щелин Дмитрий Матвеевич — 485, 487, || 39, 227, 440, 489, 490, 491.

Щербачкий — 280.

Щербачева (тетка В. В. Арсеневой) — 78, 99, 102, 123, || 79, 101, 103, 125.

Щербачевка, Курской губ. — 62, 85, 186, 187, 354, 472, 480, || 86, 225, 480.

Эвапсон, река — || 195.

Эвионн (Швейцария) — || 195.

Эксле Бен (Aix les Bains) — 231, || 235.

Эрбель — || 313.

Эрленвейн Альфонс Александрович — 503, || 410, 504.

Эстремонская долина (Швейцария) — || 95.

Юнге Екатерина Федоровна — || 91.

— «Воспоминания» — || 52.

Юнге Эдуард Андреевич — || 91.

Юсупов кн. Николай Борисович — || 164, 165.

Юфан («юфанство») — 343, || 344.

Юшков Владимир Иванович — 49, 50, 426, 427, 433, || 51, 426, 427, 433.

Юшкова Пелагея Ильинична — 71, 227, 228, 367, 372, 379, 443, || 51, 61, 73, 85, 86, 228, 367, 373, 426, 443, 517, 520, 521.

Ягодное, Тульской губ. — || 475.

Языков М. — || 510.

Якимов Алексей Абрамович — 107, || 108.

Яковлев 2-й — || 468.

Ясенки, Тульской губ. — || 504.

Ясная Поляна — 53, 54, 60, 62, 63, 83, 92, 124, 142, 143, 147, 149, 150, 152, 160, 174, 175, 178, 186, 197, 198, 221, 224, 254, 277, 286, 296, 292, 301, 306, 308, 309, 317, 319, 322, 328, 332, 334, 335, 336, 337, 339, 342, 343, 347, 366, 372, 378, 379, 386, 389, 391, 395, 406, 407, 425, 428, 432, 435, 437, 438, 439, 443, 447, 455, 458, 463, 465, 466, 474, 475, 510, 511, || 24, 40, 41, 51, 54, 59, 61, 62, 63, 64, 67, 70, 71, 73, 74, 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 88, 91, 93, 94, 95, 111, 126, 221, 225, 227, 254, 255, 258, 259, 260, 264, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 276, 292, 293, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 305, 308, 310, 314, 317, 313, 319, 320, 321, 322, 324, 327, 328, 333, 334, 335, 336, 342, 344, 346, 348, 355, 379, 387, 388, 389, 390, 391, 395, 396, 397, 402, 403, 404, 406, 407, 409, 410, 412, 421, 422, 423, 430, 431, 433, 435, 442, 444, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 453, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 465, 466, 467, 474, 475, 480, 481, 482, 488, 489, 490, 491, 495, 497, 498, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 508, 509, 511, 512, 520.

«Ясная Поляна», журнал — 372, 378, 379, 390, 395, 407, 410, 414, 416, 418, 421, 422, 425, 426, 432, 433, 443, 446, 450, 455, 456, 477, 478, 479, 522, || 40, 252, 333, 336, 373, 379, 395, 396, 408, 411, 414, 415, 417, 420, 421, 423, 435, 443, 446, 451, 456, 479, 503, 504, 506, 507, 522.

Ясная Поляна, музей-усадьба — || 375.

Яшицкий Викентий — || 475.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ

Аксакову К. С.	1859 г. апреля 26?	*133.....292
Александрю П	1862 г. августа 22	249.....440
Анненкову П. В.	1857 г. февраля 26/мар- та 10	62.....163
»	1857 г. апреля 22/мая 4	*70.....184
Арсеньевой В. В.	1856 г. августа 17	*19..... 78
»	1856 г. августа 23	21..... 81
» и Вергани Ж.	1856 г. сентября 8	*22..... 83
»	1856 г. ноября 2	31..... 95
»	1856 г. ноября 8	32..... 99
»	1856 г. ноября 8	33.....102
»	1856 г. ноября 9	34.....104
»	1856 г. ноября 12—13	36.....108
»*и Вергани Ж.	1856 г. ноября 17	37.....111
»	1856 г. ноября 19	*38.....114
»	1856 г. ноября 23—24	39.....121
»	1856 г. ноября 27—28	40.....125
» и Вергани Ж.	1856 г. декабря 1	*41.....129
»	1856 г. декабря 7	*45.....138
»	1856 г. декабря 12	46.....141
»	1857 г. января 1	50.....145
»	1857 г. января 14	54.....151
»	1857 г. февраля 20/ марта 4	61.....161
»	1857 г. декабря 6	100.....142
Аргюховой А. П.	1861 г. июнь	214.....397
Берсу А. А.	1862 г. октября 19	*265.....457
Берсу А. Е.	1862 г. марта 17	*235.....419
Берс С. А.	1862 г. сентября 9	253.....445
»	1862 г. сентября 14	255.....446
Берс Т. А.	1862 г. сентября 25	257.....447
Берс Т. А. и Е. А.	1862 г. октября 1	*260.....450
Берс Т. А.	1862 г. октября 21	*266.....457
»	1862 г. октября 28	*268.....459
Блудову Д. Н.	1856 г. июня 9	14..... 64
Борисову И. П.	1859 г. августа 29	*143.....302
»	1859 г. сентября 11	*144.....302
»	1859 г. сентября 11?	*145.....303
»	1859 г. сентябрь	*149.....305
»	1859 г. октября 9?	*153.....309
»	1859 г. декабря 20	*159.....318
» и Фету А. А.	1860 г. февраля 15	*162.....322
»	1860 г. апреля 5	*168.....335

Боткину В. П.	1857 г. января 20...28	56.....152
»	1857 г. января 29	57.....156
»	1857 г. февраля 10/22	59.....158
»	1857 г. марта 24—25/ апреля 5—6	64.....167
» и Дружинину А. В.	1857 г. мая 1/13	73.....187
»	1857 г. июня 17/29	79.....195
»	1857 г. июня 26/июля 8	*81.....199
»	1857 г. июня 27/июля 9	82.....214
»	1857 г. июля 9/21	84.....217
» и Тургеневу И. С.	1857 г. октября 21/ ноября 1	94.....231
»	1858 г. января 4	102.....246
»	1859 г. апреля 5—8	129.....284
»	1859 г. мая 3	136.....296
»	1859 г. мая 11	138.....298
»	1862 г. января 26	230.....414
»	1862 г. февраля 7	232.....417
Воробьеву П. Е. и Толстому Н. Н.	1859 г. декабря 22	*160.....319
Воробьеву П. Е.	1861 г. мая 11?	*206.....387
»	1861 г. мая 16—18	*209.....391
»	1861 г. июль	*218.....402
»	1861 г. июль—август	*219.....403
»	1861 г. августа 5	*220.....404
»	1861 г. май—декабрь	*227.....412
»	1862 г. декабрь до 17	*305.....508
»	1862 г. декабря 21	*271.....462
Герцену А. И.	1861 г. марта 8/20	193.....370
»	1861 г. марта 14/26	195.....373
»	1861 г. апреля 9	197.....376
Григоровичу Д. В.	1856 г. мая 5	*9..... 59
Громеке С. С.	1859 г. марта 10?	*124.....280
Дарагану П. М.	1862 г. сентября 30	*259.....449
»	1862 г. декабря 24	*306.....509
Доцдуковой-Корсаковой А. Н.	1861 г. марта 28/апре- ля 9	*198.....377
Дружинину А. В.	1856 г. сентября 21	25..... 86
»	1856 г. октября 19	28..... 93
»	1856 г. декабрь — 1857г. января перв. пол.	55.....152
»	1858 г. мая 1	114.....267
»	1859 г. апреля 16	132.....290
»	1859 г. октября 9	152.....308
»	1859 г. декабря 20	158.....317
»	1860 г. апреля 14	170.....336
»	1860 г. апреля конец	*171.....338
»	1860 г. ноября 13/25?	186.....360
Дьякову Д. А.	1862 г. январь—февраль	*304.....507
Duprat (Дюпра)	1856 г. марта 16	*4..... 53
Ергольской Т. А.	1856 г. апреля 12?	*7..... 56
»	1856 г. мая 10	*10..... 60
»	1856 г. июнь — октябрь	*30..... 94
»	1856 г. декабря 5	43.....135
»	1856 г. декабря 21	*47.....142
» и Толстому С. Н.	1857 г. января 14	53.....149
»	1857 г. февраля 10/22	*60.....159
»	1857 г. марта 30/апре- ля 11	*66.....173
»	1857 г. апреля 6/18	*68.....177
»	1857 г. апреля 27/мая 9	*72.....185

Ергольской Т. А.

»	1857 г. мая 6/18	*75.....189
»	1857 г. мая 17/29	*76.....191
»	1857 г. июня 12/24	*78.....194
»	1857 г. июня 26/июля 8	80.....197
»	1857 г. октября 17	*92.....227
»	1858 г. июня 26	*118.....271
»	1858 г. декабря 15	*121.....275
»	1858 г. декабря 25	*122.....276
»	1859 г. января 21	*123.....279
»	1859 г. апреля 9	*130.....285
»	1859 г. сентября перв. пол.	*146.....304
»	1860 г. июля 1—2	*176.....345
»	1860 г. июля 24/авгус- та 5	*177.....346
»	1860 г. августа 28/сен- тября 9	*179.....349
»	1860 г. сентября 20/ октября 2	180.....352
»	1860 г. сентября 24 и 25/октября 6 и 7	182.....355
»	1860 г. ноября середина	*185.....359
»	1860 г. ноября 27/де- кабря 9	*188.....363
»	1860 г. ноября 29/де- кабря 11	*189.....364
»	1861 г. апреля 6/18	199.....378
»	1861 г. июнь	*215.....399
»	1862 г. января 18	*229.....413
»	1862 г. мая 19	*240.....425
»	1862 г. мая 24	242.....426
»	1862 г. мая 27	243.....427
»	1862 г. июня 28	244.....427
»	1862 г. августа 22	*250.....442
»	1862 г. сентября 5	*251.....443
Зелепому А. А.	1858 г. апреля 16	*111.....261
Иславину М. А.	1856 г. мая 29	*11.....61
Каткову М. Н.	1856 г. декабря 1	42.....132
»	1858 г. марта 18	107.....256
»	1861 г. июня 29	212.....395
»	1861 г. ноября 23—24?	226.....411
»	1862 г. апреля 11	238.....422
»	1862 г. октября 9	262.....453
»	1862 г. ноября 28	269.....460
»	1862 г. декабря 8	270.....461
Келеру Г. Ф.	1861 г. апреля 7/19	*201.....381
»	1861 г. апреля 4/16	*282.....476
Ковалевскому Евгр. П.	1860 г. августа 13/25	*178.....348
»	1861 г. марта 5/17	*192.....369
»	1861 г. апреля 20	283.....477
Ковалевскому Ег. П.	1856 г. октября 1	26.....88
»	1860 г. марта 12	165.....328
»	1862 г. октября 24	*267.....458
Колбасину Д. Я.	1857 г. марта 24/апре- ля 5	63.....165
»	1857 г. марта 30/апре- ля 11	*67.....167
»	1858 г. апреля конец — мая начало	*112.....263
Константинову К. И.	1856 г. октября 19	*275.....468

Константинову К. И.	1856 г. октября 19	*276.....470
»	1856 г. декабря 29	277.....470
Коршу Е. Ф.	1858 г. мая 12	116.....269
Костомарову Н. А.	1861 г. июня 30	213.....396
Краевскому А. А.	1856 г. декабря 31?	*48.....143
В Крапивенский уездный мировой съезд		
»	1861 г. августа 15	289.....489
Кушелеву-Безбородко Г. А.	1861 г. сентября 16	290.....490
Ланскому С. С. (Мин. вн. д.)	1859 г. марта 26	126.....281
Левшину А. М.	1856 г. апреля 25	8..... 57
Марнович М. А.	1856 г. мая 10	272.....463
Михаловскому В. И.	1862 г. мая 19	*241.....425
»	1861 г. июля 12	216.....399
Неизвестному	1861 г. июля 12	217.....401
Некрасову Н. А.	1861 г. март—апрель	*202 ...382
»	1856 г. февраля конец	3..... 52
» и Горбунову И. Ф.	1856 г. марта 29—30	6..... 56
»	1856 г. июня 12	15..... 68
»	1856 г. июня 29	16..... 70
»	1856 г. июля 2	18..... 74
»	1857 г. октября 11	90.....225
»	1857 г. ноября 11	95.....237
»	1857 г. ноября 25	96.....237
»	1857 г. ноября 27?	97.....239
»	1857 г. ноября 28	98.....241
»	1857 г. декабря 2	99.....241
»	1858 г. января 21	103.....252
»	1858 г. февраля 17	104.....254
»	1858 г. февраля 26	105.....255
»	1858 г. марта 15...17	106.....255
Островскому А. Н.	1856 г.	*49.....144
»	1857 г. января 5	52.....147
»	1857 г. января 29?	58.....158
Отпускная на волю	1856 г. июнь	*273.....465
» » »	1856 г. июня 30	*274.....466
» » »	1860 г. февраля 22	*281.....475
Панаеву И. И.	1856 г. октября 6	27..... 91
»	1856 г. октября 26	29..... 94
Плетневу П. А.	1862 г. мая 1	239.....423
Погодину М. П.	1862 г. октября 1	308.....522
Попову В. М.	1862 г. март	236.....420
Постановление Т. по делу о смене сельского старосты села Панина по жалобе Михаловского.		
Приставу 2 стана Крапивенского уезда	1861 г. июля конец — августа начало	288.....488
Проект устройства в Москве музыкального общества	1861 г. ноября 10	*296.....497
Рачинскому С. А.	1858 г. январь до 5	278.....471
Сытиной Е. И.	1862 г. августа 7	247.....433
Толстым А. А. и Е. А.	1860 г. июня середина	*173.....341
»	1857 г. апреля 21...23/ мая 3...5	71.....183
»	1857 г. мая 1/13	74.....188
Толстой А. А.	1857 г. июля 5/17	83.....216
»	1857 г. июля 16/28	*86.....219
»	1857 г. августа 18	88.....221
»	1857 г. октября 18—20	93.....228
»	1858 г. марта 24	108.....256
»	1858 г. апреля 14	110.....259

Толстой А. А.	1858 г. мая 1	113.....264
»	1858 г. августа 23?	120.....273
»	1859 г. марта 10	125.....280
»	1859 г. марта 20-е числа	127.....282
»	1859 г. апреля 5	128.....284
»	1859 г. апреля 15	131.....287
»	1859 г. апреля конец — мая 3	135.....293
»	1859 г. мая 11	137.....297
»	1859 г. мая 16	139.....299
»	1859 г. июня 12	141.....300
»	1859 г. октября 12	155.....311
»	1860 г. октября 17/29	183.....356
»	1860 г. ноября 25/де- кабря 6	187.....361
»	1861 г. апреля 17—20	203.....385
Толстым А. А. и Е. А.	1861 г. апреля 23	204.....386
Толстой А. А.	1861 г. мая 12—14	208.....389
»	1861 г. августа начало	221.....404
»	1862 г. февраля 10	233.....418
»	1862 г. февраля 22	234.....419
»	1862 г. июля 22—23?	245.....428
»	1862 г. августа 7	248.....435
»	1862 г. сентября 7	252.....444
»	1862 г. сентября 17—20?	256.....446
»	1862 г. сентября 28	258.....448
»	1862 г. октября 8	261.....451
Толстой А. И.	1856 г. февраля 7	*2..... 52
Толстой М. Н.	1856 г. июня 5	43..... 63
Толстым М. Н. и В. П.	1856 г. июня 30	17..... 71
Толстой М. Н.	1857 г. апреля 20/мая 2	69.....180
»	1857 г. июня 12/24	*77.....193
»	1859 г. октября 11	*154.....310
»	1859 г. июня 22	142.....301
»	1860 г. январь	161.....321
»	1861 г. мая 10—11?	*205.....387
Толстому Н. Н.	1858 г. август до 5	*279.....472
»	1859 г. апреля 27	*134.....292
»	1859 г. мая 17	*140.....299
»	1859 г. октября 1	*150.....306
Толстым Н. Н. и С. Н.	1860 г. июня 4	*172.....339
Толстому С. Н.	1856 г. марта 25	*5..... 54
»	1856 г. мая 29	*12..... 62
»	1856 г. августа 18	20..... 80
»	1856 г. сентября 10	23..... 84
»	1856 г. сентября 16	*24..... 85
»	1856 г. ноября 10	*35.....107
»	1856 г. декабря 5	*44.....136
»	1857 г. января 2	*51.....146
»	1857 г. июля 15/27	*85.....218
»	1857 г. июля 24/августа 5	*87.....220
» и Н. Н.	1857 г. сентября 12	*89.....224
»	1859 г. сентября 15—17	*147.....305
»	1860 г. сентября 24. и 25/октября 6 и 7	181.....353
»	1861 г. февраля 17/марта 1	*190.....366
»	1861 г. февраля 25/марта 9	*191.....367

Толстому С. Н.	1861 г. марта 12/24	*194.....371
»	1861 г. марта 17/29	*196.....375
»	1862 г. март—апрель	*237.....421
»	1862 г. августа 6	*246.....431
»	1862 г. октября 18	*264.....455
Трубецкому В. И. (доверенность)	1861 г. июля 2	*284.....480
Тульскому губернскому по крестьянским делам присутствию	1861 г. июля 25	*286.....482
»	1861 г. июль	287.....482
»	1861 г. октября 21	291.....491
»	1861 г. октября 21	*292.....492
»	1861 г. ноября 8	*295.....495
»	1861 г. ноября 12	297.....498
»	1861 г. ноября 14	298.....500
»	1861 г. ноября 29	299.....501
»	1861 г. декабря 12	300.....502
»	1861 г. декабря 30	301.....504
»	1862 г. февраля 12	302.....505
»	1862 г. февраля 21	303.....506
Тульскому губернатору	1861 г. октября 28	293.....493
»	1861 г. ноября 4	*294.....495
Тульскому губернатору, Тульскому губернскому присутствию, генерал-майору графу Ламбергу	1861 г. июля середина	285.....481
Тульской казенной палате	1862 г. декабрь	307.....511
Тульской посреднической комиссии	1858 г. сентября 10	*280.....474
Тургеневу И. С.	1857 г. марта 28/апреля 9	65.....169
»	1861 г. мая 27	210.....391
»	1861 г. октября 8	222.....406
Фегу А. А.	1858 г. мая 12	115.....268
»	1858 г. мая 16	117.....270
»	1859 г. сентября 27	148.....305
»	1859 г. октября нач.	151.....307
» и Борисову И. П.	1859 г. октября 24	156.....314
»	1860 г. февраля 23	163.....324
» и Борисову И. П.	1860 г. марта 23	*166.....333
»	1860 г. марта 27	167.....334
»	1860 г. июня 20?	174.....342
»	1860 г. июня 28	175.....344
»	1860 г. октября 17/29	184.....357
»	1861 г. мая 12	207.....388
»	1861 г. мая 28	211.....393
»	1862 г. января 10—11?	228.....413
»	1862 г. октября 9	263.....454
Фон-Боллю Н. Л.	1862 г. сентября 11	*254.....446
Харинскому сельскому старосте	1861 г. октября 30	224.....409
Чернышевскому Н. Г.	1862 г. февраля 6	231.....416
Чичерину Б. Н.	1858 г. апреля 13	109.....258
»	1858 г. августа 21 и 23	119.....272
»	1859 г. октября конец—ноября начало	157.....315
»	1860 г. марта 1	164.....327
»	1860 г. апреля 5	169.....335
»	1861 г. апреля 6/18	200.....380
»	1861 г. октября 28	223.....407
»	1861 г. ноября 16—20	225.....409
Щелину Д. М.	1857 г. октября перв. пол.	*91.....227
Юшковой П. И.	1856 г. февраля 2	*1.....49

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие к шестидесятому тому	5

П И С Ь М А

<p>*1 1856 г. февраля 2 *2 » » 7 3 » » конец *4 » марта 16 *5 » » 25 6 » » 20—30 *7 » апреля 12? 8 » » 25</p> <p> </p> <p>*9 » мая 5 *10 » » 10 *11 » » 29 *12 » » 29 13 » июня 5 14 » » 9 15 » » 12</p> <p> </p> <p>16 » » 29 17 » » 30 18 » июля 2 *19 » августа 17 20 » » 18 21 » августа 23 *22 » сентября 8</p> <p> </p> <p>23 » » 10 *24 » » 16 25 » » 21 26 » октября 1 27 » » 6 28 » » 19 29 » » 26 *30 » июнь — октябрь 31 » ноября 2 32 » » 8 33 » » 8 34 » » 9 *35 » » 10</p>	<p>П. И. Юшковой 49 гр. Анаст. Ив. Толстой 52 Н. А. Некрасову 52 Т. А. Ергольской 53 гр. С. Н. Толстому 54 Н. А. Некрасову 56 Т. А. Ергольской 56 С. С. Ланскому (министр внутр. дел) 57 Д. В. Григоровичу 59 Т. А. Ергольской 60 М. А. Иславину 61 гр. С. Н. Толстому 62 гр. М. Н. Толстой 63 Д. Н. Блудову 64 Н. А. Некрасову и И. Ф. Гор- бунову 68 Н. А. Некрасову 70 гр. М. Н. и В. П. Толстым 71 Н. А. Некрасову 74 В. В. Арсеньевой 78 гр. С. Н. Толстому 80 В. В. Арсеньевой 81 В. В. Арсеньевой и Ж. Вер- гани 83 гр. С. Н. Толстому 84 гр. С. Н. Толстому 85 А. В. Дружинину 86 Ег. П. Ковалевскому 88 И. И. Панаеву 91 А. В. Дружинину 93 И. И. Панаеву 94 Т. А. Ергольской 94 В. В. Арсеньевой 95 В. В. Арсеньевой 99 В. В. Арсеньевой 102 В. В. Арсеньевой 104 гр. С. Н. Толстому 107</p>
---	---

36	1856 г. ноября 12—13	В. В. Арсеньевой	108
37	» » 17	В. В. Арсеньевой и Ж. Вергани	111
*38	» » 19	В. В. Арсеньевой	114
39	» » 23—24	В. В. Арсеньевой	121
40	» » 27—28	В. В. Арсеньевой	125
*41	» декабря 1	В. В. Арсеньевой и Ж. Вергани	129
42	» » 1	М. Н. Каткову	132
*43	» » 5	Т. А. Ергольской	135
*44	» » 5	гр. С. Н. Толстому	136
*45	» » 7	В. В. Арсеньевой	138
46	» » 12	В. В. Арсеньевой	141
*47	» » 21	Т. А. Ергольской	142
*48	» » 31?	А. А. Краевскому	143
49	1856 г.	А. Н. Островскому	144
50	1857 г. января 1	В. В. Арсеньевой	145
*51	» » 2	гр. С. Н. Толстому	146
52	» » 5	А. Н. Островскому	147
53	» » 14	Т. А. Ергольской	149
54	» » 14	В. В. Арсеньевой	151
55	1856 г. декабрь — 1857 г. января перв. пол.	А. В. Дружинину	152
56	1857 г. января 20—28	В. П. Боткину	152
57	» » 29	В. П. Боткину	156
58	» » 29	А. Н. Островскому	158
59	» февраля 10/22	В. П. Боткину	158
*60	» » 10/22	Т. А. Ергольской	159
61	» февраля 20/марта 4	В. В. Арсеньевой	161
62	» февраля 26/марта 10	П. В. Анненкову	163
63	» марта 24/апреля 5	Д. Я. Колбасину	165
64	» марта 24—25/апреля 5—6	В. П. Боткину	167
65	» марта 28/апреля 9	И. С. Тургеневу	169
*66	» марта 30/апреля 11	Т. А. Ергольской	173
*67	» марта 30/апреля 11	Д. Я. Колбасину	176
*68	» апреля 6/18	Т. А. Ергольской	177
69	» апреля 20/мая 2	гр. М. Н. Толстой	180
*70	» » 22/ » 4	П. В. Анненкову	181
71	» апреля 21...23/мая 3...5	гр. А. А. и Е. А. Толстым	183
*72	» апреля 27/мая 9	Т. А. Ергольской	185
73	» мая 1/13	В. П. Боткину и А. В. Дружинину	187
74	» » 1/13	А. А. и Е. А. Толстым	188
*75	» » 6/18	Т. А. Ергольской	189
*76	» » 17/29	Т. А. Ергольской	191
*77	» июня 12/24	гр. М. Н. Толстой	193
*78	» » 12/24	Т. А. Ергольской	194
79	» » 17/29	В. П. Боткину	195
*80	» » 26/июля 8	Т. А. Ергольской	197
*81	» » 26/ » 8	В. П. Боткину	199
82	» » 27/ » 9	В. П. Боткину	214
83	» июля 5/17	гр. А. А. Толстой	216
84	» » 9/21	В. П. Боткину	217
*85	» » 15/27	гр. С. Н. Толстому	218
*86	» » 16/28	гр. А. А. Толстой	219
*87	» » 24/августа 5	гр. С. Н. Толстому	220
88	» августа 18	гр. А. А. Толстой	221
*89	» сентября 12	гр. С. Н. и Н. Н. Толстым	224

90	1857 г. октября 11	Н. А. Некрасову	225
*91	» » пере. пол.	Д. М. Щелину	227
*92	» » 17	Т. А. Ергольской	227
93	» » 18—20	гр. А. А. Толстой	228
94	» » 21/ноября 1	В. П. Боткину и И. С. Турге- неву	231
95	» ноября 11	Н. А. Некрасову	237
96	» » 25	Н. А. Некрасову	237
*97	» » 27?	Н. А. Некрасову	239
98	» » 28	Н. А. Некрасову	241
99	» декабря 2	Н. А. Некрасову	241
100	» » 6	В. В. Арсеньевой	242
101	» » 18	Н. А. Некрасову	243
102	1858 г. января 4	В. П. Боткину	246
103	» » 21	Н. А. Некрасову	252
104	» февраля 17	Н. А. Некрасову	254
105	» » 26	Н. А. Некрасову	255
106	» марта 15—17	Н. А. Некрасову	255
107	» » 18	М. Н. Каткову	256
108	» » 24	гр. А. А. Толстой	256
109	» апреля 13	Б. Н. Чичерину	258
110	» » 14	гр. А. А. Толстой	259
*111	» » 16	А. А. Зеленому	261
*112	» апреля конец — мая начало	Д. Я. Колбасину	263
113	» мая 1	гр. А. А. Толстой	264
114	» » 1	А. В. Дружинину	267
115	» » 12	А. А. Фету	268
116	» » 12	Е. Ф. Коршу	269
117	» » 16	А. А. Фету	270
*118	» июня 26	Т. А. Ергольской	271
119	» августа 21 и 23?	Б. Н. Чичерину	272
120	» » 23?	гр. А. А. Толстой	273
*121	» декабря 15	Т. А. Ергольской	275
*122	» » 25	Т. А. Ергольской	276
*123	1859 г. января 21	Т. А. Ергольской	279
*124	» марта 10	С. С. Громеке	280
125	» » 10	гр. А. А. Толстой	280
126	» » 26	Г. А. Кушелеву-Безбородко	281
127	» марта 20-е числа	гр. А. А. Толстой	282
128	» апреля 5	гр. А. А. Толстой	284
129	» » 5—8?	В. П. Боткину	284
*130	» » 9	Т. А. Ергольской	285
131	» » 15	гр. А. А. Толстой	287
132	» » 16	А. В. Дружинину	290
*133	» » 26?	К. С. Аксакову	292
*134	» » 27	гр. Н. Н. Толстому	292
135	» апреля конец — мая 3	гр. А. А. Толстой	293
136	» мая 3	В. П. Боткину	296
137	» » 11	гр. А. А. Толстой	297
138	» » 11	В. П. Боткину	298
139	» » 16	гр. А. А. Толстой	299
*140	» » 17	гр. Н. Н. Толстому	299
141	» июня 12	гр. А. А. Толстой	300
142	» » 22	гр. М. Н. Толстой	301
*143	» августа 29	И. П. Борису	302
*144	» сентября 11	И. П. Борису	302
*145	» » 11	И. П. Борису	303
*146	» » пере. пол.	Т. А. Ергольской	304
*147	» » 15—17	гр. Н. Н. и С. Н. Толстым	305

*148	1859 г.	сентября 27	А. А. Фету	305
*149	»	сентябрь	И. П. Борису	305
*150	»	октября 1	гр. Н. Н. Толстому	306
151	»	» начало	А. А. Фету	307
152	»	» 9	А. В. Дружинину	308
*153	»	» 9?	И. П. Борису	309
*154	»	» 11	гр. М. Н. Толстой	310
155	»	» 12	гр. А. А. Толстой	311
156	»	» 24	А. А. Фету и И. П. Борису	314
157	»	» конец	Б. Н. Чичерину	315
		ноября начало		
158	»	декабря 20	А. В. Дружинину	317
*159	»	» 20	И. П. Борису	318
*160	»	» 22	П. Е. Воробьеву и гр. Н. Н. Толстому	319
161	1860 г.	январь	гр. М. Н. Толстой	321
*162	»	февраля 15	И. П. Борису и А. А. Фету	322
163	»	» 23	А. А. Фету	324
164	»	марта 1	Б. Н. Чичерину	327
165	»	» 12	Ег. П. Ковалевскому	328
*166	»	» 23	А. А. Фету и И. П. Борису	333
167	»	» 27	А. А. Фету	334
*168	»	апреля 5	И. П. Борису	335
169	»	» 5	Б. Н. Чичерину	335
170	»	» 14	А. В. Дружинину	336
*171	»	» конец	А. В. Дружинину	338
*172	»	июня 4	гр. Н. Н. и С. Н. Толстым	339
*173	»	» середина	Е. И. Сытиной	341
174	»	» 20?	А. А. Фету	342
175	»	» 28	А. А. Фету	344
*176	»	июля 1—2	Т. А. Ергольской	345
*177	»	июля 24/августа 5	Т. А. Ергольской	346
*178	»	августа 13/25	Евгр. П. Ковалевскому	348
*179	»	августа 28/сентября 9	Т. А. Ергольской	349
180	»	сентября 20/октября 2	Т. А. Ергольской	352
181	»	сентября 24 и 25/ октября 6 и 7	гр. С. Н. Толстому	353
*182	»	сентября 24 и 25/ октября 6 и 7	Т. А. Ергольской	355
183	»	октября 17/29	гр. А. А. Толстой	356
184	»	» 17/29	А. А. Фету	357
*185	»	ноября середина	Т. А. Ергольской	359
186	»	» 13/25?	Д. А. Дьякову	360
187	»	» 25/декабря 6	гр. А. А. Толстой	361
*188	»	» 27/ » 9	Т. А. Ергольской	363
*189	»	» 29/ » 11	Т. А. Ергольской	364
*190	1861 г.	февраля 17/марта 1	гр. С. Н. Толстому	366
*191	»	февраля 25/марта 9	гр. С. Н. Толстому	367
*192	»	марта 5/17	Евгр. П. Ковалевскому	369
193	»	» 8/20	А. И. Герцену	370
*194	»	» 12/24	гр. С. Н. Толстому и Т. А. Ергольской	371
195	»	» 14/26	А. И. Герцену	373
*196	»	» 17/29	гр. С. Н. Толстому	375
197	»	апреля 9	А. И. Герцену	376
*198	»	марта 28/апреля 9	кн. А. Н. Дондуковой-Корсаковой	377
199	»	апреля 6/18	Т. А. Ергольской	378
200	»	» 6/18	Б. Н. Чичерину	380
*201	»	» 7/19	Г. Ф. Колеру	381

*202	1861 г.	март/апрель	Неизвестному	382
203	»	апреля 17—20	гр. А. А. Толстой	385
204	»	» 23	гр. А. А. и Е. А. Толстым	386
*205	»	мая 10—11?	гр. М. Н. Толстой	387
206	»	мая 11?	П. Е. Воробьеву	387
207	»	» 12	А. А. Фету	388
208	»	» 12—14	гр. А. А. Толстой	389
*209	»	» 16—18	П. Е. Воробьеву	391
210	»	мая 27	И. С. Тургеневу	391
211	»	» 28	А. А. Фету	393
212	»	июня 29	М. Н. Каткову	395
213	»	» 30	Н. А. Костомарову	396
214	»	июнь	А. П. Артюховой	397
*215	»	»	Т. А. Ергольской	399
216	»	июля 12	В. И. Михаловскому	399
217	»	» 12	В. И. Михаловскому	401
*218	»	июль	П. Е. Воробьеву	402
*219	»	июль — август до 5	П. Е. Воробьеву	403
*220	»	августа 5	П. Е. Воробьеву	404
221	»	августа начало	гр. А. А. Толстой	404
222	»	октября 8	И. С. Тургеневу	406
223	»	» 28	Б. Н. Чичерину	407
224	»	» 30	Харинскому сельск. старосте	409
225	»	» 16—20?	Б. Н. Чичерину	409
226	»	ноября 23—24?	М. Н. Каткову	411
*227	»	май — декабрь?	П. Е. Воробьеву	412
228	1862 г.	января 10—11?	А. А. Фету	413
*229	»	» 18	Т. А. Ергольской	413
230	»	» 26	В. П. Боткину	414
231	»	февраля 6	Н. Г. Чернышевскому	416
232	»	» 7	В. П. Боткину	417
233	»	» 10	гр. А. А. Толстой	418
234	»	» 22	гр. А. А. Толстой	419
*235	»	марта 17	А. Е. Берсу	419
*236	»	март	В. М. Попову	420
*237	»	март — апрель	гр. С. Н. Толстому	421
238	»	апреля 11	М. Н. Каткову	422
239	»	мая 1	П. А. Плетневу	423
*240	»	» 19	Т. А. Ергольской	425
*241	»	» 19	М. А. Маркович	425
242	»	» 24	Т. А. Ергольской	426
243	»	» 27	Т. А. Ергольской	427
244	»	июня 28	Т. А. Ергольской	427
245	»	июля 22—23?	гр. А. А. Толстой	428
*246	»	августа 6	гр. С. Н. Толстому	431
247	»	» 7	С. А. Рачинскому	433
248	»	» 7	гр. А. А. Толстой	435
249	»	» 22	Александрю II	440
*250	»	» 22	Т. А. Ергольской	442
*251	»	сентября 5	Т. А. Ергольской	443
252	»	» 7	гр. А. А. Толстой	444
253	»	» 9	С. А. Берс	445
254	»	» 11	Н. П. Фон-Боллю	446
255	»	» 14	С. А. Берс	446
256	»	» 17—20?	гр. А. А. Толстой	446
257	»	» 25	Т. А. Берс	447
258	»	» 28	гр. А. А. Толстой	448
*259	»	» 30	П. М. Дарагану	449
260	»	октября 1	Т. А. и Е. А. Берс	450
261	»	» 8	гр. А. А. Толстой	451

262	1862 г.	октябрь	9	М. Н. Каткову	453
263	»	»	9	А. А. Фету	454
*264	»	»	18	гр. С. Н. Толстому	455
*265	»	»	19	А. А. Берсу	457
*266	»	»	21	Т. А. Берс	457
*267	»	»	24	Ег. П. Ковалевскому	458
*268	»	»	28	Т. А. Берс	459
269	»	ноябрь	28	М. Н. Каткову	460
270	»	декабрь	8	М. Н. Каткову	461
*271	»	»	21	П. Е. Воробьеву	462

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

272	1856 г.	мая	10	Левшину А. И.	463
*273	»	июнь		Отпускная на волю	465
*274	»	»	30	Отпускная на волю	466
*275	»	октябрь	19	Командиру ракетного заведе- ния Константинову К. И.	468
*276	»	»	19	Командиру ракетного заведе- ния Константинову К. И.	470
277	»	декабрь	29	Начальнику С.-Петербург- ского ракетного заведения Константинову К. И.	470
*278	1858 г.	января	до 5	Проект устройства в Москве музыкального общества	471
*279	»	августа	до 5	гр. Н. Н. Толстому	472
*280	»	сентября	10	Отношение в Тульскую по- средническую комиссию	474
*281	1860 г.	февраля	22	Отпускная на волю	475
*282	1861 г.	апреля	4/16	Г. Ф. Келеру	476
283	»	»	20	Министру народного просве- щения Ковалевскому Евгр. П.	477
*284	»	июля	2	Доверенность В. И. Трубец- кому	480
285	»	»	середина	Тульскому губернатору, гу- бернскому присутствию, ге- нерал-майору графу Лам- берту	481
286	»	июля	25	В Тульское губернское по крестьянским делам присут- ствии	482
287	»	июль		В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	482
288	»	июль	конец — августа начало	Постановление по делу о смене сельского старосты села Панина по жалобе В. И. Михаловского	488
289	»	августа	15	В Крапивенский уездный ми- ровой съезд	489
290	»	сентября	16	В Крапивенский уездный ми- ровой съезд	490
291	»	октября	21	В Тульское губернское по кре- стьянским делам присут- ствии	491
292	»	»	21	В Тульское губернское по крестьянским делам присут- ствии	492
293	»	»	28	Тульскому губернатору	493

*294	1861 г. ноября 4	Тульскому губернатору	495
*295	» » 8	В Тульское губернское по крестьянским делам присут- ствии	495
296	» » 10	Приставу 2 стана Крапивен- ского уезда	497
297	» » 12	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	498
298	» » 14	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	500
299	» » 29	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	501
300	» декабря 12	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	502
301	» » 30	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	504
302	1862 г. февраля 12	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	505
303	» » 21	В Тульское губернское по крестьянским делам при- сутствии	506
*304	» январь — февраль	Duprat (Дюпра)	507
*305	» » 17	Доверенность Воробьеву П.Е.	508
*306	» декабря 24	Военному губернатору г. Тулы и тульскому гражданскому губернатору Дарагану П.М.	509
307	» декабрь	В Тульскую казенную палату	511
Список писем, не имеющих в распоряжении редакции			512

Дополнения

308	1862 г. октября 1	М. П. Погдину	522
Указатель собственных имен			524
Алфавитный указатель адресатов			546

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия с группы редакции журнала «Современник» — между 4 и 5 стр.	
Автотипия с письма Толстого к В. В. Арсеньевой от 8 сентября 1856 г. — между 84 и 85 стр.	

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

Редактор Н. С. Родионов
Техническая редакция Л. М. Сутинской
Корректор А. Н. Кашин

Подписано к печати 23/III 1949 г. А-00644.
Тираж 10000. Печатных листов 35. Учетно-
авт. листов 32,5. Формат бумаги 68×100¹/₁₆.
Зак. № 456/1706.

2-я типография «Печатный Двор» им.
А. М. Горького Главполиграфиздата при
Совете Министров СССР. Ленинград,
Гатчинская, 26.